

ГЕНЕРАЛЬ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ ПАСКЕВИЧЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

ПО НЕИЗДАННЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ СОСТАВИЛЪ

Генеральнаго Штаба Генераль-Лейтенантъ

КНЯЗЬ ЩЕРБАТОВЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ
СЪ СКАРТАМИ И ПЛАНАМИ.

Августъ 1826—Октябрь 1827 гг.

Складъ у В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.

С.-Петербургъ, Колокольная, собственный домъ, № 14.
1890.

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛДМАРШАЛЪ
КНЯЗЪ ПАСКЕВИЧЪ.

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ
КНЯЗЬ ПАСКЕВИЧЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

ПО НЕИЗДАННЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ СОСТАВИЛЪ

Генеральнаго Штаба Генераль-Лейтенантъ

КНЯЗЬ ЩЕРБАТОВЪ.

ТОМЪ ВТОРОЙ
СЪ СКАРТАМИ И ПЛАНАМИ.

Августъ 1826—Октябрь 1827 гг.

Складъ у В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.

С.-Петербургъ, Колокольная, собственный домъ, № 14.
1890.

Тянографія Р. Голике Троицкая улица, д. № 18.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Несогласія Ермолова съ высшимъ цѣзвительствомъ. — Фетъ-Али-шахъ и Каджары. — Гюлистанскій договоръ. — Аббасъ-мирза и другіе сыновья шаха. — Интриги англичанъ. — Домогательства персіянъ. — Вопросъ о наслѣдникѣ персидскаго престола. — Взглядъ Ермолова на Персію и его персидская политика. — Несогласія съ гр. Нессельроде. — Приготовленія Аббаса-мирзы къ борьбѣ съ Россіей. — Административная дѣятельность Ермолова. — Его помощники. — Сторонники Персіи въ Грузіи. — Отношенія Ермолова съ Аракчевымъ. — Отзывъ о Ермоловѣ Великаго Князя Константина Павловича. — Недовѣріе къ нему Императора Николая Павловича. — «Джахать». — Посольство и переговоры Меньшикова. — Вторженіе персидскихъ войскъ и первые ихъ успѣхи. — Гибель отряда подполковника Назимъ-п. — Надежды Дадіановъ и бѣглыхъ царевичей Имеретіи и Грузіи. — Письмо Государя къ Ермолову отъ 11 августа 1826 г. — Посылка на Кавказъ ген.-адъют. Паскевича. — Неестественность новаго служебнаго положенія Паскевича. — Опасенія подчиненныхъ Ермолову начальниковъ . . .	1—48.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Занятіе персидскими войсками Карабага и возмущеніе ханствъ. — Формированіе Ермоловымъ двухъ отрядовъ: противъ Елизаветполя и Эривани. — Движеніе елизаветпольскаго отряда подъ командою кн. Мадатова. — Дѣло при Шамхорѣ. — Занятіе Елизаветполя кн. Мадатовымъ. — Пріѣздъ въ Тифлисъ Паскевича. —

Первый разговоръ съ Ермоловымъ.—Планъ освобожденія Шуши.—Недоразумѣнія и письмо Сухтелена.—Приказъ о назначеніи Паскевича командиромъ карабагскаго отряда.—Инструкція и распоряженія Ермолова.—Выѣздъ Паскевича изъ Тифлиса.—Первыя впечатлѣнія.—Рапортъ кн. Мадатова.—Извѣстіе о движеніи арміи Аббаса-мирзы.—Форсированный маршъ и прибытіе Паскевича въ Елизаветполе.—Необученность войскъ; ихъ подготовка къ бою.—Сраженіе подъ Елизаветполемъ.—Мадатовъ и Вельямповъ 2-й.—Бѣгство Аббаса-мирзы.—Трофеи.—Донесенія Ермолова и Паскевича.—Письмо Государя.—Пожалованіе Паскевичу украшенной алмазами шпаги. 49—83.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Движеніе сардаря Эриванскаго.—Отрядъ Д. В. Давыдова.—Предположенія Муравьева.—Экспедиція Ермолова.—Заботы о продовольствіи.—Общее положеніе дѣлъ послѣ Елизаветпольскаго сраженія.—Движеніе полковника Мищенко.—Желаніе Паскевича идти на Араксъ; сопротивленіе Ермолова.—Затрудненія въ продовольствіи Карабагскаго отряда.—Мадатовъ и армяне Каргановъ и Александровъ.—Реутъ и оборона Шуши.—Переписка Ермолова съ главнымъ штабомъ относительно продовольствія.—Движеніе Паскевича за Араксъ; цѣль этой экспедиціи.—Переписка съ графомъ Сухтеленомъ.—Прибытіе въ лагерь Паскевича его штаба.—Выступленіе Паскевича за Араксъ.—Усиленная рекогносцировка.—Обратная переправа у Асландуза.—Результаты усиленной рекогносцировки.—Ошибочный на нее взглядъ въ Петербургѣ 84—130

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Возвращеніе въ лагерь у р. Черекени.—Стоянка у Сардоба на Курѣ.—Распущеніе войскъ на зимнія квартиры.—Карабагскій отрядъ кн. Мадатова.—Инспекторскій смотръ.—Переписка съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ.—Отзывъ Муравьева (Карскаго).—Записка о кампаніи 1826 г.—Попытка Ермолова къ примиренію съ Паскевичемъ.—Возрастающее довѣріе Паскевича къ Ермолову.—Экспедиція

Мадатова въ Муганскую степь и къ Агару.—Болѣзнь.—
Пререканія съ Ермоловымъ.—Просьба Паскевича объ
отозваніи.—Письмо Сухтелена.—Отвѣтъ Дибича.—Планы
кампаніи: главнаго штаба, Ермолова и Паскевича.—Письмо
Государя 131—169.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Путешествіе на Кавказъ Дибича.—
Пріѣздъ въ Тифлисъ.—Первый разговоръ Дибича съ Ермо-
ловымъ и Паскевичемъ.—Мнѣніе о Ермоловѣ А. Х. Бен-
кендорфа и отзывъ о немъ К. Х. Бенкендорфа и флигель-
адъютантовъ Долгорукова и Фредерикса.—Двѣ партіи и
общественное мнѣніе.—Попытки персіянъ къ заключенію
мира.—Довнанія и допросы Дибича.—Рѣшимость Паске-
вича возвратиться въ Россію.—Планы Дибича —Гр. Тол-
стой, Адлербергъ, Чернышевъ.—Состояніе кавказскихъ
войскъ и ихъ продовольствіе.—Совокупный Дибича съ
Ермоловымъ планъ кампаніи.—Соглашеніе Дибича съ
Ермоловымъ.—Письмо послѣдняго къ Государю.—Намѣ-
реніе устранить Паскевича.—Замыслы Дибича.—Заго-
товки.—Корпусный штабъ.—Записка Паскевича.—Измѣ-
неніе въ одеждѣ кавказскихъ войскъ по почину Дибича.—
Декабристы.—Объясненіе съ Ермоловымъ относительно его
образа мыслей.—Назначеніе Муравьева (Карскаго) помощ-
никомъ начальника корпуснаго штаба.—Хозяйственная
неурядица.—Опасенія армянъ.—Издвстія о неприятелѣ.—
Неудача персіянъ.—Проектъ учрежденія независимыхъ
ханствъ.—Инструкція Ермолова Бенкендорфу.—Рѣшител-
ное письмо Государя. 170—226.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Смѣна Ермолова.—Генераль-
адъютантъ Сипягинъ.—Открытіе военныхъ дѣйствій кам-
паніи 1827 года.—Движеніе отряда Бенкендорфа.—Затруд-
ненія?—Мѣры къ обезпеченію продовольствіемъ отряда
лѣваго фланга.—Смѣна Мадатова Панкратьевымъ.—Заня-
тіе Бенкендорфомъ Эчміадзина.—Поиски за продоволь-
ствіемъ.—Стычка подъ Сардаръ-Абадомъ и пораженіе Кур-
тинцевъ.—Отношенія Паскевича съ Дибичемъ.—Диплома-
тическіе чиновники.—Смотры и отъѣздъ Дибича.—Обиція

распоряженія по продовольствію войскъ. — Выступленіе главныхъ силъ вмѣстѣ съ Паскевичемъ. — Движеніе Бенкендорфа подъ Эривань. — Переходъ р. З.нги. — Занятіе Иракліевой горы. — Вылазки непріятеля. — Обложеніе крѣпости. — Тактика персіянь. — Кавалерійское дѣло на р. Заггѣ. — Вѣздъ Паскевича въ Эчміадзинъ. — Рекогносцировка Эривани. — Инструкція генералу Красовскому. — Движеніе главныхъ силъ къ Нахичевани. — Сильная заболеваемость стѣ жаровъ. — Крѣпость Аббасъ-Абадъ. — Рекогносцировка крѣпости. — Осадныя работы. — Бомбардировка. — Переправа чрезъ Араксъ. — Джеванъ-Булахское дѣло. — Вылазка. — Сдача Аббасъ-Абала 227—287.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Настроеніе и планы шаха послѣ Джеванъ-Булахской битвы. — Численность персидскихъ войскъ въ Хоѣ и у Чорса. — Возвращеніе армянъ и кочевыхъ племенъ изъ-за Аракса. — Надежды персіянь на Эривань. — Военныя преимущества персіянь. — Инструкція графа Нессельроде. — Затруднительное положеніе русскихъ войскъ подъ Аббасъ-Абадомъ; болѣзни людей; падежъ скота. — Крѣпостныя работы въ Аббасъ-Абадѣ; гарнизонъ; управление Нахичеванскою областью. — Баронъ Сакенъ. — Оживленіе края. — Перенесеніе лагеря въ горы у Карабабы. — Прибытіе графа Сухтелена. — Переговоры съ персидскимъ правительствомъ черезъ посредство мирзы Сале. — Рѣшительный отвѣтъ Паскевича. — Урдабадъ. — Стычка въ ущельи при деревнѣ Вананда. — Мнѣніе Паскевича объ охранѣ границъ. — Появленіе Аббаса-мирзы у Эчміадзина. — Смущеніе Красовскаго. — Бой 1-го августа подъ Ушаганомъ. — Затруднительное положеніе Красовскаго. — Паскевичъ отлагаетъ походъ въ Тавризь и идетъ на выручку Красовскаго. — Поспѣшное отступленіе Аббаса-мирзы. — Его письмо къ Паскевичу и отвѣтъ послѣдняго. — Вступленіе Паскевича въ Эчміадзинъ. — Кулли. — Состояніе крѣпости Сардаръ-Абада. — Осада. — Отказъ Паскевича штурмовать крѣпость. — Бѣгство ея гарнизона. — Занятіе крѣпости. — Продовольственные запасы и военная добыча. — Выступленіе къ Эривани. — Замыслы сардаря Эриванскаго. — Газзанъ-

СТР.

ханъ.—Осадныя работы подъ Эриванью.—Содѣйствіе турецкихъ пашей персіянамъ.—Обсерваціонныя отряды князей Вадбольскаго и Эрстова.—Бомбардировка Эривани.—Паденіе Эривани. 288—331.

ПРИЛОЖЕНІЯ въ главѣ первой	1— 45.
» » » второй	46— 69.
» » » третьей	70—107.
» » » четвертой	108—152.
» » » пятой	153—214.
» » » шестой	215—249.
» » » седьмой	250—263.
УКАЗАТЕЛЬ собственныхъ именъ	265—278.
ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.	

ГЛАВА I.

Несоласія Ермолова съ высшимъ правительствомъ.—Фетъ-Али-шахъ и Каджары.—Гюлистанскій договоръ.—Аббасъ-мирза и другіе сыновья шаха.—Интриги англичанъ.—Домогательства персіянъ.—Вопросъ о наследникъ персидскаго престола.—Взлядъ Ермолова на Персію и ея персидская политика.—Несоласія съ гр. Нессельроде.—Приготовленія Аббаса-мирзы къ борьбѣ съ Россіей.—Административная дѣятельность Ермолова.—Его помощники.—Сторонники Персіи въ Грузіи.—Отношенія Ермолова съ Аракчеевымъ.—Отзывъ о Ермоловѣ Великоаго Князя Константина Павловича.—Недовѣріе къ нему ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.—«Джахатъ».—Посольство и переговоры Меншикова.—Вторженіе персидскихъ войскъ и первые ихъ успѣхи.—Гибель отряда подполковника Назимки.—Надежды Дадіановъ и бывшихъ царевичей Имеретіи и Грузіи.—Письмо ГОСУДАРЯ къ Ермолову отъ 11 августа 1826 г.—Посылка на Кавказъ ген.-адъют. Паскевича.—Неестественность новаго служебнаго положенія Паскевича.—Опасенія подчиненныхъ Ермолову начальниковъ.

Въ какой степени въ Москвѣ баронъ Дибичъ, въ августѣ 1826 года, былъ правъ, утверждая генералу Паскевичу, что Императоръ Александръ I-й, недовольный генераломъ Ермоловымъ, намѣревался замѣнить его на Кавказѣ Рудзевичемъ *),—въ настоящее время едва

*) См. томъ I-й, стр. 393.

ли возможно провѣрить. Но если неудовольствіе это дѣйствительно существовало, то, вѣроятно, причины его главнымъ образомъ заключались въ персидскихъ дѣлахъ, разразившихся въ первый же годъ царствованія Императора Николая I-го вторженіемъ наслѣдника шахскаго престола Аббаса-мирзы въ предѣлы русской имперіи. Мнѣнія Ермолова о положеніи нашихъ дѣлъ въ Персіи, со времени назначенія его на Кавказъ *), постоянно противорѣчили не только мнѣніямъ министра иностранныхъ дѣлъ графа Нессельроде, но и самого Императора Александра I-го.

Въ Петербургѣ полагали, что страхъ русскаго оружія, вынудившій персидское правительство въ октябрѣ 1813 года подписать невыгодный для него Гюлистанскій договоръ **), надолго обезпечиваетъ Россію отъ воинственныхъ предпріятій Персіи. Впечатлѣніе геройскихъ подвиговъ генерала Котляревскаго и побѣды при Асландузѣ и Ленкоранѣ внушили въ Россіи общее мнѣніе, такъ мѣтко выраженное Императоромъ Николаемъ I, отозвавшимся о персіянахъ: «непріятель доселѣ ими (русскими войсками) всегда презрѣнный» ***).

Ермоловъ не вѣрилъ миролюбію Персіи и не презиралъ ея вооруженныхъ силъ, тѣмъ болѣе, что, наученная опытомъ прошедшихъ войнъ, Персія, еще не подписавъ

*) Съ 1816-го года.

**) См. прилож. № 1 къ настоящей главѣ.

***) Письмо Императора Николая Павловича къ генералу Ермолову изъ Москвы отъ 11-го августа 1826 года. Военно-ученый арх., отд. II, секретное дѣло № 5850(а), л. 43.

Гюлистанскаго трактата, стала формировать регулярныя войска.

Постоянныя противорѣчія Ермолова съ Петербургомъ породили предположеніе, что личное его честолюбіе, вопреки миролюбію какъ русскаго, такъ и персидскаго правительства, стремится вызвать войну съ Персіею. Насколько можно судить по официальной перепискѣ того времени, это оскорбительное для Ермолова предположеніе не было совершенно чуждо ни Государю Александру Павловичу, ни въ особенности министру иностранныхъ дѣлъ графу Нессельроде.

Отзывы о стремленіяхъ Ермолова вызвать войну съ Персіею слышались и въ русскомъ обществѣ того времени. Но несомнѣнно только то, что династическія и личныя условія царствующихъ въ Персіи Каджаровъ легко могли вовлечь ихъ въ новую борьбу съ Россіею.

Каджары, о которыхъ Ермоловъ писалъ, что время «не истребило еще въ персіанахъ того унижительнаго «мнѣнія, которое всегда имѣли о семъ племени, коего «имя служило поношеніемъ», только въ концѣ прошлаго столѣтія (въ началѣ 1790-хъ годовъ) завладѣли престоломъ шаховъ.

Выходцы изъ Азіатской Турціи, чуждые Персіи, Каджары, въ царствованіе шаха Аббаса I-го, въ началѣ 1700-хъ годовъ, поселились въ Мазандеранѣ и на берегахъ Персидскаго залива. Мазандеранскіе Каджары вскорѣ усилились до того, что уже въ 1723 году глава ихъ племени назначенъ былъ губернаторомъ Мазандеранской области. Это былъ дѣдъ царствовавшего

въ 1826 году шаха Фетъ-Али-хана, носившій также имя Фетъ или Фатъ-Али *). Дѣятельность его ознаменовалась, главнымъ образомъ, измѣной правительству, за что онъ и былъ казненъ. Сынъ его Магометъ-ханъ также погибъ въ крамольной борьбѣ, а остальные шесть его сыновей были взяты заложниками въ Испагань. Изъ нихъ Ага-Магометъ сдѣлался основателемъ царственной династїи Каджаровъ. Не дѣянїя славы, не подвиги, а коварная жестокость и ловко обдуманная измѣна положили ему путь къ власти. Весьма снисходительный къ Каджарамъ англійскій историкъ Персїи, сэръ Джонъ Малькольмъ, желая оправдать Агу-Магомета въ борьбѣ его съ послѣдними представителями династїи Зундовъ, шахомъ Джафаромъ-ханомъ и сыномъ его Лутфъ-Али-ханомъ, говоритъ, что: «не слѣдуетъ всегда признавать «за преступленіе возмущающія насъ, по праву совершаемыя, дѣянїя» **). Какое «право» признавалось за Али-Магометомъ, Малькольмъ объяснить, конечно, не сумѣлъ, но его «дѣянїя», то-есть поголовная рѣзня многолюдныхъ городовъ, какъ напримѣръ города Кермана, послѣдняго оплота шаха Лутфъ-Али, уничтоженіе нѣкоторыхъ племенъ Персїи и необычайное варварское отношеніе ко всѣмъ приверженцамъ послѣдней династїи—

*) a) Histoire de la Perse par sir John Malcolm, chapitre XXI, pages 377—378.

b) La Perse par Am. Jourdain, tome III, chapitre 1-er, pages 52—57. Paris 1814.

**) «Il ne faut pas toujours prendre pour un crime une justice dont la forme «nous révolte» (Histoire de la Perse par sir John Malcolm. Tome III, chap. XXI, page 391).

доставили Али-Магомету престоль Ирана въ 1795 году. Два года спустя, въ 1797 году, онъ былъ убитъ двумя рабами изъ его личной прислуги *). Благодаря преданности и отвагѣ перваго министра Хаджи-Ибрагима и несмотря на противодѣйствіе нѣкоторыхъ племенъ и хановъ, племяннику и наслѣднику его Фетъ-Али-хану удалось вступить на престоль Персіи.

Лично Фетъ-Али-ханъ ознаменовалъ себя неудачнымъ походомъ въ Хорасанъ и убійствомъ именно того Хаджи-Ибрагима, который и посадилъ его на престоль Персіи. Но безъ славы и любви народной, одно насиліе и злодѣйство не въ состояніи были упрочить новую династію. Ага-Магометъ успѣлъ вселить только страхъ къ своей власти. Племена Персіи **), искони враждебныя Каджарамъ, подъ его желѣзною рукою покорились, но при малѣйшей возможности старые счеты легко могли возобновиться, и чѣмъ сильнѣе проявлялось раболѣпство, тѣмъ беспощаднѣе высказалась бы ненависть. Фетъ-Али-ханъ это сознавалъ, и, чтобы сколько-нибудь обезпечить себя, во главѣ управленій всѣхъ областей Персіи поставилъ Каджаровъ, своихъ родичей и преимущественно своихъ сыновей ***).

Война съ Россіею еще болѣе пошатнула положеніе Каджарской династіи. Именно во время этой войны, въ

*) Histoire de la Perse. S. J. Malcolm, tome III, page 430.

***) Изъ 439.600 семействъ, въ 1826 году составлявшихъ населеніе Персіи, только 6.000 принадлежали къ племени Каджаровъ.

*** У шаха Фетъ-Али-хана было, въ 1826 г., 68 сыновей (Донесеніе князя Меншикова отъ 28 сентября 1826 года. Азіатск. архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ).

концѣ прошлаго и въ началѣ XIX столѣтія, правители пограничныхъ къ намъ ханствъ приняли подданство Россіи; одно только ханство Ганджинское покорилося намъ силою оружія. Всѣ эти ханства были заняты русскими войсками и народъ, не зная вполнѣ всѣхъ подробностей пограничныхъ дѣлъ, обвинялъ Каджаровъ въ томъ, что они допустили невѣрныхъ занять мусульманскія земли. Гюлистанскій договоръ, по которому шахъ признавалъ владычество Россіи надъ пограничными ханствами, еще болѣе возбудилъ народное негодованіе. Къ тому же, въ Персіи, при всеобщемъ невѣжествѣ, понятіе о могуществѣ русской Имперіи было крайне смутно и, обезсиленный междоусобіями и варварствомъ, Иранъ только одной неспособности Каджаровъ приписывалъ свое униженіе.

Фетъ-Али-ханъ, благодаря страху, внушенному недавними кровавыми злодѣяніями его дяди Али-Магомета, и принятой имъ системѣ управленія, могъ еще надѣяться спокойно умереть на престолѣ. Но положеніе наслѣдника его Аббаса-мирзы ничѣмъ не было обезпечено. Онъ, какъ главнокомандующій арміею, несъ отвѣтственность за цѣлый рядъ пораженій, вынудившихъ персидское правительство подписать Гюлистанскій договоръ. Его армію уничтожилъ Котляревскій, слѣдовательно его дѣйствія, по мнѣнію народа, предоставили въ руки невѣрныхъ мусульманское населеніе пограничныхъ ханствъ. Тяжелое положеніе Аббаса-мирзы еще болѣе усложнялось обстоятельствами его престолонаслѣдія.

Третій сынъ Фетъ-Али-хана, Аббасъ-мирза, рожденный отъ свободной кадjarской женщины, былъ назначенъ шахомъ наслѣдникомъ престола, по племенному обычаю Каджаровъ, такъ какъ старшіе его братья родились отъ невольницъ *). Племенной обычай Каджаровъ большинствомъ народонаселенія Персіи не признавался закономъ, а старшіе братья Аббаса-мирзы, сыновья невольницъ (Мамедъ-Али-мирза, правитель одной изъ южныхъ областей Персіи, и Мамедъ-Вали-мирза, правитель Кермана), вовсе не имѣли намѣренія подчиняться въ дѣлѣ престолонаслѣдія обычаю отдаленнаго времени, когда Каджары, вмѣсто престола, имѣли только главенство надъ незначительнымъ племенемъ. Пользуясь шаткостью положенія Аббаса-мирзы, почти каждый изъ сыновей шаха, управляя одною изъ областей Персіи и образовавъ себѣ толпу приверженцевъ, готовился захватить шахскій престолъ.

Аббасъ-мирза, всесильный по вліянію надъ отцомъ, былъ душою персидскаго правительства и, безотчетно управляя наиболѣе богатою областью Персіи, пограничною съ Россією, Адербейджаномъ, дѣятельно готовился къ предстоящей ему рѣшительной борьбѣ. Въ особенности его заботило желаніе выдѣлиться въ народномъ сознаніи изъ среды своихъ малоспособныхъ братьевъ и родичей. Не рассчитывая на Каджаровъ, онъ хотѣлъ пріобрѣсти уваженіе и признательность персіянъ, а при мусульманскомъ фанатизмѣ побѣды надъ невѣрными были

*) Histoire de la Perse par s. J. Malcolm, tome III.

наивѣрнѣйшимъ къ тому средствомъ. Оружіе Котляревскаго на первыхъ же порахъ разрушило его надежды, но въ то-же почти время ему открылись новыя средства для достиженія своихъ цѣлей. Приблизительно за годъ до заключенія Гюлистанскаго мира, Англія, обезпечивая свои индійскія владѣнія, заключила съ Персією въ Тегеранѣ, 14-го марта 1810 года, союзный трактатъ. Взамѣнъ принятой шахомъ на себя обязанности охранять Индію со стороны Персіи, Хорасана, Бухары и Самарканды, Англія обязывалась: во-первыхъ, во всѣхъ войнахъ Персіи съ «какою либо изъ европейскихъ державъ» *) выставлять вспомогательный корпусъ изъ индійскихъ своихъ войскъ, или ежегодно въ теченіе войны уплачивать Персіи 200.000 тумановъ; во-вторыхъ, при заключеніи Персією мирнаго договора съ европейскою державой, «употребить все свое вліяніе въ пользу Персіи» **) и, въ-третьихъ, отправить къ шаху своихъ офицеровъ для сформированія регулярныхъ въ Персіи войскъ.

Въ то время какъ союзная намъ Англія такъ заботливо ограждала Персію отъ «какой либо европейской

*) Выраженіе союзнаго трактата Англіи съ Персією: «Si quelque puissance Européenne» (акты, собранные кавказскою археографическою комиссією, томъ VI, часть II, стр. 854).

**) Sa Majesté Britanique s'engage à user de ses meilleurs offices pour amener la Perse et cette puissance Européenne à se reconcilier; si cependant l'entremise bienveillante de Sa Majesté manquait de succès, l'Angleterre fournirait toujours une armée de l'Inde ainsi qu'il est spécifié dans le dernier article, ou payerait un subside annuel de 200.000 tomans (Article 8). Акты, собранные археографическою комиссією, томъ VI, часть II.

державы», Россія, благодаря подвигамъ генерала Котляревскаго, съ ничтожными силами громила толпы вооруженныхъ персіянъ; въ данномъ случаѣ англійскія деньги были безсильны, а на индійскія войска, конечно, и Аббасъ-мирза не разсчитывалъ. Приходилось, слѣдовательно, подчиниться требованіямъ главнокомандующаго на Кавказѣ, генерала Ртищева, и подписать въ октябрѣ 1813-го года, въ урочищѣ Гюлистанѣ (въ Карабагѣ), мирный договоръ, въ силу котораго Персія уступала Россіи занятыя русскими войсками пограничныя ханства. Но соглашаясь на требованія Ртищева, Персія хлопотала удержать за собою и послѣ подписанія трактата возможность продолжать переговоры, разсчитывая, при помощи Англии, если не совершенно уничтожить, то значительно измѣнить невыгодныя для нея условія мира. Конечно не въ урочищѣ Гюлистанѣ Англія могла бы вліять на русское правительство. Для такой цѣли надлежало перенести переговоры въ Петербургъ. Генераль Ртищевъ *) нѣсколько поддакъ, какъ кажется, ухищреніямъ персидскаго уполномоченнаго и его помощниковъ—англичанъ, ибо къ условіямъ Гюлистанскаго трактата ихъ стараніями былъ еще прибавленъ сепаратный договоръ, обязывавшій Ртищева «употребить стараніе о просьбѣ Персіи», которую уполномоченный Персіи въ Петербургѣ отъ имени шаха имѣеть «пред-

*) Генераль Ртищевъ, въ качествѣ начальника отдѣльнаго кавказскаго корпуса, начальника края и уполномоченнаго, заключилъ съ Персією Гюлистанскій трактатъ въ октябрѣ 1813 года. Въ 1817 году онъ былъ замѣненъ на Кавказѣ генсраломъ Ермоловымъ.

ставить на волю великаго Императора» *). Вѣроятно, въ этихъ же видахъ и самъ Гюлистанскій трактатъ былъ составленъ не съ достаточною опредѣлительностью.

Персія, по трактату, признавала владычество Россіи надъ пограничными ханствами: Ширванскимъ, Шекинскимъ, Карабагскимъ, Ганджинскимъ и Талышинскимъ, но точная граница между Россіею и Персіею должна была быть опредѣлена на мѣстѣ особо назначенными комиссарами. Открывалось, слѣдовательно, слишкомъ широкое поле для переговоровъ, просьбъ и домогательствъ Персіи.

Въ теченіе трехъ лѣтъ о Гюлистанскомъ договорѣ не заводилось рѣчи, обмѣнъ ратификацій состоялся и Персія выжидала. Государь находился тогда съ русскими войсками за границей; Петербургу было не до Персіи. Въ это время, пользуясь помощью англичанъ, Аббасъ-мирза сталъ дѣятельно формировать регулярныя войска. Онъ надѣялся, что вскорѣ, если не всѣ, то значительная часть ханствъ, уступленныхъ въ Гюлистанѣ, будутъ, при содѣйствіи Англій, возвращены Персіи и такимъ образомъ положеніе Каджаровъ, а въ особенности его личное, значительно улучшится. Во всякомъ случаѣ, затянувъ окончательное рѣшеніе дѣла переговорами, Аббасъ-мирза надѣялся съ помощью англичанъ приготовиться къ борьбѣ съ братьями, если же настойчивые переговоры и домогательства его не удадутся, то и съ Рос-

*) Сепаратный договоръ былъ составленъ исключительно только для этой цѣли и не заключалъ въ себѣ иныхъ условій (см. прилож. № 1, а)

сією. Одна готовность къ борьбѣ съ братьями не достаточно обезпечивала его будущность: необходимо еще было возвращеніемъ Персіи отторгнутыхъ въ Гюлистанѣ мусульманскихъ ханствъ пріобрѣсти признательность народа и преданность мусульманскаго духовенства.

Въ концѣ 1815 года явился въ Петербургъ уполномоченный посоль шаха Мирза-Абдуль-Гассанъ-ханъ, а 20 января 1816 года онъ подалъ графу Нессельроде дипломатическую ноту, содержаніе которой впередъ легко было предвидѣть. «Такъ какъ», писалъ посоль Персіи, — «послѣдній мирный трактатъ (Гюлистанскій) «составленъ кратко и въ общихъ только чертахъ», то онъ, Абдуль-Гассанъ, надѣется, что «здѣсь, въ Петербургѣ, будетъ составленъ и заключенъ другой договоръ, «болѣе подробный и опредѣлительный и что Великій «Императоръ, въ великодушіи своемъ, возвратитъ шаху, «по его просьбѣ, ханства, уступленныя Россіи Гюлистанскимъ трактатомъ», при чемъ однако Персія, по увѣреніямъ ея уполномоченнаго, согласна будетъ уплатить военныя издержки Россіи. «Если же», прибавляетъ Мирза-Абдуль-Гассанъ, — «не найдется возможнымъ возвратитъ Персіи всѣ отторгнутыя отъ нея владѣнія, а «только часть ихъ, то и въ такомъ случаѣ Персія не «откажется уплатить военныя издержки Россіи» *).

Одновременно и англійскій посоль въ Петербургѣ, графъ Каткартъ не преминулъ поддержать ходатайство

*) «Il est à espérer que Sa Majesté Impériale aura la générosité de restituer les ausdites provinces» (нота персидскаго посла Абдуль-Гассанъ-хана къ ст.-секр. гр. Нессельроде отъ 20 января 1816 года, см. прилож. № 2).

Персіи. Графъ Нессельроде довольно рѣзко отклонилъ вмѣшательство Англіи. «Весьма трудно допустить», писалъ онъ 22 апрѣля 1816 года лорду Каткарту, — «вмѣшательство въ настоящемъ дѣлѣ иностранной державы именно на основаніи тѣхъ государственныхъ «принциповъ, коими британскій кабинетъ въ подобныхъ же обстоятельствахъ руководствуется». Но, отвѣчая персидскому послу, министръ иностранныхъ дѣлъ былъ нѣсколько уклончивъ. Установивъ, что за исключеніемъ ханства Ганджинскаго, покореннаго силою оружія, всѣ остальные добровольно поступили въ подданство Россіи, графъ Нессельроде увѣдомлялъ Абдуль-Гассанъ-хана, что генераль-лейтенанту Ермолову Высочайше поручено осмотрѣть границы Россіи съ Персіею и по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя отъ него получатся, Государь Императоръ «изволить дать отзывъ рѣшительный, сообразивъ оный съ пользами своей Имперіи и съ искреннимъ своимъ желаніемъ сдѣлать угодное Его Величеству шаху Персидскому» *).

Въ это время Ермоловъ былъ уже назначенъ главнокомандующимъ на Кавказѣ. Въ данной ему за подписью Государя инструкціи, ему предписывалось: «удостовериться, нельзя ли въ Талышинскомъ и Карабагскомъ ханствахъ найти средства къ удовлетворенію Персіи, «проведя черезъ нихъ новую черту границъ и стараясь «во взаимство того получить другія выгоды». Выгоды эти были Ермолову указаны, но Государь самъ призна-

*) Отзывъ персидскому послу отъ 22 марта 1816 года, см. прилож. № 3.

валъ, что Персія не рѣшится намъ ихъ предоставить. «Нѣтъ сомнѣнія, что всего полезнѣе было бы обмѣнять «пріобрѣтенную нами за Араксомъ землю на Эривань и «Нахичевань; но зная съ какимъ упорствомъ Персія «уклонялась отъ уступки сихъ владѣній, никакъ нельзя «надѣяться, чтобъ она нынѣ на то согласилась». Но затѣмъ Государь указывалъ Ермолу и болѣе достижимую цѣль, а именно: учрежденіе въ Энзели и Астрабадѣ торговыхъ конторъ, какъ еще предназначено было Императрицею Екатериною II-ю въ наставленіи, данномъ ею графу Зубову. «Сіе принесло бы важную пользу для «астраханской торговли нашей и Вы окажете истинную «услугу, если предупѣете привести сіе въ исполненіе »*).

Впослѣдствіи оказалось, что исполненіе такого желанія Государя зависѣло болѣе всего отъ могущественнаго въ Персіи Аббаса-мирзы, съ которымъ отношенія Ермолова, съ перваго же шага его въ Персію, приняли весьма непріязненный оттѣнокъ.

Гюлистанскимъ договоромъ Россія обязалась признать наслѣдникомъ престола того изъ сыновей Фетъ-Али, который будетъ имъ назначенъ. Въ силу этого договора, еще генералъ Ртищевъ въ сношеніяхъ съ Аббасомъ-мирзою титуловалъ его наслѣдникомъ престола. Государь Императоръ, въ инструкціи Ермолу отъ 29-го іюля 1816 года, писалъ: «я никакъ не отрекусь «признать его (Аббаса - мирзу) владѣтелемъ Персіи;

*) Подлинныя слова Высочайшаго рескрипта генералу Ермолу отъ 29-го іюля 1816 года. Акты, собранные кавказск. археогр. комиссіей, томъ VI, часть II, стр. 124.

«есть-ли же удостовѣритесь, что давая сей титуль шахскаго наслѣдника, мы не подвергаемся ручательству за его право на престоль, то нѣтъ никакой надобности «ему и нынѣ въ томъ отказывать» *). Повидимому Государь хотѣлъ въ данномъ случаѣ руководствоваться примѣромъ Англіи. Она, признавая и титулуя Аббасамирзу наслѣдникомъ престола, несмотря на домогательства Персіи, рѣшительно отказалась подписать ручательство за его правонаслѣдіе. Такъ или иначе, но Аббасъ-мирза, по тщеславію или въ видахъ большаго въ глазахъ народа значенія, домогался отъ представителей иностранныхъ державъ наименованія наслѣдникомъ престола. Тѣмъ не менѣе Ермоловъ писалъ изъ Тегерана: «Въ Тавризѣ употреблены были всѣ усилія «и всѣ убѣжденія, чтобы согласить меня признать Аббасъ-мирзу наслѣдникомъ, что хотя и предоставлено мнѣ «было данною инструкціею, но какъ взамѣнъ за сіе «снисхожденіе не могъ я никакихъ пріобрѣсти выгодъ, «ибо кромѣ шаха никто не могъ мнѣ оныя предоста- «вить, то я и не разсудилъ за благо признать его, тѣмъ «болѣе, что въ самомъ Аббасъ-мирзѣ не только не вижу «къ намъ добраго расположенія, но онъ никакъ скрыть «не могъ, что онъ съ негодованіемъ видитъ во власти «нашей тѣ области, которыхъ столько домогался шахъ, «дабы возвращеніемъ ихъ усилить Аббаса-мирзу противъ

*) Домогательство Аббаса-мирзы основывалось на IV параграфѣ Гюлистанскаго трактата, въ которомъ сказано: «à secourir sans hésiter tout descendant de son illustre voisin, appelé par droit de succession au trône de la Perse».

«старшаго брата, съ которымъ война за наслѣдство не-
«избѣжна» *).

Осмотрѣвъ наши границы, Ермоловъ не нащелъ воз-
можнымъ что-либо уступить Персіи. Наиболѣе осяза-
тельный результатъ посольства его въ Тегеранѣ заклю-
чался въ томъ, что шахъ Фетъ-Али-ханъ примирился
съ необходимостью отказаться отъ уступленныхъ по
Гюлистанскому договору ханствъ, но исполненіе усло-
вій мирнаго трактата предоставилъ наслѣднику своему
Аббасу-мирзѣ, на томъ основаніи, что ему, какъ прави-
телю порубежныхъ съ Россіей областей, надлежало при-
ступить къ опредѣленію границъ, къ выдачѣ русскихъ
плѣнныхъ и бѣглецовъ и, наконецъ, содѣйствовать
учрежденію русскихъ консульствъ въ пограничныхъ
мѣстностяхъ Персіи.

Аббасъ-мирза, не добившись отъ Россіи уступки
ханствъ и непризнанный Ермоловымъ наслѣдникомъ пре-
стола **), предался вполнѣ англичанамъ и готовился къ
будущимъ событіямъ. Ермоловъ лично убѣдился въ ре-
зультатахъ его дѣятельности. «Второй сынъ ***) шаха
«Аббасъ-мирза», писалъ онъ, — «объявленный наслѣдни-
«комъ и вспомоствуемый англичанами, вводитъ успѣшно

*) Отношеніе генерала Ермолова къ гр. Нессельроде отъ 31 декабря
1817 г. Акты, собранные Кавказ. арх. ком., томъ VI, часть II, стр. 178, и
Азіатскій архивъ, I, 7, 1816—1818 гг., первое продолженіе дѣла о Ермоловѣ.

**) Аббасъ-мирза въ 1819 году былъ признанъ наслѣдникомъ персидскаго
престола непосредственнымъ сношеніемъ русскаго правительства съ персид-
скимъ помимо и вопреки мнѣнію Ермолова (см. акты, собранные Кавказ. археогр.
ком., томъ VI, часть II, стр. 214).

***) Самъ Ермоловъ признаеть эту ошибку: Аббасъ-мирза былъ третій сынъ
шаха. См. прил. № 4.

«значительныя преобразованія. Регулярныя войска устроятся на хорошемъ основаніи; артиллерія въ отличномъ порядкѣ и умножается очевидно. Есть литейный хорошій заводъ и оружейная фабрика дѣлаеть запасы для арсеналовъ; учреждаются крѣпости по образцу европейскихкихъ; извлекаются руды, уже мѣдь, свинецъ и желѣзо въ большомъ количествѣ». Далѣе Ермоловъ пишетъ, что «Аббасъ-мирза теперь нѣсколько стѣсненъ скупостью отца, который мало даетъ денегъ въ его распоряженіе, но скромный въ образѣ жизни, онъ удѣляетъ отъ содержанія своего на войска и другія заведенія». По удостовѣренію Ермолова, Аббасъ-мирза тогда уже сформировалъ 30 батальоновъ, въ тысячу человекъ каждый, и завелъ до ста полевыхъ орудій. «А формированіе все продолжается, и въ короткое время Персія можетъ имѣть пѣхоту, которая станетъ на ряду съ лучшими въ Европѣ», добавляетъ Ермоловъ. Несомнѣнно, что дѣятельность эта и внушила Ермолову гибельный для Аббаса-мирзы планъ дѣйствій, который хотя и былъ имъ сообщенъ секретно графу Нессельроде, но не могъ не быть хотя отчасти извѣстенъ и Аббасу-мирзѣ. Ермоловъ, сойдясь въ Тегеранѣ во время своего посольства съ старшимъ сыномъ шаха Мегметъ-Али-мирзою, воспользовался его враждою къ наслѣднику престола, обѣщаль ему, въ случаѣ смерти Фетъ-Али-хана, поддержку Россіи въ борьбѣ его съ Аббасомъ-мирзою и, уговоривъ его быть до времени притворно покорнымъ отцу и брату, завелъ съ нимъ тайныя сношенія. «Я обѣщаль ему», пишетъ Ермоловъ, «дать извѣстіе, что обстоятельства

«позволять мнѣ предпринять въ его пользу, и между нами по условію принята печать, по которой познаваемы должны быть письма, ибо въ оныхъ никакихъ имянъ быть не должно, храня его и многихъ съ нимъ жизнь и безопасность» *).

Въ общихъ чертахъ планъ будущихъ дѣйствій Ермолова былъ слѣдующій: онъ предполагалъ, послѣ смерти Фетъ-Али-хана, занявъ русскими войсками Эриванскую область, отвлечь значительныя силы Аббаса-мирзы и тѣмъ предоставить возможность старшему его брату сѣсть на шахскій престолъ.

Аббасъ-мирза, обладая несравненно большими денежными средствами и властію, чѣмъ Мегметъ-Али-мирза, и зорко слѣдя за послѣднимъ, вѣроятно тогда же развѣдалъ о тайныхъ его сношеніяхъ съ Ермоловымъ. Это нѣсколько объясняетъ, почему Ермоловъ, возвратясь изъ Персіи въ 1817 году, писалъ, что онъ вполне убѣдился во враждебности къ намъ Аббаса-мирзы и рѣшительно не вѣритъ въ миролюбіе Персіи. Затѣмъ еще въ январѣ 1817 года, готовясь въ Тифлисѣ выѣхать въ Тегеранъ, онъ писалъ графу Нессельроде: «отовсюду я получаю извѣстія, что въ Персіи готовится сильная армія и крѣпости вооружаются. Любимый сынъ шаха, предполагаемый великій мужъ (Аббасъ-мирза), скрытый какъ всѣ персіане, притворяется намъ преданнымъ и.... подъ предлогомъ поздравленій (о благопо-

*) Секретное письмо генерала Ермолова къ гр. Нессельроде, отъ 24 ноября 1817 года, изъ Тифлиса (въ архивѣ минист. иностран. дѣлъ, см. прил. № 5).

«лучномъ прїѣздѣ Ермолова на Кавказъ) ихъ агенты «со всѣхъ сторонъ прїѣзжаютъ къ намъ, чтобы развѣдать готовимся ли мы, какъ и они, къ войнѣ». «Со-знаюсь Вамъ, графъ, что положеніе мое въ случаѣ «войны будетъ крайне затруднительно, нѣтъ сомнѣнія, «что они затянутъ переговоры на необходимое время «для сосредоточенія ихъ войска на нашихъ границахъ» *). Въ Тегеранѣ уступчивость шаха Фетъ-Али-хана нѣсколько успокоила Ермолова, но зато на возвратномъ пути, во время пребыванія въ Тавриздѣ, сношенія его съ Аббасомъ-мирзою приняли рѣшительно враждебное направленіе. Тогда же Ермоловъ писалъ Государю, что «огражденіе предѣловъ нашихъ потребуеть гораздо большіхъ средствъ и понудитъ къ издержкамъ не мало «отяготительнымъ» **). Изъ Петербурга въ это время Ермолову присылались отвѣты совершенно въ иномъ смыслѣ. Графъ Нессельроде писалъ ему, что, по поводу тайныхъ сношеній съ Мегметъ-Али-мирзою, Государь выразилъ полное неодобреніе. Ермолову предписывалось, не составляя преждевременныхъ проектовъ, дѣйствовать въ примирительномъ духѣ и стараться возможными услугами и уступками умѣренно противодѣйствовать вліянію англичанъ въ Персіи, постоянно выставляя на видъ тѣ выгоды, которыя Персія пріобрѣсти можетъ отъ дружелюбія съ Россіею.

«Выраженіе нашихъ мыслей», писалъ графъ Нессельроде Ермолову, «въ наиболѣе простѣйшей формѣ

*) Прилож. № 6.

**) Прилож. № 7.

«слѣдующее: клонить шаха къ дѣйствіямъ выгоднымъ, какъ для Персіи, такъ и для сохраненія взаимной дружбы; если бы намъ это не удалось, то предоставимъ времени развить обстоятельства, которыхъ мы ни подъ какимъ видомъ не должны вызывать ни нашимъ вмѣшательствомъ, ни какимъ бы то ни было дѣйствіемъ». Кромѣ того Нессельроде возставалъ противъ высказаннаго Ермоловымъ недовѣрія къ военно-организаторской дѣятельности англичанъ и Аббаса-мирзы, «такъ какъ импульсъ дѣятельности этой уже фактически существуетъ», писалъ онъ, «то намъ предстоитъ только ограничивать ее дружелюбіемъ, безъ всякихъ тайныхъ намѣреній округлять наши владѣнія».

Къ такимъ доводамъ графъ Нессельроде добавлялъ еще надежду, что Персія, организуясь какъ въ военномъ отношеніи, такъ и въ другихъ отрасляхъ государственнаго хозяйства, и благодарная намъ за услуги нашей цивилизаціи, сдѣлается вѣрною и полезною союзницею Россіи *). Ермоловъ, получивъ эту благодушную, но не вполне опредѣлительную инструкцію, отвѣчалъ: «вразумясь, сколько предположенія мои относительно старшаго сына шаха Мамедъ-Али-мирзы не соотвѣтствуютъ политической системѣ, коей Государь Императоръ въ неизреченномъ величіи души своей далъ и бытіе и твердость, я уже впредь не дерзну возобновить ихъ въ помышленіи моемъ, ниже предложить что либо подобное».

*) Прилож. № 8.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Ермоловъ категорически опровергалъ доводы Нессельроде. Онъ находилъ, что англичане будутъ всегда имѣть въ Персіи преобладающее вліяніе, такъ какъ оно основано не только на Аббасъ-мирзѣ, но и на подкупленныхъ Англіею министрахъ шаха. Аббасъ-мирза, по мнѣнію Ермолова, вовсе не заботился о цивилизаціи, но только о сформированіи регулярныхъ войскъ, какъ о средствѣ сѣсть и укрѣпиться на престолѣ. «Аббасъ-мирза», писалъ онъ Нессельроде, «пичаетъ надежду отторгнуть отъ Россіи страны, ея покоренныя, и тѣмъ оправдать избраніе его въ наслѣдники престола и нарушеніе, безъ всякихъ побуждающихъ причинъ, священныхъ законовъ первородства. И такъ Аббасъ-мирзѣ подлежитъ выборъ: или пособіями англичанъ въ образованіи войскъ и деньгами Англіи удовлетворить ожиданію народа возвращеніемъ потерянныхъ областей, или, предавшись съ полною безпечностью расположенію къ Россіи, собственной силою ея покровительства удерживать власть надъ народомъ вопреки его желанія и умножая его негодованіе. Смѣю полагать, что онъ не затруднится въ выборѣ перваго, ибо переменною поведенія своего уничтожилъ бы во мнѣніи народа единственное достоинство свое—злости къ намъ и ненависти» *).

Сознавая, однако, въ какой степени мнѣнія его не согласуются со взглядами Государя и Нессельроде, Ермоловъ добавляетъ, что онъ желалъ бы ошибаться и что

*) Прилож. № 9.

во всякомъ случаѣ должность его «состоитъ въ точномъ «исполненіи объявленной Высочайшей Государя Императора воли, что усердному вѣрноподданному никогда «не трудно». Отвѣта на это отношеніе изъ Петербурга не послѣдовало. Такимъ образомъ во главѣ русскаго правительства утвердилось направленіе миролюбивое, какъ къ англичанамъ, такъ и къ Аббасу-мирзѣ, да притомъ еще увѣренность въ возможности благоразумными совѣтами и уступчивостью достигнуть преобладающаго вліянія въ Персіи. Ближайшій же исполнитель велѣній русскаго правительства, генераль Ермоловъ, не только не раздѣлялъ этихъ воззрѣній, но и не находилъ возможнымъ дѣйствовать въ указанномъ русскимъ правительствомъ направленіи. Сомнительно даже, чтобы Ермоловъ дѣйствительно отказался отъ тайныхъ сношеній съ Мамедъ-Али-мирзою. По крайней мѣрѣ одно обстоятельство, происшедшее въ Петербургѣ въ октябрѣ 21-го года, дозволяетъ высказать такое сомнѣніе. Къ Нессельроде явилась неизвѣстная личность подъ именемъ Кифала (какъ кажется, армянинъ родомъ), въ качествѣ тайнаго агента старшаго сына шаха Мамедъ-Али-мирзы. Приѣздъ его имѣлъ цѣлью исходатайствовать, на случай смерти Фетъ-Али-хана, поддержку Россіи старшему сыну шаха Мамедъ-Али противъ притязаній объявленнаго наслѣдника престола Аббаса-мирзы. Графъ Нессельроде, не входя въ переговоры съ Кифалой, препроводилъ его обратно въ Персію черезъ Грузію, при чемъ писалъ Ермолову: «Вы, милостивый государь, во время «послѣдняго пребыванія Вашего въ Петербургѣ имѣли

«новый случай увѣриться сколь противны правиламъ «Государя всѣ переговоры такого рода» *).

Въ январѣ 1822 года Мамедъ-Али умеръ, но у Аббаса-мирзы оставался еще одинъ старшій братъ Мамедъ-Вали-мирза, про котораго Ермоловъ писалъ, что онъ «человѣкъ ничтожный по свойствамъ и безопасный по малозначенію» **). Тѣмъ не менѣе Аббасъ-мирза не могъ успокоиться; за неспособнымъ братомъ стояла многочисленная орда его другихъ братьевъ, съ ихъ многочисленными приверженцами.

Пререканія между Ермоловымъ и Аббасомъ-мирзою продолжались до начала войны. Слѣдить шагъ за шагомъ за всѣми фазисами недоразумѣній между Ермоловымъ и Аббасомъ-мирзою въ настоящемъ изслѣдованіи, намъ кажется, бесполезнымъ. Причины пререканій и неудовольствій всегда легко находятся тамъ, гдѣ сознается необходимость рѣшительной борьбы. А тогда на границахъ Закавказья, благодаря неопредѣлительности Гюлистанскаго договора, такихъ причинъ было слишкомъ много. Ермоловъ требовалъ проведенія границы на основаніи настоящаго положенія дѣлъ, то-есть не соглашался на какія бы то ни было земельныя уступки изъ пріобрѣтенныхъ нами пограничныхъ ханствъ. Аббасъ-мирза постоянно требовалъ уступки то того, то другого участка, спорилъ, домогался, и такимъ образомъ разграниченіе откладывалось съ года на годъ. Не успѣ-

*) Прилож. № 10.

**) Прилож. № 4.

вая въ переговорахъ, Аббасъ-мирза готовился къ необходимой въ его личномъ положеніи борьбѣ съ Россією.

Сознавая намѣренія Аббаса-мирзы, Ермоловъ въ теченіе десяти лѣтъ постоянно и почти каждый годъ писалъ о неминувости скорой войны съ Персією. Но Петербургъ отмалчивался и, вѣроятно, увлекаясь предвзятыми и упорными воззрѣніями графа Нессельроде, а можетъ быть и воспоминаніями о легкихъ побѣдахъ надъ персіянами Котляревскаго, не усиливалъ войскъ кавказской арміи, какъ этого требовалъ Ермоловъ.

Отношенія Ермолова къ Петербургу не ограничивались только сношеніями съ графомъ Нессельроде и нѣсколькими сохранившимися въ архивахъ донесеніями Государю, несомнѣнно, что онъ переписывался и со всеильнымъ тогда въ Россіи графомъ Аракчеевымъ. Къ сожалѣнію, большинство этихъ писемъ или уничтожено, или еще не найдено, но судя по тѣмъ даннымъ, которыя извѣстны *), Ермоловъ пользовался покровительствомъ Аракчеева **), но почему-то сообщалъ ему только о дѣлахъ управленія края, вовсе не разясняя необходимости, въ ожиданіи войны съ Персією, усилить составъ войскъ Кавказа. Это тѣмъ болѣе странно, что Аракчеевъ занимался въ особенности управленіемъ войскъ, и безъ его участія едва ли Ермоловъ получилъ бы то,

*) См. прилож. № 11.

**) «Благодѣтельствуя мнѣ давно и постоянно обращая благосклонное «вниманіе на служеніе мое», писалъ Ермоловъ Аракчееву изъ Тифлиса въ январѣ 1817 года, а затѣмъ далѣе: «Вашему Сіятельству, какъ благодѣтелю «моему и милостивому начальнику, предлежитъ трудъ дать мнѣ наставленіе «и поддержать меня Вашимъ покровительствомъ, справедливымъ и сильнымъ».

что считалъ необходимымъ для борьбы съ Аббасомъ-мирзою. Въ теченіе десяти лѣтъ его управленія, всѣ доводы его о предстоящей войнѣ съ Персіею достигали, какъ кажется, до одного графа Нессельроде и весьма рѣдко посылались въ собственныя руки Государя, но и тогда указанія на письма и отношенія къ графу Нессельроде какъ бы вызывали по его донесеніямъ разъясненія одного только министра иностранныхъ дѣлъ *). Графъ Нессельроде, не раздѣляя возрѣній Ермолова и пользуясь данными, въ родѣ, на примѣръ, тайныхъ сношеній со старшимъ сыномъ шаха Мамедъ-Али-ханомъ, могъ, конечно, навлечь на Ермолова подозрѣніе въ томъ, что онъ самъ вызываетъ своими дѣйствіями войну съ Персіею. Нѣчто подобное несомнѣнно происходило, — нѣсколько словъ изъ официальной переписки Ермолова это доказываютъ; такъ, на примѣръ: 31 марта 1826 года, по поводу назначенія новаго (въ замѣнъ Мазаровича) дипломатическаго агента въ Тегеранъ, Ермоловъ проситъ Нессельроде, чтобы назначенный къ персидскому двору дипломатическій агентъ не состоялъ ни въ малѣйшей отъ него зависимости. «Такимъ образомъ дѣйствія персіанъ непосредственно извѣстны будутъ министерству, а дѣйствіямъ моимъ не будутъ присвоены произвольныя истолкованія». Но еще передъ тѣмъ, объясняя въ донесеніи отъ 12-го іюля 1825 года Государю Александру Павловичу неминуемость скорого

*) «Удостоите, Государь, возрѣнія послѣднія бумаги мои, къ его Сіятельству графу Нессельроде препровождаемая» (рапортъ отъ іюля 12-го дня 1825 года изъ Тифлиса).

столкновения съ Персією и указывая на необходимость содержать «кавказскій корпусъ въ комплектѣ и составлять резервъ изъ одной дивизіи», Ермоловъ прибавляетъ: «опасаюсь порицанія, что я былъ виною прерванія мира, что война есть замыслы мои для удовольствіи видовъ честолюбія. Всего легче замѣнить меня, на случай войны, другимъ начальникомъ». А затѣмъ проситъ, какъ награды, во время войны «остаться здѣсь (на Кавказѣ) въ состояніи частнаго человѣка, «ибо свидѣтелемъ буду наказанія правительства самаго низкаго и вѣроломнаго народа, самыхъ презрительнѣйшихъ свойствъ въ мірѣ» *).

Графу Нессельроде, вѣроятно, не трудно было пояснить Государю, что вышеприведенныя фразы выражаютъ одно только стремленіе оправдаться, а вовсе не серьезное желаніе находиться на Кавказѣ во время войны «частнымъ человѣкомъ» и что подобныя фразы не могутъ оправдать тайныя сношенія со внутренними врагами Аббаса-мирзы. Такъ ли это было, или нѣтъ, но въ результатѣ Государь не повѣрилъ убѣжденіямъ Ермолова и, вовсе не отвѣчая на просьбу о комплектованіи кавказскаго корпуса и не упоминая о «порицаніяхъ» въ честолюбіи, въ рескриптѣ своемъ, отъ 31-го августа 1825 года, пишетъ: «быть можетъ, что встрѣтится еще много затрудненій въ переговорахъ съ министрами шаха и Аббасъ мирзы, быть можетъ, что они пребудутъ неуклончивы и долго не согласятся уступить то, чего

*) Акты Кавказ. археогр. комм., т. VI, ч. II.

«мы, по увѣреніямъ ихъ, не имѣемъ права требовать на основаніи точныхъ словъ Гюлистанскаго трактата. Но изъ этого трудно заключить, чтобы они рѣшительно готовились къ нападенію и хотѣли силою овладѣть уступленными и присоединенными къ Грузіи областями. До сихъ поръ мы не видѣли въ персидскомъ правительствѣ признаковъ подобнаго ослѣпленія». Излагая затѣмъ убѣжденія въ миролюбіи шаха и ссылаясь на донесенія повѣреннаго нашего въ дѣлахъ въ Персіи и на послѣднее письмо министра иностранныхъ дѣлъ шаха, Мирзы-Абдуль-Гассанъ-хана, Государь прибавляетъ: «по симъ причинамъ, я не могу предполагать въ шахѣ намѣренія дѣйствовать наступательно противъ Россіи и ожидаю отъ Персіи, если не искренней дружбы, то по крайней мѣрѣ соблюденія мира». Рескриптъ заканчивается повелѣніемъ Ермолову «принять непремѣннымъ правиломъ охраненіе существующаго съ Персіею мира» *). Слѣдовательно, девятилѣтнія убѣжденія и доводы Ермолова не имѣли въ Петербургѣ, повидимому, ни малѣйшаго вліянія.

Между тѣмъ въ началѣ 20-хъ годовъ Аббасъ-мирза имѣлъ новые поводы надѣяться на успѣшный исходъ борьбы съ Россіей. Административныя распоряженія Ермолова въ Закавказьи, какъ это ни странно, ободряли его.

Управленіе Ермолова положило основаніе гражданственности и полнаго сліянія съ Россіею населенія бога-

*) Акты Кавк. археогр. комм., т. VI, ч. II.

тѣйшихъ земель Закавказья. Но въ то время, когда это великое дѣло зарождалось, обстоятельства представлялись нѣсколько иначе. Ермоловъ, удаляя хановъ изъ прежнихъ ихъ владѣній, вводилъ въ пограничныхъ съ Персією ханствахъ русское управленіе,—прозрѣвая будущее, онъ трудился для будущихъ поколѣній, но ему не подъ силу было устранить неизбежное, кажется, зло того края и времени. Удалить хановъ и тѣмъ положить конецъ азіатскому варварству—не представляло, конечно, особыхъ затрудненій; но учредить въ ихъ владѣніяхъ надежное и хотя сколько нибудь правильное и нравственное русское управленіе—было слишкомъ трудно. Тогда Закавказье представлялось русскому обществу страной несравненно менѣе извѣстною и болѣе отдаленною, чѣмъ, напримѣръ, намъ Амурскій край, и не легко было пригласить изъ Россіи на гражданскую службу въ Закавказье людей свѣдущихъ и образованныхъ, а мѣстное населеніе всего Кавказа рѣшительно не въ состояніи было выдѣлить достаточный и способный составъ администраціи. Прежніе родовые правители ханствъ ушли въ Персію и окружили Аббасамирзу. Вскорѣ ихъ насилія и корыстолюбіе были забыты населеніемъ, но въ изгнаніи связь съ ними традицій, религіи и единокровія еще болѣе окрѣпла, въ особенности благодаря неумѣлости и постояннымъ злоупотребленіямъ русской администраціи. Изгнанные Ермоловымъ ханы, постоянно сносясь съ прежними своими подданными, дѣятельно подготовляли возстаніе; они снова искали владычества надъ ними Персіи—и недовольное

русскимъ управленіемъ населеніе подчинялось ихъ вліянію. Это были тѣ самые ханы (или ихъ сыновья), которые въ началѣ столѣтія отложились отъ Персіи, признали владычество Россіи и отбивались отъ вооруженныхъ полчищъ Аббаса-мирзы, теперь ихъ покровителя и будущаго вождя въ борьбѣ съ Россіею. Такъ, напри- мѣръ, было съ ханами Карабагскимъ, Ширванскимъ, Шекинскимъ и Талышинскимъ. Наконецъ самый способъ удаленія хановъ не соответствовалъ достоинству русскаго правительства и, благодаря второстепеннымъ дѣятелямъ, почти всегда прикрывалъ возмутительныя злодѣянія. Ширванскій ханъ, напри- мѣръ, бѣжалъ въ Персію, вслѣдствіе стараній правителя трехъ пограничныхъ ханствъ, генераль-маіора князя Мадатова; но вся его богатая казна была похищена самимъ Мадатовымъ и помощникомъ его, приставомъ Мокѣевымъ. «По изгнаніи «Мустафы-хана (Ширванскаго) изъ богатыхъ его владѣній», пишетъ одинъ изъ современниковъ и дѣятелей того времени на Кавказѣ, — «армяне и грузины, жадные къ деньгамъ, заняли всѣ мѣста до управленія касающіяся, грабежъ и воровство водворилось въ ханствѣ» *). Въ это же время Талышинское ханство подвергалось просто систематическому и явному грабежу русскаго пристава маіора Ильинскаго **). Въ г. Нухѣ генераль-маіоръ князь Мадатовъ, главный дѣятель въ дѣлѣ изгнанія хановъ, отравилъ послѣдняго Шекинскаго хана

*) Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго (Русскій архивъ 1887 г. № 7).

***) Записки графа Симонича (Военно-ученый архивъ главнаго штаба).

Измаила и одновременно, въ Карабагѣ, вынудилъ тамошняго хана Мехти-Кули «утвердить за нимъ земли <и деревни, принадлежащія Шахъ-Назаровымъ>. Получивъ эти земли, Мадатовъ уговорилъ хана бѣжать въ Персію *), а самъ увеличилъ вновь пріобрѣтенныя имъ земли выселеніемъ 300 семействъ изъ Карабага въ Ширвань **). Вообще положеніе дѣлъ въ пограничныхъ областяхъ было до такой степени безотраднo, что генералъ Ермоловъ вынужденъ былъ принимать мѣры противъ постоянныхъ побѣговъ мѣстныхъ жителей въ Персію, тогда какъ во время управленія его предшественника Ртищева побѣговъ не только не бывало, но въ предѣлы Имперіи переходили изъ Персіи сотни семействъ ***). Несомнѣнно, что первые шаги обрусенія края не были удачны и они, конечно, ободряли воинственные замыслы Аббаса-мирзы; но вмѣстѣ съ тѣмъ они же и положили начало тому полному единенію съ Россією, къ которому въ наше время такъ быстро стремится все населеніе Кавказа. Время и преемники Ермолова изгладили темныя пятна, но общее направленіе оставалось съ того времени и до нашихъ дней все то же самое.

Къ административной дѣятельности Ермолова относится и усиленная въ различныхъ мѣстностяхъ Кав-

*) Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго (Русскій архивъ 1888 г. № 7)

**) Записки Н. Н. Муравьева-Карскаго (Русскій архивъ 1888 г. № 5, стр. 97).

***) Предписаніе генерала Ермолова г. м. кн. Мадатову отъ 31-го марта 1823 года № 1. (Акты, собранныя кавк. археогр. комиссією, томъ VI, часть II, стр. 275).

каза постройка войсками полковыхъ штабовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта дѣятельность вызывалась существенными потребностями края и условіями нашего въ немъ владычества; но на первое время и она отозвалась далеко не благопріятно на боевой готовности войскъ и, кромѣ того, породила не мало злоупотребленій въ управленіи арміей.—Такъ, напримѣръ, одинъ изъ искреннихъ почитателей Ермолова, его современникъ и подчиненный, говоритъ, что въ 1826 году, въ началѣ военныхъ дѣйствій съ Персіей, саперныя войска, квартировавшія въ Тифлисѣ, исключительно занимались постройкою домовъ въ городѣ и вовсе не были обучены своему спеціальному саперному дѣлу *).

Аббасъ-мирза, слѣдя за положеніемъ дѣлъ въ нашихъ пограничныхъ владѣніяхъ, зналъ, конечно, что не только саперы, но и пѣхотные полки занимаются только постройками и слишкомъ часто вовсе не казенными. Такъ 41-й егерскій полкъ полковника Реута почти весь былъ занятъ въ Карабагѣ постройкой усадьбы въ имѣніи Чинахчи генералъ-маіора князя Мадатова, а 7-й карабинерный полкъ полковника Ладинскаго строилъ въ Тифлисѣ домъ для любовницы своего командира; почти на самой границѣ Персіи командиръ 3-го карабинернаго полка князь Севарземидзе воздѣлывалъ землю и сѣялъ хлѣбъ руками вѣранныхъ ему нижнихъ чиновъ **).

Въ пограничномъ съ Персією Карабагѣ, гдѣ про-

*) Записки декабриста М. И. Пушкина. «Русская старина» годъ 15-й, февраль 1884 г.

**) Записки декабриста.

живало нѣсколько каджарскихъ семействъ, и откуда, слѣдовательно, Аббасъ-мирза могъ получать наиболѣе точныя свѣдѣнія, генераль-маіоръ князь Мадатовъ, управляя тремя ханствами и войсками въ нихъ расположенными, занимался поставками провіанта въ полки. Онъ принялъ на себя обязанность снабдить пограничную крѣпость Шушу запасами продовольствія, чего онъ не сдѣлалъ и тѣмъ въ началѣ войны съ Персіею поставилъ русскія войска, какъ мы увидимъ впоследствии, въ крайне тяжелое положеніе. Такого рода дѣла оправдываютъ предположеніе одного изъ наиболѣе извѣстныхъ военныхъ дѣятелей того времени на Кавказѣ: «Аббасу-мирзѣ», говоритъ онъ, «извѣстно было слабое и разстроенное состояніе войскъ нашихъ» *); остается только прибавить, что не всегда внѣшнее неустройство войскъ обезпечиваетъ надъ ними побѣду. Аббасъ-мирза не принималъ, вѣроятно, въ расчетъ нравственной силы, ни при какихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ не покидавшей знаменъ кавказской арміи. Довѣряясь своей регулярной арміи и подготовленному возмущенію въ пограничныхъ ханствахъ, Аббасъ-мирза рѣшился на борьбу съ Россіею; ему оставалось только убѣдить шаха, и наслѣднику престола Персіи легко было успѣть въ этомъ нетрудномъ, при слабости Фетъ-Али-хана, дѣлѣ. Ермолову происки и рѣшимость Аббаса-мирзы были вполне извѣстны; но онъ, можетъ быть, не въ достаточной степени заботился о мѣрахъ защиты нашихъ предѣловъ,

*) Русскій архивъ 1888 г. № 2, стр. 401.—Записки Муравьева.

ограничившись порученіемъ инженеръ-полковнику Литову построить на самомъ рубежѣ Персіи укрѣпленіе при Миракѣ.

Именно въ это время въ Таганрогѣ скончался Императоръ Александръ I-й. Вновь воцарившійся Государь Николай Павловичъ, будучи еще великимъ княземъ, не довѣрялъ Ермолову. Наканунѣ трагическаго вступленія на престолъ, 12-го декабря 1825 года, онъ писалъ Дибичу, что не будетъ покоенъ, покуда не получитъ извѣстія о присягѣ Ермолова и кавказскихъ войскъ, такъ какъ, писалъ онъ, «я виноватъ, ему менѣе всѣхъ вѣрю» *).

Было бы, кажется, бесполезно доискиваться причины такого настроенія Государя къ Ермолову. Слишкомъ часто личныя свойства поселяютъ между людьми то, что принято называть симпатіями и антипатіями. Старшій братъ Николая Павловича, Цесаревичъ Константинъ, искренно любилъ Ермолова, признавая, однако, въ немъ нѣкоторую долю, какъ онъ выражался, «обманца» **). Императору Николаю именно этотъ «обманецъ» внушалъ и недовѣріе, и въ извѣстной степени даже неприязнь. Но строгій къ себѣ и рыцарски справедливый къ другимъ, Государь Николай Павловичъ, уважая прежнія славныя заслуги и выдающіяся способности Ермолова, не поддавался личному чувству. Одни только

*) Собственноручное письмо Императора Николая Павловича къ ген.-адъют. барону Дибичу отъ 12 декабря 1825 года, писанное въ 9 часовъ вечера, напечатано въ «Русской Старинѣ» 1882 г., годъ тринадцатый, июль, стр. 195—196, въ статьѣ «Междоусловіе въ Россіи съ 19 ноября по 14 декабря 1825 г.».

***) Погодинъ. Біографія Ермолова.

послѣдующія обстоятельства, такъ неожиданно поразившія Государя во время его коронаціи въ Москвѣ, могли вынудить проявленіе личнаго непріязненнаго чувства его къ Ермолову.

По выраженію самого Ермолова, смерть Государя Александра I-го «лишила его всего» *). Александръ Павловичъ высоко цѣнилъ могучій умъ Ермолова, его прежнія заслуги и рѣшительныя его дѣйствія въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Персидскія дѣла, слухи о неурядицахъ въ управленіи Кавказа, вѣроятно, поселили нѣкоторое неудовольствіе, но еще тогда положеніе Ермолова, по видимому, оставалось прочнымъ. Всесильный временщикъ царствованія Александра I-го, графъ Аракчеевъ, который, по выраженію Ермолова, «былъ его благодѣтель» и къ которому онъ обращался, ожидая отъ него «покровительства справедливаго и сильнаго» **), вліяніемъ своимъ, по всей вѣроятности, отчасти содѣйствовалъ благорасположенію Государя къ Ермолову. Со смертію же Александра I-го исчезло и вліяніе Аракчеева.

Во всякомъ случаѣ, воцареніе Императора Николая I-го предоставляло Ермолову весьма основательный поводъ попытаться снова высказать неминуемость скорой войны съ Персіею. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что вновь воцарившійся Государь намѣревался еще въ январѣ 1826 года послать къ шаху чрезвычайнаго посла,

*) Тамъ же.

**) См. прилож. № 11.

генералъ-маіора князя Меньшикова. Оберегая достоинство царскаго посла и охраняя отъ неудачъ, безусловно тягостныхъ, первыя дипломатическія дѣйствія молодого Государя, Ермоловъ, казалось бы, обязанъ былъ откровенно и непосредственно высказаться Его Величеству о дѣйствительныхъ намѣреніяхъ Аббаса-мирзы.

Въ настоящее время нѣтъ данныхъ для разъясненія тѣхъ причинъ, которыя вынудили Ермолова не донести Государю, при его воцареніи, о дѣйствительномъ положеніи нашихъ отношеній къ Персіи. Но не подлежитъ сомнѣнію, что Государь Николай Павловичъ, подозрѣвая, что со дня на день возможно было ожидать вторженія Аббаса-мирзы въ предѣлы Имперіи, не отправилъ бы князя Меньшикова съ богатыми подарками къ шаху и не поручалъ бы ему прекратить пограничныя распри, «уступивъ Персіи часть Талышинскаго ханства къ югу отъ рѣки Буссей» *).

Ермоловъ, которому поручено было сообщить Меньшикову свое по этому вопросу мнѣніе, находилъ, что уступка узкаго двадцати-верстнаго пространства къ югу отъ Ленкорана не имѣетъ серьезнаго значенія, и при этомъ, въ отношеніяхъ своихъ къ Меньшикову, выражалъ надежду на успѣшное окончаніе даннаго ему Высочайшаго порученія. Но не успѣлъ Меньшиковъ доѣхать до Султаніе **), какъ Аббасъ-мирза, въ іюнѣ мѣсяцѣ, еще въ бытность Меньшикова въ Тавризѣ, уже предпринялъ

*) См. прилож. № 12.

**) Меньшиковъ ѣхалъ собственно въ Султаніе—мѣсто лѣтняго пребыванія шаха въ окрестностяхъ Тегерана.

тѣ рѣшительныя мѣры, съ помощью которыхъ вынудилъ шаха согласиться на войну съ Россіей. Въ Тегеранѣ явился въ то время къ шаху шейкъ изъ Кербелая (священнаго города магометанъ-шіитовъ въ окрестностяхъ Багдада), нѣкто Миръ-Сеидъ-Магомедъ и громогласно сталъ отъ имени пророка проповѣдывать «джахатъ» *). Шейкъ этотъ предъявлялъ прошенія отъ большинства духовенства и отъ жителей нашихъ пограничныхъ ханствъ, умолявшихъ будто бы шаха спасти ихъ отъ рукъ невѣрныхъ—русскихъ. Въ Тавризѣ у Аббаса-мирзы находились копіи этихъ прошеній **), поэтому инициатива его въ проискахъ духовенства не подлежала сомнѣнію. Шахъ, ожидая чрезвычайнаго посла русскаго Императора, хотѣлъ было удалить изъ своей резиденціи шейка и его проповѣдь, но фанатизмъ духовенства не дозволилъ ему принять даже эту мѣру приличія, казалось бы, обязательную въ международныхъ сношеніяхъ. Когда Меншиковъ пріѣхалъ въ Султаніе—война была уже рѣшена. Первый министръ шаха Алаяръ-ханъ, личность совершенно преданная Аббасу-мирзѣ, дѣйствуя по его наущенію, уговорилъ Фетъ-Али-хана согласиться на войну, несмотря на врожденное ему миролюбіе. И шахъ, какъ писалъ князь Меншиковъ, одновременно «опасаясь и наслѣдника своего, и духовенства, и фанатизированнаго ими народа, подчинялся ихъ требованіямъ» ***). Въ началѣ іюля, на тор-

*) То-есть всеобщую народную войну противъ невѣрныхъ—русскихъ.

***) См. прилож. № 13.

***) См. прилож. № 14.

жественномъ въ Султаніе приѣмѣ, обошлись съ Меньшиковымъ грубо, не былъ соблюденъ даже церемоніаль, установленный для чрезвычайныхъ пословъ великихъ державъ. Шахъ не принялъ въ свои руки письма нашего Государя, а велѣлъ Меньшикову положить его на подушку. По обычаямъ Востока это выражало неуваженіе шаха къ русскому Государю *).

Переговоры князя Меньшикова съ Алаяръ-ханомъ не имѣли серьезнаго значенія. Первый министръ шаха велъ ихъ съ очевидною цѣлью задержать только Меньшикова, такъ какъ Аббасъ-мирза въ то время (5-го іюля) спѣшилъ изъ Султаніе къ границамъ Карабага для вторженія въ наши предѣлы. Онъ болѣе десяти лѣтъ къ этому готовился и, рассчитывая теперь не только на возстаніе нашихъ мусульманскихъ ханствъ, на слабую подготовку къ войнѣ пограничныхъ нашихъ областей, но еще и на слухи о какой-то всеобщей въ Россіи смутѣ **), стремился уничтожить слѣды ненавистнаго ему Гюлистанскаго трактата. А князь Меньшиковъ, послѣшно выѣхавшій изъ Султаніе, задержанный въ Тавризѣ, почти арестованный въ Эривани — едва въ первыхъ числахъ сентября добрался до Тифлиса.

Первое донесеніе Ермолова возбудило негодованіе Государя.

*) См. прилож. № 15.

**) По поводу отреченія отъ престола В. Кн. Константина Павловича (см. показаніе плѣннаго Угурлу-хана въ гл. II, прил. 5).—О выѣздѣ изъ Султаніе Аббаса-мирзы и его настроеніи см. депешу Меньшикова отъ 5 іюля въ прил. № 16.

Всеподданнѣйшимъ рапортомъ отъ 22-го іюля Ермоловъ доносилъ, что 16-го іюля сердарь Эриванскій, перейдя съ пятитысячнымъ отрядомъ нашу границу, заставилъ командира тифлискаго пѣхотнаго полка князя Севарземидзе отступить изъ лагеря при урочищѣ Миракъ къ посту Гумри, и въ то же время персидское войско, разоривъ селеніе Малый Караклисъ, взяло «въ плѣнъ болѣе 150-ти душъ, производя ужаснѣйшія неистовства». Того же 16-го іюля непріятельская кавалерія появилась на рѣчкѣ Гамза-Чемень, отогнала лошадей тифлискаго полка и изрубила небольшое прикрытіе, бывшее при нихъ. Одновременно разбитъ былъ небольшой постъ при урочищѣ Садагъ-Хачъ, а на границѣ Карабагскаго ханства сосредоточивалась, готовясь перейти Араксъ подъ начальствомъ Аббаса-мирзы, значительная персидская армія, численностью приблизительно въ 30 т. человекъ. «Что происходитъ съ генералъ-майоромъ Меншиковымъ», писалъ Ермоловъ Государю, «мнѣ неизвѣстно, но доходятъ до меня слухи, что всѣ его бумаги ко мнѣ перехвачены и я уже не имѣю съ нимъ сношенія». «Не обвините меня, Всемилостивѣйшій Государь», продолжаетъ въ томъ же донесеніи Ермоловъ, «незнаніемъ персіанъ послѣ 10-ти лѣтняго пребыванія моего въ здѣшней странѣ; не мните, что теперешнія происшествія суть случаи для меня внезапные». Весьма вѣроятно, что Государь, читая эти послѣднія строки, обвинялъ Ермолова въ томъ, что онъ, для котораго «теперешнія происшествія» не внезапны, а слѣдовательно имъ предвидѣны, не предупредилъ его во-время и тѣмъ

допустилъ поруганіе въ Персіи чрезвычайнаго посла русскаго Государя. «Нѣтъ, Государь», продолжаетъ Ермоловъ, «прошелъ уже годъ, какъ я имѣлъ счастье «писать подробно въ собственныя руки въ Бозѣ почившаго Императора и графа Нессельроде. Не переставалъ тамъ же подтверждать о томъ повѣренный въ дѣлахъ нашихъ въ Персіи С. С. Мазаровичъ; тогда уже видѣлъ я войну и просилъ о прибавленіи дивизіи «войскъ». При постоянныхъ переговорахъ Ермолова съ Персіею въ годъ времени отношенія и обстоятельства могли измѣниться, а если они не измѣнились, то, конечно, тѣмъ самымъ война становилась еще болѣе неминуемой и въ такомъ случаѣ Государь, при воцареніи своемъ, опять-таки былъ въ правѣ ожидать отъ правительства Кавказа подробнаго и откровеннаго донесенія. Конечно, Ермоловъ не могъ предполагать, что вновь воцарившійся Государь прочтетъ самъ лично всю десятилѣтнюю его переписку по персидскимъ дѣламъ, несомнѣнно было, что министръ иностранныхъ дѣлъ въ общихъ чертахъ доложитъ Государю ея содержаніе и что при этомъ докладъ графа Нессельроде состоится въ неблагопріятномъ для него, Ермолова, смыслѣ. Это еще болѣе, казалось бы, обязывало его довести непосредственно до свѣдѣнія Государя свои убѣжденія и свои ожиданія. Полученныя во время коронаціи извѣстія о поруганіи въ Султаніе чрезвычайнаго русскаго посла, о вторженіи персовъ въ предѣлы Имперіи, а затѣмъ и о намѣреніи Ермолова отступить предъ Аббасомъ-мирзою, не могли не вызвать сильнаго негодованія въ Императоръ Николаѣ. Притомъ

это первое донесеніе Ермолова Государю было нѣсколько уклончиво; такъ, напримѣръ, Ермоловъ пишетъ: «въ «то время, какъ особа довѣренностью Вашего Импера- «торскаго Величества находится при лицѣ шаха, по «его приглашенію, когда туда же для переговоровъ при- «зывается наслѣдникъ, *я не только не могъ ожидать «такихъ измѣнническихъ поступковъ*, но и лишился «возможности дѣлать на границѣ приготовленія, ибо однѣ «ничтожныя работы для укрѣпленія поста Миракъ воз- «будили негодованіе Аббасъ-мирзы и генераль-маіоръ «князь Меншиковъ опасался невыгоднаго вліянія отъ «того на переговоры и даже самаго прерванія оныхъ». Сопоставляя эту фразу съ той, въ которой Ермоловъ въ томъ же донесеніи утверждаетъ, что послѣ 10-ти лѣтняго управленія краемъ онъ знаетъ персіанъ и что «тепереш- «нія происшествія» не суть случаи для него внезапные, Государь не могъ не замѣтить противорѣчія. Донесеніе заключало въ себѣ слѣдующую дилемму: если Ермоловъ «не могъ ожидать такихъ измѣнническихъ поступковъ», то тогда теперешнія происшествія были «случаи» совершенно для него «внезапные»; если, наоборотъ, «зная «персіанъ послѣ 10-ти лѣтняго пребыванія въ Закавказьи», онъ справедливо убѣждалъ Государя «не мните, «что теперешнія происшествія суть случаи для меня «внезапные»,—то онъ и могъ, и долженъ былъ ожидать такихъ измѣнническихъ «поступковъ», а ожидая ихъ, обязанъ былъ укрѣпить Миракъ, озаботиться о крѣпости Шушѣ и сосредоточить въ пограничныхъ мѣстностяхъ разбросанныя малыми отрядами русскія войска.

Государь Николай Павловичъ подобнаго рода дилеммъ не выносилъ; онъ въ нихъ видѣлъ стремленіе скрыть или затемнить правду, стремленіе для него ненавистное, съ которымъ онъ не могъ, по личнымъ своимъ свойствамъ, примириться. Весьма вѣроятно, что фраза, въ которой Ермоловъ выставяетъ, что онъ «не могъ ожидать такихъ измѣнническихъ поступковъ», была написана только съ цѣлью наиболѣе рѣзко выставить нравственную низость персіянъ и что слова «не могъ ожидать» — не болѣе какъ неудачно выбранное выраженіе. Но въ первомъ донесеніи Государю, въ особенности по дѣлу до такой степени важному, простота, точность и опредѣленность изложенія были бы, можетъ быть, болѣе умѣстны и во всякомъ случаѣ болѣе соотвѣтствовали бы воззрѣніямъ и свойствамъ Николая Павловича.

Вслѣдъ за первымъ донесеніемъ, Ермоловъ 30-го іюля 1826 года доноситъ Государю о слѣдующихъ происшествіяхъ: Ханство Карабагское было занято 9—10 ротами 42-го егерскаго полка съ 6-ю орудіями (легкой артиллеріи) и полкомъ казаковъ, изъ нихъ три роты при 2-хъ орудіяхъ и съ частію полка казаковъ *) подъ начальствомъ подполковника Назимки находились въ горномъ Карабагѣ для охраны кочующаго народа. Командиру 42-го егерскаго полка полковнику Реуту было приказано, сосредоточивъ весь отрядъ въ полковомъ штабѣ въ селеніи Чинахчи **), при появленіи непріятеля медленно

*) Въ донесеніи не сказано сколько именно казаковъ. См. акты Кавк. археогр. ком., т. VI, ч. II.

***) Имѣніе генераль-маіора князя Мадатова.

отступая выдти изъ ханства. Реутъ не успѣлъ присоединить къ себѣ роты изъ горнаго Карабага,—онѣ были окружены персидскою кавалеріею, защищались въ теченіе цѣлаго дня и наконецъ сдались вмѣстѣ съ двумя орудіями въ плѣнъ. Реутъ получилъ о томъ извѣстіе поздно,—посланные имъ казачьи разъѣзды къ рѣкѣ Араксу были захвачены непріятелемъ. Едва пяти пѣшимъ казакамъ удалось спастись и передать Реуту объ участи его трехъ ротъ и о наступленіи непріятели. Реутъ успѣлъ только съ пятью ротами и 4-мя орудіями войти въ крѣпость Шушу, гдѣ уже находилась его 9-я рота. «Крѣпость Шуша», писалъ Ермоловъ 20-го іюля, «окружили «значительныя силы непріятели съ артиллеріею» *). Неблагопріятное впечатлѣніе происшествія усиливалось тѣмъ, что въ Шушѣ было «мало провіанта» и Ермоловъ опасался, что Реуту еще до прихода нашихъ войскъ нечѣмъ будетъ продовольствоваться. Весьма вѣроятно, что начальникъ главнаго штаба, генераль-адъютантъ баронъ Дибичъ, доложилъ при этомъ Государю, что еще въ 1817-мъ году, донося покойному Государю объ осмотрѣ пограничныхъ ханствъ съ Персіею, Ермоловъ писалъ **): «въ Карабагскомъ ханствѣ нужно учредить крѣпость для «довольно сильнаго гарнизона, въ которой бы сохранять «запасы на случай умноженія войскъ для наступательной войны со стороны оной». Баронъ Дибичъ, не принадлежавшій къ числу друзей Ермолова, вѣроятно, не

*) См. прилож. № 17.

**) Всеподданнѣйшее донесеніе Ермолова отъ 9-го января 1817 года.

преминулъ замѣтить, что 10 лѣтъ ожидая войны и управляя страной, Ермоловъ имѣлъ полную возможность осуществить свое же собственное предположеніе, то-есть снабдить крѣпость Шушу «запасомъ на случай умноженія войскъ», чего однако же не сдѣлалъ. Ермоловъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ томъ же, отъ 30-го іюля 1826 г., донесеніи писалъ Государю, что онъ очищаетъ Ширванъ и Талышинское ханство и просилъ, какъ и въ рапортѣ отъ 12-го іюля, о скорѣйшемъ прибытіи на Кавказъ подкрѣпленій (2 дивизій пѣхоты и 4-хъ полковъ кавалеріи), безъ чего онъ перейти въ наступленіе не можетъ, а необходимость высвободить Реута изъ Шуши поставляетъ его въ крайне затруднительное положеніе.

Общая картина положенія дѣлъ дополнялась слѣдующимъ: «повсюду готовыя возродиться», писалъ Ермоловъ Государю, «возмущенія между мусульманскими народами, «окружающими Грузію, понуждаютъ меня во многихъ мѣстахъ оставить часть войскъ для охраненія спокойствія оной, ибо она одна въ теперешнихъ обстоятельствахъ можетъ доставить мнѣ средства продовольствія» *).

Сама Грузія не могла, однако, считаться вполне обезпеченнымъ оплотомъ Россіи въ войнѣ съ внѣшними врагами и среди ея христіанскаго населенія, Дадіаны Мингрельскіе писали въ Эрзерумъ бѣглому имеретинскому царевичу Вахтангу, что какъ ему, Вахтангу, такъ и скрывавшемуся въ Персіи царевичу грузинскому Але-

*) Акты Кавк. археогр. комм., т. VI, ч. II.

ксандру легко было бы возмутить Грузію и Имеретію *). Еще въ мартѣ 1826-го года Вахтангъ, сообщая эти свѣдѣнія, писалъ царевичу Александру: «слышно, «что между русскими и персіанами война, за то благо- «дарность Богу»... Надежды бѣглыхъ царевичей Имеретіи и Грузіи и ихъ сообщниковъ Дадіановъ были, по всей вѣроятности, крайне преувеличены, тѣмъ не менѣе известная часть христіанскаго населенія Кавказа несомнѣнно была недовольна русскимъ правительствомъ **).

Отвѣтъ на первыя два донесенія и назначеніе на Кавказъ генераль-адъютанта Паскевича—сдержанно, но вполне вразумительно выразили и гнѣвъ и недовѣріе Государя къ Ермолову. «Съ истиннымъ прискорбіемъ «получилъ я», писалъ Государь 11-го августа Ермолову, «донесенія Ваши о вторженіи персіанъ въ наши «границы и о тѣхъ неблагоразумныхъ частныхъ распоряженіяхъ, по коимъ частицы російскихъ войскъ подвергались неудачамъ и потерямъ отъ непріятеля, до- «селѣ ими всегда презрѣннаго». Не отвѣчая Ермолову на его сѣтованіе по поводу недовѣрія къ его донесеніямъ покойнаго Государя Александра Павловича и графа Нессельроде, Государь высказывалъ убѣжденіе, что находящееся подъ его начальствомъ «многочисленное «и храброе войско» достаточно «для наказанія персіанъ «въ ихъ собственной землѣ». Тѣмъ не менѣе онъ изъ Россіи посылалъ къ нему 20-ю пѣхотную дивизію и

*) Тамъ же.

***) Записки гр. Симонича и Муравьева и показаніе плѣннаго Угурлу-хана (см. ниже прил. № 5 къ главѣ II-й).

одну уланскую дивизию, но до ихъ прибытія «повелѣвалъ дѣйствовать» непремѣнно «наступательно». Разъясняя Высочайшую волю, баронъ Дибичъ еще ранѣе того, послѣ перваго донесенія, писалъ ему 31-го іюля: «Вы имѣете до 30 тыс. пѣхоты по ту сторону Кавказскихъ горъ; изъ оныхъ 15 т. находятся въ Тифлисъ и окрестностяхъ и близъ границы Эриванской. Оставя 2 тыс. для охраненія Тифлиса, Вы, безъ дальнѣйшаго отлагательства, можете собрать въ одинъ корпусъ 13 т. пѣхоты. Корпусъ сей, съ прибавленіемъ нужныхъ къ оному артиллеріи и кавалеріи, можно безошибочно считать въ 15 т. человекъ. Его Императорское Величество нисколько не сомнѣвается, чтобы подъ предводительствомъ вождя столь опытнаго, столь отличнаго и въ столь высокой степени имѣющаго довѣріе своихъ подчиненныхъ, какъ Ваше Высокопревосходительство, сихъ войскъ не было бы достаточно для ниспроверженія оныхъ силъ». Но 12-ть дней спустя, то-есть 11-го августа, повидимому, «предводительство столь опытнаго вождя» оказывалось недостаточнымъ. Государь самъ писалъ Ермолову: «Для подробнѣйшаго изъясненія Вамъ намѣреній моихъ посылаю къ вамъ генераль-адъютанта моего Паскевича, коему сообщилъ оныя во всей подробности», а для приведенія намѣренія Государя «въ дѣйствіе» поручалось командованіе войскъ Паскевичу подъ главнымъ начальствомъ Ермолова. Между строками не трудно было прочесть, что Государь поручалъ не Ермолову, а Паскевичу исполненіе своей воли, т. е. «наказаніе персіанъ». Изъясняя волю Государя, *Паскевичу* предстояло

вести дѣло тогда столь важное для чести Россіи и Государя, а Ермолову оставалось только охранять Кавказъ отъ внутреннихъ безпорядковъ и снабжать Паскевича, для веденія войны, находящимися въ его распоряженіи средствами.

Положеніе было неестественное. Паскевичъ, безъ опредѣленной власти, какъ подчиненный Ермолова, долженъ былъ въ порядкѣ службы исполнять его приказанія, а Ермоловъ обязанъ былъ получать отъ Паскевича «изъясненія Высочайшихъ намѣреній и повелѣній». Но такъ какъ Государь поручалъ Паскевичу «наказаніе «персіанъ», а въ этомъ отношеніи приказанія Ермолова могли не согласоваться ни съ Высочайшими намѣреніями, ни съ возложенною лично на Паскевича отвѣтственностью, то «главное начальство» Ермолова, въ дѣйствительности, могло послужить только поводомъ къ постояннымъ между ними столкновеніямъ.

Государь въ данномъ случаѣ такъ очевидно отступалъ отъ обязательныхъ отношеній подчиненнаго къ начальнику, такъ явно нарушалъ всегда имъ же тщательно охраняемый законный порядокъ службы, что нельзя было не предположить здѣсь впередъ обдуманнаго плана и подготовленнаго исхода созданною его волею неестественностью въ порядкѣ служебной подчиненности.

Дѣйствительно, при подобной обстановкѣ, столкновенія устраняются только нравственнымъ вліяніемъ. Паскевичъ, подчиняя свою мысль и волю вліянію Ермолова и преклоняясь передъ умомъ его, несомнѣнно сошелся бы съ нимъ. Когда одна личность утрачиваетъ

свою самобытность въ пользу другой, то столкновенія между ними невѣроятны. Но Государь избралъ Паскевича, именно разсчитывая на его твердыя, вполнѣ самобытныя свойства, онъ не довѣрился бы характеру впечатлительному и мягкому, способному подчиниться постороннимъ вліяніямъ.

Если бы намѣренія Государя заключались только въ томъ, чтобы предоставить въ полное распоряженіе Ермолова лишь извѣстнаго способнаго боевого генерала, то Государю не было бы повода открывать Паскевичу «свои намѣренія» и поручать ему «изъяснить ихъ Ермолову». Не было и причинъ, въ Москвѣ, помимо воли и желанія Ермолова, назначать Паскевича къ командованію дѣйствующими войсками противъ персіянъ. Ермолову и никому другому, при довѣрїи къ нему Государя, предстояло бы дать соотвѣтствующее назначеніе подчиненному ему генералу. Но положеніе обрисовывалось еще рѣзче тѣмъ, что Государь требовалъ отъ Паскевича непосредственныхъ донесеній, самъ входилъ съ нимъ также въ непосредственныя письменныя сношенія, и это все съ вѣдома Ермолова, черезъ штабъ котораго пересылались запечатанные пакеты отъ Паскевича къ Государю и отъ Государя къ Паскевичу. Государь, сообщая Паскевичу то, что скрывалъ отъ Ермолова, просилъ его даже иногда «хранить сіе въ тайнѣ» *). Положеніе

*) Письмо Государя Паскевичу отъ 31-го января 1827 (см. арх. Паскевича): «вслѣдъ за Оперманомъ будетъ къ Вамъ Г. Дибишь, *что я Вамъ однимъ дамъ знать*; его приѣздъ долженъ быть неожиданъ, и потому я прошу васъ «хранить въ тайнѣ, и не показывать, по приѣздѣ его, что вы объ томъ «прежде знали» и т. д..

было тѣмъ болѣе странное, что въ дѣйствительности, при неудачѣ нашихъ военныхъ дѣйствій противъ Персіи, вся отвѣтственность падала бы исключительно только на Паскевича, нисколько не касаясь Ермолова. Ермоловъ сознавалъ, конечно, смыслъ этой командировки и не могъ не усматривать въ лицѣ генераль-адъютанта Паскевича крайне тяжелое и непріятное для себя живое выраженіе недоувѣрія Государя.

Подъ этимъ впечатлѣніемъ съ первыхъ же шаговъ установилось совмѣстное служеніе Ермолова съ Паскевичемъ. Вскорѣ неминуемо должны были проявиться столкновенія, тѣмъ болѣе, что для второстепенныхъ дѣятелей, въ родѣ тѣхъ, которые, командуя войсками, были одновременно поставщиками провіанта для войскъ и руками солдатъ строили себѣ дома, пріѣздъ на Кавказъ новаго лица, обязаннаго непосредственно доносить Государю о положеніи дѣлъ, было и невыгодно, и опасно. Имъ оставалось всѣми способами затруднять и безъ того тяжелыя отношенія, и такимъ путемъ, можетъ быть, избавиться отъ присланнаго изъ Москвы неудобнаго для нихъ царскаго генераль-адъютанта. Даже люди, не причастные къ многочисленнымъ злоупотребленіямъ тогдашняго Кавказскаго управленія, какъ, на примѣръ, генераль Вельяминовъ (1-й), и тѣ опасались пріѣзда на Кавказъ довѣренныхъ и близкихъ къ Государю лицъ. Извѣстный Муравьевъ-Карскій въ запискахъ своихъ рассказываетъ, что извѣстіе о пріѣздѣ въ 1826 году на Кавказъ князя Меншикова «поразило старика Вельяминова, ибо безпорядки, происходившіе въ Грузіи были извѣстны Го-

«сударю», и что «давно уже располагали смѣнить по «симъ причинамъ главнокомандующаго и намѣреніе сіе «было здѣсь всѣмъ извѣстно».

Вельяминовъ, рассказываетъ Муравьевъ, получивъ извѣстіе о скоромъ пріѣздѣ Меншикова, не воздержался и вскрикнулъ даже въ присутствіи многихъ: «какъ это «можно! Да его Алексѣй Петровичъ въ Грузію не пу- «ститъ». При извѣстіи о пріѣздѣ на Кавказъ Паске- вича, вѣроятно, нѣсколько сдержаннѣе, но за то несрав- ненно основательнѣе были опасенія начальниковъ, за- нимавшихъ ввѣренныя имъ войска исключительно своимъ частнымъ хозяйствомъ *).

*) Какъ, напримѣръ, офицеры Тифлискаго полка (Русскій архивъ 1888 г., II, стр. 495).

ГЛАВА II.

*Занятіе персидскими войсками Карабага и возмущеніе ханствъ.—
Формированіе Ермоловымъ двухъ отрядовъ: противъ Елизаветполя и
Эривани.—Движеніе елизаветпольскаго отряда подъ командою кн.
Мадатова.—Дѣло при Шамхортъ.—Занятіе Елизаветполя кн. Ма-
датовымъ.—Пріѣздъ въ Тифлисъ Паскевича.—Первый разговоръ
съ Ермоловымъ.—Планъ освобожденія Шуши.—Недоразумнія и
письмо Сухтелена.—Приказъ о назначеніи Паскевича командиромъ
карабагскаго отряда.—Инструкція и распоряженія Ермолова.—
Выѣздъ Паскевича изъ Тифлиса.—Первыя впечатлѣнія.—Репортъ
кн. Мадатова.—Извѣстіе о движеніи арміи Аббаса-мирзы.—Фор-
сированный маршъ и прибытіе Паскевича въ Елизаветполь.—Не-
обученность войскъ; ихъ подготовка къ бою.—Сраженіе подъ Ели-
заветполемъ.—Мадатовъ и Вельяминовъ 2-й.—Быство Аббаса-
мирзы.—Трофеи.—Донесенія Ермолова и Паскевича.—Письмо ГО-
СУДАРЯ.—Пожалованіе Паскевичу украшенной алмазами шапи.*

Когда Паскевичъ изъ Москвы ѣхалъ въ Тифлисъ, въ Закавказьи происходили слѣдующія событія:

Вслѣдъ за вторженіемъ Аббаса-мирзы въ Карабагъ и описанными нами событіями, Елизаветполь и все Карабагское ханство были быстро заняты персіянами, только крѣпость Шуша еще держалась. Непрiятель окружилъ ее 20-го іюля 1826 года. Со стороны Эривани, послѣ снятія 30-го іюля у озера Гокча Балыкъ-чайскаго поста,

непріятелю открывался безпрепятственный входъ въ Казахское ханство, уже явно намъ измѣнившее. Въ юго-восточной части дѣло русскаго владычества представлялось не менѣе печальнымъ. Въ Талышинскомъ ханствѣ все населеніе возстало поголовно, и до сей поры намъ всегда преданный ханъ талышинскій сталъ во главѣ возстанія. «Ханъ Талышинскій», говоритъ одинъ изъ русскихъ дѣятелей Закавказья *), «опасался рано или «поздно подвергнуться участи сосѣднихъ съ нимъ хановъ и еще болѣе былъ выведенъ изъ терпѣнія «беззаконіями и грабежомъ русскаго коменданта Ленкорана (онъ же и правитель ханства)». Этотъ комендантъ Ленкорана—маіоръ Ильинскій, командиръ каспійскаго морскаго батальона, расквартированнаго въ ханствѣ, не сумѣлъ во-время собрать ввѣренный ему батальонъ, который и потерпѣлъ значительныя потери на отдѣльно имъ занимаемыхъ постахъ. Ильинскій, съ остатками своего батальона оставивъ Ленкоранъ, укрылся на островѣ Саръ. Въ Ширванскомъ ханствѣ изъ Персіи появился бывший владѣтельный ханъ Мустафа съ довольно многочисленною персидскою кавалеріею; къ нему присоединились всѣ мѣстные старшины и все населеніе. Въ Шекинское ханство вторгнулись дѣти послѣдняго владѣтеля, издавна жившія въ Персіи; и тамъ также безъ всякой борьбы исчезло русское владычество. Только въ возставшемъ Кубинскомъ ханствѣ, благодаря энергіи командира 1-й бригады 21-й пѣхотной

*) Графъ Симоничъ.

дивизіи, генераль-маіора Краббе, русское владычество не отступило передъ возстаніемъ. Генераль Краббе пытался даже выступить противъ Мустафы Ширванскаго, но дѣйствія Шахъ-Алея, сына послѣдняго владѣтеля Кубы, заставили его возвратиться и снова занять Апшеронскимъ полкомъ Кубу, обезпечивъ себя съ сѣвера, со стороны Дербента, отрядомъ полковника Мищенко (Куринскій полкъ).

Возмущеніе однако не распространялось; закавказскіе мусульмане, за исключеніемъ населенія бывшихъ персидскихъ ханствъ, не хотѣли присоединиться къ нему. Даргинцы (иначе Акушинцы) отказались вооружиться противъ невѣрныхъ. Дагестанъ, несмотря на происки и усилія Сурхая, бывшаго хана Казикумухскаго, оставался спокойнымъ *). Джарскіе лезгины не рѣшились на открытую борьбу.

Въ августѣ Ермоловъ сталъ формировать два отряда: одинъ противъ Елизаветполя, другой — противъ Эривани. Въ концѣ августа, въ лагерѣ на берегу рѣки Хассанъ-Су, по дорогѣ въ Елизаветполь, подъ начальствомъ генераль-маіора Мадатова сосредоточился отрядъ приблизительно въ 4 т. человекъ **) и 12 орудій. 30-го августа Мадатовъ получилъ приказаніе идти впе-

*) Послѣ незначительной стычки сына Сурхая съ генераль-маіоромъ Асланомъ—ханомъ Казикумухскимъ и Куринскимъ.

**) Отрядъ Мадатова составилъ изъ 1-го батальона Херсонскаго полка, 1½ батальона Грузинскаго, ¾ батальона егерей, 200 человекъ пѣшей милиціи, 400 человекъ донскихъ казаковъ, 400 человекъ конной милиціи, 8 батарейныхъ орудій и 4-хъ легкихъ.—Ср. составъ отряда Мадатова у Н. Дубровина («Послѣдніе дни пребыванія Ермолова на Кавказѣ», IV. «Военн. Сб.» 1888 г. № 3).

редъ. Почти одновременно Ермоловъ, въ донесеніи своемъ Государю, старался изгладить тягостное впечатлѣніе первыхъ своихъ донесеній, въ которыхъ онъ отказывался «дѣйствовать наступательно» до прибытія изъ Россіи подкрѣпленій. «Въ послѣднемъ всеподданнѣйшемъ донесеніи моемъ», писалъ онъ Государю 4-го сентября, «представилъ я о причинахъ, препятствующихъ предпринять наступательныя дѣйствія въ такомъ видѣ, чтобы ввести войну въ землю непріятельскую... но въ то же самое время не переставалъ разумѣть необходимымими дѣйствія противъ Аббаса-мирзы, облегчающія крѣпость Шушу въ Карабагѣ и началъ приводить оныя въ исполненіе до прибытія сюда генералъ-адъютанта Паскевича, ибо генералъ-маіору князю Мадатову приказалъ я съ отрядомъ войскъ изъ распоряженія его въ Казахской дистанціи идти атаковать непріятеля, прибывшаго на р. Шамхоръ, и оттуда слѣдовать далѣе къ Елизаветполю» *). Дѣйствія Мадатова увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ. Авангардъ персидской арміи, подъ начальствомъ старшаго сына Аббаса-мирзы, Мамедъ-мирзы, имѣя приблизительно 2 т. регулярной пѣхоты и до 8 т. иррегулярной кавалеріи, утромъ 3-го сентября былъ атакованъ Мадатовымъ у р. Шамхоръ. Персидская иррегулярная кавалерія, увлеченная трусливымъ Мамедъ-мирзою, послѣ первыхъ залповъ русской артиллеріи, обратилась въ бѣгство, вслѣдъ за ней регулярная пѣхота (сарбазы) стала отступать **).

*) Акты, № 653.

***) Ссылаясь на книгу: «Жизнь кн. Мадатова» (изд. 1863 г., стр. 109),

Преслѣдованіе авангарда Аббаса-мирзы продолжалось на разстояніи 10 верстѣ. Мадатовъ почти подходилъ къ Елизаветполю и легко могъ бы захватить персидскій его гарнизонъ (приблизительно одинъ батальонъ сарбазовъ). Но, какъ рассказываетъ одинъ изъ участниковъ Шамхорскаго дѣла *), «писаніе княземъ Мадатовымъ рапорта о своемъ подвигѣ отняло у него драгоцѣнное время; въ полночь мы снова были въ походѣ и 4-го числа на зарѣ достигли Елизаветполя, но уже было поздно». Предусмотрительный начальникъ занимавшаго Елизаветполь гарнизона Наяръ (или Назарь)-Али—ханъ Маранды, жестоко пострадавшій за свою предусмотрительность **), получивъ извѣстіе о шамхорскомъ побоищѣ, немедленно отступилъ. Мадатовъ вошелъ въ городъ безъ выстрѣла ***).

Н. Дубровинъ приписываетъ панику персіанъ слѣдующему не боевому маневру, придуманному Мадатовымъ: «Шахская гвардія готова была принять атаку (бросившихся въ штыки грузинцевъ и егерей), но въ это время въ тылу нашихъ колоннъ, за рѣкою Шамхоромъ, поднялись столбы пыли, а за ними виднѣлись какія-то движущіяся конныя массы. То приближался обозъ въ два ряда на рысяхъ. Движеніе это было произведено по приказанію князя Мадатова, «знавшаго, какъ видъ этого маневра подѣйствуетъ на пугливое воображеніе азіатскаго непріятели». Персіане дѣйствительно приняли обозъ за прибытіе подкрѣпленій и стали быстро отступать» («Посл. дни преб. Ермолова на Кавказѣ, IV»).

*) Графъ Симоничъ.

***) Онъ былъ опозоренъ передъ войсками, а послѣ елизаветпольскаго грома удушенъ, по распоряженію Аббаса-мирзы.

****) За дѣло при Шамхорѣ кн. Мадатовъ получилъ брилліантовую саблю съ надписью «за храбрость» (Дубровинъ, тамъ же). Ермоловъ былъ въ восторгѣ. «Какъ хорошо случилось, писалъ онъ 7-го сент., что вы, любезный князь, слѣдали начало совершенно въ подтвержденіе донесенія моего, что распорядилъ я наступательное дѣйствіе прежде прибытія генерала Паскевича». («Русск. Ст.» 1873 г., т. VII).

Вскорѣ затѣмъ на театрѣ военныхъ дѣйствій прибылъ генераль-адъютантъ Паскевичъ.

Паскевичъ пріѣхалъ въ Тифлисъ еще 29-го августа. Въ тотъ же день онъ явился къ генералу Ермолову, и въ первомъ же разговорѣ высказались и трудности ихъ взаимнаго положенія, и затаенное неудовольствіе Ермолова по поводу пріѣзда и назначенія Паскевича. Ермоловъ сказалъ ему, «что онъ не знаетъ, какъ раздѣлить «кавказскій корпусъ» между ними.

На слѣдующій день (30-го августа), послѣ парада, Паскевичъ просилъ Ермолова отдать объ немъ приказъ по кавказскому корпусу. Эта вполне законная просьба была принята нѣсколько странно. «Завтра посмотримъ», отвѣчалъ Ермоловъ. Потомъ Ермоловъ заговорилъ съ нимъ о необходимости освободить крѣпость Шушу и о формирующемся для этой цѣли отрядѣ. Паскевичъ, имѣя въ виду данное ему повелѣніе Государя *), просилъ Ермолова поручить ему дѣло освобожденія крѣпости Шуши, какъ наиболѣе важное въ только что начавшейся кампаніи. «Онъ мнѣ отвѣчалъ», пишетъ Паскевичъ, «что не смѣетъ меня тронуть, ибо я присланъ, дабы «быть здѣсь».

*) Это *открытое* повелѣніе состояло въ слѣдующемъ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ въ Москвѣ 11-го августа 1826 года: «Иванъ Федоровичъ! Въ полномъ увѣреніи на усердіе ваше и отличныя способности, Я посылаю васъ въ кавказскій отдѣльный корпусъ для командованія подъ главнымъ начальствомъ командира сего корпуса генерала отъ инфантеріи Ермолова. Надѣясь, что вы въ семъ назначеніи окажете новое рвеніе, коимъ всегда сопровождалась полезная отечеству служба ваша, Николай». — Подлинный рескриптъ хранится въ сем. архивѣ кн. Паскевича.

1-го сентября, утромъ, Паскевичъ снова идетъ къ Ермолову, снова просить отдать въ приказѣ о назначеніи его начальникомъ отряда; «онъ отвѣчалъ», пишетъ Паскевичъ, «что онъ сего не можетъ сдѣлать, «что онъ самъ останется ничтожнымъ и что лучше у «него совершенно взять команду, нежели быть въ такомъ положеніи». «Я ему представлялъ», пишетъ Паскевичъ въ своемъ журналѣ *), «что это его ничуть не «унижаетъ, что сколько примѣровъ было такому «командованію, и вспомнилъ князя Прозоровскаго, у «котораго кн. Багратіонъ командовалъ всѣми войсками. «Говорилъ ему, что онъ не долженъ удивляться, что «Государь Императоръ прислалъ меня, ибо рапорты его «были таковы, что Государя удивило, что война съ «Персією и что неожиданно наши провинціи взбунтовались; что сіе такъ удивило, что думали непріятель «будетъ въ Тифлисѣ прежде моего пріѣзда и онъ съ «войсками брошенный».

Нѣтъ сомнѣнія, что объясненія такого рода не предвѣщали ни единодушія, ни добрыхъ отношеній въ будущемъ. Ермоловъ не скрывалъ чувства оскорбленнаго самолюбія, не скрывалъ и всей тяжести неестественнаго, для начальника, положенія, созданнаго ему волею Государя. Паскевичу, можетъ быть, не менѣе было тяжело просить, выпрашивать и домогаться того, что ему было безусловно обязательно получить. Именно для командованія войсками противъ арміи Аббаса-мирзы онъ, по

*) См. прилож. № 1.

волѣ Государя, прибылъ на Кавказъ. И вотъ три дня проходятъ въ переговорахъ, изъ которыхъ выяснилось только одно неудовольствіе Ермолова по поводу его прїѣзда на Кавказъ. Паскевичъ, можетъ быть, не совсѣмъ удачно выбралъ въ разговорѣ съ Ермоловымъ, примѣръ Прозоровскаго и Багратіона. Ермоловъ легко могъ вспомнить, что въ то время самъ Прозоровскій признавалъ себя неспособнымъ (по болѣзни и старческой дряхлости) командовать дѣйствующею арміею. Въ крайнемъ случаѣ Паскевичъ могъ предъявить данный ему Государемъ указъ о смѣнѣ Ермолова, но предъявить этотъ указъ ему было дозволено только при очевидномъ намѣреніи Ермолова не исполнять Высочайшихъ повелѣній. Ничего подобнаго не было, и не могло быть. Въ Москвѣ, въ минуту раздраженія, при укоренившемся недовѣріи къ Ермолову, Государь, допуская возможность явнаго ослушанія его воли, подписалъ указъ о смѣнѣ Ермолова. Вѣроятно, и Паскевичъ въ первую минуту, получивъ этотъ указъ, не вполне выяснилъ себѣ практическое его значеніе, иначе онъ отказался бы взять его. Въ Россіи (Паскевичъ, конечно, это сознавалъ) явнаго неповиновенія повелѣніямъ Государя въ служебной сферѣ никогда не проявлялось, хотя, конечно, при исполненіи Высочайшихъ повелѣній, не разъ значеніе ихъ измѣнялось, иногда даже нѣсколько искажалось, но это происходило всегда посредствомъ осторожныхъ бюрократическихъ пріемовъ и не сразу, а, такъ сказать, исподоволь. Наконецъ, въ данномъ случаѣ, отъ Ермолова можно было ожидать всѣхъ послѣдствій личнаго раз-

драженія и оскорбленнаго самолюбія, но послѣдствій только свойственныхъ его могучему уму и нѣсколько скрытному характеру, при чемъ проявленія явнаго послушанія царской воли были, конечно, немислимы. Можетъ быть, извѣстная пылкость нрава Паскевича давала нѣкоторый поводъ предположить, что, увлекаясь минутнымъ раздраженіемъ, онъ предъявитъ указъ о смѣнѣ Ермолова, не имѣя на то вполнѣ и опредѣлительно выясненныхъ основаній. Впослѣдствіи, когда дѣла усложнились и Паскевичъ, доведенный почти до отчаянія трудностями отношеній, ходатайствовалъ о дозволеніи оставить службу на Кавказѣ, генераль-квартирмейстеръ графъ Сухтеленъ—этотъ alter ego начальника главнаго штаба барона Дибича,—посвященный во всѣ тайны и дѣла того времени, писалъ ему 24-го января 1827-го года: «были бы «весьма рады, если бы Вы вначалѣ (т. е. по пріѣздѣ на «Кавказъ) воспользовались даннымъ Вамъ полномочіемъ, «но такъ какъ тогда Вы довольствовались добывать «славу и добровольно стали въ положеніе подчиненнаго, «то въ настоящее, по крайней мѣрѣ, время отъ Васъ «ожидаютъ проявленія чувства самопожертвованія..... «и чѣмъ ваши отношенія съ «Цезаремъ» (т. е. съ Ермоловымъ) будутъ лучше, тѣмъ болѣе Вы будете.... полезнѣе «себѣ здѣсь (т. е. въ Петербургѣ) *)».

*) L'on eût peut-être été charmé de Vous voir dès le commencement user des pouvoirs qui Vous étaient donnés. Une fois que Vous Vous êtes contenté d'acquérir la gloire et de Vous ranger en sous-ordre, l'on ne doit plus, pour le moment du moins, vouloir de Vous qu'un esprit d'abnégation et l'attention d'un personnage dont la voix est pondérante et dont les yeux sont ou-

Послѣ долгихъ переговоровъ, Паскевичу наконецъ удалось достигнуть своей цѣли. 1-го сентября вечеромъ Ермоловъ сказалъ ему уже спокойнымъ тономъ: «Я отдалъ въ приказѣ объ Васѣ, чтобы Вы войсками командовали. Разумѣется, я Государева указа не могу удержать».

Приказъ, дѣйствительно, былъ отданъ въ тотъ же день, а 4-го сентября Паскевичемъ получено отъ генерала Ермолова предписаніе слѣдующаго содержанія:

«Персидскія войска подѣ начальствомъ Аббасъ-мирзы «блокируютъ въ Карабагѣ кр. Шушу. Для освобожденія «оной отъ блокады посылается туда отрядъ войскъ, «который поручаю начальству вашего превосходитель-
ства. Отрядъ сей будетъ состоять изъ 2 батальоновъ «Херсонскаго гренадерскаго полка, изъ 6-ти ротъ Гру-
зинскаго гренадерскаго, изъ 6-ти ротъ 7-го карабинер-
наго, изъ одного батальона 41-го Егерскаго, изъ Ниже-
городскаго драгунскаго полка, изъ 700 Донскихъ каза-
ковъ, изъ 16-ти батарейныхъ и 8-ми легкихъ орудій
«артиллеріи. Генераль-маіору князю Мадатову приказано
«съ частью сего отряда двинуться къ Елизаветполю и
«выгнать оттуда непріятели; другая часть находится на
«рѣчкѣ Акстафѣ, а третья собрана у Муганло и двинется
«подъ личнымъ распоряженіемъ вашимъ: она прикры-
«ваетъ транспортъ съ снарядами и другаго рода по-
«требностями. Подвигаясь впередъ, ваше превосхо-

verts sur tout. Plus Vous pourrez Vous maintenir en bonne intelligence avec «César», plus, j'en suis convaincu, Vous serez réellement utile où Vous êtes et utile à Vous-même ici où Vous n'êtes pas». (Письмо графа Сухтелена отъ 24-го января 1827-го года. См. прилож. № 2).

«дительство соедините всѣ сіи части въ Елизаветполѣ, «который, вѣроятно, занятъ уже княземъ Мадатовымъ». (Донесеніе о дѣлѣ при Шамхорѣ получено въ Тифлисѣ только 5-го сентября). «Давши войскамъ небольшой «отдыхъ, будете продолжать далѣе движеніе отряда въ «Карабагъ»».

Излагая предположеніе, что непріятель, желая воспользоваться своею многочисленною кавалеріею, вѣроятно встрѣтитъ Паскевича не въ горахъ около кр. Шуши, а впереди, гдѣ-нибудь въ равнинахъ Карабага, Ермоловъ прибавляетъ, что слѣдуетъ «преслѣдовать его (не-«пріятеля) доколѣ онъ не перейдетъ за Араксъ. Симъ «должны ограничиться дѣйствія отряда, который за «Араксъ не переводить».

Относительно продовольствія отряда, Ермоловъ сообщалъ Паскевичу, что князь Мадатовъ, правитель ханствъ, «занявъ Елизаветполь, соберетъ тамъ столько «хлѣба, что отрядъ можетъ взять онаго съ собою дней «на 15». Вообще продовольствіе предполагалось найти на мѣстахъ, — и Мадатову предоставлена была забота снабжать отрядъ Паскевича изобильными средствами края. Предписаніе заканчивалось такъ: «Теперь еще «не время наказывать виновныхъ въ измѣнѣ. Нужно съ «вниманіемъ разсмотрѣть вину cadaго и опредѣлить «мѣру заслуженнаго наказанія. По сей причинѣ ваше «превосходительство не извольте входить ни въ какія «разбирательства и изслѣдованія относительно поведе-«нія измѣнившихъ. Въ Шушѣ арестовано нѣсколько «бековъ; въ числѣ ихъ можетъ быть окажутся и невин-

«ные, но безъ моего разрѣшенія никого изъ-подъ ареста
«не освобождать».

«Съ вашимъ превосходительствомъ отправляю на-
«чальника Корпуснаго Штаба генераль-маіора Велья-
«минова. Въ теченіе 10-ти лѣтъ черезъ него проходили
«всѣ дѣла; онъ имѣлъ нѣсколько особенныхъ отъ меня
«порученій и потому могъ узнать многія лица, обычаи
«и образъ понятія здѣшнихъ народовъ, ихъ образъ войны
«и многія мѣстные обстоятельства, относящіяся до здѣш-
«няго края. Сими свѣдѣніями можетъ онъ быть для
«васъ полезнымъ» *).

Въ своихъ воспоминаніяхъ, записанныхъ подъ дик-
товку фельдмаршала въ декабрѣ 1847 года, Паскевичъ
говоритъ: «Въ это время узналъ я, что при вой-
«скахъ отряда Мадатова состояло продовольствія на
«12 дней **), а при тѣхъ, которыя должны были идти
«со мною, только на 7 или на 8 дней. Находя количе-
«ство это весьма недостаточнымъ, я обратилъ на пред-
«метъ этотъ вниманіе генерала Ермолова. Онъ подвелъ
«меня къ картѣ и говоритъ: «Видите, вотъ это Елиза-
«ветполь, это Араксъ, а это пунктъ, въ которомъ есть
«магазинъ съ большимъ количествомъ продовольствія; но
«въ немъ нужды вы имѣть не будете, ибо хлѣба и у
«Мадатова много; а вотъ здѣсь много деревень, боль-
«шое населеніе и въ нихъ всего достать можно». Не
«зная еще ничего въ этомъ краю, я долженъ былъ по-

*) Акты, № 676.

**) Ему не было извѣстно объ отбитыхъ Мадатовымъ у непріятеля запа-
сахъ провіанта.

«ложиться на такія точныя слова главнокомандующаго; но послѣ елизаветпольскаго сраженія удостовѣрился, что у Мадатова хлѣба было мало, магазинъ былъ въ 70 верстахъ и то почти пустой, а деревень, о которыхъ положительно говорилъ ген. Ермоловъ, никогда не существовало».

И далѣе:

«Черезъ 4 дня послѣ выступленія моего изъ Тифлиса ген. Ермоловъ также выступилъ съ 4.500 чел. и артиллерією, увѣрявши меня передъ тѣмъ, что у него нѣтъ ни одного солдата для усиленія отряда, долженствовавшаго начать дѣйствія противу персіянъ, которыхъ онъ самъ полагалъ въ такихъ огромныхъ силахъ. Но онъ не пошелъ на усиленіе къ войскамъ, впереди собраннымъ, чтобы принять начальство надъ 10-ью или 12-ью тысячами и дѣйствовать съ большею увѣренностію на успѣхъ съ этими силами, нежели съ 6-ью или 7-ью тысячами, которыя собирались подъ моею командою. Онъ остановился на половинѣ дороги отъ Тифліса къ Елизаветполю въ ожиданіи происшествій» *).

Генераль-адъютантъ Паскевичъ выѣхалъ изъ Тифлиса одинъ, безъ своего штаба, около полудня 5-го числа. Передъ его отъѣздомъ прибылъ курьеръ съ извѣстіемъ о Шамхорскомъ дѣлѣ. Паскевичъ разспрашивалъ его, а затѣмъ повторилъ свои разспросы на мѣстѣ у свидѣтелей. Оказалось, что у непріятели было 4 т.

*) Семейн. арх. кн. Паскевича.

конницы, 2 батальона пѣхоты и 4 орудія. Мадатовъ выдвинулъ артиллерію впередъ, пѣхота шла батальонъ за батальономъ. Непрiятель, не дождавшись атаки нашихъ войскъ, побѣжалъ отъ первыхъ выстрѣловъ нашей артиллеріи. «Авангардъ персіанъ», пишетъ Паскевичъ, «нисколько не держался: нѣсколько выстрѣловъ все покончили».

Въ 9 часовъ вечера Паскевичъ пріѣхалъ въ сел. Муганлы, гдѣ былъ расположенъ первый эшелонъ его отряда, состоявшій изъ 10-ти орудій, 6-ти ротъ 7-го карабинернаго, 1-й 41-го егерскаго полка и 2-хъ ротъ Ширванскаго. Послѣднія были отправлены обратно (онѣ не значились въ предписаніи Ермолова и, какъ увидимъ въ 3-й главѣ, вошли въ составъ отряда, надъ которымъ онъ самъ принялъ личное начальство). Осмотрѣвъ отрядъ, Паскевичъ остался недоволенъ его состояніемъ. Не было въ отрядѣ ни лазарета, ни аптеки. И никто не могъ объяснить ему, почему войска, идущія въ бой, не снабжены столь, казалось бы, необходимыми предметами. Затѣмъ людей кормили дурно, крупъ не отпускали, рогатаго скота не было, говядину пріобрѣтали у маркитанта по дорогой цѣнѣ. Частные начальники вовсе не знали войска; — «маіоръ 42-го полка командуетъ карабинерами», пишетъ Паскевичъ, «съ которыми онъ не служилъ и которыхъ не знаетъ». Наконецъ, шестидневный провіантъ везли сзади отряда на волахъ.

6-го числа отрядъ двинулся и, пройдя Сала-оглы, подошелъ 7-го числа, къ 5-ти часамъ пополудни, на ночлегъ къ посту Тоузскому. «Воловые подводы», пи-

шетъ Паскевичъ, «вышедши въ этотъ день въ 3^{1/2} часовъ утра, едва подошли къ отряду въ 7 часовъ вечера». Эти воловья подводы постоянно опаздывали и, заставляя голодать солдатъ, приводили въ негодование Паскевича.

На ночлегъ полученъ рапортъ кн. Мадатова генералу Ермолову о томъ, что есть извѣстія, что Аббасмирза идетъ впередъ. Это заставило генерала Паскевича подвинуться на 12 верстъ впередъ. Онъ, съ своей стороны, отправилъ рапортъ генералу Ермолову и отдалъ слѣдующій приказъ:

«Завтрашній день войска выступаютъ на Дзегамъ. Войска, которыя были на Акстафъ и Хассанъ-Су под командою подполковника Грекова, равно какъ и Нижегородскій драгунскій полкъ, должны выступить завтра въ 6 часовъ утра; воловья повозки, при семь отрядъ находящіяся, должны выступить въ 3 часа утра подъ прикрытіемъ 100 человекъ. Отрядъ, который идетъ изъ Кодъ, долженъ выступить поутру въ половинѣ седьмого часу, отправивъ транспортъ съ артиллерійскими снарядами и прочія воловья повозки въ 3 часа пополудни».

«Казаковъ, которые находились въ отрядъ на Акстафъ, препроводить въ главную квартиру, гдѣ будутъ они находиться впредь до приказанія».

8-го числа отрядъ шелъ съ 6-ти до 10-ти часовъ утра. Въ этотъ промежутокъ времени осмотрѣнъ Нижегородскій драгунскій полкъ и присоединенъ къ прочимъ войскамъ. Въ полку оказалось до 900 лошадей

и Паскевичъ нашель, что онѣ «весьма дурно кормлены». Послѣ трехчасового отдыха войска продолжали движеніе до Дзегамы; тогда же получено извѣстіе отъ князя Мадатова, побудившее генераль-адъютанта Паскевича идти форсированнымъ маршемъ, чтобы прибыть въ Елизаветполь ранѣе 10-го числа. Извѣстіе это было весьма тревожнаго свойства.

Князь Мадатовъ, занявъ Елизаветполь 4-го числа, на второй же день сталъ заботиться о запасахъ продовольствія для отряда. Такъ какъ хлѣбъ былъ еще на поляхъ, то надо было побудить мѣстныхъ жителей перевезти его въ городъ, чему противодѣйствовало все населеніе и въ особенности семейства изъ племени Каджаровъ. Многочисленная армія Аббаса-мирзы, какъ имъ было это извѣстно, еще 5-го числа снявъ осаду Шуши, шла на Елизаветполь. Мадатовъ, сосредоточивъ въ Елизаветполѣ три батальона и 800 человекъ иррегулярной кавалеріи, очевидно, не могъ держаться противъ 40 тысячной персидской арміи. Такое положеніе дѣлъ ободряло мѣстное мусульманское населеніе, хотя не явно, но упорно противодѣйствовать заботамъ и распоряженіямъ Мадатова по продовольственной части.

7-го числа Мадатовъ отправилъ двухъ офицеровъ къ командиру эшелона, оставшагося въ Акстафѣ, съ приказаніемъ, «чтобы онъ слѣшилъ къ нему на помощь». Тогда же въ мѣстномъ населеніи распространился слухъ, что въ Акстафу прибыли войска изъ Тифлиса съ какимъ-то новымъ генераломъ, имени котораго еще никто не зналъ. Но изъ Акстафы, какъ пред-

полагалъ кн. Мадатовъ, къ нему не могъ подойти отрядъ ранѣе десятаго числа, тогда какъ Аббасъ-мирза безъ всякаго усилія могъ появиться девятаго. 8-го числа, послѣ полудня, полученъ былъ отвѣтъ отъ новаго начальника изъ Акстафы. Отрядъ шелъ форсированнымъ маршемъ и обѣщалъ быть подъ стѣнами Елизаветполя 9-го числа къ вечеру. Начальникомъ этого отряда, какъ тогда впервые узналъ князь Мадатовъ, былъ генераль-адъютантъ Паскевичъ *).

Къ счастью, Аббасъ-мирза, двигаясь медленно и дойдя 8-го числа только до рѣки Тертера, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ остановился и расположился лагеремъ. А Паскевичъ, несмотря на сильный дождь, лившій 8-го числа въ теченіе цѣлыхъ сутокъ, сдѣлалъ 9-го сентября переходъ въ 46 верстъ и сталъ вечеромъ того же дня въ 7-ми верстахъ отъ Елизаветполя. Всѣ тяжести были оставлены, только артельныя повозки и десять зарядныхъ ящиковъ артиллеріи слѣдовали за отрядомъ.

10-го сентября, утромъ, Паскевичъ въѣхалъ въ Елизаветполь, сопровождаемый Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ, и, не останавливаясь въ городѣ, прямо прослѣдовалъ въ лагерь, расположенный въ верстѣ за городомъ.

*) Записки гр. Симонича.—Неизвѣстно изъ какихъ источниковъ въ цитированномъ выше сочиненіи Дубровина приводится, будто бы «ревнивый къ своей славѣ и опасаясь, что кн. Мадатовъ вырветъ изъ его рукъ побѣдныя лавры, Паскевичъ съ дороги отправилъ предписаніе князю не предпринимать безъ него наступленія (?)», о которомъ, очевидно, Мадатовъ не могъ и помышлять.

Первыя впечатлѣнія его должны были быть крайне тягостны. Ермоловъ, какъ въ предписаніи своемъ, такъ и словесно, объяснялъ Паскевичу, что дѣло продовольствія отряда возложено на правителя ханствъ князя Мадатова, который, какъ говорилъ Ермоловъ, зная хорошо край и будучи опытенъ въ дѣлѣ управленія, съумѣетъ вполне обезпечить продовольствіе его отряда. Но, къ немалому изумленію Паскевича, Мадатовъ съ первыхъ же словъ объявилъ, что не желаетъ, какъ онъ выразился, быть «генераль-провіантмейстеромъ отряда» и, считая такое порученіе для себя обиднымъ и унижительнымъ, хотѣлъ немедленно оставить отрядъ и уѣхать въ Тифлисъ. Паскевичу удалось его уговорить. «Послѣ», пишетъ Паскевичъ, «я узналъ, что все это играно было». Дѣйствительно; зная прошедшее князя Мадатова и его заботливость по устройству усадьбы въ собственномъ имѣніи Чинахчи руками нижнихъ чиновъ, такое отвращеніе къ обязанностямъ провіантмейстера, слѣдуетъ предполагать, было «играно», въ виду какихъ-то, еще не выяснившихся, намѣреній и цѣлей *).

*) Самое прибытіе Паскевича уже не могло быть пріятно Мадатову, который лишился чрезъ то командованія карабагскимъ отрядомъ. Это предвидѣлъ и Ермоловъ, 9-го сентября писавшій своему любимцу, быть можетъ, не безъ задней мысли еще болѣе раздражить его и возстановить противъ новаго начальника: «Не оскорбитесь, ваше сіятельство, что вы лишаетесь случая быть начальникомъ отряда, тогда какъ предлежитъ ему назначеніе блистательное. Конечно, это не сдѣлаетъ вамъ удовольствія, но случай сей не послѣдній, и вы, безъ сомнѣнія, успѣете показать сколько давнее пребываніе ваше здѣсь, столько знаніе непріятели и здѣшнихъ народовъ можетъ принести пользы службѣ Государя. Употребите теперь дѣятельность вашу и помогайте всѣми силами новому начальнику, который, по незнанію свойствъ

Ознакомившись съ войсками, Паскевичъ усмотрѣлъ, что нѣкоторые батальоны отряда не знали даже построений, для боя крайне необходимыхъ; такъ, напримеръ, не умѣли строиться въ колонны изъ каре и обратно. Усиленная постройка казармъ и другихъ зданій, сельскія занятія въ пользу командировъ и т. п. легко объясняютъ столь слабую подготовку войскъ. «Нельзя «себѣ представить», пишетъ Паскевичъ, «до какой степени они не выучены, ибо многіе изъ нихъ не умѣли «построиться изъ колонны въ каре и изъ каре въ колонну—все что я отъ нихъ только требовалъ». Далѣе Паскевичъ прибавляетъ: «не знаю, какъ я пойду съ «этими первобытными». Кое-какъ наладивъ въ теченіе 11-го числа дѣло построений въ колонны и каре, Паскевичъ 12-го числа учить отрядъ свой боевому порядку почти въ виду непріятеля (въ тотъ же день показали персидскіе разъѣзды). Одновременно Паскевичъ устраивалъ походные лазареты и перевязочные пункты, и какъ только они были готовы, сейчасъ же рѣшился идти на встрѣчу персидской арміи.

Въ ночь съ 12-го на 13-е число, передъ разсвѣтомъ, пріѣхали къ Паскевичу перебѣжчики: нѣкто Бегларовъ (Юсуфъ)—армянинъ изъ Карабага, вполне преданный Россіи, и бѣглый съ Сальянскихъ ватагъ астраханскій армянинъ Александровъ. Они сообщили, что въ эту же ночь Аббасъ-мирза хотѣлъ атаковать русскій

здѣшнихъ народовъ, будетъ имѣть нужду въ вашей опытности. Обстоятельства таковы, что мы всѣ должны дѣйствовать единодушно («Жизнь кн. Мадатова», стр. 241 и «Посл. дни пребыв. Ермолова на Кавказѣ», IV).

отрядъ, чему однако воспрепятствовали его совѣтники; тѣмъ не менѣе персидская армія готовилась къ наступленію и, вѣроятно, черезъ нѣсколько часовъ, Паскевичъ будетъ атакованъ. Немедленно было сдѣлано распоряженіе: оставивъ вагенбургъ въ лагерѣ подъ прикрытіемъ двухъ ротъ Херсонскаго полка, при двухъ орудіяхъ, раннимъ утромъ, поспѣшно накормивъ людей, выступить на встрѣчу Аббаса-мирзы. Въ то время, когда это распоряженіе дѣлалось, какой-то шамшадильскій татаринъ подскакалъ къ ставкѣ генерала. Онъ утверждалъ, что наканунѣ выѣхалъ изъ Шамхора и прискакалъ предупредить Паскевича, что ханъ Эриванскій, съ значительнымъ отрядомъ перейдя горы у Чалдыра, идетъ ему въ тылъ. «Я самъ», говорилъ татаринъ, «былъ въ числѣ его проводниковъ и оставилъ его въ «Шамхорѣ». Паскевичъ, выслушавъ татарина, обратился къ окружавшимъ его начальникамъ частей отряда. «Ну какъ намъ, господа, теперь дѣйствовать?» спросилъ онъ. Ему отвѣтилъ одинъ только гр. Симоничъ: «Разобъемъ Аббаса-мирзу, а затѣмъ сардаръ самъ исчезнетъ», съ чѣмъ немедленно согласился Паскевичъ и велѣлъ бить походъ.

Тотъ же гр. Симоничъ *), одинъ изъ полковыхъ командировъ отряда Паскевича, въ запискахъ своихъ говоритъ: «Впослѣдствіи мы узнали, что татаринъ насъ обманулъ: ханъ Эриванскій не покидалъ своего дворца и войскъ своихъ не посылалъ въ Шамхоръ. Однако

*) Послѣ Грибоѣдова бывшій посланникомъ въ Персію.

«трудно тогда было не вѣрить татарину. На видъ это «былъ простой пастухъ, совершенно искренно сообщав- «шій намъ то, въ чемъ онъ самъ участвовалъ. Кто его «подъучилъ и послалъ? Это тайна, которая, кажется, «никогда не выяснится. Замѣчательно, что въ то же «время генералъ Ермоловъ, въ Тифлисѣ, получилъ со- «вершенно такое же извѣстіе и оно показалось ему до «такой степени достовѣрнымъ, что онъ тогда же рѣ- «шился выступить изъ Тифлиса съ послѣдними вой- «сками и стать лагеремъ въ Хассанъ-Су». Мнѣніе это не вполне справедливо. Сардаръ Эриванскій перешелъ горы, но еще не подходилъ къ Шамхору; онъ остано- вился, какъ бы выжидая результата дѣйствій арміи Аббаса-мирзы,—но часть его кавалеріи дѣйствительно была направлена на Елизаветпольскую дорогу.

Въ 7 часовъ утра, 13-го сентября, отрядъ Паскевича выступилъ изъ лагеря.

Волнообразная равнина, по которой на встрѣчу ар- міи Аббаса-мирзы шелъ отрядъ Паскевича, упираясь на западъ въ отроги горнаго Карабага, тянется одно- образнымъ безлѣснымъ пространствомъ — на востокъ до рѣки Куры, а на югъ до рѣки Аракса. Изрѣзанная извилистыми, но не глубокими оврагами, при напорѣ горныхъ водъ быстро превращаемыми въ русла стреми- тельныхъ рѣкъ, на равнинѣ этой, въ дождливое время трудно проходимою, нигдѣ не найдется сколько нибудь выгодной оборонительной позиціи. Вообще, для значи- тельныхъ боевыхъ столкновений, топографическія усло- вія этой мѣстности не имѣютъ серьезнаго значенія, —

*Два плана
Елизавет-
польскаго
сраженія.*

въ сухое время неглубокіе и удобно проходимые овраги и незначительные холмы не скроютъ движенія войскъ, не усилятъ обороны и не облегчатъ атаки.

Пройдя двѣ версты, Паскевичъ остановилъ отрядъ и по пути наступленія Аббаса-мирзы выслалъ конные разъѣзды; не прошло и полчаса, какъ показался авангардъ персидской арміи. Вскорѣ, въ верстахъ трехъ отъ фронта нашей позиціи, выравнялась вся армія Аббаса-мирзы. Выстроенная въ нѣсколько вогнутую линію, она была ясно видна съ холмовъ, занятыхъ русскимъ отрядомъ; значительность персидскихъ силъ уже не подлежала сомнѣнію.

Восемнадцать батальоновъ тысячнаго состава регулярной пѣхоты (сарбазовъ) стояли въ одну линію, имѣя въ интервалахъ батареи въ четыре и три орудія, (всей регулярной артиллеріи насчитывалось около 25 орудій). За фронтомъ виднѣлась многочисленная горная артиллерія на верблюдахъ. Массы кавалеріи, около 25 т. человекъ, были размѣщены по обоимъ флангамъ арміи. Въ резервѣ, за первую линію, стояло два батальона регулярной шахской гвардіи (джамбазы) и 4 т. регулярной кавалеріи. Въ такомъ порядкѣ, повидимому слишкомъ 40-ка-тысячная персидская армія стояла болѣе часа, не двигаясь съ мѣста и не рѣшаясь атаковать едва 7-ми тысячный русскій отрядъ *).

*) По счету Дубровина (тамъ же), безъ указанія на источники, въ отрядѣ Паскевича подъ Елизаветполемъ было 10.319 человекъ (отъ 1100 до 1200 и болѣе человекъ въ батальонѣ) съ 24-мя орудіями. Но это исчисленіе, основанное, вѣроятно, на положенномъ составѣ строевыхъ частей, кате

Паскевичъ находился впереди первой линіи и высматривалъ позицію непріятеля. Около 9 часовъ утра къ нему подъѣхали подполковники графъ Симоничъ и Грековъ. «Наши войска», сказали они, «несомнѣнно «окажутъ чудеса храбрости при атакѣ, но мы предупреждаемъ ваше превосходительство, что солдаты наши «не привыкли къ оборонѣ». «Который часъ?» спросилъ ихъ Паскевичъ.—«Девять», отвѣтилъ графъ Симоничъ.—«Ну, такъ пора, впередъ, съ Богомъ». Весь отрядъ двинулся. Сраженіе началось.

Вся русская пѣхота въ полубатальонныхъ колоннахъ шла въ три линіи. Въ первой, подъ начальствомъ полковника Авенариуса, шли два полубатальона Ширванскаго полка и два 41-го егерскаго, имѣя въ интервалахъ 12-ть орудій. Впереди фронта были разсыпаны стрѣлки. Вторую линію велъ подполковникъ Симоничъ,— она была наиболѣе сильною и состояла изъ 3-хъ полубатальоновъ Грузинскаго полка и 3-хъ полубатальоновъ 7-го карабинернаго при 4-хъ орудіяхъ. За второю линіею шли шесть эскадроновъ Нижегородскихъ драгунъ подъ начальствомъ полковника Шабельскаго. Такое расположение регулярной кавалеріи отряда было сдѣлано съ цѣлью оберечь ее отъ первыхъ натисковъ массы непріятельской конницы. Паскевичъ имѣлъ въ виду воспользоваться ею для рѣшительнаго удара, когда обстоя-

горически опровергается помѣщенными въ запискахъ гр. Симонича свѣдѣніями о боевомъ составѣ отряда, да и Муравьевъ (Карскій) говоритъ въ своихъ запискахъ, что у Паскевича было не болѣе 7.000 пѣхоты. («Р. арх.» 1889 г., № 8, стр. 537).

тельства боя вполне выяснятся. Въ третьей линіи, подъ начальствомъ полковника Попова, шли два полубатальона Херсонскаго полка при 6 орудіяхъ. Четыре сотни казаковъ, подъ начальствомъ подполковника Грекова, слѣдовали за правымъ флангомъ отряда, а грузино-татарская милиція—за лѣвымъ. Разстояніе между первой и второй линіей было около 200 шаговъ. Третья линія двигалась сзади драгунъ, также на 200 шаговъ. Князь Мадатовъ командовалъ пѣхотой, а генералъ Вельяминовъ артиллерію.

Въ батальонахъ подъ ружьемъ не было болѣе 800 человекъ. Въ казачьихъ сотняхъ, всѣхъ вмѣстѣ, насчитывалось едва 500 человекъ. Милиція грузино-татарская имѣла не болѣе 300 человекъ.

Подойдя къ непріятелю на пушечный выстрѣлъ, отрядъ остановился и открылъ изъ 12-ти орудій первой линіи сильный огонь; имъ отвѣчали 25-ть орудій и около 50 фальконетовъ (горныхъ орудій) персидской арміи. Одновременно нѣсколько батальоновъ сарбазовъ пользуясь оврагомъ, идущимъ перпендикулярно къ нашей позиціи, двинулись, огибая нашъ лѣвый флангъ. Въ то же время масса кавалеріи ринулась на грузино-татарскую милицію, которая, не встрѣтивъ атаки, бросилась къ вагенбургу. Часть персидской кавалеріи преслѣдовала ее и окружила вагенбургъ. Аббасъ-мирза рѣшился, повидимому, атаковать нашъ лѣвый флангъ, отбросить весь русскій отрядъ на Карабагскія горы и стать на его сообщеніи. Наши крайнія лѣвофланговыя колонны второй линіи были нѣсколько смяты и подались назадъ.

Персидская армія, сосредоточивая артиллерійскій огонь на лѣвомъ флангѣ русскаго отряда, все болѣе и болѣе стягивалась къ своему правому флангу.

Генераль Паскевичъ, объѣзжая наши линіи, былъ охваченъ скачущею къ вагенбургу грузино-татарскою милиціею. Не имѣя возможности ее остановить, онъ, подѣхавъ къ лѣвому флангу, убѣдился въ намѣреніяхъ Аббаса-мирзы и тутъ же рѣшился воспользоваться растянутостью персидской арміи и прорвать ея центръ. По его приказанію, Вельяминовъ, подготавливая рѣшительный ударъ, искусно сосредоточилъ артиллерійскій огонь въ центръ арміи Аббаса-мирзы. Не прошло и часу времени, какъ Мадатовъ повелъ первую и вторую линіи въ штыки; громкое ура раздалось въ русскомъ отрядѣ, но первая линія, подойдя къ непріятелю и встрѣченная почти въ упоръ сильнымъ ружейнымъ огнемъ—нѣсколько замаялась *),—вторая линія быстро и рѣшительно двинулась впередъ; тогда ширванцы опомнились и дружнымъ натискомъ въ штыки смяли сарбазовъ. Персидскіе батальоны разсыпались и, отстрѣливаясь, стали быстро отступать, а вся кавалерія персидской арміи обратилась въ бѣгство.

Въ то время, когда шла атака на центръ войскъ Аббаса-мирзы, лѣвый непріятельскій флангъ, съ массою кавалеріи наступаая на нашъ правый флангъ, чуть было не окружилъ три роты Херсонскаго полка и два эскад-

*) По словамъ графа Симонича, замаялись только ширванскіе батальоны; что же касается егерей, которые также находились въ первой линіи, то о нихъ онъ не упоминаетъ.

рона Нижегородскихъ драгунъ съ двумя орудіями; Паскевичъ двинулъ имъ на подкрѣпленіе 6 ротъ 7-го карабинернаго полка. Персидская кавалерія, не выдержавъ огня нашей пѣхоты, обратилась въ бѣгство. Вскорѣ и весь лѣвый флангъ персіанъ, благодаря рѣшительнымъ дѣйствіямъ этихъ 6-ти ротъ (7-го карабинернаго полка) бросился въ горы. Паскевичъ, выславъ имъ въ тылъ еще 4 роты Херсонскаго полка и поручивъ дальнѣйшее ихъ преслѣдованіе князю Мадатову, самъ двинулся за отступающими главными силами Аббаса-мирзы. Мадатову, въ горахъ, удалось настигнуть непріятеля и послѣ рѣшительныхъ двухъ атакъ, поддержанныхъ огнемъ артиллеріи, взять въ плѣнъ остатки двухъ батальоновъ съ полнымъ почти составомъ офицеровъ и 2-мя орудіями. Въ это время Паскевичъ на протяженіи 12-ти верстъ гналъ передъ собою армію персіанъ. Энергичное преслѣдованіе разсѣяло ее такъ, что значительная часть даже регулярной пѣхоты (сарбазовъ) разбѣжалась во всѣ стороны, верстъ на 17-ть. При преслѣдованіи захвачено было четыре знамени *), одно орудіе, одинъ фальконетъ, 80 зарядныхъ ящичковъ и около 1000 плѣнныхъ, и только благодаря малочисленности кавалеріи русскаго отряда Аббасъ-мирза могъ спасти свою артиллерію. Вообще послѣдшность уже не отступленія, а бѣгства персидской арміи доказывается тѣмъ, что Аббасъ-мирза съ главными силами 15-го числа вечеромъ находился въ Хачинѣ, то-есть въ 60-ти верстахъ отъ мѣста сраженія.

*) Переводъ надписей знаменъ см. въ прилож. № 3.

Разбитая и разсѣянная армія персіанъ спѣшила за Араксъ. Ей приходилось въ Карабагѣ на себѣ испытывать равнодушіе кочующихъ мусульманъ къ «джавату» и врожденную имъ страсть къ грабежу. Еще во время сраженія около Елизаветполя показала конная толпа разныхъ татаръ (около 500 человекъ). Они внимательно слѣдили за ходомъ боя, и какъ только отступленіе персіанъ превратилось въ бѣгство, такъ толпа эта, постепенно увеличиваясь, стала грабить единовѣрцевъ, брать плѣнныхъ и приводить ихъ въ русскій лагерь, рассчитывая на награду. Конечно, въ случаѣ несчастнаго для насъ исхода сраженія, грабежъ принялъ бы размѣры несравненно болѣе значительные.

«Въ то время, какъ мы сражались», пишетъ Паскевичъ Дибичу *), «пять человекъ Джарскихъ татаръ «были присланы для наблюденія за сраженіемъ и по «разбитіи персіанъ сейчасъ поѣхали дать знать своимъ «единоземцамъ, которые, собравшись, готовы были идти «грабить Грузію».

Точно опредѣлить потери персидской арміи весьма трудно; на полѣ сраженія она оставила около 1000 человекъ убитыхъ; на 12-ти верстномъ преслѣдованіи, а затѣмъ въ горахъ, вѣроятно, приблизительно столько же. Наша же потеря сравнительно была не велика. «Къ не-«счастію», писалъ Паскевичъ въ донесеніи своемъ Государю, «убить у насъ отличный штабъ-офицеръ, Шир-

*) Письмо отъ 14-го сентября 1826 года изъ лагеря при Куракчаѣ (военно-ученый архивъ, секретное дѣло № 5850 (а), лл. 119 и 120).

«ванскаго пѣхотнаго полка подполковникъ Грековъ, въ то время, когда велъ въ штыки свой батальонъ; и два оберъ-офицера того же полка. Раненыхъ: подполковникъ графъ Симоничъ, 9 офицеровъ; рядовыхъ же убито 43, раненыхъ 240» *).

14-го числа, вечеромъ, Паскевичъ занялъ оставленный Аббасомъ-мирзою лагерь при Куракчаѣ, а 15-го, утромъ, выслалъ авангардъ къ рѣкѣ Тертеру.

Въ памяти современниковъ Елизаветпольское сраженіе возобновило славныя преданія Котляревскаго. Паскевичъ, какъ и Котляревскій въ 1812-мъ году, съ малымъ отрядомъ разсѣялъ значительныя силы персіянъ, но судьба еще болѣе благопріятствовала Паскевичу: она предоставила ему разбить первую регулярную и многочисленную персидскую армію,—ту армію, про которую еще въ 1817-мъ году Ермоловъ писалъ, что вскорѣ она не уступитъ и европейскимъ войскамъ.

Черезъ два дня послѣ Елизаветпольскаго сраженія, Паскевичъ, въ лагерь у Куракчая, получилъ предписаніе отъ Ермолова, посланное ему изъ Тифлиса еще 9-го сентября. «Если Вы будете имѣть сраженіе съ непріателемъ», писалъ ему Ермоловъ, «то оно кончится однимъ ударомъ, и непріатель будетъ разсѣянъ». Нѣсколько презрительное отношеніе къ непріателю, только что побѣжденному, раздражило Паскевича. «Итакъ тотъ, который хотѣлъ вести оборонительную войну», пишетъ онъ, получивъ предписаніе, въ своемъ частномъ жур-

*) Всеподд. рапортъ отъ 14 сентября. Тамъ же, лл. 109—112.

налѣ: — «и безъ повелѣнія Государя Императора не пошелъ бы впередъ, теперь даетъ приказаніе столь смѣлое. Я увѣренъ, что онъ противное думаетъ и, можетъ «статься, другимъ иначе говорить». Кажется, и Ермоловъ послѣ Елизаветпольскаго сраженія не примирился съ непріятнымъ для него назначеніемъ Паскевича на Кавказъ. Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ объ этомъ сраженіи *), отдавая должную справедливость храбрости и неустрашимости войскъ, онъ вовсе не упоминаетъ о начальствующихъ лицахъ, такъ что легко предположить, читая его донесеніе, что одна неустрашимость войскъ разбила непріятеля, безъ всякаго участія и распоряженія начальства отряда. вмѣстѣ съ тѣмъ Ермоловъ находилъ невозможнымъ опредѣлить даже приблизительно численность арміи Аббаса-мирзы въ сраженіи подъ Елизаветполемъ. «Количество сихъ послѣднихъ **») (то-есть силъ непріятеля)», писалъ онъ Государю, «съ точностью опредѣлить нельзя, ибо самъ Аббасъ-мирза разсѣваетъ о нихъ ложные слухи и для того, чтобы ободрить войска, и для того, чтобы дать надежды возмутившимся противъ насъ». Тѣмъ не менѣе, заключалъ Ермоловъ, «одержанный успѣхъ надъ Аббасомъ-мирзою, большое будетъ имѣть вліяніе на возмутившіяся мусульманскія провинціи». Но Государь, еще не имѣя извѣстія о побѣдѣ, получилъ въ Москвѣ подробныя свѣдѣнія о численности дѣйствующей въ предѣлахъ на-

*) Акты, собранные археогр. комм., № 686.

**) Тамъ же.

шихъ персидской арміи. Именно, наканунѣ Елизаветпольскаго сраженія, князь Меншиковъ, недавно возвратившійся изъ Персіи, послалъ курьера изъ Тифлиса къ графу Нессельроде и барону Дибичу съ подробными свѣдѣніями объ арміи Аббаса-мирзы. Свѣдѣнія, сообщенныя Меншиковымъ, были вполнѣ вѣрны и опредѣлительны. «У Аббаса-мирзы», писалъ онъ, «18 батальоновъ сарбазовъ (регулярной пѣхоты), 24 орудія и 10.000 конницы» *). Меншиковъ не принялъ только въ расчетъ джамбазовъ и шахской кавалеріи, присоединившихся къ Аббасу-мирзѣ за нѣсколько дней до Елизаветпольскаго сраженія, то-есть тогда, когда Меншиковъ былъ уже въ Грузіи **).

Первое свое донесеніе Паскевичъ послалъ Государю изъ Елизаветполя 10-го сентября, излагая въ немъ собранныя имъ свѣдѣнія о дѣлѣ при Шамхорѣ. Паскевичъ писалъ: «пораженіе непріятели гораздо значительнѣе, нежели я воображалъ; вся дорога отъ Шамхора на разстояніи 20-ти верстъ наполнена мертвыми тѣлами,—они имѣли до 6.000 кавалеріи и 2 батальона и 4 орудія, они не выдержали дѣйствія нашей артиллеріи, бросились бѣжать и были поражаемы казаками» и т. д.. Затѣмъ, въ томъ же донесеніи, Паскевичъ пишетъ, что «двинувшись 8-го числа изъ Тоузы форсированнымъ маршемъ, онъ 9-го числа, въ ночь, подошелъ къ Елизаветполю» и такимъ образомъ готовъ

*) Военно-ученый архивъ, отд. II, № 2462, лл. 36—37. См. прил. № 4.

***) См. показаніе плѣннаго Угурлу-хана въ прилож. № 5.

быль «сикурсировать» отрядъ Мадатова. Но «Аббасъ-мирза, третій день», продолжаетъ Паскевичъ, «стоитъ на Тертерѣ въ 60 верстахъ отсюда». Паскевичъ относительно численности персидской арміи въ то время нѣсколько ошибался. Напримѣръ, онъ пишетъ, что у Аббаса-мирзы «до 20-ти небольшихъ батальоновъ регулярной пѣхоты, что составитъ около 8.000 человекъ». Черезъ три дня, въ сраженіи подѣ Елизаветполемъ, онъ убѣдился въ тысячномъ составѣ этихъ батальоновъ, о чемъ, впрочемъ, и кн. Меншиковъ тогда же писалъ графу Нессельроде и Дибичу. Донесеніе это заканчивается благоприятнымъ отзывомъ о Мадатовѣ: «Князь Мадатовъ здѣсь весьма нужный человекъ, онъ, бывши изъ первыхъ помѣщиковъ въ Карабахѣ и зная здѣшніе языки, большое вліяніе имѣетъ» *).

Это донесеніе Паскевича, за отсутствіемъ Ермолова, получилъ въ Тифлисѣ Вельяминовъ 1-й въ запечатанномъ пакетѣ, адресованномъ въ собственныя руки Его Величества, и 15-го сентября препроводилъ его Дибичу при рапортѣ отъ себя, въ которомъ сообщалъ Дибичу, «что слухъ носится, будто Аббасъ-мирза намѣренъ дать «сраженіе». 28-го сентября тотъ же Вельяминовъ переслалъ изъ Тифлиса Дибичу донесенія Паскевича и Ермолова о Елизаветпольской побѣдѣ.

Въ донесеніи отъ 14 сентября, какъ Государю, такъ и Ермолову, Паскевичъ, излагая ходъ Елизаветпольской

*) Рапортъ отъ 10 сент., изъ лагеря при Елизаветполѣ (см. секр. дѣло № 5850 (а), лл. 105 и 106).

битвы говорить: «непріятель атаковалъ меня въ 4-хъ «верстахъ отъ Елизаветполя въ числѣ 15-ти тысячъ «регулярной пѣхоты и около 20-ти тысячъ кавалеріи и «иррегулярной пѣхоты». Почти совершенно умалчивая о себѣ, Паскевичъ въ особенности выставляетъ генераловъ Вельяминова и князя Мадатова. «По ихъ приказанію», пишетъ онъ, «произошла атака въ центрѣ арміи Аббаса-мирзы, рѣшившая Елизаветпольскую побѣду. «Осмѣливаюсь обратить вниманіе Вашего Императорскаго Величества», писалъ Паскевичъ Государю, «на истинныя военныя достоинства господъ генераль-маіоровъ князя Мадатова и Вельяминова».

Въ тотъ же день Паскевичъ писалъ и Дибичу и приложилъ къ письму наскоро имъ самимъ набросанный планъ Елизаветпольскаго сраженія. «Вы не можете себѣ представить», писалъ Дибичу Паскевичъ, «ихъ (непріятеля) разсѣянность; но догнать было нечѣмъ, «да и трудно, ибо они такъ бѣгутъ, что трудно ихъ догнать. Однако не думайте, чтобы они совершенно «дурно дрались; пришли въ дистанцію безъ выстрѣла, «фрунтомъ открыли батальонный огонь хотя бы лучшей «пѣхотѣ, но истиннымъ мужествомъ были разсѣяны. «Могу увѣрить, что дурныя войска были бы опрокинуты». Паскевичъ, несомнѣнно, давно уже сознавалъ, что войска, и наканунѣ сраженія изучившія построенія въ колонны и каре, въ бою, при извѣстномъ нравственномъ настроеніи, могутъ бить непріятеля, тщательно обученнаго всѣмъ тонкостямъ строевой службы. Еще въ 1812 году, въ лагерь при Таругинѣ, ему пришлось изъ новобран-

цевъ въ нѣсколько дней, почти заново, сформировать свою славную 26-ю дивизию. «Я доволенъ драгунами», прибавляетъ онъ, въ письмѣ своемъ Дибичу, «которыхъ «я посылалъ на пѣхоту и кавалерію *)».

Государь получилъ донесенія о Елизаветпольской побѣдѣ дней черезъ десять послѣ обнародованія, такъ называемой, деклараціи о войнѣ съ Персією **).

Нѣсколько странно, что Елизаветпольское сраженіе происходило за три дня до объявленія войны, — и только въ тотъ день, когда Аббасъ-мирза, спасаясь отъ преслѣдованія Паскевича, успѣлъ добѣжать до Хачина, то-есть 16-го сентября, въ Москвѣ появилась эта «декларація»; но изъ Тегерана все-таки еще ни въ Петербургъ, ни въ Тифлисъ не было послано объявленіе войны.

Государь одному только Паскевичу приписывалъ эту первую побѣду своего царствованія. Слѣдующее частное и дружеское письмо, написанное Государемъ подъ первымъ впечатлѣніемъ полученныхъ донесеній, выясняетъ, какъ намъ кажется, и отношенія Государя къ Паскевичу, и значеніе его командировки на Кавказъ. Приводимъ его дословно:

*) Письмо Паскевича отъ 14 сент. 1826 г. изъ лагеря при Куракчаѣ. Военно-учен. арх., отд. II, секр. дѣло № 5850 (а), лл. 119 и 120.

**) Декларація о войнѣ съ Персією. Акты, собранные Археогр. коммис., № 684.

Его Высокопревосходительству
Иванъ Федоровичу
Паскевичу.

Москва 28-го сентября
1826 года.

Получивъ отъ Васъ извѣстіе объ одержанной вами побѣдѣ, *первой въ мое царствованіе*, и приѣмля оную какъ знакъ видимой благодати Божіей на насъ, мнѣ душевно пріятно, любезный мой Иванъ Федоровичъ, старый мой командиръ, что предсказаніе мое вамъ при прощаніи сбылось; не менѣе того, *я увѣренъ, что, еслибъ не ваши стараніе и умъніе, такихъ послѣдствій не было бъ, и—зная это, послалъ я васъ*. Теперь надо не довольствоваться симъ добрымъ началомъ; когда можно, и первыя подкрѣпленія подоспѣютъ, итти должно *pour rendre la visite*; свѣдѣнія, которыя кн. Меншиковъ намъ доставилъ объ Эриванѣ, доказываютъ, что надо ожидать въ Эриванѣ главнаго сопротивленія, и что безъ осады не обойдется, потому должно къ тому приготовиться; я писалъ къ г. Ермолову, что я считаю возможнымъ взять крѣпостныя орудія изъ ближнихъ крѣпостей; минеръ я высылаю нѣкоторое число отсюда; но все сіе требуетъ время. Рѣшить должно, можно ли войти въ Персію и, дойдя до Аракса, блокировать Эриванъ до прибытія осадныхъ принадлежностей; во всякомъ случаѣ, желательно не давать Персіанамъ опомниться; стало, чѣмъ скорѣе появимся мы у нихъ, тѣмъ считаю лучше.

Я жду списки отъ васъ представляемыхъ къ награ-

дамъ; невольно вспоминаю Вильну, и какъ мы оба, лежа на *брюхъ* на столахъ, воевали и спорили до слезъ! Вотъ судьба!

Прощайте, любезный Иванъ Федоровичъ; моя благодарность и дружба вамъ навсегда принадлежать.

Искренно вамъ доброжелательный

Николай.

За письмомъ послѣдовалъ весьма лестный рескриптъ, съ выраженіемъ особаго монаршаго благоволенія *), а передъ тѣмъ, тоже при рескриптѣ, «въ память «одержанной надъ персіянами побѣды», препровождалась Паскевичу шпага, украшенная алмазами, съ надписью: «за поражение персіянъ при Елизаветполѣ» **).

Такъ закончились первые шаги Паскевича на службѣ въ Закавказьи.

*) Секретн. дѣло № 5850 (а), л. 144, копія съ рескрипта 15 окт. 1826 г.

**) Сем. арх. кн. Паскевича (см. прилож. №№ 7 и 8). Тамъ хранится и письмо къ Паскевичу генерала Мишо, отъ 21 янв. 1827 г., въ которомъ этотъ сердечно расположенный къ покойному фельдмаршалу человекъ говорить о рескриптѣ и саблѣ, предсказывая своему другу новыя побѣды (см. прил. № 6).

ГЛАВА III.

Движеніе сардаря Эриванскаго.—Отрядъ Д. В. Давыдова.—Предположенія Муравьева.—Экспедиціи Ермолова.—Заботы о продовольствіи.—Общее положеніе дѣлъ послѣ Елизаветпольскаго сраженія.—Движеніе полковника Мищенко.—Желаніе Паскевича идти за Араксъ; сопротивленіе Ермолова.—Затрудненія въ продовольствіи Карабагскаго отряда.—Мадатовъ и армяне Каряновъ и Александровъ.—Реутъ и оборона Шуши.—Переписка Ермолова съ главнымъ штабомъ относительно продовольствія.—Движеніе Паскевича за Араксъ; цѣль этой экспедиціи.—Переписка съ графомъ Сухтеленемъ.—Прибытіе въ лагерь Паскевича его штаба.—Выступленіе Паскевича за Араксъ.—Усиленная рекогносцировка.—Обратная переправа у Асландуза.—Результаты усиленной рекогносцировки.—Ошибочный на нее взглядъ въ Петербургъ.

Въ связи съ дѣйствіями князя Мадатова, а затѣмъ генерала Паскевича, на правомъ и на лѣвомъ флангахъ ихъ отряда происходили военныя событія рѣшительнаго значенія для всего Закавказья.

Вскорѣ послѣ первыхъ дѣйствій передовыхъ отрядовъ арміи Аббаса-мирзы, въ ночь съ 1-го на 2-е сентября, Гассанъ-ханъ, братъ сардаря Эриванскаго, съ конницею не менѣе 3 т. человекъ напалъ на селенія, въ Лорійской степи лежащія, разорилъ и угналъ ихъ

скоть. Именно въ это время въ селеніи Лори находился князь Меньшиковъ, только что возвратившійся изъ Эрзерума. «На другой день по прибытіи моемъ въ «Лори», писалъ Меньшиковъ барону Дибичу, «братъ сардаря Эриванскаго явился грабить окрестности съ конницею около 3 т. человекъ, раздѣленною на два отряда. Я принялъ начальство надъ двумя карабинерными ротами противъ одной изъ этихъ колоннъ, и хотя я преслѣдовалъ ихъ цѣлый день до самой подошвы Карагача и заставилъ ихъ бросить часть разграбленной добычи, но не могъ дѣйствовать ружейнымъ огнемъ всего моего отряда. Только съ полтора десятка стрѣлковъ имѣли случай сдѣлать по нимъ выстрѣлы». Но когда войска наши начали стягиваться къ Елизаветполю, то одновременно съ наступленіемъ арміи Аббаса-мирзы, для рѣшительныхъ дѣйствій противъ Паскевича, сардаръ Эриванскій вступилъ въ Шамшадильскую дистанцію со стороны озера Гокча и сталъ на вершинахъ рѣчки Дзегамъ. Имѣлъ ли онъ намѣреніе зайти въ тылъ отряда генерала Паскевича или только ограбить приверженныхъ намъ жителей Казаха, рѣшить конечно трудно, но несомнѣнно, что, благодаря быстротѣ дѣйствій Паскевича противъ арміи Аббаса-мирзы, сардаръ Эриванскій успѣлъ бы подойти къ русскому отряду только въ то время, когда разбитая и разсѣянная персидская армія бѣжала къ берегамъ Аракса. Положительно извѣстно, что наканунѣ сраженія изъ персидскаго эриванскаго отряда была выслана кавалерія на Елизаветпольскую дорогу.

Ермоловъ, еще не зная о встрѣчѣ Паскевича съ Аббасомъ-мирзою, получилъ свѣдѣнія о движеніи сардаря Эриванскаго. Въ то время изъ Россіи только что пришелъ въ Тифлисъ Л.-Гв. сводный пѣхотный полкъ. Присоединивъ къ нему два батальона Ширванскаго полка, одинъ сводный батальонъ, 12 орудій и 400 казаковъ, Ермоловъ двинулся на встрѣчу Эриванскому сардарю. Но сардарь, извѣщенный еще ранѣе Ермолова о бѣгствѣ арміи Аббаса-мирзы, быстро перешелъ обратно горы и когда Ермоловъ, пройдя все Казахское ханство, сталъ у Хассанъ-Су, то не засталъ уже ни сардаря, ни его войска.

Извѣстіе объ елизаветпольскомъ пораженіи до такой степени напугало эриванскаго правителя, что, оставя незначительный наблюдательный отрядъ впереди Эривани, онъ самъ заперся въ крѣпости, а жители деревень сѣверной части его ханства, ожидая наступленія русскихъ отрядовъ, бѣжали въ горы. Тѣмъ не менѣе Ермоловъ не рѣшился воспользоваться паническимъ страхомъ персіянъ и не вторгнулся въ Эриванское ханство. «Я не «позволяю себѣ сего», писалъ онъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 17-го сентября 1826-го года, «опасаясь не-«достатка въ продовольствіи, паче же для лошадей, по «причинѣ приближающагося зимняго времени и особенно «въ томъ случаѣ, когда непріятель укроется въ крѣпостяхъ Эриванской и Сардаръ-Абадѣ, гдѣ могутъ помѣститься сильныя гарнизоны, для наблюденія за коими «необходимо довольно значительное число войскъ; за-«тѣмъ не останется у меня уже ничего для занятія про-

«винціи и снабженія себя продовольствіемъ или на от-
 «раженіе помощи, которая можетъ быть «прислана крѣ-
 «постямъ». Поручивъ начальство надъ отрядомъ своимъ
 генераль-маіору Давыдову, Ермоловъ возвратился въ
 Тифлисъ. Давыдовъ, перейдя 19-го сентября гору Бе-
 зобдалъ, 21-го при урочищѣ Миракъ разсѣялъ наблю-
 дательный отрядъ эриванскаго сардаря, бывшій подъ
 начальствомъ брата его Гассанъ-хана. Преслѣдуя его,
 Давыдовъ остановился въ урочищѣ Суда-Кенда прибли-
 зительно въ 30-ти верстахъ отъ Эривани, откуда, по
 приказанію Ермолова, возвратился въ урочище Джелаль-
 Оглу, гдѣ строилось укрѣпленіе неподалеку отъ разо-
 ренной крѣпости Лори *)).

*) Отрядъ Давыдова оставался въ Джелаль-Оглу до выступленія на зим-
 нія квартиры, хотя, по словамъ Муравьева, ему разрѣшено было, кажется,
 предпринять другую экспедицію въ Эриванское ханство. «Излагая передъ
 «Алексѣемъ Петровичемъ», говоритъ Муравьевъ, «мысли свои, я былъ совер-
 шенно увѣренъ въ возможности зимовать въ Эриванскомъ ханствѣ и нахо-
 дилъ въ томъ существенную пользу, какъ для облегченія продовольствія, такъ
 и для самаго успѣха военныхъ дѣйствій. Притомъ же, располагая отрядъ въ
 предмѣстьяхъ Эривани, я хотѣлъ склонить главнокомандующаго къ началу
 осады сей крѣпости. Внутренніе раздоры между начальствомъ или другія мнѣ
 неизвѣстныя причины препятствовали исполненію сего».

«Наступательныя дѣйствія наши въ сіе время года, осенью, должны были
 во всѣхъ отношеніяхъ обратиться въ нашу пользу. Климатъ умѣренный на
 равнинѣ, а въ горахъ уже холодный, для насъ былъ стѣснительнъ, для Пер-
 сіянъ же послѣдній несносенъ. *Продовольствіе вездѣ было изобильное*, и намъ
 не должно было съ большими издержками добывать хлѣбъ изъ среды Грузіи
 и доставлять его, съ крайнимъ отягощеніемъ для жителей, къ границамъ на-
 шимъ, для войскъ занимающихъ оныя безъ всякой пользы. Эриванъ вѣ-
 роятно бы держалась, но намъ не было надобности осаждать крѣпость, если
 не въ силахъ были сего сдѣлать».

«*Монастырь Эчмиадзинъ и деревни съ хлѣбомъ остались бы въ рукахъ нашихъ
 и служили бы намъ богатѣйшими житницами.* Съ другой стороны народъ въ
 Тавризѣ былъ готовъ принять насъ, ненавидя правителей своихъ и цар-
 ствующую въ Персіи фамилію Каджаровъ; мы могли смѣло надѣяться на воз-

Съ этого времени персидскіе отряды уже не осмѣливались появляться въ наши предѣлы со стороны Эривани и Давыдову оставалось только наблюдать за пограничною мѣстностью.

Желая воспользоваться благопріятными послѣдствіями Елизаветпольскаго сраженія, Ермоловъ вознамѣрился, пройдя владѣнія Джарскія, выгнать мятежныхъ хановъ изъ Шекинской и Ширванской областей. Этимъ же движеніемъ несомнѣнно должно было очиститься и Кубинское ханство. Тогда въ Кубинскомъ ханствѣ во главѣ персидскаго отряда и мятежниковъ находился сынъ Аббаса-мирзы, шахъ Али-мирза. Ермоловъ, занявъ Ширванское и Шекинское ханства, захватывалъ бы его сообщенія съ Персією и тѣмъ, конечно, вынудилъ бы его поспѣшно отступить за наши предѣлы.

Излагая во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 10-го октября предположенія свои относительно задуманнаго имъ движенія, Ермоловъ пишетъ: «затѣмъ, сколько

мушеніе или, по крайней мѣрѣ, не должны были ожидать никакого сопротивленія при вступленіи въ столицу, въ чемъ насъ удостовѣряли и всѣ извѣстія, изъ Персіи получаемыя. Духъ народный былъ въ чрезвычайномъ упадкѣ послѣ пораженія подъ Елизаветполемъ войскъ, коихъ осталось подъ ружьемъ уже самое ничтожное количество; но мы не предприняли, не взирая на всѣ сіи выгоды, зимней кампаніи. *Ошибку сію приписываю нерышимоусти Алексыя Петровича.* Онъ готовился къ ранней весенней кампаніи на будущій годъ, не хотѣлъ предпринимать оной безъ сильныхъ хлѣбныхъ запасовъ, внутри Грузіи изготовленныхъ, не учредивъ транспорта для перевоза хлѣба, не дождавшись войскъ, изъ Россіи идущихъ. Всѣ сіи мѣры были бы весьма основательны, еслибъ обстоятельства не призывали къ быстрому окончанію войны и заключенію мира въ томъ же году. Поведеніе его въ семь случаевъ *приписываю единственно къ личнымъ соображеніямъ его, сопряженнымъ съ нерышительностію и недоумѣніемъ, въ которое онъ былъ вверженъ внезапностію происшествій, чему и все послѣдующее его поведеніе служило доказательствомъ.* («Русск. Арх.» 1889 г., № 8, стр. 545—546).

«возможно, устрою продовольствіе войскъ на зимнее время, что составляетъ изъ всего самый затруднительнѣйшій предметъ». Передъ самымъ выступленіемъ, то есть 14-го октября, Ермоловъ пишетъ, что этотъ «затруднительнѣйшій предметъ» онъ возложилъ на генераль-лейтенанта Вельяминова, который замѣщалъ его въ Тифлисѣ. Предметъ тѣмъ болѣе былъ «затруднителенъ», что не было «устроено снабженіе должествующихъ «прибыть (изъ Россіи) войскъ» (т. е. 20-й пѣхотной и 2-й уланской дивизій).

Если заботы о продовольствіи войскъ на зимнее время были тогда особенно «затруднительны», то за то движеніе, предпринимаемое Ермоловымъ съ довольно значительнымъ отрядомъ, не встрѣтило ни затрудненій, ни препятствій. Выступя 14-го октября изъ Царскихъ Колодцевъ съ Л.-Гв. своднымъ полкомъ и съ 9-ю ротами *) при 18-ти орудіяхъ и 3-хъ казачьихъ полкахъ, переправясь черезъ Алазань 16-го и 17-го, Ермоловъ 19-го октября безпрепятственно занялъ гор. Нуху (Шекинскаго ханства). Шекинскіе мятежники-ханы, узнавъ о приближеніи русскихъ войскъ, бѣжали съ такой поспѣшностью, что даже и казакамъ Ермолова не удалось нагнать ни одного всадника изъ ихъ отрядовъ. Не удалось Ермолову встрѣтиться ни съ Мустафой-ханомъ Ширванскимъ, ни съ персидскимъ принцемъ шахъ Алиханомъ, и тотъ и другой, вскорѣ послѣ полученнаго

*) Одна рота Грузинскаго гренадерскаго, шесть Ширванскаго пѣхотнаго и двѣ 41-го егерскаго полковъ.

ими извѣстія о Елизаветпольскомъ сраженіи, быстро очистили занятые ими русскія области. Одно только Талышинское ханство оставалось еще подъ персидскимъ вліяніемъ въ рукахъ мѣстныхъ мятежниковъ.

Расположивъ войска въ Шекинскомъ, Ширванскомъ и Кубинскомъ ханствахъ, Ермоловъ 7-го ноября во всеподданнѣйшемъ рапортѣ пишетъ: «Талышинское ханство «остается незанятымъ нами, ибо малаго числа войскъ «послать туда я не рѣшаюсь, большаго же нѣтъ «средствъ продовольствовать». «Посланныя суда къ «талышинскимъ берегамъ усмотрѣли, что приливомъ «моря обрушился берегъ, и большая часть Ленкоранскаго укрѣпленія истреблена».

Бѣгство Мустафы-хана изъ Ширвани ознаменовалось обстоятельствами, въ которыхъ проявилась распорядительность генерала Паскевича. Еще въ первыхъ числахъ октября мѣсяца Паскевичъ, въ лагерѣ при рѣчкѣ Черекени, недалеко отъ р. Аракса, получилъ извѣстіе отъ татарскихъ лазутчиковъ, что ширванскій Мустафа-ханъ съ отрядомъ около 5 т. человекъ предполагаетъ, оставивъ Шемаху, двинуться въ Джавату и переправиться тамъ за Араксъ. При чемъ Мустафа-ханъ принуждалъ, будто бы, часть населенія переселиться въ персидскія владѣнія. Тщательно провѣривъ эти свѣдѣнія, Паскевичъ донесъ о нихъ Ермолову и Государю, а вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстилъ о томъ же находившагося въ Старой Шемахѣ начальника Кубанскаго отряда генераль-маіора Краббе, предписывая ему спѣшить къ Джавату, для противодѣйствія намѣреніямъ Мустафы-

хана. Въ то же время, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, Паскевичъ готовился перейти Араксъ, имѣя въ виду облегчить движеніе генерала Краббе. Предписаніе Паскевича, еще не дойдя до Краббе, 8-го или 9-го октября было прочитано командиромъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка полковникомъ Мищенко, который во главѣ 6-ти ротъ своего полка, 2-хъ ротъ Куринскаго и 2-хъ ротъ Каспійскаго морскаго батальона при 6-ти орудіяхъ и сотни казаковъ былъ выдвинутъ, по распоряженію генерала Краббе, по дорогѣ въ Старую Шемаху къ Акъ-Су (или Новая Шемаха). Мищенко, какъ онъ пишетъ въ рапортѣ отъ 9-го октября Паскевичу, рѣшился идти къ Джавату, «для истребленія персидскихъ полчищъ». Оставивъ на сообщеніяхъ своихъ со старой Шемахой двѣ роты Каспійскаго морскаго батальона и всѣхъ больныхъ своего отряда, онъ 13-го октября совершилъ переходъ въ 75 верстъ и къ вечеру 14-го числа настигъ Мустафу-хана на правомъ берегу Куры при соединеніи ея съ Араксомъ. «Быстрый натискъ отряда моего и 4-е орудія, открывшія дѣйствія», пишетъ онъ Паскевичу изъ лагеря при Джаватѣ отъ 15-го октября, «не позволили непріятелю истребить до совершенства плавной мостъ, чрезъ Куру имъ устроенный на канатахъ, кои однакожъ успѣлъ съ той стороны обрѣзать; онъ прикрылъ занимаемый имъ берегъ Куры сарвазами и, поставивъ въ дѣйствіе противъ меня 4-е орудія, упорно защищалъ переправу; въ короткое время два орудія у него были подбиты, и онъ, поражаемый цѣльными выстрѣлами стрѣлковъ и бата-

«рей, отступилъ и бѣжалъ въ разстройствѣ; ночное
«время и невозможность переправиться мнѣ на ту сто-
«рону спасли его отъ совершеннаго истребленія. Онъ
«оставилъ на мѣстѣ шесть вьючныхъ ящиковъ съ ру-
«жейными патронами, тридцать таковыхъ же съ артил-
«лерійскими для разныхъ калибровъ орудій зарядами; въ
«18-ти мѣшкахъ гранаты разныхъ калибровъ, шанцоваго
«инструмента: лопатокъ новыхъ 93, старыхъ 14, кирокъ
«21, топоровъ 4 и колесъ артиллерійскихъ 2. Уронъ не-
«приятеля долженъ быть немаловаженъ». Описанное стол-
кновение полковника Мищенко съ Мустафой-ханомъ про-
изошло именно въ тотъ день, когда Ермоловъ выступи-
пилъ изъ Царскихъ Колодцевъ въ Шекинское и Шир-
ванское ханства. По всей вѣроятности онъ тогда еще
не получалъ донесенія Паскевича отъ 10-го октября,
въ которомъ ему сообщалось, что Мустафа-ханъ очи-
стилъ Ширвань и идетъ на Джавать и что Паскевичъ
предписалъ генералу Краббе «идти на Джавать и по-
«спѣшить удержать народъ, который ханъ принуждаетъ
«переселиться за границу».

Не довольствуясь разгромленіемъ полчища Мустафы-
хана, Мищенко, не имѣя возможности переправить ар-
тиллерию свою черезъ Куру, преслѣдовалъ его по Му-
ганской степи съ частию пѣхоты и кавалеріи. Мустафа
съ отрядомъ въ 1500 человекъ при 4 орудіяхъ успѣлъ
однако переправиться противъ Асландуза, гдѣ и со-
единился съ начальникомъ Шекульванцевъ Шюкюръ-
агою. Всѣ жители селеній, лежащихъ по Курѣ, были
разсѣяны. Полковникъ Мищенко разослалъ свою кавал-

лерію для объявленія имъ прощенія и приглашенія возвратиться въ свои селенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался перехватить грузинскаго царевича Александра, бѣжавшаго вмѣстѣ съ мятежными шекинскими ханами при извѣстіи о движеніи отряда Ермолова. Но бѣглецы, какъ кажется, укрылись въ Талышинскомъ ханствѣ.

Таковы были послѣдствія Елизаветпольскаго сраженія въ мѣстности на обоихъ флангахъ отряда Паскевича; въ центрѣ, т. е. на пути его наступленія, обстоятельства были нѣсколько сложнѣе.

Послѣ Елизаветпольскаго сраженія, 30-го сентября, Ермоловъ писалъ Государю, что «господинъ генераль-адъютантъ Паскевичъ полагаель возможнымъ преслѣдовать Аббасъ-мирзу чрезъ Агарь, главный городъ Карадагскаго ханства, и далѣе въ Тавризь, я воспре-тилъ сіе движеніе по слѣдующимъ причинамъ: Аббасъ-мирза, сохранивъ послѣ сраженія всю артиллерію, кромѣ одного потеряннаго орудія, и значительную часть пѣхоты имѣя неразстроенную, могъ у переправы черезъ Араксъ легко собрать и всѣхъ разсѣянныхъ и въ Карадагскомъ ханствѣ, пользуясь гористымъ весьма положе-ніемъ земли и трудными путями, удерживать войска наши и дать время шаху придти къ себѣ на помощь, котораго пребываніе, по послѣднимъ извѣстіямъ, было въ Агарѣ». Затѣмъ, въ томъ же рапортѣ, Ермоловъ говоритъ, что предположенія генерала Паскевича тѣмъ болѣе несостоятельны, что Карадагская область, послѣ пребыванія тамъ войска Аббаса-мирзы, не въ состояніи будетъ прокормить и собственныхъ жителей, а тѣмъ

менѣе отрядъ русскихъ войскъ. «Между тѣмъ много-
«численная конница кочевыхъ персидскихъ народовъ
«можетъ охватить тыль», прибавляетъ Ермоловъ во
всеподданнѣйшемъ своемъ донесеніи.

Впрочемъ, Ермоловъ, увѣдомляя Дибича того же
30-го сентября о томъ, что Аббасъ-мирза перешелъ
Араксъ, пишетъ: «Жалѣю весьма, что не имѣю въ те-
«перешнемъ случаѣ нѣсколько войскъ болѣе, ибо воз-
«можно было бы воспользоваться паническимъ страхомъ.
«20-я пѣхотная дивизія будетъ весьма нескоро, даже
«донскіе казачьи полки отправлены съ Дону очень мед-
«ленно и только первыя прибыть могутъ въ Тифлисъ
«28-го сего сентября, коимъ долженъ я дать нѣкото-
«рый отдыхъ». Читая эти строки, возможно предполо-
жить, что подойди въ то время къ Тифлису 4 или 6
батальоновъ 20-й дивизіи или даже нѣсколько сотенъ
донцовъ, Паскевичъ получилъ бы приказаніе «восполь-
«зоваться паническимъ страхомъ», несмотря даже на
безхлѣбіе Карадагской области и на находящіяся въ
Агарѣ войска подъ непосредственнымъ начальствомъ
шаха. Но въ тотъ день, когда Ермоловъ писалъ Госу-
дарю и Дибичу изъ лагеря у Хассанъ-Су, Паскевичъ
уже пересталъ думать о Тавризѣ. Преслѣдуя по пятамъ
Аббаса-мирзу, онъ еще болѣе Ермолова могъ судить о
«паническомъ страхѣ», овладѣвшемъ персидскими вой-
сками послѣ Елизаветпольской битвы. 17-го сентября
онъ доносилъ Ермолову, что по собраннымъ на пути
свѣдѣніямъ Аббасъ-мирза переформировалъ подъ Шу-
шой свои батальоны только въ 300 или въ 200 чело-

вѣкъ,—тогда какъ передъ сраженіемъ подъ ружьемъ въ его батальонахъ имѣлось не менѣе 800 или 1000 человекъ. «Прочіе же», добавляетъ Паскевичъ, «бросались вправо и влево и бросаютъ ружья». Слѣдовательно, при быстромъ движеніи, Паскевичъ не безъ основанія считывалъ, что непріятель «не соберетъ пѣхоты въ «Агарѣ и Тавризѣ и шести тысячъ». Къ тому же города Агаръ и Тавризъ не были укрѣплены, а потому Паскевичъ и писалъ Ермолову: «Есть-ли найдутъ про-«довольствіе за Араксомъ, позвольте мнѣ идти въ эти «города». Конечно, при полномъ разстройствѣ большей части арміи Аббаса-мирзы, быстрое появленіе русскаго отряда въ Агарѣ, а затѣмъ въ Тавризѣ, захватило бы правительство Персіи врасплохъ, и во всякомъ случаѣ не конница кочующихъ персидскихъ племенъ, дѣйствуя въ тылу Паскевича, остановила бы его движеніе. Какъ мы видѣли, одинъ только слухъ о появленіи русскихъ отрядовъ, и въ Ширванскомъ, и въ Талышинскомъ ханствахъ, обращалъ въ бѣгство непріятельскія полчища. Нравственное вліяніе мѣткаго удара и затѣмъ панической страхъ дѣйствуютъ, въ особенности на Востокѣ, такъ, что наиболѣе смѣлыя предпріятія легко удаются. Необходимо только, не теряя времени, не давать непріятелю возможности опомниться и перестроиться. Ермоловъ это сознавалъ, Паскевичъ также; но послѣдній еще не успѣлъ ознакомиться съ совершенно своеобразными условіями Закавказья того времени. Чтобы дойти до Агара и воспользоваться продовольствіемъ городовъ и селеній непріятеля, нужно было

имѣть хотя нѣкоторый запасъ провіанта у себя дома въ пограничной нашей области — въ Карабагѣ. Весьма скоро обстоятельства доказали Паскевичу то, чего Ермоловъ не могъ не знать, а именно, что въ Карабагѣ съ трудомъ прокормится русскій отрядъ, что о запасахъ не могло быть и рѣчи, а подвозъ провіанта изъ Грузіи вовсе не предвидѣнъ и не подготовленъ. Припомнимъ къ тому же, что Ермоловъ и въ Грузіи былъ особенно озабоченъ заготовленіемъ зимняго, для войскъ, продовольствія и что вновь прибывающія войска изъ Россіи значительно усложнили, какъ онъ выражался, «затруднительный сей предметъ».

Еще ранѣе того, какъ Ермоловъ писалъ Государю и Дибичу изъ Хассанъ-Су, Паскевичъ съ бивака у р. Кандалана, вблизи крѣпости Шуши, 22-го сентября доносилъ Государю: «Нельзя и думать идти впередъ, «ибо продовольствія нѣтъ. И такъ, всѣ предложенія мои «идти впередъ до Агара и дальше не могутъ имѣть «дѣйствія, ибо провіанта нѣтъ».

Такъ писалъ Паскевичъ официально, но въ своихъ замѣткахъ на поляхъ черноваго журнала военныхъ дѣйствій, онъ сознавалъ, что провіанта «нѣтъ» собственно потому, что нѣтъ энергичнаго и знающаго край, благонамѣреннаго радѣтеля о продовольствіи его отряда *).

18-го сентября, на пятый день послѣ Елизаветпольскаго сраженія, Паскевичъ заноситъ въ свой журналъ:

*) Для провѣрки приводится въ приложеніи (№ 1) собственный журналъ Паскевича, за №№ 1 и 2, съ сентября по декабрь 1826 г. Подлинники въ семейномъ архивѣ князя Паскевича.

«Люди идутъ по 30 и 35 верстѣ въ день, а мясной «порціи нѣтъ». Зная, что мѣстные жители угнали скотъ въ горы, Паскевичъ пишетъ: «показывая Мадатову на горы, отъ которыхъ мы были въ 20-ти «верстахъ, говорилъ ему, что нельзя, чтобы не было «скота. Мадатовъ увѣрялъ, что нѣту. Вельяминовъ «все молчалъ, а окружающіе потакали Мадатову». Въ тотъ же день Мадатовъ уѣхалъ въ Шушу. «Я послалъ своихъ казаковъ покупать скотину», пишетъ Паскевичъ, и, какъ кажется, на этотъ разъ бывшій при отрядѣ переводчикомъ поручикъ (армянинъ) Каргановъ помогъ Паскевичу обезпечить отрядъ мясомъ.

19-го числа, на походѣ, Мадатовъ доставляетъ Паскевичу еще болѣе грустныя свѣдѣнія. Дѣло касалось уже не мяса, а хлѣба. Горные татары, увѣрялъ Мадатовъ, могутъ доставить одновременно до 1000 четвертей муки, полагая 3 рубля за каждую четверть; но, несмотря на высокую цѣну, они, увлекаясь «злобою къ намъ», намѣреваются, насколько возможно, подъ всякими предлогами задерживать доставку муки въ отрядъ. Паскевичъ не повѣрилъ Мадатову. Мусульманскій фанатизмъ могъ, конечно, побудить татаръ сжечь свой хлѣбъ и бѣжать въ Персію, но задерживать выгодныя для нихъ поставки хлѣба, очевидно, не имѣло цѣли, между прочимъ и потому, что эти же татары, разграбивъ разбѣжавшуюся армію Аббаса-мирзы, едва ли могли рассчитывать на покровительство Персіи; впрочемъ, они и не имѣли основанія ожидать возвращенія Аббаса-мирзы въ предѣлы русской имперіи. «Мадатовъ», пи-

шетъ Паскевичъ въ своемъ журналѣ, «не хотѣвши да-
«вать продовольствія, выдумываетъ басни, которыхъ
«никто не оспаривалъ».

Съ 25-го сентября Паскевичъ располагается лагере-
ремъ у р. Черекени, отъ р. Аракса въ 25-ти верстахъ,
и съ тѣхъ поръ продовольствіе отряда съ каждымъ
днемъ еще болѣе затрудняется. Правитель ханствъ, на-
значенный Ермоловымъ для завѣдыванія дѣломъ про-
дольствія отряда, князь Мадатовъ, какъ выражается
Паскевичъ, «все больше обѣщаетъ», но въ дѣйстви-
тельности весь отрядъ, нуждаясь постоянно, жилъ изо
дня въ день, а запасовъ не было и на три дня. «Не-
«достатокъ въ продовольствіи, медленная онаго под-
«возка», пишетъ Паскевичъ въ своемъ журналѣ *), «и
«затрудненія или задержка на мельницахъ, кои отъ
«лагеря находятся не въ близкомъ разстояніи, т. е. въ
«12-ти верстахъ, все сіе причиняетъ большія безо-
«койства. Генералъ Мадатовъ также съ своей стороны
«ихъ увеличиваетъ неисполненіемъ своихъ увѣреній».
«Люди по нѣсколько дней ѣли хлѣбъ зерномъ, а боль-
«ные», пишетъ Паскевичъ, «часъ отъ часу прибываютъ,
«и нынѣ въ отрядѣ, какъ то означено въ рапортахъ
«къ генералу Ермолову, до 600 человѣкъ»... и снова за-
носятся жалобы на недостатокъ провіанта.

Развитіе болѣзненности въ отрядѣ вынудило Паске-
вича «отказаться совершенно отъ обѣщаній князя Ма-
«датова» и самому взяться за доставку продовольствія,

*) Запись 3-го октября.

а это возможно было только через посредство кого-нибудь из мѣстных уроженцевъ. Къ счастью, при Паскевичѣ находился переводчикомъ армянинъ поручикъ Каргановъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ закупившій по его порученію скотъ для отряда. Этотъ Каргановъ, назначенный штабомъ Ермолова переводчикомъ въ карабагскій отрядъ, былъ человѣкъ весьма ловкій, пронырливый, хорошо знавшій мѣстность, нравы и обычаи всѣхъ обитавшихъ въ ней народовъ; но онъ пользовался во всей Грузіи весьма незавидной репутаціею. Какъ кажется, Каргановъ былъ безпокойнаго характера, неразборчивъ въ средствахъ и нѣсколько склоненъ къ интригѣ. Тѣмъ не менѣе, при данныхъ обстоятельствахъ, Каргановъ оказывалъ отряду Паскевича не малую услугу. Мадатовъ, напримѣръ, увѣряетъ Паскевича, что ближе ста верстъ отъ лагеря нельзя достать ни хлѣба, ни скота, при чемъ скотъ доставляется имъ ничтожными партіями, а Каргановъ въ 14-ти верстахъ отъ лагеря сразу находитъ 200 штукъ рогатаго скота и 200 четвертей разнаго хлѣба; и почти каждый разъ, когда Мадатовъ рѣшительно отказывается достать продовольствіе, Каргановъ и его армяне-факторы быстро доставляютъ его въ достаточномъ количествѣ. Впослѣдствіи, Паскевича не мало упрекали за то, что онъ приблизилъ къ себѣ «безнравственнаго Карганова»,—но отряду, заброшенному въ Карабагской равнинѣ, безъ хлѣба, безъ мяса, даже безъ всякой надежды на помощь изъ Тифлиса, не было дѣла до нравственныхъ качествъ Карганова, но крайне выгодно, чтобы не ска-

зять больше, была его ловкость, доставлявшая провіантъ русскому лагерю *).

Постоянными заботами, командировками во всѣ стороны, то казаковъ, то Карганова, то армянъ-факторовъ, Паскевичу удавалось обезпечивать ежедневное продовольствіе отряда, хлѣбъ уже не ѣли зернами, успѣвали его молоть и выпекать. Но для похода за границу, даже до г. Агара, безусловно необходимъ былъ провіантскій обозъ хотя бы для трехнедѣльнаго продовольствія отряда—именно то, чего Паскевичъ, безъ власти въ дѣлѣ управленія краемъ, не имѣлъ никакой возможности приготовить. Вотъ почему, дойдя до р. Черекень, онъ писалъ Государю: «нельзя думать идти впередъ, ꙗко продовольствія нѣтъ». Вообще положеніе Паскевича въ Карабагѣ было весьма затруднительно, въ особенности потому, что, какъ кажется, Мадатовъ весьма странно относился къ дѣлу продовольствія его отряда, и это тѣмъ болѣе было неудобно, что Мадатовъ, въ понятіяхъ мѣстнаго населенія, имѣлъ несравненно большее значеніе, чѣмъ генераль Паскевичъ. Князь Мадатовъ издавна былъ извѣстенъ, какъ всесильный правитель пограничныхъ ханствъ, и по изгнаніи Аббасамирзы за Араксъ онъ снова сталъ во главѣ управленія всего Карабага, а Паскевичъ былъ только начальникомъ на время сформированнаго отряда, случайно и,

*) По свидѣтельству Муравьева, поиски расторопнаго Карганова не были тщетны: онъ снабдилъ войска покупнымъ хлѣбомъ, и сіи заслуги его доставили ему у Паскевича ту довѣренность, которую онъ употребилъ во зло и которой онъ наконецъ лишился черезъ свои непрерывныя плутни и безчестное поведеніе». («Русск. Арх.», 1889 г., № 8, стр. 542).

конечно, временно находившагося въ области. Армяне, эти всеобщіе факторы всѣхъ торговыхъ сдѣлокъ и подрядовъ Закавказья, побуждаемые Паскевичемъ, ѣздили по краю, закупаали и доставляли въ лагерь нужные припасы, но все это дѣлалось, какъ кажется, на половину, какъ нѣчто запрещенное или незаконное, даже нѣсколько скрываемое отъ всеильнаго Карабагскаго губернатора. Въ каждой почти замѣткѣ въ журналѣ военныхъ дѣйствій отряда выступаютъ доказательства страннаго отношенія Мадатова къ Паскевичу. Такъ, на примѣръ, 6-го октября Паскевичъ заноситъ въ свои замѣтки: «хотя нельзя совершенно повѣрить двумъ армянамъ, «которые, можетъ быть, имѣютъ свои виды», но тѣмъ не менѣе «они подъ большимъ страхомъ» сообщили, что за исполненіе возложеннаго на нихъ (Паскевичемъ) порученія (закупку рогатаго скота) имъ «былъ данъ «выговоръ Мадатовымъ», котораго страшатся, «потому «что мщеніе его не имѣетъ преграды». Армянинъ-переводчикъ Каргановъ постоянно доносилъ Паскевичу о противодѣйствіи Мадатова. Такъ сообщалъ онъ ему, что правитель Карабага внушаетъ жителямъ, «что генералъ Паскевичъ только начальникъ войскъ», «а что «онъ, Мадатовъ, начальникъ края, ихъ командиръ» и что Паскевичу «не должно ожидать большихъ пособій «въ продовольствіи». Паскевичъ выслушивалъ доносы въ то время необходимаго ему человѣка, но, повидимому, не придавалъ имъ особаго значенія. Но вотъ 7-го октября заносится въ журналъ: «къ удивленію моему я увѣрился въ словахъ Карганова, ибо онъ самъ,

«который былъ раненъ въ дѣлѣ и лошадь подъ нимъ
«убита, также и всѣ армяне, которые были мною упо-
«треблены, не представлены княземъ Мадатовымъ къ
«награжденію, изъ которыхъ я одного особенно зналъ,
«какъ оказавшаго услуги: когда непріятель былъ еще
«на Тертерѣ, то онъ два раза туда ходилъ и прино-
«силъ о непріятелѣ извѣстіе». 12-го октября въ жур-
наль заносятся болѣе серьезныя данныя. «Больше 12-ти
«дней, какъ я велѣлъ выдать деньги князю Мадатову
«для покупки 200 скотинъ, онъ меня увѣрялъ, что ихъ
«нельзя достать ближе, какъ за 60 верстъ, и которыя
«мнѣ не доставлены и до сихъ поръ. Между тѣмъ какъ
«нечаяннымъ образомъ я послалъ Ширванскаго пѣхот-
«наго полка съ маіоромъ Юдинымъ партію казаковъ,
«которая открыла не болѣе какъ въ 15-ти верстахъ отъ
«лагеря до 25-ти тысячъ овецъ и до 2 т. рогатаго скота;
«я тотчасъ послалъ купить столько, что могъ давать
«по фунту мяса въ день людямъ, убавивъ фунтъ хлѣба.
«Такимъ образомъ въ продолженіи всего времени уже
«не нуждался въ скотѣ, а посланный отъ князя Мада-
«това для покупки онаго возвратился назадъ послѣ
«15-ти дней, пригнавъ только 100 штукъ скота и ска-
«завши мнѣ, что болѣе нѣтъ и болѣе найдти не могъ».

Послѣ того, 12-го октября, когда Мадатовъ объяв-
ляетъ, что продовольствія нельзя достать ближе какъ
за 100 верстъ, Каргановъ закупаетъ 200 штукъ рoga-
таго скота и до 200 четвертей разнаго хлѣба въ вер-
стахъ 12-ти отъ лагеря, а отъ устроенныхъ Паскеви-
чемъ за лагеремъ мельницъ—въ 7-ми и 6-ти верстахъ.

Подобнаго рода странности испещряють журналъ Паскевича. 14-го октября получаютъ, какъ пишетъ Паскевичъ въ своемъ журналѣ, «хорошія извѣстія». Каргановъ закупилъ въ армянскихъ селеніяхъ около 600 четвертей хлѣба и нужное количество соли и скота. Оказывалось, что жители армянскихъ селеній не знали, что русское войско нуждается въ продовольствіи и закупаетъ его.

15-го октября происходитъ нѣчто въ военномъ быту небывалое: изъ лагеря Аббаса-мирзы пріѣхалъ въ Шушу какой-то татаринъ; князь Мадатовъ продержалъ его у себя болѣе 4-хъ сутокъ, а начальникъ отряда, генералъ Паскевичъ, только случайно, какъ онъ выражается, «постороннимъ образомъ» узнаетъ о татаринѣ и требуетъ его къ себѣ. Татаринъ, дѣйствительно, былъ въ персидскомъ лагерѣ и Аббасъ-мирза поручилъ ему словесно передать, «что онъ хотѣлъ бы размѣнъ плѣнныхъ сдѣлать», и что онъ писалъ по сему поводу Ермолову. Вообще трудно вполнѣ выяснитъ причины столь страннаго отношенія Мадатова къ обязанностямъ службы,—можно только намѣтить съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ отношенія его къ личности генерала Паскевича. Мадатовъ, насколько извѣстно, былъ человекъ совершенно необразованный, храбрый, но нравственности болѣе чѣмъ сомнительной; нѣсколько напускная простота его обращенія, выражая беззавѣтную откровенность, прикрывала и ловкую льстивость и восточную пронырливость. Уроженецъ Карабага, онъ зналъ и языкъ мѣстныхъ жителей и нравы ихъ, и никто лучше

его не былъ знакомъ со средствами края, съ его производительностію и запасами. Ермоловъ, поручая ему продовольствіе отряда, повидимому, имѣлъ въ виду одну только пользу дѣла. Дѣйствительно, какое бы ни было прошлое Мадатова по управленію ханствами, но при данныхъ обстоятельствахъ, при полномъ неурядствѣ провіантской части, отрядъ, не имѣя ни обозовъ, ни запасовъ, могъ существовать въ Карабагѣ исключительно мѣстными средствами, о которыхъ въ Тифлисѣ, въ особенности послѣ нашествія Аббаса-мирзы, не имѣли никакихъ свѣдѣній; очевидно, что оставалось только поручить дѣло опытному, ловкому и знающему край Мадатову. Назначенный вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникомъ отряда и оставаясь губернаторомъ Карабага, Мадатовъ сосредоточивалъ въ себѣ все полномочіе чуть не азіатскихъ хановъ. Удачное столкновение при Шамхорѣ, вѣроятно, внушило ему надежду дальнѣйшими боевыми дѣйствіями прославиться и навсегда изгладить изъ памяти современниковъ и потомства темныя стороны своей гражданской дѣятельности въ ханствахъ. Онъ надѣялся, можетъ быть, удачно командуя отрядомъ, совершенно занять дѣло, тогда дѣйствительно вопіющее, это именно недостатокъ продовольствія въ осажденной персіянами крѣпости Шушѣ, что всецѣло и совершенно справедливо приписывалось, по малой мѣрѣ, его нерадѣнію. Неожиданное появленіе на театрѣ военныхъ дѣйствій генераль-адъютанта Паскевича совершенно уничтожало и его значеніе и его надежды. Какъ старій солдатъ, онъ зналъ, что второстепенному

генералу въ составѣ отряда, при боевыхъ столкнове-
ніяхъ, одинъ случай предоставляетъ возможность совер-
шить особо выдающійся подвигъ, такъ что война, на-
чавшаяся при весьма счастливой для него обстановкѣ,
неожиданно и немедленно послѣ перваго же успѣха,
отбрасывала его въ положеніе совершенно второстепен-
ное *): въ дѣйствительности, Мадатовъ становился
только, какъ онъ самъ выражался, «провіантмейстеромъ»
отряда. Послѣ Елизаветпольскаго сраженія Паскевичъ
въ особенности лестно отзывался, въ рапортѣ Государю,
о генералахъ Вельяминовѣ и Мадатовѣ, но Мадатову
едва ли эти похвалы могли замѣнить утраченное, бла-
годаря приѣзду Паскевича, первостепенное значеніе. Въ
дальнѣйшемъ будущемъ Мадатовъ могъ ожидать, что
Паскевичъ узнаетъ и оцѣнитъ по достоинству всѣ тем-
ныя стороны его дѣятельности. Напримѣръ, полковникъ
Реуть простымъ и правдивымъ разговоромъ о выдер-
жанной имъ осадѣ въ кр. Шушѣ легко могъ вселить
въ Паскевичѣ крайне плохое о немъ мнѣніе. Все это
Мадатовъ, вѣроятно, предвидѣлъ, да къ тому же не-
сомнѣнно зналъ, что если ему приѣздъ Паскевича не-
пріятенъ, то и главному начальнику Кавказа—Ермо-
лову, онъ не менѣе тягостенъ. Неуспѣшныя дѣйствія,
а можетъ быть и бездѣйствіе отряда, наконецъ просто
утомленіе отъ постоянныхъ, ловко задуманныхъ, противо-
дѣйствій, могли вынудить Паскевича выѣхать изъ от-

*) См. приведенное во второй главѣ письмо Ермолова къ Мадатову отъ
9-го сентября 1826 г.

ряда и, кто знаетъ, можетъ быть, и изъ Закавказья! Во всякомъ случаѣ, врожденная смѣтливость Мадатова подсказывала ему, что въ столкновеніяхъ съ Паскевичемъ онъ могъ надѣяться на поддержку Ермолова.

Паскевичъ не скоро убѣдился въ чемъ бы то ни было преднамѣренномъ. «Мадатовъ постоянно дѣлаетъ «мнѣ увѣренія въ дружбѣ и въ рвеніи къ общей пользѣ», пишетъ онъ еще 5-го октября, а 30-го сентября, даже при возмутительномъ нерадѣніи, казалось бы, со стороны столь опытнаго и ловкаго дѣятеля, какимъ былъ Мадатовъ, несомнѣнно преднамѣренномъ, Паскевичъ не рѣшается обвинить его въ зломъ умыслѣ. «Пріѣхавши «изъ Шуши» (куда онъ ѣздилъ изъ лагеря подъ Черекенью), «я нашель, что подвозу никакого нѣтъ, и что «продовольствія доставало только на два дня; я испу- «гался, ибо уѣзжая изъ лагеря я полагалъ, что въ про- «долженіи 10-ти дней моего пребыванія въ сихъ мѣ- «стахъ будутъ взяты мѣры для обезпеченія продоволь- «ствія, но тутъ я узналъ, что есть недоброхотство или «неумѣніе управлять. Въ соли также начинался чув- «ствоваться недостатокъ, я посылалъ во всѣ стороны и «нашли нѣсколько ямъ съ хлѣбомъ, но пока оное «было смолото нѣсколько дней хлѣбъ ѣли зерномъ, от- «чего болѣзненность усиливалась, люди заболѣвали по- «носомъ».

Черезъ нѣсколько дней послѣ того Паскевичъ жалуется въ своемъ журналѣ (отъ 5-го октября): «я не имѣю ни- «кого, я одинъ, совершенно одинъ»; и вмѣстѣ съ тѣмъ пишетъ Ермолову, требуя скорѣйшей отправки изъ Тиф-

лиса въ отрядъ его адъютантовъ и назначенныхъ къ нему квартирмейстерскихъ офицеровъ. Читая журналъ Паскевича, невольно задаешься вопросомъ о томъ: что было бы съ его отрядомъ, если бы онъ самъ не принялся черезъ армянъ-факторовъ, помимо Мадатова, разыскивать и закупать продовольствіе для отряда?

Изъ журнала военныхъ дѣйствій отряда извѣстно, что Паскевичъ прекратилъ преслѣдованіе персидскихъ войскъ, ставъ 25-го сентября лагеремъ при рѣчкѣ Черекени. Идти дальше, не имѣя намѣренія вторгнуться въ персидскія владѣнія, было бы безцѣльно. Еще 21-го сентября, подходя къ р. Черекени, Паскевичъ доносилъ Государю и Ермолову, что «непріятель 18-го числа перешелъ Араксъ у Асландуза и 19-го собиралъ войска, которыхъ нашлось, по невѣрнымъ извѣстіямъ, до пятнадцати тысячъ. 20-го числа сего мѣсяца онъ двинулся въ Мареліанъ, влѣво отъ Асландуза, дабы стать «ближе къ горамъ». По свѣдѣніямъ, у Аббаса-мирзы была одна только кавалерія, пѣхота его разбѣжалась во время преслѣдованія и горами пробиралась въ Персію. Это и побудило Аббаса-мирзу стать ближе къ горамъ, перейдя изъ Асландуза къ Мареліану. Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ своемъ отъ 21-го сентября Паскевичъ передаетъ о выдающемся обстоятельствѣ преслѣдованія, дополняющемъ и самое повѣствованіе о Елизаветпольскомъ сраженіи. «Когда непріятель былъ «сбитъ», пишетъ Паскевичъ, «и преслѣдуемъ ширванскимъ, грузинскимъ и 41-мъ егерскимъ, онъ часто «останавливался, собирался и дѣлалъ картечный и ру-

«жейный отпоръ. Грузинскаго и ширванскаго полковъ
 «батальоны, будучи впереди, добѣгали въ это время до
 «него, и останавливаемые картечью никакъ не могли
 «дойти до штыковъ; вдругъ солдаты бросаютъ ранцы
 «и бѣгутъ на картечи и пули, опрокидываютъ непріа-
 «тели и еще двѣ версты его преслѣдуютъ, такъ что
 «онъ, разстроенный, побѣжалъ. Но сіе обстоятельство
 «сдѣлало то, что я сутки цѣлыя дожидался сбора этихъ
 «ранцевъ и сборъ раненыхъ. Я не могъ болѣе шести
 «дней впередъ двигаться, ибо часть запаса съ ваген-
 «бургомъ идетъ на волахъ, болѣе же одного перехода
 «нельзя вагенбургу оставаться назади, ибо извѣстіе было,
 «что Эриванскій сардаръ находится въ тылу около Шам-
 «хора». Извѣстіе объ отступленіи сардаря Эриванскаго
 «вскорѣ дошло до свѣдѣнія Паскевича, но запасы ва-
 «генбурга еще скорѣе были израсходованы и дальнѣйшее
 «движеніе впередъ стало и слишкомъ затруднительно, и
 «безцѣльно *). А между тѣмъ Ермоловъ доносилъ Госу-
 «дарю (10-го октября), что «шахъ находится у Карадаг-
 «скаго ханства въ городѣ Агарѣ, куда отправился къ
 «нему Аббасъ-мирза. Войска сего послѣдняго въ боль-
 «шомъ разстройствѣ и разсѣялись. Шахъ собираетъ но-
 «выя отовсюду, но думать надлежитъ, что болѣе для
 «обороны нежели для нападенія».

Лагерь при р. Черекени прикрывалъ горную дорогу

*) Кромѣ того и подобранные ранцы были ограблены грузинскою кон-
 ною милиціей, по словамъ Муравьева «съ алчностью на сію добычу бросив-
 шуюся; у многихъ даже отрѣзали ремни плечевые» («Русск. Арх. 1889 г.,
 № 8, стр. 538).

въ кр. Шушу и отстоялъ отъ Асландузской переправы на 22-й верстѣ, а отъ Мареліанскаго брода, за которымъ были расположены полчища Аббаса-мирзы, за 32 версты.

Полковникъ Реутъ еще 24-го сентября выѣхалъ на встрѣчу къ Паскевичу, — они вмѣстѣ отправились осматривать крѣпость Шушу. «Дорога», пишетъ Паскевичъ, «въ продолженіи 45 верстъ весьма дурная и гористая. «Большое было счастье, что Аббасъ-мирза вышелъ мнѣ «на встрѣчу, ибо если бы онъ оставался въ сихъ мѣстахъ, то невозможно было бы съ нимъ драться по «большому количеству его пѣхоты. Артиллерія же моя «не могла бы съ такою удачею дѣйствовать». Два дня провелъ Паскевичъ, осматривая крѣпость и узнавая подробности 50-ти дневной, выдержанной Реутомъ, осады. Исторія этой осады во многихъ отношеніяхъ назидательна.

Въ серединѣ іюля, командиръ 42-го Егерскаго полка, полковникъ Реутъ, квартировавшій съ тремя ротами въ селеніи Чинахчи, получилъ свѣдѣнія о вторженіи въ наши предѣлы арміи Аббаса-мирзы. Не имѣя ни запасовъ, ни времени, чтобъ укрѣпить селеніе, расположенное въ мѣстности неудобной для обороны, Реутъ рѣшился войти въ крѣпость Шушу и тамъ отстаиваться отъ непріятеля. Приказавъ подполковнику вѣреннаго ему полка Назимкѣ, квартировавшему съ тремя ротами въ недалекой деревнѣ отъ Чинахчи, Герюсахъ, слѣшить къ нему на соединеніе, Реутъ 19-го іюля вошелъ въ кр. Шушу. Участъ отряда подполковника Назимки из-

вѣстна *): окруженный персидскими отрядами, онъ, не дойдя до кр. Шуши, вынужденъ былъ сдаться въ плѣнъ.

Реутъ нашелъ укрѣпленія Шуши въ состояніи полу-разрушенномъ, во многихъ мѣстахъ стѣны совсѣмъ обвалились, въ другихъ образовались разщелины и бреши. Немедленно было приступлено къ работамъ. Днемъ и ночью Шуша укрѣплялась и уже съ 25-го іюля работы доканчивались подъ выстрѣлами окружившаго крѣпость непріятеля. Въ крѣпостныхъ магазинахъ не оказалось хлѣба ни въ мукѣ, ни въ зернѣ; артиллерійскихъ запасовъ также не было. Гарнизонъ сталъ продовольствоваться, какъ выражался Реутъ: «провіантомъ въ «разномъ зернѣ, собираемомъ по частямъ съ городскихъ «жителей, коего выдавалось печенымъ хлѣбомъ по полтора фунта на человѣка, а иногда менѣе». Мясныя порціи выдавались только случайно, когда представлялась къ тому возможность. Наконецъ, съ захватомъ персіянами сосѣднихъ къ Шушѣ мельницъ, люди довольствовались только однимъ варенымъ зерномъ и то въ маломъ количествѣ. Недостатокъ зарядовъ Реутъ съумѣлъ восполнить снарядами, выпущенными персидскими батареями въ укрѣпленія и въ городъ, а порохъ армяне стали фабриковать въ Шушѣ.

Крѣпость Шуша, расположенная на отрогахъ Карабагскихъ горъ, имѣла въ окружности приблизительно 7 верстъ, изъ которыхъ 5-ть примыкали къ мало до-

*) Приложение къ первой главѣ № 17.

ступнымъ ущельямъ и скаламъ. Гарнизонъ ея состоялъ подъ начальствомъ Реута изъ шести ротъ при 4-хъ полевыхъ орудіяхъ, къ которымъ присоединилось плохо вооруженныхъ 1500 армянъ (малонадежныхъ защитниковъ, какъ видно изъ письма Реута), выбѣжавшихъ, при вторженіи персіянъ, изъ сосѣднихъ къ Шушѣ деревень. На валахъ укрѣпленій стояло одно малое крѣпостное орудіе и двѣ 38-ми фунтовыя старой конструкціи пушки на весьма плохихъ лафетахъ. 25-го іюля персидскія войска, обложивъ крѣпость, съ четырехъ батарей постоянно громили ея укрѣпленія; было сдѣлано нѣсколько попытокъ открытою силою овладѣть крѣпостью, а затѣмъ стали вести двѣ траншеи на сѣверную сторону Шуши.

1-го августа Аббасъ-мирза препроводилъ къ Реуту взятаго въ плѣнъ на дорогѣ изъ Тифлиса поручика Мадатова, посланнаго отъ Ермолова съ предписаніемъ Реуту очистить Карабагъ при появленіи персіянъ. На основаніи этого повелѣнія Аббасъ-мирза ожидалъ сдачи крѣпости. Реуть, продолжая отстрѣливаться, требовалъ безпрепятственнаго пропуска своего офицера въ Тифлисъ для подтвержденія полученнаго черезъ Мадатова приказанія. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, не прекращавшихъ боевыя дѣйствія, 11-го августа было заключено перемиріе на 8 дней, въ теченіе которыхъ посланный Реутомъ маіоръ Клюкке долженъ былъ отправиться въ Тифлисъ и доставить въ Шушу приказанія Ермолова.

Клюкке, котораго тянуло въ Тифлисъ желаніе свидѣться съ невѣстою, былъ дурно принятъ Ермоловымъ,

у котораго уже находилось въ рукахъ письмо Реута, писанное по польски еще 5-го августа, на 12-й день осады *).

Перемиріе спасло, можетъ быть, крѣпость и ея гарнизонъ. По заключенному условію, Реутъ, подъ приглядомъ довѣреннаго лица отъ Аббаса-мирзы, получилъ право въ теченіе 8-ми дней молоть на сосѣднихъ мельницахъ по 10-ти четвертей муки въ день. Довѣреннымъ въ этомъ дѣлѣ Аббаса-мирзы оказался нѣкто армянинъ Сергѣй Александровъ **), благодаря которому Реуту удалось смолоть болѣе чѣмъ по 50-ти четвертей муки въ день. Затѣмъ, ко времени заключенія перемирія, снаряды гарнизона истощились, новыхъ не успѣвали заготовлять, а во многихъ мѣстахъ стѣны обвалились и отъ выстрѣловъ непріятели образовались огромныя бреши. Въ теченіе 8-ми дней заряды были заготовлены, стѣны восстановлены и, наконецъ, продовольствіе людей хотя немного было обезпечено. 20-го августа отъ маіора Клюкке изъ Тифлиса не было никакихъ извѣстій ***);

*) См. приложение № 2.

**) Армянинъ Сергѣй Александровъ утромъ 13-го сентября прибѣжалъ изъ персидскаго лагеря сообщить Паскевичу о наступленіи Аббаса-мирзы; онъ постоянно помогалъ Паскевичу въ дѣлѣ снабженія продовольствіемъ его отряда. Паскевичъ особенно сердился на Мадатова за то, что Александровъ не былъ представленъ къ наградѣ. Во время осады Шуши этотъ Александровъ (родился въ Астрахани) состоялъ въ персидскихъ войскахъ въ чинѣ пѣхотнаго капитана. За оказанныя намъ услуги его наградили офицерскимъ чиномъ. Онъ числился переводчикомъ при главнокомандующемъ и игралъ роль шута («Р. Арх.» 1889 г., № 5, стр. 537).

***) Клюкке совсѣмъ не возвращался въ крѣпость и попалъ въ огрядъ Паскевича, гдѣ командовалъ 6-ю ротами полка Муравьева («Русск. Арх.» 1889 г., № 8, стр. 539).

осада и военные дѣйствія возобновились, но гарнизонъ, устроившись и отдохнувъ, еще бодрѣе отстаивался. 5-го сентября Аббасъ-мирза снялъ осаду и потянулся къ Елизаветполю.

Паскевичъ послалъ Государю въ подлинникъ рапортъ Реута и къ повѣствованію его о славной оборонѣ Шуши съ своей стороны донесъ Его Величеству, что какъ Реутъ, такъ и весь гарнизонъ достойны милостиваго Монаршаго воззрѣнія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Паскевичъ старался выяснитъ наиболѣе существенныя обстоятельства этой осады. Извѣстно было, что на Кавказѣ въ теченіе 10-ти лѣтъ ожидали войны съ Персією, между тѣмъ оказалось, что въ пограничномъ Карабагѣ единственная русская крѣпость Шуша не была снабжена продовольствіемъ, ни даже приведена въ сколько нибудь достаточное оборонительное положеніе. Это было тѣмъ болѣе странно, что самъ Ермоловъ всегда признавалъ необходимость имѣть въ Карабагѣ укрѣпленный пунктъ, хорошо снабженный продовольствіемъ. Реутъ не рѣшался официально выяснитъ эти недоумѣнія, но ему они были положительно и подробно извѣстны. Дѣло въ томъ, что Мадатовъ перевелъ 42-й егерскій полкъ изъ Шуши въ свое имѣніе Чинахчи, для работъ по устройству усадьбы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ взялся и продовольствовать полкъ, но, получивъ деньги впередъ за хлѣбъ въ 1825 г., онъ и въ 1826 г. его не выставилъ, такъ что Реутъ принужденъ былъ перевозить хлѣбъ изъ шушинскаго магазина въ Чинахчи, а передъ вторженіемъ непріятеля и въ Шушѣ, и въ Чинахчи хлѣбъ уже

почти весь вышелъ *). Относительно оборонительнаго положенія Шуши, Паскевичъ въ своемъ журналѣ пишетъ: «я спрашивалъ причину отчего она (крѣпость) «была въ такомъ дурномъ положеніи, мнѣ отвѣчали, что «намѣреніе было строить крѣпость близъ Аракса, ибо «Шуша находится въ горахъ».

Осмотрѣвъ Шушу и возвратясь въ лагерь, Паскевичъ получилъ предписаніе Ермолова отъ 21-го сентября. Ермоловъ приказывалъ ему не переходить Аракса, послать часть войска противъ Ширванскаго хана и увеличить гарнизонъ Шуши однимъ батальономъ. На это Паскевичъ отвѣчалъ: «Судя по теперешнему положенію «вещей, я бы никакъ не въ силахъ былъ его (т. е. «Араксъ) перейти, ибо теперь на силу имѣю дневное «продовольствіе». А затѣмъ пишетъ далѣе: «Я нахо-
«жусь при рѣчкѣ Черекени, закрывая крѣпость Шушу, «имѣю непріятели въ 45-ти верстахъ за Араксомъ, ко-
«торый, по слухамъ, усиливается. Не могу движенія «дѣлать, ибо отрядъ питается малыми подвозами въ «Ахугланѣ (Ахъ-огланѣ), гдѣ находятся, нами поправ-
«ленные, мельницы. Людямъ даютъ не болѣе фунта «муки въ день, а другой—пшеницы, отъ которой дѣ-
«лаются поносы. До трехъ-сотъ больныхъ я отправилъ «въ крѣпость Шушу. Хотя въ отрядѣ есть еще пять-
«сотъ больныхъ, но нельзя отправлять въ сію крѣпость, «ибо она не снабжена продовольствіемъ, такъ что 42-й «егерскій полкъ, когда я былъ въ Шушѣ, имѣлъ про-

*) См. прилож. № 2.

«довольствія на два дня и десять четвертей муки». Паскевичъ положительно отказался отправить въ Ширванъ часть своего отряда на томъ основаніи, что Аббасъ-мирза, усиливаясь за Араксомъ и пользуясь раздѣленіемъ отряда, легко могъ бы вторгнуться въ наши предѣлы. Вообще, по мнѣнію Паскевича, въ виду какихъ бы то ни было дѣйствій или движеній, предварительно необходимо на арбахъ прислать изъ Грузіи въ отрядъ до 2 т. четвертей муки. «Арбы», писалъ онъ Ермолову, «должны остаться при отрядѣ, дабы потомъ изъ разныхъ мѣстъ подвозить провіантъ, ибо Вамъ и то не безъизвѣстно, что здѣсь арбъ нѣтъ и жители все на самыхъ малыхъ вьюкахъ возятъ».

Отдавая справедливость храбрости и распорядительности Рэута, Паскевичъ въ рапортѣ своемъ Ермолову прибавляетъ: «Мое мнѣніе о сей крѣпости (Шушѣ) есть то, что это весьма важный пунктъ для всѣхъ операцій въ Карабагѣ и за Араксомъ, ибо можетъ служить большимъ депо провіанта, военныхъ снарядовъ и лаварета, но въ теперешнемъ положеніи она крѣпость тяготитъ, ибо отрядъ не можетъ двигаться въ бокъ, покуда она не будетъ снабжена».

Какъ бы въ подтвержденіе мнѣнія Паскевича три дня спустя послѣ того, какъ онъ писалъ вышеизложенный рапортъ Ермолову, получается свѣдѣніе, что Аббасъ-мирза подвинулся къ Араксу и находится въ 4-хъ верстахъ отъ Худо-аферинскаго моста. «Намѣренія непріятеля еще не обнаружились», пишетъ Ермоловъ Государю, «нельзя сказать утвердительно, чтобы непріятель

«не могъ перейти Араксъ, ибо онъ можетъ собрать достаточныя силы». По слухамъ, у Аббаса-мирзы сосредоточился у худо-аферинской переправы отрядъ въ 25 т. человѣкъ.

По поводу недостатка продовольствія въ отрядѣ Паскевича, Ермоловъ писалъ Государю 10-го октября: «Генераль-адъютантъ Паскевичъ встрѣчаетъ въ продовольствіи войскъ величайшія затрудненія и сверхъ того, по недостатку средствъ подвоза, не можетъ составить запаса. Провинція Карабагская чрезвычайно разорена непріателемъ». Вѣроятно, Государь, читая эти строки, ожидалъ найти въ томъ же рапортѣ отчетъ о предпринятыхъ мѣрахъ для снабженія отряда, но Ермоловъ, прибавивъ только, что «крѣпость Шуша сколько возможно будетъ снабжена запасомъ», переходитъ къ описанію дѣйствій генерала Давыдова на границахъ Эриванскаго ханства. Впослѣдствіи, на запросъ: почему крѣпость Шуша не была снабжена провіантомъ, передъ вторженіемъ Аббаса-мирзы? Ермоловъ отвѣчалъ, что «крѣпость Шуша никогда не входила въ операціонный его планъ....., и къ тому же провіантъ въ семь краѣ болѣе года не держится». Если Ермоловъ подъ «провіантомъ» подразумѣвалъ хлѣбъ въ зернѣ, то заявленіе его было невѣрно. Во всемъ Закавказьи запасы хлѣба въ зернѣ годами сохраняются въ земляныхъ ямахъ. Паскевичъ, ознакомясь съ краемъ, пишетъ, что вездѣ «земляныя ямы замѣняютъ наши амбары и хлѣбныя магазины» *).

*) Тамъ же и прил. № 3.

Отвѣчая Ермолову на его всеподданнѣйшій рапортъ отъ 10-го октября, баронъ Дибичъ 26-го октября пишетъ ему: «Государь увѣренъ, что будутъ приняты всѣ мѣры для совершеннаго обезпеченія отряда генераль-адъютанта Паскевича». Повидимому, въ главномъ штабѣ не имѣли тогда свѣдѣній ни о мѣстныхъ средствахъ продовольствія, ни о предположеніяхъ Ермолова по продовольствію кавказскихъ войскъ. Увѣдомляя, что изъ Астрахани «уже отправлено для войскъ въ Дагестанъ 25 т. четвертей», баронъ Дибичъ спрашиваетъ Ермолова, не будутъ ли кавказскія войска и по доставкѣ астраханскаго подвоза нуждаться въ хлѣбѣ. «Въ случаѣ надобности», пишетъ онъ, «можно устроить подвозы изъ Саратовской губерніи». «Равномѣрно Его Величеству», продолжаетъ Дибичъ, «угодно знать, не предстоитъ ли нужды въ овсѣ», а вмѣстѣ съ тѣмъ Государь, «находя нужнымъ для удобнѣйшаго обезпеченія на предбудущее время продовольствія войскъ учредить запасы по близости Кавказской линіи», требовалъ «по сему предмету» соображенія Ермолова. Недостатокъ въ продовольствіи войскъ на Кавказѣ очень беспокоилъ Государя и положеніе отряда Паскевича, подробно ему известное, еще больше увеличивало его заботы и беспокойства.

6-го октября Паскевичъ получилъ достовѣрное извѣстіе, что Мустафа-ханъ оставляетъ Ширванское ханство и во главѣ полчища приблизительно въ 5 т. человекъ направляется къ Джавату. Немедленно пославъ приказаніе генераль-маіору Краббе идти къ Джават-

ской переправѣ, Паскевичъ доноситъ о томъ же Государю и Ермолову. Послѣдствія его распоряженій уже извѣстны. Но въ это же время слухи объ усиленіи Аббаса-мирзы и о намѣреніи его перейти Араксъ все болѣе усиливались и Паскевичъ готовился идти ему на встрѣчу. Между тѣмъ въ отрядѣ, какъ писалъ Паскевичъ, «нѣтъ ни соли, ни мяса, а подвозы хлѣба такъ «опаздываютъ, что приходится часто потреблять хлѣбъ «въ зернѣ, отчего развивается болѣзненность». Тогда Ермоловъ предполагалъ, какъ кажется, помочь отряду, переведя его «въ болѣе населенную часть Карабага, къ «берегамъ Куры». Паскевичъ два раза нѣсколько рѣзко отказывался исполнить это приказаніе. «Шушу нельзя «оставить», повторялъ онъ, «въ ней всего двѣ роты, а «болѣе нельзя тамъ оставить,—провіанта нѣтъ». Паскевичъ писалъ кромѣ того, что отрядъ его занимаетъ именно населеннѣйшую «мѣстность Карабага» и что безъ подвозовъ отрядъ на берегахъ Куры «еще болѣе будетъ «нуждаться».

Черезъ нѣсколько дней донесеніе Мищенка подтвердило мнѣніе Паскевича: при бѣгствѣ Ширванскаго хана къ Джавату жители селеній, прибрежныхъ къ Курѣ, разбѣжались ранѣе чѣмъ отрядъ Паскевича могъ бы къ нимъ придти.

Между 15-мъ и 18-мъ октября непріятель малыми партіями нѣсколько разъ переходилъ Араксъ, переправляя насильно въ свои владѣнія жителей сосѣднихъ Мареліанской переправѣ селеній. Отряды непріятеля доходили до р. Кузлучай, вездѣ, какъ пишетъ Паске-

вичъ, «страшая жителей, что если не пойдуть къ нимъ «со всѣмъ имуществомъ, то будутъ заграблены». 18-го октября Паскевичъ послалъ къ Асландузской переправѣ батальонъ Херсонскаго гренадерскаго полка, «дабы ночью засѣсть въ деревнѣ и напасть нечаянно на не-«пріятеля, если бы онъ пришелъ». Батальонъ возвратился въ лагерь, нигдѣ не встрѣтивъ непріятеля. При таковыхъ обстоятельствахъ, Паскевичъ рѣшался, не ожидая разрѣшенія Ермолова, перейти Араксъ. «Слѣдующія причины», пишетъ онъ въ журналѣ военныхъ дѣйствій, «подкрѣпили сіе мое намѣреніе»:

«1) Узнать точное положеніе силъ непріятеля, ибо «разные неблагонамѣренные люди безпрестанно распускаютъ слухи, что персидскія войска снова собираются «и готовы уже опять вступить въ наши владѣнія; по-«казанія же лазутчиковъ никакого яснаго и точнаго «свѣдѣнія объ оныхъ мнѣ не представляютъ».

«2) По всей однакоже вѣроятности силы непрія-«теля не могутъ быть значительны, движеніе впередъ «заставитъ Аббасъ-мирзу удалиться отъ нашихъ гра-«ницъ и тѣмъ успокоитъ пограничныхъ жителей; если «бы онъ вздумалъ держаться, пользуясь трудностію пе-«рехода черезъ горы и безпрестанно встрѣчающимися «ущеліями, то удачное нападеніе на него еще болѣе «соотвѣтствовало бы сей цѣли».

«3) Движеніемъ впередъ угрожая сообщеніямъ Аб-«басъ-мирзы съ Тавризомъ, я обезпечиваю положеніе «полковника Мищенки, ибо, по разнесшимся слухамъ, «Аббасъ-мирза послалъ 8 тысячъ сарвазовъ для под-

«крѣпленія Мустафы—хана ширванскаго, что подвергало «бы небольшой отрядъ нашъ явной опасности».

«4) Такъ какъ значительное число семействъ, увлеченныхъ въ послѣднее время изъ нашихъ провинцій, «находятся еще близъ Аракса, то я могу неожиданнымъ «переходомъ чрезъ оный возвратить ихъ обратно».

«5) Если у Аббасъ-мирзы есть гдѣ запасы хлѣба, «то воспользоваться оными весьма важно для отряда, «продовольствіе коего обеспечено нашимъ магазиномъ «только на нѣсколько дней».

«6) Захватъ скотины также весьма полезенъ будетъ, «ибо она здѣсь и дорогою цѣною и съ трудомъ покупается; отпускъ же мясной пищи необходимъ, какъ для «уменьшенія расхода хлѣба, такъ и для поддержанія «здоровья людей» *).

Хотя поводы для перехода за Араксъ, указанные Паскевичемъ, были вполнѣ основательны, но повидимому движеніе это не согласовалось съ намѣреніями и приказаніями Ермолова. Въ дѣйствительности это было только кажущееся противорѣчіе. Ермоловъ передавалъ Паскевичу въ формѣ личныхъ отъ себя приказаній рѣшенія, утвержденныя Государемъ въ Петербургѣ. Одновременно съ Дибичемъ, который писалъ *официально* Ермолову, передавая ему повелѣнія Государя, генералъ-квартирмейстеръ графъ Сухтеленъ, несомнѣнно съ вѣдома Государя и начальника главнаго штаба, писалъ

*) Журналъ военныхъ дѣйствій отряда г.-адъют. Паскевича съ 24-го октября по 1-е ноября 1826 г. Военно-уч. арх., отд. II, дѣло № 2446.

неофициально Паскевичу, сообщая ему то, о чемъ Дибичъ писалъ Ермолову. Такъ 22-го октябрю Сухтеленъ пишетъ: «Сегодня генераль Ермоловъ получилъ повелѣніе относительно предстоящихъ военныхъ дѣйствій. Въ общемъ они заключаются въ слѣдующемъ: Воспрепятствуются наступательныя дѣйствія покуда не подойдутъ изъ Россіи войска и не устроится продовольствіе войскъ. Но конечно Вамъ слѣдуетъ пользоваться всякими благопріятными обстоятельствами, какъ напримеръ относительно непріятели, подкупомъ его начальствующихъ лицъ и т. п. Ваше превосходительство, находясь съ своимъ отрядомъ между Шушей и Араксомъ, занимаете и обороняете Карабагъ, но часть вашихъ войскъ имѣетъ быть направлена въ Ширванъ, противъ Шахъ-Али-хана (сына Аббаса-мирзы), тѣснаго генерала Краббе, стараясь по возможности отрѣзать его отъ Персіи. Съ приходомъ войскъ изъ Россіи, съ прекращеніемъ мятежа въ нашихъ пограничныхъ областяхъ и съ устройствомъ продовольствія войскъ, Вы переходите Араксъ и, наблюдая за Ардебилемъ, отдѣльными отрядами направляетесь на Агаръ и Тавризь. Дѣйствуя смѣло и рѣшительно на центръ персидскаго государства, Вы привлечете на себя главныя силы непріятели, но конечно благоразуміе и осторожность Ваша не допуститъ его задержать Васъ массою своихъ вооруженныхъ силъ. Одновременно съ движеніемъ Вашимъ, главныя наши силы вторгнутся въ Эриванскую область и, не задерживаясь осадой Эривани, поддержать Вашъ отрядъ, быстро двинувшись

«на Маранду и Нахичивань» *). Въ этомъ письмѣ, можетъ быть, Сухтеленъ недостаточно ясно выразилъ постоянную мысль Государя—присоединеніе къ Россіи Эриванской области. Соглашаясь на предложеніе Ермолова—не вторгаться въ Персію, ожидая подкрѣпленій и устройства продовольствія войскъ, Государь 24-го октябрю писалъ ему: «Не должно однакоже упустить случая, если бы таковой представился къ овладѣнію Эриванью, силою ли оружія, посредствомъ денегъ, или тайныхъ сношеній съ эриванскимъ сардаремъ». Не Агаръ и не Тавризь исправляли нашу границу съ Персіею, а Эриванская область съ ея крѣпостями Эриванью и Сарларъ-Аббадомъ. Государь это сознавалъ и не разъ указывалъ Ермолову.

Очевидно, что усиленная рекогносцировка, предпринимаемая Паскевичемъ за Араксомъ, ни въ чемъ не нарушала предположенія будущихъ военныхъ дѣйствій въ Персіи. Можно только отмѣтить, что на первый разъ петербургскія соображенія въ Закавказьи не были исполнены. Паскевичъ, какъ уже сказано было, несмотря на полученное имъ приказаніе, не послалъ и не могъ послать часть своего отряда въ Ширванъ.

Около 24-го октября Паскевичу удалось устроить вагенбургъ съ шести-дневнымъ продовольствіемъ и въ это же время къ нему прибылъ его штабъ. Штабъ Паскевича, прибывшій въ отрядъ, не былъ многочисленъ; какъ кажется, онъ состоялъ изъ его адъютантовъ: Ви-

*) См. прилож. № 4.

кинскаго, графовъ Ламсдорфа и Оппермана и квартирмейстерскихъ офицеровъ—барона Аша и Вальховскаго. О послѣднемъ Сухтеленъ, отправляя его на Кавказъ, 7-го сентября писалъ Паскевичу: «Позвольте Вамъ рекомендовать г. Вальховскаго, какъ лучшаго офицера генеральнаго штаба (du corps de l'état major), я думаю, что онъ достоинъ Вашего довѣрія. Онъ имѣлъ несчастіе быть названнымъ въ фатальномъ дѣлѣ заговора *), хотя ни въ чемъ лично не былъ замѣшанъ, но тѣмъ не менѣе это ему повредило. Радуюсь за него, что онъ, служа подъ Вашимъ начальствомъ, будетъ имѣть счастливую возможность вполнѣ возстановить свое служебное положеніе. Насколько я знаю, за нимъ нѣтъ сколько нибудь важныхъ проступковъ **).

Весь штабъ Паскевича жилъ около мѣсяца въ Тифлисѣ. Его не отпускали въ отрядъ, «потому что», какъ писалъ Ермоловъ Паскевичу, «сообщенія были весьма затруднительны». «Странно», замѣчаетъ Паскевичъ въ своемъ журналѣ, «другіе чиновники были посылаемы въ отрядъ Ермолова, расположенный на Гассанъ-Су, и я въ продолженіи всего времени получалъ письма и пакеты». Задержка въ Тифлисѣ назначенныхъ къ нему офицеровъ тѣмъ болѣе раздражала Паскевича, что, окруженный незнакомыми ему людьми и, какъ видно, не заслужившими его довѣрія ***), онъ и не получалъ извѣ-

*) Дѣло 14-го декабря 1825 года.

**) См. прилож. № 5.

***) Генералъ Вельяминовъ, судя по журналу Паскевича, старался держаться въ сторонѣ; не поддерживая князя Мадатова, онъ и Паскевичу не помогаль, а, какъ выражался Паскевичъ, «отмалчивался».

стей изъ Россіи. Сухтеленъ письма свои раздавалъ на руки разновременно отъѣзжавшимъ къ Паскевичу офицерамъ, то Ашу, то Опперману, то Ламсдорфу, а наконецъ и Вальховскому, съ приказаніемъ собственноручно передать ихъ своему генералу. Генераль-квартирмейстеръ главнаго штаба, какъ видно, не находилъ удобнымъ пользоваться почтою. «Если вы», писалъ онъ Паскевичу 7-го сентября, «мнѣ позвольте, то я буду, время отъ времени, сообщать вамъ ходъ европейскихъ дѣлъ, пользуясь отправленіемъ *«чрезвычайныхъ»* курьеровъ; тѣмъ же способомъ я бы просилъ пользоваться и ваше превосходительство, когда вамъ угодно будетъ сдѣлать мнѣ честь написать мнѣ нѣсколько строкъ». Письма Сухтелена, помимо ихъ служебнаго значенія, сообщали еще Паскевичу весьма важныя политическія извѣстія того времени. Тогда уже ожидалась война съ Турціею. По этому поводу Сухтеленъ 7-го сентября писалъ Паскевичу: «Покуда нѣсколько задержанныя работы нашего генеральнаго штаба не позволяютъ вамъ прислать нѣчто лучшее, вотъ на всякій случай кроки Анапы..... Можетъ быть вамъ, или одному изъ вашихъ отрядовъ придется употребить его въ дѣло, когда начнется война съ Турціею. Теперь она еще не рѣшена и мы узнаемъ что нибудь положительное приблизительно въ концѣ текущаго мѣсяца, когда посланный курьеръ возвратится изъ Константинополя. Если же въ это время задунайскіе паши вторгнулись бы въ княжества, то графъ Витгенштейнъ немедленно двинется впередъ, чтобы спасти княжества отъ грабежа.

«Генераль Киселевъ (начальникъ штаба фельдмаршала «Витгенштейна) еще здѣсь. Занимаются постоянно при-
«готовленіями къ кампаніи, но желаютъ избѣгнуть без-
«полезныхъ издержекъ, въ особенности въ виду того,
«что переговоры въ Аккерманѣ могутъ еще устроить
«дѣло.....» *).

Изъ этого же письма, какъ и изъ письма отъ 10-го сентября **), видно, что Сухтеленъ посылалъ Паскевичу вновь и поспѣшно отлитографированныя ландкарты, которыхъ тотъ не имѣлъ, и сообщалъ разныя новости изъ большого свѣта и придворнаго міра.

Вдали отъ всего ему близкаго, при трудности сообщеній и при отсутствіи скорого обмѣна извѣстій, къ которому такъ привыкло современное общество, письма Сухтелена были, конечно, весьма дороги Паскевичу, а пріѣздъ его адъютантовъ и назначенныхъ къ нему квартирмейстерскихъ офицеровъ облегчилъ его не легкія обязанности.

Двинувшись изъ лагеря 24-го октября въ 6-ть часовъ утра, отрядъ Паскевича направлялся къ худо-аферинской переправѣ, но въ тотъ же день, получивъ извѣстіе, на привалѣ у р. Козлучая, что Аббасъ-мирза отошелъ отъ Худо-аферинскаго моста и отступаетъ по направленію къ Ардебилю, Паскевичъ двинулся къ Мареліанскому броду, намѣреваясь выдти на перерѣзъ отступленію Аббаса-мирзы. 25-го октября, подходя къ Ма-

Планъ движенія за Араксъ.

*) См. прил. № 5.

**) См. прил. № 6.

реліанскому броду, отрядъ Паскевича захватилъ переселяющихся въ Персію жителей сосѣднихъ къ Араксу деревень. Переселеніе это, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, было вынуждено отрядомъ персидской кавалеріи; появленіе русскихъ войскъ остановило переселенцевъ. Отрядъ перешелъ Араксъ въ бродъ на драгунскихъ и казачьихъ лошадяхъ. Въ этомъ мѣстѣ наибольшая глубина рѣки, при очень быстромъ теченіи, была не болѣе 2¹/₂ футовъ, а ширина имѣла приблизительно 80 сажень.

Въ этотъ же день, вечеромъ, Паскевичъ послалъ маіора Юдина съ батальономъ Ширванскаго полка, при двухъ орудіяхъ, съ сотней казаковъ и съ татарской конницею рекогносцировать Ардебильскую дорогу. 26-го октября получено было извѣстіе отъ маіора Юдина, что Аббасъ-мирза быстро отступаетъ къ Ардебилу. Паскевичъ въ авангардъ послалъ генераль-маіора Шабельскаго съ драгунами и маіора Кирсанова съ казаками. По извѣстіямъ, все болѣе и болѣе подтверждавшимся, отрядъ Паскевича шелъ по слѣдамъ Аббаса-мирзы и ширванскаго хана. Вскорѣ, то-есть 28-го октября, въ ущельи при дер. Шакарлы, одна изъ колоннъ отряда, подъ начальствомъ маіора Полѣнова, наткнулась на отступающую персидскую кавалерію. Произошла перестрѣлка, при которой былъ взятъ въ плѣнъ ширванскій бекъ Нурали и убитъ мирза Гуссейнъ Шекинскій, при чемъ захвачены были бумаги, относящіяся до управленія ханствъ и, между прочимъ, письмо Аббаса-мирзы къ шекинскому хану. Письмо это было препровождено

къ Ермолову. Аббасъ-мирза ободрялъ въ немъ шекинскихъ и ширванскихъ хановъ и обѣщаль вскорѣ помочь мятежникамъ. «Вы спрашиваете», писалъ онъ, «прекратилъ ли я войну? Война еще только началась». А вмѣстѣ съ тѣмъ, не объясняя отступленія своего за Араксъ, утверждалъ, что русскіе хотѣли перейти Араксъ, но онъ, будто бы, заставилъ ихъ поспѣшно отступить.

Тогда же, т. е. 28-го октября, возвращено въ наши предѣлы нѣсколько сотенъ семействъ, насильно переселенныхъ персіянами, захвачена часть непріятельскаго скота и, наконецъ, достигнуть былъ аррьергардъ отступающаго Аббаса-мирзы. Но благодаря сильному туману, послѣ довольно живой перестрѣлки съ отрядомъ генерала Шабельскаго, аррьергардъ этотъ успѣлъ скрыться. Преслѣдованіе продолжалось еще на 15 верстъ. Дальнѣйшее преслѣдованіе казалось Паскевичу бесполезнымъ, тѣмъ болѣе, что у Аббаса-мирзы не было ни пѣхоты, ни артиллеріи,—онъ дѣйствовалъ только съ одной кавалеріей. Въ этотъ же день Паскевичъ двинулся внизъ по рѣкѣ Дерявурту, впадающей въ Араксъ противъ Асландуза. Несмотря на массу въ этой мѣстности кочевавшаго народа, русскій отрядъ вездѣ находилъ хорошій подножный кормъ; при движеніи происходили: съемка мѣстности, рекогносцировка дорогъ, мостовъ и т. п. 29-го октября аррьергардъ, подъ начальствомъ генерала Шабельскаго, проходя нѣсколько длинное ущелье, былъ встрѣченъ выстрѣлами персидскаго отряда приблизительно въ 250 человекъ,—это была засада, вѣроятно,

устроенная вольницей изъ иррегулярныхъ персидскихъ войскъ. Вскорѣ они были сбиты, поспѣшно разсыпались и скрылись. 30-го октября началась переправа у Асландуза. Асландузскій бродъ менѣе удобенъ, чѣмъ Мареліанскій; при ширинѣ въ 70 сажень и при весьма быстромъ теченіи, глубина его имѣетъ около 3-хъ футовъ. «Для «обезпеченія перехода людей», какъ значитъ въ журналѣ военныхъ дѣйствій, «поставлены были въ воду «8-мь орудій, соединенныя между собою канатомъ. Люди «шли одинъ за другимъ, держась за канатъ; для облег- «ченія, ихъ ружья перевезены на арбахъ; такъ же пере- «правлены больные и слабые. Ниже переправы постав- «лены были конные казаки и на берегу надежные изъ «солдатъ пловцы для поданія, въ случаѣ нужды, по- «мощи. Такимъ образомъ, въ продолженіе 8-ми часовъ «войска перешли безъ всякаго несчастнаго происше- «ствія». 31-го переправилось возвращаемое населеніе и аррьергардъ.

Усиленная рекогносцировка, произведенная Паскевичемъ за Араксомъ, доказала, что Аббасъ-мирза выпустилъ свою пѣхоту, что и подтверждалось показаніями, какъ мѣстныхъ армянъ, такъ и всего при-аракскаго населенія *). Въ теченіе зимы можно было ожидать на границѣ Карабага развѣ только мелкихъ разбоевъ и набѣговъ мелкихъ отрядовъ. Возвращеніемъ нѣ-

*) Персія всегда при первой возможности распускала свою пѣхоту. Такъ, въ настоящее время, изъ 70.000 человѣкъ списочнаго состоянія ея регулярной пѣхоты, налицо имѣется едва 10-я часть,—остальное въ отпускахъ. (*Revue du cercle des armées de terre et de mer. Sommaire du № 40, page 980, «armée persanne»*).

сколькихъ сотенъ насильно переселенныхъ персіянами семействъ несомнѣнно усиливалось вліяніе наше въ пограничныхъ ханствахъ. Затѣмъ (и это, можетъ быть, всего существеннѣе), часть предполагаемаго театра будущихъ военныхъ дѣйствій была подробно изучена, какъ въ топографическомъ, такъ и въ продовольственномъ отношеніяхъ. Кромѣ того, Паскевичъ въ своемъ журналѣ *) говоритъ: «Сіе (т. е. движеніе за Араксъ) убѣдило меня, что отрядъ полковника Мищенко находится «внѣ всякой опасности, и 2-е, отбито рогатаго скота «330 штукъ, телятъ 83 и барановъ 5.161. Полагая по «фунту на человѣка, сего количества достаточно для «мясной порціи всему отряду на 40 дней, при чемъ от- «пускается людямъ только два фунта хлѣба и сбере- «гается въ день около 25 четвертей муки, слѣдовательно «во всѣ 40 дней сбережется 1.000 четвертей; увели- «чивая же порцію мясную, можно имѣть въ экономіи еще «большее количество муки. Выгода таковая, въ настоя- «щемъ положеніи средствъ сей земли, существенна; ибо «въ сіе время продовольствіе отряда едва со дня на «день собиралось, а нынѣ, съ вознагражденіемъ мясною «порціею уменьшенія хлѣбной дачи, отрядъ обезпеченъ «на цѣлый мѣсяцъ».

Но въ Петербургѣ движенію Паскевича за Араксъ придавали, какъ кажется, совершенно иное значеніе, — ожидали значительныхъ столкновеній, даже непреодолимыхъ затрудненій, — ожидали, что Ермоловъ будетъ вы-

*) Подъ 31-мъ октября. В. у. арх., дѣло № 2446.

нужденъ выступить ему на помощь и, не придавая движению Паскевича значенія во всякомъ случаѣ полезной рекогносцировки, были нѣсколько недовольны его рѣшительностью.

По поводу перехода отряда Паскевича за Араксъ, баронъ Дибичъ представилъ Государю слѣдующій докладъ: «Рѣшимость Паскевича отогнать непріятеля отъ Аракса будетъ, я надѣюсь, увѣнчана успѣхомъ. Она могла бы имѣть значительную пользу, если бы подержана была эшалономъ войскъ и достаточнымъ подвижнымъ магазиномъ. Въ настоящемъ положеніи многочисленная кавалерія непріятеля, если будетъ умѣть дѣйствовать, весьма можетъ затруднить всякое движение Паскевича и сдѣлать оное даже невозможнымъ. Если Ермоловъ не рѣшится изъ Ширвани перейти къ Шушѣ, дабы поддержать наступленіе Паскевича,— что мнѣ кажется невѣроятнымъ, а приказаніе дать отсюда невозможно». На поляхъ этого доклада Государь написалъ карандашемъ: «Все это правда и я, признаюсь, не раздѣляю мысли Паскевича, ибо онъ удаляетъ насъ отъ настоящей цѣли кампаніи» *).

*) Докладъ этотъ отъ 21-го ноября 1826 года написанъ весь собственноручно Дибичемъ. Подлинникъ въ восно-учен. архивѣ, отд. 1, дѣло 965, л. 6.

ГЛАВА IV.

Возвращеніе въ лагерь у р. Черекени.—Стоянка у Сардоба на Курь.—Распущеніе войскъ на зимнія квартиры.—Карабагскій отрядъ кн. Мадатова.—Инспекторскій смотръ.—Переписка съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ.—Отзывъ Муравьева (Карскаго).—Записка о кампаніи 1826 г.—Попытка Ермолова къ примиренію съ Паскевичемъ.—Возрастающее недоверіе Паскевича къ Ермолову.—Экспедиція Мадатова въ Муганскую степь и къ Агару.—Болъзнъ.—Пререканія съ Ермоловымъ.—Просьба Паскевича объ отозваніи.—Письмо Сухтелена.—Отвѣтъ Дибича.—Планы кампаніи: главная штаба, Ермолова и Паскевича.—Письмо Государя.

Первый періодъ персидской кампаніи закончился возвращеніемъ изъ-за Аракса отряда Паскевича въ лагерь при р. Черекени, въ началѣ ноября 1826 года.

Какъ побѣдителямъ, такъ и побѣжденнымъ одинаково не по силамъ было продолжать военныя дѣйствія.

Русскіе отряды безъ продовольствія, безъ обозовъ и запасовъ должны были спѣшить на зимнія квартиры, туда, гдѣ имъ легче было прокормиться, а войска Аббаса-мирзы частью разбѣжались, а частью, за недостаткомъ продовольствія, были распущены по домамъ. Такой результатъ несомнѣнно былъ выгоденъ для Персіи, онъ давалъ ей время оправиться, собрать войска, усилить оборону крѣпостей и, пользуясь денежною субси-

дією англичанъ, приготовиться къ военнымъ дѣйствіямъ будущей весны. Впечатлѣніе елизаветпольскаго пораженія со временемъ ступевывалось и неудачная кампанія могла представиться персидскому народу, какъ болѣе или менѣе успѣшный набѣгъ въ землю невѣрныхъ. Не даромъ же Аббасъ-мирза писалъ ханамъ, что «война «только что началась». Онъ несомнѣнно рассчитывалъ въ теченіе зимы снова возбудить религіозный фанатизмъ въ народѣ.

16-го ноября Паскевичъ выступилъ изъ лагеря. Зимнія квартиры для его отряда указаны были Ермоловымъ. «Генералъ отъ инфантеріи Ермоловъ», писалъ Паскевичъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 20-го ноября, «предписаніемъ своимъ за № 439, приказалъ «мнѣ озаботиться объ удобнѣйшемъ размѣщеніи войскъ «отряда моего въ тѣхъ мѣстахъ, ближайшихъ къ Курѣ, «гдѣ бы, за недостаткомъ мѣстнаго продовольствія, «можно бы было съ меньшимъ затрудненіемъ до- «ставать оное изъ Ширванской провинціи». Согласно съ этими указаніями войска Паскевича 19-го ноября стали лагеремъ на берегу рѣки Куры около Сардоба, въ 15-ти верстахъ отъ селенія Лакъ, гдѣ находились главные запасы Ширванскаго ханства, при чемъ дорога въ кр. Шушу была обезпечена 6-ю ротами Грузинскаго гренадерскаго полка при 4-хъ орудіяхъ и 6-ти казачьихъ сотняхъ, оставленныхъ въ селеніи Агъ-огланѣ *).

*) Рапортъ Государю генералъ-адъютанта Паскевича отъ 21-го ноября 1826 года изъ лагеря при р. Курѣ близъ Сардоба (Секретное дѣло за № 5850 (а) учен. арх. главнаго штаба).

22-го ноября получается, вызванное недостаткомъ запасовъ въ Ширванскомъ ханствѣ, новое приказаніе Ермолова. Паскевичу предписывалось отрядъ распустить, отправивъ войска въ расположенія ихъ полковыхъ штабовъ. Въ Карабагѣ, въ распоряженіе правителя ханствъ князя Мадатова, отъ отряда отдѣлялось три батальона и 4 казачьи полка при 14-ти орудіяхъ. Всѣ зарядные ящики отправлялись къ полковнику Реуту въ крѣпость Шушу *). Донося о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ, генераль Ермоловъ, во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 26-го ноября, говоритъ, что «по причинѣ наступающей зимы», персидскія войска вѣроятно ничего «не предпримутъ важнаго», но «охранить» со стороны Муганской степи отъ разбоевъ «почти нѣтъ возможности» **). Паскевичъ также доносилъ Государю о расформированіи ввѣреннаго ему отряда и вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ, что передъ роспускомъ войскъ онъ «хотѣлъ, до отъѣзда по болѣзни въ Тифлисъ, узнать о состояніи полковъ, дабы, «судя по онимъ и о другихъ войскахъ сего корпуса, «насчетъ ихъ внутренняго положенія судить; я сдѣлалъ инспекторскіе смотры. о которыхъ я буду имѣть «счастье подробно донести» ***).

25-го ноября, Паскевичъ пріѣхалъ въ Тифлисъ;

*) Журналъ военныхъ дѣйствій ген.-адъют. Паскевича (тамъ же). Въ кр. Шушѣ остался 42-й егерскій полкъ (полковника Реута).

**) Всеподданнѣйшій рапортъ Ермолова 26-го ноября. «Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей московскихъ». 1867 г., томъ 4, стр. 306.

***) Рапортъ Паскевича Государю отъ 26-го ноября 1826 года, лагерь при р. Куръ (тамъ же).

но еще передъ своимъ выѣздомъ изъ лагеря онъ писалъ начальнику главнаго штаба барону Дибичу, прося его повергнуть къ стопамъ Монарха его усердную просьбу объ «отозваніи его» обратно въ Россію. Письмо это не сохранилось, но обстоятельный на него отвѣтъ, собственноручно писанный Дибичемъ, излагаетъ его содержаніе *). Паскевичъ писалъ, что его здоровье не позволяетъ ему продолжать службу на Кавказѣ и что служить съ Ермоловымъ онъ «не находитъ для себя возможнымъ». Вслѣдъ затѣмъ онъ послалъ къ Государю адъютанта своего съ донесеніемъ о произведенныхъ имъ инспекторскихъ смотрахъ въ лагерѣ близъ Сардоба **).

Фактическая сторона этого донесенія заключалась въ томъ, что въ пѣхотѣ одежда нижнихъ чиновъ отряда была до того ветха и изношена, что не предохраняла ихъ отъ стужи. Мундиры были сроковъ 1821 и 1822 годовъ, а зимніе брюки выдавались людямъ только для караульной службы, когда они бывали въ Тифлисѣ, затѣмъ отбирались и складывались въ полковые цейхаузы. Аммуниционныхъ денегъ и годовыхъ вещей (какъ, на примѣръ, сапоги и сапожный товаръ) не выдавали, бѣлья, кромѣ одной рубашки, у людей не было. Ремни на аммуниціяхъ замѣнялись тесьмами изъ стараго холста. Подъемныя полковыя лошади были стары, худы и, какъ пишетъ Паскевичъ, «совершенно къ по-

*) Подлинное находится въ военно-ученомъ арх., отд. II, д. 4442, лл. 12—13.

***) Тамъ же.

«ходу не годятся». Въмѣсто провіантскихъ фуръ имѣлось нѣсколько повозокъ безъ брезентовъ, «но притомъ», поясняетъ Паскевичъ, «по малому количеству и такъ-выхъ повозокъ, возится провіантъ на солдатскихъ ар-«тельныхъ лошадахъ, которыхъ нижніе чины доволь-«ствуютъ фуражемъ, на собственныя ихъ деньги поку-«паемымъ». Не всегда, какъ обнаружилось на смотрахъ, выдавались нижнимъ чинамъ и заработанныя ими деньги; такъ, нижніе чины Грузинскаго гренадерскаго полка показали, что за работы въ Тифлисѣ въ 1825 году они денегъ не получали. Положеніе кавалеріи, т. е. Нижегородскаго полка, 4-хъ казачьихъ полковъ и пѣшей артиллеріи было нѣсколько лучше. Но относительно артиллеріи Паскевичъ замѣчаетъ, что, за исключеніемъ 1-й батареіной роты полковника Долгово-Сабурова, «практическими ученіями никогда на квартирахъ артил-«лерія занимаема не была».

О дурномъ состояніи войскъ Паскевичъ доводилъ до свѣдѣнія и Великаго Князя Михаила Павловича *).

Возвращаясь въ концѣ ноября въ Тифлисъ, Паскевичъ осмотрѣлъ въ Елизаветполѣ Крымскій пѣхотный полкъ 20-й дивизіи, прибывшій за мѣсяць передъ тѣмъ изъ Россіи. Полкъ, какъ доноситъ Паскевичъ, былъ найденъ имъ во всѣхъ отношеніяхъ въ исправности, но за то военный госпиталь въ Елизаветполѣ, имѣя больныхъ до 300 нижнихъ чиновъ, не былъ снабженъ кро-

*) Два письма Ивана Федоровича къ Великому Князю, хранящіяся въ сем. архивѣ кн. Паскевича, приводятся въ прилож. № 1 къ настоящей главѣ.

ватами и не имѣлъ въ достаточномъ количествѣ госпитальныхъ вещей *). Больные лежали на полу, на соломенныхъ тюфякахъ. Генералъ Паскевичъ, сознавая, что инспекторское донесеніе его вызоветъ сильное негодование Государя, причѣмъ легко могутъ пострадать начальники отдѣльныхъ частей его отряда, старался, насколько возможно, смягчить Государя. Служба полковыхъ командировъ во время кампаніи и храбрость, выказанная ими въ Елизаветпольскомъ сраженіи, наконецъ убѣжденіе, что состояніе бывшихъ подъ его начальствомъ пяти пѣхотныхъ полковъ ничѣмъ почти не отличается отъ остальныхъ частей Кавказскаго корпуса,—побуждали Паскевича писать Государю: «осмѣливаюсь утруждать «всеподданническою моею просьбою — не наказывать сихъ «войскъ начальниковъ, ибо весь корпусъ въ томъ положеніи,—служба ихъ въ продолженіи сей кампаніи и «храбрость подъ Елизаветполемъ заслуживаютъ милостиваго вниманія Вашего Императорскаго Величества. «Они не виноваты, что имъ позволяли и никто за ними «не смотрѣлъ». Дѣйствительно, трудно предположить, чтобы только въ полкахъ отряда Паскевича не выдавались годовыя вещи, провіантскія фуры, мундиры и т. п.; вѣроятно же допустить, что тутъ только проявились безпорядки, общіе всѣмъ полкамъ Кавказскаго корпуса **).

*) Госпитальныхъ вещей было только на 100 человекъ.

**) Требовательность Паскевича, разумѣется, не правила полковымъ командирамъ, которымъ пришлось приплатиться. Такъ, Муравьевъ (Карскій) говоритъ въ своихъ запискахъ: «Требованія были непомѣрны, хозяина при полку (Муравьева) не было, и намѣстники мои не пощадили средствъ къ исполненію оныхъ, такъ что убытокъ мною понесенный въ 6 роткахъ бывшихъ

Вмѣстѣ съ инспекторскимъ донесеніемъ генераль Паскевичъ представилъ особую записку, озаглавленную: «о кампаніи нынѣшняго года». «Кампанія кончена,— кампанія испорчена»,—такъ начинается изложеніе Паскевича, въ которомъ ясно высказывается тяжелое чувство отъ бесплодности какъ его усилій, такъ и трудовъ и потерь его отряда. Послѣ Елизаветполя, пишетъ Паскевичъ, у Аббаса-мирзы «войско разошлось, лично «при немъ не осталось и 1.000 человекъ конницы, пѣ- «хота же вся разсѣялась».

Если бы Ермоловъ, исполняя его просьбу, купилъ 1.000 арбъ и, наложивъ на нихъ 6.000 четвертей хлѣба, доставилъ ихъ ему, то онъ дошелъ бы до Тавриза, а Ермолову, въ такомъ случаѣ, вмѣсто безцѣльнаго движенія на Ширванъ, надлежало идти на Нуху. Овладѣвъ Тавризомъ *) съ его артиллерійскими складами, запасами и арсеналомъ, «можно было бы идти брать Эривань». «Но во всякомъ случаѣ», прибавляетъ Паскевичъ, «мы «имѣли бы большія выгоды на будущую кампанію, а «непріятель, потерявъ орудія, порохъ, конные снаряды, «арсеналь, не могъ бы ничего предпринять, теперь же

въ Карабагѣ простирался до 10.000 рублей, и въ семь случаевъ я былъ жертвою ссоры начальниковъ и несъ какъ будто мщеніе Паскевича. Не менѣе того полкъ мой, преимущественный всѣмъ прочимъ, получилъ хорошую славу не только въ военныхъ дѣлахъ, но и въ устройствѣ, которое самъ Паскевичъ другимъ въ примѣръ ставилъ. Прочіе полки были въ самомъ дѣлѣ съ непротитительными недостатками и командиры оныхъ часто справедливо терпѣли неудовольствія Паскевича». («Русск. Арх.» 1889 г., № 8).

*) Генераль Паскевичъ справедливо считалъ Тавризъ наиболѣе важнымъ пунктомъ для вооруженныхъ силъ Персіи. Тамъ сосредоточивались всѣ арсеналы и запасы арміи.

«опасно, чтобы онъ не исправился. Онъ не осмѣлится, можетъ быть, выйти къ намъ въ поле, но укрѣпить города; посадить въ нихъ большіе гарнизоны, свезеть туда запасы: притомъ же къ веснѣ все сами съѣдятъ и мы мало продовольствія достанемъ,—главнѣйше же убійственный климатъ лѣтомъ погубитъ насъ».

«Циціановъ, въ 1805 году, пошелъ въ маѣ мѣсяцѣ подъ Эривань съ тремя тысячами пятью стами человѣкъ подъ ружьемъ, въ дѣлахъ потерялъ до 700 человѣкъ и 1.900 больныхъ, прочіе померли».

«Въ концѣ ноября я получилъ повелѣніе стать съ отрядомъ у Куры къ Сардобу, дабы войска были для отдохновенія; я и думалъ, что оныя останутся до 1-го января или 1-го февраля и что оттуда будетъ движеніе; но, къ величайшему моему удивленію, я получилъ ордеръ распустить войска, потому что продовольствія нѣтъ».

Впрочемъ, не одинъ Паскевичъ жаловался на вынужденное бездѣйствіе; не одинъ онъ предвидѣлъ трудности весенняго похода,—это было общее мнѣніе всѣхъ почти дѣятелей того времени въ Закавказьи. Такъ, между прочими, флигель-адъютантъ баронъ Фридериксъ, находившійся въ отрядѣ генерала Давыдова, писалъ начальнику главнаго штаба: «за недостаткомъ продовольствія, мы были принуждены возвратиться. Недостатокъ продовольствія—вотъ единственная причина нашего бездѣйствія,—я не могу выразить Вамъ всю тяжесть этого бездѣйствія именно при наилучшихъ климатическихъ условіяхъ, при которыхъ легко окончить

« кампанію, тогда какъ весеннія жары въ Персіи будутъ не-
« сравненно опаснѣе непріятельскихъ снарядовъ. Весною,
« въ окрестностяхъ Тавриза и Эривани, въ рядахъ на-
« шихъ въ сильныхъ размѣрахъ разовьется болѣзненность
« и смертность » *). Другой флигель-адъютантъ, князь
Долгоруковъ, въ то же почти время писалъ Дибичу: « Я
« ничего не смѣю писать Вамъ о военныхъ дѣйствіяхъ,
« они теперь совершенно пріостановились къ великому
« горю всѣхъ ». « Радоваться нечему », — тогда же писалъ
полковникъ Раевскій своему отцу, — « отъ безхлѣбія войну
« остановили, даемъ Аббасъ-мирзѣ оправиться и снова
« въ силу войти ».

Ермоловъ не могъ не знать объ этомъ общемъ въ
Закавказьи настроеніи, а мнѣніе и негодованіе Паске-
вича ему также несомнѣнно были извѣстны. При та-
кихъ данныхъ, совмѣстное служеніе съ Паскевичемъ
становилось невыносимо; предстояла борьба, тѣмъ болѣе
неудобная, что Государь не былъ и не могъ быть до-
воленъ общимъ положеніемъ дѣлъ въ Закавказьи. Еще
въ октябрѣ мѣсяцѣ Ермоловъ хотѣлъ улучшить отно-
шенія свои съ Паскевичемъ, полагая вѣроятно, что
только личное самолюбіе лежитъ въ основѣ ихъ недо-
разумѣній. Для этой цѣли онъ прибѣгнулъ къ посред-
ничеству флигель-адъютанта полковника князя Николая
Андреевича Долгорукова. Вотъ что по этому поводу
Долгоруковъ рассказываетъ въ своемъ письмѣ отъ

*) Это любопытное письмо съ характернымъ отвѣтомъ на него Дибича
приводится въ прил. № 2 къ настоящей главѣ.

4-го января 1827 года къ барону Дибичу: «По при-
«бытіи (во время похода Ермолова въ Ширванъ) къ
«посту Тургончай въ Шекинской провинціи, у границъ
«Ширвани, генераль Ермоловъ, который сначала меня
«очень дурно принялъ, но мало по малу измѣнился къ
«лучшему, предложилъ мнѣ принять довольно дели-
«катное порученіе, доказывавшее, впрочемъ, его ко мнѣ
«довѣріе. Порученіе это, въ случаѣ успѣха, принесло бы
«большую пользу службѣ и я его отклонить не могъ.
«Состояло оно въ томъ, чтобы, отправившись къ гене-
«ралу Паскевичу, я постарался возстановить между ними
«доброе согласіе, повидимому совершенно утраченное.
«Я отправился съ казачьимъ полкомъ Шамшева и двумя
«орудіями легкой линейной артиллеріи. Я переправился
«черезъ Куру въ Пиразанъ и черезъ Карабагъ прибылъ
«въ Черекенскій лагерь, гдѣ нашелъ генерала Паске-
«вича. Пробылъ я тамъ три недѣли, въ теченіе кото-
«рыхъ всѣ свои усилія направлялъ къ тому, чтобы воз-
«становить добрыя отношенія между обоими генералами;
«но довѣріе было уже потеряно и всѣ мои заботы были
«безплодны» *). Письмо Долгорукова было доложено
Дибичемъ Государю. «Его Величество»,—писалъ Дибичъ
Долгорукову,—«въ полной надеждѣ на усердіе и рев-
«ность вашу, увѣренъ, что ваше сіятельство, оставаясь
«на предстоящую кампанію въ Грузіи, не перестанете
«и впредь вести себя такимъ же образомъ и стремиться
«къ той же благонамѣренной и для службы полезной

*) Воен. учен. арх., отд. II, № 4442, лл. 1—4.

«цѣли» *). «Полезная цѣль» была, дѣйствительно, недостижима, бездѣйствіе послѣ Елизаветпольскаго сраженія, дѣйствія Мадатова по продовольствію отряда, наконецъ полное безсиліе воспользоваться удобнымъ для кампаніи временемъ и неустройство въ управленіи страной и войсками,—все это возбуждало Паскевича такъ, что онъ дѣйствительно заболѣлъ. Свойственная ему пылкость увлекла его до того, что онъ, рѣшившись упорно просить отъѣзда въ Россію, вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ Государю о несостоятельности «внѣшней политики» Ермолова. Это вызывалось, какъ кажется, всего болѣе желаніемъ доказать, что ему нельзя и немислимо оставаться на службѣ съ человѣкомъ, съ которымъ онъ ни въ чемъ сойтись не можетъ. Въ сущности эта «политическая критика» повторяла общее тогда обвиненіе Ермолова въ честолюбіи, будто бы вызвавшемъ войну съ Персією. Конечно, при столь сложныхъ обстоятельствахъ, каковыми Ермоловъ былъ обставленъ по дѣламъ внѣшней политики въ теченіе 10-тилѣтняго своего управленія Кавказомъ, многое изъ его дѣйствій могло быть понято въ смыслѣ для него крайне неблагоприятномъ, тѣмъ не менѣе, можетъ быть, было нѣсколько неосторожно выводить общее заключеніе изъ отдѣльно взятыхъ фактовъ. Весьма вѣроятно, что въ данномъ случаѣ Паскевичъ поддался и глубокому чувству недовѣрія къ Ермолову, чувству понятному послѣ его труд-

*) Тамъ же, письмо отъ 22-го января 1827-го года. Какъ это письмо такъ и письмо кн. Долгорукаго см. въ прилож. № 3.

наго и малополезнаго пребыванія съ отрядомъ въ Карабагскомъ ханствѣ, послѣ безславнаго окончанія кампаніи, послѣ общаго неустройства, проявившагося въ полномъ безсиліи продолжать начатую кампанію и въ постоянныхъ, затѣмъ, недоразумѣніяхъ по дѣламъ управленія войскъ.

Въ декабрѣ, когда Паскевичъ пріѣхалъ въ Тифлисъ, Ермоловъ еще находился въ экспедиціи. Еще въ началѣ ноября сильный отрядъ генераль-лейтенанта князя Эристова (три полка 20-й дивизіи) былъ двинутъ во владѣнія Джарскихъ лезгинъ, нѣсколько разъ осмѣлившихся производить набѣги на нашу Кахетію. Вскорѣ въ этотъ отрядъ прибылъ самъ Ермоловъ и дѣло окончилось безъ кровопролитія. Джарцы дали аманатовъ, а Ермоловъ отъ Высочайшаго Имени объявилъ имъ прощеніе. Тогда же Ермоловъ снабдилъ кн. Мадатова особымъ секретнымъ предписаніемъ, въ которомъ, въ виду «несоразмѣрности конницы нашей съ непріятельскою для предохраненія отъ разореній», предписывалось Мадатову, сдѣлавъ нападеніе на непріятельскія кочевья въ Муганской степи, «произвести между ними ужасъ и, подвергнуши ихъ потерямъ, заставить ихъ удалиться». Экспедиція Мадатова не имѣла серьезнаго значенія, но она еще разъ доказала, до какой степени Персія была безоружна. Во главѣ своего отряда Мадатовъ произвелъ панику въ кр. Лори и въ г. Агарѣ и безнаказанно, въ теченіе почти мѣсяца, ограбилъ множество селеній и нѣсколько тысячъ семействъ, истребилъ мѣстные запасы продовольствія и даже въ 17-ти

верстахъ отъ Агара не встрѣтилъ сопротивленія. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, при наступленіи его къ г. Агару, въ Тавризѣ «большое было смятеніе». «Аббасъ-мирза», пишетъ Паскевичъ, «собранный имъ до 5 тыс. пѣхотѣ велѣлъ идти къ Агару, но они его не послушались, отвѣтствуя, что здѣсь останутся и впередъ не пойдутъ, между войсками былъ разговоръ, что они не дравшись сдадутся, и сіе мнѣніе ихъ народъ подерживалъ, да и магазиновъ никакихъ не было. Аббасъ-мирза отправилъ все свое семейство и самъ оставался въ загородномъ домѣ, — словомъ, весь городъ былъ въ большомъ смятеніи, и не мудрено, что если бы отрядъ нашъ подошелъ, то и сдались бы» *).

Конечно, безцѣльный для общаго дѣла грабежъ Мадатова нельзя было одобрить. Паскевичъ со свойственной ему энергіею упрекалъ Мадатова главнымъ образомъ за то, что потребовавъ отъ мѣстныхъ жителей присягу на подданство Россіи, онъ, оставляя край, очевидно предоставилъ ихъ мести персидскаго правительства. Въ особенности Паскевичъ опасался, что экспедиція эта въ конецъ утомитъ и безъ того изнуренныя лошади кавалеріи и артиллеріи, не давъ имъ времени оправиться на зимнихъ квартирахъ, что, конечно, могло имѣть не маловажное значеніе для предстоящей кампаніи. Тѣмъ не менѣе, дѣйствія Мадатова подтверждали предположенія Паскевича. «Итакъ», пишетъ онъ, «предпо-

*) Подробный отчетъ объ экспедиціи Мадатова въ журналѣ ген.-адъют. Паскевича съ 27-го по 30-е января, 3 и 13 февраля 1827 г. См. прилож. № 4.

«ложене мое, чтобы идти къ Тавризу съ бывшимъ моимъ отрядомъ, имѣло бы совершенный успѣхъ» *). Въ это же время Паскевичу выяснилось, что Ермоловъ могъ доставить ему и средства для такого движенія. «Транспорты, для которыхъ требованіе было мною 300 подводъ», прибавляетъ онъ въ своемъ журналѣ, «и въ коихъ мнѣ совершенно отказано, какъ я нынѣ узналъ, легко и весьма въ короткое время можно было достать въ Грузіи до тысячи; доказательствомъ сему есть то, что, по первому нынѣ требованію генерала Ермолова, здѣшнее дворянство для будущей кампаніи выставяетъ три тысячи арбъ. Я не думаю, чтобы генераль Ермоловъ въ продолженіи 10-ти лѣтняго его въ Грузіи пребыванія не зналъ сихъ средствъ земли». Именно это убѣжденіе и уничтожило въ Паскевичѣ всякое довѣріе къ Ермолову, а слѣдовательно и возможность совмѣстнаго съ нимъ служенія. „Кампанія испорчена“ и, по искренному мнѣнію Паскевича, она была сознательно испорчена Ермоловымъ! Дѣйствительно, нѣсколько трудно рѣшить, почему въ Грузіи въ 1827 году дворянство могло выставить 3 тысячи арбъ, а въ 1826 г. не было возможности доставить Паскевичу и 300 подводъ? Во всякомъ случаѣ, Паскевичъ, обвиняя Ермолова, не имѣлъ ни малѣйшихъ данныхъ для рѣшенія столь существеннаго вопроса. „Все сіе доказываетъ“, писалъ онъ тогда, „что Ермоловъ не хотѣлъ мнѣ дать „средства идти къ Тавризу“.

*) Тамъ же подъ 13 февраля.

Возвратясь въ Тифлисъ, Паскевичъ дѣйствительно заболѣлъ, и, конечно, не одни климатическія условія были тому причиною. Несмотря на одержанную имъ побѣду, онъ страдалъ, сознавая, что однимъ ударомъ такъ легко было покончить кампанію, а теперь потребуются и новыя жертвы, и новыя затраты. Притомъ, если Ермоловъ снова будетъ препятствовать его успѣхамъ, тогда, конечно, и жертвы, и затраты увеличатся въ громаднѣхъ размѣрахъ. Убѣжденіе это и вынудило Паскевича настаивать на отозваніи своемъ обратно въ Россію, тѣмъ болѣе, что отношенія его съ Ермоловымъ вскорѣ пріяли уже явно враждебный оттѣнокъ.

Въ Тифлисъ, еще до возвращенія Ермолова изъ Джарской экспедиціи, Паскевичъ писалъ Государю, что имъ получено «партикулярное извѣстіе, что генераль-лейтенантъ князь Мадатовъ имѣетъ повелѣніе идти за «Араксъ». Одновременно Ермоловъ писалъ Паскевичу, увѣдомляя его, что изъ главнаго штаба полученъ «операционный планъ» предстоящей кампаніи и что онъ разсчитываетъ по возвращеніи въ Тифлисъ обсудить его вмѣстѣ съ Паскевичемъ, но ничего не сообщалъ ему о движеніи Мадатова въ Муганскую степь. Хотя, какъ уже было сказано, экспедиція Мадатова въ Муганскую степь не имѣла и не могла имѣть серьезнаго значенія, тѣмъ не менѣе въ тѣ дни это было наиболѣе выдающееся, по кавказскимъ войскамъ, распоряженіе. У Агъ-оглана собирався отрядъ Мадатова—однимъ только батальономъ менѣе отряда, разбиваго подъ Елизаветполемъ Аббасамирзу, но за то, какъ пишетъ Паскевичъ, «1.000-ю че-

«ловѣкъ кавалеріи болѣе». Мадатовъ также ничего не доносилъ, хотя Паскевичъ замѣщаль тогда въ Тифлисѣ отсутствующаго Ермолова. Корпусный штабъ не только не доносилъ Паскевичу объ экспедиціи Мадатова, но вообще, какъ кажется, никакихъ сообщеній или донесеній Паскевичу не присылалъ. Такъ было относительно и менѣе важныхъ распоряженій по войскамъ. Между тѣмъ, Государь требовалъ отъ Паскевича подробныхъ донесеній, въ виду чего онъ еще въ августѣ мѣсяцѣ, пріѣхавъ изъ Москвы въ Тифлисъ, просилъ Ермолова сообщать ему всѣ распоряженія, которыя имѣли хотя какое нибудь значеніе, причемъ, конечно, Паскевичъ не скрылъ отъ Ермолова, что онъ обязанъ доносить обо всемъ непосредственно въ собственныя руки Государя. Покуда Паскевичъ командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ въ Карабагѣ, онъ посылалъ Государю журналъ военныхъ дѣйствій и доносилъ о тѣхъ общихъ дѣлахъ Закавказья, которыя ему, какъ начальнику дѣйствующаго отряда, должны были быть извѣстны. Но въ Тифлисѣ, нѣсколько даже рѣзко, старались удалить его отъ дѣлъ, на первое время будто забывъ о его существованіи. А тѣмъ временемъ изъ Петербурга ему прислали «операционный планъ» будущей кампаніи и требовали его мнѣнія.

Въ главномъ штабѣ предполагали возможнымъ начать кампанію въ февралѣ; не зная распоряженій Ермолова, нельзя, конечно, было ни оспаривать, ни положительно соглашаться съ Дибичемъ. Все зависѣло отъ степени готовности интендантской и госпитальной частей войскъ.

По возвращеніи Ермолова въ Тифлисъ (27-го декабря), съ перваго же дня начались по сему поводу крайне тягостныя объясненія. Паскевичъ записалъ эти объясненія въ особый журналъ и при всеподданнѣйшемъ рапортѣ послалъ его Государю *). «Я долженъ былъ ему (Ермолову) напомнить», писалъ Паскевичъ, «что я командую войсками, но ничего не знаю, хотя по повелѣнію Государя для меня здѣсь не должно быть секретовъ». На другой день разговоръ продолжался; генералъ Ермоловъ сказалъ, «что онъ имѣетъ право давать прямо частнымъ начальникамъ предписанія, не сообщая мнѣ о томъ,—я ему отвѣчалъ, что такимъ образомъ, живя отъ него въ 10 шагахъ, узнаю черезъ мѣсяць о дѣлаемыхъ имъ распоряженіяхъ». Затѣмъ Паскевичъ, снова заявляя, что онъ долженъ «все» знать, ибо такова воля Государя **), жаловался Ермолову, что о Муганской экспедиціи онъ получилъ донесенія мѣсяць спустя послѣ сдѣланныхъ по сему предмету распоряженій; «въ какое положеніе вы меня ставите», говорилъ онъ тогда Ермолову, — «и что я долженъ рапортовать Государю Императору?» «Онъ мнѣ отвѣчалъ», продолжаетъ Паскевичъ, «что онъ не можетъ ко мнѣ писать о своихъ распоряженіяхъ, это похоже будетъ на рапорты отъ него». Объясненія окончились тѣмъ, что было установлено, какъ пишетъ Паскевичъ, что «его дежурный штабъ-офицеръ будетъ давать знать о всѣхъ приказа-

*) Журналы 29, 30 и 31 декабря 1826 г. См. прил. № 5.

**) Паскевичу сообщались изъ главнаго штаба всѣ приказы оттуда Ермолову. См. письмо Сухтелена отъ 18 дек. 1826 г. въ прилож. № 6.

«ніяхъ моему дежурному штабъ-офицеру». Обѣ договаривающіяся стороны остались одинаково недовольны. Паскевичъ тогда же записалъ въ свой журналъ, что Ермоловъ самъ пишетъ прямо отъ себя не только полковникамъ, но даже батальоннымъ и разнымъ командирамъ *), бумаги его заносятся въ особый секретный журналъ и о его приказаніяхъ никто не знаетъ, ни дежурный штабъ-офицеръ, ни оберъ-квартирмейстеръ. «Итакъ», замѣчаетъ Паскевичъ, «Государя Императора намѣреніе, чтобы я зналъ все безъ исключенія—не исполняется». Ермоловъ, вѣроятно, еще болѣе былъ недоволенъ. Ему казалось, что недовѣріе Государя къ нему проявлялось слишкомъ очевидно чѣмъ-то въ родѣ фактическаго контроля Паскевича. Именно это обязательное для Паскевича вмѣшательство въ дѣла вскорѣ стало ему не по силамъ; требованія его порождали рядъ то мелкихъ, то крупныхъ, но ежедневныхъ непріятностей, и несомнѣнно, что при этихъ условіяхъ совмѣстная его служба съ Ермоловымъ становилась непомерно тяжелой. Ходатайствуя непосредственно у Государя и черезъ Дибича о возвращеніи въ Россію, Паскевичъ одновременно писалъ «неофициально» помощнику Дибича генераль-квартирмейстеру графу Сухтелену. Отвѣты въ скоромъ времени получились. Сухтеленъ отвѣчалъ прежде Дибича **), но уже по его отвѣту легко было предвидѣть отвѣтъ его начальника. Сухтеленъ 30-го де-

*) Это вполне подтверждается и записками Муравьева.

**) См. прилож. № 7.

кабря писалъ нѣсколько уклончиво, притомъ отмѣчая, что «онъ пишетъ отъ себя, а не по порученію»; онъ «догадывался» и даже «понималъ» тѣ неудовольствія, которыя побуждали Паскевича ходатайствовать о возвращеніи въ Россію, «переѣхать», по его выраженію, «Казбекъ и Терекъ»,—но онъ увѣренъ, что генераль Паскевичъ побѣдитъ эти неудовольствія точно такъ, какъ онъ побѣдилъ и Аббаса-мирзу. Въ изысканныхъ, нѣсколько льстивыхъ фразахъ его письма легко прочесть между строками, что въ Петербургѣ не соглашаются отозвать Паскевича изъ Тифлиса. А между тѣмъ Паскевичъ писалъ своему другу, старому товарищу времени Прозоровскаго и Багратіона, Петру Никифоровичу Беклемишеву: «Я всякій день боленъ и болѣе «стражду головными болѣзнями и положеніе мое здѣсь «день ото дня дѣлается неприятели,—ты не можешь «вообразить до какой степени пришло. Я ожидаю милостиваго разрѣшенія на мое здѣсь жестокое положеніе» *). Отвѣтное офиціальное письмо Дибича было весьма опредѣлительно. 6-го января 1827 года Дибичъ писалъ Паскевичу: «Вы должны быть вполне убѣждены въ чувствахъ, которыя питаетъ къ вамъ, любезный товарищъ, нашъ Августѣйшій повелитель, а потому будьте «увѣрены въ искренности участія, которое Его Величество принимаетъ въ состояніи вашего здоровья, и онъ, «конечно, желалъ бы безъ замедленія соизволить на «просьбу вашу объ испрашиваемомъ отозваніи, если бы

*) Семейный архивъ кн. Паскевича.

«не ожидалъ многого отъ вліянія вашего присутствія въ Тифлисѣ на рѣшенія, отъ коихъ болѣе или менѣе «зависитъ исходъ войны, первые лавры которой вы съ «такимъ успѣхомъ стяжали». Далѣе Дибичъ сообщаетъ, что Государь, получивъ его донесенія «о запусценіи», въ которомъ находятся войска и вообще о положеніи дѣлъ, опасается «за успѣшность предстоящей кампаніи, «въ особенности за ея быстроту». Къ Ермолову отправленъ, писалъ Дибичъ, «операционный планъ» (plan d'opération) будущей кампаніи и Государь убѣжденъ, что возвышенныя и благородныя чувства Елизаветпольскаго побѣдителя побудятъ его содѣйствовать этому плану «отъ чистаго сердца». «Но Его Величество», прибавляетъ Дибичъ, «не отказалъ бы вамъ въ отозваніи, если бы полагалъ, что вамъ безусловно невозможно служить съ генераломъ Ермоловымъ». Нѣсколько странно было, вѣроятно, Паскевичу узнать, что, по увѣренію Дибича, въ случаѣ если Ермоловъ «откажется «отъ выполненія (операционнаго плана) словомъ или дѣломъ, то Его Величество не потерпитъ такого при- «мѣра неповиновенія». Въ такомъ случаѣ немедленно послѣдуетъ назначеніе новаго главнокомандующаго. Все это вовсе не соотвѣтствовало здравымъ и вѣрнымъ понятіямъ Государя о военномъ дѣлѣ. Очевидно, нельзя смѣнять главнокомандующаго за то только, что онъ не согласился бы съ планомъ кампаніи, составленнымъ въ Петербургѣ; конечно, слѣдовало предварительно выслушать его возраженія, а вмѣстѣ съ тѣмъ вникнуть въ его предположенія и планы. Паскевичъ, близко знавшій

Государя, вѣроятно, не сомнѣвался, что въ данномъ случаѣ Дибичъ отъ себя пишетъ и притомъ вовсе не искренно. Да къ тому же, ему было извѣстно, что тотъ же Дибичъ требуетъ «мнѣнія», какъ Ермолова, такъ и его, относительно «операціоннаго плана», составленнаго главнымъ штабомъ. Затѣмъ, въ томъ же письмѣ, Дибичъ указываетъ на личность «новаго главнокомандующаго» и на будущее при немъ значеніе генерала Паскевича. Не называя его по фамиліи, начальникъ главнаго штаба довольно ясно намекаетъ на фельдмаршала Витгенштейна, причемъ «Его Величество «полагаль», пишетъ онъ, «назначивъ васъ начальникомъ «штаба персидской арміи, дать Вамъ возможность посовѣтовать и приготовить средства, которыя обезпечили бы намъ счастливую кампанію, какую мы въ правѣ ожидать послѣ побѣды 13-го сентября» *).

Болѣе неприятнаго отвѣта нельзя было ожидать. Вчитываясь въ смыслъ письма Дибича, выяснялось, что ни въ какомъ случаѣ не согласятся отозвать Паскевича съ Кавказа, что тѣмъ или другимъ способомъ, но для успѣха предстоящей кампаніи рассчитываютъ воспользоваться его дѣятельностью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не хотятъ дать ему и первенствующаго положенія,—оно приготовлялось для друга Дибича—Витгенштейна. Паскевичъ съ Витгенштейномъ былъ едва знакомъ; ему никогда не приходилось служить подъ его начальствомъ.

*) См. прилож. № 8; подлинникъ письма въ воен. учен. арх., отд. II, дѣло № 4442, лл. 12—13.

Такимъ образомъ ему предстояло быть начальникомъ штаба у главнокомандующаго незнакомаго, который самъ, конечно, желалъ бы выбрать себѣ помощниковъ. Несомнѣнно, что фельдмаршалъ Витгенштейнъ, командуя нѣсколько разъ арміями, имѣлъ въ виду генераловъ изъ бывшихъ его подчиненныхъ, способныхъ, по *его* мнѣнію, быть начальниками штаба арміи, и, вѣроятно, онъ предпочелъ бы ихъ Паскевичу, съ которымъ онъ на службѣ никогда не встрѣчался. При такихъ условіяхъ, назначеніе начальникомъ штаба, да еще съ полною отвѣтственностью за успѣхъ предстоящей кампаніи, не могло быть желательнымъ генералу сколько нибудь добросовѣстному и опытному. Отношенія между командующимъ войсками и его начальникомъ штаба обусловливаются взаимнымъ искреннимъ довѣріемъ, едва ли возможнымъ между личностями, встрѣтившимися случайно и въ первый разъ въ жизни. Въ особенности взаимное довѣріе безусловно требовалось для успѣха предстоящей кампаніи. Фельдмаршалъ Витгенштейнъ былъ уже очень старъ и слабъ и не былъ въ состояніи проявить ни дѣятельности, ни энергіи, необходимыхъ въ предстоящихъ дѣйствіяхъ въ Закавказьи того времени.

Еще не дождавшись отвѣта Дибича на первое письмо, Паскевичъ, въ концѣ декабря, снова ему пишетъ. «Генералъ Ермоловъ пріѣхалъ 27-го декабря, «кончивъ дѣло съ горцами на перемиріи»,—такъ начинается онъ второе письмо. Выказавъ сожалѣніе, что Ермоловъ не уничтожилъ «последнее убѣжище горцевъ «Закаталы», тѣмъ болѣе, что въ его распоряженіи

имѣлся десятитысячный отрядъ, Паскевичъ въ короткихъ словахъ очерчиваетъ личное свое положеніе. «Я совершенно ничего не могу знать навѣрно о его (Ермолова) намѣреніяхъ (т. е. о планѣ и распоряженіяхъ по предстоящей кампаніи)». «Повторяю еще», добавляетъ Паскевичъ, «мою нижайшую просьбу, что я не могу здѣсь оставаться, ибо самая служба Государя Императора потерпитъ отъ сего». Судя по содержанию письма, Ермоловъ, какъ выражался Паскевичъ, находился съ нимъ «на большой политикѣ», то есть продолжалъ, сколько было возможно, скрывать свои намѣренія и распоряженія. Тѣмъ не менѣе, насколько они были извѣстны, предположенія главнаго штаба о началѣ кампаніи въ февралѣ мѣсяцѣ казались Паскевичу неисполними. «Чтобы начать въ февралѣ», писалъ онъ, «объ этомъ нечего и думать, ибо ничто не готово». Письмо заканчивается краткимъ отчетомъ о заботахъ его по внутреннему устройству войскъ. «По крайней мѣрѣ, я для службы сдѣлалъ ту пользу, что рядовые будутъ одѣты и на будущую кампанію выйдутъ въ исправности» *).

Ермоловъ съ своей стороны постоянно оскорблялся еще и вмѣшательствомъ Паскевича въ дѣло управленія войскъ. Въ особенности, какъ кажется, его оскорбило заявленіе, сдѣланное Паскевичемъ, когда послѣ произведенныхъ имъ инспекторскихъ смотровъ онъ нашелъ

*) Письмо отъ 5-го января 1827 года. Воен. учен. арх., отд. II, дѣло № 4442, лл. 7—8.

значительныя и уже извѣстныя намъ упущенія по обмундированію нижнихъ чиновъ. «Васъ слѣдовало бы «отдать подѣ судѣ», говорилъ тогда Паскевичъ полковникамъ-командирамъ, «но я представляю «Государю Императору о вашемъ прощеніи». Ермолову казалось, что Паскевичъ выразилъ, такимъ образомъ, «что уже «не считаетъ его своимъ начальникомъ». Впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, обстоятельство это вынудило начальника главнаго штаба, по жалобѣ Ермолова, потребовать объясненія отъ Паскевича. Даже обыденныя дѣла по управленію войскъ служили поводомъ къ взаимному раздраженію,—таково уже было общее настроеніе, несомнѣнно тщательно развиваемое второстепенными мѣстными дѣятелями. Паскевичъ былъ правъ (вѣроятно, это сознавалъ и Ермоловъ), когда онъ писалъ Дибичу, что отъ ихъ совмѣстнаго служенія «самая служба Государя «Императора потерпитъ». Въ арміи и между жителями стали образовываться двѣ партіи: Ермолова и Паскевича. Утверждали, что въ арміи партія Паскевича составлялась изъ 20-й пѣхотной и 2-й уланской дивизій и Донскихъ казачьихъ полковъ; а партія Ермолова—изъ своднаго гвардейскаго полка, 21-й, 22-й и резервной дивизій Кавказскаго корпуса. Сущствующія между генералами несогласія раздувались молвою до баснословныхъ размѣровъ, и какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, стали рассчитывать интригою получить все то, чѣмъ награждается полезная и честная служба. Проявлялись отношенія даже не совсѣмъ осмысленныя. Такъ, на примѣръ, князь Мадатовъ, послѣ Муганской своей экспедиціи отправляясь въ

Тифлисъ, сдалъ командованіе войсками въ Карабагѣ полковнику Реуту. Атаманъ казачьихъ на Кавказѣ войскъ генералъ Иловайскій донесъ Паскевичу, что въ Карабагѣ полковые командиры казачьихъ полковъ: Костинъ, Сергѣевъ и Шамшевъ, старше Реута, и потому имъ неудобно находиться подъ начальствомъ младшаго. Паскевичъ вошелъ съ представленіемъ, предлагая до возвращенія Мадатова послать временно въ Карабагъ одного изъ генералъ-маіоровъ: князя Вадбольскаго, Королькова, Шабельскаго или князя Чавчавадзе, проживающихъ въ Тифлисъ безъ всякаго дѣла. Ермоловъ отвѣчалъ, что князь Мадатовъ поручилъ командованіе войсками Реуту по его распоряженію, «которое основано на томъ, что полковникъ Реутъ, находясь въ Карабагѣ 9 лѣтъ, имѣлъ время узнать землю, людей и ходъ дѣлъ, старшіе же донскіе полковники едва туда прибыли, а потому ни съ землею, ни съ людьми, ни съ дѣлами незнакомы». Оказывалось, что изъ казачьихъ полковниковъ Сергѣевъ служилъ на Кавказѣ 6 лѣтъ, а Костинъ 5 лѣтъ; «о господахъ же генералъ-маіорахъ» пишетъ по этому поводу Паскевичъ въ своемъ журналѣ, «находящихся безъ всякихъ занятій, изъ которыхъ одного я просилъ командировать для командования отрядомъ, чѣмъ не нарушился бы порядокъ службы, ничего не упомянулъ въ своемъ предписаніи». Весьма можетъ быть, что и въ данномъ случаѣ, кто нибудь изъ окружающихъ Ермолова постарался придать нѣсколько раздражительный для Паскевича оборотъ

дѣла. «Изъ сего разсужденія»^{*)}), замѣчаетъ не безъ ироніи Паскевичъ въ своемъ журналѣ ^{**}), «видно, что пріѣзжему «сюда, какого бы онъ чина ни былъ, нельзя ничего «препоручить!»

Получивъ отвѣтъ Дибича на свое первое письмо, Паскевичъ все-таки, какъ кажется, еще надѣялся добиться разрѣшенія ему возвратиться въ Россію. Онъ снова обращается къ графу Сухтелену, которому, повидимому, поручаетъ лично переговорить о своей просьбѣ съ Дибичемъ. Въ концѣ января, гр. Сухтеленъ пишетъ: «сила обстоятельствъ поставляетъ васъ на второстепенное мѣсто, можетъ быть вопреки желанія тѣхъ, отъ «кого это зависитъ.....». «Въ настоящее время опасаясь разстройства всѣхъ дѣлъ, не находятъ возможнымъ отнять власть у того, который держитъ ее въ «рукахъ въ теченіе 10-ти лѣтъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ не «могутъ и не хотятъ обойтись и безъ васъ; вамъ «вполнѣ довѣряютъ и вы уже успѣли оправдать это «довѣріе. Были бы, вѣроятно, очень довольны, если бы «вы въ началѣ воспользовались даннымъ вамъ полномочіемъ. Но такъ какъ тогда вы спѣшили добывать «военную славу и добровольно стали на второе мѣсто, то «въ настоящее время отъ васъ ожидаютъ одного только «самоотверженія и во всѣхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ вліятельной прозорливости. Чѣмъ болѣе вы со- «храните добрыя отношенія съ *цезаремъ* (Ермоловымъ),

*) Т. е. изъ доводовъ Ермолова.

***) 8-го февраля 1827 г. В. у. а., отд. II, дѣло № 2438 (А).

«тѣмъ болѣе вы будете полезны дѣлу и самому себѣ *здесь. Первое письмо, которое вы напишете въ этомъ смыслѣ, продолжая притомъ поставлять въ извѣстность о ходѣ дѣлъ, будетъ принято съ особымъ удовольствіемъ* *)).

Очевидно, что рукою гр. Сухтелена, въ данномъ случаѣ, водилъ не одинъ Дибичъ и, конечно, это не были совѣты друга—генераль-квартирмейстера главнаго штаба, но въ словахъ его слышится, власть имѣющее, авторитетное и безповоротное рѣшеніе.

Въ первыхъ числахъ декабря, Ермоловъ, находясь еще въ отрядѣ генерала Эристова, писалъ Паскевичу, что, по пріѣздѣ въ Тифлисъ, вмѣстѣ съ нимъ займется обсужденіемъ операціоннаго плана предстоящей кампаніи **), тогда только что полученнаго изъ Петербурга. Съ пріѣздомъ Ермолова въ Тифлисъ обстоятельства измѣнились: Ермоловъ отказался сообщить Паскевичу «планъ свой», а предложилъ ему послать Государю свои собственныя предположенія, «дабы Его Величество могъ сообразить, который изъ нихъ болѣе «удобоисполнителенъ» ***). Паскевичу тѣмъ менѣе было затруднительно выразить свои предположенія относительно предстоящей кампаніи, что и самый «операціонный планъ», составленный въ главномъ штабѣ,

*) Письмо графа Сухтелена отъ 24 января 1827 года, см. выше, во II гл., прилож. № 2.

**) См. прилож. № 9. Рапортъ Паскевича отъ 10-го декабря (семейный арх. кн. Паскевича).

***) Всеподданнѣйшій рапортъ Паскевича отъ 5-го января 1827 г. въ семейномъ архивѣ кн. Паскевича. См. прилож. № 10.

выражалъ главнымъ образомъ только его постоянную мысль: то-есть одновременное движеніе двумя колоннами на Тавризь и на Эривань. Но для болѣе подробныхъ соображеній, ему необходимо было вникнуть во всѣ интендантскія распоряженія и приготовленія Ермолова, именно во все то, что Ермоловъ ревниво скрывалъ отъ него. При первомъ же по этому поводу объясненіи, Ермоловъ, какъ кажется, нѣсколько вспылить. «Я знаю», сказалъ онъ Паскевичу, «что я долженъ исполнять, но въ совершенной зависимости я не могу быть. Вы получаете все, что касается войскъ, но о провіантской и другихъ частяхъ это поставило бы меня въ совершенную зависимость; я знаю то, что вы пишете, такъ вы и это должны написать, что Государь Императоръ лучше сдѣлаетъ, если возьметъ меня отсюда». Разговоръ, конечно, далѣе продолжаться не могъ, но во всеподданнѣйшемъ рапортѣ своемъ отъ 6-го января 1827 года *) Паскевичъ добавляетъ: «Если сдѣлать разборъ зависимости, которая такъ устрашаетъ генерала Ермолова, она вся состоитъ въ томъ, чтобы мнѣ позволили прочесть всѣ бумаги, какъ отъ него, такъ и къ нему писанныя, то-есть гораздо менѣе зависимости, нежели отъ начальника штаба, который не только про все долженъ знать, но именемъ корпуснаго командира приказываетъ. Но генераль Ермоловъ не зависимости отъ мнѣ боится. но того, чтобы я все зналъ о его намѣреніяхъ, распоряженіяхъ и приказа-

*) См прилож. № 11-й (изъ семейн. арх. кн. Паскевича).

«ніяхъ». «Будучи въ семь затруднительномъ положеніи, «осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить Вашего Императорскаго Величества разрѣшенія, какъ мнѣ поступать въ таковыхъ случаяхъ?» Отвѣта на этотъ рапортъ не послѣдовало. Въ Петербургѣ уже поняли, что отношенія между Ермоловымъ и Паскевичемъ обострились до невозможности совмѣстнаго служенія. Изыскивались чрезвычайныя мѣры.

Между тѣмъ и Ермоловъ, и Паскевичъ составили и послали въ главный штабъ свои предположенія о предстоящей кампаніи. Въ «операционномъ планѣ», составленномъ барономъ Дибичемъ, заключались, въ сущности, два предположенія: первое, очевидно, было заимствовано изъ журнала военныхъ дѣйствій Паскевича, изъ его постоянныхъ тогда мыслей. Это было одновременное движеніе двумя почти одинаково сильными отрядами на Тавризь и Эривань; второе—главныя силы направляются на Эривань, отрядъ изъ Карабага производить диверсію на Агаръ, угрожая сообщеніямъ Персіи съ Эриванскою областью.

Излагая свой планъ кампаніи въ отношеніи къ начальнику главнаго штаба отъ 5-го января 1826 года, Ермоловъ прежде всего отвѣчалъ на запоздалыя опасенія Дибича относительно экспедиціи Мадатова въ Муганскую степь. Движеніе Мадатова, писалъ Ермоловъ, не истощая продовольственныхъ средствъ Карабага, предохранить Ширванъ и Карабагъ отъ набѣговъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ отказывался двинуть войска въ Талышинское ханство, какъ это совѣтовалъ Дибичъ, такъ какъ, по его мнѣнію,

единственный туда путь по Куръ не представлялъ достаточныхъ средствъ для движенія войскъ.

Относительно перваго предположенія главнаго штаба, Ермоловъ находилъ, что хотя дѣйствовать «двумя путями чрезвычайно выгодно», но такъ какъ въ данномъ случаѣ наши пути наступленія раздѣлены горами, причемъ имѣется одна только дорога, удобная для движенія тяжестей, именно идущая на Эривань и пролегающая долиною Куры черезъ Лори и Тифлисъ, то и самое движеніе двумя отрядами слишкомъ рисковано, тѣмъ болѣе, что непріятель, находясь въ Тавризѣ, въ центрѣ вогнутой линіи, одинаково легко можетъ броситься, какъ на Эривань, такъ и на Асландузъ, сосредоточивъ всѣ свои силы тамъ, гдѣ по обстоятельствамъ окажется наиболѣе удобнымъ. Взятіемъ Тавриза война не прекращается. Персидское правительство, по убѣжденію Ермолова, не заключить мира, «доколѣ мы не «упрочимъ завоеваній нашихъ покореніемъ крѣпостей» (Эриванскаго ханства). Наконецъ, занятіемъ Тавриза не пресѣкаются сообщенія Эривани съ наиболѣе богатой страной Персіи—Азербайджаномъ. Кромѣ того, Ермоловъ доказывалъ, что движеніе на Тавризъ невозможно уже потому, что для сколько нибудь значительнаго лѣво-фланговаго отряда нѣтъ средствъ собрать двухмѣсячное продовольствіе.

«Непремѣнное условіе», писалъ Ермоловъ, для движенія изъ Карабагскаго ханства въ Тавризъ: изобиліе продовольствія въ Ширванскомъ ханствѣ. Между тѣмъ

во всемъ ханствѣ, при отсутствіи запасовъ, нѣтъ почти и засѣянныхъ полей, мятежи и ихъ послѣдствія тамъ все уничтожили и опустошили. Доставленнаго хлѣба изъ Астрахани для значительнаго лѣво-фланговаго отряда оказывалось недостаточно, а доставка продовольствія въ тылъ отряда по пути въ Тавризу, за недостаткомъ перевозочныхъ средствъ, почти невозможна. Приходилось бы для такой цѣли устраивать по пути наступленія нѣсколько почтовыхъ станцій и складовъ, что въ лѣтнее время, при отсутствіи подножнаго корма, слишкомъ затруднительно. «Сами жители», замѣчаетъ Ермоловъ, «по причинѣ зноя удаляются въ горы и посты будутъ въ мѣстахъ, гдѣ свирѣпствуютъ климатическія болѣзни «и смертность». На такихъ постахъ необходимо было бы оставлять, для прикрытія складовъ и транспортовъ отъ набѣговъ сосѣднихъ шаксеванцевъ и другихъ кочевыхъ народовъ, значительное число войскъ. Наконецъ, по мнѣнію Ермолова, и въ Тавризу отрядъ встрѣтилъ бы не малыя затрудненія, такъ какъ и тамъ лѣтомъ подножнаго корма не найдется, а затѣмъ «известно», прибавляетъ онъ, «что Карадагъ не производитъ столько хлѣба, чтобы довольствоваться собственныхъ жителей», слѣдовательно и для людей «не найдется около Тавриза провіанта».

Со вторымъ предположеніемъ главнаго штаба Ермоловъ соглашался, нѣсколько видоизмѣняя его. Эриванскій отрядъ онъ усиливалъ, а численность Карабагскаго уменьшалъ. Двигаясь впередъ довольно раннею весною (около 20-хъ чиселъ апрѣля), когда сред-

ства для осады еще не могли быть подвезены, Эриванскій отрядъ, по предположенію Ермолова, оставлялъ часть войскъ для наблюденія за крѣпостями Эривань и Сардаръ-Абадъ. Подойдя къ р. Арпачаю, Эриванскій отрядъ предприметь, писалъ Ермоловъ, «дѣйствія сообразныя обстоятельствамъ». Карабагскій отрядъ, по предположенію Ермолова, имѣеть значеніе оборонительное; съ открытіемъ весны онъ расположится на Араксѣ между Асландузомъ и Худо-аферинскимъ мостомъ; привлекая часть силъ персидской арміи, онъ облегчаетъ дѣйствія Эриванскаго отряда, для чего, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ сдѣлать два или три перехода за Араксъ. «Если же», писалъ Ермоловъ, «въ іюнѣ или въ іюлѣ мѣсяцахъ персіане не покусятся вступить въ Карабагъ и ни малаго приготовленія къ тому не будетъ видно, отрядъ лѣваго фланга можетъ идти къ Нахичевану и овладѣть симъ городомъ, что можетъ быть весьма опаснымъ для сообщеній персидской арміи, которая будетъ дѣйствовать въ Эриванской области противъ главнаго отряда нашего». Въ случаѣ наступленія на Карабагъ главныхъ силъ непріятели, Ермоловъ предполагалъ, что лѣвофланговый отрядъ, «мало слабѣйшій того», который разбилъ Аббаса-мирзу подъ Елизаветполемъ, остановитъ и на этотъ разъ наступленіе персидской арміи. но во всякомъ случаѣ путь его отступленія къ Елизаветполю, куда изъ главныхъ силъ, черезъ урочище Чардахлы, направятся къ нему подкрѣпленія. Дорога черезъ Чардахлы, пояснялъ Ермоловъ, неудобна только для движенія тяжестей, но легко

проходима для всѣхъ родовъ войскъ. Впрочемъ, Ермоловъ не вѣрилъ наступленію персіянъ на Карабагъ, предполагая, что Аббасъ-мирза предпочтетъ дѣйствовать въ Эриванскомъ ханствѣ, упираясь на хорошо укрѣпленныя крѣпости Эриванъ и Сардаръ-Абадъ.

Для исполненія своихъ предположеній, Ермоловъ рассчитывалъ на поставку значительнаго числа арбъ съ хлѣбомъ за умѣренныя цѣны грузинскимъ дворянствомъ и на доставку провіанта черезъ Баку изъ астраханскихъ запасныхъ магазиновъ. Осадные парки просилъ сплавить «въ Фанагорію, а оттуда перевести въ Тифлисъ черезъ Кавказскую линію». Въ Шушѣ и въ Лори предполагалъ снабдить магазины, какъ выражался онъ въ отношеніи своемъ къ Дибичу, «всякаго рода запасами». Госпитали были устроены въ Тифлисъ, въ Шушѣ и въ Лори, затѣмъ предполагалось, по пути нашего наступленія, учредить и другіе госпитали, въ особенности въ Эчміадзинѣ.

Начальство надъ главнымъ эриванскимъ отрядомъ Ермоловъ намѣревался принять на себя, относительно же начальника лѣваго отряда писалъ: «Буду ожидать «Высочайшей воли Его Императорскаго Величества» *). Но впослѣдствіи, получивъ Высочайшее одобреніе на представленный имъ планъ кампаніи, Ермоловъ предполагалъ поручить лѣвофланговый отрядъ князю Ма-

*) Отношеніе генерала Ермолова отъ 5-го января 1827 года. См. прилож. № 12 (подлинникъ въ воен.-учен архивѣ).

датову *). Если притомъ принять въ соображеніе, что остающіяся войска на Кавказѣ предполагалось подчинить генераль-лейтенанту Вельяминову 1-му, то слѣдуетъ предположить, что Ермоловъ рассчитывалъ вынудить удаленіе генерала Паскевича изъ Кавказской арміи.

Черезъ два дня послѣ Ермолова, Паскевичъ послалъ, при всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 5-го января, свое «мнѣніе о планѣ будущей кампаніи» **). «Изъ двухъ «плановъ, начальникомъ главнаго штаба препровожденныхъ», писалъ Паскевичъ, «тотъ, въ которомъ главныя силы на лѣвомъ флангѣ идутъ прямо въ Тавризъ, «есть самый рѣшительный и можетъ имѣть важнѣйшія «послѣдствія для нашего оружія».

Паскевичъ предполагалъ, что если съ открытіемъ навигаціи въ апрѣлѣ мѣсяцѣ изъ Астрахани въ кр. Баку доставятъ значительные подвозы хлѣба и овса, то выполнение этого плана не встрѣтитъ особыхъ затрудненій. Не теряя времени, закупивъ въ Астрахани до навигаціи хлѣбъ по хорошимъ цѣнамъ, легко заготовить до 15 т. и болѣе четвертей, а для транспортированія его въ тылъ отряда, Паскевичъ рассчитывалъ, во 1-хъ, приобрести въ Кубинской и Бакинской областяхъ до 500 мѣстныхъ пароконныхъ повозокъ на высокихъ колесахъ, весьма удобныхъ, по его замѣчанію, для перевозки кла-

*) Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ, 1867 г., стр. 354—357.

***) Записка эта въ копіи сохранилась въ семейномъ архивѣ кн. Паскевича. См. прилож. № 13.

дей. Во 2-хъ, ко времени навигаціи доставить изъ ногайскихъ и астраханскихъ степей до 1000 верблюдовъ, что, по мнѣнію Паскевича, не встрѣтило бы препятствій, и, въ 3-хъ, закупить или взять въ подать въ Шекинской, Ширванской и Карабагской областяхъ тысячу пятисотъ вьючныхъ быковъ. Таковыми подъемными средствами, по расчету Паскевича, доставлялось бы 14000 четвертей, а именно: на повозкахъ до 3-хъ тысячъ, на верблюдахъ до 6000 и на быкахъ до 5000 четвертей. «Полагая», пишетъ Паскевичъ, «на двадцатитысячную колонну пять тысячъ провіанта въ мѣсяцъ, остается еще 9 тысячъ четвертей для подвоза съ избыткомъ овса или ячменя для кавалеріи». Свободныя повозки Паскевичъ предполагалъ отдать подъ больныхъ. Затѣмъ, считая десятидневный полковой провіантъ, Паскевичъ полагалъ, что такимъ способомъ сорокадневное продовольствіе отряда было бы вполне обеспечено. «Для поднятія артиллерійскихъ снарядовъ и подвижныхъ госпиталей», прибавляетъ онъ, «генераль Ермоловъ находитъ средства въ Грузіи».

Непріятель, полагалъ Паскевичъ, въ маѣ мѣсяцѣ сильными отрядами займетъ горные проходы между Агаромъ, Мишкинымъ и Араксомъ, а потому, чтобы обойти его и вмѣстѣ съ тѣмъ скорымъ фланговымъ движеніемъ приблизиться къ Тавризу, предлагалъ: прикрыть движеніе отряда, разсыпавъ кавалерію по лѣвому берегу Аракса, и, подойдя къ Худо-аферинскому мосту, повернуть вправо на Герюсы, а оттуда идти черезъ Парнаутъ на Нахичевань или на Джульфу. Отъ Джульфы до Тавриза,

писалъ Паскевичъ, не болѣе 111-ти верстъ или четыре перехода, а отъ поворота на Герюсы 12-тъ переходовъ. Для наступленія, отрядъ сосредоточивается въ Карабагѣ между Курою и Агъ-огланомъ. Въ Нахичевани лѣвый отрядъ выходитъ на операціонную линію праваго нашего фланга, то-есть Эриванскаго отряда, который и прикроетъ его тылъ. Такимъ движеніемъ, по мнѣнію Паскевича, непріятель обойденъ тамъ, гдѣ онъ не ожидаетъ, а Эриванская и Нахичеванская области будутъ неожиданно и совершенно отрѣзаны, при чемъ непріятель не успѣетъ «выгнать жителей и опустошить «землю». Наконецъ, прибавляетъ Паскевичъ, легко можетъ случиться, что нашъ отрядъ подойдетъ къ Тавризу прежде, чѣмъ непріятель, занимая впереди Агара и Мишкина горныя ущелья и дороги, успѣетъ обратнымъ движеніемъ придти на помощь Тавризу. Не менѣе важно замѣчаніе Паскевича, что по дорогѣ черезъ Нахичевань русскія войска слѣдуютъ по плодороднымъ и войною не разореннымъ областямъ. «Въ то же время», такъ заканчиваетъ Паскевичъ свою записку, «правый «флангъ переходитъ границу, блокируетъ Эривань и «старается войти въ коммуникацію съ лѣвымъ».

Въ послѣднихъ числахъ января, въ Тифлисѣ получено было Высочайшее согласіе на представленный Ермоловымъ планъ кампаніи. Почти одновременно Паскевичъ получилъ извѣстное письмо отъ Сухтелена отъ 24-го января, въ которомъ, между прочимъ, генералъ-квартирмейстеръ говоритъ о 400 т. червонцевъ и 500 т. рублей, ассигнованныхъ по Высочайшему повелѣнію въ

распоряженіе Ермолова для предстоящей войны. Военное министерство заготовляло вмѣстѣ съ тѣмъ значительные транспорты зерна и муки, направляя ихъ въ Баку и Редуть-кале. Но на вопросъ относительно назначенія начальника лѣвой колонны не было отвѣта. Тогда Ермоловъ и предназначилъ Мадатова начальникомъ Карабагскаго отряда. Представлялось болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что Государь, утвердивъ планъ кампаніи Ермолова, ему и поручить исполненіе его. Казалось очевиднымъ, что Паскевичу нельзя было оставаться на Кавказѣ. «Я совсѣмъ тутъ ненуженъ», писалъ онъ въ это время въ своемъ журналѣ *),—«ибо всякій можетъ командовать отрядомъ въ 7 или 8 батальоновъ. Всякому здѣсь изъ приверженныхъ ему (Ермолову) будутъ даны всѣ способы, я же сего ожидать не могу».

При такихъ обстоятельствахъ Паскевичъ неожиданно получилъ отъ Государя слѣдующее собственноручное письмо **) Его Величества.

С.-Петербургъ, Генваря 31-й. 1827 г.

Давно я къ вамъ не писалъ, любезный Иванъ Федоровичъ; я ждалъ случая къ вамъ писать совершенно на свободѣ, что времени мнѣ не было исполнить досель.

Я съ большимъ любопытствомъ и вниманіемъ читалъ

*) Семейный архивъ кн. Паскевича.

**) Приводится буквально. Подлинникъ въ семейномъ архивѣ князя Паскевича.

всѣ ваши донесенія, часто раздѣлялъ ваше мнѣніе, и съ сожалѣніемъ видѣлъ что часто съ наилучшими на-мѣреніями не всегда можно вести къ цѣли желаемой предпринятое дѣло, вы меня вѣрно понимаете, вы все исполнили чего требовать я могъ и повѣрьте цѣню ваше усердіе и желаніе пользы; прочее не въ вашихъ силахъ было. Чрезъ васъ узналъ я настоящее положеніе вещей, и поэтому долженъ принять рѣшительныя мѣры. Въ слѣдъ за Опперманомъ будетъ къ вамъ г. Дибичъ, *что я вамъ однимъ даю знать*. Его пріѣздъ долженъ быть неожиданъ, и потому я прошу васъ хранить сіе въ тайнѣ, и не показывать по пріѣздѣ его чтобъ вы объ томъ прежде знали. Онъ мной совершенно уполномоченъ дѣйствовать какъ обстоятельства потребуютъ; я все надѣюсь что съ вашимъ усердіемъ и опытностью можетъ все притти въ должное положеніе, бывъ *настроено* Начальникомъ моего штаба. Прочее онъ вамъ самъ объяснитъ. Если же иныя мѣры нужны будутъ моя воля рѣшительна и ни что ее не остановитъ. Но крайность избѣгать есть долгъ мой.

Я все надѣюсь что нынѣшній покой послужитъ хотя къ вашему излеченію, если болѣзнь только не столь же нравственна какъ тѣлесна; на первое труднѣе дѣйствовать чѣмъ на послѣднія.

Еслибъ исполнено было по нашему можетъ быть былибъ мы уже въ Тавризѣ осю пору что мнѣ послѣдній походъ Мадатова за Араксъ еще болѣе доказываетъ, вопреки *тамошнихъ увѣреній*. Но съ Божіей помощью все будетъ къ лучшему:

Прощайте любезный Иванъ Федоровичъ, моя старая дружба вамъ извѣстна, она не измѣнна такъ какъ и моя благодарность.

вашъ искренній

Н.

Жена моя вамъ кланяется.

ГЛАВА V.

Путешествіе на Кавказъ Дибича. — Прїездъ въ Тифлисъ. — Первый разговоръ Дибича съ Ермоловымъ и Паскевичемъ. — Мнѣніе о Ермоловѣ А. Х. Бенкендорфа и отзывъ о немъ К. Х. Бенкендорфа и флигель-адъютантовъ Долорукова и Фредерикса. — Дѣя партіи и общественное мнѣніе. — Попытки персіянъ къ заключенію мира. — Дознанія и допросы Дибича. — Рѣшимость Паскевича возвратиться въ Россію. — Планы Дибича. — Гр. Толстой, Адлербергъ, Чернышевъ. — Состояніе кавказскихъ войскъ и ихъ продовольствіе. — Совокупный Дибича съ Ермоловымъ планъ кампаніи. — Соглашеніе Дибича съ Ермоловымъ. — Письмо послѣдняго къ Государю. — Намѣреніе устранить Паскевича. — Замыслы Дибича. — Заготовки. — Корпусный штабъ. — Записка Паскевича. — Измѣненіе въ одеждѣ кавказскихъ войскъ по почину Дибича. — Декабристы. — Объясненіе съ Ермоловымъ относительно его образа мыслей. — Назначеніе Муравьева (Карскаго) помощникомъ начальника корпуснаго штаба. — Хозяйственная неурядица. — Опасенія армянъ. — Извѣстія о непріятель. — Неудачи персіянъ. — Проектъ учрежденія независимыхъ ханствъ. — Инструкція Ермолова Бенкендорфу. — Рѣшительное письмо Государя.

Баронъ Дибичъ дѣйствительно ѣхалъ изъ Петербурга въ Тифлисъ. Изъ Ставрополя онъ посылаетъ 14-го февраля Государю первыя донесенія, вполнѣ выясняющія его значеніе. Это «око Царево», убѣжденное въ полномъ къ нему довѣрїи, а потому въ немъ нѣтъ

ни колебаній, ни излишней осторожности. Такъ, напримеръ, въ Новочеркасскѣ ему случайно встрѣчается провіантскій комиссаръ Аверковичъ, чиновникъ, повидимому, весьма незначительный, командированный изъ Тифлиса для закупки провіантскихъ мѣшковъ; тѣмъ не менѣе Дибичъ разспрашиваетъ его о личныхъ отношеніяхъ генераловъ Ермолова и Паскевича. Аверковичъ, конечно, могъ передать только тифлисскіе городскіе слухи. Дибичъ ихъ записываетъ и включаетъ въ донесеніе Государю. Впрочемъ, Аверковичъ не довольствовался передачею городской молвы, онъ сообщилъ Дибичу и весьма вѣскія данныя по своей провіантской спеціальности. Онъ «подтвердилъ», какъ пишетъ Дибичъ Государю, «дурное распоряженіе по продовольствію и совершенный недостатокъ онаго». Отъ «безкормицы», рассказывалъ Аверковичъ, «лошади Донскаго полка Андрева «начали падать», а лошади артиллерійской № 3-го роты и Крымскаго пѣхотнаго полка «совершенно изнурены». Въ Новочеркасскѣ Дибичъ встрѣтился съ другой, болѣе чиновной, но, какъ кажется, съ тифлискимъ управленіемъ менѣе знакомой личностью — съ предсѣдателемъ ставропольскаго мѣстнаго правленія дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ барономъ Розеномъ. Розень, какъ пишетъ Дибичъ, передавалъ ему свѣдѣнія, которыя самъ получалъ отъ тестя своего, тифлисскаго почтмейстера. Въмѣстѣ съ Аверковичемъ Розень утверждалъ, что Ермоловъ «не скрываетъ даже между подчиненными неудовольствія своего» по поводу назначенія Паскевича, «въ коемъ видитъ себѣ соперника»,

тѣмъ болѣе, «что самъ не назначенъ главнокомандующимъ» *).

Поговоривъ съ Розеномъ и Аверковичемъ о безурядицахъ по продовольствію войскъ въ Закавказьи и объ отношеніяхъ Ермолова съ Паскевичемъ, Дибичъ до самаго Тифлиса уже никого болѣе не разспрашиваетъ, хотя по дорогѣ довольно подробно все осматриваетъ и обо всемъ доноситъ Государю.

Въ Ставрополѣ Дибичъ нашелъ управленіе военного губернатора, генераль-лейтенанта Эмануеля, «въ должномъ видѣ», и спѣшилъ далѣе. По дорогѣ въ Георгіевскъ онъ осматривалъ посты казачьяго полка Луковнина, а въ Георгіевскѣ, осмотрѣвъ госпиталь, замѣчаетъ большія упущенія по гарнизонной службѣ, за что дѣлаетъ строгій выговоръ коменданту, полковнику Глухову. «Георгіевскъ», писалъ Дибичъ Государю, «находится совершенно въ беззащитномъ положеніи и, по важности болшихъ въ немъ артиллерійскихъ запасовъ, нужно немедленно приступить къ укрѣпленію его по новому положенію». Осмотрѣвъ Георгіевскіе артиллерійскіе склады и арсеналь, Дибичъ остался ими доволенъ, хотя находилъ, что «не наблюденъ систематическій порядокъ» въ укладкѣ и сортировкѣ вещевыхъ складовъ.

По дорогѣ въ Екатеринодаръ «я видѣлъ», пишетъ Дибичъ, «части Волжскаго и сборнаго Астраханскаго казачьихъ полковъ весьма въ хорошемъ порядкѣ». Въ Екатеринодарѣ Дибичъ обратилъ особое вниманіе на

*) 2-я записка Дибича, отъ 14-го февраля 1827 года, изъ Ставрополя. Восп. учен. архивъ, № 4442, листъ 18. См. прилож. № 1.

Кабардинскій полкъ, въ которомъ состояла на службѣ значительная часть того Черниговскаго полка, который подъ начальствомъ Муравьева-Апостола ознаменовалъ себя сумасброднымъ мятежническимъ предпріятіемъ въ южной Россіи при вступленіи на престолъ Николая Павловича. Въ тотъ же Кабардинскій полкъ переведены были и семеновскіе солдаты послѣ столь извѣстной «Шварцовой исторіи»; но въ то время семеновцы были уже отправлены въ полки, квартировавшіе въ Грузіи, оставались только два унтеръ-офицера, «кои», пишетъ Дибичъ, «ведутъ себя отълично хорошо». «Нижніе чины бывшаго Черниговскаго полка», доноситъ Дибичъ Государю, «ведутъ себя смиренно и за ними имѣется надлежащее наблюденіе». Какъ за это «наблюденіе», такъ и за умѣніе подчинять себѣ горцевъ, Дибичъ расхвалилъ Государю командира Кабардинскаго полка подполковника Шевцова, хотя замѣтилъ, что въ его полку «выправки по одиночкѣ мало» *).

Изъ Владикавказа Дибичъ увѣдомилъ Ермолова о своемъ прибытіи. Ермоловъ немедленно отправилъ къ нему своего адъютанта штабъ-ротмистра Толызина **) съ письмомъ отъ 19-го февраля слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь

Баронъ Иванъ Ивановичъ!

Въ короткихъ словахъ дамъ себя выразумѣть Вашему Высокопревосходительству: радъ душевно, что Вы

*) Воен. учен. архивъ, № 4442, лл. 46—49.

**) Этотъ же адъютантъ Ермолова пріѣзжалъ въ Москву съ донесеніями о вторженіи персіянъ.

ѣдете сюда и знаю сколько облегчены будутъ мои дѣйствія.

Вашего Высокопревосходительства

покорный слуга

Алексѣй Ермоловъ *).

По пути изъ Екатеринодара во Владикавказъ, осматривая небольшія укрѣпленія, окаймляющія эту дорогу въ 15-верстномъ другъ отъ друга разстояніи, Дибичъ задумалъ устроить въ этой мѣстности военныя поселенія. «Прекрасныя поля и пастбищныя мѣста», писалъ онъ Государю, «подавали бы съ переселеніемъ на оныя достаточнаго числа коренныхъ жителей изъ многочисленныхъ губерній основаніе къ наивыгоднѣйшему военному поселенію; военные поселяне-хозяева и кантонисты и нижніе чины резервнаго батальона могли бы съ большею удобностію вести и конвоировать всѣ транспорты даже и тогда, когда дѣйствующіе батальоны находились бы въ другихъ мѣстахъ для военныхъ дѣйствій. Подобное же устройство вдоль Ардана, Кубани, Сунджи и Оксая могли бы современемъ совершенно покорить горскіе народы» и т. д. Крѣпость Владикавказъ найдена была Дибичемъ въ исправномъ состояніи, а «выправка» и обмундированіе нижнихъ чиновъ «сравнительно» съ остальными войсками Кавказскаго корпуса «вообще изрядными» **). Съ трудомъ пе-

*) Это письмо находится въ военно-ученомъ архивѣ въ дѣлѣ № 4442, л. 34. Онъ было напечатано въ «Русской Старинѣ», июль 1872 г.

***) Военно-ученый архивъ, № 4442, лл 46—49. См. прилож. № 2.

реваливъ черезъ горы, Дибичъ только на станціи Анануръ встрѣтился съ посланнымъ изъ Тифлиса адъютантомъ Толызинымъ. Состояніе горнаго перевала убѣдило его въ невозможности переправить осадную артиллерию по ту сторону горнаго хребта ранѣе мая мѣсяца. Трудности этой дороги тогда, дѣйствительно, были не малыя;—настоящее поколѣніе, пользуясь военно-грузинской дорогой, едва ли можетъ имѣть точное представленіе о сообщеніяхъ съ Закавказьемъ въ 20-хъ годахъ *). Зимой частые ураганы и снѣжныя вьюги, а осенью и весною снѣжные горные завалы задерживали почту мѣсяцами, а транспортамъ приходилось зимовать во Владикавказѣ, выжидая удобное время для перехода черезъ горы. Все это, конечно, значительно усложняло дѣло снабженія войскъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оказывало неблагопріятное вліяніе на самое управленіе Закавказьемъ.

20-го февраля 1827 года Дибичъ въѣхалъ въ Тифлисъ. Не заѣзжая въ отведенный ему домъ, онъ отправился прямо къ Ермолову, и тогда же между ними установились отношенія, во всякомъ случаѣ для начальника края и командующаго войсками крайне прискорбныя. Дибичъ со свойственною ему точностью, отчасти не лишенною и жесткости, допрашивалъ Ермолова, а тотъ оправдывался, извинялся и, кажется, немного льстил **).

*) Военно-Грузинская дорога, сооруженная по проекту инженеръ-полковника Статковскаго, окончена въ 1861 году.

***) Хотя Ермоловъ самъ говорилъ, что съ Дибичемъ «не встрѣчался въ короткихъ отношеніяхъ» и вообще его мало зналъ, но при первомъ же сви-

Ермоловъ «признаетъ себя виновнымъ», пишетъ Дибичъ въ первомъ своемъ донесеніи Государю изъ Тифлиса, «что послѣ елизаветпольскаго сраженія не рѣшилъ идти къ Тавризу». Эта виновность, по словамъ Ермолова, произошла «отъ ошибочныхъ первоначальныхъ его сужденій» о персидской арміи. Притомъ ни Ермоловъ, ни Дибичъ не вспомнили, что именно эта «ошибочность сужденій» и нерѣшительность послѣ Елизаветпольскаго сраженія и были главными и основными причинами несогласій Паскевича съ Ермоловымъ. Тѣмъ не менѣе Ермоловъ тогда же завелъ рѣчь о пререканіяхъ своихъ съ Паскевичемъ. По его словамъ, они вытекали исключительно изъ себялюбивыхъ побужденій Паскевича, вовсе не совмѣстимыхъ съ желаніями общей пользы и любви къ дѣлу. «Паскевичъ», говорилъ Ермоловъ Дибичу, «надѣялся послѣ меня командовать» и кромѣ того, «какъ человѣкъ не твердаго характера, былъ всегда подъ вліяніемъ другихъ». Но въ особенности Ермоловъ жаловался Дибичу на то, что Паскевичъ «требовалъ у него отчеты по управленію». Последнее обвиненіе основывалось на неоднократныхъ просьбахъ Паскевича: «чтобы приказанія и распоряженія, разсылаемые въ войска, а также по снабженію войскъ провіантомъ и фуражемъ были ему сообщаемы». Дибичъ, зная главные причины неудовольствія Паскевича, на-

даніи, какъ пишетъ Дибичъ, сказалъ ему, что «увѣренный въ его справедливости онъ желалъ бы его имѣть судьей и тогда, когда бы онъ и не былъ начальникомъ главнаго штаба». Дибичъ, повидимому, былъ польщенъ такимъ преклоненіемъ передъ его личностью. Военно-учен. арх., № 4442, лл. 27—33.

шелъ, однако, болѣе удобнымъ отвѣчать Ермолову ручательствомъ, «что при деликатномъ обхожденіи Паскевичъ будетъ вѣрнѣйшимъ его помощникомъ». На что Ермоловъ сказалъ, — пишетъ Дибичъ, — «что радъ моему приѣзду, надѣясь, что я разграничу отношенія ихъ». Такимъ образомъ «деликатное обхожденіе» и затѣмъ «разграниченіе отношеній» должны были, казалось, не только прекратить недоразумѣнія, но и водворить добрыя отношенія между Паскевичемъ и Ермоловымъ. Это первое свиданіе окончилось взаимнымъ обѣщаніемъ условиться и сговориться насчетъ предстоящей кампаніи, причемъ Ермоловъ, соглашаясь съ Дибичемъ, намѣревался начать кампанію не въ апрѣлѣ, какъ это предполагалось прежде, а нѣсколько ранѣе — въ мартѣ мѣсяцѣ.

Дибича въ отведенномъ ему домѣ встрѣтили почетный караулъ и всѣ военные и гражданскіе высшіе чины Кавказа съ генераль-адъютантомъ Паскевичемъ во главѣ. Отпустивъ всѣхъ, Дибичъ остался наединѣ съ Паскевичемъ.

Между ними произошелъ разговоръ, Паскевичемъ занесенный въ отдѣльную записку (вѣроятно, отрывокъ изъ несохранившагося дневника его), а Дибичемъ переданный въ первомъ его донесеніи Государю изъ Тифлиса. «Дибичъ», пишетъ Паскевичъ, «сталъ удивляться, какъ это «я не сошелся съ Ермоловымъ и дурно о немъ отзываюсь; я ему отвѣчалъ, что все что я писалъ о Ермоловѣ во сто разъ лучше того, что онъ мнѣ о немъ въ Москвѣ говорилъ, — но какъ бы то ни было, сказалъ

«я, и кого бы Вы изъ насъ ни считали въ томъ виновнымъ, я ни въ какомъ случаѣ съ Ермоловымъ «служить не могу и не буду. Повторять срамное медленіе послѣ елизаветпольскаго сраженія я уже не въ силахъ, а съ Ермоловымъ безъ этого не обойдется» *).

Дибичъ писалъ Государю: «Паскевичъ съ благодарностью уважилъ мои резоны, но однако остался непоколебимымъ». «Резоны» Дибича клонились къ тому, чтобы убѣдить Паскевича оставаться «вѣрнѣйшимъ помощникомъ Ермолова», а Паскевичъ, хотя и принялъ ихъ «съ благодарностью», однако остался непоколебимымъ въ намѣреніи не служить съ Ермоловымъ. При чемъ, какъ пишетъ Дибичъ, Паскевичъ объяснялъ свое непоколебимое рѣшеніе тѣмъ, что, по его убѣжденію, «Ермоловъ фальшивъ и показываетъ неспособность какъ «при военныхъ дѣйствіяхъ, такъ и при управленіи войсками».

Едва за часъ передъ тѣмъ Ермоловъ каялся Дибичу, что онъ послѣ десятилѣтнихъ постоянныхъ сношеній съ персіянами «ошибся въ первоначальныхъ сужденіяхъ «своихъ о состояніи персидской арміи» и призналъ себя виновнымъ, что послѣ елизаветпольскаго сраженія не «рѣшился идти въ Тавризь»,—вотъ, вѣроятно, почему Дибичъ не возражалъ Паскевичу, а обратился съ разспросами къ лицамъ государевой свиты, прикомандированнымъ тогда къ кавказскимъ войскамъ. Первый изъ нихъ—генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, какъ доносить

*) Семейный архивъ кн. Паскевича.

Дибичъ Государю, рѣшительно высказался противъ Ермолова и увѣрялъ, что «общее мнѣніе не позволяетъ «оставить его начальникомъ здѣшняго края». Мнѣніе Бенкендорфа легко могло быть заподозрѣно въ пристрастіи. К. Х. Бенкендорфъ былъ младшій братъ генерала А. Х. Бенкендорфа, перваго шефа жандармовъ (впослѣдствіи графа), одного изъ наиболѣе довѣренныхъ и приближенныхъ къ Государю генераль-адъютантовъ. Весьма можетъ быть, что Бенкендорфъ 2-й находился подъ вліяніемъ своего сильнаго при дворѣ и въ совѣтѣ царскомъ старшаго брата, который несомнѣнно былъ крайне враждебенъ Ермолову. Причины этой враждебности не выяснены, но едва ли можно предполагать, какъ многіе тогда думали, что Бенкендорфъ, покровительствуя нѣмцамъ русской службы, ненавидѣлъ Ермолова какъ представителя въ арміи чисто русской партіи. Тотъ же Бенкендорфъ былъ въ дружбѣ съ графомъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ, имя котораго одинаково дорого, какъ арміи, такъ и русскому народу, и съ нимъ онъ раздѣлялъ свои впечатлѣнія о дѣятельности Ермолова *).

Воронцовъ, судя по этимъ сношеніямъ, также какъ и Бенкендорфъ, относился къ Ермолову по малой мѣрѣ недовѣрчиво и недружелюбно и вполне сочувствовалъ старому своему боевому сподвижнику—Паскевичу. Сопоставляя имена Воронцова, Паскевича и Бенкендорфа,

*) См. въ прилож. № 3 выписки изъ двухъ писемъ Бенкендорфа къ Воронцову.

трудно предположить тутъ дѣйствія какой-нибудь нѣмецкой партіи. Конечно, ни Ермоловъ, ни Паскевичъ не допустили бы въ войскахъ направленія скольконибудь тенденціознаго, не согласнаго со строгою справедливостью, слѣдовательно нѣмецкой партіи, если она только существовала, не было расчета дѣйствовать ни въ пользу одного, ни въ пользу другого. Правда, что Ермоловъ былъ извѣстенъ своимъ острословіемъ, часто задѣвавшимъ вообще нѣмцевъ,—и это, конечно, могло сердить многихъ, но какъ Бенкендорфъ, такъ и Воронцовъ не могли не сознавать, что антипатія къ нѣмцамъ Ермолова не шла дальше шуточныхъ острословій, не проникая въ дѣятельность его какъ начальника войскъ; тамъ онъ чтить всякаго честно служащаго офицера, какого бы онъ ни былъ происхожденія. Острословія Ермолова несомнѣнно, однако, оказывали ему не малую услугу въ тѣхъ особенно кружкахъ, въ которыхъ о дѣятельности его судили поверхностно и гдѣ иногда необдуманное, но острое слово не прочь были принять за выраженіе высокаго подъема національнаго чувства, враждебнаго всякому иноземному началу. Точно также и либералы того времени, увлекаясь острословіемъ Ермолова, считали его своимъ, хотя дѣятельность командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса и начальника края вовсе не окрашивалась какимъ бы то ни было либерализмомъ и гр. Аракчеевъ, которому нельзя было отказать въ нѣкоторой проницательности, конечно, не возлюбилъ бы Ермолова-либерала.

Допросивъ Бенкендорфа, Дибичъ разспрашивалъ

флигель-адъютанта полковника князя Долгорукова. Долгоруковъ не оправдывалъ бездѣйствія Ермолова послѣ Елизаветпольскаго сраженія и признавалъ, «что въ странѣ существуютъ злоупотребленія, но рассказы о нихъ преувеличены». Относительно несогласія Ермолова съ Паскевичемъ, Долгоруковъ полагалъ, что главныя тому причины заключались въ распоряженіяхъ Ермолова послѣ названнаго сраженія, но тѣмъ не менѣе онъ допускалъ нѣкоторое въ этомъ дѣлѣ вліяніе состоящаго при генералѣ Паскевичѣ переводчика Карганова. Оставалось еще разспросить флигель-адъютанта полковника барона Фредерикса, но въ то время онъ былъ въ командировкѣ въ г. Баку. Впрочемъ, мнѣніе Фредерикса уже было извѣстно изъ письма его къ Дибичу *). Онъ послѣ елизаветпольскаго дѣла не менѣе Бенкендорфа и энергичнѣе Долгорукова жаловался на бездѣйствіе и распоряженія Ермолова.

Какое бы значеніе ни придавалъ Дибичъ мнѣніямъ Бенкендорфа, Долгорукова и Фредерикса, но вскорѣ онъ самъ призналъ, что въ Кавказской арміи образовались партіи: Паскевича и Ермолова **), что было, впрочемъ, весьма и естественно, и понятно. На Кавказѣ всѣмъ было извѣстно, что Паскевичъ хотѣлъ идти послѣ дѣла подъ Елизаветполемъ въ Тавризь, а Ермоловъ

*) См. № 2 въ прилож. къ гл. IV.

**) Въ письмѣ къ графу Толстому Дибичъ говоритъ: «dans ma position bien désagréable entre les hommes qui se haïssent les uns les autres et se défient de la sincérité de tout ce que ne porte pas leurs couleurs». См. приложеніе № 8.

его удерживалъ и не позволилъ войскамъ нашимъ, перейдя персидскую границу, закончить уничтоженіе персидской арміи. Паскевича не знали, но несомнѣнно почувствовали его отвагѣ и корили Ермолова за «осторожность», теперь, по его словамъ, «ошибочную». Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что Ермоловъ, въ теченіе десяти лѣтъ предводительствуя въ борьбѣ съ горскими народами, внушилъ къ себѣ въ рядахъ арміи и уваженіе, и преданность, — но въ войскахъ общее настроеніе при неудачахъ быстро мѣняется, а бездѣйствіе послѣ побѣды, помогая побѣжденному, раздражаетъ солдата-побѣдителя иногда несравненно болѣе неудачъ. Нечего поэтому удивляться, если, какъ пишетъ Муравьевъ-Карскій, въ войскахъ «говорили, что при вторженіи персидскихъ войскъ Ермоловъ очень робѣлъ и не показалъ ни сколько твердости духа» *). Вѣроятно, это «говорили» далеко не всѣ, — въ войскахъ были люди и безусловно преданные Ермолову, но тѣмъ не менѣе распоряженія его послѣ Елизаветпольскаго сраженія поколебали общественное къ нему довѣріе.

«Я нынѣ еще не могу насчетъ здѣшнихъ дѣлъ ни «какого сдѣлать заключенія», такъ заканчиваетъ Дибичъ свое первое донесеніе изъ Тифлиса, «но соберу «со всевозможною поспѣшностью и точностью всѣ свѣдѣнія къ симъ предметамъ касающіяся отъ лицъ нѣ сколько довѣрія заслуживающихъ по военной и по гражданской части; съ тѣмъ вмѣстѣ всякій день буду ра-

*) Записки Муравьева-Карскаго. Русскій Архивъ. 1889 г. № 2, стр. 195.

«ботать съ генераломъ Ермоловымъ, дабы удостовѣряться какъ въ способахъ заготовленія всякаго рода, такъ и въ собственныхъ его видахъ и распоряженіяхъ, и надѣюсь черезъ недѣлю, а можетъ быть и скорѣе, нѣсколько рѣшительнѣе донести Вашему Императорскому Величеству, когда же получу точное убѣжденіе съ какой бы то стороны не было, не умедлю дѣйствовать по точной силѣ данной мнѣ инструкціи» *).

По данной Дибичу инструкціи, онъ послѣ совершенной увѣренности въ неспособности или въ «дурной волѣ Ермолова», имѣлъ право уволить его отъ управленія краемъ и отъ командованія кавказскими войсками.

Вслѣдъ за пріѣздомъ барона Дибича въ Тифлисъ со стороны персіянъ были сдѣланы попытки къ заключенію перемирія. 20 февраля прибыли изъ Персіи въ укрѣпленіе Джелаль-Оглы (на Эриванской границѣ) 191 человекъ русскихъ плѣнныхъ. Сопровождавшій ихъ персидскій чиновникъ Аджи-Мамедъ-бекъ имѣлъ письмо отъ эриванскаго сардаря къ генералу Ермолову и былъ отправленъ въ Тифлисъ **). Одновременно съ нимъ въ Тифлисъ прибылъ посланный съ письмомъ отъ персидскаго министра иностранныхъ дѣлъ къ графу Несельроде и объявилъ, что уполномоченъ на заключеніе перемирія. Дибичъ принялъ его. Вопросъ о перемирії былъ немедленно устраненъ требованіемъ Дибича передать въ наши руки пограничныя персидскія крѣпости

*) См. прилож. № 4.

***) Донесеніе полковника кн. Севарземидзе въ журналѣ Паскевича 21-го февраля. Воен. учен. арх., отд. II № 2438 (А) и № 2448. См. прил. № 5.

и то пространство земли, которое онъ, Дибичъ, «почтетъ «нужнымъ потребовать какъ залогъ искренняго желанія «Персіи заключить съ нами миръ». Затѣмъ посланный персидскаго правительства пробовалъ снова ввести въ переговоры излюбленную персіянами тему о незаконныхъ дѣйствіяхъ нашихъ пограничныхъ властей, будто бы вынудившихъ Аббаса-мирзу вторгнуться въ русскіе предѣлы. Дибичъ рѣзко остановилъ его, объявивъ, что Государь «не соизволитъ даже принять предложеніе о «мирѣ, если Персія не признаетъ своей вины», но что, впрочемъ, письменныя по сему предмету сношенія не останавятъ ходъ военныхъ дѣйствій. Переговоры окончились заключеніемъ Дибича, что «не о чемъ говорить».

Въ это же время пронесся слухъ о намѣреніи турецкаго правительства весною вторгнуться въ предѣлы Персіи со стороны г. Муша. Поводомъ къ тому было послѣднее, за годъ передъ тѣмъ, вторженіе Аббаса-мирзы въ Азіатскую Турцію и стычка его съ турецкими войсками при Чепанъ-Оглы, при чемъ персіяне забрали нѣсколько турецкихъ орудій и около сотни человѣкъ плѣнныхъ. Аббасъ-мирза и персидское правительство объясняли этотъ набѣгъ какъ послѣдствіе недоразумѣній между пограничными правителями, вовсе не нарушающихъ добрыхъ отношеній персидскаго правительства съ турецкимъ. Тѣмъ не менѣе одна только война съ греками удерживала, будто бы, султана объявить войну Персіи, но теперь, имѣя въ виду, что весною русскія войска

*) Письмо бар. Дибича къ Государю отъ 21-го февраля. См. прил. № 6.

двинутся въ предѣлы владѣній шаха, онъ повелѣлъ эрзерумскому сардарю, собравъ войска изъ Эрзерума, Вана, Муша, Баязета и Карса, вторгнуться въ Персію одновременно съ русскими войсками. Слухи эти имѣли нѣкоторое вѣроятіе; пограничные турецкіе губернаторы, карскій паша Османъ и зарифатской Али-бекъ, передавали ихъ какъ нѣчто вполне достовѣрное стоявшему съ полкомъ на границѣ Эриванской области полковнику князю Севарземидзе *).

По этому поводу баронъ Дибичъ писалъ графу Толстому, что вѣрить этимъ слухамъ нельзя, такъ какъ въ Азіатской Турціи вовсе нѣтъ войскъ, а Государь писалъ Дибичу: «Слухи о войнѣ съ турками (персіанъ) имѣютъ «большое значеніе, но я думаю, что они ложны» **). Вскорѣ они, дѣйствительно, оказались ложными.

23-го февраля, на четвертый день послѣ пріѣзда въ Тифлисъ, Дибичъ снова пишетъ Государю. Выказывая всѣ поводы къ обвиненію Ермолова, Дибичъ вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ и очень вѣскія соображенія, оправдывающія его. Такъ, говоря о весьма строгомъ, а можетъ быть и незаконномъ обращеніи Ермолова съ мѣстнымъ дворянствомъ, онъ указываетъ на вѣроятное отъ того улучшеніе въ бытѣ «работающаго класса», и усиливаетъ оправданіе еще тѣмъ, что «своевольныя мѣры для удержанія низкихъ цѣнъ на продукты», хотя возбудили сильное неудовольствіе дворянъ и купцовъ, «но послу-

*) Журналъ Паскевича отъ 26-го февраля 1827 г. съ прилож. ко всеподданнѣйшему рапорту отъ того же числа. См. прилож. № 7.

**) См. прилож. №№ 8 и 23.

«жили въ пользу казны». Строгость (о жестокостяхъ Дибичъ еще доподлинно не узналъ, но и онѣ нашли бы оправданіе въ слѣдующемъ объясненіи) относительно горскихъ племенъ «имѣла хорошее вліяніе на скорое «покореніе взбунтовавшихся и дѣйствуетъ и теперь съ «пользою на умы безпокойныхъ». Одно только снисхожденіе Ермолова къ вопіющимъ злоупотребленіямъ нѣкоторыхъ гражданскихъ дѣятелей Закавказья, по мнѣнію Дибича, непростительно. За то упущенія по управленію войскъ, употребленіе нижнихъ чиновъ на сельскія и городскія работы, оправдывались хорошей дисциплиной и боевымъ настроеніемъ Кавказской арміи. Относительно упущеній «по фронтовой и гарнизонной «службѣ» Дибичъ довольствуется замѣчаніемъ, что «конечно требуется прилежное занятіе» *).

«Нельзя не признать, пишетъ Дибичъ, «что генераль Ермоловъ сдѣлалъ въ прошедшую кампанію ошибки «весьма значительныя, но до сего времени никакъ не «могу еще увѣриться, чтобы онѣ были умышленными». Государь получилъ это второе письмо Дибича изъ Тифлиса почти одновременно съ военнымъ журналомъ Паскевича (съ 24 по 27 февраля), въ которомъ указывалось, что спеціальныя войска, какъ напримѣръ 8-й пионерный батальонъ, занимаясь постройками городскихъ домовъ, никогда «даже не видали какъ строятъ баттареи, роютъ траншеи и т. д.—словомъ, никогда не обучались спеціальному своему дѣлу». Паскевичъ узналъ

*) Воен. учен. архивъ, отд. II, № 4442, л. л. 44—45.

это случайно и немедленно, какъ онъ пишетъ, «вошелъ къ генералу Ермолову съ представленіемъ». «Итакъ», прибавляетъ Паскевичъ, — «безъ сего случая мы бы пошли осаждать крѣпость, имѣвши піонеровъ, которые никогда не знали, что такое туръ, фашина и мина» *).

Паскевичъ не предполагалъ тогда оставаться на Кавказѣ, — отношенія Дибича къ Ермолову, повидимому, принимали все болѣе близкіе и даже дружественные отѣнки, и во всякомъ случаѣ Паскевичъ не могъ рассчитывать и не рассчитывалъ на поддержку Дибича, а съ Ермоловымъ онъ не хотѣлъ служить. До какой степени Паскевичъ былъ правъ въ предположеніяхъ своихъ относительно Дибича, доказывается письмомъ послѣдняго къ Государю отъ 28 февраля **). Въ этомъ замѣчательно обдуманномъ письмѣ Дибичъ крайне осторожно старается внушить Государю необходимость оставить Ермолова, но, вѣроятно, опасаясь, что недоверіе Государя къ Ермолову можетъ пересилить его доводы, предлагаетъ замѣнить его графомъ Витгенштейномъ, а Паскевича представляетъ какъ еще не подготовленнаго и вообще не способнаго для первостепеннаго мѣста, притомъ, конечно, зная личныя отношенія Государя къ Паскевичу, онъ превозноситъ рыцарски-благородныя его чувства, можетъ быть только слишкомъ пылкія для государственнаго дѣятеля!

Впрочемъ и назначеніе графа Витгенштейна Дибичъ

*) Воен. учен. архивъ, дѣло № 2448.

***) Воен. учен. архивъ, дѣло № 4442, л. л. 54, 55, 56—63.

не находить вполне удобнымъ. Витгенштейнъ старъ, Кавказа вовсе не знаетъ и гражданскимъ управленіемъ никогда не занимался. Но, подчинивъ Паскевича Витгенштейну, дѣла, можетъ быть, полагалъ Дибичъ, пойдутъ лучше, если только для гражданского управленія Государь пришлетъ сенатора «изъ самыхъ твердыхъ и «справедливыхъ». «Я увѣренъ», писалъ Дибичъ, «что генералъ Паскевичъ, хотя ему назначеніе другого начальника будетъ чувствительно, ибо онъ полагалъ себя, по прежде данному ему препорученію, заступающимъ мѣсто Ермолова, будетъ служить съ усердіемъ подъ командою графа Витгенштейна; желательно только, чтобы отношенія генераловъ Паскевича и Киселева не могли бы вредить доброму согласію».

Стараясь внушить Государю убѣжденіе въ необходимости оставить на Кавказѣ Ермолова, Дибичъ писалъ, что «сколь незначительны ошибки его по военной части, «и вѣроятно большія упущенія по гражданской, но не менѣе того имя его страшно для горскихъ народовъ, «что въ нынѣшнее время, мнѣ кажется, столько же уважительно, какъ и 10-лѣтнее отношеніе съ разными «особами Персіи». Къ этимъ доводамъ Дибичъ добавляетъ убѣжденіе, «что Ермоловъ выполнить предначертанный планъ» будущей кампаніи.

Шесть дней спустя (5-го марта) Дибичъ посылаетъ Государю нѣчто въ родѣ дознанія, произведеннаго имъ надъ Ермоловымъ и Паскевичемъ *), причемъ пишетъ,

*) Восн. уч. арх. л. № 4442, л. л. 87, 88—92.

что разслѣдованіе это не могло измѣнить «мнѣнія моего, «представленнаго Вашему Величеству 28-го февраля».

Оно, дѣйствительно, и не могло измѣнить мнѣнія о чемъ бы то ни было; даже кажется нѣсколько страннымъ, что начальникъ главнаго штаба, при обстоятельствахъ для государства первостепеннаго значенія; занимается столь, во всякомъ случаѣ, безцѣльными допросами. Такъ, напримѣръ, Дибичъ спрашивалъ: «почему передъ елизаветпольскимъ сраженіемъ дежурный штабъ-офицеръ и адъютантъ генерала Паскевича были задержаны въ Тифлисѣ?» На что Ермоловъ отвѣчалъ, то, что уже было имъ своевременно сообщено Паскевичу: «между Тифлисомъ и Елизаветполемъ, вслѣдствіе общаго бунта татарскихъ дистанцій и по употребленію всѣхъ войскъ», проѣзда не было и даже «посланный съ извѣстіемъ о елизаветпольскомъ сраженіи не могъ проѣхать прямою дорогою, а въ сопровожденіи одного только мусульманскаго чиновника проѣхалъ черезъ горы проселочными дорогами».

Если непременно доискиваться смысла и цѣли подобнаго рода повергаемыхъ на Высочайшее благоусмотрѣніе допросовъ, то приходится предположить, что они должны были выяснить Государю неосновательную раздражительность генерала Паскевича. Въ пылу военныхъ дѣйствій, среди безчисленныхъ затрудненій, Паскевичъ могъ совершенно справедливо сѣтовать на задержку въ Тифлисѣ чиновъ его штаба и, не зная мѣстныхъ условій, легко могъ въ данномъ случаѣ предположить недоброжелательство тифлисскихъ властей; но

съ тѣхъ поръ прошло не мало времени и все это дѣло было давно забыто. Дибичъ зналъ, что Паскевичъ не хочетъ служить съ Ермоловымъ не вслѣдствіе какихъ нибудь столкновений, а только потому, что не вѣритъ ему, не вѣритъ его слову, не вѣритъ его способностямъ и его умѣнью распоряжаться войсками. Убѣжденія Паскевича могли быть ошибочны, но они были искренни и открыто и смѣло высказывались, притомъ, высказывая ихъ, Паскевичъ все-таки не былъ увѣренъ въ дальнѣйшемъ служебномъ своемъ положеніи и рѣшился возвратиться вмѣстѣ съ Дибичемъ въ Россію, не зная какъ будетъ принята эта рѣшимость въ Петербургѣ.

Столь же безцѣльные допросы пополняли всеподданнѣйшую записку Дибича: почему послѣ елизаветпольскаго сраженія ощущался недостатокъ въ продовольствіи войскъ? И снова, можетъ быть въ десятый разъ, Ермоловъ объяснялъ, что Карабагъ былъ разоренъ нашествіемъ персіянъ, но что впрочемъ «онъ сдѣлалъ замѣчаніе князю Мадатову» за несвоевременную доставку провіанта отряду Паскевича.

Ермоловъ, надо полагать, понялъ значеніе такого рода вопроса и, желая, вѣроятно, усилить впечатлѣніе, указалъ на нарушеніе, по его мнѣнію, Паскевичемъ законнаго и должнаго подчиненія старшему.

Дѣло, на которое указывалъ Ермоловъ, уже намъ отчасти извѣстно, и состояло въ томъ *), что Паскевичъ осенью, производя полкамъ инспекторскіе смотры

*) См. главу IV.

и найдя значительныя упущенія въ обмундировкѣ нижнихъ чиновъ, сказалъ нѣсколькимъ полковымъ командирамъ, «что слѣдовало бы предать ихъ суду, но что онъ «представитъ Государю о прощеніи ихъ». Въ военномъ журналѣ своемъ Паскевичъ добавляетъ: «во уваженіе ихъ храбрости подъ Елизаветполемъ».

«Таковымъ отзывомъ»,—писалъ Дибичъ Государю,— «по мнѣнію его (Ермолова), явно показаль, что уже не «считаетъ генерала Ермолова ихъ начальникомъ, ибо «въ противномъ случаѣ такое представленіе должно «было идти черезъ него». Дибичъ оправдывалъ Паскевича: «всякій инспекторъ», писалъ онъ, «имѣетъ «право сказать, что онъ о безпорядкахъ представитъ «Вашему Императорскому Величеству» и тутъ же добавилъ: «но лучше бы было не говорить, что представитъ о прощеніи».

Допросъ генерала Паскевича по этому дѣлу нѣсколько видоизмѣняетъ жалобу Ермолова, по крайней мѣрѣ такъ, какъ она передана въ донесеніи Дибича Государю. По допросу оказывается, что Паскевичъ обвинялся не въ томъ, что обѣщаль помимо Ермолова исходатайствовать Монаршее прощеніе виновнымъ, а въ томъ, что угрожалъ о найденныхъ безпорядкахъ написать Государю. Смѣлый не многословный отвѣтъ Паскевича, преисполненный смысла и энергіи, мы приведемъ дословно: «Генераль Ермоловъ упрекаетъ меня, что я говорилъ полковникамъ: Государю напишу. Это слово заставило все «дѣлать. Ваше Высокопревосходительство застали армию: 1) *одтѣвующуюся*, 2) *люди удовлетворены*, 3) *нѣ-*

«сколько выучены. Все это приписать надобно этому
 «магическому слову. Слово: къ Ермолову напишу, не
 «имѣло бы никакого смысла, значенія, заставило бы ихъ
 «смыаться, ибо генералъ Ермоловъ: 1) опустилъ оную
 «армію, 2) недопуски были большіе, 3) позволилъ хо-
 «дить въ лохмотьяхъ. Какимъ образомъ можно было
 «мнѣ грозить тѣмъ человѣкомъ, который всѣмъ безпо-
 «рядкамъ причина? Надобно было выше власти гене-
 «рала Ермолова, которая бы заставила все это сдѣлать.
 «Я думалъ, что я имѣлъ эту власть — не написать, но
 «сказать на словахъ. Слова, которыя сдѣлали важнѣй-
 «шую услугу. Ибо армія готова будетъ къ походу. Ге-
 «нераль-адъютантъ Паскевичъ. 1827 года, марта 4 дня,
 «г. Тифлисъ. Его Высокопревосходительству Ивану
 «Ивановичу Дибичу».

Въ томъ же донесеніи отъ 5-го марта, Дибичъ до-
 кладываетъ Государю, что онъ передалъ Ермолову офи-
 ціальное увѣдомленіе о Высочайшемъ выговорѣ «за без-
 «человѣчное наказаніе татарина» и что Ермоловъ «при-
 «нялъ Высочайшую волю съ покорностью и призналъ
 «себя виновнымъ» *). Дибичъ по этому поводу доно-
 ситъ Государю, что Ермоловъ оправдывался въ безче-
 ловѣчномъ поступкѣ своемъ тѣмъ, что «былъ увлеченъ
 «злодѣйствомъ преступника». «Я ему сказалъ», пишетъ
 Дибичъ, «что никакія звѣрства не могутъ оправдать
 «наказаніе равномѣрно неистовое». Ермоловъ и съ этимъ

*) Муравьевъ-Карскій въ своихъ запискахъ описываетъ это безчеловѣчное наказаніе. Татаринъ, по личному приказанію Ермолова, былъ повѣшенъ за ноги и въ такомъ положеніи умиралъ цѣлыя сутки. Записки, въ «Русск. Арх.».

согласился, «но прибавилъ, что сей случай одинъ и что «хотя его винять въ злодѣйствѣ и варварствѣ, но что «можно взять справку по дѣламъ и сравнить число вообще смертныхъ казней во время управленія генерала «Тормасова и его».

Затѣмъ Дибичъ передалъ Ермолову «о слухѣ дошедшемъ до него», что будто генералъ Вельяминовъ во время экспедиціи въ Имеретію «выдержалъ казачьяго «офицера связаннаго на солнцѣ такъ, что сей умеръ «послѣ отъ горячки и что дѣло сіе было ужасно». Ермоловъ, какъ пишетъ Дибичъ, «принявъ сіе съ негодованіемъ, сказалъ, что ни малѣйшее даже подобное «никогда не доходило до свѣдѣнія его». вмѣстѣ съ тѣмъ Дибичъ передалъ Ермолову перечень дознанныхъ имъ злоупотребленій по гражданскому управленію краемъ.

Казалось, что это донесеніе не вполне было благопріятно Ермолову, но Дибичъ дополняетъ его свѣдѣніями, что «войска занимаются здѣсь тщательно обмундированіемъ» и что въ виду предстоящей кампаніи «перемоль пшеницы въ муку и перепеченіе муки въ «сухари ускоряется» и что «генералъ Ермоловъ показываетъ совершенную готовность исполнить въ точности волю Вашего Императорскаго Величества». Этотъ послѣдній отзывъ особенно важенъ въ донесеніи Дибича Государю. По данной ему инструкціи онъ былъ уполномоченъ смѣнить Ермолова, если не найдетъ въ немъ готовности «исполнить волю Государя» и даже если бы оказалось, «что онъ не въ состояніи исполнить возложенныя на него обязанности».

Вотъ почему Дибичъ, стараясь внушить Государю убѣжденіе въ необходимости оставить Ермолова на Кавказѣ, въ неспособности Паскевича замѣнить его и въ непригодности имъ же придуманнаго еще въ Петербургѣ для замѣны Ермолова графа Витгенштейна, заканчиваетъ доводы свои слѣдующимъ: «По симъ уваженіямъ, Всемилостивѣйшій Государь, не рѣшился я и не считалъ себя въ правѣ перемѣнить посредственное «положеніе дѣлъ безъ всякой надежды лучшаго». Другими словами, если Ермоловъ выражаетъ собою «посредственное», то ни Витгенштейнъ, ни Паскевичъ не внушаютъ надеждъ на лучшее.

Ермоловъ, несомнѣнно, вполне и быстро проникъ въ намѣренія Дибича. Въ день его пріѣзда, 20-го февраля, при первомъ свиданіи съ нимъ, онъ благодарилъ его за обѣщаніе «разграничить его отношенія съ Паскевичемъ». 28-го февраля онъ уже сообщаетъ Дибичу, что «положеніе съ самаго начала (т. е. со времени назначенія Паскевича на Кавказъ) было такое, что подчиненные «должны были видѣть генерала Паскевича наставникомъ его и что при нынѣшнемъ положеніи онъ увѣренъ, что совмѣстное служеніе ихъ можетъ быть только «вредно», а 5-го марта, т. е. шесть дней спустя, Ермоловъ, — пишетъ Дибичъ, объявилъ ему, «что ни ему съ генераломъ Паскевичемъ, ни генералу Паскевичу съ нимъ служить нельзя».

Баронъ Дибичъ старался и приближеннымъ Государя внушить убѣжденіе въ необходимости оставить Ермолова на Кавказѣ. Такъ, въ письмѣ отъ 28-го фев-

раля къ дежурному генералу графу Петру Александровичу Толстому, жалуясь на трудности возложеннаго на него порученія «въ странѣ и среди людей ему мало «знакомыхъ», онъ, говоря о Ермоловѣ, пишетъ: «я убѣжденъ, что никогда не слѣдуетъ ничего измѣнять, не имѣя увѣренности достигнуть лучшаго». Въ томъ же письмѣ Дибичъ сообщаетъ Толстому, что «генераль «Ермоловъ находится въ наилучшихъ отношеніяхъ съ «пашами Карса и Эрзерума и первый общалъ доставлять намъ провіантъ. На границахъ Карабаха персидская кавалерія разбойничаетъ, но сильныхъ отрядовъ тамъ нѣтъ и вторженіе въ наши предѣлы сколько-нибудь значительныхъ силъ невѣроятно. Доложите это Его Величеству, такъ какъ я не хотѣлъ включать свѣдѣнія эти въ мое и безъ того слишкомъ пространное «донесеніе» *).

Въ первыхъ числахъ марта въ Тифлисъ пріѣхалъ товарищъ дѣтства и другъ Государя флигель-адъютантъ Владиміръ Федоровичъ Адлербергъ съ порученіемъ «помогать» на Кавказѣ Дибичу **). Вѣроятно, онъ и доставилъ начальнику главнаго штаба письмо отъ военнаго министра Чернышева. Изъ Петербурга Дибича, кажется, предупреждали, что снисходительность при

*) Письмо къ Толстому отъ 28-го февр. 1827 г. См. прилож. № 8.

***) В. Ф. Адлербергъ несомнѣнно находился въ перепискѣ съ Государемъ,—къ сожалѣнію, совершенно неизвѣстно, сохранились ли, или нѣтъ его письма. Въ послѣдствіи министръ Императорскаго двора генераль-адъютантъ гр. Адлербергъ часто вспоминалъ о своей командировкѣ на Кавказъ въ 1827 г., причемъ всегда говорилъ, что «Дибичъ Ермолова не любилъ, но еще больше не любилъ Паскевича, котораго побаивался, зная къ нему дружбу Государя». (Изъ разсказовъ состоявшаго при графѣ тайнаго совѣтника Кирилина).

исполненіи даннаго ему порученія не соотвѣтствуетъ настроенію Государя. Отвѣчая на эти предупрежденія, Дибичъ 6-го марта писалъ Чернышеву: «сознаюсь, сни-
«сходительность и желаніе обѣлить ближняго всегда
«были мнѣ свойственны», но при «сужденіи о немъ»
(т. е. о Ермоловѣ) «я руководствуюсь не желаніемъ
«оправдать одного во вредъ другому, а убѣжденіемъ и
«чувствомъ справедливости», и заканчиваетъ письмо
увѣреніями, что Ермоловъ «не измѣнникъ и не ослуш-
«никъ, хотя я остаюсь при извѣстномъ Вамъ мнѣніи
«о его способностяхъ» *).

Насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, Дибичъ не высказывалъ особенно высокаго мнѣнія о способностяхъ Ермолова, хотя придавалъ большое значеніе нѣкоторымъ свойствамъ его характера, въ особен-
ности его суровому и подчасъ жестокому отношенію къ горскимъ племенамъ. Онъ, какъ это, напримѣръ, видно изъ донесенія его Государю отъ 28-го февраля, не ожидалъ въ предстоящей кампаніи отъ Ермолова «блестящихъ успѣховъ», но надѣялся, что онъ съумѣетъ «выполнить предназначанный планъ» (составленный, конечно, имъ, Дибичемъ) и, признавая «значительныя ошибки Ермолова по военной части», находилъ его полезнымъ въ Тифлисѣ потому, что «имя его страшно для горскихъ народовъ».

О Паскевичѣ, во всѣхъ донесеніяхъ Государю, Ди-

*) Письмо Чернышева къ Дибичу не найдено, но отвѣтное письмо Дибича хранится въ военн. учен. архивѣ, д. № 4442, лл. 94, 95. Оно собственно-ручно написано Дибичемъ карандашемъ. См. прил. № 9.

бичъ выражался очень осторожно, но въ словахъ его всегда сквозить убѣжденіе, что Паскевичъ неспособенъ замѣнить Ермолова: Паскевичъ, по мнѣнію Дибича, при рыцарскомъ прямодушіи и благородствѣ, былъ слишкомъ довѣрчивъ, притомъ съ гражданскимъ управленіемъ вовсе не былъ знакомъ, а удачныя его дѣйствія, какъ второстепеннаго генерала, не давали права предполагать въ немъ способность стать во главѣ арміи.

Въ донесеніяхъ Дибича какъ будто обрисовывается мощная и грозная фигура Ермолова, преклоняющаяся передъ словомъ, волею и мыслью Дибича, а Паскевичъ является самостоятельною силою, съ которою нужно было ладить и который «предначертанный планъ кампаніи» исполнить по своему, весьма мало руководствуясь совѣтами Дибича, а успѣхами своими съ нимъ, конечно, не подѣлится.

Въ это же время Дибичъ послалъ Государю отдѣльную записку относительно строеваго образованія и вообще состоянія кавказскихъ войскъ. При всей мягкости выраженій Дибича въ этой краткой запискѣ, положеніе войскъ представляется въ крайне нежелательномъ видѣ, а заботливость командующаго войсками является весьма сомнительною. Выставляя дѣятельность Ермолова, благодаря которой обстроился Тифлисъ и построились полковые штабы, Дибичъ говоритъ, что всѣ эти работы, произведенныя войсками, были «причиною совершеннаго «упущенія фронтовой части». Но при этомъ, такъ какъ на работы люди отправлялись въ ветхихъ мундирахъ, а съ работъ, не заходя въ свои полковые штабы, вы-

ступали прямо въ походъ, то во время кампаніи и ходили въ лохмотьяхъ. Оказывалось, что годные мундиры, шинели и аммуниція лежали за нѣсколько сотъ верстъ въ полковыхъ цейхаузахъ, а полки дрались съ непріателемъ въ рубищахъ, не предохраняющихъ отъ непогоды. Вѣроятно, эти свѣдѣнія въ глазахъ заботливаго къ солдатскимъ нуждамъ и здоровью Государя вполне оправдывали и разъясняли жалобы и негодование Паскевича. Притомъ весьма малое значеніе могло имѣть заявленіе Дибича, что приблизительно четыре батальона Тифлискаго гарнизона были имъ найдены въ удовлетворительномъ состояніи *). Это могло доказывать только, что въ Тифлисѣ для 4-хъ батальоновъ было сдѣлано то, чего для войскъ дѣйствующихъ противъ непріятеля (такъ какъ *они не были на глазахъ*) не позаботились сдѣлать. Трудно было убѣдить Государя, что внезапность вторженія персіянъ не дозволила подвезти полкамъ изъ полковыхъ штабовъ годную одежду и было еще затруднительнѣе объяснить, почему на работахъ при ротахъ не было сколько нибудь годнаго обмундирования. Не круглый же годъ люди работали, были же дни отдыха, праздники, тѣ дни, когда слѣдовало снимать рабочую одежду. Дибичъ и не пытался объяснить, но высказалъ, что послѣ кампаніи необходимо завести иные порядки, если подобнаго рода работы будутъ продолжаться.

*) Записка Дибича отъ 8-го марта 1827 года. (Военно-ученый архивъ, № 4442, лл. 109, 112). См. прилож. № 10.

На Кавказѣ, въ Тифлисѣ, находился тогда сводный гвардейскій полкъ, составленный изъ батальоновъ, ставшихъ, по невѣдѣнію, 14-го декабря 1825 года на сторону заговорщиковъ. Вѣроятно, Государь приказалъ Дибичу обратить на нихъ особое вниманіе, и Дибичъ не только производилъ имъ смотры, но, повидимому, старался вникнуть во всѣ подробности ихъ внутренняго быта. Въ особой запискѣ Дибичъ доноситъ Государю, что въ полку «во всѣхъ отношеніяхъ существуетъ въ «полной мѣрѣ желаемый порядокъ», «и я увѣренъ», — прибавляетъ онъ, «что полкъ сей, естли ему персіане «доставятъ случай, загладитъ свое заблужденіе» *).

Для болѣе яснаго изложенія обстоятельствъ, происходившихъ въ то время въ Тифлисѣ, мы снова обратимся къ донесеніямъ Дибича отъ 28-го февраля, такъ какъ въ тотъ же день Дибичъ отправилъ Государю записку, разъясняющую мѣры «принятыя для будущей кампаніи».

«На способъ продовольствія войскъ», пишетъ Дибичъ, «Ермоловъ съ возвращеніемъ въ Тифлисъ обратилъ прилежное вниманіе, сколько обстоятельства и «хлѣбородіе здѣшняго края позволяетъ». Слѣдовательно четыре мѣсяца подрядъ (съ ноября по мартъ) Ермоловъ «прилежно» занимался подготовленіемъ продовольствія для войскъ. Въ магазинахъ Грузіи въ это время сосредоточивалось до 80 т. четвертей хлѣба, изъ коихъ 50 т.

*) Записка Дибича 9-го марта 1827 года. (Военно-учен. архивъ, № 4442, лл. 113—114). См. прилож. № 11.

четвертей въ продолженіе марта пополняли магазины праваго фланга: въ Шулаверѣ, Гори и Тифлисѣ, что, какъ пишетъ Дибичъ, составляло почти мѣсячное продовольствіе войскъ, «въ сей странѣ дѣйствующихъ». Кромѣ того 30 т. четвертей сухарнаго запаса, заготовлявшагося въ Астрахани, Ермоловъ, по совѣту Дибича, направлялъ въ Баку, откуда его удобно было подвезти на линію между Шушею и Нахичеванью по пути въ Тавризу. Перевозочныя средства, повидимому, были достаточны: заготовлено было до 2000 арбъ (пароконныхъ, изъ коихъ каждая поднимаетъ до 50 пудовъ). Въ Карабагѣ устраивался подвижной магазинъ изъ 400 верблюдовъ. «Запасы артиллерійскіе», пишетъ Дибичъ, «весьма достаточны даже для дѣятельнѣйшей кампаніи». Только фуража оказывалось мало, и для кампаніи слѣдовало преимущественно рассчитывать на подножный кормъ. «На основаніи сихъ данныхъ мы положили общее начертаніе», пишетъ Ермоловъ, «дѣйствій военной кампаніи»,—и этотъ «общій» съ Дибичемъ, т. е. вмѣстѣ съ нимъ составленный, планъ кампаніи, Ермоловъ излагаетъ Государю въ отдѣльномъ рапортѣ.

Рапортъ этотъ Ермоловъ начинаетъ такъ: «вмѣстѣ съ начальникомъ главнаго штаба составленное общее предположеніе дѣйствій имѣю счастье «всеподданнѣйше представить».

Планъ кампаніи, составленный Дибичемъ вмѣстѣ съ Ермоловымъ (какъ видно изъ донесенія отъ 8-го марта, Дибичъ себѣ его приписывалъ), въ главныхъ чертахъ

заклучался въ томъ, что сильная правая колонна направлялась на Эчміадзинъ, имѣя цѣлью установить тамъ «главный этапный пунктъ для взятія Эривани». Главныя силы изъ Джелаль-Оглу, пройдя Эривань, идутъ черезъ Нахичевань въ Тавризь, причемъ лѣвая колонна, переправясь черезъ Араксъ между Худо-аферинскимъ мостомъ и Асландузомъ, направляется въ Агаръ.

«Но если знойное время и точное извѣстіе о недостаточности подножнаго корма и продовольствія могли бы движеніе на Тавризь сдѣлать неудобнымъ, то главныя силы, учредивъ тотчасъ укрѣпленные посты на Араксѣ и занявъ достаточно Нахичевань, расположатся въ горахъ между Нахичеваномъ и Шушею, а отрядъ лѣваго фланга—или въ Агарѣ, буде оный до того занятъ будетъ, или же на лѣвомъ флангѣ главныхъ силъ на лѣвомъ же берегу Аракса, смотря по обстоятельствамъ».

Нѣсколько странно, что при этомъ общемъ планѣ продовольствіе отряда, долженствовавшаго осадить и взять Эривань, полагалось доставлять изъ Карса. Паша карскій, дѣйствительно, обѣщалъ князю Севарсемидзе доставить за извѣстную плату потребное количество провіанта. На этомъ основаніи и рассчитывали кругомъ Эривани оставить 8 батальоновъ 20-й пѣхотной дивизіи, 20-ю артиллерійскую бригаду, батальонъ піонеровъ и нужное число казаковъ. Впослѣдствіи оказалось, что Карсъ ничего не доставилъ русскимъ отрядамъ; но, къ счастью, тогда уже не рассчитывали на его помощь. Предполагалась возможность сосредоточенія значитель-

ныхъ силъ непріятеля между Тавризомъ и Араксомъ и даже наступленіе въ наши предѣлы къ Шушѣ и Елизаветполю. Въ такомъ случаѣ лѣвой колоннѣ предписывалось, не переходя Аракса, только малыми отрядами беспокоить непріятеля, отвлекая вниманіе его отъ Нахичевани, а въ случаѣ наступленія непріятеля въ наши предѣлы на Шушу, лѣвому отряду, присоединивъ къ себѣ 1-ю бригаду уланской дивизіи, держаться между Шушей и Елизаветполемъ.

Такимъ образомъ, главными и непремѣнными цѣлями кампаніи должны были быть Эриванская область съ ея крѣпостями и Нахичевань *), а самое наступленіе слѣдовало производить тремя колоннами, изъ которыхъ одна (главныя силы) шла къ Эривани двумя дорогами: Талышинской и черезъ Башабарань.

Паскевичъ съ пріѣздомъ Дибича былъ совершенно отстраненъ отъ обсужденія плана предстоящей кампаніи и Государь могъ усмотрѣть, что начальникъ главнаго штаба, при обсужденіи предстоящихъ военныхъ дѣйствій, вовсе не нуждался въ мнѣніяхъ елизаветпольскаго побѣдителя. Это какъ бы подтверждало сомнѣнія Дибича относительно способности Паскевича занять первостепенное по службѣ положеніе и замѣнить Ермолова на Кавказѣ. Два мѣсяца тому назадъ относительно предстоящей кампаніи требовалось мнѣніе Паскевича и

*) Рапортъ Ермолова (Военно-учен. архивъ, № 4442, лл. 81—83). Затѣмъ были предположены незначительныя измѣненія въ составѣ отрядовъ, что и было включено въ отдѣльный всеподданнѣйшій рапортъ Ермолова. (Военно-ученый архивъ, отд. II, № 2448).

оно тогда же было доставлено въ Петербургъ; теперь положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось: запрашивалось мнѣніе одного Ермолова, а Паскевичу, повидимому, оставалось только готовиться къ отъѣзду. Въ это же время между Ермоловымъ и Дибичемъ по поводу Паскевича шли оживленные переговоры.

Ермоловъ, писалъ Дибичъ Государю, «былъ пораженъ мыслью недовѣрчивости къ нему» Государя и вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ убѣжденіе, «что присутствіе генерала Паскевича вредно для службы». Послѣ довольно долгихъ, какъ кажется, переговоровъ, рѣшено было, что Дибичъ доведетъ до свѣдѣнія Государя убѣжденіе Ермолова о вредномъ для службы вліяніи генерала Паскевича, а Ермоловъ «напишетъ письмо» Государю «съ объясненіемъ своихъ чувствъ, не касаясь, однако, генерала Паскевича» *). Письмо Ермолова и донесеніе Дибича должны были быть отправлены одновременно съ тѣмъ же фельдъегеромъ, но, къ немалому безпокойству начальника главнаго штаба, Ермоловъ опоздалъ и фельдъегерь долженъ былъ выѣхать изъ Тифлиса съ однимъ только донесеніемъ Дибича. Несмотря на зарождающуюся между ними дружбу, это незначительное обстоятельство возбудило подозрѣніе Дибича въ «явномъ нечистосердечіи» Ермолова **). Письмо тѣмъ не менѣе было отправлено. Ермоловъ пишетъ Государю: «не имѣвъ счастья заслужить довѣренности»

*) Военно-ученый архивъ, № 4442, лл. 62—63.

**) Письмо Дибича къ Государю отъ 5 марта 1827 г. Военно-учен. арх., дѣло № 4442, л. 88.

В. И. В. «и упавъ духомъ, не вижу въ семь положеніи «возможности быть полезнымъ для службы, хотя и «не смѣю (по причинѣ военнаго времени) просить «объ увольненіи отъ командованія Кавказскимъ корпусомъ» *).

Вслѣдъ за донесеніемъ отъ 28-го февраля, какъ уже было сказано, Дибичъ 5-го марта снова высказываетъ убѣжденіе въ необходимости оставить Ермолова на Кавказѣ,—слѣдовательно Паскевича, какъ это Дибичъ самъ пишетъ, необходимо было вызвать въ Россію. Затѣмъ дѣла въ Тифлисѣ пошли обычнымъ порядкомъ,—Дибичъ съ Ермоловымъ исключительно занялись подготовленіемъ предстоящихъ военныхъ дѣйствій и, кажется, начальникъ главнаго штаба рѣшился быть руководителемъ Ермолова въ самой кампаніи; слѣдуетъ притомъ замѣтить, что Ермоловъ, повидимому, самъ этого желалъ. «По неувѣренности», пишетъ Дибичъ Государю 11-го марта, «въ рѣшимости принимаемыхъ генераломъ Ермоловымъ мѣръ, я испрашиваю Высочайшаго позволенія остаться здѣсь, какъ сего и генералъ Ермоловъ желаетъ, до прибытія главныхъ силъ къ Эривану, ибо образъ движенія ихъ отъ онаго къ Нахичевану, способы, кои будутъ собраны и время начатія сего движенія могутъ уже рѣшительное дать заключеніе о успѣхахъ весенней кампаніи» и т. д. **). Такимъ образомъ главнѣйшее дѣло въ Закавказьи, злобу дня того времени, Дибичъ

*) Тамъ же, л. 86.

***) Письмо Дибича къ Государю отъ 11-го марта 1827 г. (Военно-ученый архивъ. № 4442. лл. 118—19). См. прилож. № 12.

принималъ на себя, а начальникъ края и кавказскихъ войскъ Ермоловъ становился его помощникомъ. Затѣмъ, кто управлялъ бы Кавказомъ послѣ кампаніи, кажется, не особенно озабочивало тогда Дибича, но война съ Персіей, несомнѣнно, велась бы имъ. Очевидно, что выраженіе «остаться здѣсь» не стѣснило бы Дибича поѣхать и подъ стѣны Нахичевани и тамъ, можетъ быть, покончить дѣло или во всякомъ случаѣ одержать первый блистательный успѣхъ....

«Нерѣшимость принимаемыхъ» Ермоловымъ «мѣръ», о которыхъ пишетъ Дибичъ, заключалась главнымъ образомъ въ неувѣренности его, что главныя силы успѣютъ до знойнаго лѣтняго времени подойти къ Тавризу. Съ половины лѣта движеніе становилось уже невозможнымъ, а только съ середины апрѣля является въ тѣхъ мѣстностяхъ подножный кормъ, слѣдовательно, главнымъ силамъ со стороны Карабага черезъ Эривань и Нахичевань слѣдовало начать движеніе въ апрѣлѣ и дойти до Тавриза и овладѣть имъ до 10 іюня. Притомъ Ермоловъ находилъ, что главнымъ силамъ необходимо, занявъ Нахичевань, «остановиться въ Эриванской области, дабы медленно движущіеся позади транспорты «могли достаточно подвезти провіантъ» *). Въ концѣ марта предполагалось сильнымъ отрядомъ занять Эчміадзинъ и тѣмъ спасти тамошнихъ армянъ, а также и захватить «способы продовольствія», а въ апрѣлѣ, съ по-

*) Отношеніе Ермолова къ Дибичу отъ 10-го марта 1827 г. (Военно-учен. архивъ № 4442, л. 120). См. прилож № 13.

явленіемъ подножнаго корма, двинулись бы со стороны Карабага главныя силы; вопросъ, слѣдовательно, заключался въ томъ,—успѣютъ ли въ началѣ іюня главныя силы овладѣть Тавризомъ? Это, по мнѣнію Ермолова, зависѣло отъ успѣшнаго движенія транспортовъ. Дибичъ, предполагая принять на себя главное руководство военныхъ дѣйствій въ предстоящей кампаніи, еще 21-го февраля писалъ Государю изъ Тифлиса, что послѣ перваго блистательнаго успѣха полезно было бы Ермолова назначить главнокомандующимъ, для «нѣкотораго его поощренія» *). Не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что Ермоловъ зналъ это предполагаемое «поощреніе» и не сомнѣвался въ желаніи Дибича раздѣлить съ нимъ славу успѣховъ предстоящей кампаніи, — иначе трудно объяснить, какъ могъ Ермоловъ «желать» руководства Дибича. Намѣреніе руководить кампаніею зародилось въ Дибичѣ не 10-го марта, послѣ усиленныхъ занятій по соображеніямъ предстоящихъ военныхъ дѣйствій,—нѣтъ, уже на другой день послѣ приѣзда своего въ Тифлисъ (21-го февраля) онъ писалъ Государю: «мо-
жетъ быть будетъ полезно для службы, чтобы я остался до начатія кампаніи» и затѣмъ прибавляетъ, что «въ такомъ случаѣ» полезно было бы «поощрить» Ермолова послѣ перваго блистательнаго успѣха.

Государь, не получивъ еще извѣстія о приѣздѣ Дибича въ Тифлисъ, пишетъ ему изъ Петербурга 27-го

*) Донесеніе Дибича Государю 21-го февраля 1827 г. (Военно-учен. арх., № 4442, лл. 25—26). См. прилож. № 6.

февраля. Письмо это получено въ Тифлисѣ 15-го марта. «Смотря на карту», — писалъ Государь, — «мнѣ пришло въ голову, что если по причинѣ продовольствія трудно «будетъ держаться постояннаго плана кампаніи на Тавризу, не хорошо ли было бы сдѣлать изъ Баку или «Дербента десантъ на Инзили (Энзели) съ тѣмъ, чтобы «прочной ногой имъ завладѣть, какъ пунктомъ весьма «важнымъ для насъ навсегда» *).

16-го марта Дибичъ, отвѣчая Государю, пишетъ, что хотя онъ надѣется, что движеніе къ Тавризу «исполнитъ еще лѣтомъ», но что тѣмъ не менѣе «овладѣніе «Инзилійскимъ портомъ можетъ имѣть важнѣйшую «пользу», въ особенности если персидское правительство, послѣ вступленія нашихъ войскъ въ Тавризу, не заключить съ нами мирнаго договора. Затѣмъ Дибичъ обращаетъ вниманіе Государя на совпаденіе его мысли съ совершенно такимъ же предположеніемъ генерала Ермолова **).

6-го марта Ермоловъ подалъ Дибичу записку, въ которой прежде всего сообщаетъ, что въ виду «поздняго появленія подножнаго корма» наши главные силы не въ состояніи будутъ перейти границу ранѣе конца апрѣля, затѣмъ, занявъ Нахичевань, онѣ уже потому не могутъ идти «немедленно» къ Тавризу, что движеніе нашихъ транспортовъ затруднится «многочислен-

*) Письмо Государя отъ 27-го февраля 1827 г. изъ Петербурга (Военно-ученый архивъ, отд. I, № 974, лл. 1—2). См. прилож. № 14.

**) Письмо Дибича къ Государю отъ 16-го марта 1827 г. изъ Тифлиса (Восн.-уч. арх., № 4442, лл. 122—123). См. прилож. № 15.

«ними толпами конницы» сардаря эриванскаго. Конечно, «приобрѣтеніе Эриванской области», писалъ Ермоловъ, «разрѣшило бы всѣ затрудненія и обезпечило бы сооб-
щеніе нашихъ главныхъ силъ», но «по трудностямъ
и неудобствамъ въ доставленіи необходимыхъ для осады
«припасовъ, свозимыхъ изъ отдаленныхъ мѣстъ, осада
«не можетъ быть начата въ скоромъ времени». Занявъ
Нахичевань, по мнѣнію Ермолова, слѣдовало остано-
виться въ Эриванской области, прочно занять ее, овла-
дѣвъ ея крѣпостями, а затѣмъ уже идти далѣе. Немед-
ленное же движеніе изъ Нахичевани на Тавризъ Ер-
моловъ предполагалъ возможнымъ, «если бы въ Адер-
«бажанѣ обнаружился неповиновеніа Аббасъ-мирзѣ, воз-
«мущеніе въ нѣкоторыхъ провинціяхъ и готовность спо-
«собствовать намъ средствами продовольствія». При дви-
женіи нашемъ въ Нахичевань, «Галышинское ханство»,
писалъ Ермоловъ, «тотчасъ придетъ въ покорность», а
смежная съ нимъ «Гилянская область выйдетъ изъ по-
«слушанія персіянамъ, и симъ воспользовавшись надобно
«будетъ овладѣть Инзильскимъ портомъ, лучшимъ на
«Каспійскомъ морѣ, гдѣ при самомъ входѣ въ оный
«устроить крѣпостцу, которая въ руки наши отдастъ
«всѣ выгоды торговли» *).

Дибичъ, какъ уже было сказано, требовалъ болѣе
быстраго движенія и Ермоловъ писалъ ему, что «всѣ
«употреблены будутъ усилія, дабы преодолѣть оныя»

*) Записка Ермолова 9-го марта (Воен.-уч. арх., № 4442, лл. 102—106).
См. прилож. № 16.

(т. е. затрудненія для болѣе быстраго движенія *)). Занявъ Тавризь, Дибичъ полагалъ возможнымъ предложить персіянамъ миръ или даже перемиріе до 15-го сентября, а «симъ временемъ можно бы было воспользоваться для устройства большихъ магазиновъ въ Нахичеванѣ, Агарѣ, Марандѣ и Тавризѣ» **).

Въ то время на Кавказѣ дѣятельность Ермолова сосредоточивалась на заготовленіи провіанта и перевозочныхъ средствъ для предстоящихъ военныхъ дѣйствій. «Хлѣбъ», пишетъ очевидецъ, «закупался вездѣ, гдѣ только можно было, и свозился къ складочнымъ мѣстамъ» «Главное заготовленіе онаго по Грузіи дѣлалось по направленію къ Эривани, гдѣ предполагалось начать военныя дѣйствія» ***). Хлѣбъ изъ Астрахани на обывательскихъ лодкахъ подымался по р. Курѣ, а покупаемый въ Дагестанѣ провіантъ доставлялся въ Сардобъ сухимъ путемъ; но самыя значительныя заготовленія производились въ Грузіи.

Паскевичъ, съ своей стороны, улучшивъ обмундированіе войскъ и насколько было возможно занявшись ихъ строевымъ образованіемъ, усмотрѣлъ необходимость вполне выяснитъ степень готовности комиссаріатской, артиллерійской, инженерной и медицинской частей отрядовъ, предназначенныхъ къ выступленію въ

*) Записка Ермолова 10-го марта (Военно-учен. арх., № 4442, л. 120). См. прилож. № 13.

**) Приложение ко всеподданнѣйшему письму Дибича отъ 10-го марта (Военно-ученый архивъ, № 4442, лл. 98—101). См. прилож. № 17.

***) Записки Муравьева-Карскаго. «Русскій Архивъ» 1889 г. № 9.

походъ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что собственно штабъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса едва ли могъ доставить хотя приблизительно вѣрныя по симъ предметамъ свѣдѣнія. Начальникъ штаба Вельяминовъ, человекъ больной (а по отзыву Муравьева-Карскаго изумительно лѣнивый), не могъ заниматься дѣломъ, помощниковъ у него не было, а потому штабъ корпуса находился въ нѣсколько даже хаотическомъ состояніи *).

1-го марта Паскевичъ подаетъ начальнику штаба записку, въ которой предлагаетъ *по комиссаріатской части* выяснить: какія средства имѣетъ комиссаріатъ для составленія госпиталей, полагая оныя на 1500 человекъ и какія по сему предмету сдѣланы приготовленія а) въ бѣльѣ, б) въ вещахъ, в) въ транспортахъ, какъ для госпитальныхъ тягостей, такъ и для больныхъ.

«Для узнанія вѣрности показанія комиссаріата», пишетъ Паскевичъ, «нарядить одного изъ гвардейскихъ полковниковъ, который бы вмѣстѣ съ комиссаріатскимъ чиновникомъ совершенно во все по сей части вошелъ и чтобы рапорты были вмѣстѣ ими подписаны».

По артиллерійской части составить комитетъ изъ генераловъ Комаровскаго и Унтилье и вблизи находящихся артиллерійскихъ бригадныхъ командировъ, для представленія свѣдѣній: 1) о наличномъ количествѣ артиллерійскихъ снарядовъ, 2) объ ожидаемомъ количествѣ оныхъ и о предполагаемомъ времени доставки, 3) мнѣніе о количествѣ сихъ запасовъ, которые нужно

*) Записки Муравьева-Карскаго. «Русскій Архивъ» 1889 г. № 9.

войскамъ взять съ собою, 4) расчетъ сколько нужно будетъ транспортовъ для перевозки.

По инженерной части составить комитетъ изъ генераль-маіора Хотяева и полковниковъ: путей сообщенія Гозиуша, инженеръ-полковника Метова и командующаго 8-мъ піонернымъ батальономъ Евреинова, которые представили бы мнѣніе свое: 1) о средствахъ переправляться черезъ здѣшнія рѣки и объ устройствѣ черезъ оныя мостовъ; 2) объ инженерномъ паркѣ, какъ оный и на сколькихъ подводахъ долженъ двигаться.

По медицинской части, для лучшаго охраненія здоровья арміи, Паскевичъ полагалъ собрать извѣстнѣйшихъ въ городѣ Тифлисѣ докторовъ и дать имъ на разсужденіе: 1) какія особенныя средства должно употреблять въ здѣшнемъ климатѣ для сохраненія здоровья; 2) какъ лучше быть одѣтымъ; 3) какую преимущественно употреблять пищу; 4) какое лучше употреблять питье и средства чѣмъ и какъ исправлять дурную воду; 5) какой предпочтительнѣе общій способъ леченія и наставленіе для здѣшнихъ докторовъ въ какомъ случаѣ какъ лечить. Окончивши свои засѣданія, они должны представить общее свое донесеніе, а въ случаѣ разногласія присовокупить и особенное каждого мнѣніе.

По квартирмейстерской части составить комитетъ изъ полковниковъ Коцебу, Энгольма и капитана Вальховскаго, которые бы занялись: 1) описаніемъ дорогъ по всѣмъ направленіямъ, гдѣ арміи предназначено дѣйствовать или по коимъ военныя обстоятельства заставить оную двигаться; 2) соображеніемъ способовъ края,

въ которомъ войска должны проходить; 3) собраніемъ свѣдѣній о народахъ живущихъ въ провинціяхъ, гдѣ будетъ война и о расположеніи ихъ къ намъ и персидскому правительству, словомъ сказать—полнымъ географическимъ и статистическимъ описаніемъ сихъ странъ *).

О дѣятельности этихъ комитетовъ Дибичъ ничего не доноситъ и не пишетъ Государю, но нѣтъ сомнѣнія, что указаніями Паскевича воспользовались и, вѣроятно, вслѣдствіе возбужденныхъ имъ вопросовъ, Дибичъ 10-го марта сообщилъ ему свои предположенія о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

Но въ то время предположенія о предстоящей кампаніи были уже отправлены на Высочайшее утвержденіе, такъ что Паскевичу было бы бесполезно входить въ подробное ихъ обсужденіе, тѣмъ болѣе, что, судя по настроенію начальника главнаго штаба, не только самъ Паскевичъ, но даже жители Тифлиса и всѣ служащіе ожидали его выѣзда изъ Грузіи. Одинъ изъ очевидцевъ пишетъ въ своихъ запискахъ, что тогда «Ермоловъ торжествовалъ» **).

Какой бы оцѣнкѣ ни подвергалась дѣятельность Дибича въ Закавказьи, но во всякомъ случаѣ, благодаря его упорнымъ требованіямъ, заготовленія для предстоящей кампаніи шли съ необычайной торопливостью. Самая доставка хлѣба изъ Астрахани была предписана мѣстнымъ властямъ. Тѣмъ не менѣе, для фуражнаго до-

*) Военный журналъ Паскевича отъ 1-го марта. Военно-ученый архивъ, отд. II, № 2438 (А), лл. 46—49.

**) Муравьевъ-Карскій. «Русскій Архивъ» 1889 г. № 9.

вольствія, транспортовъ и обозовъ приходилось рассчитывать только на подножный кормъ, а въ виду поздней въ этомъ году весны нельзя было ожидать появленія травы ранѣе первыхъ чиселъ апрѣля. Еще 16-го марта Дибичъ пишетъ Государю, что холода продолжаютъ и «что подножнаго корма нѣтъ еще и признаковъ». Приблизительно въ это время Дибичъ принялъ на себя починъ благодѣтельнаго для Кавказской арміи распоряженія объ отмѣнѣ головныхъ уборовъ и мундировъ европейскихъ армій. До того времени кавказскія войска ходили въ тѣхъ же высокихъ киверахъ и узкихъ мундирахъ (иногда съ крагами), въ которыхъ парадировала гвардія въ Петербургѣ; никто никогда и не подумалъ о необходимости примѣнить обмундированіе войскъ къ совершенно особымъ климатическимъ условіямъ Кавказа. Дибичъ первый предложилъ мундиры замѣнить «камзолами», а кивера—особо имъ придуманными фуражками, образцы которыхъ, подъ его наблюденіемъ, изготовлялись въ лейбъ-гвардіи сводномъ полку. Онъ же ввелъ и употребленіе башлыковъ въ кавказскія войска *).

18-го марта Дибичъ доноситъ Государю, что въ первыхъ числахъ апрѣля у Агъ-огланской переправы сосредоточатся войска лѣвой колонны подъ начальствомъ князя Мадатова, а главный авангардъ въ Джеванъ-оглу подъ командою генераль-адъютанта Бенкендорфа. Отряду Бенкендорфа предписывалось, какъ писалъ Ди-

*) Письмо Дибича къ гр. Толстому отъ 11-го марта 1827 года. (Военно-ученый архивъ, № 4442, лл. 115—116). См. прилож. № 18.

бичъ,— «быстрымъ наступленіемъ спасти армянскія селенія около Эривани и Эчміадзина отъ разоренія», а вмѣстѣ съ тѣмъ и обезпечить продовольствіемъ какъ свой отрядъ, такъ отчасти и главныя силы. Дибичъ предполагалъ въ половинѣ апрѣля, близъ Шулаверъ, осмотрѣть главныя силы, а затѣмъ рассчитывалъ, что онѣ успѣютъ прибыть къ Эривани въ концѣ апрѣля, а къ Нахичевани въ половинѣ мая. «Если тогда князь «Мадатовъ»,— доноситъ Дибичъ Государю, — «съ авангардомъ обезпечить доставку провіанта изъ Ахуглана и «Гируса въ такомъ количествѣ, чтобы вмѣстѣ съ привезеннымъ отъ Эривани и найденнымъ въ землѣ имѣть мѣсячное продовольствіе, то, по мнѣнію моему, ничто не помѣшаетъ наступать къ Тавризу *)...»

Слѣдовательно всѣ усилія и заботы привели къ тому, что движеніе къ Тавризу зависѣло отъ чисто случайныхъ обстоятельствъ, т. е. отъ того: успѣетъ, или нѣтъ Бенкендорфъ захватить провіантъ въ Эриванской области и найдетъ ли «въ землѣ хлѣбъ» **). Въ томъ же всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 16-го марта Дибичъ пишетъ, что хотя Ермоловъ не далъ «еще до сего времени никакого объясненія на записки мои по гражданской части, но я понынѣ не могу перемѣнить прежняго мнѣнія». Упущенія по дѣламъ управленія Кавказа, полагалъ Дибичъ, конечно были, но доносы о

*) Донесеніе 16 марта 1827 г. (Воен. учен. арх., № 4442, лл. 124—125). См. прилож. № 19.

**) Всѣ хлѣбные запасы въ Закавказьи и въ Арменіи зарываются въ земляныя ямы.

важныхъ злоупотребленіяхъ и «злодѣйствахъ» ничѣмъ не доказывались. Точно также не подтверждалось и взведенное на начальника штаба генерала Вельяминава звѣрство, причинившее, будто бы, смерть казачьему офицеру. Относительно Вельяминава Дибичъ пишетъ Государю, что онъ «человѣкъ съ познаніями и здра-
«выми военными мыслями», но по «холодному характеру» болѣе способенъ «къ вѣрнымъ, нежели блистательнымъ дѣйствіямъ», «Сіе качество», прибавляетъ Дибичъ, «было бы полезнѣйшимъ при главномъ начальникѣ весьма «предпримчивомъ, въ нынѣшнемъ же положеніи дѣлъ «оно можетъ быть менѣе выгодно».

Три дня спустя (19-го марта) Дибичъ всеподданнѣйше доноситъ Государю, что Оржицкій, Пушинъ и Коновницынъ *) были «на нѣкоторыхъ офицерскихъ обѣдахъ». Оржицкаго Дибичъ немедленно отправилъ изъ Тифлиса въ штабъ его полка (Нижегородскаго драгунскаго), «последніе два», пишетъ Дибичъ, «находятся по «просьбѣ подполковника Евреинава въ 8-мъ піонерномъ «батальонѣ, гдѣ служба ихъ точно можетъ быть полезна, «однако я г. подполковнику Евреинову со всею стро-
«гостью замѣтилъ, что сія польза ни мало не должна «выводить ихъ изъ состоянія, въ которомъ они един-
«ственно милостью Вашего Величества поставлены для «того, чтобы кровью могли заслужить Монаршее свис-
«хожденіе».

*) За участіе въ заговорѣ 1825 г. разжалованные въ солдаты гвардейскіе офицеры.

По поводу этого незначительнаго обстоятельства Дибичъ доноситъ Государю о бывшемъ у него объясненіи съ Ермоловымъ. Ермоловъ, — пишетъ Дибичъ, — жаловался, что многіе «относительно его пришли къ оскорбительному заключенію, что онъ можетъ быть причастенъ подобнымъ мыслямъ (либеральнымъ)».

«Это», какъ выражался Ермоловъ, «несчастіе» происходило, можетъ быть, «отъ ошибокъ молодости его», хотя онъ и въ то время никогда «не былъ противъ правительства», но иногда только «противъ начальниковъ», «кои ему казались несправедливыми». Впрочемъ, какъ полагалъ Ермоловъ, «несчастіе его» имѣло причиною и «врожденное ему снисходительное обращеніе, «особливо съ молодыми людьми, въ коихъ онъ замѣчалъ особенныя дарованія».

«Насчетъ своего обхожденія съ подчиненными, «Ермоловъ», пишетъ Дибичъ, «находитъ, что если оно и дастъ поводъ къ нѣкоторымъ упрекамъ справедливымъ въ строгомъ смыслѣ службы, то онъ считаетъ себя оправданнымъ тѣмъ, что ни одинъ изъ окружающихъ его не былъ замѣшанъ въ гнусныхъ замыслахъ» *). Кюхельбекера онъ выслалъ изъ Грузіи, «отрекомендовавъ его князю Волконскому какъ вольнодумца», а Якубовичъ**) и самъ оставилъ службу въ Кавказскомъ корпусѣ. Дибичъ прибавляетъ, что въ этомъ случаѣ искренность и откровенность Ермолова не подлежатъ сомнѣнію.

*) Т. е. въ заговорѣ 1825 года.

**) Якубовичъ и Кюхельбекеръ оба участвовали въ возмущеніи 14-го декабря 1825 года.

Свое донесеніе отъ 19-го марта Дибичъ заканчиваетъ слѣдующимъ: начальникъ штаба Вельяминовъ, «по бо-
лѣзненному состоянію, не можетъ дѣятельно испол-
нять возложенныя на него обязанности», но такъ какъ
онъ человекъ съ отличными познаніями, хладнокровенъ и
распорядителенъ въ боевыхъ дѣйствіяхъ, «то было бы
жаль его лишиться» и потому Дибичъ предложилъ
Ермолову назначить помощникомъ начальника штаба
командира 7-го карабинернаго полка полковника Му-
равьева *) — «человѣка свѣдущаго, скромнаго и къ служ-
бѣ усерднаго» **). Муравьевъ, дѣйствительно, тогда же
и вступилъ въ исправленіе новыхъ своихъ обязанностей.

Вновь назначенный помощникъ начальника штаба
Кавказскаго корпуса говоритъ въ своихъ запискахъ,
что не только дѣла штаба находились въ хаотическомъ
положеніи, но что и поспѣшныя заготовленія для пред-
стоящей кампаніи сводились, отъ безначалія и беспор-
ядка, къ бесполезнымъ, но значительнымъ затратамъ.
Такъ, на примѣръ, онъ рассказываетъ, что отовсюду
собираемыя арбы для транспортовъ сваливались на
городскихъ площадяхъ Тифлиса и тамъ къ веснѣ, отъ
снѣга и дождя, пришли въ полную негодность, а быки,
закупленные для обозовъ и транспортовъ, отъ без-
кормицы пали. До какой преступной степени, если вѣ-
рить Муравьеву, доходила беспечность начальника Кав-
казскаго корпуса, выясняется слѣдующимъ обстоятель-

*) Муравьева-Карскаго.

**) Донесеніе Дибича Государю отъ 19-го марта 1827 года. (Воен.-учен.
арх., № 4442, лл. 126—127). См. прилож. № 20.

ствомъ. Въ виду необходимости обезпечить погонщиками формируемые подъ тяжести войскъ транспорты, съ каждаго полка было вытребовано по сту человекъ. Муравьевъ увѣряетъ, «что эти команды, безъ призрачія «и надзора, безъ средствъ къ хорошему продовольствію, «терпѣли крайнюю нужду, заболѣвали и поступали въ «госпитали, гдѣ и умирали, а незначительная ихъ часть, «оставшаяся въ живыхъ, была разобрана на частныя «надобности новаго провіантнаго начальства». Въ одну зиму такимъ образомъ уничтожилась команда слишкомъ въ 1.000 человекъ, въ корпусѣ, въ которомъ, какъ мы увидимъ далѣе, въ строю имѣлся значительный некомплектъ. Въ концѣ марта мѣсяца Дибичъ пишетъ, что въ погонщики назначенъ «одинъ Черноморскій полкъ» *).

Между тѣмъ, свѣдѣнія о приготовленіяхъ персiанъ къ военнымъ дѣйствіямъ получались въ Тифлисѣ довольно часто. О нихъ Дибичъ въ своихъ донесеніяхъ почти не упоминаетъ, тѣмъ не менѣе они были извѣстны Государю изъ военнаго журнала Паскевича. Такъ какъ свѣдѣнія эти получались изъ среды армянскаго населенія, то въ доставляемыхъ извѣстіяхъ слишкомъ часто примѣчалось исключительное стремленіе прежде всего охранить христіанскія населенія персидскихъ провинцій; тѣмъ не менѣе нельзя было и отрицать извѣстную въ нихъ степень достовѣрности. «По совѣту англичанъ»,—пишетъ 1-го марта 1827 г. почетный житель Эриванской области Калантаръ Барсигъ

*) Донесеніе отъ 26-го марта (Воен. учен. архивъ, № 4442).

армянскому архіепископу Нарсесу, — «предположено, въ случаѣ наступленія русскихъ къ Эривани, всѣхъ армянъ и даже вообще кочующихъ татаръ прогнать во внутрь Персіи, а хлѣбъ и фуражъ выжечь». Эриванскіе армяне просили архіепископа Нарсеса постараться, «чтобы до осени русскіе не дѣлали никакого движенія и оставались въ своихъ границахъ до 20-го сентября» (т. е. до окончанія уборки хлѣба и садовъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе образованные изъ армянъ, какъ напримѣръ Калантаръ Барсигъ, просили архіепископа Нарсеса «уговорить» русское начальство, чтобы послѣ 20 сентября главныя силы шли изъ Карабага въ Тавризъ, причемъ «небольшому отряду» одновременно, занявъ Нахичевань, идти въ Эривань; «въ противномъ случаѣ», писалъ Калантаръ Барсигъ, «всѣхъ жителей Эривани угонять и армяне будутъ плѣнены». Паскевичъ, записавъ эти извѣстія въ журналъ военныхъ дѣйствій, замѣчаетъ, что и онъ находитъ движеніе изъ Карабага къ Нахичевани и Тавризу наиболѣе выгоднымъ и, по его мнѣнію, «это единственное средство спасти какъ Эриванскую, такъ и Нахичеванскую области отъ опустошенія, а что сіе персіане сдѣлать намѣреваются, я также неоднократно доносилъ. Но такое направленіе военнымъ дѣйствіямъ», прибавляетъ Паскевичъ, «теперь дать поздно, ибо не принято никакихъ мѣръ для доставленія въ Карабагъ продовольствія, достаточнаго для значительнаго числа войскъ». Со всѣхъ сторонъ шли извѣстія, что по окончаніи Навруза, т. е. послѣ 10-го марта, въ Тавризѣ соберется

персидская армія, но численность ея высчитывалась весьма различно, Калантаръ Барсигъ сообщаетъ архі-епископу Нарсесу, что кромѣ казбинскаго и азербай-джанскаго войска сыновья шаха приведутъ не менѣе 55 т. человѣкъ.

Эривань и Тавризь дѣятельно укрѣплялись и снабжались продовольствіемъ; персіяне, какъ показывали армяне, намѣревались упорно въ нихъ держаться.

Въ теченіе марта мѣсяца на границахъ происходило нѣсколько незначительныхъ стычекъ; персіяне разбойничали въ селеніяхъ, но всякій разъ при появленіи нашихъ войскъ быстро отступали, причемъ всегда у нихъ отбивалась добыча и захватывалось нѣсколько человѣкъ въ плѣнъ. Но вообще, какъ справедливо писалъ Дибичъ Государю, нельзя было со стороны персіанъ ожидать сколько-нибудь серьезныхъ наступательныхъ дѣйствій; такъ, напримѣръ, всѣ старанія Аббас-мирзы уговорить Шукуръ-хана Шахсеванскаго производить набѣги на Карабагское ханство не привели ни къ чему. Времена до Елизаветпольскаго сраженія прошли безвозвратно, въ мусульманскомъ закавказскомъ мірѣ Аббасу-мирзѣ и могуществу персидскаго правительства не вѣрили, а русскихъ боялись. Точно также и воззваніе шаха персидскаго къ чеченцамъ и народамъ Дагестана не вызвало возстанія;—одни полагали, что это потому только, что вслѣдствіе неурожая горцы закупили у насъ хлѣбъ, другіе не безъ основанія утверждали, что страхъ русскаго оружія удерживалъ горскія племена отъ всякихъ проявленій непокорности.

Между тѣмъ, Дибичъ, порѣшивъ во всеподданнѣйшихъ донесеніяхъ своихъ положеніе Ермолова и Паскевича и приготовивъ главное участіе свое въ предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ, 23-го марта приступилъ къ обсужденію условій мира. Прежде всего онъ откровенно высказывается противъ всякаго, какъ онъ выражается, «расширенія нашего обширнаго государства», въ особенности со стороны Персіи, но въ видахъ обезпеченія нашихъ границъ находитъ полезнымъ присоединеніе Эриванской и Нахичеванской областей до береговъ Аракса (согласно, впрочемъ, выраженной непремѣнной волѣ Государя). Персія, полагалъ Дибичъ, какъ только мы возьмемъ крѣпость Эривань и займемъ Тавризь, уступитъ намъ эти области, но едва ли согласится, какъ этого требовалъ Государь, уплатить военныя издержки. Въ такомъ случаѣ, не находя возможнымъ русскому правительству приступить къ мѣропріятіямъ, имѣющимъ цѣлью ниспроверженіе царствующей въ Персіи династіи, Дибичъ предлагалъ учредить въ провинціяхъ Хоѣ и Карадагъ наследственныя ханства, независимыя отъ шаха персидскаго, подъ покровительствомъ русскаго Государя. Если и послѣ того персидское правительство откажется уплатить военныя издержки, то Дибичъ полагалъ «сдѣлать десантъ въ Инзилѣ (Энзели) и установить такимъ же образомъ наследственнаго хана Гилянскаго и заложить крѣпость для вѣчнаго «нашего ею владѣнія». Та же участь ожидала Мазандеранъ и Азербайджанъ, если бы шахъ упорствовалъ въ отказѣ уплаты военныхъ издержекъ.

Устройство независимых ханствъ, кажется, особенно правиломъ Дибичу; онъ видѣлъ въ нихъ будущее обезпеченіе границъ нашихъ отъ вторженія какъ персіянъ, такъ и турокъ.

Въ настоящее время весьма трудно объяснить, почему Дибичъ предполагалъ, что мусульманскія ханства, въ случаѣ войны Россіи съ одной изъ мусульманскихъ державъ, «прикроютъ», по его выраженію, «собою» русскія границы, а не присоединятся къ единовѣрцамъ своимъ? Не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что эти вновь поставленные ханы, несмотря на «учрежденіе ханствъ», которое Дибичъ предлагалъ составить въ Петербургѣ, едва ли вѣрили бы въ прочность своего владычества. Еще такъ недавно ханы Карабагскій, Шекинскій и многіе другіе изгнаны были изъ своихъ владѣній и притомъ для несомнѣнной пользы и блага всего подвластнаго имъ населенія.

Россія, учреждающая въ земляхъ, оружіемъ русскимъ покоренныхъ, азіатское деспотическое правленіе и ему покровительствующая, по малой мѣрѣ—измышленіе неудачное; оно и не имѣло послѣдствій.

Вообще Государь, выражая Дибичу чувства уваженія, личнаго довѣрія и даже дружбы, вовсе, какъ мы увидимъ, не подчинялся его вліянію,—Монаршей волей никто не руководилъ, она была вполнѣ самобытна и самодержавна.

26-го марта, съ экстра-почтою *), Дибичъ посылаетъ,

*) Экстра-почта учреждена на Кавказѣ только въ ноябрѣ 1826 г. (Библиогр. Кавказа Мюнсарова).

наконецъ, утѣшительное извѣстіе о началѣ военныхъ дѣйствій *). Отрядъ генераль адъютанта Бенкендорфа собирался къ 30-му марта у Шулаверъ, оттуда, черезъ Джелаль-Оглу пройдя Безобдальскій горный хребетъ, онъ въ первыхъ числахъ апрѣля имѣлъ вступить въ Эриванскую область. По секретной инструкціи, данной Ермоловымъ Бенкендорфу **), Лорійскій магазинъ (у Джелаль-Оглу) долженъ былъ снабдить его отрядъ 10-дневнымъ продовольствіемъ, а затѣмъ не только отряду предоставлялось продовольствоваться мѣстными реквизиціями, но, занявъ Эчміадзинскій монастырь, онъ, пользуясь реквизиціями, долженъ былъ устроить складъ зерноваго хлѣба и муки (а по возможности и фуража) для главныхъ силъ, имѣющихъ, около 18-го апрѣля, двинуться изъ Шулаверъ къ Эривани. Бенкендорфу поручалось не допускать угона жителей за Араксъ и подвозъ транспортовъ къ Эриванской крѣпости. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя и не предвидѣлось, чтобы армія Аббасмирзы успѣла войти въ Эриванскую область ранѣе нашихъ главныхъ силъ, тѣмъ не менѣе допускалась возможность появленія небольшихъ отрядовъ, посланныхъ для подкрѣпленія Эриванскаго гарнизона; въ такомъ случаѣ Бенкендорфу поручалось атаковать и разсѣять ихъ. Собравъ въ Эчміадзинскій монастырь сколько возможно болѣе провіанта, фуража и, какъ писалъ Ермоловъ, «способовъ для перевозовъ», Бенкендорфу предписыва-

*) Военно-ученый архивъ, № 4442, лл. 141—142.

**) См. прилож. № 21.

лось быстро и по возможности «нечаянно» подойти къ Сардаръ-Абаду и сдѣлать «сильную рекогносцировку сей крѣпости», а если «обстоятельства дозволятъ», то «произвести настоящее для овладѣнія оной нападеніе» *). Притомъ Ермоловъ сообщалъ Бенкендорфу, что въ концѣ апрѣля онъ съ главными силами подойдетъ къ Эривани. Кромѣ того Бенкендорфъ имѣлъ порученіе, войдя въ сношенія съ карскимъ папеею, пріобрѣсти обѣщанные имъ запасы хлѣба.

Отрядъ Бенкендорфа составлялся изъ 6 батальоновъ, двухъ казачьихъ полковъ и одной роты гренадерской артиллерійской бригады **).

Изъ всѣхъ донесеній и данныхъ того времени несомнѣнно было, что Дибичъ съ Ермоловымъ намѣревались предводительствовать главными силами, лѣвая колонна поручена была Мадатову ***), слѣдовательно отъѣздъ Паскевича обратно въ Россію былъ какъ будто рѣшенъ заранѣе.

На другой день, едва успѣли отправить экстра-почту, какъ пріѣхалъ въ Тифлисъ фельдъегерь съ Высочайшимъ повелѣніемъ—и всѣ измышленія Дибича и общія тогда ожиданія,—все разомъ исчезло передъ твердымъ царскимъ словомъ.

Государь писалъ Дибичу 8, 10 и наконецъ 12-го марта. Эти три письма, или вѣрнѣе одно и то же письмо,

*) См. прилож. № 21.

***) Тамъ же.

***) Письмо Дибича къ гр. Толстому отъ 12 марта 1827 г. (Военно-ученый архивъ, № 4442, л. 121). См. прилож. № 22.

писанное въ разное время, было отправлено какъ только получило донесеніе Дибича отъ 28-го февраля. Въ строкахъ, помѣченныхъ 8-мъ марта, еще до полученія донесеній Дибича изъ Тифлиса, легко было предвидѣть рѣшеніе Государя: «я надѣюсь, что Вы не позволите себя обмануть», писалъ Государь, «этому чело-
 «ловѣку (т. е. Ермолову), для котораго ложь, какъ
 «только она ему полезна, становится добродѣтелью и
 «который ни во что ставитъ получаемыя имъ пове-
 «лѣнія» *). Получивъ первыя донесенія Дибича, Госу-
 дарь 12-го марта пишетъ: «для меня ясно, что дѣла
 «такъ продолжаться не могутъ, несомнѣнно, что какъ
 «только вы и Паскевичъ уѣдете, тогда этотъ чело-
 «вѣкъ, предоставленный самому себѣ, снова поставитъ
 «насъ въ то положеніе, въ которомъ мы были въ Мо-
 «сквѣ до отъѣзда Паскевича—такую отвѣтственность
 «я не могу принять на себя». Предписывая объявить
 Ермолову, «если новыхъ обстоятельствъ не окажется»,
 его увольненіе отъ занимаемыхъ имъ на Кавказѣ долж-
 ностей, Государь пишетъ: «я назначаю Паскевича
 «для замѣщенія Ермолова потому, что я не усматриваю
 «изъ донесеній вашихъ, чтобы онъ въ чемъ либо на-
 «рушилъ самую строжайшую дисциплину, а слѣдова-
 «тельно обезчестить его при настоящихъ обстоятель-
 «ствахъ, обративъ его, было бы несогласно съ
 «моею совѣстью».

*) См. приложеніе № 23.

«Новыхъ обстоятельствъ», конечно, не было и 28-го марта Дибичъ объявилъ вышеизложенное Высочайшее повелѣніе генераламъ Ермолову и Паскевичу, а вслѣдъ затѣмъ донесъ Государю, что генераль-адъютантъ Паскевичъ вступилъ въ командованіе отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ и въ управленіе Кавказскимъ краемъ *).

*) См. приложение № 24.

ГЛАВА VI.

Смѣна Ермолова.—Генералъ-адъютантъ Сипяинъ.—Открытіе военныхъ дѣйствій кампаніи 1827 года.—Движеніе отряда Бенкендорфа.—Затрудненія.—Мѣры къ обезпеченію продовольствіемъ отряда лѣваго фланга.—Смѣна Мадатова Панкратьевымъ.—Занятіе Бенкендорфомъ Эчміадзина.—Поиски за продовольствіемъ.—Стычка подъ Сардаръ-Абадомъ и пораженіе Куртинцевъ.—Отношенія Паскевича съ Дибичемъ.—Дипломатическіе чиновники.—Смотры и отъѣздъ Дибича.—Общія распоряженія по продовольствію войскъ.—Выступленіе главныхъ силъ вмѣстѣ съ Паскевичемъ.—Движеніе Бенкендорфа подъ Эривань.—Переходъ р. Занги.—Занятіе Иракліевой горы.—Вылазки непріятеля.—Обложеніе крѣпости.—Тактика персіянъ.—Кавалерійское дѣло на р. Зангъ.—Въѣздъ Паскевича въ Эчміадзинъ.—Рекогносцировка Эривани.—Инструкція генералу Красовскому.—Движеніе главныхъ силъ къ Нахичевани.—Сильная заболѣваемость отъ жаровъ.—Крѣпость Аббасъ-Абадъ.—Рекогносцировка крѣпости.—Осадныя работы.—Бомбардировка.—Переправа черезъ Араксъ.—Джеванъ-Булахское дѣло.—Вылазка.—Сдача Аббасъ Абада.

Назначивъ Паскевича, Государь «радовался», что Дибичъ «не продлитъ свое отсутствіе» и вскорѣ вернется въ Россію. Этими милостивыми словами Государь прекращалъ всѣ недоразумѣнія. Впрочемъ, Дибичъ и самъ

сознавалъ, что ему уже не предстояло руководить военными дѣйствіями, а только, какъ писалъ Государь, «водворить Паскевича и установить новые порядки». Въ-стѣ съ тѣмъ Государь требовалъ, чтобы смѣна бывшаго правителя Кавказа совершилась «безъ шума, безъ скандала» и въ особенности «безъ оскорбленія». Вы «отстраните»,—писалъ Государь Дибичу,—«всякую комедію и «неумѣстныя слезы, пусть все совершится въ порядкѣ, съ достоинствомъ и согласно точному порядку службы».

Ни шума, ни оскорбленій, конечно, не было, но, какъ кажется, незамѣтны были и выраженія общественнаго сочувствія. Полковникъ Муравьевъ (Карскій) въ запискахъ своихъ рассказываетъ, что когда онъ посѣтилъ Ермолова нѣсколько дней послѣ его смѣны, занимавшаго еще домъ начальника края, то въ комнатахъ, такъ недавно переполненныхъ чиновнымъ и не чиновнымъ людомъ, «вездѣ было пусто и царила мертвая тишина»...

Государь, озабочиваясь желаніемъ помочь Паскевичу, предписалъ Дибичу уволить Мадатова и больного Вельяминова и одновременно послалъ въ Тифлисъ генераль-адъютанта Сипягина *), «для исполненія должности воен-

*) Николай Мартыновичъ Сипягинъ за Кульмское сраженіе былъ произведенъ въ генераль-майоры, въ 1814 г. былъ назначенъ генераль-адъютантомъ и около того же времени начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса. Сипягинъ основалъ первый въ Россіи спеціально «военный журналъ» (печатался въ 1817, 1818 и 1819 гг.) и учредилъ при гвардейскомъ штабѣ первую солдатскую школу для обученія нижнихъ чиновъ грамотѣ и ариѳметикѣ по способу взаимнаго обученія (ланкастерская метода), что послужило поводомъ къ учрежденію подобныхъ же школъ во всѣхъ полкахъ гвардейскаго корпуса. Послѣ Семеновской исторіи нововведенія эти были заподозрѣны въ либера-

«наго губернатора Грузіи въ отсутствіи Паскевича». Назначеніе губернаторомъ Грузіи человѣка дѣятельнаго, въ административныхъ дѣлахъ опытнаго и, какъ выражается Государь, «чуждаго интригъ тамошнихъ», было, очевидно, необходимо, въ особенности на время, когда Паскевичъ, ставъ во главѣ дѣйствующихъ противъ персіянъ войскъ, не въ состояніи будетъ слѣдить за дѣлами въ Тифлисѣ. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ назначеніе Сипягина состоялось безъ предварительнаго соглашенія съ Паскевичемъ, то Государь видимо безпокоился. «Обратите все ваше вниманіе», — писалъ онъ по этому поводу Дибичу, — «на то, чтобы съ самаго «пріѣзда Сипягина между нимъ и Паскевичемъ установились должныя отношенія, основанныя на полномъ до-«вѣрїи; я рассчитываю на ваше усердіе, любезный другъ, «и на ваше умѣніе при устройствѣ въ самомъ началѣ «этой важной отрасли службы такъ, чтобы не нужно «было имѣть въ будущемъ какія либо опасенія. Под-«твердите Сипягину, что я надѣюсь, что интриги не бу-«дутъ болѣе въ ходу» *).

Между тѣмъ военныя дѣйствія начались движеніемъ отряда Бенкендорфа въ Эриванскую область. 2-го апрѣля

лизмъ, вслѣдствіе чего Сипягинъ былъ назначенъ, въ началѣ 1819 г., начальникомъ 6-й пѣхотной дивизіи (въ Ярославлѣ), гдѣ онъ завелъ при дивизіи, для вступающихъ въ военную службу небогатыхъ дворянъ, школу юнкеровъ и подпрапорщиковъ. Муравьевъ-Карскій въ своихъ запискахъ бездоказательно называетъ его «человѣкомъ пустымъ и ни къ чему неспособнымъ». Сипягинъ при-
былъ въ Тифлисъ въ концѣ апрѣля 1827 года и тамъ же умеръ въ октябрѣ 1828 года.

*) Письмо Государя къ Дибичу отъ 8-го марта 1827 г. См. прилож. № 1.

отрядъ подымался на Акзебюкскую гору. Дорога настолько была тяжела, что для движенія полковыхъ обозовъ оказалось необходимымъ всему Ширванскому полку со взводомъ піонеровъ *), идя въ авангардѣ, около двухъ сутокъ разрабатывать путь слѣдованія отряда. Для обезпеченія во время движенія праваго фланга отряда, Бенкендорфъ, исполняя предписаніе Паскевича, высылалъ сотни казачьяго полка Андреева къ Башекчету (южнѣе крѣпости Цалки). Къ ночи 4-го апрѣля отрядъ подошелъ къ Джелалъ-Оглу, гдѣ на дневкѣ 5-го числа онъ былъ снабженъ 10-тидневнымъ продовольствіемъ изъ Лорійскаго магазина. Во время этой дневки пріѣхалъ въ Джелалъ-Оглу Дибичъ и произвелъ смотръ отряду. 8-го апрѣля, возвратясь въ Тифлисъ, онъ описываетъ во всеподданнѣйшемъ донесеніи произведенный имъ смотръ. Пѣхота и казаки найдены были имъ въ удовлетворительномъ состояніи, но въ ротѣ № 3-й Грузинской артиллерійской бригады лошади оказались не выѣзженными и непріученными ходить подъ орудіями и зарядными ящиками. Вмѣстѣ съ тѣмъ Дибичъ доносилъ Государю о трудностяхъ движенія отряда, — каждую повозку приходилось тащить въ гору канатами на рукахъ, причемъ въ каждую повозку запрягалось не менѣе 60 или 70 человѣкъ.

Несмотря на то, что отряду предстояло перейти Бе-

*) Этимъ взводомъ командовалъ рядовой Пущинъ (декабристъ). Паскевичъ постоянно поручалъ ему исправленіе должности офицера и подъ конецъ кампаніи исходатайствовалъ ему производство въ офицеры (Восн. журналы Камп. 1827 года).

зобдальскія и Башабаранскія горы, на вершинахъ еще покрытыя снѣгомъ, Дибичъ рассчитывалъ, что Бенкендорфъ 10-го или 11-го апрѣля займетъ Эчмиадзинъ. Поспѣшность движенія вынуждалась все болѣе и болѣе усиливающимися слухами о намѣреніи персіянъ угнать жителей Эриванской области за Араксъ, уничтожая одновременно всѣ запасы продовольствія. Въ виду сего Бенкендорфу предписывалось, оставя въ Амамлахъ полковыя тяжести подъ прикрытіемъ двухъ батальоновъ (Тифлисскаго и Грузинскаго гренадерскихъ полковъ), при двухъ орудіяхъ и при одномъ казачьемъ полку, подъ начальствомъ полковника князя Севарземидзева, самому съ остальнымъ отрядомъ идти налегкѣ форсированнымъ маршемъ въ Эчмиадзинъ *).

Благодаря дурному состоянію дорогъ и постояннымъ дождямъ, Бенкендорфъ только 11-го апрѣля подошелъ къ урочищу Судагентъ, въ 40-ка верстахъ отъ Эчмиадзина. Но тогда уже выяснились неблагоприятныя обстоятельства, непредвидѣнныя въ планѣ кампаніи Дибича и Ермолова. Все населеніе отъ границы Эриванской области по пути слѣдованія отряда было выведено за Араксъ, мѣстность обратилась въ безлюдную пустыню, продовольствія нигдѣ не находилось. 13-го апрѣля Паскевичъ, получивъ донесеніе Бенкендорфа изъ Судагента, немедленно сдѣлалъ слѣдующія распоряженія. Изъ 3-хъ т. быковъ, только что по его приказанію со-

*) Выписка изъ донесенія Дибича и журнала военныхъ дѣйствій Паскевича. См. прилож. № 2.

бранныхъ у Шулаверъ для сформированія транспортовъ, 450 (каждый навьюченный четвертью сухарей) были направлены въ Эчмиадзинъ подъ прикрытіемъ двухъ ротъ Тифлискаго полка при одномъ орудіи гарнизонной артиллеріи. Транспортъ этотъ, не обремененный повозками, долженъ былъ прибыть на мѣсто не позже 24-го апрѣля. Затѣмъ 1-му и 4-му Черноморскимъ казачьимъ полкамъ отъ мѣста ихъ расположенія у рѣчки Акстафы, приказано было прибыть къ Шулаверамъ 19-го апрѣля, гдѣ, навьючивъ 800 лошадей, каждую одною четвертью сухарей, слѣдовать въ Джелаль-Оглу, откуда 22-го апрѣля подъ прикрытіемъ одного батальона 39-го Егерскаго полка съ 2-мя орудіями 20-й артиллерійской бригады безостановочно идти въ Эчмиадзинъ. 40-му Егерскому и Севастопольскому пѣхотнымъ полкамъ изъ Шулаверъ предписано было подойти къ подошвѣ горы Акзобиукъ, для разработки горной дороги и облегченія движеній транспортовъ при предстоящемъ наступленіи главныхъ силъ.

Одновременно Паскевичъ съ нарочнымъ послалъ Бенкендорфу инструкцію: «что если онъ въ Эчмиадзинѣ не найдетъ продовольствія, то немедленно отступалъ бы обратно къ горамъ для скорѣйшаго соединенія съ транспортными». Притомъ Паскевичъ писалъ Бенкендорфу: «если же найдете хотя для двухъ батальоновъ на двѣ недѣли продовольствія, то оставьте оныя въ Эчмиадзинѣ, а съ прочими войсками отступите какъ сказано» *).

*) См. прилож. № 3.

Въ полдень 13-го апрѣля Бенкендорфъ подошелъ къ Эчміадзинскому монастырю и занялъ его безъ боя. Наканунѣ эчміадзинскій персидскій гарнизонъ въ 400 человекъ сарбазовъ, забравъ всѣхъ старшихъ монаховъ и всѣ съѣстные припасы, направился къ Эривани. Населенная мѣстность кругомъ монастыря обезлюдѣла, продовольствія нигдѣ не было, но засѣянные поля доставляли отряду обильный фуражъ.

Неприятель еще не показывался, только при слѣдованіи отряда по лѣвому берегу р. Абарани на противоположномъ берегу появлялись небольшіе наблюдательные конные отряды. Извѣстно было, что масса Куртинской кавалеріи, подъ начальствомъ брата сардаря эриванскаго перейдя Араксъ, занимаетъ равнины между Сардаръ-Абадомъ, Эчміадиномъ и Эриванью.

Съ отрядомъ Бенкендорфа въ Эчміадзинъ прибылъ армянскій архіепископъ Нарзесъ, пользовавшійся громаднымъ вліяніемъ въ армянскомъ населеніи Персіи. Благодаря его содѣйствію, армяне насколько могли помогали нашимъ войскамъ какъ доставкою продовольствія, такъ въ особенности доставленіемъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ персидскаго правительства и персидской арміи *).

Въ это же время, т. е. 7-го апрѣля, лѣвая колонна подъ начальствомъ генерала князя Мадатова собралась у Агъ-Оглана. Предоставя Мадатову дѣйствовать съ от-

*) Нарзесъ (р. 1770 г. † 1868 г.) съ 1811 г. былъ армянскимъ архіепископомъ въ Тифлисѣ, въ 1842 г. былъ избранъ въ католикосы. Присутствовалъ на коронаціи Александра II въ 1856 г. (Энциклон. словарь Березина).

рядомъ согласно данной ему Ермоловымъ инструкціи, Паскевичъ уволилъ его отъ управленія Ширванскою, Шекинскою и Карабагскою провинціями, назначивъ на его мѣсто полковника кн. Абхазова *). Въ Карабагѣ дѣла по устройству снабженія продовольствіемъ какъ лѣвой колонны, такъ и транспортовъ, предназначенныхъ слѣдовать въ тылу главныхъ силъ при движеніи изъ Нахичевани въ Тавризъ, оказывались въ крайне ненадежномъ положеніи. При отрядѣ Мадатова насчитывалось всего 204 верблюда **), а во всѣхъ трехъ провинціяхъ нельзя было найдти ни арбъ, ни телѣгъ, даже вьючныхъ быковъ можно было достать только для кратковременныхъ перевозокъ, но не для постояннаго при войскахъ употребленія, а на подвозы продовольствія изъ Астрахани ранѣе 1½ или 2-хъ мѣсяцевъ нельзя было и рассчитывать. Абхазовъ, по приказанію Паскевича, сталъ немедленно закупать во всѣхъ ему подвѣдомственныхъ провинціяхъ хлѣбные запасы для Агъ-Огланскаго магазина, куда средствами мѣстныхъ жителей перевозились и запасы Пиразанскаго магазина. Паскевичъ дозволилъ Абхазову платить по пяти даже рублей за четверть зернового хлѣба, причемъ за извѣстную плату все почти мѣстное населеніе обращало эти запасы въ сухари. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по распоряженію Паскевича, Абхазову удалось въ нѣсколько дней закупить за Курой до 4 т. вьючныхъ быковъ, «но и сего количества», какъ пи-

*) См. прилож. № 4.

**) Донесеніе Панкратьева отъ 30-го апрѣля, въ журналѣ Паскевича отъ 7-го мая. В. учен. арх. № 2438 (А). См. прилож. № 5.

шесть Паскевичъ, «недостаточно для перевозки мѣсячнаго продовольствія на главный отрядъ во время нахожденія онаго въ Нахичевани и притомъ по дальности разстоянiя можно будетъ производить перевозку симъ транспортомъ изъ магазиновъ въ Ахъ-Угланъ и Гирюсахъ составляемыхъ, а для пополненiя сихъ самыхъ магазиновъ нужно имѣть особыя средства подвоза» *). Для болѣе удобнаго движенiя транспортовъ къ Нахичевану, «какъ пункту», писалъ Паскевичъ, «самому важному нашей коммуникаціи, по которой будутъ слѣдовать наши транспорты при движенiи моемъ за Араксъ», приказано было помощью мѣстнаго населенiя разработать дорогу изъ Шуши черезъ Гирюсы и далѣе къ Нахичевани **). За перевозкою запасовъ Пиразанскаго магазина въ Агъ-Огланскій Паскевичъ устраивалъ въ Сардобѣ главный запасный магазинъ, куда и приказано было провiантъ изъ Баку, Кубы, а частью и изъ Ширвани сплавлять по Курѣ, а для сухопутнаго подвоза черезъ Куру у Сардоба Паскевичъ приказалъ «устроить надежную переправу». Для усиленiя перевозочныхъ средствъ лѣваго фланга Паскевичъ немедленно отправилъ изъ Тифлиса въ Агъ-Огланъ 216 арбъ и для того же назначенiя заготовлялъ еще 500 арбъ, а затѣмъ для доставки продовольствiя только до Гирюсъ заподряжено было въ Сигнахскомъ уѣздѣ 314 арбъ. Но всѣ вышеизложенныя распоряженiя, предоставляющія возмож-

*) Тамъ же.

**) Тамъ же.

ность въ одинъ разъ поднять 8 т. четвертей, не могли быть исполнены ранѣ первыхъ чиселъ іюня *).

По этому поводу Паскевичъ въ частномъ письмѣ къ старому своему сослуживцу и другу Беклемишеву **) пишетъ: «о себѣ скажу, что въ большихъ хлопотахъ, «ибо весьма мало что приготовлено къ войнѣ и я долженъ все создать въ полтора мѣсяца... Кампанія (какъ «обѣщалъ Ермоловъ) въ апрѣлѣ не могла бы начаться, «а онъ ее бы началъ въ сентябрѣ... «les grandeurs sont «belles quand on les voit de loin, mais travailler par «15 heures et n'avoir pas le temps de savoir si on fait «bien c'est très dur, Dieu veuille que je me tire de ce «pas difficile» ***).

Мадатовъ между тѣмъ двинулся изъ Агъ-Оглана къ р. Араксу. 18-го апрѣля онъ остановился въ 12-ти верстахъ отъ Худо-аферинской переправы.

Переправа была занята персидскимъ отрядомъ, приблизительно 2-мя тысячами сарбазовъ. Неожиданный натискъ авангарда Мадатова заставилъ ихъ отступить на правый берегъ Аракса и скрыться въ близлежація

*) См. прилож. № 5.

**) Петръ Никифоровичъ Беклемишевъ служилъ въ Петербургѣ шталмейстеромъ Двора Е. И. В., онъ всю жизнь былъ другомъ Паскевича еще со времени похода въ Турцію въ 1809 и 1810 гг., когда онъ служилъ адъютантомъ у фельдмаршала Прозоровскаго. Онъ по дружбѣ завѣдывалъ частными дѣлами кн. Паскевича и пользовался безграничнымъ его довѣріемъ. Сынъ его Н. П. доставилъ въ архивъ кн. Ф. И. Паскевича большое количество писемъ покойнаго фельдмаршала, которыя въ приложеніяхъ не помѣщаются, такъ какъ они исключительно почти наполнены денежными дѣлами князя.

***) Величія хороши издалека, но работать по 15 часовъ въ сутки, не имѣя возможности провѣрить сдѣланное, очень не легко. Дай Богъ мнѣ успѣшно выдти изъ этого труднаго положенія.

горы, послѣ чего весь отрядъ, подойдя къ рѣкѣ, расположился на лѣвомъ ея берегу. 19-го апрѣля Мадатову удалось послѣ довольно сильной перестрѣлки завладѣть мостомъ, но тѣмъ не менѣе непріятель успѣлъ укрѣпиться на высотахъ противоположнаго берега Аракса. Въ этотъ же день къ вечеру въ лагерь къ Мадатову прибылъ вновь назначенный ему на смѣну начальникъ отряда командиръ 2-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіоръ Панкратьевъ. Назначая Панкратьева, Паскевичъ предписывалъ ему: если отрядъ перешелъ Араксъ, то возвратить его и отойти отъ берега приблизительно на 25 верстъ къ Агъ-Оглану. Распоряженіе это вызывалось недостаточностью запасовъ Агъ-Огланскаго магазина, въ которомъ зерномъ и мукою не было больше 1500 четвертей, а въ то время успѣшность подвозовъ еще не выяснилась. Притомъ въ отрядѣ, кромѣ полковыхъ обозовъ, никакихъ транспортовъ не было, а перевозка продовольствія изъ Агъ-Огланскаго магазина при дальнѣйшемъ движеніи отряда не подъ-силу была подѣмнымъ лошадямъ, находящимся на одномъ подножномъ корму. Паскевичъ считывалъ, что 1500 четвертей Агъ-Огланскаго магазина, считая на продовольствіе въ Карабагѣ около 10.000 человекъ, достаточны были не болѣе какъ на 18 дней.

Панкратьевъ отступилъ 23-го апрѣля, а 24-го остановился при р. Козлучаѣ въ 17-ти верстахъ отъ Аракса. Находя, что Худо-аферинская переправа, обстрѣливаемая съ возвышенностей праваго берега Аракса, неудобна,

онъ, остановивъ отрядъ при р. Козлучаѣ, дѣлаетъ рекогносцировку къ сторонѣ Марильяна и находитъ ниже этого селенія болѣе выгодную переправу. Занявъ при р. Козлучаѣ центральное положеніе относительно описываемой Араксомъ дуги (18 верстъ отъ Марильяна и отъ Асландуза тоже верстъ 18), Панкратьевъ разослалъ рекогносцировочные отряды ко всѣмъ главнымъ переправамъ близлежащаго лѣваго берега Аракса. Всѣ онѣ оказались занятыми болѣе или менѣе сильными отрядами непріятеля, но, повидимому, на Худо-аферинской переправѣ сосредоточивался главный наблюдательный отрядъ персіянъ *). По свѣдѣніямъ лазутчиковъ, персидская армія собиралась въ Хоѣ (въ 60 верстахъ отъ Аракса у кр. Аббасъ-Абада), а частью въ Агарѣ (отъ Худо-аферинской переправы въ 70 верстахъ). Собравъ эти свѣдѣнія, Панкратьевъ доноситъ Паскевичу, что «производя диверсіи къ Худоперинску и къ Асландузу, онъ полагаетъ возможнымъ перейти Араксъ ниже Марильяна». 8-го апрѣля Паскевичъ, еще не получивъ его донесенія, послалъ ему предписаніе, по смыслу котораго отрядъ его исключительно предназначался прикрывать лѣвый флангъ главныхъ силъ, имѣющихъ идти отъ Эривани къ Нахичевани, и одновременно способствовать движенію транспортовъ изъ Гирюсъ къ Нахичевани.

Въ виду этого назначенія, Паскевичъ предписывалъ

*) У Худо-аферинскаго моста было около 2 т. сарбазовъ. Рапорты Мадатова и Панкратьева въ журналѣ военныхъ дѣйствій Паскевича отъ 29-го апрѣля 1827 г. (Воен.-уч. арх., № 2438, А).

Панкратьеву: «раздѣлить отрядъ свой на двѣ части: «41 Егерскій полкъ и батальонъ 42-го съ 14 орудіями «и двумя казачьими полками оставить на томъ мѣстѣ «гдѣ поворачиваетъ дорога къ Гирюсамъ, а съ 2-й бри- «гадой 20-й пѣхотной дивизіи, 8 орудіями и однимъ ка- «зачьимъ полкомъ идти въ сіе селеніе, гдѣ соединив- «шись съ тремя ротами 42-го Егерскаго полка, начать «разработку дороги къ Нахичевани; обоимъ симъ отря- «дамъ быть въ непрерывныхъ сношеніяхъ и если бы «одинъ былъ атакованъ, то другой идетъ къ нему на «помощь» *).

Въ журналѣ военныхъ дѣйствій Паскевичъ писалъ, что едва ли непріятель рѣшится атаковать Панкратьева, такъ какъ вскорѣ получитъ свѣдѣніе о движеніи нашихъ главныхъ силъ къ Эривани. Дѣйствительно, отрядъ Панкратьева, ставъ на указанныхъ ему Паскевичемъ мѣстахъ, не имѣлъ столкновеній съ непріателемъ до времени наступленія Паскевича къ Тавризу (въ октябрѣ). Персіяне не рѣшились идти въ Карабагъ.

Въ это время на правомъ флангѣ происходили слѣдующія событія.

Генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, занявъ 13-го апрѣля Эчміадзинъ, сейчасъ же послалъ въ Тифлисъ донесеніе, въ которомъ сообщалъ: что по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ Эриванскій гарнизонъ не превышаетъ 2 т. человѣкъ, а Сардаръ-абадскій 1500 человѣкъ **).

*) Журналъ военныхъ дѣйствій, тамъ же.

**) Эриванъ находится отъ Эчміадзина въ 15-ти верстахъ.

Жалуясь на совершенный недостатокъ продовольствія, такъ какъ жители кругомъ Эчміадзина были выселены за Араксъ, а продовольствіе персіянами было частью вывезено, а частью уничтожено, Бенкендорфъ тѣмъ не менѣе писалъ, что предполагаетъ идти, смотря по обстоятельствамъ, къ Эривани, или къ Сардаръ-Абаду *). Въ то время онъ еще не получалъ послѣдняго предписанія Паскевича, а потому и не имѣлъ свѣдѣній о движеніи высланныхъ къ нему изъ Джелаль-Оглу двухъ транспортовъ. «Но притомъ», писалъ Паскевичъ въ журналѣ военныхъ дѣйствій, «не видно, чтобы Бенкендорфъ опасался насчетъ продовольствія, изъ чего я заключаю, что вѣроятно предвидятся имъ какія-либо средства въ землѣ, впрочемъ я надѣюсь, что первый транспортъ прибудетъ къ Эчміадзину около 23-го числа сего апрѣля **).

Предположеніе Паскевича было совершенно вѣрно, Бенкендорфъ намѣревался искать продовольствія «зарытаго въ землѣ» и задуманныя имъ движенія куда иной цѣли не имѣли. 14-го апрѣля, узнавъ отъ эчміадзинскихъ монаховъ, что въ селеніяхъ верхнемъ и нижнемъ Ай-гланлу находятся значительные склады зерноваго хлѣба, зарытые въ землѣ, онъ направилъ туда двѣ роты Ширванскаго полка. Смежныя селенія Ай-гланлу, построенныя въ садахъ, были окружены, какъ почти всѣ селенія того края, земляными стѣнами при-

*) См. письмо Бенкендорфа къ Дибичу, прилож. № 6.

**) Выписка изъ журн. воен. дѣйств. 17 апрѣля 1827 г. См. прилож. № 7.

близительно 2-хъ аршинной высоты. Непрiятель, засѣвъ за ними, открылъ по наступающимъ Ширванскимъ ротамъ оживленный огонь. Ширванцы остановились, отвѣчали на выстрѣлы, но атаковать непрiятеля не рѣшились. Вскорѣ изъ Эчмiадзина подошло къ нимъ подкрѣпленiе, Бенкендорфъ выслалъ маiора Юдина съ двумя ротами того же Ширванскаго полка и полубатальономъ 7-го карабинернаго полка, при двухъ орудiяхъ и одной сотнѣ казаковъ. Казаки шли на лѣвомъ флангѣ отряда, изъ-за селенiй на нихъ бросилось 500 человекъ куртинской кавалерiи, — сотня не выдержала натиска, но огонь артиллерiи заставилъ куртинцевъ обратиться въ бѣгство. Обстрѣлявъ селенiя, Юдинъ повелъ на нихъ атаку, — персiяне очистили селенiя, но самые тщательные поиски не открыли тамъ зарытаго хлѣба *). На другой день князь Севарсемидзе съ полковыми тяжестями пришелъ изъ Судагента въ Эчмiадзинъ. Нѣсколько разъ во время его движенiя непрiятель атакывалъ его, но не успѣлъ ни повредить обозовъ, ни остановить движенiе. На слѣдующiй день Бенкендорфъ былъ болѣе счастливъ: продовольствiе, хотя и въ незначительномъ количествѣ, нашлось, кажется, безъ боя. По крайней мѣрѣ это очевидно изъ послѣдующихъ его распоряженiй. «Нуждаясь въ продовольствiи», доноситъ онъ 15-го апрѣля Паскевичу, «я рѣшился идти на Сардаръ-Абадъ, что, по разпросамъ, въ 20-ти верстахъ отъ Эч-

*) Журналъ военн. дѣйств. съ 19 по 21 апрѣля 1827 г. См. прил. № 8.

«міадзина» *). Въ Эчміадзинѣ онъ оставилъ подѣ начальствомъ подполковника Волженскаго одинъ батальонъ Ширванскаго полка, 2 орудія, 273 человекъ слабыхъ и больныхъ **) и сотню казаковъ со всѣми тяжестями отряда, снабдивъ ихъ продовольствіемъ на 12 сутокъ, а выступающій отрядъ взялъ съ собою продовольствія на 4 сутки.

«До полученія сего рапорта», пишетъ Паскевичъ въ журналѣ военныхъ дѣйствій, «я тремя, въ разное время отправленными приказаніями, давалъ знать генераль-адъютанту Бенкендорфу о двухъ транспортахъ къ нему слѣдующихъ, предполагая, въ случаѣ недостатка продовольствія, для сближенія съ подвозами «отступить къ нашей границѣ» «нынѣ, по удаленію отъ мѣста происшествій, не будучи въ состояніи рѣшительно опредѣлить дѣйствія генераль-адъютанта Бенкендорфа, я ограничился извѣститъ его черезъ нарочныхъ, по разнымъ дорогамъ отправленныхъ, «о полученіи его рапорта и что, кромѣ двухъ уже выступившихъ транспортовъ, я употреблю всѣ средства, чтобы и третій транспортъ могъ прибыть въ Эчміадзинъ къ 10-му маю». Въ то же время Паскевичъ послалъ нѣсколько нарочныхъ къ подполковнику Волженскому въ Эчміадзинъ съ приказаніемъ держаться въ монастырѣ, ожидая прихода транспортовъ ***).

*) Донесеніе Бенкендорфа Паскевичу—изъ журнала исход. и вход. бумагъ штаба.

**) Тамъ же.

***) См. прилож. № 8.

Скорѣйшій приходъ транспортовъ былъ особенно желателенъ; обезпечивая Эчмиадзинъ продовольствіемъ, онъ одновременно значительно усиливалъ его гарнизонъ. Паскевичъ рассчитывалъ, что ко 2-му мая въ Эчмиадзинѣ сосредоточатся оба транспорта.

Утромъ 16-го апрѣля Бенкендорфъ выступилъ изъ Эчмиадзина къ Сардаръ-Абаду и, чтобы отвлечь вниманіе непріятельской куртинской кавалеріи, онъ послалъ по дорогѣ къ Эривани три роты Ширванскаго полка *). Въ 10-ти верстахъ впереди Сардаръ-Абада, Бенкендорфъ былъ встрѣченъ 1000 всадниками подъ начальствомъ самого Гассана-хана (брата сардаря эриванскаго). Пять сотенъ казаковъ (три—полка Карпова, а двѣ—Андреева), имѣя въ резервѣ двѣ роты Тифлискаго полка съ однимъ орудіемъ, шли въ авангардѣ отряда. Не ожидая атаки куртинцевъ, казаки авангарда подъ начальствомъ полковника Карпова и флигель-адъютанта графа Толстого бросились и смяли непріятельскую кавалерію. Къ вечеру того же дня преслѣдованіе бѣгущихъ куртинцевъ привело отрядъ подъ Сардаръ-Абадскія стѣны. При этой стычкѣ потеря непріятели была довольно значительна: до 100 человекъ убитыхъ и раненыхъ, да взяты въ плѣнъ Исмаилъ ханъ Айрюмскій и племянникъ куртинскаго аги—Гуссейнъ **).

*) Эти роты, дѣйствительно, по дорогѣ въ Эривань были атакованы куртинцами и черезъ два дня возвратились въ Эчмиадзинъ (Журналъ военныхъ дѣйствій 1827).

**) Всеподданнѣйшее донесеніе Дибича и журналъ Паскевича, см. въ прилож. № 9.

Нельзя не признать вмѣстѣ съ Бенкендорфомъ, что стычка подъ Сардаръ-Абадомъ могла имѣть нѣкоторое вліяніе на настроеніе непріятели. Гассанъ-ханъ въ 1808 году отбилъ штурмъ кр. Эривани гр. Гудовича, это покрыло его славою въ средѣ мѣстнаго мусульманскаго населенія, затѣмъ и куртинская кавалерія считалась почему-то непобѣдимую и первый надъ казаками успѣхъ ея у селеній Ай-гланлы, увеличенный молвою, еще болѣе укрѣпилъ убѣжденіе въ непобѣдимости куртинцевъ. Конечно, при подобныхъ увлеченіяхъ видъ бѣгущихъ куртинцевъ, съ Гассаномъ во главѣ, имѣлъ, вѣроятно, для персіянь назидательное до извѣстной степени значеніе.

Всю ночь съ 16-го на 17-е апрѣля Бенкендорфъ пятью орудіями обстрѣливалъ Сардаръ-Абадъ; хотя польза этой пальбы казалась сомнительною, тѣмъ не менѣе Бенкендорфъ черезъ лазутчиковъ получилъ свѣдѣніе, что въ крѣпости повреждено нѣсколько зданій. Затѣмъ не было и причинъ оставаться подъ Сардаръ-Абадомъ: окрестныя селенія были пусты, зарытаго въ землѣ зернового хлѣба найдено было не много, а вода въ равнинахъ сардаръ-абадскихъ была отведена непріятеlemъ, къ тому же и дровъ нигдѣ не находилось. Отрядъ, 17-го, потянулся обратно въ Эчміадзинъ *).

Передъ выступленіемъ Бенкендорфъ послалъ князя Севарсемидзе съ однимъ батальономъ Ширванскаго полка и двумя ротами Тифлискаго при 3-хъ орудіяхъ и ка-

*) См. прилож. № 9.

зачѣмъ полку Андреева къ границѣ Карскаго пашалыка на лѣвый берегъ р. Арпачая. Севарсемидзе предстояло самому извѣдать до какой степени неудобно полагаться на дружбу и обѣщанія турецкихъ пашей. Простоявъ нѣсколько дней въ опустѣломъ мѣстечкѣ Гапаванко (на р. Арпачаѣ), онъ, основываясь на данныхъ ему обѣщаніяхъ, тщетно добивался отъ карскаго паши разрѣшенія закупать хлѣбъ и скотъ въ Карскомъ пашалыкѣ. Паша отговаривался эрзерумскимъ сераскиромъ, который въ свою очередь увѣрялъ, что безъ сношенія съ Константинополемъ онъ не въ правѣ оказывать содѣйствіе и помощь какой-либо изъ воюющихъ сторонъ. Севарсемидзе вернулся въ Эчміадзинъ, утративъ всякую надежду на закупку провіанта въ Азіатской Турціи.

21-го апрѣля Дибичъ, донося Государю о стычкѣ Бенкендорфа подъ Сардаръ-Абадомъ, пишетъ: «напуганная непріятельская кавалерія бѣжала, оставя безъ защиты путь къ Арагвѣ, куда отрядъ полковника князя Севарсемидзева безопасно пройти можетъ. Симъ дѣломъ вошли опять въ прежнее положеніе и экспедиція генералъ-адъютанта Бенкендорфа не совершенно осталась безуспѣшна. Вѣроятно, что князь Севарсемидзевъ прибылъ къ турецкой границѣ съ малымъ числомъ войскъ и, будучи весьма почитаемъ карскимъ пашею, на котораго и одержанныя нами выгоды сдѣлаютъ впечатлѣніе, найдетъ возможнымъ закупить съѣстные припасы и доставить оные въ Эчміадзинъ» *).

*) Тамъ же.

не довѣряя дружбѣ карскаго паши, былъ доволенъ полученнымъ имъ свѣдѣніемъ о томъ, что 18-го апрѣля утромъ первый его транспортъ двигался между Амамлами и Памбою, т. е. приблизительно въ 60-ти верстахъ отъ Эчміадзина. Слѣдовательно не было сомнѣнія, что онъ дойдетъ до назначенія дней черезъ пять или шесть, а на это время продовольствія въ Эчміадзинѣ, по полученнымъ отъ Бенкендорфа донесеніямъ, оказывалось въ достаточномъ количествѣ.

Дибичъ собирался тогда выѣхать изъ Тифлиса; онъ хотѣлъ поспѣть къ маневрамъ подъ Вязмою (Государь предполагалъ ихъ назначить къ 15 мая). Но передъ отъѣздомъ онъ послалъ Государю нѣсколько донесеній, не имѣющихъ особаго значенія. Но притомъ нельзя, однако, не замѣтить, что отношенія его къ Паскевичу, какъ это видно изъ всеподданнѣйшихъ его донесеній, рѣшительно измѣнились. Сомнѣнія относительно способностей Паскевича стоятъ во главѣ управленія краемъ и отдѣльнаго корпуса уже ни въ чемъ не проявлялись, напротивъ, въ немъ возродилась полная увѣренность въ успѣшности какъ первыхъ начинаній, такъ и дальнѣйшихъ дѣйствій Ивана Федоровича.

Донесенія Дибича за это время мало касаются главныхъ и существенныхъ распоряженій, дѣлаемыхъ Паскевичемъ, въ виду уже начавшейся кампаніи. Такъ, напримѣръ, о распоряженіяхъ по продовольствію отряда лѣваго фланга и по устройству транспортовъ черезъ Гирюсы къ Нахичевани, Дибичъ ограничивается донесеніемъ, что «Паскевичъ, несмотря на свое усердіе, нѣсколько затруд-

«няется недостаткомъ продовольствія и перевозочныхъ средствъ на лѣвомъ флангѣ но я «не сомнѣваюсь, что при его усердіи и при направленіи «имъ данномъ, все будетъ въ достаточномъ количествѣ «для движенія къ Тавризу». При описаніи дѣйствій Бенкендорфа въ Эриванской области, Дибичъ, кажется, руководствовался журналомъ военныхъ дѣйствій, только перемены по личному составу обращали, повидимому, его особенное вниманіе. Такъ онъ доноситъ Государю, что генераль-адъютантъ Паскевичъ, назначая князя Абхазова правителемъ Карабага, Шекинской и Ширванской провинцій, имѣетъ въ виду впослѣдствіи, когда онъ съ главными силами двинется къ Нахичевани и Тавризу, назначить его начальникомъ лѣваго отряда, такъ какъ генераль Панкратьевъ съ бригадой 20-й дивизіи присоединится въ Нахичевани къ главнымъ силамъ. Для будущей осады Эривани Дибичъ предложилъ Паскевичу выписать гр. Мишо, бывшаго сослуживца Паскевича еще въ Турціи при Прозоровскомъ и Багратионѣ. Донося Государю о предположеніяхъ своихъ относительно гр. Мишо, Дибичъ прибавляетъ, что генераль Паскевичъ «на назначеніе сіе изъявилъ совершенное согласіе». Именно это изъявленіе согласія Паскевичемъ на назначеніе Мишо, хотя онъ самъ ничего о томъ не пишетъ Государю, даетъ нѣкоторое основаніе предполагать, что Паскевичъ, занятый дѣлами края и приготовленіями къ военнымъ дѣйствіямъ, не всегда обращалъ вниманіе на измышленія Дибича, но соблюдалъ только въ отношеніяхъ съ нимъ изысканную лю-

безность и уступчивость на словахъ. Паскевичъ зналъ, что гр. Мишо боленъ; будучи съ нимъ въ постоянной перепискѣ, онъ зналъ, что Мишо ѣдетъ за границу лѣчиться отъ серьезной болѣзни *).

За увольненіемъ Вельяминова 2, мѣсто начальника корпуснаго штаба не было замѣщено. Дибичъ писалъ, что Паскевичъ «временно препоручилъ» исправленіе этой должности генералу Красовскому и что полковникъ Муравьевъ, оставаясь при немъ помощникомъ, «когда пріобыкнетъ къ дѣламъ сему званію присвоеннымъ», будетъ назначенъ начальникомъ штаба, а генералъ-лейтенантъ Красовскій возвратится къ командованію дивизіею. «Однако», прибавляетъ Дибичъ, «сіе «полагаю возможнымъ сдѣлать только послѣ войны или «по крайней мѣрѣ не прежде окончанія хотя весенней «кампаніи». Предположенія Дибича не оправдались. Паскевичъ почти въ первые же дни своего вступленія въ Эриванскую область, какъ мы увидимъ впоследствии, предоставилъ Красовскому новую дѣятельность. Одновременно съ перемѣнами по личному составу военнаго вѣдомства, при Паскевичѣ образовывается дипломатическій штатъ. Гр. Нессельроде, вступая съ вновь назначеннымъ начальникомъ Кавказскаго края въ официальные сношенія, частнымъ письмомъ отъ 23-го апрѣля сообщалъ о прикомандированіи къ нему д. с. с. Обрескова **) для исправленія должности начальника канцеляріи по сно-

*) См. письма гр. Мишо къ Паскевичу, прилож. № 10.

**) Письмо гр. Нессельроде къ Паскевичу. См. прилож. № 11.

шеніямъ внѣшнимъ. Передъ тѣмъ, отношеніемъ отъ 19-го апрѣля за № 521, Нессельроде, увѣдомляя Паскевича о попыткахъ персидскаго министерства вступить съ нашимъ правительствомъ въ мирные переговоры, назначалъ Обрескова однимъ изъ уполномоченныхъ «для заключенія мирнаго трактата съ Персією» *). Нессельроде намѣтилъ въ томъ же отношеніи и главныя основанія будущихъ мирныхъ переговоровъ. «Араксъ», писалъ онъ, «начиная отъ Едибулакскаго брода, долженъ «впредь отдѣлять Россійскую Имперію отъ Персіи»; притомъ Нессельроде просилъ Паскевича не допускать вмѣшательства англичанъ въ наши мирные съ персидскимъ правительствомъ переговоры. Паскевичъ, отвѣчая Нессельроде, выразилъ сомнѣніе въ искренности мирнаго настроенія персіянъ, тѣмъ не менѣе, обсуждая условія мирнаго договора, писалъ о необходимости возстановить въ полной силѣ § IV Гюлистанскаго договора относительно правъ Аббаса-мирзы на престолонаслѣдіе Персіи. «Съ 1817 года до начала настоящей войны персіяне «постоянно упрекали Аббаса-мирзу въ приверженности «къ англичанамъ, которые помогали ему деньгами, «оружіемъ и инструкторами для его арміи, тогда какъ «мы отказывались даже титуловать его по праву, данному «ему волею его отца, и притомъ вопреки признанію этого «титула трактатомъ» (Гюлистанскимъ). Въ то же время, по просьбѣ Паскевича, надв. совѣтн. Грибоѣдовъ былъ

*) Приводимая переписка Паскевича съ Нессельроде почерпнута изъ тома III. Актовъ Кавк. Арх. Комм.

прикомандированъ къ нему въ качествѣ чиновника министерства иностранныхъ дѣлъ. «Все, что вы для него «сдѣлаете (Грибоѣдова)», писалъ тогда Паскевичъ Несельроде, «я вмѣню себѣ въ личное одолженіе..... «на первыхъ порахъ прошу убѣдительно назначить ему «жалованье, которое обезпечивало бы его при нынѣшнихъ военныхъ издержкахъ». Не одно только чувство свойства побуждало Паскевича хлопотать за Грибоѣдова: справедливая оцѣнка его способностей и польза, которую Грибоѣдовъ въ послѣдствіи, при переговорахъ съ Аббасомъ-мирзою, принесъ дѣлу, болѣе чѣмъ оправдываютъ покровительство Паскевича.

Дибичъ хотѣлъ дожидаться сбора главныхъ силъ въ Шулаверѣ, чтобы, осмотрѣвъ ихъ, выѣхать обратно въ Россію. Но, согласно донесенію его Государю отъ 26-го апрѣля, войска, которыя онъ полагалъ осмотрѣть по сборѣ главныхъ силъ въ Шулаверѣ, почти всѣ уже были осмотрѣны имъ въ разное время при слѣдованіи ихъ черезъ Тифлисъ. Такъ онъ осмотрѣлъ всю 20-ю пѣхотную дивизію съ ея артиллеріею, Нижегородскій драгунскій полкъ и полки уланской дивизіи. Донесенія о произведенныхъ имъ смотрахъ намъ кажутся мало назидательными. Вниманіе Дибича сосредоточивалось, повидимому, только на одиночной «выправкѣ» и равненіи при прохожденіи церемоніальнымъ маршемъ. Даже обученіе специальныхъ войскъ, какъ напримѣръ піонеровъ (8-й піонерный и роты 6-го и 7-го піонерныхъ батальоновъ), онъ оцѣнивалъ исключительно по «выправкѣ», по церемоніальному маршу и по щеголеватости пригонки

мундировъ; между тѣмъ эти піонеры шли тогда для осады Эривани и, конечно, тамъ не одна только ихъ «одиночная выправка» оказалась бы полезною для дѣла. Читая его донесенія о произведенныхъ имъ смотрахъ, легко предположить, что піонеры и пѣхота, артиллерія и кавалерія имѣютъ въ бою совершенно одинаковый способъ дѣйствія. Ото всѣхъ требовались только: «одиночная выправка», ровный и твердый шагъ, равеніе при прохожденіи церемоніальнымъ маршемъ и щеголеватая пригонка мундировъ. Осматривая артиллерію, Дибичъ ни разу не освѣдомился (какъ это всегда дѣлалъ Паскевичъ) о результатахъ практической стрѣльбы; онъ, повидимому, не хотѣлъ даже и знать, производились ли такого рода спеціальныя занятія въ кавказской артиллеріи. Впрочемъ, относительно кавалеріи и артиллеріи программа его смотровъ нѣсколько измѣнялась: онъ опредѣлялъ состояніе лошадей, ихъ выкормленность и отчасти выѣздку—и опять-таки только по церемоніальнымъ маршамъ.

Наконецъ, 30-го апрѣля Паскевичъ заноситъ въ журналъ военныхъ дѣйствій: «сего числа отправился «отсюда въ Россію начальникъ главнаго штаба Вашего «Императорскаго Величества» *).

Паскевичъ еще въ первыхъ числахъ апрѣля принялъ дѣятельныя мѣры для образованія, какъ онъ выражался, „подвижныхъ магазиновъ“. На лѣвомъ флангѣ онъ

*) То же извѣстіе помѣщено въ Тифлисскихъ Вѣдомостяхъ за апрѣль 1827 года.

предполагалъ сосредоточить магазины въ Гирюсахъ, предназначая отправить ихъ оттуда въ Нахичевань. Общія его по сему предмету распоряженія уже намъ извѣстны. На правомъ флангѣ подвижные магазины должны были направиться въ Эчмиадзинъ, для чего въ Шулаверѣ образовывался транспортъ приблизительно въ 1000 арбъ. Для сбора быковъ шулаверскаго транспорта, 5-го апрѣля, Паскевичъ, не довѣряя комиссаріату, рассылаетъ въ Кахетію, Самхетію, въ Борчалинскую, Карталинскую и Казахскую дистанціи гвардейскихъ офицеровъ, но еще въ половинѣ апрѣля сосредоточеніе подвижныхъ средствъ, а въ особенности подвозъ запасовъ въ Шулаверы, производились такъ медленно, что Паскевичъ въ журналахъ военныхъ дѣйствій отъ 14-го апрѣля пишетъ: «время общаго движенія нельзя рѣшительно опредѣлить «по неготовности транспортовъ»».

Не высказывая общаго плана, задуманнаго имъ для снабженія продовольствіемъ дѣйствующихъ отрядовъ, Паскевичъ въ распоряженіяхъ своихъ выясняетъ однако его весьма, какъ намъ кажется, опредѣлительно. Вся заготовка астраханская *) сплавляется по Курѣ въ Сардобъ, оттуда перевозится на волахъ въ гирюсанскій магазинъ. Въ Сардобѣ и Гирюсахъ сосредоточивались транспорты приблизительно въ 1.000 арбъ. Всѣ подвижныя средства областей Шекинскои, Шир-

*) Комитетъ, учрежденный въ Астрахани для перевозки, доносить, что 10-го апрѣля въ Баку отправлено 10.547 четвертей муки, 944 четверти крупъ, 5.000 четверт овса, 12.600 пудовъ пороху и 1.200 пуд. инженернаго инструмента (журналъ военн. дѣйствій 1827 года).

ванской, Бакинской, Кубинской и Карабагской, а также хлѣбные запасы сосредоточивались постоянно въ Сардобѣ, а затѣмъ тянулись къ Гирюсамъ. Подвижныя средства означенныхъ магазиновъ разсчитаны были на подъемъ въ одинъ разъ 8 т. четвертей. Изъ Гирюсъ транспорты должны были слѣдовать къ Нахичевани, какъ только главныя силы займутъ этотъ городъ. На правомъ флангѣ, въ Шулаверахъ, сосредоточивались запасы и подвижныя средства Грузіи, Кахетіи, Борчалинской, Казахской, Самхетской и Шамшадильской дистанцій, а затѣмъ на 1.000 арбахъ направлялись въ Эчміадзинъ, гдѣ образовывался главный пунктъ снабженія праваго фланга.

Въ концѣ апрѣля, вслѣдъ за двумя вьючными транспортами, направленными Паскевичемъ къ Бенкендорфу, выслано изъ Шулаверъ къ Бенкендорфу же 700 четвертей на вьюкахъ; но еще подвижной магазинъ на 1.000 арбъ не былъ готовъ. Сила подъема за одинъ разъ на правомъ флангѣ была приблизительно одинакова съ расчетомъ силы подъема транспортовъ лѣваго фланга. Вся осадная артиллерія, составляя отдѣльный транспортъ, слѣдовала на правый флангъ къ Эчміадзину за подвижнымъ магазиномъ. Въ началѣ апрѣля только осадныя орудія безъ лафетовъ, отправленныя изъ Россіи, достигли Гудауръ*).

Въ концѣ апрѣля главныя силы стали сосредото-

*) Самое высоекое мѣсто (нынѣ станція) въ горахъ по дорогѣ изъ Владикавказа въ Тифлисъ.

ваться у Шулаверъ, куда 13-го мая прибылъ и Паскевичъ. Горныя дороги черезъ Акзбіукскую гору отъ дождей испортились до того, что первый транспортъ изъ числа 1000 арбъ, выступившій изъ Шулаверъ 24-го апрѣля, прибылъ въ Джелаль-Оглу только 4-го мая, т. е. 56 верстъ въ 10 дней. Генераль-маіоръ князь Вадбольскій, командированный Паскевичемъ «для командованія войсками главныхъ силъ выступающихъ въ Джелаль-Оглу и для ускоренія слѣдованія транспортовъ» *), 6-го мая доносилъ, что по дорогѣ во многихъ мѣстахъ «грязи на $\frac{1}{2}$ аршина», что волы отъ дурной дороги приходятъ въ изнуреніе, портятъ ноги и заболѣваютъ. Вообще транспорты не были въ состояніи идти въ сутки болѣе 3-хъ или 5-ти верстъ. При такомъ положеніи дорогъ Паскевичъ рассчитывалъ, что послѣднія арбы изъ числа 1000 придутъ въ Джелаль-Оглу не ранѣе 16-го мая. «Если я найду», пишетъ онъ въ журналѣ военныхъ дѣйствій, «средства на 40 дней взять провіантъ (а съ меньшимъ числомъ нельзя идти), то я 20-го мая выступлю изъ Джелаль-Оглу». 11-го мая изъ Шулаверъ выступили л.-гв. сводный и Крымскій пѣхотные полки, вся пѣшая артиллерія, 1 батальонъ 7-го карабинернаго полка, 8-й пѣхотный батальонъ, инженерный паркъ. Кавалерія выступила 15-го числа. Севастопольскій полкъ былъ оставленъ на время въ Шулаверахъ для заготовки сухарей на весь отрядъ.

*) Журналъ военн. дѣйствій съ 12-го по 15-е число мая 1827 г. (Военно-учен. арх. № 2438 (А) лл. 100—102).

Между тѣмъ, безпрестанные дожди все болѣе и болѣе портили дороги, движеніе транспортовъ до того затруднилось, что Паскевичъ 21-го мая, направивъ отрядъ на Безобдаль, остается въ Джелаль-Оглу, торопя распоряженіями на мѣстѣ какъ по движенію транспортовъ, такъ и по заготовкѣ сухарей, «коихъ», писалъ Паскевичъ, «имѣется 2.800 четвертей, тогда какъ мнѣ нужно 6.000». Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ послалъ въ Амамлы 39-й и 40-й Егерскіе полки «для прикрытія двигающейся туда головы транспортовъ». Всѣ транспорты были раздѣлены на два подвижные магазина, — первый состоялъ изъ 600 арбъ, второй изъ 500 (первый былъ нагруженъ слишкомъ 4.000 четвертями, а именно: 3.834 провіанта и 244 четв. ячменя). Въ Джелаль-Оглу, послѣ перехода черезъ Акзбіукскую гору, транспорты пришли совершенно разстроенными, «по мѣрѣ же ихъ сформированія», пишетъ Паскевичъ, «оныя начали 23-го числа переправляться черезъ Безобдаль». 27-го мая первый магазинъ перешелъ Безобдальскій переваль и Паскевичъ выѣхалъ въ Гирюсы. 4-го іюня Паскевичъ съ авангардомъ силъ подошелъ къ урочищу Судагентъ, а 8-го утромъ выступилъ въ Эчміадзинъ *).

Прежде чѣмъ излагать военныя дѣйствія со времени прибытія Паскевича въ Эчміадзинскій монастырь, необходимо, намъ кажется, представить хотя краткій очеркъ дѣйствій отряда Бенкендорфа за послѣднюю половину

*) Журн. военн. дѣйств. съ 16-го мая по 13-е іюня 1827 г. Тамъ же, лл. 103—121.

апрѣля, а также и тѣ болѣе или менѣе достовѣрныя свѣдѣнія, которыя Паскевичъ успѣлъ добыть о персидской арміи, выступая въ Эриванскую область.

Бенкендорфъ, возвратясь въ Эчміадзинъ послѣ удачнаго дѣла подъ Сардаръ-Абадомъ, рѣшился блокировать Эривань. Оставя въ Эчміадзинѣ два батальона подѣ начальствомъ подполковника Волженскаго, онъ вышелъ съ отрядомъ изъ Эчміадзина утромъ 23-го апрѣля, а къ вечеру сталъ бивуакомъ на берегу рѣчки Занги.

На другой день (24-го апрѣля), перейдя въ бродъ р. Зангу, отрядъ продолжалъ движеніе на юго-восточную сторону Эривани. Въ этомъ направленіи, верстахъ въ трехъ отъ города, въ заброшенномъ селеніи, засѣло приблизительно 500 человекъ спѣшенныхъ куртинцевъ. Двѣ роты Грузинскаго гренадерскаго полка, встрѣченныя ихъ выстрѣлами, бросились въ селеніе и, штыками его очистивъ, преслѣдовали непріятеля до близлежащей высоты. Но какъ только гренадеры заняли эту высоту, изъ Эривани вышелъ батальонъ сарбазовъ и рассыпался по опушкѣ садовъ, прилегающихъ къ позиціи гренадеръ, а изъ крѣпостныхъ орудій непріятель открылъ сильную пальбу. Поддержанные стрѣлками своего полка и 7-го карабинернаго, гренадеры атаковали сарбазовъ и вынудили ихъ поспѣшно отступить въ крѣпость. Въ это время непріятельская кавалерія занимала высоты по дорогѣ къ Нахичевани;ждавши окончанія боя и не рѣшившись вступить въ дѣло, она скрылась за холмами Нахичеванской равнины. Въ ночь съ 24-го на 25-е число 2-й батальонъ Ширванскаго и 2 роты 7-го кара-

бинернаго полковъ съ шестью орудіями. перейдя р. Зангу, заняли Иракліеву гору, откуда хорошо обстрѣливались и городъ, и крѣпостные верки. Какъ счастливому предзнаменованію войска отряда радовались, когда утромъ первый выстрѣлъ съ Иракліевой горы сбиль въ амбразуру одно крѣпостное орудіе. Въ тотъ же день, въ 4 часа пополудни, два батальона сарбазовъ, съ двумя или тремя сотнями кавалеріи скрытно пробравшись садами, снова атаковали юго-восточную высоту, занятую стрѣлками Грузинскаго гренадерскаго и 7-го карабинернаго полковъ. Стрѣлки, несмотря на внезапность и энергію непріятельскаго натиска, успѣли удержать позицію, а двѣ роты 7-го карабинернаго полка, ударивъ въ тылъ непріятеля, положительно перебили всѣхъ дѣйствовавшихъ на ихъ пути наступленія сарбазовъ (больше ста человѣкъ). Непритель, отступивъ, занялъ крѣпкую позицію въ садахъ за канавами. Грузинскій гренадерскій полкъ и батальонъ 7-го карабинернаго полка, имѣя во главѣ начальника отряднаго штаба полковника Гурко, несмотря на пушечные выстрѣлы изъ крѣпостныхъ верковъ и на вывезенные изъ Эривани фальконеты, быстро овладѣлъ позиціею непріятеля и персіяне обратились въ бѣгство, «оставя», какъ пишетъ Бенкендорфъ въ своемъ донесеніи, «множество тѣлъ на мѣстѣ». Гренадеры до такой степени увлеклись преслѣдованіемъ непріятеля, что съ валовъ крѣпости «открыли по нимъ ружейный огонь» *).

*) Донесенія Бенкендорфа въ вышеуказанныхъ журн. военн. дѣйствій.

Кавалерія Гассанъ-хана и на этотъ разъ наблюдала за боемъ съ высотъ, окружающихъ Эриванъ, но атаковать русскій отрядъ не рѣшилась. «Всѣ сады» (юго-восточной стороны), доносилъ Бенкендорфъ, «заняты нашими стрѣлками, а Иракліева гора двумя ротами 7-го «карабинернаго полка съ четырьмя орудіями».

26-го числа маіоръ Юдинъ, занявъ съ пятью ротами Ширванскаго полка и четырьмя орудіями сѣверное предмѣстье, устроилъ тамъ батареи; «непріятель», доноситъ Бенкендорфъ, «производилъ по нимъ пушечную и ружейную пальбу, но безъ вреда. Кавалерія не-«пріятельская, занимавшая форштатъ, удалилась въ горы, на коихъ видны пикеты оной; говорятъ, что сардаръ «ушелъ отъ крѣпости». 27-го числа остальными ротами Ширванскаго полка и Тифлисцами, подъ начальствомъ маіора Волженскаго, занятъ былъ восточный форштатъ. Такимъ образомъ обложеніе кр. Эривани было закончено.

30-го апрѣля Гассанъ-ханъ пытался войти въ сообщеніе съ крѣпостью, для чего выслалъ 200 человекъ своей кавалеріи на восточную сторону блокаднаго расположенія; одновременно и въ томъ же направленіи однимъ батальономъ сарбазовъ произведена была вылазка изъ крѣпости. Предпріятіе Гассана-хана не удалось: 7-й карабинерный полкъ отразилъ и кавалерію, и сарбазовъ.

Около того же времени къ Бенкендорфу явился Келболай-султанъ, старшина Шадинскаго племени, состоявшаго изъ 300 семействъ, съ просьбою о принятіи ихъ подъ покровительство Русскаго Государя. Они

жили въ селеніи Верди, а теперь собрались, какъ выражался ихъ старшина, «въ крѣпкое мѣсто», въ трехъ часахъ ѣзды отъ Эривани, къ сторонѣ Нахичевани. Келболай-ханъ объявилъ Бенкендорфу, что шади́нцы скорѣе готовы драться съ персіянами, чѣмъ по ихъ требованію переселиться за Араксъ. Обстоятельство это имѣло важное значеніе,—очевидно, что персіяне рассчитывали, обезлюдивъ пути наступленія нашихъ войскъ, значительно затруднить движеніе отрядовъ. По опыту изъ предшествующихъ войнъ, они не предполагали значительныхъ транспортовъ въ тылу нашей армии,—слѣдовательно, отсутствіе населенія и мѣстнаго продовольствія лучше сарбазовъ могло защитить шахскія владѣнія. Незначительныя, но постоянныя стычки съ кавалеріею (почти исключительно иррегулярною) должны были способствовать веденію войны, въ которой расчетъ успѣха основывался не столько на боевыхъ столкновеніяхъ, сколько на утомленіи двигающихся съ недостаточнымъ продовольствіемъ отрядовъ въ безлюдной пустынѣ подъ палящимъ лѣтнимъ солнцемъ. Въ этихъ видахъ, братъ сардаря эриванскаго, Гассанъ-ханъ, во главѣ куртинцевъ, насильно угналъ армянское осѣдлое населеніе за Араксъ. Но этимъ еще не вполне достигалась данная цѣль: оставались кочевыя мусульманскія племена съ значительными стадами, а иногда и съ запасами зернового хлѣба, добытаго мѣною или разбосемъ. Гассанъ-ханъ относительно этихъ поселеній не рѣшался употребить насиліе, по крайней мѣрѣ насиліе надъ кочевниками-мусульманами допускалось персіянами изрѣдка,

въ исключительныхъ случаяхъ, и только надъ нѣкоторыми племенами. Обыкновенно рассчитывали на религиозный ихъ фанатизмъ; но у народовъ-кочевниковъ онъ проявляется вообще крайне слабо и привязанность къ роднымъ для нихъ мѣстностямъ можетъ быть заглушена временно только страхомъ передъ наступающимъ врагомъ, всегда, въ воображеніи ихъ, кровожаднымъ и жестокимъ. Примѣръ шадинцевъ несомнѣнно долженъ былъ повліять на перекочевавшихъ за Араксъ эриванскихъ кочевниковъ. Цѣлое карапахское племя со старшиной своимъ Наги-ханомъ находилось тогда въ окрестностяхъ Сардаръ-Абада, затѣмъ въ сторонѣ озера Гокчи бродили еще кочевники разныхъ племенъ. Носились слухи, что изъ-за Аракса 20.000 персидской кавалеріи будетъ выслано для угона ихъ за Араксъ. Молву эту, вѣроятно, не безцѣльно распускалъ самъ Гассанъ-ханъ.

1-го мая въ Эчмиадзинъ пришелъ 2-й транспортъ, высланный Паскевичемъ; отрядъ Бенкендорфа былъ вполне обеспеченъ продовольствіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ нему присоединились два Черноморскіе казачьи полка, на лошадяхъ которыхъ былъ навьюченъ провіантъ. Лошади черноморцевъ пришли въ отличномъ состояніи, переходы были малые, а подножные кормы обильны, — полки могли, слѣдовательно, немедленно принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Между тѣмъ Гассанъ-ханъ постоянно являлся съ кавалеріею въ окрестностяхъ отряднаго лагеря, избѣгая сколько-нибудь серьезныхъ столкновеній и съ очевидною цѣлью только беспокоить и утомлять наши войска. Не разъ Бенкендорфъ ста-

рался завязать съ нимъ дѣло, но Гассанъ-ханъ, поспѣшно отступая, всегда почти избѣгалъ столкновений. Наконецъ, 7-го мая, Гассанъ-ханъ, съ отрядомъ приблизительно въ 4 т. человекъ, сталъ лагеремъ у устья рѣки Занги, упираясь правымъ флангомъ въ Араксъ, а въ тылу имѣя р. Абаранъ. 8-го мая поручикъ Коцебу, производя рекогносцировку, почти подѣзжалъ къ его лагерю. Въ тотъ же день вечеромъ Бенкендорфъ съ 1200 казаками и двумя ротами при одномъ орудіи выступилъ изъ лагеря, ночью прошелъ селеніе Улаханлу, а къ утру подошелъ къ устью р. Занги. За рѣкой стоялъ отрядъ Гассана-хана. Поляя еще весеннія воды р. Занги заставили Бенкендорфа, двигаясь вверхъ по лѣвому берегу, искать брода. Вблизи у деревни Сарбанлатки, Бенкендорфъ, перейдя рѣчку въ бродъ, двинулся на лѣвый флангъ непріятеля. Гассанъ-ханъ поспѣшилъ отступить за р. Абаранъ, но во время движенія былъ застигнутъ смѣлою атакою черноморцевъ и донцовъ Бенкендорфа. Натискъ, казалось, былъ до того быстръ и рѣшителенъ, что отрядъ Гассана-хана, не успѣвъ выстроиться и застигнутый врасплохъ, бѣжалъ вверхъ по лѣвому берегу Аракса. Преслѣдованіе продолжалось на разстояніи 25 верстъ, причемъ потеря непріятеля, какъ доноситъ Бенкендорфъ, доходила ранеными и убитыми до 300 человекъ. Плѣнныхъ оказалось 54 человекъ; между ними находились беки хойскій и карапахскій и тесть сардаря эриванскаго, ага куртинскій. Подъ стѣнами Сардаръ - Абада остановилось преслѣдованіе Гассана-хана.

Бенкендорфъ на другой день возвратился въ лагерь подъ Эривань, а Гассанъ-ханъ расположился за Араксомъ у Бейбулаха; тамъ конница урамійскихъ и куртинскихъ племенъ усилила его отрядъ до 5 т. человекъ; но тѣмъ не менѣе Гассанъ-ханъ не рѣшался послѣ того перейти Араксъ и въ отрядѣ Бенкендорфа происходили только мелкія стычки съ кочевниками, не имѣвшія уже никакого боевого значенія.

Въ то время шелъ изъ Тавриза, направляясь къ Араксу черезъ Ардабадъ, Аббасъ-мирза съ арміею въ 40 т. человекъ. Полученное о томъ свѣдѣніе могло считаться достовернымъ. Затѣмъ у Худо-аферинскаго моста стояло 2 т. сарбазовъ съ двумя орудіями, у Асландуза 1000 чел. конницы, а на всѣхъ остальныхъ переправахъ около 6 т. человекъ. Таковы, кромѣ гарнизоновъ въ крѣпостяхъ, были приблизительно военныя силы непріятели.

Паскевича, при вѣздѣ въ Эчміадзинъ, встрѣтили карабахскіе аги, присланные правителемъ Карабаха княземъ Абхазовымъ съ извѣстіемъ о переходѣ 31-го мая въ русскія владѣнія Мехти-Кули хана Карабагскаго съ 3 т. семействами. вмѣстѣ съ ними явились и представители шадинцевъ, коихъ 10 человекъ выбѣжало изъ Сардаръ-Абада. Въ этой крѣпости, по ихъ показанію, гарнизонъ составлялся изъ 1000 человекъ сарбазовъ и 500 мазандеранскихъ стрѣлковъ, — на крѣпостныхъ валахъ было расположено 18 орудій, а продовольствія заготовлено на два мѣсяца.

На другой день, 9-го іюня, Паскевичъ рекогносцировалъ Эриванскую крѣпость и немедленно занесъ въ

журналъ военныхъ дѣйствій, что «она имѣеть двѣ вы-
 «сокія съ башнями стѣны, окруженныя снаружи довольно
 «глубокимъ ровомъ, узкое пространство между стѣнами
 «представляетъ тѣ же препятствія какъ и ровъ. Ору-
 «дія расположены въ закрытыхъ башняхъ внутренней
 «стѣны, наружная обороняется фальконетами и ружей-
 «нымъ огнемъ изъ бойницъ въ стѣнѣ и башняхъ». Гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ 2 тыс. сарбазовъ и
 приблизительно такого же числа иррегулярныхъ стрѣл-
 ковъ; по свѣдѣніямъ отъ лазутчиковъ, запасъ продо-
 вольствія рассчитанъ былъ на полгода. Крѣпость оказы-
 валась, какъ выражался Паскевичъ, «весьма крѣпкою»,
 но нравственное настроеніе гарнизона еще болѣе уси-
 ливало ея значеніе. Эриванскіе верки въ общемъ мнѣ-
 ніи персіянъ были несокрушимы и, казалось, что еще
 недавнее прошлое оправдывало это убѣжденіе. Не го-
 воря о неудачной попыткѣ князя Циціанова въ 1804 г.,
 въ Персіи и въ Эриванской области изъ памяти народ-
 ной тогда еще не изгладился неудачный штурмъ Эри-
 вани графомъ Гудовичемъ *). Въ 1808 году, въ ноябрѣ
 мѣсяцѣ, образовавъ послѣ двухмѣсячнаго бомбардиро-
 ванія въ стѣнахъ бреши, Гудовичъ повелъ войска на
 верки Эривани, и одна колонна уже достигла второй
 стѣны крѣпости, «но», какъ писалъ гр. Гудовичъ Го-
 сударю, «когда другія колонны были отбиты, то и сія
 «отретировалась» **).

*) Генералъ-фельдмаршалъ графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ (род.
 1741, † 1820 г.) былъ главнокомандующимъ на Кавказѣ съ 1806 по 1809 г.

**) Ақты Кавк. Архивн. Ком. Томъ II, XVIII.

Такимъ образомъ въ началѣ столѣтія два русскіе главнокомандующіе безуспѣшно пытались овладѣть Эриванью и Гассанъ-ханъ, братъ сардаря эриванскаго, бывшій въ 1808 году комендантомъ крѣпости, считался побѣдителемъ Гудовича. Подобнаго рода воспоминанія не могли не воодушевлять эриванскій гарнизонъ, тѣмъ болѣе, что тогда (въ 1808 году) Гудовичъ предпринялъ штурмъ Эривани, занявъ Нахичеванъ, покоривъ всю Эриванскую область и разбивъ у дер. Кара-Бага неприятельскую армію *), а теперь въ южной части области были вновь сооружены двѣ крѣпости (Аббасъ-Абадъ и Сардаръ-Абадъ) и носились слухи, что многочисленная персидская армія двигалась изъ Тавриза къ Араксу подъ предводительствомъ самого шаха.

Паскевичъ засталъ Бенкендорфа нѣсколько увлеченнымъ переговорами съ эриванскимъ комендантомъ Суанъ-Кули-ханомъ, который, окончательно не высказываясь, хотѣлъ, повидимому, войти съ начальникомъ блокады въ постоянныя сношенія.

Общая молва и самыя распоряженія сардаря эриванскаго въ настоящей кампаніи не внушали Паскевичу довѣрія въ искренности его ближайшаго помощника и подчиненнаго Суанъ-хана, но, не желая упустить, можетъ быть, удобный случай для овладѣнія крѣпостью безъ боя, онъ разрѣшилъ продолжать переговоры. Суанъ-Кули-ханъ, вѣроятно, не рассчитывая на скорый пріѣздъ Паскевича, объявилъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ

*) Въ сраженіи при Кара-Багѣ предводительствовалъ русскимъ отрядомъ генераль Неболсинъ (Тамъ же).

князю Севарсемидзе, что онъ «желалъ бы видѣть русскаго главнокомандующаго». Паскевичъ далъ ему знать о своемъ приѣздѣ — и къ немалому удивленію Бенкендорфа получился отвѣтъ уже не отъ коменданта, а отъ самого сардаря. «Коменданту Эривани», сказалъ сардаръ князю Севарсемидзе, «я разрѣшаю видѣться съ генераломъ Паскевичемъ, если дѣло не идетъ о сдачѣ крѣпости, въ «противномъ случаѣ это бесполезно, — ибо я крѣпости никогда не сдамъ». «Вслѣдствіе сего», пишетъ Паскевичъ, «я приказалъ прервать всякое сношеніе съ крѣпостью» *).

Между тѣмъ блокада Эривани становилась не подъ силу войскамъ, — лѣтнія жары начались, а съ ними водворились въ войскахъ и болѣзни. Паскевичъ пишетъ, что въ одинъ день въ Грузинскомъ гренадерскомъ полку, блокирующемъ Эривань, не въ предмѣстьи, а въ полѣ, заболѣло 240 человекъ. Батальоны начали рѣдѣть и уже не насчитывали подъ ружьемъ болѣе 400 человекъ. Притомъ и осадная артиллерія не была еще подвезена; только 26-го іюня она имѣла выступить изъ Тифлиса. Конечно, предварительно не пробивъ бреши, нельзя было предпринять и штурмъ крѣпости. Паскевичъ, вникнувъ въ дѣло, вмѣстѣ съ инженеръ-генераль-маіоромъ Трузсономъ и съ начальникомъ артиллеріи Унтилье, выяснилъ, что, для образованія въ стѣнахъ Эривани бреши, потребуется выпустить болѣе 3 т. выстрѣловъ изъ 20 батарейныхъ орудій. Казалось, что на это еще можно было бы рѣшиться, но въ виду лѣтняго зноя, утомляю-

*) Журналъ военныхъ дѣйствій отъ 9-го іюня 1827 г. .

шаго людей до истощенія силъ, предстояло на 20 дней задержать весь отрядъ подъ Эриванью, такъ какъ, для сбереженія здоровья людей, необходимо было бы ежедневно смѣнять войска блокады. Такимъ образомъ и при успѣшномъ исходѣ блокады движеніе къ Нахичевани пришлось бы отложить почти на мѣсяць. Помимо этихъ соображеній Паскевичъ имѣлъ еще въ виду, что магазинъ въ Джелаль-Оглу не былъ въ состояніи продовольствовать весь отрядъ въ теченіе мѣсяца и что всѣ запасы Грузіи, направленные на правый флангъ, были рассчитаны только для продовольствія 5 т. отряда, предназначеннаго остаться подъ Эриванью. Для главныхъ силъ продовольствіе должно было доставляться изъ Гирюсъ къ Нахичевани. «По сему предполагаю», писалъ Паскевичъ въ журналѣ военныхъ дѣйствій, «снять блокаду, стать въ горахъ въ мѣстахъ здоровыхъ, гдѣ было бы достаточно корма подножнаго и воды, и такъ, чтобы прикрывать сообщенія свои и имѣть возможность скоро поспѣть по надобности къ Эривани, Эчмиадзину и Сардаръ-Абаду». Это относилось только къ Эриванскому отряду, самъ Паскевичъ намѣревался съ главными силами спѣшить къ Нахичевани.

На другой день послѣ приѣзда Паскевича въ Эчмиадзинъ (т. е. 9-го іюня) Гассанъ-ханъ, съ 3 т. кавалеріи и батальономъ сарбазовъ перейдя Араксъ, подошелъ къ восточнымъ отрогамъ Алагезскихъ горъ. По свѣдѣніямъ лазутчиковъ, онъ намѣревался горами пробраться къ Башабаранскому ущелью на путь сообщенія отряда. Паскевичъ изъ Судагента послалъ уланскую бригаду

къ Башабарану и одновременно направилъ полковника Шипова со своднымъ гвардейскимъ полкомъ при 6-ти орудіяхъ и съ казачьимъ полкомъ Шамшева въ тылъ Гассанъ-хана, къ урочищу Толыши, къ мѣстности, гдѣ изъ Алагезскихъ горъ расходятся дороги. Шипову приказано было, если Гассанъ-ханъ не прошелъ еще Толыши, то при появленіи отряда немедленно атаковать его; если онъ уже двинулся къ Башабарану, то идти вслѣдъ за нимъ.

Утромъ 10-го іюня уланская бригада подошла къ Башабарану, а Шиповъ къ урочищу Толыши, но Гассанъ-ханъ нигдѣ не показывался. Узнавъ о движеніи Шипова, онъ отошелъ въ Каражасаръ, въ Алагезскія горы. Въ этотъ же день Аббасъ-мирза прислалъ Паскевичу письмо съ весьма уклончивыми предложеніями начать мирные переговоры. Паскевичъ, не отвѣчая ему, извѣстилъ о содержаніи письма гр. Нессельроде.

Рѣшившись идти къ Нахичевани, Паскевичъ приказалъ главнымъ силамъ стать въ лагерѣ по дорогѣ къ Нахичевани у р. Горничая въ 25-ти верстахъ отъ Эривани. Начальникомъ Эриванскаго отряда назначался генералъ-лейтенантъ Красовскій.

Составъ его отряда былъ слѣдующій:

пѣхота: 2 батальона Крымскаго пѣхотнаго полка
 2 » Севастопол. » »
 2 » 39 Егерскаго » »
 2 » 40 Егерскаго » »
 4 піонерныя роты.
 Итого 8 бат. и 4 роты піонеровъ.

Артиллерія: 20-я артиллерійск. бригада (всѣ три роты).
Донской казачьей артиллерійской роты
№ 3-й 2 орудія.

Итого 26 орудій.

Кавалерія: Донскіе казачьи полки Сергѣева и Ан-
дреева.

Итого 12 сотенъ.

Главныя силы, подъ личнымъ начальствомъ гене-
рала Паскевича, были раздѣлены на двѣ дивизіи и ре-
зервы.

1-я дивизія—генераль-маіоръ *князь Вадбольскій*.

Пѣхота: 2 батальона 7-го карабинернаго полка.
2 > Херсонскаго гренад. полка
(при нихъ армянск. ополченіе).

Итого 4 батальона.

Артиллерія: Кавказской гренад. арт. бриг. № 3-й рота.
Военно-артиллерійская № 13-й рота.

Итого 16 орудій.

Кавалерія: Борисоглѣбскій и Серпуховскій уланскіе
полки.

Итого 8 эскадроновъ.

Резервъ: полковникъ *Шиповъ*, т. е.

Лейбъ-гвардіи сводный полкъ.

2 роты 8-го піонернаго батальона.

Итого 2 батальона и 2 роты.

2-я дивизія — генераль-лейтенантъ князь *Эристовъ*.

Пѣхота: 2 батальона Ширванскаго полка.
 2 » Тифлискаго »
 2 » Грузинскаго гренадерскаго
 полка.

Итого 6 батальоновъ.

Артиллерія: Кавказской гренадерск. артиллер. бригады
 № 2-й легкая рота.
 Кавказской гренадерск. артиллер. бригады
 № 1-й батарейная рота.
 Донская казачья конно-артиллерійская
 рота № 3-й 10 орудій.

Итого 26 орудій.

Кавалерія: Нижегородскій драгунскій полкъ.

Итого 6 эскадроновъ.

Резервъ: Грузинскій гренадерскій полкъ.

Итого 2 батальона.

Казачьи полки: генераль-лейтенантъ *Иловайскій*.

1-й Иловайскаго.

2-й Карпова.

3-й Шамшева.

4-й Леонова.

1-й Черноморскій конный.

2-й Черноморскій конный.

Слѣдовательно въ Эриванскомъ отрядѣ было около
 3.200 человекъ пѣхоты, кавалеріи 1.200 человекъ, при

16-ти орудіяхъ, а въ главныхъ силахъ: 4.800 человекъ пѣхоты, регулярной кавалеріи 800 человекъ, иррегулярной 3.000 человекъ, при 26 орудіяхъ *).

Паскевичъ, оставляя Красовскаго подъ Эриванью, снабдилъ его подробною инструкціею. Разрѣшая продолжать блокаду Эривани только «пока жара не увеличится», онъ предписывалъ ему отступить къ Судагенту и по мѣрѣ потребленія подножнаго корма подаваться къ Башабарану. Эчміадзинъ долженъ былъ быть занятъ однимъ батальономъ съ командою казаковъ при 4-хъ орудіяхъ. Паскевичъ указывалъ даже разстановку на стѣнахъ монастырской ограды этихъ орудій: «два орудія поставьте по угламъ на стѣны, а два у во-ротъ для вылазокъ». Всѣ зданія, заборы, ограды, на ружейный выстрѣлъ отъ монастырскихъ стѣнъ, должны были быть сняты. Занимая позицію при Судагентѣ, или въ окрестностяхъ Башабарана, Красовскому поручалось сильными разъѣздами наблюдать за Эриванью и Сардаръ-Абадомъ и, въ случаѣ «оплошности» ихъ гарнизоновъ, нанести имъ «возможный вредъ». Наконецъ, если бы непріятель двинулся къ Эривани или къ Эчміадзину, то весь отрядъ, выступивъ къ нему на встрѣчу, обязанъ былъ атаковать его. «Если бы», писалъ Паскевичъ, «непріятель сдѣлалъ вторженіе въ наши границы, то «движеніемъ на тылъ его старайтесь устранить и по «возможности даже пресѣчь ему наступленіе». Въ лагерьхъ Паскевичъ предписывалъ Красовскому строить ре-

*) Журн. военн. дѣйствій отъ 15-го іюня. Военно-учен. арх. № 2438 (А).

дуть, чтобы, въ крайнемъ случаѣ, отрядъ могъ двинуться на-легкѣ, оставляя обозы въ укрѣпленіяхъ. Въ видахъ большей безопасности, Эчміадзинскій монастырь соединялся съ лагерями отряда дневными и ночными сигналами.

Въ Эчміадзинѣ Паскевичъ оставлялъ на весь отрядъ Красовскаго провіантъ по 1-е іюля (считая въ недѣлю по три полуфунта мяса на человѣка). Кромѣ того въ распоряженіе Красовскаго предоставленъ былъ транспортъ изъ 435 арбъ *), выступившій еще 31-го мая изъ Шулаверъ въ Джелалъ-Оглу. Красовскій, дѣйствуя по обстоятельствамъ, могъ его двинуть къ себѣ въ тылъ или направить въ Эчміадзинъ, «не упуская изъ виду», добавлялъ Паскевичъ въ своей инструкціи, «имѣть всегда «въ Эчміадзинѣ мѣсячное продовольствіе для гарнизона «и госпиталя». Въ Эчміадзинскомъ госпиталѣ въ то время больныхъ находилось не болѣе 150 человѣкъ, остальные, приблизительно 800 человѣкъ, были препровождены въ Джелалъ-Оглу и въ Шулаверы. Обезпечивъ Эчміадзинскій госпиталь вещами приблизительно на 800 человѣкъ, Паскевичъ тѣмъ не менѣе предписывалъ Красовскому въ лагеряхъ устраивать лѣтніе госпитали и затѣмъ больныхъ препровождать по возможности поспѣшно въ Джелалъ-Оглу. Эчміадзинскій госпиталь предназначался для больныхъ изъ главныхъ силъ.

*) Въ инструкціи Паскевича Красовскому грузъ этихъ 435 арбъ поименованъ такъ: «муки 1167 четвертей, сухарей 486 четвертей, крупъ 306 четверт. и ячменя 8-мичетвериковой мѣры 592 четверти». Транспортъ шелъ изъ Джелалъ-Оглу при батальонѣ Севастопольскаго пѣхотнаго полка.

Судя по инструкціи, Красовскому нельзя было сомнѣваться въ намѣреніи Паскевича, занявъ Нахичевань, идти за Араксъ къ Тавризу. «Осада Эривани», писалъ онъ въ инструкціи своей, «опредѣлится уменьшеніемъ «жаровъ и прибытіемъ осадной артиллеріи а «для усиленія отряда вашего и конвоированія осадной «артиллеріи назначаются два батальона Кабардинскаго «пѣхотнаго полка, оные придутъ въ Тифлисъ 17-го «іюля» *). Еще болѣе это выяснялось заботливостью Паскевича обезпечить отрядъ Красовскаго на осеннее время, причемъ предписывалъ ему входить по этому предмету въ непосредственныя сношенія съ генераль-адъютантомъ Сипягинымъ. Кромѣ направленныхъ въ тылъ Красовскому 435 арбъ, въ Шулаверахъ съ 14-го іюня нагружалось еще 300 казенныхъ арбъ, также предназначенныхъ слѣдовать въ Эриванскій отрядъ, а для покупки порціоннаго скота и, какъ сказано въ инструкціи, «для дальнѣйшаго продовольствія», помимо оставленныхъ въ распоряженіе Красовскаго денежныхъ суммъ въ золотѣ и серебрѣ **), ему предоставлялось сноситься съ Сипягинымъ. Собщеніе съ Грузіей Красовскому предписывалось содержать постоянно нарочными изъ татаръ и армянъ, «но въ случаѣ какихъ либо конвоирукъ», писалъ Паскевичъ, «посылайте въ Грузію команды всегда «въ значительномъ числѣ, дабы онѣ были обезопасены

*) Копію съ инструкціи генераль-адъютанта Паскевича генералу Красовскому см. въ прилож. № 12.

**) Кромѣ этихъ суммъ Паскевичъ выдалъ Красовскому на руки около трехъ тысячъ рублей золотомъ.

«отъ нападенія хищниковъ, въ Нахичевань же не отпра-
«вляйте командъ безъ особаго о томъ приказанія».

Въ той же инструкціи Паскевичъ предупреждалъ Красовскаго, что всѣ попытки къ переговорамъ сардаря эриванскаго, а въ особенности коменданта Эривани Суанъ-Кули-хана, имѣють лишь цѣлью отклонить начальника отряда отъ рѣшительныхъ мѣръ. «Лучше всего», добавлялъ Паскевичъ, «какъ можно меньше имѣть съ ними переговоровъ». Съ начальниками перешедшихъ къ намъ изъ-за Аракса мусульманскихъ племенъ «и вообще съ татарами» Паскевичъ предписывалъ Красовскому обходиться «ласково» и оказывать имъ всевозможное покровительство, но притомъ «строго смотрѣть, чтобы они не предавались разбоямъ». Вообще по управленію областью ближайшее участіе долженъ былъ принять армянскій архіепископъ Нарсесъ, которому Паскевичъ поручалъ обратить особое вниманіе на уборку хлѣба и поливаніе полей. Инженеръ-генераль-маіоръ Трузонъ оставался въ распоряженіи Красовскаго, какъ сказано въ инструкціи, «для производства во время осады инженерныхъ работъ, въ случаѣ же болѣзни вашей (Красовскаго), при семъ препровождается предписаніе на имя его, которое вы ему вручите вмѣстѣ съ симъ наставленіемъ для командованія отрядомъ».

19 іюня главныя силы двинулись къ Нахичевани. Жара доходила до 40°, раскаленная каменная почва затрудняла еще болѣе движеніе отряда. 21 іюня, отойдя 24 версты, главныя силы стали на рѣкѣ Видичаѣ, имѣя авангардъ въ деревнѣ Давалу. Селенія были пусты, но

поля и обширные луга были покрыты роскошною зеленью. На дневкѣ при Видичаѣ получено было извѣстіе, что Гассанъ-ханъ изъ Алагезскихъ горъ направился къ озеру Гокча съ намѣреніемъ наказать кочевья племена, принявшія руссійское подданство, а остальныхъ вывести за Араксъ. Паскевичъ немедленно послалъ къ озеру Гокчѣ одинъ батальонъ пѣхоты, уланскій полкъ и 7 сотенъ казаковъ при 6-ти орудіяхъ. Отрядъ не успѣлъ пройти и 15 верстъ какъ получено было извѣстіе, что Гассанъ-ханъ не двигался изъ Алагѣза, но что только кочевья, укрываясь отъ лѣтняго зноя, переходили отъ береговъ Гокчи въ горы. Тогда же значительная часть племенъ береговъ озера Гокчи, слѣдуя примѣру шадинцевъ, приняла русское подданство. Щедрая уплата за значительное количество порціоннаго скота, закупленнаго у нихъ по приказанію Паскевича, побудила кочевниковъ у озера Гокчи присоединиться къ покорнымъ шадинцамъ.

На слѣдующій день (22-го іюня) отрядъ подходилъ для ночлега къ дер. Сандаракъ. Мѣстность эта не была вполне обезлюжена, но жители при появленіи авангарда толпами бросались бѣжать. Паскевичъ приказалъ ихъ возвратить. Лично переговоривъ съ старшинами, онъ ободрилъ ихъ до того, что на другой день они пригнали съ пастбищъ въ отрядъ для продажи свой скотъ и цѣлыя семьи стали возвращать свои стада изъ Алагѣза, куда они были угнаны куртинцами Гассанъ-хана. Въ селеніи Сандаракѣ Паскевичъ получилъ донесеніе генерала Красовскаго. Извѣстія не были утѣшитель-

наго свойства. Красовскій доносилъ, что болѣзненность въ его отрядѣ усилилась въ теченіе двухъ послѣднихъ дней; въ одномъ 39-мъ Егерскомъ полку заболѣло 9 офицеровъ и около 100 нижнихъ чиновъ. Въ ночь съ 22 на 23-е число Красовскій предполагалъ снять осаду и перейти къ Судагенту.

23-го іюня было 43°, а въ тѣни 33°; отрядъ двигался къ Арпачаю, заболѣваемость стала усиливаться, въ лазаретныхъ фурахъ насчитывалось до 700 человекъ. Въ лагерѣ на дневкѣ къ Паскевичу явились старшины карапапахцевъ, скрывшихся при появленіи Бенкендорфа въ Эриванскую область, въ Алагезъ. Нѣсколько семействъ того же племени выставили вооруженныхъ всадниковъ, которые подъ начальствомъ общаго карапапахскаго вакила (начальника) Наги-хана присоединились къ Гассану-хану. Явившіеся карапапахскіе старшины просили Паскевича выдать имъ охранную грамоту, они принимали подданство и хотѣли перейти изъ-за Аракса на родину въ Карабагъ. Паскевичъ одобрилъ намѣреніе и назначилъ старшаго изъ явившихся старшинъ общимъ карапапахскимъ вакиломъ. Въ этотъ день авангардъ впервые усмотрѣлъ до 1500 человекъ непріятеля на той сторонѣ Аракса; по слухамъ, Гассанъ-ханъ перешелъ Араксъ и спѣшилъ присоединиться къ Аббасу-мирзѣ у Чорса.

25-го іюня отрядъ стоялъ въ 25-ти верстахъ отъ Нахичевани у селенія Хукъ, 26-го іюня къ вечеру отрядъ подошелъ къ городу и сталъ къ сторонѣ крѣпости Аббасъ-Абада.

Всѣ кочевники по лѣвой сторонѣ пути слѣдованія отряда, болѣе 2-хъ тысячъ семействъ, приняли русское подданство и толпами гнали въ отрядъ свой скотъ на продажу. Продовольствія было въ изобиліи, но переходы при 43-градусной жарѣ увеличили число больныхъ до 1.000 человекъ. Въ городѣ жителей оставалось не много,—значительная часть ихъ скрылась за Араксомъ. Паскевичъ приказалъ охранять ихъ дома, имущество и сады и безденежно ничего не брать, послѣ чего въ первую же ночь изъ-за Аракса стали появляться цѣлыя семьи городскихъ обывателей. Передъ появленіемъ отряда, дня за два, Аббасъ-мирза усилилъ аббасъ-абадскій гарнизонъ до 4 т. человекъ; самъ Аббасъ-мирза стоялъ въ Хоѣ, имѣя при себѣ отрядъ численностью около 7 т. человекъ, а изъ Тавриза къ нему подходила 40-тысячная армія *).

Крѣпость Аббасъ-Абадъ находилась въ 10-ти верстахъ отъ Нахичевани на лѣвомъ берегу Аракса. Построенная Аббасомъ-мирзою по указаніямъ европейскихъ инженеровъ, она считалась оплотомъ владычества персіянъ въ южной части Эриванской области, а вмѣстѣ съ тѣмъ и надежнымъ, для сообщенія черезъ Араксъ, прикрытіемъ. Паскевичу для дальнѣйшаго движенія по ту сторону Аракса, вглубь Персіи, было бы затруднительно оставить Аббасъ-Абадъ въ рукахъ непріятеля. Во всякомъ случаѣ пришлось бы имѣть подъ аббасъ-

*) Кругомъ Нахичевани огромное пространство засѣяно было уже созрѣвшимъ хлѣбомъ. Паскевичъ объявилъ, что за четверть вымолоченнаго хлѣба онъ платитъ рубль серебромъ въ пользу ротныхъ артелей.

абадскими стѣнами наблюдательный отрядъ, то-есть ослабить и безъ того отъ постоянно усиливающейся заболѣваемости рѣдѣющія войска. Притомъ Паскевичъ имѣлъ въ виду, что, осаждая крѣпость въ 56-ти верстахъ отъ Аббаса-мирзы *), онъ вынудить его придти къ ней на помощь и тогда однимъ ударомъ, можетъ быть, закончилась бы кампанія. Аббасъ-мирза, какъ бы ни желалъ избѣгнуть рѣшительнаго съ отрядомъ Паскевича столкновенія, не могъ, однако, допустить русскихъ у себя, такъ сказать, подъ глазами овладѣть Аббасъ-Абадомъ. Ему приходилось считаться съ фанатизмомъ населенія Персіи и богатаго Азербайджана, смежнаго съ Эриванской областью и въ центрѣ котораго онъ неподвижно покуда стоялъ съ многочисленною арміею. Затѣмъ, какое бы относительно Аббасъ-Абада рѣшеніе ни принялъ Паскевичъ, ему во всякомъ случаѣ приходилось оставаться въ его окрестностяхъ около 3-хъ недѣль, такъ какъ ни транспортовъ, ни войскъ съ артиллеріею нельзя было ожидать изъ Гирюсъ ранѣ конца іюля. Посланный Паскевичемъ отрядъ къ Гирюсамъ открылъ сообщеніе съ отрядомъ Панкратьева, но оказывалось, что за Кара-Бабой дорога на протяженіи 10-ти верстъ по западному откосу Карабагскихъ горъ не была обдѣлана, а потому ни обозы, ни артиллерія пройти еще не могли. Между тѣмъ въ Гирюсахъ заготовленъ былъ значительный транспортъ (до 10.000

*) Аббасъ-мирза съ арміею находился въ Чорсъ, въ 56-ти верстахъ отъ Аббасъ-Абада.

четвертей провіанта, 4.500 четвертей сухарнаго запаса и 1.000 штукъ порціоннаго скота), а войска, назначенныя сопровождать его (Козловскій пѣхотный полкъ съ однимъ батальономъ Петербургскаго пѣхотнаго полка и съ 1-й уланскою бригадою), необходимы были для усиленія отряда.

Планъ осады
Аббасъ-
Абада.

Рѣшившись овладѣть Аббасъ-Абадомъ, Паскевичъ 29-го іюня самъ производилъ рекогносцировку крѣпости. На правомъ берегу Аракса во время рекогносцировки показалаcя неприятельская кавалерія (около 500 человекъ); Паскевичъ приказалъ генераль-адъютанту Бенкендорфу, съ Нижегородскимъ драгунскимъ, Серпуховскимъ уланскимъ полками и 5-ю сотнями казаковъ перейти Араксъ въ бродъ, очистить отъ неприятеля противоположный крѣпости берегъ. Монастырь Казиль-Венкъ, построенный на высокомъ утесистомъ берегу въ 800 саженьяхъ отъ крѣпости, былъ занятъ двумя ротами 7-го карабинернаго полка.

Очертанія крѣпости соответствовали плану, составленному главнымъ штабомъ еще до войны. Это былъ пятиугольникъ съ бастіонами фронтами, продолговатый фасъ котораго обращенъ къ Араксу; на валахъ разставлено было около 18-ти орудій. Выборъ мѣстности для постройки крѣпости не былъ вполне удаченъ: крѣпость не командовала ни лѣвымъ, ни правымъ берегами Аракса. Надъ брустверомъ, между амбразурами, была воздвигнута стѣна изъ глины съ бойницами въ два ряда, крутой ровъ крѣпости, шириною въ 2¹/₂ и глубиною въ 2 сажени, имѣлъ боковую оборону и былъ обдѣланъ кам-

немъ, а гласисъ и прикрытый путь были хорошо и удобно устроены для обороны. Главное начальство въ крѣпости было поручено зятю шаха Мамедъ-Эминъ-хану, помощниками его были Эминъ—ханъ нахичеванскій и Риза—ханъ тавризскій; въ составѣ гарнизона насчитывалось отъ 3 т. до 4 т. человѣкъ.

Чтобы воспрепятствовать наводненію крѣпостного рва, Паскевичъ приказалъ воду канавъ, окружающихъ крѣпость, немедленно отвести въ другую сторону.

Между прочимъ, во время рекогносцировки, на противоположномъ берегу Аракса Паскевичъ замѣтилъ высоту, отъ Аббасъ-Абада на разстояніи пушечнаго выстрѣла, съ которой открывался весь городъ. Впослѣдствіи, во время осады, на этой высотѣ былъ поставленъ редутъ. Произведенная рекогносцировка опредѣлила направление осадныхъ работъ и мѣсто для батарей; одну изъ нихъ приказано было поставить на высотѣ Аракса, а затѣмъ выбрано было и мѣсто для наводки бурдючнаго моста черезъ Араксъ.

На требованіе сдать крѣпость Мамедъ-Эминъ-ханъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ.

1-го іюля весь отрядъ сталъ лагеремъ въ 2^{1/2} верстахъ отъ крѣпости, правымъ флангомъ къ Араксу, тыломъ къ нахичеванской дорогѣ. Впереди лагеря, въ верстѣ отъ Аббасъ-Абада, въ закрытой мѣстности, устраивалось траншейное депо, куда въ ночь и были свезены фашины и туры для заложения батарей; позади лагеря наводился бурдючный мостъ.

Осадныя работы были направлены на западную сто-

рону, примыкающую къ р. Араксу. Первая параллель заложена была въ 285 саженьяхъ отъ крѣпости, а на высотѣ, находившейся на правой ея оконечности, устанавливалась демонтировать батарея на 12 орудій, обстрѣливавшая весь прибрежный фасъ крѣпости. Въ первую же ночь осады (т. е. съ 1-го на 2-е іюля) параллель была углублена на три фута, а къ утру батареи были готовы: на лѣвофланговой установилось 6-ть орудій. Въ эту ночь непріятель работы не замѣтилъ, къ утру наши батареи открыли огонь. Несмотря на сильную какъ пушечную, такъ и ружейную перестрѣлку, работы продолжались и днемъ; траншей-маіоромъ былъ назначенъ маіоръ Шнитниковъ, а работами завѣдывалъ инженеръ-полковникъ Литовъ. Въ теченіе дня, подъ прикрытіемъ 2-хъ батальоновъ пѣхоты, 500 человекъ рабочихъ подъ руководствомъ пионеровъ 8-го батальона расширили параллель и траншеями соединили ее съ осаднымъ депо.

Въ ночь со 2-го на 3-е іюля, на высотѣ праваго берега Аракса, противъ фаса прибрежнаго бастіона, въ разстояніи 350 саженьей, былъ заложенъ редутъ на 6 орудій; къ утру изъ редута открылась пальба по крѣпости. Въ теченіе всего дня съ крѣпостныхъ валовъ и съ нашихъ батарей безъ умолку грохотали пушечные выстрѣлы, почти всѣ амбразуры атакованнаго фаса были повреждены, а въ стѣнахъ оказалось нѣсколько проломовъ. Въ осаждающемъ отрядѣ потери были незначительны. Наконецъ и вторая параллель, на разстояніи 165 сажень отъ крѣпости, была заложена въ ночь

съ 3-го на 4-е іюля, но на ея оконечностяхъ батареи не были закончены.

Еще 3-го іюля на правомъ берегу Аракса показались разъѣзды непріятельской кавалеріи; Паскевичъ, взявъ съ собою казачій полкъ, рекогносцировалъ мѣстность за Араксомъ. Отъѣхавъ 6 верстъ по дорогѣ къ Чорсу, онъ наткнулся на кавалерійскій отрядъ въ 2 т. человекъ, который, при его появленіи, быстро скрылся въ горахъ. Разставя самъ наблюдательные казачьи посты, Паскевичъ возвратился въ лагерь, гдѣ ожидали его извѣстія о непріятельской арміи. Испытанные лазутчики изъ карапахцевъ пріѣхали въ русскій лагерь прямо изъ Чорса. Аббасъ-мирза стоялъ тамъ съ 26 т. арміею и съ 40 орудіями, а самъ шахъ съ такимъ же числомъ войскъ находился въ Хой *). Персидская армія готовилась атаковать Паскевича и 4-го утромъ казачьи разъѣзды донесли, что двѣ небольшія непріятельскія колонны, двигаясь изъ Чорса, стали лагеремъ въ 20-ти верстахъ отъ Аракса.

Предположенія Паскевича повидимому оправдывались: Аббасъ-мирза шелъ на выручку имъ созданнаго южно-эриванскаго оплота — крѣпости Аббасъ-Абада. Обстоятельства нѣсколько осложнялись извѣстіемъ о движеніи Гассана-хана изъ Меку-Магала въ тылъ отряда, къ Нахичевани. Тѣмъ не менѣе Паскевичъ, намѣреваясь выступить за Араксъ на встрѣчу къ Аббасу-мирзѣ, рѣшился

*) Хой—крѣпость въ Азербайджанѣ, въ 38 верстахъ отъ Чорса, слѣдовательно приблизительно въ 100 верстахъ отъ Аббасъ-Абада.

не снимать осады и, въ прикрытіе батарей, вооруженныхъ 22-мя орудіями, приказалъ оставить два изъ наиболѣе сильныхъ численнымъ составомъ батальоновъ, а для обороны вагенбурга и лагеря назначилъ 1 1/2 батальона. Съ остальными войсками, при первомъ извѣстіи о появленіи персидской арміи, онъ рѣшился идти за Араксъ.

Въ ночь съ 4-го на 5-е получено было свѣдѣніе, что къ Аббасу-мирзѣ подошли изъ Хоя значительныя подкрѣпленія и что онъ идетъ къ Аббасъ-Абаду съ 40-ка тысячною арміею. Утромъ 5-го числа генераль-лейтенантъ Иловайскій донесъ Паскевичу, что непріятель, отѣснивъ наши аванпосты, расположился за Араксомъ въ значительныхъ массахъ, имѣя впереди сильныя кавалерійскіе отряды. Паскевичъ немедленно приказалъ всей кавалеріи, подъ начальствомъ генераль-адъютанта Бенкендорфа, въ бродъ перейти Араксъ, а самъ повелъ черезъ бурдючный мостъ пѣхоту и артиллерію. Не успѣлъ первый батальонъ перейти мостъ, какъ серединные бурдюки прорвались; пришлось ожидать цѣлый часъ, покуда сообщеніе было снова возстановлено. Наконецъ артиллерія прошла въ бродъ. Первые пять батальоновъ Паскевичъ повелъ самъ, а тремъ послѣднимъ, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта князя Эристова, приказалъ слѣдовать за нимъ и пристроиться къ лѣвому его флангу. День былъ необыкновенно знойный, мѣстность каменистая и безводная; тѣмъ не менѣе войска шли бодро. Не прошло и трехъ часовъ какъ въ 15-ти верстахъ отъ Аракса Паскевичъ подошелъ къ позиціи непріятеля. Войска Аббаса-мирзы занимали высоты вогнутою дугою, окаймляю-

щею каменистую долину, по которой двигался отрядъ. На высотахъ виднѣлись массы кавалеріи и нѣсколько орудій. Паскевичъ предполагалъ, что въ центрѣ позиціи, въ болѣе закрытой мѣстности, была расположена непріятельская пѣхота.

Положеніе Бенкендорфа, до появленія пѣхоты, ста-Планъ Дже-
ванъ-Булах-
ской битвы. новилось весьма затруднительнымъ, — правый его флангъ былъ уже обойденъ, а на лѣвый двигалась изъ ущелья масса въ 5.000 человекъ. Паскевичъ уступами повелъ пѣхоту противъ лѣваго крыла арміи Аббаса-мирзы, а князю Эристову, съ его батальонами и съ двумя дивизионами Нижегородскаго полка, приказалъ на лѣвомъ флангѣ атаковать ущелье. Уланская бригада шла въ резервъ уступами за лѣвымъ флангомъ Эристова. Несмотря на сильнѣйшій орудійный огонь, пѣхота Паскевича, опрокинувъ лѣвый флангъ непріятеля, овладѣла высотами центра, командующими мѣстностью. Непрѣятельской пѣхоты нигдѣ не было; кавалерія центра и лѣваго фланга непріятеля, совершенно разстроенная ружейнымъ огнемъ и застигнутая пѣхотою Паскевича на высотахъ, неудобныхъ для дѣйствія кавалеріи, бросилась во всѣ стороны, а вдали, по чарской дорогѣ, уже скакала, спасаясь бѣгствомъ, артиллерія непріятеля. Эристовъ въ это время гналъ изъ ущелья массу кавалеріи. Нѣсколько лихихъ атакъ Нижегородскаго драгунскаго полка, а затѣмъ и уланъ, окончательно разметали во всѣ стороны кавалерію праваго фланга непріятеля.

Паскевичъ послалъ всю кавалерію преслѣдовать по

пятамъ бѣгущаго непріятеля, а за ней повель и пѣхоту. Отрядъ, пройдя 8 верстъ, остановился въ урочищѣ Хумлеръ у ручья Джеванъ-Булахъ; кавалерія преслѣдовала непріятеля еще на 10-верстномъ разстояніи. Персіянами овладѣла, какъ кажется, паника,—до такой степени бѣгство ихъ было и безпорядочно, и стремительно.

Въ Джеванъ-Булахскомъ дѣлѣ Аббасъ-мирза имѣлъ не менѣе 16.000 кавалеріи, вся пѣхота его стояла въ 28-ми верстахъ отъ Джеванъ-Булаха, на скалистой и укрѣпленной позиціи у Каразіадина; туда, въ безводную мѣстность, Аббасъ-мирза надѣялся завлечь весь отрядъ Паскевича. Въ сраженіи командовалъ кавалерією центра самъ Аббасъ-мирза, правымъ флангомъ—Алаяръ-ханъ, а лѣвымъ—сардаръ Ибрагимъ-ханъ и Гассанъ-ханъ эриванскій, участіе котораго въ дѣлѣ избавило русскій отрядъ отъ нападенія въ тылъ на лагерь подъ Нахичеванью. Непріятель оставилъ на полѣ битвы около 400 убитыхъ, 100 плѣнныхъ и двое знаменъ; между плѣнными находилось нѣсколько родственниковъ шаха и вліятельныхъ бековъ. «Съ нашей стороны», писалъ Паскевичъ въ донесеніи своемъ отъ 8-го іюля, «убить ка-
«питанъ 1, эсауль 1, нижнихъ чиновъ 7, раненъ маіоръ 1,
«нижнихъ чиновъ 28, безъ вѣсти пропавшихъ три» *).

Въ то время какъ въ долинѣ Джеванъ-Булаха Паскевичъ преслѣдовалъ кавалерію Аббаса-мирзы, комендантъ крѣпости Аббасъ-Абада, съ двумя батальонами

* Журналъ военныхъ дѣйствій (Военно-уч. арх. отд. II, № 2438, А).

сарбазовъ, при сильномъ огнѣ съ крѣпостныхъ верковъ, бросился на наши траншеи. Встрѣченные перекрестнымъ огнемъ съ осадныхъ батарей и не выдержавъ штыковаго натиска трехъ ротъ ширванцевъ, сарбазы быстро отступили за крѣпостные верки.

Въ ту же ночь, съ 5-го на 6-е, Паскевичъ возвратился въ лагерь подъ Аббасъ-Абадомъ; остальные войска прибыли туда утромъ 6-го. Съ утра на главной нашей батарее развѣвались два знамени, отбитыя у персіанъ, а въ крѣпость Паскевичъ послалъ нѣсколько человекъ плѣнныхъ съ слѣдующею прокламаціей:

«Вчерашній день Аббасъ-мирза показался на высотахъ по ту сторону Аракса. Я ожидалъ, что онъ спустится ближе и вступитъ въ дѣло съ моимъ войскомъ, но онъ на сіе не отважился. Я самъ пошелъ къ нему на встрѣчу, сбиль и прогналъ его. Трое изъ почетнѣйшихъ хановъ его взяты въ плѣнъ, два знамени доставлены въ добычу побѣдителямъ, вся персидская конница, разсыпанная, бѣжала по разнымъ направленіямъ. Сами предводители: Аббасъ-мирза, Меликъ-Калумъ-мирза, Али-Наги-мирза, Алаяръ-ханъ и Гассанъ-ханъ сардари обратились въ бѣгство прежде всѣхъ и едва не были схвачены нашими казаками. Вамъ уже неоткуда ожидать помощи, кромѣ милосердія нашего. Сдайтесь. Тѣ изъ вашихъ начальниковъ и изъ самихъ васъ, которыхъ родина находится по сю сторону Аракса, будутъ отпущены къ семействамъ своимъ на прежнее жительство, прочіе будутъ содержимы въ плѣну по приличію, каждый по своему чину, впредь до размѣна. Сдайтесь

«на сіи условія. Черезъ нѣсколько дней будетъ поздно — теперь или никогда. При овладѣніи крѣпости силою пощады не будетъ» *).

Аббасъ-абадскій гарнизонъ оробѣлъ. Зять шаха и начальникъ его гвардіи Махметъ-Эминъ-ханъ сардаръ не рѣшался, однако, еще сдать крѣпость, несмотря на убѣжденія бывшаго коменданта, командира нахичеванскаго батальона Ессакъ-хана (сына Келбалы-хана нахичеванскаго, ослѣпленнаго персіянами въ началѣ столѣтія за приверженность къ Россіи). Но рассказы очевидцевъ и участниковъ Джеванъ-Булахской битвы, плѣнныхъ, присланныхъ въ крѣпость Паскевичемъ, побудили Махметъ-Эмина-хана послать чиновника съ письмомъ, преисполненнымъ выраженіемъ покорности, но съ просьбою «даровать ему три дня на размышленіе». Паскевичъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, причемъ объявилъ посланному, что черезъ три дня онъ овладѣетъ крѣпостью и «гарнизонъ будетъ истребленъ». вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было усилить огонь нашихъ батарей и ввести въ траншеи 1.500 человекъ пѣхоты съ штурмовыми лѣстницами. Подъ вечеръ того же дня комендантъ прислалъ сказать, что на другой день, на зарѣ, онъ сдастъ крѣпость на условіяхъ прокламаціи. Тѣмъ не менѣе осадныя работы ночью продолжались и къ утру траншеи второй параллели были углублены, а съ батарей открытъ огонь. Стѣны атакуемаго фаса и угловыя укрѣпленія обвалились. Комендантъ поспѣ-

*) Сем. арх. кн. Паскевича.

шилъ подтвердить предложеніе о сдачѣ крѣпости—и въ 7 часовъ утра весь гарнизонъ, въ числѣ 1 500 человекъ (около 1.000 человекъ бѣжало, затѣмъ больныхъ было около 500), вышелъ на гласисъ, а гвардейскій сводный полкъ вошелъ въ крѣпость. Знамена и ружья съ патронами передавались батальономъ гарнизона нашимъ войскамъ тутъ же на гласисѣ. Въ крѣпости было 18 орудій, пороха до 1.000 пудовъ, разныхъ артиллерійскихъ снарядовъ на 1.000 выстрѣловъ и до 500 четвертей хлѣба. Старыхъ и больныхъ тавризовъ Паскевичъ отпустилъ на родину, «дабы», какъ значитса въ журналѣ военныхъ дѣйствій, «они распустили слухи, «какимъ образомъ мы поступаемъ съ тѣми, кои намъ «покоряются». Весь нахичеванскій батальонъ и часть тавризкаго просились поступить на русскую службу *).

8-го іюля утромъ генералъ Паскевичъ съ корпуснымъ штабомъ вѣхалъ въ Аббасъ-Абадъ.

*) Тамъ же и дѣло № 2438 (А).

ГЛАВА VII.

Настроение и планы шаха послѣ Джаванъ-Булахской битвы.—Численность персидскихъ войскъ въ Хотъ и у Чорса.—Возвращение армянъ и кочевыхъ племенъ изъ-за Аракса.—Надежды персіянъ на Эривань.—Военныя преимущества персіянъ.—Инструкція графа Нессельроде.—Затруднительное положеніе русскихъ войскъ подъ Аббасъ-Абадомъ; болѣзни людей; падежъ скота.—Крѣпостныя работы въ Аббасъ-Абадѣ; гарнизонъ; управленіе Нахичеванскою областью.—Баронъ Сакенъ.—Оживленіе края.—Перенесеніе лагеря въ горы у Карабабы.—Прибытіе графа Сухтелена.—Переговоры съ персидскимъ правительствомъ черезъ посредство мирзы Сале.—Рѣшительный отвѣтъ Паскевича.—Урдабадъ.—Стычка въ ущельи при деревнѣ Вананда.—Мнѣніе Паскевича объ охранѣ границъ.—Появленіе Аббаса-мирзы у Эчміадзина.—Смущеніе Красовскаго.—Бой 1-го Августа подъ Ушаганомъ.—Затруднительное положеніе Красовскаго.—Паскевичъ отлагаетъ походъ въ Тавризы и идетъ на выручку Красовскаго.—Постышное отступленіе Аббаса-мирзы.—Его письмо къ Паскевичу и отвѣтъ послѣдняго.—Вступленіе Паскевича въ Эчміадзинъ.—Култи.—Состояніе крѣпости Сардаръ-Абада.—Осада.—Отказъ Паскевича штурмовать крѣпость.—Быство ея гарнизона.—Занятіе крѣпости.—Продовольственные запасы и военная добыча.—Выступленіе къ Эривани.—Замыслы сардаря Эриванскаго.—Гассанъ-ханъ.—Осадныя работы подъ Эриванью.—Содѣйствіе турецкихъ пашей персіянамъ.—Обсерваціонныя отряды князей Вадбольскаго и Эристовъ.—Бомбардировка Эривани.—Паденіе Эривани.

Несмотря на панику персидскихъ войскъ подъ Джаванъ-Булахомъ и на быстрое овладѣніе русскими вой-

сками оплотомъ южноэриванской области—Аббасъ-Абадомъ, шахъ Фетъ-Али-ханъ не рѣшался еще приступить къ мирнымъ переговорамъ. Въ Хоѣ *), гдѣ шахъ стоялъ съ 50-ти тысячною арміею, имѣя впереди, у Чорса **), Аббаса-мирзу съ десятитысячнымъ авангардомъ, не разъ уже составлялись планы для общаго наступленія персидскихъ войскъ. Шахъ зналъ, что подъ ружьемъ въ побѣдоносномъ отрядѣ Паскевича, въ лагерѣ подъ Аббасъ-Абадомъ, не насчитывалось и 6-ти тысячъ человѣкъ и что невыносимый для русскихъ лѣтній зной, усиливая болѣзненность, еще болѣе уменьшалъ наличность русскаго отряда.

Казалось, все было готово для наступленія, но по мѣрѣ того, какъ изъ русскаго лагеря стали доходить слухи, что Паскевичъ при первомъ извѣстіи о наступленіи шаха намѣревается, перейдя Араксъ, атаковать персидскія войска, наступательныя предположенія шаха и его совѣтниковъ замѣнялись заботами объ оборонѣ Хоа и его окрестностей.

Повидимому въ Хоѣ дѣйствовали только подъ народными впечатлѣніями чувства страха; опасались то взрыва народнаго негодованія — и тогда готовились перейти въ наступленіе, то внезапнаго появленія отряда Паскевича — и тогда принимались укрѣплять городъ и его окрестныя позиціи и придумывали условія для мирнаго договора, совершенно несбыточныя: они

*) Хоѣ въ 125 верстахъ отъ Аббасъ-Абада.

***) Чорсъ въ 55 верстахъ отъ Аббасъ-Абада.

должны были удовлетворять требованіямъ русскаго государя и скрыть отъ народовъ Ирана слабость правительства шаха и его вооруженныхъ силъ.

Первоначальный планъ кампаніи не удался персіанамъ. Казалось, что русскія войска не нуждались въ продовольствіи, а Эриванская область съ появленіемъ Паскевича стала снова населяться. Армяне и почти всѣ кочевыя племена спѣшили возвратиться изъ-за Аракса на старыя, насиженныя ими мѣста. Слѣдовательно нельзя было рассчитывать, что безкормица, какъ это не разъ бывало въ началѣ столѣтія, вынудитъ русскихъ прекратить военныя дѣйствія и выдти изъ предѣловъ Персіи. Оставалась еще надежда на крѣпости: Сардаръ-Абадъ и, въ особенности, на Эривань. Можетъ быть тамъ, подъ неприступными верками Эривани, не рискуя всѣми силами Персіи, Аббасу-мирзѣ удастся разбить одинъ изъ отрядовъ Паскевича...

Такими мечтаніями поддерживалась въ Хоѣ рѣшимость продолжать войну съ русскими, но при этомъ полагалось возможнымъ, выигрывая время, склонить русское правительство къ наиболѣе выгоднымъ для Персіи условіямъ мира. Въ то время душою совѣта шаха былъ уполномоченный Англіи Макдональдъ. На основаніи существовавшаго договора, Англія уплачивала Персіи часть ея военныхъ издержекъ, а потому весьма вѣроятно, что персидское правительство рассчитывало и на вліяніе Англіи для достиженія своихъ цѣлей въ переговорахъ съ Россією.

Нерѣшительность военныхъ дѣйствій персіянъ нельзя

было приписать плохому вооруженію или недостаточности строевого образованія ихъ арміи. Еще въ 1817 г. Ермоловъ писалъ, что у Аббаса-мирзы «30-ть баталіоновъ хорошо обученныхъ и вооруженныхъ» и что «вскорѣ персидская пѣхота не уступитъ ни одной изъ «европейскихъ армій».

Иррегулярная ихъ кавалерія славилась какъ выносливостью, такъ и быстротою своихъ натисковъ. Численностью на одного русскаго кавалериста приходилось болѣе десяти персидскихъ всадниковъ. Почти въ такомъ же соотношеніи находились и пѣхотныя войска воюющихъ армій. Кромѣ того, персидскія войска несравненно лучше русскихъ выносили всѣ мѣстныя климатическія невзгоды, — и тѣмъ не менѣе Джеванъ-Булахская паника отзывалась и въ многочисленной арміи шаха подъ Хоемъ.

Паскевичъ обязанъ былъ по инструкціи, присланной графомъ Нессельроде, послѣ перваго сколько нибудь значительнаго успѣха «сдѣлать непріятелю предложеніе о мирѣ».

«По характеру персіанъ», писалъ Паскевичъ, овладѣвъ Аббасъ-Абадомъ, Государю, — «опасаясь, чтобы «они такого рода великодушное миролюбіе не вмѣнили «намъ въ слабость и въ недостатокъ способовъ къ продолженію военныхъ дѣйствій, я избралъ для сего предложенія шахскаго зятя, взятаго нами въ плѣнъ, который отъ себя представилъ своему правительству необходимость искать съ нами соглашенія; письмо его доставили въ лагерь Аббаса-мирзы». Вслѣдствіе этихъ

первыхъ сношеній черезъ присланнаго отъ Аббаса-мирзы чиновника, мирзы Сале, нѣсколько выяснились домогательства персидскаго правительства.

«Опасаясь молвы народа, который», добавляетъ Паскевичъ въ своемъ донесеніи Государю, «гоняется го-
раздо болѣе за именами, нежели за ихъ значеніемъ, «шахъ желалъ обмѣняться областями», т. е. передать намъ «двѣ провинціи по сю сторону Аракса», присоединивъ за то къ Персіи Талышъ и Муганъ. Относительно уплаты намъ военныхъ издержекъ персидское правительство покуда еще отмалчивалось *).

При такихъ условіяхъ необходимо было, продолжая военныя дѣйствія, заставить шахское правительство опасаться русскаго оружія несравненно болѣе «народной молвы» Персіи.

Между тѣмъ положеніе русскихъ войскъ подъ Аббасъ-Абадомъ становилось крайне затруднительнымъ,—больныхъ оказалось 1.700 человѣкъ, транспорты отъ сильнаго падежа быковъ разстраивались: насчитывали, что ежедневно убывало отъ 70 до 90 штукъ скота. Болѣзненность, съ каждымъ днемъ усиливаясь, принимала все болѣе злокачественное свойство. «Избѣгая», доносить Паскевичъ Государю, «совершеннаго уничтоженія моего войска отъ іюльскихъ нестерпимыхъ жаровъ, я «нахожусь въ необходимости отойти къ горамъ **). Но

*) Донесеніе Государю отъ 15-го іюля 1827 г. (Воен.-уч. арх., отд. III, шкапъ 13, д. № 2448). Всѣ нижеслѣдующія данныя, источники коихъ особо не указаны, заимствованы изъ того же дѣла.

**) Тамъ же.

прежде чѣмъ предпринять это необходимое для сохраненія отряда движеніе, Паскевичу предстояло привести въ оборонительное положеніе самую крѣпость Аббасъ-Абадь, возстановить ея стѣны, развалившіяся отъ осады, усилить ихъ оборону, возвести прикрывающій мостъ — «теть-де-понъ, по той сторонѣ Аракса», наконецъ учредить въ крѣпости продовольственный магазинъ и лазаретъ. вмѣстѣ съ тѣмъ нужно было устроить и управленіе какъ Нахичеванскою областью, такъ и самую крѣпостью, тѣмъ болѣе, что благодаря заботливому отношенію Паскевича къ мѣстному населенію, прежніе жители Нахичеванской и Эриванской областей почти ежедневно возвращались изъ-за Аракса.

Работы по крѣпостнымъ веркамъ начались на другой же день по вступленіи нашихъ войскъ въ Аббасъ-Абадь. 13-го іюля Паскевичъ назначилъ комендантомъ крѣпости и управляющимъ Нахичеванскою областью генераль-маіора барона Сакена, «котораго способностями я очень доволенъ», прибавляетъ онъ въ своемъ журналѣ военныхъ дѣйствій. Въ общихъ чертахъ управленіе новопокоренною областью было учреждено такъ, что въ рукахъ Сакена сосредоточивалась, кромѣ начальствованія надъ гарнизономъ крѣпости, высшая правительственная власть, а непосредственное гражданское управленіе жителями, какъ писалъ Паскевичъ, «оставалось въ рукахъ «начальниковъ изъ здѣшнихъ хановъ, принявшихъ подданство русское, впредь до прочнѣйшаго образованія «новопріобрѣтеннаго края».

Благодаря мягкому и ласковому обращенію съ жи-

телями, жатва съ полей снималась, сады разрабатывались и страна, обращенная передъ тѣмъ персіянами въ пустыню, снова оживлялась. Такъ, въ самый день назначенія Сакена, т. е. 13-го іюля, Паскевичъ получилъ извѣстіе, что въ селеніе Хукъ (по эриванской дорогѣ) возвратилось изъ-за Аракса 600 семействъ. Передъ тѣмъ, 9-го іюля, въ Нахичеванскую область возвратилось 1000 семействъ. По приказанію Паскевича, возвращеніе ихъ Сакенъ прикрывалъ небольшимъ отрядомъ. Для этой цѣли онъ подходилъ на разстояніе 20-ти верстъ отъ Чорса, гдѣ былъ расположенъ лагерь Аббаса-мирзы, «но ни одинъ персидскій всадникъ», пишетъ Паскевичъ, «не показался противъ нихъ». Тѣмъ не менѣе, въ это же время, изъ Хоя постоянно получались извѣстія о наступательномъ движеніи персидской арміи. «Шахъ будто рѣшился», пишетъ Паскевичъ въ своемъ военномъ журналѣ отъ 10-го іюля, «дать намъ сраженіе». Но вскорѣ, около 18-го іюля, стало извѣстно, что шахъ удовольствовался усиленіемъ въ Чорсѣ Аббаса-мирзы, отправивъ къ нему до 24 т. войска и 4 орудія. Еще не разъ доставлялись изъ Хоя свѣдѣнія о воинственныхъ намѣреніяхъ шаха, но они не смущали Паскевича; онъ рѣшился, оставя Сакена въ Аббасъ-Абадѣ, стать лагеремъ въ горахъ у Карабабы, въ 50-ти верстахъ отъ Аббасъ-Абада, имѣя авангардъ впереди, въ 12-ти верстахъ, у подошвы занимаемыхъ главными силами Карабабскихъ горъ. Ожидалось только окончаніе работъ по проложенію гирюсской дороги, чѣмъ вполнѣ обезпечивалось движеніе транспортовъ изъ Карабага.

Выбранный Паскевичемъ санитарный лагерь въ горахъ имѣлъ еще ту выгоду, что тылъ его былъ обращенъ именно къ пролагаемой дорогѣ, что значительно сокращало подвозъ по этому пути продовольствія. Въ такомъ положеніи Паскевичъ рассчитывалъ провести лѣтнее время и, стянувъ къ себѣ изъ Гирюсъ транспорты и подкрѣпленія, въ началѣ сентября двинуться прямо къ Тавризу.

14-го іюля въ аббасъ-абадскій лагерь прибылъ изъ Петербурга генераль-квартирмейстеръ главнаго штаба, генераль-лейтенантъ графъ Сухтеленъ, и въ тотъ же день вступилъ въ исправленіе должности начальника корпуснаго штаба *).

*) Полковникъ Муравьевъ, исправлявшій до сего времени должность начальника корпуснаго штаба, какъ кажется, не ожидалъ, что Сухтеленъ приметъ въ свое управленіе штабъ корпуса. Дѣйствительно, Сухтеленъ, какъ Бенкендорфъ, могъ состоять при Паскевичѣ, командуя временно то тѣмъ, то другимъ отрядомъ.

Муравьевъ никогда не могъ, повидимому, простить Паскевичу назначеніе Сухтелена. Въ извѣстныхъ запискахъ своихъ онъ постоянно упрекаетъ Паскевича въ безмѣрной пылкости нрава и даже обвиняетъ его въ бездарности и неспособности. Странно только, что обвиненія эти не основываются на положительныхъ данныхъ, напротивъ, фактическая сторона разсказа Муравьева доказываетъ несомнѣнныя способности Паскевича. Между прочимъ Муравьевъ пишетъ: «итакъ начальники наши по способностямъ своимъ не подавали намъ надежды къ большимъ успѣхамъ; но случилось иначе, между тѣмъ какъ въ правленіе Алексѣя Петровича, человѣка неоспоримо умнаго и съ необыкновенными дарованіями, дѣла были неудачныя и срамныя и многія важныя разпоряженія несли отпечатокъ нерѣшительности, малодушія, неблагоприятія». Но почему начальники (т. е. Паскевичъ) по способностямъ своимъ «не давали надежды къ большимъ успѣхамъ», въ чемъ именно они проявили свою тѣмъ болѣе странную неспособность, «что случилось иначе» — Муравьевъ не объясняетъ; изъ записокъ его выясняется только, что Паскевичъ въ обращеніи съ нимъ не былъ ни ласковъ, ни пріятель (Русскій архивъ 1889 г., стр. 297). Для безпристрастной оцѣнки въ этомъ отношеніи Паскевича, необходимо было бы знать, какъ ему представлялась личность Муравьева и какъ онъ ее оцѣнивалъ. Къ сожалѣнію, Паскевичъ нигдѣ и никогда не распространялся объ этомъ.

Въ то же время получились первыя извѣстія изъ отряда Красовскаго. Красовскій, оставивъ въ Эчміадзинѣ подъ начальствомъ подполковника Линденфельда гарнизонъ, состоявшій изъ 4-хъ ротъ Севастопольскаго пѣхотнаго полка при 5 орудіяхъ и 2-й армянской сотнѣ, сталъ лагеремъ въ урочищѣ Джакшли, въ 12-ти верстахъ не доходя до Судагента. Болѣзненность въ лагерѣ Красовскаго, благодаря горному воздуху, съ каждымъ днемъ уменьшалась. Непрiятель, со времени снятія блокады Эривани, нигдѣ не показывался; только 2-го іюля на противоположномъ берегу рѣчки Абарани появилось приблизительно до 1000 всадниковъ, но нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ конной артиллеріи обратили ихъ въ бѣгство. Поджидая изъ Тифлиса осадную артиллерію, транспорты и подкрѣпленія, Красовскій изъ лагеря могъ слѣдить, посылая сильные кавалерійскіе разѣзды (и пользуясь при этомъ доставляемыми армянами свѣдѣніями), за движеніемъ непріятельскихъ отрядовъ. «Сардаръ Эриванскій», писалъ тогда Красовскій Паскевичу, «перѣхалъ въ Сардаръ-Абадъ, куда прибылъ «отрядъ пѣхоты въ 3.000 человекъ подъ начальствомъ «Зорабъ-хана». Изъ тѣхъ же свѣдѣній Паскевичъ узналъ, что братъ сардаря Гассанъ-ханъ шелъ за нашимъ отрядомъ при движеніи его изъ Эчміадзина къ Нахичевани, но, какъ уже извѣстно, не осмѣлившись атаковать, появился въ арміи Аббаса-мирзы только у Джеванъ-Булахскаго урочища.

19-го іюля Паскевичъ двинулся въ Карабабскій лагерь, оставивъ въ Аббасъ-Абадѣ подъ начальствомъ ге-

нерала барона Остенъ-Сакена Херсонскій пѣхотный полкъ при 4-хъ легкихъ орудіяхъ съ сотней казаковъ. Во время движенія (21-го іюля) получено было изъ Хоя достовѣрное, казалось, извѣстіе о наступленіи персидской арміи къ Нахичевани. Лазутчики передавали даже порядокъ предполагаемаго движенія персіанъ: Магметъ-Гуссейнъ-мирза направлялся съ 12-ти тысячнымъ отрядомъ изъ Хоя черезъ Гергеры и Джульфу, въ то время какъ Аббасъ-мирза съ 24-тысячной арміей шель прямо изъ Чорса на Аббасъ-Абадъ, а Гассанъ-ханъ съ 12-ти тысячнымъ отрядомъ долженъ былъ перейти въ бродъ Араксъ у Кигача, въ 20-ти верстахъ выше Аббасъ-Абада. Самъ шахъ предполагалъ остановиться въ тылу арміи, въ Чорсѣ, съ предусмотрительнымъ намѣреніемъ рубить головы всѣмъ, кто оставитъ поле сраженія. Свѣдѣнія эти могли казаться тѣмъ болѣе вѣроятными, что переговоры Паскевича съ персидскимъ правительствомъ черезъ посредство мирзы Сале (или Салега) были прерваны. Шахъ, какъ писали Аббасъ-мирза и Алаяръ-ханъ мирзѣ - Салегу, «можетъ быть согласится уплатить военныя издержки» (предполагая ихъ весьма незначительными), «но никогда не уступитъ Россіи ни одной «изъ своихъ областей».

Вслѣдствіе чего, передъ самымъ выступленіемъ своимъ въ Карабабскій лагерь отправляя мирзу Сале обратно, Паскевичъ поручилъ ему передать Аббасу-мирзѣ, что Эриванская и Нахичеванская области, за исключеніемъ двухъ крѣпостей, заняты русскими войсками,—слѣдовательно «персидскому правительству остается только

«признать фактъ существующій». Относительно военныхъ издержекъ Паскевичъ поручилъ передать Аббасу-мирзѣ: «чѣмъ болѣе вы будете медлить, тѣмъ болѣе вамъ придется уплатить». Опасаясь, что Салегъ не осмѣлится передать его слова, не ослабляя ихъ смысла и значенія, Паскевичъ послалъ къ Аббасу-мирзѣ Грибоѣдова.

Вообще всѣ свѣдѣнія, доставляемыя въ то время изъ шахскаго лагеря, были воинственнаго свойства и, по видимому, царственные Каджары изъ страха передъ общественнымъ мнѣніемъ твердо рѣшились продолжать военныя дѣйствія.

Тѣмъ не менѣе Паскевичъ не придавалъ особеннаго значенія этимъ свѣдѣніямъ; «если они справедливы», писалъ онъ въ журналѣ военныхъ дѣйствій, «то я дамъ персіянамъ время обложить Аббасъ-Абадъ и тогда спущусь съ горъ и постараюсь ихъ разбить». «Впрочемъ», добавлялъ Паскевичъ, «это одинъ изъ многихъ замысловъ, которые они дѣлаютъ и не смѣютъ исполнить».

Направляясь въ Карабабскій лагерь, Паскевичъ поручилъ Бенкендорфу съ 7-мъ карабинернымъ, однимъ уланскимъ и двумя казачьими полками при 8-ми легкихъ орудіяхъ, оставаясь нѣсколько дней у Нахичевани, прикрывать его движеніе. Кромѣ того, на случай появленія непріятеля, Паскевичъ расположилъ скрытно за Нахичеванскими холмами Нижегородскій драгунскій и Борисоглѣбскій уланскій полки при 4-хъ орудіяхъ, что было бы, какъ выражался Паскевичъ, «сюрпризомъ на

«первый случай Аббасъ-мирзѣ, если онъ дѣйствительно «идеть на Аббасъ-Абадъ».

Санитарныя условія Карабабскаго лагеря, прекративъ отчасти болѣзненность, несомнѣнно сохранили отряды Паскевича. Притомъ близость Карабабы къ горному перевалу по гирюсской дорогѣ облегчила Паскевичу распорядженія по правильному и безостановочному движенію транспортовъ изъ Гирюсъ. «Съ этихъ поръ коммуникаціи лѣваго фланга», писалъ онъ, «и снабженія для дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій обезпечены».

Въ первые же дни пребыванія отряда въ Карабабскихъ горахъ Паскевичъ получилъ извѣстіе, что Эхсанъ-ханъ Нахичеванскій, недавно покинувшій Персію и принявшій русское подданство, и которому Паскевичъ временно поручилъ управленіе городомъ Урдабадомъ, находится въ крайней опасности. Къ Урдабаду подступилъ значительный отрядъ персидскихъ войскъ, съ цѣлью захватить Эхсанъ-хана съ многочисленнымъ его семействомъ. Городъ Урдабадъ не входилъ въ сферу военныхъ дѣйствій, предполагаемыхъ Паскевичемъ, но вліяніе въ странѣ Нахичеванскаго хана и высокое значеніе русскаго покровительства побудили Паскевича выслать отрядъ на помощь Эхсанъ-хану. Генералъ князь Багратіонъ, начальникъ высланнаго отряда, долженъ былъ, появившись въ Урдабадѣ, вывести оттуда Эхсанъ-хана съ его семействомъ и приверженцами.

При появленіи авангарда Багратіона подъ начальствомъ князя Эристова, стоявшій подъ Урдабадомъ пер-

сидскій отрядъ быстро отступилъ, но при обратномъ движеніи Багратіона, въ ущельяхъ у деревни Вананда, значительныя силы персидскихъ войскъ окружили его.

Цѣлый день 7-го августа упорный бой задерживалъ движеніе русскаго отряда. «Битва сія», пишетъ Паскевичъ въ донесеніи Государю, «хотя по малочисленности нашего войска не доставила случая рѣшительно «разбить персіянъ, однакоже не менѣе того послужила «къ утвержденію превосходства и славы оружія Вашего «Императорскаго Величества. Не взирая на чрезмѣрную «многочисленность персіянъ и на бывшую съ ними артиллерію, не взирая на необыкновенную бодрость, «они не могли причинить ни малѣйшаго вреда множеству «семействъ, бывшихъ подъ охраненіемъ нашимъ, и «нуждены были оставить поле битвы».

Въ 20-хъ числахъ августа въ Карабаскомъ лагерѣ стали получаться неблагопріятныя извѣстія. Генералъ-адъютантъ Сипягинъ, находясь 15-го августа въ укрѣпленіи Джелалъ-Оглу, узналъ, что царевичъ Александръ Грузинскій съ двумя батальонами сарбазовъ при 2-хъ тысячномъ отрядѣ персидской кавалеріи предполагаетъ, пройдя вдоль турецкой границы, вторгнуться въ Самхетію.

Извѣстіе это было сомнительной достовѣрности. Самхетія въ то время была, какъ выражается Паскевичъ, «и безлюдна, и безхлѣбна», а царевичъ Александръ, за исключеніемъ бесплодныхъ и враждебныхъ Россіи переписокъ, никогда не осмѣливался на какое-нибудь рѣшительное дѣйствіе. Тѣмъ не менѣе Сипягинъ подви-

нуль на турецкую границу около 2-х батальоновъ изъ отряда генерала Красовскаго. По этому поводу Паскевичъ пишетъ: «главное дѣло разбить непріятеля, а невозможно «защищать границы на всѣхъ пунктахъ. Если непріятель разбить, то всѣ покушенія кончатся, а если онъ побѣдитъ, то и пограничные батальоны будутъ всѣ уничтожены, притомъ набѣгъ на пустую землю, какова «Самхетія, не важень». «Лучше», прибавляетъ онъ, «выдержать набѣгъ, чѣмъ, раздробляя свои войска, подвергнуть ихъ опасности».

Полученныя на другой день (26-го августа) донесенія Красовскаго какъ бы подтверждали слова Паскевича. Аббасъ-мирза, получивъ въ Чорсѣ подкрѣпленіе, высланное ему изъ Хоя, рѣшился въ началѣ августа двинуться къ Эчміадзину и по возможности атаковать отдѣльные отряды русскихъ войскъ. Казалось, что наслѣдникъ шахскаго престола рѣшился на все, только не на столкновеніе съ отрядомъ, находившимся подъ личнымъ начальствомъ Паскевича. Весьма искусно распуская слухи то о наступленіи всѣхъ силъ персидскихъ войскъ къ Нахичевани, то о движеніи отдѣльныхъ отрядовъ вдоль турецкой границы въ Самхетію, Аббасъ-мирза, перейдя Араксъ близъ Сардаръ-Абада, 14-го августа появился подъ стѣнами Эчміадзина. Въ случаѣ успѣха, онъ овладѣвалъ Эчміадзиномъ и захватывалъ всю осадную артиллерію, подходившую въ то время къ лагерю Красовскаго. Судя только по численности войскъ, успѣхъ былъ болѣе чѣмъ вѣроятенъ: у Аббаса-Мирзы было 10 тысячъ пѣхоты и 15 тысячъ кавалеріи при 28-ми

орудіяхъ, а въ лагерѣ у Красовскаго насчитывалось подъ ружьемъ не болѣе 6 тысячъ человѣкъ. Красовскій, узнавъ о появленіи арміи Аббаса-мирзы у Эчміадзина, нѣсколько растерялся, въ особенности, какъ кажется, потому, что Эчміадзинъ, по его оплошности, не былъ снабженъ достаточнымъ продовольствіемъ, — транспорты оставались въ лагерѣ, хотя могли быть доставлены въ Эчміадзинъ еще въ концѣ іюля мѣсяца. Появленіе арміи Аббаса-мирзы было однако предвидѣно въ инструкціи, данной Паскевичемъ Красовскому: исполняя ее, слѣдовало всѣми силами выйти изъ лагеря и атаковать персіянъ. Но Красовскаго заботили транспорты и подходившая къ Джангили осадная артиллерія—и онъ рѣшился, оставивъ въ лагерѣ большую часть своего отряда, двинуться къ Эчміадзину съ 4-мя батальонами, 5-ю сотнями казаковъ при 12-ти орудіяхъ, въ общемъ итогѣ около 2-хъ тысячъ человѣкъ, и притомъ взявъ съ собою часть провіанта для Эчміадзина и десятидневное продовольствіе для своего отряда. Выступивъ 16-го августа изъ лагеря, отрядъ Красовскаго 17-го числа рано утромъ вытянулся, не доходя до Ушагана, по дорогѣ прибрежной къ рѣчкѣ Абарани. Со скалистаго противоположнаго берега 28 орудій громили двигающіяся повозки отряда, а на Ушаганскихъ высотахъ, поперекъ дороги, въ три линіи стояла персидская пѣхота; спѣшенная непріятельская кавалерія обстрѣливала лѣвый флангъ русскаго отряда. Всѣ 4 батальона Красовскаго быстро двинулись впередъ, казаки охраняли двигающійся транспортъ, артиллерія, руководимая полковникомъ Гилленшмидтомъ, подсакивала къ

персидскимъ батальонамъ и чуть не въ упоръ обдавала ихъ картечью. Отъ 7-ми часовъ утра до 4-хъ часовъ пополудни шелъ кровавый бой, ни на минуту не задержавшій медленное движеніе отряда. Пѣхота прочищала дорогу штыками, а геройскія дѣйствія артиллеріи Гилленшмидта, какъ доносилъ Красовскій, «превышали всякое описаніе». Ея картечные залпы пробивали точно улицы въ толпившейся массѣ непріятельскихъ войскъ, а подъ конецъ сраженія «не осталось болѣе», пишетъ Красовскій, «ни одного картечнаго заряда».

Въ двухъ верстахъ отъ Эчміадзина бой прекратился. Красовскій безпрепятственно провелъ свой транспортъ въ монастырскія ворота.

Потери съ обѣихъ сторонъ были значительны: Красовскій потерялъ около 700 человекъ убитыми и до 300 ранеными; потери персіанъ доходили до трехъ тысячъ человекъ. Самъ генераль Красовскій былъ тяжело раненъ въ плечо. Аббасъ-мирза, пропустивъ отрядъ въ Эчміадзинъ, остался на Ушаганской позиціи, укрѣпилъ ее, но не рѣшился атаковать ни Эчміадзинъ, ни укрѣпленный лагерь Джангили, гдѣ генералы Берхманъ и Лаптевъ, ожидая его, размѣстили на веркахъ лагерныхъ фортовъ всю осадную и полевую артиллерію. Въ лагерѣ у нихъ подъ ружьемъ находилось всего 4 т. человекъ. Красовскій доносилъ: «Аббасъ-мирза такъ укрѣпилъ Ушаганскую позицію, что безъ большой жертвы и даже «безъ потери артиллеріи пройти (обратно въ лагерь) мнѣ невозможно. Съ другой стороны, если бы я рѣшился на сіе опасное движеніе, то потеря Эчміадзина

«была бы неизбежна». Вмѣстѣ съ тѣмъ Красовскій послалъ окольными дорогами нарочныхъ къ Берхману и Лаптеву съ приказаніемъ оставаться въ Джангили, такъ какъ «послѣ столь важнаго опыта кажется совершенно невозможнымъ проходъ отъ Джангили къ Эчміадзину» и т. д. Слѣдовательно, ни осадная артиллерія, ни транспорты, ни войска лагеря Джангили, ни самъ Красовскій не могли съ мѣста двинуться. Положеніе затруднялось еще тѣмъ, что, какъ доносилъ Красовскій, «продовольствіе въ Эчміадзинѣ со всевозможною экономіею и усиленными фуражировками почти въ опустошенныхъ окрестныхъ поляхъ можетъ продлиться только на 18 дней».

Оставалось ожидать подкрѣпленія отъ Паскевича; Красовскій въ трехъ донесеніяхъ своихъ изъ Эчміадзина (17-го, 18-го и 19-го августа) писалъ: «покуда я не получу значительнаго подкрѣпленія, до тѣхъ поръ опасное мое положеніе перемѣниться не можетъ».

Паскевичъ получилъ донесеніе Красовскаго 26-го августа, но еще за два дня передъ тѣмъ онъ узналъ о сраженіи 17-го августа подъ Ушаганомъ, и удостовѣрившись, что Аббасъ-мирза не отступилъ, не сомнѣвался въ неудачѣ дѣйствій Красовскаго. На всякій случай онъ тогда же сталъ готовиться къ выступленію. Въ донесеніи своемъ Государю отъ 26-го августа Паскевичъ не могъ выяснитъ причинъ, побудившихъ Красовскаго раздробить свои силы.

«Съ тѣмъ же мужествомъ», писалъ Паскевичъ Государю, «но если бы оно направлено было къ лучшей цѣли, онъ бы могъ, не оставляя въ лагерѣ 3.500 чело-

«вѣкъ, однимъ батальономъ прикрывъ осадныя орудія и обозы, атаковать Аббасъ-мирзу съ отрядомъ, который бы тогда усилился до 6.000 человѣкъ; непріятель не выдержалъ бы стремительнаго нападенія, подобно какъ до сихъ поръ онъ его еще нигдѣ не выдерживалъ, былъ бы прогнанъ за Араксъ, потомъ Эчміадзинъ въ свою очередь могъ получить потребное снабженіе продовольствіемъ; я еще не знаю, кому приписать оплошность, съ которою пунктъ сей не былъ обезпеченъ подвозомъ провіанта задолго до прибытія персидской арміи, но мысль вести туда транспортъ въ виду и подъ выстрѣлами непріятеля, конечно, не оправдывается никакими военными правилами. Пренебреженіе къ непріятелю главная причина сего несчастнаго случая».

Не одобряя дѣйствій Красовскаго, Паскевичъ писалъ, что «хотя онъ не доказалъ въ себѣ способности къ отдѣльному командованію, но подвигъ храбрости и неустрашимости, какъ Красовскаго, такъ и отряда его, заслуживаетъ Монаршаго вниманія».

Недостатокъ продовольствія въ Эчміадзинѣ и опасеніе, «что безъ него на правомъ флангѣ дѣла примутъ оборотъ еще худшій»—вынудили Паскевича, отложивъ походъ въ Тавризь, самому двинуться на выручку Красовскаго. Вообще положеніе было трудное: пѣхотные полки отряда Паскевича, вышедшіе изъ Гергеръ въ составѣ 1.800 человѣкъ, выводили подъ ружьемъ не болѣе тысячи человѣкъ; недостатокъ подножнаго корма и невыносимыя жары изнурили лошадей до того,

что еще въ концѣ іюля мѣсяца Паскевичъ переформировалъ кавалерійскія бригады въ 4-хъ эскадронные полки.

Передъ выступленіемъ къ Эчмιάдзину Паскевичъ поручилъ генераль-маіору кн. Эристову съ 4-мя батальонами и 6-ю ротами прикрывать тылъ его отряда, для чего Эристову было приказано, перейдя Араксъ, двинуться къ Чорсу или къ Маку, «но преимущественно», писалъ Паскевичъ Эристову, «къ сему послѣднему, гдѣ, какъ «утверждаютъ мои лазутчики, можно найти значительное количество провіанта». Помощникъ начальника корпуснаго штаба полковникъ Муравьевъ назначенъ былъ состоять при кн. Эристовѣ *).

Отрядъ Паскевича выступилъ изъ Карабабскаго лагеря 29-го августа. Онъ состоялъ изъ четырехъ пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ полковъ, при 36 орудіяхъ **).

Первыя извѣстія о персидской арміи Паскевичъ получилъ 31-го августа въ Шарурскомъ округѣ.

По слухамъ оказывалось, что Аббасъ-мирза стоитъ подъ Эриванью, а Красовскій выступилъ изъ Эчмιάд-

*) Паскевичъ не придавалъ особо важнаго значенія экспедиціи кн. Эристова,—это была только необходимая мѣра предосторожности, а потому назначеніе полковника Муравьева не выражало особаго къ нему довѣрія и не могло ему быть пріятнымъ, такъ какъ удаляло его отъ театра главныхъ дѣйствій.

**) Пѣхотные полки: Ширванскій, Грузинскій, гренадерскій, л.-гв. сводный и 7-й карабинерный съ одною ротою піонеровъ. Кавалерійскіе: Нижегородскій драгунскій, Чугуевскій, уланскій, казачьи полки Шамшева, Карпова и Иловайскаго. Артиллерія: 4 орудія Кавказской гренад. бриг. (легкой № 2 й роты), 6-ть орудій Кавказской гренад. бригады (бат. № 1-й роты), Донской конной роты 10 орудій, 6 горныхъ орудій, 6 орудій конно-артиллерійской роты № 13. и 4 орудія Кавказской гренад. бригады (легкой № 1-й роты).

зина и находится въ Джангильскомъ лагерѣ. Передавая эти извѣстія, старшины придорожныхъ деревень Шарурскаго округа не могли объяснить причины, побудившія Аббаса-мирзу бросить укрѣпленную имъ позицію на джангильской дорогѣ, но они утверждали, что боевыхъ столкновений у Красовскаго не было. Ихъ дѣйствительно не было: 22-го августа Красовскій послалъ приказаніе въ Джангильскій лагерь Кабардинскому пѣхотному полку 24-го утромъ атаковать позицію Аббаса-мирзы, какъ только послышатся выстрѣлы изъ эчмιάдзинскаго отряда, имѣющаго выйти изъ монастыря, и въ то же время намѣревался съ своей стороны атаковать армию Аббаса-мирзы; но посланные съ приказаніемъ нарочные были перехвачены персидскими разъѣздами, — Кабардинскій полкъ ничего о нихъ не зналъ, а Аббас-мирза, въ ночь съ 22-го на 23-е, отошелъ отъ джангильской дороги и сталъ лагеремъ выше Эривани противъ Гоклисы, на рѣкѣ Занги, у деревни Алаперсы. Крайне затруднительно выяснить въ данномъ случаѣ намѣреніе Аббаса-мирзы, тѣмъ болѣе, что занятая имъ позиція при Ушаганахъ была укрѣплена на обѣ стороны (къ Джангили и къ Эчмιάдзину). Притомъ Кабардинскій полкъ не считывалъ въ рядахъ своихъ болѣе 1.200 человекъ, а эчмιάдзинскій отрядъ едва могъ вывести въ ружье 1.500 человекъ. Не было, слѣдовательно, причинъ для столь поспѣшнаго отступленія 25-тысячной персидской армии. Можетъ быть, Аббас-мирза рассчитывалъ, что Красовскій изъ Джангильскаго лагеря двинется съ осадной артиллеріею къ Эривани, и что тогда представится

удобный случай, атаковавъ его, захватить осадныя орудія вмѣстѣ съ транспортами и осадными парками. Но уже 30-го августа въ тылу его лагеря, въ дер. Хожь (или Хукъ), его разъѣзды наткнулись на авангардъ Паскевича,—лазутчики еще передъ тѣмъ увѣдомили его о выступленіи карабабскаго отряда. 1-го сентября Паскевичъ подходилъ къ деревнѣ Сандарахъ, а Аббасъ-мирза, выступивъ изъ лагеря 31-го августа, поспѣшно отступалъ по направленію къ Сардаръ-Абаду. 2-го сентября утромъ, убѣдившись въ отступленіи изъ-подъ Эривани персидской арміи, Паскевичъ поставилъ обозы вагенбургомъ у р. Видичая и перевелъ въ ночь на 3-е число отрядъ къ Араксу, миновавъ устье рѣки Занги, на перерѣзъ пути отступленія Аббаса-мирзы. Въ 8 ч. утра отрядъ сталъ на возвышенности, съ которой виднѣлся отступающій за Араксомъ аррьергардъ непріятели. Одновременно лазутчики донесли Паскевичу, что армія Аббаса-мирзы остановилась у замка Каракалы, въ 15 верстахъ отъ Сардаръ-Абада. Выступивъ изъ-подъ Эривани, Аббасъ-мирза 1-го сентября послалъ къ Паскевичу въ дер. Сандарахъ письмо съ двумя курьерами, повидимому, изъ офицеровъ его арміи. Письмо, преисполненное выраженій выпренней восточной учтивости, не заключало ничего новаго и ничего важнаго. Предлагалось начать мирныя переговоры, умалчивая о требованіяхъ русскаго правительства, вполнѣ тогда извѣстныхъ какъ шаху, такъ и его наслѣднику. Паскевичъ задержалъ персидскихъ курьеровъ и только 6-го сентября отпустилъ ихъ, поручивъ на словахъ передать

Аббасу-мирзѣ слѣдующее: *) «я удивляюсь, что Его Высочество, имѣя множество способовъ чрезъ своихъ шпионовъ въ собственномъ краѣ развѣдывать о движеніи непріятельскаго войска, призналъ нужнымъ отрядить ко мнѣ шпионовъ подъ видомъ курьеровъ. Конечно, Шахъ-Задэ **) самъ бы назвалъ съ моей стороны неосторожностью, если бы я ихъ не продержалъ у себя нѣсколько дней, покуда не объяснилось движеніе мое и его; прошу извиненія, что съ ними такъ поступлено, теперъ они отпускаются. Отвѣты на письма одинаковаго содержанія съ тѣмъ, которое они мнѣ вручили, я уже прежде посылалъ Его Высочеству изъ Эчміадзина, Аббасъ-Абада и Карабабы; болѣе прибавить ничего не имѣю».

5-го сентября Паскевичъ былъ уже въ Эчміадзинѣ, куда прибылъ вызванный имъ Красовскій. Положеніе праваго фланга было затруднительно; оказывалось, что продовольствія въ Джангильскомъ отрядѣ и Эчміадзинскомъ гарнизонѣ оставалось не болѣе какъ на 3 дня, а съ приходомъ обозовъ отряда Паскевича войска праваго фланга могли продовольствоваться еще дней 15-ть.

Къ этому времени изъ Джелаль-Оглу ожидался транспортъ съ 1000 четвертями, что, какъ писалъ Паскевичъ ***), «составитъ только на недѣлю продоволь-

*) Курьерамъ было приказано записать слова генерала Паскевича, занесенныя въ журналъ военныхъ дѣйствій отъ 6-го сентября.

**) Почетный титулъ наслѣдника престола.

***) Донесеніе Государю 14-го сентября 1827 г., см. прил. № 1. Донесеніе это начинается благодарностью за пожалованіе ордена Св. равноап. Князя Владиміра 1-ой степени. См. прил. № 2.

ствія». Генераль Сипягинъ доносилъ, что въ Тифлисѣ готовится транспортъ съ 6-ю тысячами четвертями, но на нихъ нельзя было рассчитывать; изъ донесеній Сипягина видно было, что въ Грузіи отъ падежа скота недоставало перевозочныхъ средствъ и что транспорты, при движеніи изъ Тифлиса въ Джелаль-Оглу, стоятъ въ горахъ по 18-ти дней. Между тѣмъ отрядъ Красовскаго не въ силахъ былъ овладѣть Эриванью, — бой 17-го августа и болѣзни довели его наличность приблизительно до 4-хъ тысячъ человекъ, а въ Эривани Аббасъ-мирза оставилъ 4 тысячи отборной регулярной пѣхоты и на веркахъ крѣпости стояло до 50 орудій. Притомъ крѣпость несомнѣнно на долгое время была обезпечена продовольствіемъ, такъ что слѣдовало ожидать упорной ея защиты, а стало быть и продолжительной осады. «Сіи непріятныя обстоятельства, — пишетъ Паскевичъ *), — «заставляютъ меня остаться здѣсь самому. Ибо какимъ несчастіямъ должны мы подвергнуться, если прежде зимы Сардаръ-Абадъ и Эривань не будутъ взяты! Безъ продовольствія нельзя быть. Осадную артиллерію невозможно обратно послать зимою черезъ горы. Оставить ее опасно безъ сильнаго охраненія, а и малое число войскъ съ трудностью можно прокормить». Не менѣе серьезныя соображенія еще болѣе побуждали Паскевича сосредоточить свои дѣйствія въ Эриванской области. Въ то время уже ожидалась война съ Турціею и Паскевичъ хотѣлъ овладѣть

*) См. прил. № 1.

Эриванью и Сардарь-Абадомъ, «такъ какъ, владѣя «ими», писалъ онъ, «мы будемъ держаться на правомъ «флангѣ противу турокъ, а лѣвымъ дѣйствовать противъ «Тавриза. Нижній Араксъ есть единственная операціонная наша линія противъ персіянъ, ибо можно наступательно дѣйствовать имѣя магазины свои позади себя, «а не на флангѣ, какъ здѣсь (не владѣя Эриванью), «или съ собою, какъ на походѣ отсюда до Тавриза, «что затрудняетъ всѣ движенія *)». Рѣшившись осадить Эривань, Паскевичъ предварительно хотѣлъ овладѣть Сардарь-Абадомъ, гдѣ находились значительные запасы продовольствія, достаточные, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, для прокормленія всѣхъ войскъ нашего праваго фланга мѣсяца на полтора.

Запасы Сардарь-Абада, какъ рассчитывалъ Паскевичъ, «прокормятъ войско во время осады Эривани», но хотя Сардарь-Абадская крѣпость съ ея азіятскими укрѣпленіями не въ состояніи была выдержать продолжительную осаду, но близость арміи Аббаса-мирзы, а также и недостатокъ продовольствія могли значительно осложнить ея осаду.

7-го сентября въ Эчміадзинѣ явились къ Паскевичу представители нѣсколькихъ сотъ армянскихъ семействъ, бывшихъ жителей окрестностей Эчміадзина, загнанныхъ персіянами въ горныя ущелья къ солянымъ копамъ у деревни Кулпи, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сардарь-Абада. Армяне просили водворить ихъ на прежнія ихъ

*) Донесеніе Государю отъ 14-го сентября 1827 г.

мѣста, но, опасаясь находившихся вблизи Кулпи отрядовъ арміи Аббаса-мирзы, не рѣшались перейти къ намъ безъ содѣйствія нашихъ войскъ. Они предлагали, при появленіи русскаго отряда въ Кулпи, передать находившіеся тамъ запасы персидской арміи. Паскевичъ неособенно вѣрилъ ихъ обѣщаніямъ, но находилъ, что подъ стѣнами Сардаръ-Абада и вблизи расположенія всей арміи Аббаса-мирзы переходъ къ намъ, какъ увѣрялъ армянскій архіепископъ Нарзесъ, до 1000 семействъ несомнѣнно унизилъ бы персіанъ во мнѣніи всѣхъ племенъ Эриванской области и еще болѣе высилъ бы въ краѣ значеніе русскаго владычества.

8-го сентября Паскевичъ повелъ весь Карабабскій отрядъ къ Сардаръ-Абаду, присоединивъ къ нему только одинъ батальонъ Кабардинскаго полка. Къ вечеру 10-го числа отрядъ остановился въ 20-ти верстахъ отъ Сардаръ-Абада, у деревни Келлеарха. Туда явился управляющій Кулпинскими копами Усунъ-бекъ и братъ, взятаго 9-го мая въ плѣнъ генераломъ Бенкендорфомъ, хана Айрюмскаго Измаила-хана Риза-Кули-ханъ съ армянскими старшинами. Всѣ просили принять ихъ въ подданство русскаго государя и предлагали передать 500 четвертей находившагося въ Кулпи казеннаго хлѣба, да продать 400 четвертей ихъ собственныхъ запасовъ и нѣсколько сотъ штукъ рогатаго скота. По приказанію Паскевича, начальникъ корпуснаго штаба, графъ Сухтеленъ, съ 11-ю ротами при 6-ти орудіяхъ и со всею кавалеріею отряда (за исключеніемъ одного казачьяго полка) двинулся къ Кулпи. Паскевичъ, не полу-

чивъ еще достовѣрныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ Аббасамиръзы, не сомнѣвался, однако, что движеніе русскаго отряда изъ Эчміадзина къ Сардарь-Абаду было ему извѣстно, слѣдовательно Сухтеленъ могъ встрѣтиться съ персидской арміей и въ такомъ случаѣ отряду его приказано было держаться до прибытія главныхъ силъ. Если бы Сухтеленъ не встрѣтилъ непріятельскихъ силъ, то онъ долженъ былъ спѣшить всю кавалерію и, навьючивъ лошадей солью и хлѣбными кулпинскими запасами, немедленно возвратиться къ главнымъ силамъ въ деревню Келлеархъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Паскевичъ писалъ въ инструкціи графу Сухтелену: «поручаю вамъ рассмотретьъ на мѣстѣ, удобнѣе ли жителей сихъ переселить въ деревни по близости Эчміадзина, или оставить въ нынѣ занимаемыхъ ими ущельяхъ, и въ послѣднемъ случаѣ не удобно ли и возможно ли безопасно оставить (въ Кулпи), для прикрытія ихъ, небольшой отрядъ».

12-го сентября Сухтеленъ возвратился изъ Кулпи, имѣя во вьюкахъ 400 четвертей хлѣба и пригнавъ до 500 штукъ рогатаго скота. Съ отрядомъ Сухтелена явилось болѣе 300 семействъ, немедленно отправленныхъ Паскевичемъ въ эчміадзинскія монастырскія села. Сухтеленъ не нашель возможнымъ оставить въ Кулпи отрядъ нашихъ войскъ: соляныя копи, окруженныя горами, не могли быть приспособлены для обороны малага отряда. Непріятель нигдѣ не показывался, только съ другого берега Аракса кавалерійскіе разѣзды наблюдали за движеніями его отряда.

Но свѣдѣнія о персидской арміи со всѣхъ сторонъ доставлялись тогда Паскевичу. Въ Эривани комендантъ Суанъ-Кули-ханъ принималъ дѣятельныя мѣры для упорной обороны крѣпости. Аббасъ-мирза, со своей стороны ожидая наступленія Паскевича, отошелъ къ Давалу и расположился за болотистой рѣчкой Карасу (приблизительно верстахъ въ сорока отъ Сардаръ-Абада, на той сторонѣ Аракса). Къ нему присоединился, прибывшій изъ Чорса, Али-Наги-мирза съ 15-тысячною кавалеріею и съ 6-ю батальонами сарбазовъ. Извѣстія эти не могли измѣнить рѣшимость Паскевича, сколь возможно быстро овладѣвъ Сардаръ-Абадомъ, осадить Эривань:

13-го сентября отрядъ перешелъ въ деревню Шагріару, въ 5-ти верстахъ отъ Сардаръ-Абада. Въ тотъ же день, рано утромъ, Паскевичъ съ своимъ штабомъ, подъ прикрытіемъ двухъ казачьихъ сотенъ, рекогносцировалъ крѣпость. Изъ сардаръ-абадскаго сада, съ крѣпостныхъ верковъ, непріятель открылъ пушечную и ружейную пальбу, «но безъ большого успѣха», пишетъ Паскевичъ въ журналѣ военныхъ дѣйствій. Рекогносцировка и разспросы мѣстныхъ жителей вполнѣ и вѣрно выяснили силу обороны Сардаръ-Абада.

Планъ осады
Сардаръ-
Абада.

«Крѣпость сія», записано въ журналѣ военныхъ дѣйствій, «есть четверугольникъ, коего стороны имѣють «до 250 сажень длины. Съ трехъ фасовъ она имѣеть «двѣ стѣны, изъ коихъ наружная довольно толста и «снабжена прочными башнями, на южной же сторонѣ «только одна стѣна, которая, по увѣренію жителей, «имѣеть не болѣе 5-ти аршинъ толщины, а на углахъ

«сея же стороны по нѣскольکو сажень стѣна двойная
«и башни толстыя и наполненныя землею. Сверхъ того,
«тутъ примыкаетъ большой садъ, облегчающій прибли-
«женіе къ крѣпости, съ прочихъ же сторонъ мѣстность
«совсѣмъ открытая. Кругомъ крѣпости глубокій ровъ,
«но гласисъ мѣстами только конченъ. Въ крѣпости 14
«орудій: гарнизонъ состоитъ изъ 2-хъ тысячъ сарба-
«зовъ подъ начальствомъ Феть-Али-хана, внука сардаря
«эриванскаго».

На основаніи этихъ данныхъ, Паскевичъ рѣшилъ вести атаку на южную часть крѣпости, подвергая по возможности отрядъ свой наименьшимъ потерямъ. «Много еще впереди дѣла», говорилъ онъ. «Доставая сардаря-абадскій хлѣбъ, не приходится жертвовать людьми, будемъ бить артиллеріею».

Вечеромъ 13-го сентября генераль Красовскій прибылъ съ отдѣленіемъ осадной артиллеріи, а въ ночь съ 14-го на 15-е число, въ 200-хъ саженьяхъ отъ юго-западнаго угла крѣпости, заложена была демонтиръ-батарея на четыре батарейные единорога, «для анфилады», какъ сказано въ журналѣ военныхъ дѣйствій, «южнаго фаса крѣпости». Но окружить крѣпость не было никакой возможности. Утромъ 14-го сентября, въ каналахъ, проведенныхъ изъ Аракса, вода стала сильно убывать, другой воды достать было негдѣ, — Араксъ протекалъ въ пяти верстахъ отъ крѣпости. Паскевичъ послалъ къ рѣкѣ батальонъ съ дивизиономъ кавалеріи, при двухъ орудіяхъ, для исправленія канавъ; работы удались для одной стороны, перпендикулярной теченію рѣки, такъ что «лагерь могъ

«быть расположенъ только къ сторонѣ ближайшей къ «Араксу». «Если бы окружить крѣпость», писалъ по этому поводу Паскевичъ, «то наши войска, будучи «около 10-ти верстъ удалены отъ воды, подверглись бы «большому изнуренію». Въ ночь на 15-е число Гассанъ-ханъ (братъ сардаря Эриванскаго), пользуясь темнотою ночи, садами пробрался въ Сардаръ-Абадъ съ нѣсколькими всадниками и принялъ начальство надъ крѣпостью.

Появился приказъ Гассанъ-хана, въ которомъ онъ, ободряя гарнизонъ, напоминалъ, какъ онъ въ 1808 году отстоялъ Эриванъ отъ русскихъ войскъ. 16-го сентября шелъ проливной дождь, Паскевичъ не приказалъ выводить людей на работы, но въ ночь на 17-е число открыта была первая параллель въ разстояніи 200 сажень отъ южной стороны крѣпости и заложена батарея на 18 орудій; къ утру установлено было 6 орудій. Тогда же заложена была батарея на 2 мортиры. Непрiятель, замѣтивъ работы, открылъ по нимъ сильный огонь, но, благодаря ночной темнотѣ, «не причинилъ никакого вреда». Утромъ огонь съ крѣпостныхъ верковъ былъ болѣе удаченъ, что не помѣшало, однако, войскамъ закончить ночныя работы. Въ журналѣ военныхъ дѣйствій отмѣчено рукою Паскевича: «при открытіи всѣхъ означенныхъ работъ находились: генераль-лейтенантъ графъ Сухтеленъ и инженеръ-генераль-маіоръ Трузсонъ». Въ ночь на 18-е сентября всѣ батареи были вооружены и отъ первой параллели стали проводить апроши вдоль сада. 18-го сентября, съ ранняго утра, осадныя батареи открыли учащенный огонь.

Послѣ 500 выстрѣловъ обрушилась 4-хъ-угольная башня южной стороны. Паскевичъ выдвинулъ 6 орудій впередъ на 100 сажень отъ атакованнаго фаса крѣпости. 19-го числа, въ теченіе всего дня, огонь осадныхъ орудій продолжался непрерывно; почти вся южная куртина обвалилась, вмѣстѣ съ тѣмъ мортирныя батареи бомбардировали внутреннія зданія города. Сухтеленъ просилъ дозволить войскамъ штурмовать крѣпость; успѣхъ былъ несомнѣненъ. «Зачѣмъ жертвовать людьми, къ чему! и «безъ того крѣпость наша», отвѣчалъ Паскевичъ, и дѣйствительно, въ 6 часовъ вечера, Гассанъ-ханъ прислалъ парламента, прося о перемиріи на 2 дня. Паскевичъ отослалъ парламента съ рѣшительнымъ отказомъ, велѣлъ усилить огонь и одновременно послалъ въ разѣздъ кругомъ крѣпости два дивизіона кавалеріи, грузинское и татарское ополченія. Въ 7 часовъ вечера съ крѣпостныхъ стѣнъ слышенъ былъ обычный окрикъ часовыхъ, но внутри крѣпости замѣчено нѣсколько оживленное движеніе. Полчаса спустя небольшой пороховой погребъ, находившійся сзади первой параллели, былъ взорванъ по неосторожности артиллерійской прислуги. Именно въ это время пронеслось извѣстіе, что гарнизонъ выходитъ съ сѣверной стороны. Пѣхота бросилась въ брешь, проломила ворота и ворвалась въ крѣпость, но успѣла захватить только арьергардъ — не болѣе одной сотни сарбазовъ. Остальные разсыпались по степи и бѣжали по направлению къ Эривани. Вся кавалерія подъ начальствомъ Бенкендорфа, Розена и Шабельскаго преслѣдовала ихъ на разстояніи 10-ти верстъ; Гассанъ-ханъ ускакалъ, но

гарнизонъ оставилъ убитыми и ранеными болѣе 500 человекъ, а плѣнными болѣе 250-ти. Цѣль была достигнута, — въ крѣпости оказалось 14 т. четвертей разнаго хлѣба; по расчету Паскевича, всѣ войска праваго фланга были обеспечены продовольствіемъ на 6 мѣсяцевъ. Кромѣ того, въ магазинахъ нашлись значительные запасы пороху, снарядовъ, хлопчатой бумаги и т. д., а на стѣнахъ крѣпости стояло 13 мѣдныхъ орудій. «Сіе «пріобрѣтеніе», пишетъ Паскевичъ въ журналѣ военныхъ дѣйствій, «есть истинная драгоцѣнность, и безъ сего «осада Эривани была бы весьма сомнительна *) «ибо даже транспортъ, состоящій изъ 1000 четвертей «сухарей и давно выступившій изъ Джелаль-Оглу, еще «неизвѣстно когда прібудетъ». На другой день послѣ овладѣнія Сардаръ-Абадомъ, въ окрестныхъ деревняхъ оказалось, какъ пишетъ Паскевичъ, «множество заготовленнаго фуража для персидской арміи», а въ крѣпости до 10.000 подковъ; Сардаръ-Абадъ очевидно былъ запаснымъ пунктомъ для продовольствія арміи Аббасамирзы. Наши потери подъ Сардаръ-Абадомъ были ничтожны: въ донесеніи своемъ Государю Паскевичъ не упоминаетъ о нихъ, а судя по журналу военныхъ дѣй-

*) Попечитель С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, въ 1831 году, Бороздинъ сообщилъ извѣстному М. П. Погодину весьма, намъ кажется, знаменательное изреченіе Паскевича, примѣнимое къ описываемому нами времени: «Я не сдвину съ мѣста прежде чѣмъ солдаты будутъ сыты и пьяны (Н. Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. III, стр. 338). Конечно, «пьяны», въ данномъ случаѣ, выражаетъ только полное довольство.

ствій, въ цѣломъ отрядѣ не оказывалось болѣе 20-ти человѣкъ убитыми и ранеными *).

21-го сентября Паскевичъ отправилъ въ Эчмиадзинъ осадную артиллерію, а на другой день весь отрядъ долженъ былъ выступить къ Эривани. Комендантомъ Сардаръ-Абада назначенъ былъ л.-гв. Преображенскаго полка полковникъ Хомутовъ; гарнизонъ крѣпости составляли одинъ батальонъ Крымскаго полка, при двухъ орудіяхъ, съ армянскою дружиною и командою казаковъ.

Передъ выступленіемъ къ Эривани, Паскевичъ получилъ донесеніе отъ генерала кн. Эристова. Узнавъ 16-го сентября, что Аббасъ-мирза слѣдуетъ изъ Шарура къ Хоку съ намѣреніемъ напасть на Нахичевань, кн. Эристовъ двинулся на шарурскую дорогу съ 6-ю батальонами, двумя сводными уланскими полками и 7-ю сотнями черноморцевъ, при 18-ти орудіяхъ. Встрѣтившись съ авангардомъ Аббаса-мирзы, онъ сбиль его съ занятой позиціи и преслѣдовалъ до брода Кайгачъ, но главныя силы персіянъ въ то время тянулись уже по дорогѣ къ Хою. Эристову не удалось настигнуть Аббаса-мирзу; преслѣдовавъ непріятеля около 30-ти верстъ, онъ долженъ былъ возвратиться въ Нахичевань. Паскевичъ поручилъ Эристову наблюдать за движеніями арміи Аббаса-мирзы, прикрывая осаду Эривани.

Неудавшееся движеніе Аббаса-мирзы на Нахичевань несомнѣнно имѣло цѣлью отвлечь Паскевича отъ Сар-

*) Объ осадѣ и взятіи Сардаръ-Абада см. въ прил. № 3 извлеченіе изъ бумагъ, хранящихся въ семейномъ архивѣ кн. Паскевича.

дарь-Абада. Почти одновременно легкіе отряды персидской арміи двигались вдоль турецкой границы на наши сообщенія къ Талыши и Гумрамъ. Сипягинъ выступилъ изъ Джелаль-Оглу въ Гумры съ 8-мъ сапернымъ батальономъ и туда же направилъ изъ окрестностей кр. Цалки полковника Лемана съ двумя ротами и полковника Гурко съ дивизиономъ 2-й уланской бригады. За исключеніемъ 2-хъ ротъ полковника Лемана, остальные войска, по приказанію Паскевича, слѣдовали въ отрядъ генерала Красовскаго. Искусно распущенные персіянами слухи увѣрили Сипягина, что отряды персидскихъ войскъ, слѣдуя на сообщенія наши, идутъ въ особенности съ тѣмъ, чтобы поддержать готовое будто бы возстаніе въ Самхетіи. Ничего подобнаго не было и Сипягинъ, подойдя къ Гумрамъ, убѣдился, что персидскіе отряды отступаютъ къ Сардарь-Абаду, оставивъ только весьма слабыя разъѣзды.

Предположенія и планы дѣйствій въ штабѣ Аббасамирзы усердно составлялись, но не было ни энергіи, ни рѣшимости приводить ихъ въ исполненіе. Теперь, послѣ паденія Сардарь-Абада и отступленія Аббасамирзы къ Хою, сардаръ эриванскій замышлялъ предпринять дѣйствія на нашихъ сообщеніяхъ. Это ясно обнаружено было, на другой же день послѣ овладѣнія Сардарь-Абадомъ, движеніемъ полковника Раевскаго въ деревню Халифалу, въ 40-ка верстахъ отъ Сардарь-Абада. Наканунѣ еще тамъ стоялъ сардаръ эриванскій съ коннымъ отрядомъ въ 300 или 500 человекъ и оттуда потянулся въ Турцію, въ Баязетскій пашалыкъ. Паскевичъ пред-

полагалъ вѣроятнымъ, что онъ присоединитъ къ себѣ конныхъ куртинцевъ и карапахцевъ, что, можетъ быть, и составитъ отрядъ иррегулярной кавалеріи силою отъ 2-хъ до 3-хъ тыс. человѣкъ. 23-го сентября отрядъ Паскевича, возвратясь изъ Сардаръ-Абада, расположился лагеремъ въ двухверстномъ разстояніи отъ Эриванской крѣпости, занявъ курганъ Муханатъ-тапа въ 750 саженьяхъ отъ крѣпостныхъ стѣнъ. Окруженный генералами и чинами штаба, Паскевичъ выѣхалъ на рекогносцировку крѣпости, и на этотъ разъ залпы съ крѣпостныхъ верховъ не были, какъ въ Сардаръ-Абадѣ, «безуспѣшны». Нѣсколько человѣкъ изъ окружающихъ его были убиты и ранены, между прочими состоявшій при немъ извѣстный Каргановъ тогда же былъ серьезно раненъ.

На скалистомъ берегу рѣки Занги виднѣлись сады Планъ осады Эривани. и внутреннія зданія Эриванской крѣпости съ ихъ минаретами и башнями. Вдоль, по вершинѣ крутого вогнутаго берега, на протяженіи 200 сажень тянулась стѣна съ бойницами и съ башнями на флангахъ. Береговое укрѣпленіе Эривани было запущено, мѣстами обвалилось, открывая въ брешахъ густые сады, удобные для обороны, и безъискусственныя сооруженія. Крутизна берега и самое теченіе рѣки не допускали возможности атаковать береговья укрѣпленія открытою силою, а тѣмъ менѣе производить осадныя работы. Остальные три фаса Эриванской крѣпости, съ двойными толстыми стѣнами и вооруженные 50-ью орудіями, съ глубокими рвами, наполненными водою, съ башнями и фланговой обороной,

предоставляли гарнизону всѣ средства къ упорной защитѣ. Воспоминаніе о русскомъ главнокомандующемъ графѣ Гудовичѣ, уничтожившемъ въ открытомъ полѣ почти всю персидскую армію, но на эриванскихъ стѣнахъ потерпѣвшемъ рѣшительное пораженіе, воодушевляло гарнизонъ, тѣмъ болѣе, что Гассанъ-ханъ, комендантъ Эривани въ 1808 году, и теперь принялъ главное начальство надъ крѣпостью. Неудача въ Сардаръ-Абадѣ, казалось, не ослабила его энергіи и дѣятельности. Значительные запасы пороха, снарядовъ и хлѣба на нѣсколько мѣсяцевъ обеспечивали оборону и продовольствіе гарнизона.

Были, впрочемъ, и темныя стороны, по всей вѣроятности тогда не мало заботившія Гассанъ-хана.

Передъ войною, братъ его сардаръ эриванскій, увлекаясь составленнымъ планомъ кампаніи, по коему имѣлось въ виду при наступленіи русскихъ войскъ опустошить Эриванскую область, переселилъ въ крѣпость изъ города и его форштадтовъ до 18-ти тыс. жителей.

Городъ Эриванъ, расположенный къ югу на четверть версты отъ крѣпостныхъ стѣнъ по берегу рѣки Занги, почти совсѣмъ опустѣлъ; но зданія его и сады уцѣлѣли; разрушить все было бы и трудно, и бесполезно: каменные постройки и въ разрушенномъ даже видѣ представляютъ достаточное прикрытіе для наступленія неприятельской пѣхоты. Но 18-тысячное населеніе въ крѣпости, имѣющей съ небольшимъ двѣ версты въ окружности, во всѣхъ отношеніяхъ, а въ санитарномъ въ особенности, оказывалось тяжелымъ бременемъ.

Наконецъ, при предстоящей бомбардировкѣ города, какое вліяніе окажетъ на гарнизонъ эта масса отъ ужаса растерявшихся и плачущихъ женщинъ и дѣтей?

Окончивъ рекогносцировку, Паскевичъ рѣшилъ вести осаду на юго-восточную сторону крѣпости. Открытая мѣстность вокругъ трехъ фасовъ эриванскихъ укрѣпленій оказывалась неудобною для атакующихъ, несмотря на то, что, прикрываясь городомъ, легко было подвести пѣхоту на 300 сажень отъ крѣпостныхъ стѣнъ; но при вооруженіи того времени дѣйствительность на такомъ разстояніи орудійнаго огня была болѣе чѣмъ сомнительна. Почва кругомъ Эривани преимущественно каменистая. Одна только широкая глинистая прогалина, на юго-восточной сторонѣ крѣпости, представляла возможность безъ особыхъ затрудненій производить осадныя работы. Именно въ этомъ направленіи Паскевичъ и приказалъ вести атаку.

24-го сентября, къ вечеру, быстро воздвигнутая батарея вправо отъ Муханатъ-тапы, за небольшимъ садомъ, была вооружена 2-мя мортирами, изъ которыхъ въ теченіе всей ночи на 25-е число бомбардировали внутренность крѣпости. Утромъ 25-го числа Паскевичъ ввелъ въ городской форштадтъ Кабардинскій и 39-й Егерскій полки, а къ вечеру на Муханатъ-талѣ (въ 350 саженьяхъ отъ крѣпости), подъ огнемъ крѣпостной артиллеріи, воздвигнута была батарея, которую немедленно вооружили 6-ю батарейными орудіями, а къ мортирной батарее подвезли еще двѣ мортиры. Вечеромъ 25-го числа и въ ночь на 26-е огонь съ обѣихъ сторонъ не прекращался, но изъ крѣпост-

ныхъ верковъ обстрѣливалась въ особенности дорога, по которой шли войска Красовскаго въ лагерь Паскевича. Изъ крѣпости стали выбѣгать жители; 26-го утромъ въ лагерь Паскевича ихъ прибыло около 40 человѣкъ. По ихъ показаніямъ, бомбардировка произвела всеобщее смятеніе. Всѣ жители юго-восточной части сгучились къ ханскому дворцу, расположенному за сѣверными верками Эриванской крѣпости. «Гассанъ-ханъ», говорили они, «старается успокоить народъ, но ему не вѣрять, масса женщинъ хочетъ проникнуть въ погреба ханскаго дворца, куда ихъ не пускаютъ».

Въ этотъ же день получены были извѣстія о сардарѣ эриванскомъ.

По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, онъ сформировалъ въ Баязетскомъ пашалыкѣ отрядъ въ полторы тысячи человѣкъ, но, не рѣшившись дѣйствовать на сообщенія наши, направился къ Аббасу-мирзѣ, въ Хой. Какъ только онъ перешелъ границу Персіи, то немедленно 800 семействъ бывшихъ жителей Эриванской области, насильно выселенныхъ въ окрестности Карса и Баязета, прислали своихъ представителей къ Паскевичу, прося водворить ихъ обратно. Съ самаго начала настоящей кампаніи пограничные турецкіе паши постоянно содѣйствовали персіянамъ. Персидскіе отряды не только безпрепятственно двигались вдоль порубежныхъ съ нашими владѣніями турецкихъ пашалыковъ, но турецкія власти еще затрудняли всѣми способами обратный переходъ насильно къ нимъ выселенныхъ эриванскихъ жителей. «Только одни русскія войска», писалъ Паскевичъ эрзерумскому пашѣ,

«уважають турецкія земли, а персіяне дѣйствуютъ у васъ какъ бы у себя дома». На этотъ разъ, запуганные нѣсколько, какъ кажется, энергією Паскевича, пограничные паши приняли дѣятельныя мѣры къ исполненію его требованій: эриванскимъ жителямъ оказано было всевозможное содѣйствіе для скорѣйшаго ихъ движенія къ нашимъ границамъ.

Въ это время Аббасъ-мирза въ Хойскомъ лагерѣ окапывался, ожидая наступленія русской арміи.

По распоряженію Паскевича, отряды князей Вадбольскаго и Эристова, перейдя Араксъ, медленно двигались по хойской дорогѣ. Имъ приказано было, не вдаваясь далѣе 70 или 80 верстъ отъ Аракса, не упускать изъ виду войска Аббаса-мирзы.

Въ ночь на 27-е число инженеръ-генераль-маіоръ Трузсонъ заложилъ на 200-саженномъ разстояніи отъ юго-восточнаго угла крѣпости первую параллель въ 750 шаговъ длины. На лѣвомъ ея флангѣ заложена была батарея на 8 орудій, а на правомъ на 12.

Съ вечера, во время работъ, Паскевичъ приказалъ двумъ казачьимъ полкамъ и двумъ ротамъ 7-го карабинернаго полка отвлекать вниманіе непріятеля фальшивыми тревогами съ сѣвера и со стороны Занги. Изъ крѣпости по казакамъ и карабинерамъ открыли сильный огонь, но въ полночь, при свѣтѣ полной луны, персіяне замѣтили чуть не на гласисѣ южной угловой башни гвардейскихъ стрѣлковъ, прикрывавшихъ траншейныя работы. Стрѣлки, не отвѣчая на огонь непріятеля, не обозначили свое расположеніе, но къ разсвѣту шумъ

подвозимыхъ къ батареямъ осадныхъ орудій указаль осажденнымъ направленіе нашихъ работъ. Со всѣхъ крѣпостныхъ орудій началась учащенная пальба. «Только», значитъ въ журналѣ военныхъ дѣйствій, «удачному «выбору мѣста заложения параллели и батарей должно «приписать, что наша потеря была незначительная». Утромъ демонтиръ-батареи на правомъ и лѣвомъ флангахъ траншеи были вооружены и открыли огонь по крѣпостнымъ веркамъ. Бомбардировка непрерывно продолжалась и выбѣгающіе по одиночкѣ изъ крѣпости жители сообщали о все болѣе и болѣе возрастающемъ народномъ неудовольствіи и смятеніи. Между жителями носился слухъ о намѣреніи Гассана-хана бѣжать изъ крѣпости. Не придавая особеннаго значенія молвѣ народной, Паскевичъ тѣмъ не менѣе усилилъ разъѣзды кавалеріи кругомъ крѣпости, а за рѣку Зангу послалъ батальонъ 7-го карабинернаго полка съ 6-ю орудіями, которые и расположились на Иракліевой горѣ. Съ этой возвышенности, командующей всей мѣстностью и крѣпостью Эриванью, посланныя орудія обстрѣливали ханскій дворець съ прилегающими къ нему площадью и мечетью. Въ это утро, вновь установленныя 6 осадныхъ орудій на правомъ и лѣвомъ флангахъ траншеи, приблизительно въ 150 саженьяхъ отъ крѣпостныхъ стѣнъ, удачными выстрѣлами сбили вершины куртины и южной башни. Артиллерійскій огонь съ осажденныхъ фансовъ крѣпости на время прекратился; но въ ночь на 29-е сентября непріятель возстановилъ обвалившіяся амбразуры и усиленно отвѣчалъ на наши выстрѣлы.

Въ ночь на 30-е сентября саперы летучею сапою подвели апроши на 55 сажень отъ гласиса. Непрiятель, только утромъ замѣтивъ ихъ, открылъ по нимъ ружейный огонь. Тѣмъ временемъ южная угловая башня, съ прилегающей къ ней куртiною, обвалилась. Осадныя работы подъ ружейнымъ огнемъ непрiятеля продолжались и къ концу дня были установлены туры на подшвѣ гласиса.

Между тѣмъ бомбардировка довела положенiе дѣлъ до того, что Гассанъ-ханъ хотя и увѣрялъ всѣхъ, что Аббасъ-мирза подходитъ къ Эривани и что русскiе скоро отойдутъ отъ крѣпости, но, опасаясь народнаго возстанiя, осмѣливался показываться на площадяхъ и вблизи зданiй занятыхъ народомъ не иначе, какъ окруженный сарбазами. Паскевичъ послалъ къ Гассану-хану парламента съ предложенiемъ сдать крѣпость. Гассанъ-ханъ хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы попытаться извѣстить Аббаса-мирзу и брата своего сардаря о положенiи дѣлъ въ Эривани. Онъ надѣялся, что, можетъ быть, тогда наслѣдникъ шахскаго престола рѣшится наконецъ на энергичное наступленiе изъ-за Аракса и тѣмъ заставитъ Паскевича снять осаду Эривани. Въ этихъ видахъ, въ весьма учтивомъ письмѣ къ Паскевичу, онъ просилъ перемирiя и разрѣшенiя послать къ Аббасу-мирзѣ, чтобы испросить, будто бы, у главнокомандующаго персидскими армiями дозволенiе сдать русскимъ Эриванскую крѣпость. Такого рода ухищренiя не могли обмануть Паскевича. «Безъ посылокъ къ кому бы «то ни было»,—велѣлъ онъ отвѣтить Гассану-хану, —

«сдаться безусловно тотчасъ же или узнаете силу русскаго оружія».

Вечеромъ того же 30-го сентября непріятель прекратилъ пальбу съ атакованныхъ верковъ. Саперы летучею сапою взошли на гласисъ и установили туры въ 13-ти саженьяхъ отъ рва. Непріятель съ верковъ открылъ сильнѣйшій ружейный огонь, но картечные выстрѣлы съ нашихъ батарей очистили крѣпостные валы отъ непріятельскихъ стрѣлковъ. Въ ночь вторая полупараллель съ ложементомъ была окончена. Къ утру, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ линіи нашихъ туровъ, за рвомъ, виднѣлись полуразрушенныя башни и куртины. Громадныя бреши обстрѣливались учащеннымъ огнемъ осадныхъ орудій. Въ крѣпости бомбардировка наносила страшное смятеніе, дома одинъ за другимъ обваливались, пыль отъ развалинъ и дымъ отъ взрыва бомбъ густыми облаками носились надъ Эриванскою крѣпостью. 1-го октября, въ 8 часовъ утра, наши рабочіе обстрѣливались ружейнымъ огнемъ только съ южной стороны, но вдругъ, и совершенно неожиданно, на восточной куртинѣ показалась масса жителей, махавшихъ бѣлыми платками. Тогда дежурный по траншеямъ, генераль-маіоръ Лаптевъ, приказалъ полковникамъ Гурко и Шипову съ 6-ю ротами л.-гв. своднаго полка занять восточный фасъ крѣпости, что съ быстротою и было ими исполнено. Нѣсколько сотъ сарбазовъ бросились ихъ сбивать, но уже было поздно; Гурко и Шиповъ, ударивъ въ штыки, преслѣдовали ихъ во внутрь крѣпости. Самъ Лаптевъ, съ рабочими отъ 39-го егерскаго и Севастопольскаго полковъ

и съ пионерными ротами, поспѣшно двинулся къ сѣвернымъ воротамъ крѣпости; туда же направилъ Паскевичъ генерала Красовскаго съ частью его отряда. Ворота были завалены, ружейный огонь съ крѣпостныхъ стѣнъ разстрѣливалъ войска, толпившіяся у самой подошвы на бермѣ крѣпостныхъ валовъ. Въ это время подъѣхалъ Паскевичъ со своимъ штабомъ. Дружнымъ напоромъ головныхъ частей ворота были мгновенно сломаны и два батальона сарбазовъ сдались ворвавшимся въ крѣпость русскимъ батальонамъ. Изъ городского форштадта выходили, по распоряженію Паскевича, остальные отряды Красовскаго, окружая со всѣхъ сторонъ крѣпость; вся кавалерія была послана по всѣмъ дорогамъ и за рѣку Зангу, чтобы перехватывать бѣгущихъ изъ крѣпости.

Генераль Сухтеленъ съ 2-мя ротами л.-гв. своднаго полка бросился къ ханскому дворцу. Тамъ, въ мечети, окруженный 2.000 сарбазовъ, находился Гассанъ-ханъ. Сарбазы приготовились къ сопротивленію, но рѣшительность Сухтелена прекратила дѣло: сарбазы и ханъ сложили оружіе и сдались въ плѣнъ. Безпорядокъ, неизбежный въ подобныхъ случаяхъ, продолжался часа два; весь гарнизонъ, свыше 3-хъ т. человѣкъ, былъ взятъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ гвардейскій батальонъ Аббасмирзы. Кромѣ Гассана-хана сдались ханы: Марандскій, Айрюмскій и Тавризскій; а комендантъ крѣпости Кулиханъ былъ взятъ поручикомъ Чевкинымъ въ подземельи, откуда онъ, переодѣтый, готовился бѣжать.

Въ журналѣ военныхъ дѣйствій Паскевичъ объясняетъ появленіе жителей на южной куртінѣ тѣмъ, что,

доведенные до отчаянія бомбардировкою, они уговорили часть сарбазовъ гарнизона не оказывать упорнаго сопротивленія русскимъ, а затѣмъ спѣшили окончить невыносимое для нихъ положеніе дѣль.

Въ магазинахъ крѣпости нашлось до 10 тысячъ четвертей хлѣба, громадное количество пороха и артиллерійскихъ снарядовъ. Захвачены были знамена трехъ батальоновъ сарбазовъ и кавалерійское знамя Гассанахана, а на крѣпостныхъ веркахъ оказалось 52 орудія разныхъ калибровъ. Во дворцѣ сардарскомъ нашлось имущества на весьма значительную сумму. Всѣ почти зданія въ крѣпости были разрушены; мертвыми тѣлами сарбазовъ были завалены цѣлые переулки города. Съ нашей стороны, во все время осады, убыль доходила до ста человѣкъ убитыми и ранеными. «По благодати «Божіей», записано въ журналѣ военныхъ дѣйствій, «мы въ сей день спаслись отъ большаго несчастія: «когда войска вошли въ Эривань и поставленъ былъ «карауль къ пороховымъ погребамъ, то случайно изъ «главнаго пороховаго погреба гвардіи подпоручикъ Лемякинъ вынулъ зажженный фитиль». «Въ воспоминаніе взятія крѣпости въ день Покрова Пресвятыя Богородицы», писалъ Паскевичъ Государю, «я посвятилъ «одну изъ здѣшнихъ мечетей для церкви гарнизона». Воспоминаніе дѣйствительно славное! *). Съ паденіемъ

*) Объ осадѣ и взятіи Эривани см. въ прилож. № 4 извлеченіе изъ бумагъ, хранящихся въ сем. арх. кн. Паскевича. За взятіе Сардаръ-Абада и Эривани генералъ-адъютантъ Паскевичъ пожалованъ кавалеромъ ордена св. Побѣдоносца Георгія 2-й степени большаго креста. См. прилож. № 5.

Эривани двѣ богатѣйшія области Закавказья окончательно были покорены русскимъ оружіемъ,—въ три мѣсяца три крѣпости, болѣе ста орудій, огромные запасы хлѣба, пороха и снарядовъ достались побѣдителямъ. Теперь генералу Паскевичу, для дальнѣйшихъ дѣйствій, не предстояли болѣе удручающія заботы о продовольствіи своихъ побѣдоносныхъ отрядовъ.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ГЛАВЪ I.

По Гюлистанскому трактату Персія уступила Россіи ханства: № 1, а).

1. Карабагское.
2. Ганжинское, обращенное въ провинцію подъ названіемъ Елисаветпольской.
3. Шекинское.
4. Ширванское.
5. Дербентское.
6. Кубинское.
7. Бакинское.
8. Талышинское (кое на основаніи *status quo ad praesentem* должно быть размежевано особыми комиссарами).
9. Весь Дагестанъ.
10. Грузію съ Шурагельскою провинціею.
11. Имеретію.
12. Гурію.
13. Мингрелію.
14. Абхазію.

Сепаратный актъ заключается въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Посланникъ, имѣющій отправиться отъ Персидскаго Двора съ поздравленіемъ къ Россійскому Двору, повелѣнный

ему отъ своего Шаха просьбы представить на волю Великаго Императора. Главнокомандующій же Россійскій объщаетъ по возможности употребить стараніе о просьбахъ Персіи.

- б) Талышинское ханство весьма для Россіи важно во многихъ отношеніяхъ; ибо, чрезъ удержаніе крѣпости Ленкорана, мы можемъ имѣть въ здѣшнемъ краю превосходную пристань, удобную для военныхъ судовъ, и полезную какъ для коммерціи, такъ и для свободнаго сообщенія, равнымъ образомъ лѣсъ для строенія, въ которомъ Бакинская провинція совершенно недостаточна, и держать самую Персію, если не въ повиновеніи, то во всегдашнемъ страхѣ, по близости сего ханства, можно сказать, къ самому сердцу ея. Притомъ, по превосходству сего мѣста противъ Астраханскаго порта и Бакинской рейды, я имѣю въ виду, чтобы со временемъ военный портъ вмѣсто Астраханскаго учредить при Талышинскихъ берегахъ; а такъ же одну изъ таможенъ учредить тамъ же какъ ближайшемъ и удобномъ мѣстѣ для персидской торговли.

Талышинское ханство есть такой пунктъ, который вмѣстѣ съ *Карабагомъ* могутъ всегда держать Персидское Правительство въ страхѣ, а трактатъ, нынѣ заключенный, въ полномъ уваженіи.

О Карабагѣ и Ганжѣ изъ разныхъ донесеній извлечены слѣдующія свѣдѣнія:

Карабагское или Шушинское ханство лежитъ между стеченіями рѣкъ Куры и Аракса; жителей считается не болѣе 5 т. дворовъ (на каждый дворъ полагается по 5 душъ), кои большею частію армяне. Шушинскую крѣпость, столицу сего ханства, почитаютъ во всей Персіи неприступною. Сіе ханство вступило добровольно въ Росс. подданство 14-го мая 1805 года и платитъ ежегодно по 8000 р. Генер. Ртищевъ называетъ сіе ханство ключемъ къ сердцу самой Грузіи.

Ганжа была въ подданствѣ Грузіи.

Извлечено изъ дѣла министерства иностранныхъ дѣлъ по сношеніямъ съ г-мъ Ермоловымъ (1816—1824 гг.).

Переводъ ноты Персидскаго Посла Мирзы Абдуль Гассанъ № 2.
Хана къ Статсъ-Секретарю Графу Нессельроде, отъ 20 января 1816 года.

Son Excellence M-r l'Ambassadeur de la Cour de Perse, après avoir fait ses complimens à S. E. M-r le Comte de Nesselrode, Visir de la Haute Puissance Russe, lui expose ici les demandes qu'il est chargé de faire à Sa Majesté le Grand Empereur de la part de Son Roi et qui suivent ainsi que ci dessous.

1-0. Comme le dernier traité de Paix entre les deux Puissances est arrangé d'une manière court et succinct, il espère, qu'il sera remplacé par un autre plus détaillé, fait ici, qui fixe les limites réciproques; et que conformément à l'article 7 du susdit Traité, il pourra encore terminer et arranger quelques autres points.

2-0. La paix et la bonne harmonie qui ont toujours existé entre les deux hautes Puissances voisines n'ont été rompus que par les instigations de quelques malveillans; par une suite de cette rupture la Cour de Perse se vit dépossédée d'une partie de Ses Provinces, qui passèrent sous la domination de l'Empire Russe, et des pertes furent éprouvées de part et d'autre. Il est à espérer que Sa Majesté Impériale aura la générosité de restituer les susdites provinces sur la Perse, et si le Ministère de ce Grand Empire y objectait en alleguant le dédommagement nécessaire pour les frais de la guerre, M-r l'Ambassadeur est prêt à y satisfaire de la manière qui sera convenue à ce sujet de part et d'autre.

3-0. Dans le cas, où la totalité des pays conquis ne pourrait pas être restituée et que la Cour Impériale de Russie en conservant pour Elle les provinces de la Géorgie et de Daguistan consentait à se désister du reste de ses conquêtes, M-r l'Ambassadeur

est également disposé à traiter de l'indemnité convenable selon ce qui sera fixé sur ce point de la part des deux Parties contractantes.

4-o. Le Roi de Perse se reposant entièrement sur la bonté et la magnanimité généralement reconnues du Grand Empereur et fermement persuadé que Ses prières de si peu de conséquence vis-à-vis de la grandeur d'âme de Sa Majesté Impériale ne Lui seront pas refusées et que par leur accomplissement ses vœux seront comblés, l'amitié entre les deux Puissances de plus en plus consolidée et la gloire de Sa Majesté Impériale répandue déjà par tout l'univers acquerra plus d'éclat.

M-r l'Ambassadeur se remet totalement à la volonté Suprême de Sa Majesté Impériale, et souhaite toute prospérité à S. E. M-r le Comte.

(Signé) ABDUL HASSAN.

(Подлинникъ находится въ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ).

*Проектъ отношенія къ
Персидскому послу.*

22-го марта 1816.

3. Я подносилъ къ Высочайшему усмотрѣнію Всемилостивѣйшаго Государя Императора полученныя мною отъ вашего высокостепенства отношенія отъ 20-го января, и донесъ Его Императорскому Величеству, во всей подробности, о присовокупленныхъ къ тому изустныхъ вашихъ объясненіяхъ. Въ сихъ отношеніяхъ вашего высокостепенства изложено желаніе Его Величества Шаха Персидскаго получить обратно нѣкоторую часть земель, признанныхъ по силѣ мирнаго договора, заключеннаго 12-го октября 1813 года, присоединенными къ Россійской Имперіи, съ изъясненіемъ, что сіе желаніе Его Шахова

Величества основано на извѣстныхъ правилахъ кротости и великодушія Его Императорскаго Величества.

Будучи преисполненъ всегда искреннѣйшимъ благорасположеніемъ споспѣшествовать къ тому, чтобы между обоими Государствами, послѣ толь продолжительной и кровопролитной войны, прочно утвердились связи добраго согласія, столь счастливо онымъ договоромъ возстановленныя, Всемилоствѣйшій Государь Императоръ изволилъ разсматривать сіи предложенія Его Величества Шаха Персидскаго съ тѣмъ тщательнымъ вниманіемъ, съ каковымъ Его Императорское Величество всегда принимать будетъ всѣ отношенія сего Государя,—уважая дружбу его и отличныя достоинства, но въ толь важномъ обстоятельстве, Государь Императоръ не можетъ послѣдовать токмо единымъ побужденіямъ сердца своего, но долженъ принять прежде во уваженіе пользу своей Имперіи. Въ семъ двоякомъ отношеніи Его Императорское Величество изволилъ обозрѣвать домогательства Персіи.

Дабы вникнуть въ нихъ обстоятельно, нужно привести себѣ на память, что не Россія къ послѣдней войнѣ подала поводъ, и что перенося за Кавказъ свое оружіе, она не имѣла никакихъ видовъ честолюбія и завоеванія, но была вынуждена къ тому необходимостію, дабы охранить землю, съ давнихъ лѣтъ ввѣрившую себя ея покровительству, и защитить единовѣрный народъ отъ несправеднаго нападенія Аги Магомедъ Хана, угрожавшаго оному совершенною гибелью. Послѣ смерти его, и въ слѣдствіе бывшаго въ Персіи междуцарствія, разныя области, коихъ присоединеніе къ Россіи Персидскій Шахъ созналъ послѣднимъ договоромъ, заключеннымъ съ Его Шаховымъ Величествомъ, добровольно поступили въ ея подданство, и сіи связи утверждены торжественными съ ними постановленіями. Ханство Талышинское также весьма съ давняго времени

всегда находилось въ такомъ же положеніи и никогда не соглашалось признать себя въ зависимости отъ Персіи. Одно только ханство Ганжинское, бывъ покорено силою оружія, можно почесть завоеваннымъ. Таковы суть отношенія къ Россіи тѣхъ земель, къ коимъ простираются требованія Его Величества Шаха Персидскаго.

Сообразивъ все сіе, ваше высокостепенство, конечно, сами удостовѣриться изволите, можно ли, чтобы при таковыхъ отношеніяхъ Его Императорское Величество безъ душевнаго прискорбія рѣшился на уступку земель, коихъ жители, добровольно присоединившись къ Россійской Имперіи, всего ожидаютъ отъ сильнаго покровительства Его Императорскаго Величества. И такъ, при всемъ расположеніи соотвѣтствовать желаніямъ Его Шахова Величества, Государь Императоръ, имѣя въ виду столь сильное уваженіе, не прежде можетъ приступить къ какой либо рѣшимости, какъ получивъ точное свѣденіе о положеніи нынѣшнихъ границъ и областей, утвержденныхъ мирнымъ договоромъ за Россією. Симъ только образомъ, и не иначе, Его Императорское Величество изволитъ надѣяться, что можно будетъ найти способъ къ оказанію Персіи удовлетворенія, не подвергая себя опасности поступить во вредъ существеннымъ своимъ выгодамъ, сдѣлавъ нынѣ же рѣшительное заключеніе по такимъ дѣламъ, о коихъ нужно имѣть поясненія; иное было бы вопреки точнымъ постановленіямъ договора, служащаго неоспоримымъ доказательствомъ, сколь желанія Россіи умѣренны; ибо оный договоръ далеко не соотвѣтствуетъ даже тому, чего требуетъ безопасность границъ нашихъ. Но поелику нельзя приступить къ толь трудному соображенію и къ нужнымъ по оному распоряженіямъ иначе какъ на мѣстѣ, то Государь Императоръ изволилъ назначить одного изъ своихъ военачальниковъ, удостоеннаго полною довѣренностію Его Император-

скаго Величества, который туда отправится съ тѣмъ, чтобы обозрѣть во всей подробности нынѣшнее положеніе границъ нашихъ, равно какъ и тѣхъ мѣстъ, до коихъ особенно относятся требованія Его Шахова Величества. Для сего порученія Высочайше избранъ: генераль лейтенантъ Ермоловъ; и по свѣденіямъ, кои отъ него будутъ представлены, Его Императорское Величество изволить дать отзывъ рѣшительный, сообразивъ оный съ пользами своей Имперіи и съ искреннимъ своимъ желаніемъ сдѣлать угодное Его Величеству Шаху Персидскому. Приемля жъ въ разсужденіе, что при такомъ ходѣ сего дѣла, впрочемъ неизбѣжномъ въ толь трудныхъ обстоятельствахъ, нельзя ожидать скорого послѣдствія, Его Императорское Величество предоставляет себѣ объявить о рѣшительной волѣ своей посредствомъ чрезвычайнаго посла, который отправленъ будетъ къ Его Шахову Величеству. Государь Императоръ изволилъ назначить нынѣ же къ сему важному порученію тогожъ генерала Ермолова, который, прибывъ въ Персію со всѣми свѣденіями, прибрѣтенными на самомъ мѣстѣ, тѣмъ удобнѣе можетъ выполнить Высочайшее намѣреніе Его Императорскаго Величества. А потому Всемилостивѣйшій Государь Императоръ желаетъ, чтобы ваше высокостепенство благоволило немедленно донести Высочайшему Двору вашему о семъ назначеніи и чтобъ вы паче всего оный удостовѣрили, что генералу Ермолову особенно поручено будетъ, чтобы онъ, во время пребыванія своего въ Персіи, изыскивалъ всѣ способы, дабы укрѣпить тѣ дружественныя связи, на коихъ незыблемо должны быть основаны миръ и доброе согласіе между обоими Государствами.

Сообщая все сіе вашему высокостепенству по точной Высочайшей волѣ Государя Императора, прошу принять засвидѣ-

тельствованіе искренняго и дружескаго почтенія, съ коимъ пребываю готовый къ оказанію вамъ всякой благоугодности.

(Подлинное находится въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ).

№ 4. Выписка изъ отношенія главноуправляющаго въ Грузіи генерала Ермолова, отъ 11-го января 1822 года, подъ lit. А, № вх. 67:

«Мамадъ-Али-Мирза умеръ. Наслѣдникъ не имѣетъ уже могущаго оспаривать престолъ страшнаго соперника. Англичане избавились человѣка, въ твердомъ и рѣшительномъ характерѣ котораго видѣли они разрушеніе нѣкогда могущества ихъ въ Персіи. Есть еще одинъ старшій братъ у Аббасъ-Мирзы; но человѣкъ ничтожный по свойствамъ, безопасный по малозначенію».

Подлинное отношеніе находится въ дѣлѣ архива м—ства иностр. дѣлъ: *Современныя свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи Персіи и объ отношеніяхъ ея къ Турціи.*

Секретно.

№ 5, а). Милостивый Государь Графъ Карлъ Васильевичъ.

Я сообщаю Вашему Сіятельству такую тайну, отъ сохраненія коей зависитъ жизнь и безопасность множества людей, и потому знаю какой степени вниманіе обратить на оную изволите.

Изъ донесенія моего Его Императорскому Величеству, котораго прилагаю у сего копію, и изъ бумагъ Вашему Сіятельству мною представленныхъ изволите увидѣть, что естли Престоль Персидской перейдетъ въ руки названнаго Наслѣд-

никомъ Аббасъ-Мирзы, въ какое не безопасное для насъ состояніе можетъ прийти Персія, какое могущественное и для насъ вредное Англичане утверждаютъ во оной вліяніе и какихъ разорительныхъ издержекъ будетъ намъ стоить охраненіе здѣшнихъ странъ, которыя по неустройству своему дають намъ мало средствъ и своихъ не употребляютъ на собственную защиту.—Ко всему тому Ваше Сіятельство принять изволите въ соображеніе и духъ завоеваній Аббасъ-Мирзы, о которомъ сообщилъ я Вамъ удостовѣрительное свѣденіе. Объяснилъ я также, что, лишенный наслѣдства, старшій сынъ Мегмедъ-Али-Мирза имѣетъ весьма сильную партію, состоящую изъ большей части знатнѣйшихъ и древнихъ фамилій Персіи, которую привязываетъ онъ постояннымъ сохраненіемъ нравовъ и обычаевъ народа, что не терпитъ онъ европейскихъ учрежденій и къ Англичанамъ имѣетъ ненависть.

По свойству обоихъ братьевъ не трудно видѣть, въ рукахъ котораго изъ нихъ власть Шахская будетъ для насъ безопасною. Гюлистанскаго трактата IV статья, несправедливость коей по обстоятельствамъ не могъ я уничтожить, обязываетъ однакоже насъ совершенно въ пользу Аббасъ-Мирзы, то-есть въ очевидный вредъ, собственно нами себѣ приуготовляемый.

И такъ, не нарушая святости трактата, стараться должно избѣгать тягостной обязанности имъ возлагаемой, то-есть не допустить въ Персіи междоусобной войны до смерти Шаха, ибо въ IV статьѣ сказано, что мы даемъ помощь наслѣднику тогда, какъ Шахъ призоветъ къ тому.

Я предлагаю средство, котораго не безъ труда достигъ я и распоряженіе коимъ совершенно зависитъ отъ насъ. Я сдѣлалъ знакомство съ старшимъ сыномъ Мегмедъ-Али-Мирзою, обладаю полною его довѣренностію и онъ открылъ мнѣ тайно, что онъ брату наслѣдства не уступитъ, что отецъ, видя что

нѣтъ способа прекратить вражду. злоумышляетъ на жизнь его, чтобы любимаго Аббасъ-Мирзу утвердить на престолѣ, и что одна боязнь его — помощь россійскихъ войскъ противъ него. Я склонилъ его ничего не предпринимать при жизни отца, дабы не вызвать насъ противъ и истолковалъ ему содержание IV статьи. — Онъ далъ мнѣ слово быть покорнымъ отцу и много способствовалъ мнѣ въ скоромъ окончаніи дѣлъ моихъ, употребляя сильныя настоянія на миръ съ нами, ибо я вразумилъ его, что въ войнѣ противъ насъ братъ его будетъ имѣть причины умножить свои войска, получить въ распоряженіе большія деньги и что послѣ невозможно будетъ съ нимъ бороться. Я обѣщалъ ему дать извѣстіе, что обстоятельства позволяютъ мнѣ предпринять въ его пользу, и между нами по условію принята печать, по которой познаваемы должны быть письма, ибо во оныхъ никакихъ имянъ быть не должно, храня его и многихъ съ нимъ жизнь и безопасность.

Если бы послѣ смерти Шаха возгорѣлась въ Персіи внутренняя война, можно: 1-е подъ благовидными наружностями уклониться отъ участія во оной и не защищать сторону неправую; въ самихъ дѣлахъ европейскихъ можно сыскать много тому примѣры; 2-е можно сдѣлать демонстрацію на границахъ, ограждая ихъ отъ духа безначалія возникшаго въ сосѣдственной землѣ, грозящаго разпространеніемъ, и 3-е можно ввести войска наши въ Персію и занять Эриванскую область съ тѣмъ, чтобы имѣть ее залогомъ до возстановленія въ Персіи порядка и быть обеспеченнымъ, что миръ между нами останется безъ нарушенія. Во второмъ, а паче въ семъ послѣднемъ случаѣ непременно часть знатная силъ Аббасъ-Мирзы отвлечена будетъ для наблюденія за нашими войсками и дастся возможность брату его имѣть легчайшіе успѣхи. Наконецъ, изъ состоянія дѣлъ въ Персіи удобно будетъ видѣть въ послѣд-

ствіи, надобно ли возвратить область Эриванскую или съ тѣмъ изъ Шаховъ, кто утвердитъ власть свою, сдѣлать объ уступкѣ оной условіе. Персія послѣ междоусобной войны долгое время не придетъ и въ теперешнее состояніе спокойнаго безпорядка, а начинающееся рождаться во многихъ частяхъ устройство по крайней мѣрѣ на цѣлое столѣтіе отдалено будетъ и между тѣмъ пограничныя области наши примутъ твердое образование и народы ихъ населяющіе прилѣплятся къ нашему образу правленія. Недавныя времена Надиръ Шаха свидѣтельствуютъ, съ какимъ трудомъ Персія возвратилась къ единоначалію, паче же нынѣ господствующая династія не внушаетъ привязанности ко власти.

Покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство почтить меня отвѣтомъ. Съ нимъ соображать я буду поведеніе мое въ отношеніи къ Мегмедъ-Али Мирзѣ. Еслиже разсужденіе мое найдется основательнымъ, могу увѣрить васъ, что дѣлу дамъ такой ходъ, который сокροетъ намѣреніе до надлежащаго времени и еслии нужно будетъ, то даже во многихъ обстоятельствахъ приму на свой счетъ то, что по наставленію дѣлать буду, ибо, въ понятіи Персіанъ о власти, они почитаютъ принадлежащую мнѣ по званію главнокомандующаго не имѣющею предѣловъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга

Алексѣй Ермоловъ.

Ноября 24-го дня 1817 г.

Г. Тифлисъ.

Его Сіятельству К. В. Графу Нессельроде.

Ваше Императорское Величество.

Въ бытность мою въ Персіи обстоятельно узналъ я, что б). по смерти Шаха внутренняя война неизбежна и сему причиною

наслѣдство, котораго старшій сынъ Мегмедъ-Али-Мирза лишентъ несправедливо. Самъ онъ признался мнѣ, что наслѣдства онъ не уступитъ. Я имѣю полную его довѣренность и до такой степени довелъ съ нимъ мое знакомство, что могу имѣть съ нимъ сношеніе, буде Ваше Императорское Величество изволите найти его нужнымъ. Управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ сообщилъ я о томъ разсужденіе мое и всеподданнѣйше прошу удостоить его воззрѣнія. Могу ошибаться я въ предлагаемыхъ мною способахъ, но не обманываюсь, что полезно не участвовать во внутренней войнѣ Персіи и великодушію Вашего Величества прилично не брать въ защиту сторону неправую. Для того, Государь, не согласился я признать официально Аббасъ-Мирзу наслѣдникомъ и въ душѣ моей убѣжденъ, что онъ добра намъ не желаетъ, окружа себя людьми, умышляющими намъ вредъ. Онъ съ пограничными нашими областями имѣетъ тайныя сношенія и теперь даже не престаётъ возмущать спокойствіе внушеніями, что Персіа возвращенія ихъ требовать будетъ. Знаю, Ваше Величество, что нуженъ намъ миръ и знаю обязанность мою употреблять всѣ мѣры къ удержанію онаго, но долженъ сказать, что Аббасъ-Мирза воспользуется первою возможностью объявить войну и онъ одинъ будетъ причиною оной. Много обуздываетъ его, что я не призналъ его наслѣдникомъ, что въ правѣ я былъ сдѣлать по данной мнѣ инструкціи, и онъ ничего бы не пощадилъ, чтобы къ тому склонить меня.—Государь! необходимо, чтобы и впредь имѣющіе занять мое мѣсто не болѣе были снисходительны!

Вѣрноподанный генераль-лейтенантъ Ермоловъ.

Ноября 24 дня 1817 года.

Г. Тифлисъ.

Monsieur le Comte.

Un hiver assez rigoureux et des neiges très profondes dans les montagnes me retiennent encore en Géorgie et je compte ne pas pouvoir me mettre en route avant la fin de Février ou les premiers jours de Mars. Ce retard involontaire n'est pourtant pas sans utilité, car je recueille des renseignemens sur la Perse qui régleront ma conduite à Téhéran. № 6.

De toutes parts me viennent des nouvelles que la Perse lève une forte armée, les forteresses sont mises en état de défense et on procède à la construction de nouvelles. — Le fils favori du Roi, prétendu grand homme, dissimulé comme tous les Persans, feint une amitié pour nous. Le kaimakan Mirza Bisurk, qui le gouverne dès son enfance, le plus fier coquin, ami fidèle des Anglais, excite la discorde. C'est lui qui après la mort du grand Visir, homme digne et respectable, mais agé déjà de 90 ans, doit prendre les rênes du gouvernement. — Sous prétexte de félicitations, de complimens, ils envoient continuellement leurs agens chez moi par les différens points de nos frontières pour s'assurer si nous faisons les mêmes préparatifs qu'eux.

Ils sont tous reçus amicalement. Ma franchise de soldat les déconcerte. Je leur dis clairement que l'Empereur, notre auguste maître, désire la paix et les avoir pour bons alliés. — Il n'y a pas le moindre mouvement chez nous et tout parait être dans l'état le moins alarmant pour eux. J'espère que je les ferai à la fin croire à ma sincérité. Je ne m'abuse pourtant pas sur la difficulté d'y réussir, car je leur parais très suspect étant général commandant dans ce pays et Ambassadeur en même tems. Surtout après que leur Ambassadeur leur a insinué que S. M. l'Empereur me comptait de bonté et me comptait parmi ses bons soldats. — Je vous avoue, Monsieur le Comte, qu'en cas de guerre je ne serai pas peu embarrassé. Il n'est pas douteux que prolongeant les négociations

ils ne me retiennent aussi longtems qu'il leur sera nécessaire pour rassembler leurs armées et les rapprocher de nos frontières.

Je ne puis les rompre sans donner quelque sujet de mécontentement. Or le plus léger suffit pour une nation qui ne reconnaît d'autres droits que ceux qui paraissent lui convenir et qui s'embarasse guère de la légitimité de ses actions. Je serai tout bonnement mis aux arrêts et les hostilités commenceront. Rien n'est plus facile que de mettre un autre à ma place et d'un plus grand mérite que moi, mais il faut connaître le pays et les nations qui l'habitent. La guerre dans ce pays se fait sous d'autres aspects qu'en Europe. Nos moyens réels ne sont pas grands. La puissance réside dans l'opinion. — Des personnes qui sont au fait des affaires de la Perse prétendent que c'est leur faire même trop d'honneur que d'envoyer un ambassadeur, d'autant plus un général commandant ici, qui à leurs yeux était de tout tems un *être supérieur* et que le Roi ne manquera pas de se prévaloir de cette marque d'estime et d'attention pour consolider sa puissance, faisant voir à ses sujets désunis et souvent rebelles, que le plus grand des monarques recherche son amitié. Je ne crois pas que cela puisse entrer dans nos vues, d'autant plus qu'il n'est pas probable que la Perse, en ce qui nous concerne, veuille devenir telle que nous désirons.

Je suis en quelque façon d'avis que ma destination pour Ambassadeur prouve que la Perse jusqu'à ce moment méritait peu l'attention de notre Cabinet, car on la connaît guère. — Néanmoins le sort en est jeté. Je suis Ambassadeur et je pars sitôt que je pourrai.

Je n'ai pas voulu vous taire mes observations. Ayez la complaisance de m'écrire ce que vous en pensez. Vos objections sur mes raisonnemens sont autant de traits de lumière pour moi.

M-r Negri, malade à Kiow sans que j'aye la moindre nouvelle depuis plus de deux mois et trop longtems attendu, n'arrive point. J'envoie un de ces jours-ci *M-r Mazarowitch* à Téhéran. Il n'y a que le savoir de la langue qui lui manque. J'espère en arrivant à Téhéran d'avoir une bonne carte de la cour du Roi et une con-

naissance bien étudiée des individus qui agissent sur cet être plongé dans la débauche et calculant les jours de son existence par le nombre de batards qu'il fait à ses concubines.

Agréez, Monsieur le Comte, les assurances de la considération la plus distinguée, avec lesquels j'ai l'honneur d'être

le très humble et très obéissant serviteur

A. YERMOLOW.

Ce 7-c Janvier 1817.

Tiflis.

P. S. Le courrier envoyé par M-r le général Zakrewsky vient de me remettre votre lettre. Vous m'avez en très peu de mots fait voir toute l'étendue du devoir que m'impose ma vocation, la conséquence et la difficulté de ma gestion. Ce n'est pas le zèle et la bonne volonté qui me manquent, mais la carrière que jamais je n'ai parcourue me présente des objets qui par leur nouveauté me gênent beaucoup. Il est vrai que la cour de Téhéran me suggère un avantage, car elle ne date que de très peu de tems ses relations avec l'Europe et ne me trouvera pas tout à fait gauche, tandis qu'une routine ordinaire me priverait du moyen de dérober mon incapacité. Néanmoins le propre sentiment de l'insuffisance de forces est bien douloureux. Et c'est mon cas.

M-r Strogonoff mande que la Perse a signé un traité avec la Porte. La politique en uniforme rouge (comme vous dites) y a probablement travaillé. Je veux bien croire que de la part de la première ce n'est qu'une mesure de prudence, mais elle n'en sera que plus ferme dans ses prétentions sur la cession de nos conquêtes. Strogonow dit qu'il n'a pas encore entamé la question du littoral et que la Porte évite avec soin d'en venir à une explication. Il prétend qu'elle ne voit pourtant que trop bien l'impossibilité de rompre avec nous. Je n'ose pas accuser Strogonow de lenteur, il peut avoir des raisons pour cela, mais si la Porte jusqu'à présent se serait énoncé sur le littoral, j'aurais été beaucoup éclairé dans

mes négociations avec la Perse et j'aurais eu des données sur le véritable but du traité nouvellement conclu.

Dans votre lettre, Monsieur le Comte, vous me dites un compliment. Vous hasardez que je ne le prenne pour une vérité. Je vous connais trop bien et je vous estime beaucoup trop pour que vous me traitiez comme tant d'autres qui vont à la pêche des complimens surtout quand ils viennent de vous.

Votre tout dévoué

A. YERMOLOW.

Les uniformes rouges font habiller les armées Persannes à neuf, et sous prétexte de nous les faire voir dans un état imposant, ils ont calculé l'avantage de leur vendre le drap et d'autres effets nécessaires.—Vive l'adresse!

Его Императорскому Величеству

Генераль-лейтенанта Ермолова

РАПОРТЪ.

№ 7. Короткое время пребывания моего въ Персiи, небольшое пространство оной перейденное, а паче всевозможныя препятствiя, въ обзорѣни оной противупоставленныя, не допустили меня имѣть точное о внутреннемъ состоянiи понятiе, но что я самъ замѣтить могъ и какiя собралъ свѣдѣнiя чрезъ способныхъ людей, свиту посольства составляющихъ, имѣю счастье всеподданнѣйше представить Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣнiю.

Персiя есть вообще страна недовольно населенная. Сѣверныя области оной, къ границамъ нашимъ и Каспiйскому морю обращенныя, заключаютъ и большее народонаселенiе, и большее земли богатство. Въ соразмѣрность пространства земли обработанной мало. Во многихъ мѣстахъ по свойству своему, а паче

по недостатку водъ она ничего не производитъ и не иначе возвратиться къ плодородію можетъ, развѣ при размноженіи народа трудолюбиваго и усиліяхъ постоянныхъ. Довольно значительная часть народа прочныхъ жительство не имѣющаго умедливаетъ того исполненіе.

Въ Персіи образа правленія опредѣленнаго нѣтъ. Въ рукахъ Шаха власть безпредѣльная, болѣе и менѣе отягощающаяся на подданныхъ смотря по свойствамъ царствующаго. Нынѣшняго Шаха господствующая страсть собирать сокровища и народъ обременяется чрезмѣрными налогами. Грабительство приведено въ систему и обращено въ необходимость для каждаго изъ управляющихъ, ибо безъ денегъ и подарковъ ни милости Шаха, ни покровительства вельможъ, ниже уваженія между равными снискать не возможно. Деньги доставляютъ почести и преимущества, коихъ персіане не насытима. Деньги разрѣшаютъ преступленія, съ которыми персіане не разлучны. Вѣра самая не только не налагаетъ обузданія на страсти, но часто искуснымъ толкованіемъ получаетъ направленіе лстящее порокамъ.

Не смотря на сіе, правленіе менѣе порочное можетъ извлечь большія средства изъ народа покорливаго, терпѣливаго, воздержнаго и спокойно приемлющаго новыя установленія. Естьли будетъ Шахъ, который отъ необузданнаго самовластія одно то удѣлитъ въ пользу человечества, что оградитъ жизнь подданныхъ законами, сдѣлаетъ великія начала. Естьли который изъ Шаховъ обезпечитъ собственность отъ притязанія, успѣетъ во всякомъ предпріятіи и будетъ боготворимъ.

Теперь Персія раздѣлена на разныя части, ввѣренныя управленію сыновей Шаха, и второй сынъ Аббасъ-Мирза, объявленный наслѣдникомъ, вспомошествоваемый англичанами, вводитъ успѣшно значительныя преобразованія. Регулярныя войска устроятся на хоронемъ основаніи, артиллерія въ отличномъ

порядкѣ и умножается очевидно. Есть литейный хорошій заводъ и оружейная фабрика. Дѣлаются запасы для арсеналовъ, учреждаются крѣпости по образу Европейскому. Извлекаются руды и уже мѣдь, свинецъ и желѣзо въ большомъ количествѣ. Предназначается устройство суконныхъ фабрикъ и заводы для очищенія въ большомъ количествѣ произрастающаго сахара, дабы избѣжать угнетающей монополіи Остъ-индской компаніи.

Аббасъ-Мирза предоставляетъ иноземцамъ всякаго рода выгоды и нѣтъ сомнѣнія, что найдутся способные люди для приведенія многихъ частей въ порядокъ. Теперь стѣсненъ онъ скупостью отца, который мало даетъ денегъ въ его распоряженіе, но скромный въ образѣ жизни, удаленной всякой роскоши, удѣляетъ онъ отъ содержанія своего на войска и другія заведенія. Теперь Персія имѣетъ болѣе тридцати баталіоновъ войскъ, каждый въ тысячу человекъ, и до ста полевыхъ орудій и формированіе продолжается. Собраніе рекрутъ производится безъ затрудненія и самыя даже кочующіе народы начинаютъ давать оныхъ. Въ Персіи почти каждый поселянинъ воинъ и съ ребячества преобываетъ къ ружью, а потому каждый поступаетъ на службу хорошимъ стрѣлкомъ. Труды переносятъ терпѣливо, въ пищѣ чрезвычайно умѣренны, удобны къ движеніямъ необычайно скорымъ и въ короткое время Персія можетъ имѣть пѣхоту, которая станетъ на ряду съ лучшими въ Европѣ.

Если продолжительно будетъ царствованіе теперешняго наслѣдника и ежели послѣдуетъ еще одно ему подобное, то сосѣди не безъ труда борются будутъ съ Персіею и духъ завоеваній, который теперь смиряютъ безпорядокъ и недостатки, получить полную силу когда въ руки Аббасъ-Мирзы перейдетъ и власть неограниченная и сокровища богатѣйшія.

Предвижу, Ваше Императорское Величество, что огражденіе

предѣловъ нашихъ потребуеть гораздо большихъ средствъ и понудить къ издержкамъ не мало отяготительнымъ. Теперь, Государь, совершенно полезны миръ и доброе согласіе съ Персіею, но первая война, къ которой воззоветъ насъ необходимость, должна намъ дать границу по Араксу. Сей есть единственный способъ избѣжать величайшихъ неудобствъ въ послѣдствіи. Особенное разсужденіе мое о семъ предметѣ буду имѣть счастье всеподданнѣйше повергнуть во вниманіе Вашего Императорскаго Величества.

Октября 22 дня 1817 г.
Г. Тифлисъ.

Азіатск. Арх., I, 7, гг. 1816—1818, д. № 1.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: № 8.

«БЫТЬ ПО СЕМУ».

Projet de lettre particulière au Général Yermoloff.

Moscou, le 19 Février 1818.

Signée et transmise à M-r de Sakrevsky
le 21 Février.

Mon Général, Votre dépêche du 21 Janvier, adressée au Ministère, et Vos lettres particulières de la même date ne sont pas couleur de roses. Je Vous sais donc gré de ne m'avoir pas écrit à cette occasion. On n'aime pas à être réprimandé lorsqu'on n'a pas tort. Le fait est que V. Ex. a grandement tort de se plaindre. Comment pouviez-Vous croire, mon Général, qu'on Vous eût oublié, ou bien que les belles choses que Vous avez faites en si peu de temps, et celles que Vous accomplissez encore, fussent condamnées à la poussière peu honorable des Archives? On a peut être tardé quelques jours à Vous dire que l'Empereur a été pleinement satisfait de Votre Ambassade et de ses résultats. Mais soyez juste, et mettez Vous à notre place. Pensez à nos voyages et à tous Vos

Collègues les Ministres dans l'étranger, qui ne finissent pas les affaires comme Vous, et aux quels il faut par conséquent répondre au plus vite, et poste courante.

Au reste l'expédition du jour Vous réconciliera avec la diplomatie. J'y mets un si grand prix, que je vais ajouter ici en peu de mots des éclaircissements qui répondront d'avance aux observations auxquelles la teneur des Instructions peut donner lieu.

Nourri comme Vous l'êtes de la lecture des Classiques, et formé à l'école d'une forte dialectique, je Vous vois disséquer nos dépêches. Permettez moi donc d'assister à cette anatomie. J'entre en matière.

Votre plan, quant à nos relations futures avec la Perse, m'a séduit au premier abord. Plus tard en le comparant au texte du Traité, et en recueillant la pensée de notre Auguste Maître, j'ai dû me convaincre que les moyens proposés n'étaient point en harmonie avec le système général que nous suivons.

En affaires comme en toutes choses, les opinions, qui sont indépendantes de toute considération particulière, sont les meilleures. Elles sont alors fondées sur des principes, ou pour mieux dire, elles en sont la conséquence. Trouvez moi deux mathématiciens qui ne soient pas d'accord sur le théorème le plus abstrait? Je pars de cette observation pour conclure, mon Général, que Vous partagerez de conviction intime nos idées quant aux moyens d'atteindre le même but que Vous avez signalé.

En réduisant ces idées à leur plus simple expression, elles s'énoncent dans les termes suivants: *Faire agir le Schah dans le sens le plus analogue aux intérêts véritables de la Perse et de la paix*, et dans la supposition que cette entreprise manque son objet, *abandonner au temps le développement des événements sans les provoquer d'aucune manière par notre intervention, ou par un mouvement direct de notre part.*

Mais n'est-ce pas les provoquer que de cultiver des relations avec Abbas-Mirza?

En lui offrant des secours militaires, n'armons-nous pas à notre tour une nation aveugle, menacée d'une guerre civile et des plus affligeantes catastrophes?

Peut-on espérer un résultat favorable de ce plan de conduite? L'expérience du passé ne suffirait-elle pas pour le faire rejeter?

Je vais répondre à ces trois objections. Elles embrassent toutes celles qu'on peut faire sur ce sujet.

Ad primum. Si Abbas-Mirza n'était point le favori du Schah, si son armée n'était point de fabrique Anglaise, nul doute que l'impartialité et la justice nous imposeraient le devoir de ne lui faire aucune avance. Mais en considérant les choses dans l'état où elles se trouvent, l'unique moyen qui nous reste de ne pas provoquer notre intervention dans un sens contraire à la paix, c'est celui d'intervenir sous des formes qui captivent le Schah et qui forcent (en tant que possible) Abbas-Mirza, si ce n'est à avoir de la confiance en nous, du moins à se méfier des avantages qu'il croit recueillir de ses liaisons avec l'Angleterre.

Par contre, en cultivant des relations secrètes avec le fils aîné du Schah, nous rendrions légitimes celles d'Abbas-Mirza avec le Gouvernement Britannique; nous perdrons tout l'avantage de notre position actuelle envers le cabinet de S-t James; et si nous prétendions encore à la soutenir au prix de la bonne foi, pourrions nous compter sur la discrétion de Mehmed-Ali-Mirza? Son intérêt le porterait à la longue à trahir le secret de ses intelligences avec nous; et sans trop le vouloir, nous aurions donné lieu à une foule de complications dans nos rapports avec la Perse, peut-être même dans ceux avec l'Angleterre; complications dont il nous serait difficile de sortir sans avoir recours aux armes, ou sans désavouer notre conduite.

Si par le système dont nous avons posé les bases dans les instructions nous sortons de l'inaction, ce n'est pas pour ouvrir des chances à la guerre contre la Perse, moins encore pour porter atteinte à la paix qui existe entre cet Etat et l'Angleterre.

Nous ne désirons que de replacer la Cour de Perse dans sa véritable ligne de direction. Sa politique doit être stationnaire et confiante envers nous, comme la nôtre l'est à son égard. Mais pour arriver à ce résultat, il faut agir sur un même terrain avec les Anglais. Notre action n'est donc ni indépendante, ni volontaire. Elle nous est prescrite par deux motifs également louables: maintenir la paix, prévenir habilement les circonstances qui pourraient nous forcer à la rompre. Ces motifs sont si vrais, notre marche est si droite, qu'en cas de besoin nous n'hésiterions pas à faire connaître les uns et l'autre aux Cabinets Européens.

C'est en cela que réside la force aussi redoutable que salutaire du système que l'Empereur fait suivre à Son Cabinet.

Ad secundum. Si nous désapprouvons les innovations militaires qui s'effectuent en Perse par l'influence Britannique, comment approuverons-nous celles qui s'y feraient sous la nôtre?

Si l'Angleterre arme la Perse, ou c'est contre la Russie, ou bien c'est qu'elle se méfie de la Russie. Elle prépare donc cet Etat à la guerre.

De notre côté, en désirant de substituer notre influence à celle de l'Angleterre, nous ne voulons point armer la Perse contre l'oligarchie des dominateurs de l'Inde. Nos efforts ont un but conservateur; il sera atteint du moment que la Perse sera assurée par le fait de nos intentions amicales à son égard. Ainsi au tribunal de l'impartialité notre système obtient les suffrages de la justice et de la morale.

Mais il y a plus, et nous le répétons. Ce n'est pas sans doute la Russie qui a inspiré à Abbas-Mirza la manie des innovations militaires précipitées. Or, cette impulsion étant donnée, l'alternative est péremptoire; ou il faut en déraciner ouvertement et fortement les principes, ou bien les maîtriser dans un sens bienveillant et surtout sans arrière pensée d'arrondir nos acquisitions.

Dans la première hypothèse, c'est par la force des armes et

en versant peut-être des torrents de sang qu'on pourrait parvenir à ce résultat.

Serait-il juste, serait-il humain d'embrasser une pareille cause? Ne serait-ce point porter atteinte à celle de l'Europe?

C'est donc de la seconde hypothèse qu'il est question. Et dans quel espoir?

Ad tertium. Ou notre conduite auprès du Schah et d'Abbas-Mirza réussit, ou elle manque son effet.

Dans le premier cas, en tenant le fil des améliorations que ce Prince pourra introduire dans son armée, comme dans les autres branches de son gouvernement, il ne nous sera point impossible de les régler de manière à ce qu'elles soient proportionnelles et coordonnées aux véritables avantages de la Perse, savoir à sa tranquillité intérieure et à une paisible prospérité.

La Perse heureuse par une suite des soins et des secours que notre civilisation prêterait aux progrès graduels de la sienne, oublierait le passé. L'avenir la trouverait ainsi élevée à la dignité d'une Puissance nécessairement et utilement amie et alliée de la Russie.

Telle est l'idée fondamentale. C'est à Votre génie, mon Général, à la féconder.

Si le système des Anglais se fondait sur le même principe, pouvons-nous, en Puissance limitrophe de la Perse, leur en abandonner la direction exclusive? S'en occuperaient-ils actuellement dans des intentions bienveillantes à notre égard? Pouvons-nous compter également sur les futurs contingents?

De ces considérations résultent les titres que nous avons à ne rien négliger afin d'obtenir la préférence sur les Anglais.

Mais, tous nos efforts n'aboutiront à aucun résultat; Abbas-Mirza demeurera inflexible dans ses prédilections pour la faveur Britannique; la Perse, le trône, l'Armée seront enfin au pouvoir du Cabinet de S-t James?..

Ce n'est cependant que progressivement que l'Angleterre pourra faire ces conquêtes dans le vaste champ de l'influence.

Vous les lui disputerez, mon Général, en lui opposant à chaque pas une noble et généreuse résistance. Elle sera noble, parce qu'elle est bienveillante même pour l'Angleterre; généreuse, parce qu'elle n'a pour objet que le bonheur de la Perse et le maintien de la paix.

Si nous essayons des revers dans ce combat moral, l'Empereur, après avoir épuisé toutes les ressources de Son système, sera encore à même d'en adopter un autre, dont le but restera toujours invariable, mais dont les moyens peuvent être d'une nature différente.

D'ailleurs, la grande oeuvre qui Vous est confiée, et que Vous êtes appelé à faire prospérer par le pouvoir de Votre administration en Géorgie, les prépare d'avance. Cette oeuvre dépend de Vous. Elle est sans doute à la hauteur de Vos talents et de Votre zèle, comme elle témoigne la justice que leur rend notre Auguste Maître.

Pardon, mon Général, si je me suis expliqué un peu longuement. Je Vous dirai avec M-me de Sévigné: je n'ai pas eu le temps de faire ma lettre plus courte.

(Подлинникъ находится въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Получено 1 Мая.

Милостивый Государь

Графъ Карлъ Васильевичъ.

№ 9. Сообщение Вашего Сіятельства отъ 19 Феврала имѣлъ честь получить, въ коемъ объявленная мнѣ Высочайшая Государя Императора воля начертываетъ правила поведенія моего въ отношеніи къ Персіи для большаго утвержденія существующаго нынѣ добраго согласія.

Къ исполненію Высочайшей воли сей не одною побуждаюсь

я обязанности повиновения, но самое основание оной, твердое законами справедливости и великодушія, убѣждаетъ меня, что малѣйшее даже отклоненіе отъ оной не должно снискать извиненія, ибо святость намѣренія и явная и ощутительная.

И такъ, вразумясь сколько предположенія мои относительно старшаго сына Шаха Мегмедъ-Али-Мирзы не соотвѣтствуютъ политической системѣ, коей Государь Императоръ въ неизреченномъ величіи души своей далъ и бытіе и твердость, я уже впредь не дерзну возобновить ихъ въ помышленіи моемъ, ниже предложить что либо подобное. Не могу однакоже думать, чтобы въ вину обращено мнѣ было то, что пламенное усердіе мое къ пользѣ Государя моего и отечества, преступая по неопытности, въ дѣлѣ совершенно для меня новомъ, предѣлы строгой умѣренности, представило мнѣ въ видѣ необходимой осторожности. Погрѣшность отвращена даннымъ мнѣ наставленіемъ и я, свято исполняя оное, ожидаю въ послѣдствіи времени отъ самихъ обстоятельствъ нѣкотораго оной извиненія.

Ваше Сіятельство сообщить мнѣ изволили, что Государь Императоръ Высочайше соизволяетъ предоставить мнѣ приведеніе къ исполненію предназначеній въ удобнѣйшее время или представлять мысли, какія легчайшія средства достиженія оныхъ. Въ надеждѣ на снисхожденіе къ образу сужденія моего, я сообщая оное обращаюсь къ затрудненіямъ кои предстоятъ въ исполненіи намѣреній нашихъ.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Шахъ, обнародовавши, четвертый уже тому годъ, наслѣдникомъ Государства втораго сына своего Аббасъ-Мирзу, не перемѣнитъ своего назначенія въ пользу старшаго сына или лучше сказать въ пользу справедливости, которую не затруднился онъ нарушить, хотя предвидѣлъ что произволь сей будетъ стоить Персіи потоковъ крови и къ сему нужна была одна только увѣренность, что

сего при жизни его не случится, что впрочемъ весьма правдоподобно, ибо теперь партія старшаго сына не смѣетъ обнаружиться, боясь всей власти и самаго Шаха и наслѣдника, которому даны отъ него большіе способы.

Къ уничтоженію вліянія Англичанъ безпрекословно есть лучшее средство сдѣлать ихъ для Персіи ненужными, то-есть замѣнить ихъ во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ Аббасъ-Мирза почитаетъ ихъ необходимыми, но ихъ не одинъ онъ удерживаетъ для устроенія войскъ своихъ и прочихъ военныхъ заведеній; ихъ не менѣе прочными связями прикрѣпляютъ къ Персіанамъ деньги, кои они большими суммами расточаютъ между корыстолюбивыми министрами и вельможами, а сіи во зло употребляя слабость Шаха наклоняютъ его въ ихъ пользу. Правительство Англійское не во всѣхъ сихъ участвуетъ пожертвованіяхъ, и сколько ни велики расточаемыя суммы, онѣ составляютъ малую весьма часть тѣхъ прибытковъ, которые приобрѣтаетъ Ост-Индіа, произведеніями и издѣліями своими насыщая роскошь Персіанъ. Ни сей торговли, ни разсѣваемыхъ ими денегъ мы замѣнить не въ состояніи.

Народъ Персидской покорливый и послушный, какъ я и прежде замѣтилъ, по свойству своему воинственный и въ войнахъ снискивающій облегченіе отъ утѣснительнаго правительства, не внятень будетъ къ тому, что Англичане, обращая его исключительно къ военному искусству, удаляютъ отъ истинной пользы и блага человѣчества и оставляя во тьмѣ заблужденія и варварства приготавливаютъ ему бѣдствія. Шахъ и вельможи управляющіе народомъ боятся просвѣщенія его, ибо весьма знаютъ, что оно полагаетъ предѣлы ненасытному властолюбію перваго и смиряетъ жестокости послѣднихъ. Духовенство не менѣе знаетъ, что законъ, заключающій въ себѣ многія нелѣпости, не твердъ устоять противъ просвѣщенія и потому въ поведеніи Англи-

чанъ, удаляющихъ оное, не только не найдетъ упрека, напротивъ, находя его согласнымъ съ выгодами своими, всегда въ глазахъ и правительства, и народа будетъ представлять его въ наилучшемъ видѣ. Самая вѣра Магометанская, безъ частныхъ выгодъ духовенства и произвольнаго истолкованія оной, слишкомъ явно противится просвѣщенію и по сей причинѣ едва ли дѣйствительны будутъ усилія наши внушить въ Персіанъ недовѣрчивость къ Англичанамъ какъ нерадѣющимъ о просвѣщеніи ихъ, объ очищеніи ихъ нравственности посредствомъ лучшихъ гражданскихъ учреждений.

Трудно также вразумить Аббасъ-Мирзу, что съ неосмотрительною поспѣшностію вводимыя имъ новости, далекія отъ истиннаго порядка знаменующаго небесной о народѣ Промысль, грозятъ оному бѣдствіемъ, ибо, прежде нежели можетъ онъ постигнуть неопровергаемую сего истину, удобнѣе понимаетъ онъ что для утвержденія себя на престолѣ и покоренія противной партіи ему нужна сила, какъ лучшее средство и удобопонятное разсудку человѣка съ меньшимъ даже нежели онъ образованіемъ.

Конечно ничто не можетъ быть болѣе свойственнымъ великодушію Государя Императора, приличнѣйшимъ достоинству Россіи, какъ уничтожая въ сосѣдяхъ опасеніе, внушать въ нихъ довѣренность и упованіе, что могущество Его есть надежнѣйшее огражденіе политической ихъ независимости, внутренняго ихъ спокойствія и благосостоянія, но таковыя чувства не первыя удобны расположить къ намъ еердце Аббасъ-Мирзы и сему есть причины. Племя Каджаровъ незаконно похитившее престолъ персидской и даже не имѣющее со стороны своей выгоды долговременнаго обладанія, не рѣдко законныя права замѣняющаго, не истребило еще въ Персіанахъ того уничижительнаго мнѣнія, которое всегда имѣли они о семъ племени, коего имя служило

поношеніемъ. Истребить сіе мнѣніе могла одна слава, одни блистательные оружія успѣхи и сего искалъ Шахъ въ продолжительной противъ насъ войнѣ, которой всѣ распоряженія предоставилъ любимому сыну своему Аббасъ-Мирзѣ, съ самыхъ юныхъ лѣтъ его возраста. Война не была ознаменована успѣхами, области надъ коими стремилась Персія сохранить свое владычество нынѣ покорствуютъ скипетру Великаго Государя нашего и Аббасъ-Мирза, зная возбужденное потерями негодованіе народа, почитаетъ себя въ обязанности пріобрѣсть его уваженіе и лучшее къ тому средство оружіе, и конечно предположить возможно, что въ связи съ Англичанами, вспомоществуемъ искусствомъ ихъ въ военномъ дѣлѣ и ихъ деньгами, Аббасъ-Мирза питаетъ надежду отторгнуть отъ Россіи страны ея покоренныя и тѣмъ оправдать избраніе его въ наслѣдники престола и нарушеніе, безъ всякихъ побуждающихъ причинъ, священныхъ законовъ первородства. И такъ Аббасъ-Мирзѣ предлежитъ выборъ или пособіями Англичанъ въ образованіи войскъ и деньгами Англій удовлетворить ожиданію народа возвращеніемъ потерянныхъ областей и въ случаѣ самой даже неудачи имѣть несчастіе оправданіемъ молодости, незнанія и даже неспособности, въ которыхъ доселѣ ему упрекали; или, предавшись съ полною безпечностію расположенію къ Россіи, собственно силою ея покровительства удерживать власть надъ народомъ вопреки его желанія и умножая его негодованіе. Смѣю полагать, что онъ не затруднится въ выборѣ перваго, ибо переменною поведенія своего уничтожилъ бы въ мнѣніи народа единственное достоинство свое злобы къ намъ и ненависти.

Зная свойства его и правила, въ которыхъ воспитанъ онъ однимъ изъ коварнѣйшихъ людей и нынѣ управляющимъ имъ совершенно, имѣю я еще въ подтвержденіе заключенія моего происка Аббасъ-Мирзы, которыми старается обольстить хановъ

нашихъ, общавая имъ надежды присоединенія къ Персіи и между легковѣрнымъ народомъ снискиваетъ себѣ людей расположенныхъ. Весьма недавній примѣръ того имѣю я въ Карабагѣ и одно отсутствіе мое на линіи причиною, что я до времени не предпринялъ рѣшительныхъ мѣръ противъ Хана Карабагскаго. По возвращеніи уже моемъ изъ Персіи перехвачены письма бунтующаго Шахъ-Али-Хана къ нему, въ которыхъ дружественно напоминаетъ ему объ обѣщанныхъ какихъ-то пособіяхъ и проситъ о доставленіи денегъ. Все сіе доказываетъ расположеніе его къ намъ совсѣмъ противное тому, каковое мы снискать у него ожидаемъ.

Вотъ мысли мои, которыя сказать и позволено мнѣ было и долгъ мой къ тому меня обязывалъ и во многихъ изъ нихъ, для лучшаго успѣха предположеній нашихъ, желалъ бы я обманываться. Долге должность моя состоитъ въ точномъ исполненіи объявленной мнѣ Высочайшей Государя Императора воли, что усердному вѣрноподданному никогда не трудно. Объ обстоятельствахъ, на счетъ которыхъ не включено въ данномъ наставленіи никакого разрѣшенія или которыхъ предвидѣть было не удобно, доведено будетъ мною немедленно до свѣдѣнія Вашего Сіятельства и никакія не будутъ предприняты мѣры вопреки возложенной на меня отвѣтственности.

Ваше Сіятельство изволите упоминать, что мы имѣемъ право требовать, чтобы возвращены были всѣ плѣнные и бѣглецы безъ утайки и исключенія, на сіе имѣю честь отвѣтствовать, что по силѣ VI статьи договора плѣнные должны были возвращены быть въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, но бѣглецы и преступники тѣ только, которые сами возвратиться пожелаютъ. Въ переводѣ же на Персидской языкъ пронырствомъ и хитростію бывшаго посломъ Мирзы-Абдуль-Гассанъ-Хана статья сія получила совсѣмъ другой смыслъ и сказано, что какъ плѣнные,

такъ равно и бѣглецы возвращаются по ихъ желанію и потому, когда объявлено мнѣ было о томъ Персидскимъ Министерствомъ, я, стыдясь признаться въ столь непростительной неосмотрительности моего предмѣстника и дабы не множить неприятныхъ и бесполезныхъ объясненій, уклонился отъ настоянія. Желавшихъ возвратиться было весьма много, но Аббасъ-Мирза съ самымъ подлымъ коварствомъ укрылъ ихъ, заковалъ нѣкоторыхъ въ желѣза и многимъ грозилъ казнію.

Передъ самымъ отъѣздомъ моимъ изъ Тифлиса сюда прислалъ девять человекъ съ увѣреніями и персидскою клятвою, что большаго числа желающихъ возвратиться не явилось, но я, твердъ будучи въ сохраненіи даннаго мнѣ наставленія стараться приобрѣтать его довѣренность и расположеніе, отпустилъ бѣглыхъ Персіанъ большее число и сверхъ того одного офицера регулярныхъ его войскъ и одного знатнаго происхожденія Бека.

Имѣю честь представить увѣреніе въ совершеннѣйшемъ почтеніи и преданности.

Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга

Алексѣй Ермоловъ.

Lit. А.

Апрѣля 12-го дня 1818 г.

Крѣпость Владикавказъ.

Его Сіят—ву К. В. Графу Нессельроде.

Милостивый Государь Алексѣй Петровичъ.

При семь отношеніи препровождаются къ Вашему Высокопревосходительству разные документы, представленные намъ отъ Г-на Кифала, который называетъ себя повѣреннымъ Мегемета-Али-Мирзы, будто бы присланнымъ для постановленія особыхъ и тайныхъ сношеній между симъ Персидскимъ Принцемъ и Кабинетомъ Государя Императора.

Вы, Милостивый Государь, во время послѣдняго пребыванія

Вашего въ Петербургѣ, имѣли новый случай увѣриться, сколь противны правиламъ Государя всѣ переговоры такого рода. Въ теперешнемъ же случаѣ должно еще прибавить, что если бы предложенія Г-на Кифала и могли сами по себѣ заслужить вниманіе нашего Министерства, то личный характеръ негоціатора и многія обстоятельства, извѣстныя между прочимъ даже изъ его собственныхъ показаній, достаточно убѣдили бы Его Императорское Величество отвергнуть внушенія, дѣлаемыя симъ агентомъ отъ имени Мегемета-Али.

Онъ на сихъ дняхъ возобновилъ свои требованія объ отвѣтѣ и паспортахъ для возвращенія въ Персію, и Государь Императоръ повелѣлъ, не препятствуя его отъѣзду, въ то же время объявить ему, какія причины не дозволяютъ нашему Двору принять его предложеній.

Въ слѣдствіе сего мы объяснили Г-ну Кифала, что Россія постановленіями Гюлистанскаго трактата обѣщала признать наслѣдникомъ персидскаго трона того изъ принцевъ, который будетъ избранъ нынѣ царствующимъ Шахомъ, и какъ имъ уже назначенъ Аббасъ-Мирза, то намъ не возможно признавать въ семъ качествѣ Мегемета-Али-Мирзу.

Что мы не хотимъ думать, чтобы между сими единокровными Принцами могла воспослѣдовать война, но что и въ семъ печальномъ предположеніи, нашъ Дворъ не обязанъ никакимъ договоромъ вступаться въ ихъ споры за корону, или заранѣе объявлять себя на сторонѣ того или другаго.

Что мы желаемъ оставаться въ мирѣ съ Персією, и что слѣдственно никогда не дозволимъ себѣ, ни прямо, ни инымъ образомъ, ни открыто, ни тайно, принять мѣру, могущую быть поводомъ междоусобной войны въ семъ Государствѣ; а заключеніе въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ трактата съ Али-Мирзою очевидно бы вело къ тому.

Что, впрочемъ, предлагаемый имъ союзъ ни въ чемъ не соотвѣтствуетъ видамъ и пользамъ Россіи, ибо Государь не имѣетъ намѣренія, ни распространять Своей Имперіи на счетъ сопредѣльныхъ Персидскихъ областей, ни вредить или угрожать Англіи нападеніемъ на ея владѣнія Остъ-Индскія.

Давъ *словесно* сей отвѣтъ Г-ну Кифала, мы вручили ему паспорта и письмо на имя Вашего Высокопревосходительства, по коему Вамъ будетъ не трудно узнать его. Какъ скоро сей Агентъ объявилъ намъ о своемъ желаніи возвратиться въ Персію, то мы рѣшились отправить его черезъ край, ввѣренный Вашему начальству, надѣясь, что Вы, Милостивый Государь, наблюдая внимательно за его поступками, можете открыть, куда подлинно онъ намѣренъ ѣхать. Намъ кажется, что Г-нъ Кифала есть посланный не Мегемета-Али-Мирзы, а скорѣе какихъ нибудь легковѣрныхъ агентовъ англійской остъ-индской компаніи, и что услуги его, предложенныя корыстолюбиемъ, были приняты единственно боязливою подозрительностію на счетъ мнимыхъ замысловъ Россіи.

Вашему Высокопревосходительству будетъ случай удостовѣриться справедлива ли наша догадка. Министерство проситъ Васъ, Милостивый Государь, дать Ему знать Ваше мнѣніе о истинныхъ видахъ и назначеніи Г-на Кифала.

Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію
Вашего Высокопревосходительства
покорнѣйшимъ слугою.

Его Высокопр.—ву А. П. Ермолову.
С.-Петербургъ.
Октября 31 дня 1821.

(Изъ архива М. И. Д.).

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ № 11. Архива I-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Выпускъ первый. С.-Петербургъ. 1876 года, стр. 406.

Помѣтка графа Аракчсва:

«Государь изволилъ читать все сіе письмо 7-го марта 1817-го года. Графъ же Аракчеевъ оставилъ безъ отвѣту на «сіе письмо».

Письмо А. П. Ермолова къ графу Аракчсву 26-го января 1817 года, по устройству Кавказскаго края:

Ваше Сіятельство, Милостивый Государь
Графъ Алексѣй Андреевичъ!

Благодѣтельствуя мнѣ давно и постоянно обращая благоклонное вниманіе на служеніе мое, позволили Вы мнѣ писать къ Вамъ о томъ, что, по мнѣнію моему, для устройства края съ пользою предпринято быть можетъ и что достойнаго вниманія примѣчено мною будетъ.

Начну противящимися устройству препятствіями, которыя встрѣчаю я при первыхъ шагахъ моихъ. Дворянство чрезвычайно грубое и необразованное, къ которымъ прежнихъ царей, ихъ безпутное и самовластное правленіе, ожесточило сердце и въ немъ посѣяло сѣмена неблагодарности. Недовѣрчивость къ правленію, никакимъ закономъ не руководимому, заставила по необходимости изыскивать средства ему противоборствовать. Въ дворянствѣ, имѣющемъ добродѣтели, отъ того произошло бы единомудріе; въ грузинахъ родились различныя партіи. Безсиліе царей ихъ утвердило, и когда случалось, что цари принимали что либо въ пользу дворянства, всегда таковыя

дѣйствія относились не къ благимъ намѣреніямъ, но къ боязни.

Цари не воздерживались отъ присвоенія собственности частныхъ людей, а дворянство отъ того почитало всякій способъ обогащенія добрымъ. Въ службѣ царей и должностяхъ вдались въ воровство и неправду, въ жизни частной сдѣлались грабителями своихъ подданныхъ. Грузія недавно принадлежитъ Россіи. Медленное образованіе дворянства не перемѣнило еще свойствъ его, и развѣ продолжительное весьма время произведетъ перемѣну. Правительство наше не имѣетъ здѣсь ни отверженныхъ людей, ни благодарныхъ, и вообще всѣ не въ полной мѣрѣ чувствуютъ счастье принадлежать Россійскому Государю.

Я нашелъ Тифлисъ городъ многолюдный, наполненный живущими и непрерывно приѣзжающими изъ сосѣдственныхъ земель. Полиціи совершенно не было, кромѣ нѣсколькихъ негодныхъ квартальныхъ и десятскихъ. Сборы съ жителей производились безъ толку, издерживались деньги безъ отчета. Богатый и бѣдный платили по ровну съ лавки и комнаты. Различіе состояній не принималось въ разсужденіе.

Я учредилъ квартирную коммисію, которая должна опредѣлить сборъ по способамъ каждаго, дабы поровнять повинность. Дворянство съ трудомъ выбрало депутатовъ и обидилось, что ихъ сравниваютъ въ повинности съ прочими состояніями. Купечество и граждане имѣли нѣсколько собраній, толковали самымъ превратнымъ образомъ намѣреніе начальства и оказывали явное неповиновеніе власти, отзываясь, что хотя они и видятъ въ томъ пользу, но какъ сего не было прежде, то и теперь того не хотятъ. Я не допустилъ о томъ формальнаго донесенія, но велѣлъ имъ растолковать, что буде они почитаютъ распоряженіе начальства утѣсненіемъ, могутъ подать

жалобу, но что приказаніе начальства должны исполнить, или их заставить то сдѣлать. Кончилось выборомъ депутатовъ. Здѣсь невозможно ничего предпринять, изъ чего не вывели бы самыхъ возмутительныхъ толковъ. Напримѣръ номеральное описаніе называется здѣсь счисленіемъ народа для набора рекрутъ, о чемъ здѣсь и слышать не хотятъ. Введеніе дворянской грамоты, и выборы дворянскихъ депутатовъ называется всеобщимъ раззореніемъ, ибо дворянство должно будетъ доказывать законныя права на владѣніе своимъ имѣніемъ. Боятся обязанности служить, боятся вырвать себя отъ праздности—главнѣйшаго свойства здѣшняго дворянства и вообще всего народа. Доселѣ во всеобщемъ безпорядкѣ, точно большей части дворянства нѣтъ ясныхъ доказательствъ на собственность. Многими захвачены или казенныя, или имъ не принадлежащія земли, и хаосъ сей должно разрѣшить общее размежеваніе для собственнаго спокойствія жителей и прекращенія тяжбъ и ябедъ.

Вотъ, Ваше Сіятельство, предстоящія мнѣ трудности, и я примусь за все съ терпѣніемъ. Снисходительнымъ буду къ тѣмъ, которые по непросвѣщенію своему не будутъ понимать спасительнаго намѣренія Правительства, но буду чрезвычайно строгъ къ своевольнымъ, непокорливымъ и вольнодумцамъ, которые возмутительными внушеніями возстановляютъ противъ Правительства. Я не употреблю слабыхъ мѣръ, которыя обращались намъ во вредъ. *Больно мнѣ признаться, но Вашему Сіятельству, какъ благодѣтелю моему скажу, что послѣ Князя Циціанова, нѣкоторые изъ предмѣстниковъ моихъ, слабостью своею, пріучили къ неповиновенію и утвердили духъ мятежный. Не всегда строгая справедливость была знаменіемъ ихъ поступковъ. Покровительство не всегда снискивалось правотою и честію. Пути кривые отверзши были для пронырливости и подлости. Довѣріе къ Правительству не укоренилось, уваженія должнаго*

ко власти не существуетъ. Причины много разъ возгоравшихся мятежей и бунтовъ оттуда происходятъ. Виновники послѣдняго бунта или мало наказаны, или наказаны менѣе виновные. Явные всѣ здѣсь, а нѣкоторые не только прощены, но есть даже и награжденные. Мое поведеніе совсѣмъ будетъ другое. У меня нѣтъ власти, нѣтъ воли, кромѣ силы законовъ. Но отвѣчаю, что сила будетъ полная, безъ уваженія лицъ. Отвѣчаю, что будутъ повиноваться и вскорѣ даже безъ малѣйшаго ропота. Здѣсь у всѣхъ общая мысль, что надобно страшиться общаго негодованія, которое здѣсь всегда является въ видѣ бунта. Подобными страхами извѣдывали робость начальниковъ и вырывали потворство и слабыя мѣры. Во мнѣ нѣтъ сей боязни, и я смѣло заключаю, что рѣдко будутъ подобныя прежнимъ произшествія или совсѣмъ, можетъ быть, не случатся.

Вашему Сіятельству, какъ благодѣтелю моему и милостивому начальнику, предлежитъ трудъ дать мнѣ наставленіе и поддержать меня Вашимъ покровительствомъ, справедливымъ и сильнымъ. Я смѣю увѣрить Васъ, что ничего не сдѣлаю, что бы не достойно вашей защиты, и въ важныхъ случаяхъ всегда спрошусь прежде. Но впрочемъ сколько ни лестно мѣсто мое, но лучше лишусь его, нежели занимать буду бесполезно и слабо, ибо я твердъ въ моихъ правилахъ.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершеннѣйшею преданностью имѣю честь быть Ваше Сіятельство Милостивый Государь

всенавѣрнѣйшій слуга А. Ермоловъ.

Января 26-го дня 1817 г.
Тифлисъ.

На подлинномъ написано собственною Его Императорскаго № 12
Величества рукою тако:

«Быть по сему»

НИКОЛАЙ.

23-го Января 1826 года.
С.-Петербургъ.

Résumé des propositions qui doivent être faites au Gouvernement de Perse pour la délimitation entre les deux Empires.

Le Beglierbeg Feth-Ali-khan ayant été envoyé l'année dernière par Abbas-Mirza à Tiflis, Mr. le Commandant en chef de la Géorgie avait nommé le Lieutenant-Général Véliaminoff pour convenir avec lui de la ligne de frontières entre la Russie et la Perse. Ces Plénipotentiaires ont reconnu que la démarcation prescrite par l'article 11 du traité de Gulistan présentait plusieurs inconvéniens et devait être modifiée dans l'intérêt commun des deux Empires. Ils ont rédigé le 28 Mars 1825 un acte qui apportait quelques changemens dans la ligne des limites depuis l'embouchure du Kars jusqu'aux confins du Khanat de Talyche; mais leur convention n'a pas été approuvée dans le temps par le Prince héréditaire.

La teneur de cet acte doit servir au Prince Menchicoff de première base pour sa négociation. Il est permis d'espérer que le Plénipotentiaire d'Abbas-Mirza ayant une fois adopté la démarcation qui y est tracée, le gouvernement de Perse pourrait enfin sanctionner ce projet d'arrangement et terminer ainsi une discussion également nuisible aux deux pays.

Cependant Sa Majesté l'Empereur, s'étant fait soumettre l'opinion de son Chef de l'Etat-Major et ayant pris en considération la carte des frontières à la main, les propositions énoncées de part et d'autre, a jugé possible de consentir définitivement à la retrocession d'une partie du Khanat de Talyche au sud de la rivière de Boussey, ou de telle autre portion de territoire que Mr. le Commandant en chef croirait pouvoir restituer à la Perse, sans qu'il en résulte pour nous de graves inconvéniens.

En conséquence le Prince Menchikoff voudra bien s'entendre avec le Général Yermoloff et recevoir de lui des instructions plus détaillées. Si l'arrangement projeté avait lieu, il est autorisé à conclure sa négociation en principe avec le Gouvernement Persan. La rédaction définitive des actes et le placement des poteaux, sur toute la ligne convenue, seraient en suite confiés à des employés lesquels Commandant en chef désignerait à cet effet.

NESSELRODE.

(Изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ).

№ 13. Dépêche, adressée au Comte de Nesselrode en date de Tebriz, du 17 Juin 1826.

Un Cheik de Kerbelay (lieu de dévotion aux environs de Bagdad) nommé Mir-Seid-Mohamed, qui jouit d'une grande réputation de sainteté dans tous les pays du rite chiite, vient de se rendre auprès du Chah, afin de l'engager à se déclarer pour une guerre de religion qu'il prêche contre la Russie, dans l'intention de délivrer du joug des infidèles nos sujets musulmans. La levée de boucliers qu'exige ce fanatique au nom du Prophète, se nomme en Persan Djahat, et d'après le sens qu'on attache à cette dénomination, c'est une levée en masse de tous les vrais croyans marchant au secours de leurs corréligionnaires.

On m'a certifié que le Cheik avait reçu des adresses de sollicitation de plusieurs mollahs et de quelques mécontents de nos provinces et qu'Abbas-Mirza en avait les copies. Malgré les soins que j'ai employés pour me les procurer, je n'ai pu y parvenir jusqu'à présent. Le Schah avait l'intention de tenir ce saint personnage éloigné de Sultanie pendant le temps que je m'y trouverai; mais l'entêtement du béat mahométan l'a emporté sur les sollicitations de ce Souverain, qui craint son influence sur le peuple.

Les armemens de la Perse se sont bornés jusqu'ici à l'achat de quelques chevaux d'artillerie et à la formation de trois nouveaux

bataillons dans l'Adzerbaïdjan, ce qui fera monter l'armée régulière d'Abbas-Mirza à 15 bataillons d'infanterie et à 60 pièces d'artillerie tant bonnes que hors de service et dont 24 au plus ont les hommes nécessaires pour les manœuvrer. La majeure partie de ces troupes va se rendre au camp d'Oudjany à 8 parasanges de Téb-riz sur la route de Sultanie, et elle y serait déjà si les effets de campement lui avaient été distribués. Ce retard provient d'une pénurie de moyens, à laquelle on a remédié en prenant des tentes par réquisition. Le Prince Royal avait l'idée de réunir dans la même position un essaim de cavalerie Curde et Illiate, mais le Schah s'y est opposé.

J'ai l'honneur d'être avec une haute considération.

(Подлинникъ находится въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ).

Dépêche, adressée au Comte de Nesselrode en date de Sultanie, № 14.
du 9 Juillet 1826 (expédiée de Tiflis le 7 Septembre).

Depuis le départ du Prince Royal j'ai conçu quelques espérances, quoique bien vagues, de retarder les hostilités.

Le Schah, qui malgré soi se trouve poussé à faire la guerre, dont il redoute les suites pour sa dynastie, voudrait la prévenir, mais la crainte qu'il a d'Abbas-Mirza, jointe à une extrême faiblesse de caractère entretenue par la débauche crapuleuse à laquelle ce Souverain est livré, l'empêchent de prendre la résolution de s'opposer ouvertement aux gens qui l'entraînent. Mais d'un autre côté et conformément à sa pusillanimité, il a chargé Mirza-Aboul-Kassim, mollah bachy ou chef des mollahs de Kermanchah, de distribuer de l'argent parmi ses confrères afin de les diviser et de créer un parti modéré pour l'opposer à celui qui prêche la guerre. Cette mesure a produit son effet et la troupe fanatique du Seid de Kerbelay, qui se composait de 600 mollahs, a considérablement diminué. Mirza-Aboul-Kassim est venu m'en rendre compte en me fai-

sant entendre qu'il était autorisé à me le dire et à m'engager à ne pas attribuer tout ce qui s'est passé au Schah qui n'a pu résister au torrent.

Ce mollah remplissait les fonctions de principal ministre du Prince de Kermanschah; mais il vient d'être déplacé par Allaiar-Khan, qui a exigé son renvoi pour s'être mêlé des affaires sans la participation de ce dernier. Le Schah a cédé sur ce point à son favori; mais il a attaché le mollah bachy à sa personne.

Pendant le cours de ces intrigues, le Prince Royal a expédié un courier de Miana à son beau-frère Allaiar-Khan pour l'engager à sauver les apparences d'une première agression, afin d'obtenir de l'Angleterre les 200 m. tomans stipulés par le Traité.

On a décidé dans un conciliabule d'affidés qui s'est tenu chez ce Ministre, qu'on me proposerait de terminer les différends des limites d'après les stipulations de Gulistan, en leur donnant un sens, que je ne pourrais adopter et qu'on se baserait sur mon refus pour exiger les subsides de l'Angleterre.

Cette résolution prise, Allaiar-Khan m'a fait tenir la note ci-jointe, en se taisant sur le contenu de celle que je lui ai adressée le 5 du courant, et sans mentionner la reprise des négociations dans une ville frontière, mesure à laquelle il avait précédemment acquiescé. Ma réponse se trouve également sous ce pli et j'ai la satisfaction d'apprendre qu'elle embarrasse le premier Ministre.

J'en ai fait remettre une copie à Aboul-Hassan-Khan, afin que, de son côté, il puisse en faire parvenir le contenu au Schah.

J'ai l'honneur d'être etc. etc.

(Изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ).

Dépêche, adressée au Comte de Nesselrode en date de Sultanie, du 3 Juillet 1826 (expédiée de Tiflis le 7 Septembre).

Mon arrivée à Sultanie a été le terme des procédés de civilité des Persans à mon égard. Ma tente est entourée de gardes qui

empêchent toute communication au dehors. A l'audience publique que m'a accordée le Schah, on a affecté de ne pas me rendre les honneurs d'usage même pour les chargés d'affaires qui résident à cette Cour, quoique le cérémonial ait été réglé d'avance. D'après ce même cérémonial le Schah devait prendre de mes mains la lettre de l'Empereur et j'ai eu l'assurance positive, deux fois répétée, qu'il le ferait; malgré cela quand je la Lui ai présentée, il ne voulut pas la prendre et m'indiqua de la main un coussin pour la déposer; or, selon l'usage du pays, c'est manquer d'égards à l'Empereur. On m'a donné pour excuse des soi-disans méseutendus.

Au point où en sont les choses, il m'a paru nécessaire de dissimuler et tout en me refusant à trouver bonnes les excuses qu'on m'a faites, je n'ai pas cru devoir exiger une réparation, car elle m'aurait été refusée et d'autant plus, que tout se fait à l'instigation d'Abbas-Mirza qui, cédant toujours à l'impulsion du moment, voudrait, dans sa passion guerrière, pousser les choses à bout. J'ai donc laissé cet objet en suspend pour ne pas sortir du rôle de temporisateur, que je me suis imposé, ainsi que je le mande à V. Exc. dans mon rapport № 20.

J'ai l'honneur d'être etc. etc.

(Подлинникъ въ архивѣ минист. иностр. дѣлъ.)

Dépêche, adressée au Comte de Nesselrode en date de Sultanie, № 16.
du 5 Juillet 1826 (expédiée de Tiflis le 7 Septembre).

J'ai eu ce matin une conférence avec les Ministres du Schah, présidée par Allaïar-Khan, qui seul a porté la parole. Il a renouvelé les prétentions qu'Abbas-Mirza m'avait annoncées à Tébriz en insistant particulièrement sur la restitution du littoral du lac de Gögtcha. Je lui ai opposé la lettre du Prince Royal au Général Yermoloff par laquelle il consentait à nous abandonner ce littoral en échange de l'espace compris entre le Kapan et le Kapaktchaï. Allaïar-Khan m'a répondu que le Schah n'avait jamais

donné ni son consentement, ni son approbation à un semblable échange, qui était d'autant moins admissible, que d'après le status quo ad praesentem du Traité de Gulistan, la Perse était en droit d'exiger, en sus des points précités, les rives du Bergouchète et que le Cabinet de Téhéran l'avait fait déclarer au commencement de cette année par l'historiographe du Schah, Mirza Sadyk, qui s'était rendu à Tiflis pour cet objet. J'ai fait observer à ce Ministre que Mirza Sadyk n'avait fait sa déclaration à Tiflis que depuis que j'ai quitté Pétersbourg, que par conséquent mes instructions n'avaient pas fait mention d'un fait postérieur à mon départ, mais que je m'empresserai de demander de nouveaux ordres à mon Gouvernement.

Ce Ministre n'a pas trouvé d'objection à me faire et s'est borné à me dire que le Schah devant partir incessamment pour Ardebil on me donnerait les moyens de retourner à Tiflis et que la négociation pourrait continuer dans une des villes de la frontière dont on tomberait d'accord pour y tenir les conférences.

En rentrant chez moi, je me suis empressé d'envoyer à Allaïar-Khan la note dont je joins ci-près la copie.

Il me tarde de gagner les confins de la Russie pour prévenir le Commandant en Chef de la Géorgie de ce qui se passe, car j'apprends que les Persans se sont décidés à arrêter mes couriers et je ne suis pas sans inquiétude sur le sort de celui que j'ai expédié le 2 du courant.

Le Prince Royal est parti ce matin pour réunir ses troupes vers nos frontières du Karabag.

Les avis qu'il a reçus des mécontents de cette province lui ont monté la tête: il se voit déjà en possession de Tiflis et dictant la paix à la Russie. En ce berçant des plus belles espérances, sa présomption va jusqu'à l'enfantillage. Il se compare à Tamerlan et à Nadir Shah en s'abandonnant à une passion guerrière qui tient de la démence. Les gens qui le connaissent particulièrement lui

accordent un mois de persévérance dans ses opinions avant que d'en changer.

J'ai l'honneur d'être etc. etc.

(Подлинникъ находится въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ).

О гибели отряда подполковника Назимки графъ Симоничъ № 17. сообщаетъ въ своихъ запискахъ слѣдующее:

«Le Colonel Reuth, aussitôt qu'il se fut assuré que l'armée persane avait franchi l'Araxe, prit sur lui de se retirer de Tschinakhtschi à Schouscha qu'il mit à la hâte en état de défense et où il sut se maintenir avec sa poignée d'hommes contre toute l'armée persane, commandée par le Prince Abbas-Mirza et renforcée encore par la population musulmane de la province. Il est étrange de penser que le Général Yermoloff ait ordonné au Colonel Reuth de se tenir à Tschinakhtschi quand on sait surtout que le Général avait visité Tschinakhtschi, qu'il devait par conséquent connaître sa position entourée et dominée par des montagnes dont il était de toute impossibilité de défendre l'approche à l'ennemi. Il est encore plus surprenant qu'aucune instruction n'eut été donnée pour retirer de Ghirous les trois compagnies avant que le chemin de la plaine leur fut coupé. Aussi ce millier d'hommes avec leur chef de bataillon, le drapeau et tous les officiers tombèrent dans les mains des Persans. Le Lieutenant Colonel Nazimka, qui était ce chef de bataillon, vieux soldat de l'armée d'Italie de Souvoroff, brave de sa personne, mais entêté et un peu pauvre d'esprit, quand il ne lui resta plus d'autre salut que de se retirer sur Schouscha par le chemin des montagnes, eut l'inconcevable idée de traîner après lui les deux canons et plus encore—les charrettes des compagnies. Le tems qu'il eut fallu pour atteindre la rive gauche de l'Akera (Askéra ?), où il se serait trouvé en parfaite sûreté, il le passa à faire monter à bras d'hommes les canons et les charrettes sur

l'horrible montagne, sur laquelle il faut grimper pour sortir de ce côté-là de Ghirous.

«Parvenu au sommet où se présente une très belle plaine, il trouva la cavalerie de rebelles du Karaback, avec laquelle il s'amusa à faire la fusillade et à lui courir après. De cette manière les malheureux chasseurs, après avoir perdu inutilement un tems précieux, harassés de fatigue et mourant de soif, atteignirent enfin la descente extrêmement rapide qui conduit au pont sur l'Akera (Askéra ?). Là il fallut bon gré mal gré abandonner les charrettes et les canons parceque les Persans s'étaient emparé du pont et avaient occupé la lisière des bois qui commencent sur la rive gauche de la rivière.

«Dans cette position critique, sans aucun espoir de salut, les chasseurs n'ayant plus ni la force, ni la possibilité de se défendre se jetèrent dans l'eau pour étancher la soif et se laissèrent prendre ou tuer sans opposer la moindre résistance».

(Военно-учен. арх., отд. II, дѣло № 2447).

Самъ Реутъ доносилъ генераль-адъютанту Паскевичу объ этомъ происшествіи и о своемъ укрытіи въ Шушѣ такъ:

«Не бывъ уполномоченъ властію надъ управленіемъ Карабахскою провинціею (съ отъѣздомъ г.-м. кн. Мадатова на Кавказскія минеральныя воды), я не вмѣшивался совершенно ни въ какія по оной здѣшняго коменданта маіора Челаева распоряженія; по свѣдѣніямъ же, какія получилъ отъ него, маіора Челаева, и другихъ постороннихъ лицъ, насчетъ заграничныхъ дѣйствій, предпринимаемы мною были всегда въ мѣстахъ расположенія войскъ всѣ мѣры осторожности... Не находя возможности держаться въ Чинахчахъ, какъ по невыгодности мѣстоположенія, такъ и потому, что не было уже времени сдѣлать укрѣпленіе, не имѣя совершенно запаснаго продовольствія и не предвидя способовъ къ заготовленію онаго вскорости,— я счелъ необходимымъ войти въ крѣпость Шушу... Въ подтвержденіе прежнихъ моихъ предписаній ввѣреннаго мнѣ полка

подполковнику Назимку о скорѣйшемъ соединеніи со мною, давъ вновь ему повелѣніе о самопоспѣшнѣйшемъ слѣдованіи съ тремя ротами въ Шушу и донеся Его Высокопревосходительству господину Корпусному командиру № 1040-мъ о причинахъ, побудившихъ меня оставить Чинахчи, выступилъ я оттоль... 19 іюля ввечеру, оставивъ на мѣстѣ всѣ тягости, исключая заручнаго оружія, пороха и свинца; и 20-го числа поутру прибылъ въ Шушу...

«22-го іюля получилъ я свѣдѣніе, что роты, находившіяся въ Гирюсахъ, при слѣдованіи сюда бывъ отрѣзаны бунтовщиками и измѣнниками карабахцами, подъ предводительствомъ главнѣйшаго изъ нихъ капитана Гиджи-Агаларъ-бека, а потомъ и подоспѣвшимъ къ нимъ непріателемъ,—истреблены. Въ нихъ состояло: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 16, изъ коихъ три явилось въ полкъ, нижнихъ чиновъ 874, и при сихъ ротахъ было Донскаго Молчанова полка оберъ-офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 94, артиллеристовъ 22-й артиллерійской бригады 3-ей резервной батарейной роты 20 съ двумя орудіями и зарядными ящиками».

Изъ того же донесенія видно, что 25 іюля крѣпость была уже со всѣхъ сторонъ окружена непріателемъ и что осада снята 5-го сентября поутру, слѣдовательно длилась 47 дней. (Военно-уч. арх., секр. дѣло № 5.850 (а), лл. 146—152, рапортъ полковника Реута ген.-адъют. Паскевичу, отъ 24 сент. 1826 г., № 9).

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ГЛАВЪ П.

№ 1.

Журналь генераль-адъютанта Паскевича

съ 1-го августа по 1-е сентября 1826 года.

*19-10 августа
1826 года.*

Новочеркасскъ. нова, управляющаго теперь донскимъ войскомъ, чтобы спросить о выступленіи 6 казачьихъ полковъ на Кавказъ: онъ отвѣчалъ, что они 25 числа августа выходятъ.

*20-10. Дорога
до Ставро-
поля.*

Разные слухи о войнѣ съ Персією, одни говорятъ, что только хотятъ грабить наши провинціи, другіе, что идутъ на Тифлисъ.

*21-10. Ста-
врополь.*

Генераль-маіоръ Горчаковъ явился, говорить, что все спокойно на линіи. Слухи о персидской войнѣ тѣ же: прибавляютъ, что ихъ до 60.000, что гарнизонъ Шуши держится подъ командою полковника Реуда; что генераль Ермоловъ послалъ генераль-маіора князя Мадатова съ тремя батальонами по дорогѣ къ Елизаветполю.

Распоряженіе для защиты проѣзжающихъ на воды по линіи отъ Ставрополя до Егорьевска слѣдующее: поставлены пикеты въ виду другъ отъ друга; отчего гораздо легче казакъ, ибо прежде давались конвои, которые должны были скакать съ проѣзжающими; сей службы ни одинъ полкъ казачій болѣе году не выдерживалъ. Сіе распоряженіе дѣлается только

днемъ, на ночь пикеты снимаются. Оное идетъ до самаго Екатеринограда.

Ничего новаго, какъ только, что въ Егоріевскѣ такъ ду-

22-10. Егоріевскъ.

ренъ климатъ, что гошпиталь построенъ внѣ крѣпости. Вечеромъ пріѣхалъ, переправился черезъ Куму на паромѣ, ибо мостъ снесенъ; но скоро будетъ починенъ. Дорога до Владикавказъ идетъ по лѣвому берегу Терека, черезъ редуты Пришибъ, Аргутанъ, Урухъ, Минаретъ, Ардонъ и Архонъ. Хотя сія дорога и существуетъ съ 1825 года, но нынѣ перемѣна сдѣлалась. Урухскій редуть, который былъ въ 15-ти верстахъ отъ Терека, теперь переводится къ самому берегу сей рѣки, отчего дорога короче и менѣе опасности, ибо идетъ далѣе отъ горъ; сію дорогу держитъ Кабардинскій пѣхотный полкъ. Съ Екатеринограда берется конвой отъ одного поста до другаго, состоящій въ пѣхотѣ, нѣсколько казаковъ и одномъ орудіи.

Екатериноградъ.

Цедула или извѣщеніе прошло по редутамъ, что извѣстный хищникъ Бей-Булатъ, собравъ большую партію изъ чеченцовъ, поднялся, чтобы напасть на новую дорогу. Приказаніе отъ Ставропольскаго коменданта, чтобы были осторожнѣе. Новая дорога вездѣ устраивается, мосты подѣланы, подъемы вскопаны. Въ редутахъ работаютъ казармы. Новая дорога идетъ лощиною въ виду Терека, она выгоднѣе прежней, которая шла черезъ Моздокъ и Константиновскій редуть, тѣмъ, что такъ называемыя Кабардинскія горы не нужно переѣзжать. Большіе транспорты съ порохомъ и ядрами идутъ изъ Егоріевска въ Грузію.

23-10. Урухской Редутъ.

Тутъ все на военную ногу. Оружія заряжены и безпрестанно ожидаютъ непріятели, котораго внезапно и во всякое время надобно ожидать.

Въ нынѣшнемъ году на этой дорогѣ было два нападенія.

Одно, гдѣ унтеръ-офицеръ съ транспортомъ пороха отбился съ 25-ю человекѣми отъ 150 хищниковъ, убилъ и ранилъ до 30-ти, за что Государемъ Императоромъ пожалованъ въ офицерѣи. Другое удалось неприятелю на рѣкѣ Бѣлой: унтеръ-офицеръ Кабардинскаго полка ишелъ съ *Летучной*, т. е. съ поспѣшною картою; у него было 12 человекъ пѣхоты и 5 казаковъ; неприятель изъ кустовъ вдругъ напалъ и убилъ и ранилъ 8 человекъ, прочіе спаслись. Служба здѣсь весьма тяжела. Я нашелъ (войска) въ большой военной исправности; со стороны одежды желательно больше акуратности; но дисциплина весьма строга и здѣсь поручикъ на отдѣльномъ посту командуетъ младшимъ поручикомъ.

24-го. Влади-
кавказъ.

Пріѣхалъ весьма рано, узналъ отъ коменданта полковника Скворцова, что съ 15-го на 16-е число дорога отсюда въ Грузію, между Дирианомъ и Кобию въ трехъ мѣстахъ обрушилась, отчего Терекъ вышелъ изъ береговъ и снесъ мосты и подмостки у дороги, такъ что уже 16 дней нѣтъ сообщенія, транспорты остановились; тутъ я засталъ флигель-адъютантовъ полковниковъ—князя Долгорукова и Фридрихса, которые пять дней какъ здѣсь находятся. Сей нечаянный случай также остановилъ и баталіонъ, выписанный изъ гвардіи. Я спрашивалъ у подполковника Махова о ихъ поведеніи, онъ отвѣчалъ, что не совсѣмъ доволенъ ихъ поведеніемъ, что я намѣренъ довести до свѣдѣнія генерала Ермолова. Новыхъ извѣстій о войнѣ персіанъ никакихъ нѣтъ.

25-го. Влади-
кавказъ.

Я приказалъ коменданту Владикавказъ послать нарочнаго, дабы инженеръ-подполковникъ Ковалевичъ далъ бы знать, какъ скоро можетъ готовъ быть переходъ, хотя бы пѣшкомъ. Отъ него полученъ рапортъ, что отъ Ларса на разстояніи 6 верстъ до устроеннаго временнаго моста можно доѣхать на верховыхъ лошадяхъ, а экипажъ на вьючныхъ, къ даріяльскому же

мосту осыпи еще не разчищены, надобно идти пѣшкомъ. Отъ Даріальскаго моста на разстояніи 4-хъ верстъ должно проходить по горамъ, по лѣвой сторонѣ рѣки Терекъ, единственному и опасному проходу, потому что каменная прикладина повреждена и не прежде будетъ готова, какъ черезъ три недѣли. Я рѣшился завтра весьма рано ѣхать и послѣзавтра перейти пѣшкомъ сіи мѣста.

Поутру услышавъ, что первые мосты сдѣланы и что хотя съ опасностію нужно перейти только одну гору, я рѣшился ѣхать верхомъ въ Ларисъ, — получено извѣстіе, что къ 9-ти часамъ будетъ готовъ и послѣдній мостъ, и такъ на другой день я переправился.

*26-го Влади-
кавказъ и
Ларсѣ.*

Я нашель въ трехъ мѣстахъ завалы, чего давно въ это время не было и вода, перемѣнивъ свое теченіе, испортила мосты, и подмостки теперь только поправлены для выюковъ; — но транспорты и экипажи не прежде трехъ недѣль будутъ проходить. Отъ Ларса до Кошаура самый трудный переходъ, ибо хребетъ горы тутъ нужно переѣзжать.

*27-го Дарисъ-
Кошаурѣ.*

Ничего замѣчательнаго не было.

28-го Тифлисъ.

Я пріѣхаль въ Тифлисъ, явился къ генералу Ермолову, который меня довольно хорошо принялъ, но сказалъ, что онъ знаетъ, какъ раздѣлить Кавказскій корпусъ; я имѣлъ съ нимъ долгій разговоръ по порученію, сдѣланному мнѣ Государемъ Императоромъ, на все даль отвѣты, которые представляю при рапортѣ.

29-го Тифлисъ.

Былъ парадъ и раздача парижскихъ медалей гвардейскимъ и піонернымъ солдатамъ, потомъ церковный парадъ, вечеромъ я просилъ генерала Ермолова отдать обо мнѣ въ приказѣ; онъ сказалъ, что завтра посмотримъ, тутъ онъ мнѣ рассказывалъ, какъ о расположеніи войскъ, такъ и о способахъ удовольствія, о войнѣ съ Персіей, тутъ коснулось до отряда, ко-

торый онъ собираетъ для освобожденія крѣпости Шуши. Я, видя, что это одно изъ важнѣйшихъ предпріятій нынѣшней кампаніи, сказалъ ему, что я доволенъ буду если сей отрядъ мнѣ препоручить; онъ мнѣ отвѣчалъ, что не смѣетъ меня тронуть, ибо я присланъ дабы быть здѣсь; я сказалъ, что хочу быть настоящимъ его помощникомъ и что (другого) случая нынѣшней кампаніи, гдѣ бы я могъ ему доказать оное, не будетъ. Онъ согласился дать мнѣ сей отрядъ.

31-го Тифлисъ. Я почувствовалъ начало здѣшней лихорадки, но былъ у генерала Ермолова, говорилъ много о здѣшнемъ краѣ, о предположенной экспедиціи.

1-го сентября Тифлисъ. Мнѣ нѣсколько легче, я былъ у генерала Ермолова, онъ мнѣ показывалъ рапорты: одинъ, что турецкій папа раздѣлялъ невольниковъ, взятыхъ турками въ нашихъ границахъ, и между прочими нѣмецкихъ колонистовъ; другой, въ которомъ тотъ же папа на письмо къ нему генераль-лейтенанта Вельяминова, который упрекалъ, что разграбили колонію, отвѣчалъ, что это неправда и что онъ перваго турка повѣситъ, который осмѣлится это сдѣлать; третій, отъ князя Мадатова, что персіане собираются въ Елизаветполь. Я ему напомнилъ о приказѣ войскамъ обо мнѣ, онъ отвѣчалъ, что онъ сего не можетъ сдѣлать, что онъ самъ останется ничтожнымъ и что лучше у него совершенно взять команду нежели быть въ такомъ положеніи; я ему представлялъ, что это его ничуть не унижаетъ, что сколько примѣровъ было таковому командованію и вспомнилъ князя Прозоровскаго, у котораго князь Багратіонъ командовалъ всѣми войсками. Говорилъ ему, что онъ не долженъ удивляться, что Государь Императоръ прислалъ меня, ибо рапорты его были таковы, что Государя удивило, что война съ Персією и что неожиданно наши провинціи вѣзбунтовались, что сіе такъ удивило, что думали, что непріа-

тель будетъ въ Тифлисѣ прежде моего приѣзда и онъ съ войсками брошенный.

Вечеромъ я былъ у него, онъ хладнокровно вдругъ мнѣ говорить: я отдамъ въ приказъ объ Васѣ, чтобы вы войсками командовали, разумѣется я Государева указа не могу удержать.

Грузинцы хорошо себя ведутъ, они составили ополченіе и многіе князья охотно являютъ дабы служить волонтерами при мнѣ, трое изъ нихъ были у генерала Ермолова, настаивалъ, чтобы онъ ихъ употребилъ противъ персіанъ, но онъ уговорилъ ихъ служить въ своемъ уѣздѣ, противъ лезгинъ, которые собираются. Противъ нихъ генераль-лейтенантъ князь Еристовъ защищаетъ всю Кахетію съ 6-ю ротами. Другія извѣстія, что Сердаръ Эриванскій посылаетъ свою конницу, которая, обойдя нашъ отрядъ при каменной рѣчкѣ, можетъ пройти до самаго Тифлиса.

Получилъ рапортъ, что князь Меншиковъ выпущенъ изъ Эривани и со своею свитою прибылъ къ нашимъ постамъ.

Сегодня отданъ обо мнѣ приказъ.

Князь Меншиковъ прислалъ фельдъегеря, что онъ черезъ три дня будетъ въ Тифлисѣ, онъ извѣщаетъ, что шахъ съ 6-ю тысячами пѣхоты и отъ пяти до шести тысячъ конницы находится въ Агарѣ для подкрѣпленія Аббасъ-мирзы, что часть войска послалъ къ нему на помощь. Также извѣстіе, что Сердаръ Эриванскій идетъ на насъ съ 3.000 конницы на Елизаветполь. Собраніе лезгинъ подтверждается.

Рапортъ отъ генераль-лейтенанта князя Еристова, что лезгины собираются въ числѣ 10 тыс. человекъ и что къ нимъ ожидается царевичъ грузинскій.

Сегодня проходила артиллерія отряда, т. е. идущая на соединеніе къ составляющемуся отряду противъ персіанъ. Она

состоять изъ 8 батарейныхъ и 4 легкихъ орудій, я ее видѣлъ и нахожу, что артиллерія сія хороша.

№ 2.

Mon Général,

Je profite de la permission de Votre Excellence pour la remercier d'avoir bien voulu penser à moi au milieu de ses occupations. J'ai eu l'honneur de recevoir sa lettre du 5 de ce mois. Elle m'est bien précieuse. Puissai-je mériter le mot si flatteur *d'amitié* qu'elle contient. Etre digne de l'estime de Votre coeur, a toujours été le voeu le plus ardent de mon coeur.

Vous recevrez aujourd'hui, mon Général, communication officielle d'une grande dépêche au G-1 Yermoloff. Celle-ci (ma lettre s'entend) partant par la voie de Votre aide-de-camp, je puis *confidentiellement* y ajouter quelques données sur le contenu des autres dépêches qui lui sont adressées.

Le G-1 Yermoloff voulait employer 2.000 hommes en *погонщики* pour son magasin mobile. L'Empereur lui prescrit de ne point les détacher des bataillons déjà faibles, mais d'employer préalablement pour cet effet deux régiments des cosaques de la mer noire, à pied.

Le ministre des finances a reçu l'ordre de préviser sans délai à l'envoi de 400 m. ducats et de 500 m. roubles argt.

Sa Majesté est trop persuadé que la guerre exige des frais extraordinaires. Elle n'approuverait pas des mesures d'économie déplacée qui serviraient de motif pour entraver les opérations d'une campagne active.

Le ministre de la guerre doit mettre à disposition, sans délai, à Yekaterinodar 50 m. sacs de toile, et préparer dans nos ports, pour être débarqués à Bakou et à Redout-Kouléh, 112 m. tchetwert de farine, 10 m. 500 de gruau et 111 m. d'avoine, indépendamment de l'approvisionnement ordinaire du Corps qui est porté sur le budget de l'année.

Celui de l'intérieur, et le B-on Willié, sont chargés de pourvoir à tout ce qui est relatif au service des hopitaux, et 2 comp-ies mobiles d'invalides sont à cet effet détachées de la seconde armée.

L'empereur regrette que les communications de Bakou avec l'intérieur du pays sont encore si mal établies; mais S. M. pense néanmoins, que l'organisation des moyens de transport ne saurait dépendre que des dispositions du général qui exploite tous les moyens du pays et qui réunit tout les pouvoirs. Nos provinces au delà du Caucase se trouvent par le fait на военномъ положеніи. L'ordre et la justice sont fortement recommandés dans l'exercice du système des réquisitions.

S'il était prévoyable qu'on peut tirer des vivres des Paschaliks T. voisins, il est recommandé de ne pas négliger ce moyen.

Le comte Nesselrode est chargé de fournir des traducteurs versés dans la connaissance des langues orientales.

Voilà en substance ce qu'il eut été trop long de Vous communiquer officiellement. Je n'ai pas eu d'ailleurs ordre de le faire, pour la raison unique je pense que le temps matériellement nous manque en égard au nombre des occupations. Je prie V. E. de garder mes lettres pour sa connaissance particulière, à moins que je n'y place les mots: *je suis autorisé*.

J'ai lu, mon Général, le plan d'opérations, que Vous avez présenté. Le maitre demande à l'écolier son avis. Je Vous le dirais franchement:

Le plan me parait conçu avec hardiesse et avec connaissance de cause. Il porte le cachet de l'homme entreprenant. Je le crois exécutable et le préfère bien à celui dont il est dit E. B. долженъ согласиться etc. etc. Je crois que sous le rapport si essentiel des approvisionnements le Vôtre eut présenté des facilités, puisque la voie des arrivages, partant du centre de nos possessions, en eut été raccourcie, et je ne doute pas, que Vous ne soyez pas dans la suite obligé d'adopter cette voie avec les autres. Maintenant, nous allons prendre la bête par les cornes, mais pourvu encore que nous

y allions rondement, tout est bon. Le plan qu'on eut souhaité ici, celui d'opérer sur Agar et Tauris, m'eut cependant, je l'avoue, paru le plus convenable de tous. Il tendait à un grand but et il eut frappé au coeur de l'ennemi. Je n'eusse pas redouté le grand avantage (si proné par un César qui ne l'est pas) de cette ligne intérieure, au moyen de laquelle Abbas M. aurait pu faire la navette à la Bonaparte. La haute stratégie d'un Persan ne me paraît pas encore très redoutable. Je craindrais bien davantage leur petite guerre.

Maintenant, mon Général, permettez moi de terminer cette longue lettre, toute confidentielle, par un dernier mot qui Vous concerne personnellement. Voici comment je considère Votre position: La force des choses, bien plus que l'engouement dont on a eu trop de raisons plausibles d'être guéri. Vous place en second sur le théâtre au lieu d'y figurer en premier comme on l'eut peut être souhaité. Il me semble que c'est un appel fait *au chevalier*. Nommer Boyard par comparaison c'est presque casser à un militaire le nez d'un coup d'encensoir. Je ne suis flatteur ni par mon naturel, ni par calcul. Ainsi puisque Boyard y a, je l'y laisse, et j'observe qu'il n'a jamais commandé en chef, qu'il maintenait le premier rang dans une attitude secondaire, et qu'il s'est immortalisé. Je voudrais, que Vous prissiez avec un peu de philosophie et de sangfroid ce qui arrive. L'on ne peut en ce moment, sans tout détraquer, retirer le pouvoir des mains de celui qui le tient depuis 10 années. L'on ne peut, et ne veut pas se passer de Vous, qui avez la confiance et qui l'avez justifiée. *L'on eut peut être été charmé de Vous voir dès le commencement user des pouvoirs qui Vous étaient donnés. Une fois que Vous vous êtes contenté d'acquérir la gloire et de vous ranger en sous ordre, l'on ne doit plus, pour le moment du moins, vouloir de Vous qu'un esprit d'abnégation, et l'attention d'un personnage dont la voix est prépondérante, et dont les yeux sont ouverts sur tout.* Plus Vous pourrez Vous maintenir en bonne intelligence avec César, plus, j'en suis convaincu, Vous

serez réellement utile où *Vous êtes*, et utile à Vous-même *ici* où Vous n'êtes pas. La première lettre *que Vous écrieriez dans ce sens*, tout en continuant à éclairer sur le véritable état des choses, serait, *j'en suis sûr*, reçue avec plaisir. Voilà, mon Général, l'opinion franche d'un soldat dévoué à son ami chef. S'il y avait quelque chose qui Vous déplût, veuillez ne pas y voir une mauvaise intention, et dans tous les cas brûler ces deux mauvaises feuilles de barbouillage.

Combien je regrette d'être ici, cloué 10 à 12 heures par jour sur les paperasses. Que ne puis-je être Votre chef-d'état major, Votre premier aide de camp. Je donnerais volontiers à ce prix mes épaulettes étoilées, dans la conviction que je pourrais Vous être de quelque utilité, même à côté de mon brave frère d'armes. En France il était à l'avant-garde. Je lui ai quelques fois servi d'appui. Il est brillant, mais sauf à lui déplaire, j'oserai Vous engager à lui recommander, comme individu, un peu de modération. Ces asiatiques ne sont pas de la cavalerie française. Ne perdons pas contre des barbares un officier, un homme, comme il en est peu.

Adieu, mon Général. Pardonnez mon griffonage et mes longues aberrations. Je me suis laissé entraîner.

Ci joint encore quelques gazettes.

Agrérez, je Vous pris, l'hommage de mon respectueux dévouement.

C-TE P. SUCHTELEN.

St. Pétersbourg.
Le 24 Janvier 1827.

В. у. а., Отд. II, секр. дѣло № 5850(а), лл. 178—179. № 3.

Sire,

Votre Majesté ayant daigné me charger de Lui donner l'explication des inscriptions arabes et persanes qui se trouvent sur les apeaux compris dans le nombre des trophées enlevés par les

armées russes aux troupes persanes, je les ai examinés avec la plus grande exactitude, et puis en conséquence soumettre à Votre Majesté les renseignements suivants:

La première de ces inscriptions est la formule qui se trouve en tête de tous les chapitres du Coran: elle est conçue en ces termes:

«Au nom du Dieu de clémence et de miséricorde».

La seconde est le commencement du 48-e chapitre du Coran intitulé la Victoire, en voici la teneur:

«Nous t'avons accordé (Mahomet) une Victoire éclatante».

Il est question ici de la victoire de la Mecque que Mahomet remporta dans la 8-e année de l'hégire.

Les trois inscriptions suivantes font partie du verset 13 du chapitre 61 du Coran, intitulé l'Ordre; le verset entier est ainsi conçu:

«Il (Dieu) vous accordera les autres biens que vous désirez, sa protection puissante et une victoire prochaine: annonce-les aux fidèles».

Ces mêmes légendes sont incrustées en or sur un casque déposé au musée de Moscou nommé Оружейная палата.

Toutes ces inscriptions sont arabes et écrites en caractères nommés Neskhi.

Les deux autres qui sont tracées en lettres persanes appelées Ta'lik contiennent les titres du Souverain actuel de la Perse et le nom du régiment auquel appartenait ces drapeaux; en voici le texte:

«Le Sulthan fils de Sulthan, Fath-Aly châh de la dynastie des Kâchârs».

«Sixième régiment d'entre les légions victorieuses».

Telle est la teneur de toutes ces inscriptions sur lesquelles je n'ai pu donner d'abord des notions aussi positives *), puisqu'il

*) Въ дѣлѣ имѣется и другое сообщеніе, въ видѣ замѣтки, того же профессора (л. 177).

m'était impossible de citer de mémoire les chapitres du Coran aux quels ces légendes appartenaienit.

Puissé-je avoir répondu par ces explications aux désirs de Votre Majesté, et mon voeu le plus ardent sera accompli.

Je suis avec le plus profond respect,

Sire,

de Votre Majesté Impériale et Royale

le très humble et très obéissant serviteur

F. CHARMOY,

Professeur de langues Persane et Turque à l'Institut Oriental du département des affaires étrangères.

St. Pétersbourg.

Le 29 Octobre 1826.

Военно-ученый архивъ, Отд. II, № 2462, лл. 33—37.

Mon Général,

J'ai reçu à Sultanié la lettre dont Votre Excellence m'a honoré et je Lui offre mes très sincères remerciemens pour son bienveillant souvenir. Il m'a été impossible d'y répondre tant que j'étais retenu prisonnier en Perse, où je me trouvais encore, si je n'étais parvenu à faire persuader, par des voies indirectes, au premier Ministre du Schah que mon intérêt personnel m'engageait à porter notre Gouvernement à accélérer la conclusion de la paix en rejetant la faute de l'agression sur les autorités de la Géorgie et en palliant aux yeux de l'Empereur la conduite infame et déloyale des Persans.

Je prie Votre Excellence de prendre lecture des rapports que j'ai adressés au Comte de Nesselrode depuis mon arrivée à Sultanié, mais que je n'ai pu expédier qu'en arrivant à Tiflis. Elle y verra l'exposé de l'intrigue qui a occasionné la guerre, la pusillanimité du Schah et le caractère équivoque d'Abbas-Mirza. Dans les dépêches qui forment la présente expédition, j'ai osé, tout en

me défiant de moi-même, émettre quelques idées sur les limites à établir entre la Russie et la Perse à l'issue de la guerre. J'envoie également au Comte de Nesselrode un aperçu des moyens militaires de la Perse dont je joins ci-près une copie.

Le chiffre total est considérable, mais il faut en rabattre beaucoup et l'effectif peut être évalué ainsi qu'il suit:

Troupes d'Abbas-Mirza.

18 bataillons de Sarbazes de 800 à 1.000 hommes présents sous les armes. 24 pièces de canons.

8 à 10.000 hommes de cavalerie, non compris celle du Sardar d'Erivan.

Troupes du Schah.

12 bataillons de Djanbazes de 400 à 600 hommes, dont chaque individu a la permission d'avoir une bête de somme, ce qui, un jour d'affaire, leur donne le droit de détacher le quart du bataillon pour garder le bagage. 18 pièces de canons. 12 à 15.000 hommes de cavalerie.

Des 18 bataillons d'Abbas-Mirza.

Le Sardar d'Erivan en a 4

La garnison de Lenkoran se compose de 2

Les deux de Hamadan ne sont pas encore formés 2

Le bataillon *russe* n'a pas voulu porter les armes contre nous et se trouve à Ourmia 1

Total 9 bataillons à décompter des 18, reste pour le corps d'armée de Karabag 9 bataillons, formant à peu près 8.000 hs.
Cavalerie 10.000 >

Total . . . 18.000 hs.

et 24 pièces de canons sous les ordres immédiats d'Abbas-Mirza.

Le renfort qu'Alajar-Khan lui a amené du camp du Schah peut monter tout au plus au tiers des troupes accompagnant ce Souverain qui craint de les éloigner de sa personne, ce qui pourra monter à 7.000 hommes, qui avec les 18.000 précités forment 25.000 hommes occupant le Karabag et faisant le blocus de Choucha. Il faut néanmoins en défalquer les pertes qu'ils ont essuyées aux environs d'Elisavetpol.

Le Sardar d'Erivan a 4 bataillons, formant à peu près .	3.500 hs.
Infanterie irrégulière du Mazandéran armée de fusils à	
mèche	2.000 »
Cavalerie à peu près	7.000 »
	<hr/>
	Total . . . 12.500 hs.

et 6 pièces d'artillerie légère, formant le corps d'armée du Sardar.

En défalquant du total de l'infanterie 500 hommes pour la garnison de Sardar-Abad, reste 5.000 hommes pour la défense d'Erivan en cas de siège.

Cette forteresse est imprenable de vive force même avec une garnison moins nombreuse. La double enceinte en maçonnerie qui, dans quelques endroits, est d'une hauteur prodigieuse et très difficile à escalader avec des échelles, quand même elle n'aurait pas de défenseurs. Le pied des murailles est garanti par un glacis et n'est pas vu du dehors, à l'exception cependant des deux tours qui joignent la rivière. Ce glacis est un obstacle qui oblige à en couronner la crête avant que d'établir les batteries de brèche. La place est approvisionnée pour 4 à 5 ans. Elle a 27 pièces d'artillerie montées et 50 à 60 qui sont encore sans affûts. Je pense néanmoins que quinze jours de siège seraient suffisans pour la réduire. Il faudrait une vingtaine de pièces de gros calibres approvisionnées à 800 coups par pièce et au moins 6 mortiers. Le front d'attaque m'a paru être celui qui est orienté vers le midi. Les batteries de ricochets auront peu de prise sur les murailles, mais seront excellentes pour enfler les fossés où séjournera une partie de

la garnison que ne peut contenir le fort. Les batteries de mortiers devront être établies dans le prolongement des murailles dont l'intérieur est creux et contient les magasins à poudre. Une éminence située sur la rive droite de la Zengua, offre les moyens de prendre des revers sur le front d'attaque.

La grande difficulté consisterait d'avoir les pièces nécessaires pour le siège, ainsi que les approvisionnements, et comme il n'en existe pas en Géorgie, le seul moyen serait de prendre de l'artillerie de place dans les ports de la mer Noire et de la transporter à Redoute Kalé en employant l'hiver pour mener le tout à Lori où l'on établirait le dépôt. Un bataillon de sapeurs ou de pionniers serait nécessaire, si on se propose de faire le siège d'Erivan et ce siège devient indispensable, s'il est de l'intention du Gouvernement d'obtenir à la paix la cession de cette province. La poudre pour les mines ne devrait pas être oubliée dans les approvisionnements.

Tébriz est également entouré d'une muraille et en sus d'une enceinte bastionnée très défectueuse, quoique construite par les anglais, mais les habitans de cette ville ne sont pas gens à se défendre avec acharnement. Tébriz a une citadelle où se trouve l'arsenal et la fonderie.

Sardar-Abad, que j'ai cité plus haut, ne se trouve sur aucune carte. C'est un bourg fortifié de 4 à 500 familles toutes arméniennes et la propriété particulière du Sardar, qui y a établi de grands magasins de blé. Il est situé entre Talyn et l'Araxe. En tirant sur la carte une ligne droite d'Erivan par Etchmiadzin, ce couvent se trouvera à égale distance d'Erivan et de Sardar-Abad qui est au midi de la grande route.

La province d'Erivan est riche et abonde en blé. Nous y avons beaucoup des partisans parmi les tatares et en outre une nombreuse population arménienne toute dévouée à notre cause.

Le Karadag au contraire offre très peu de ressources. Il se compose de deux chaînes de montagnes entre lesquelles se trouve la vallée où est située la ville d'Ahar. De cette ville à Tébriz il

y a des routes viables pour l'artillerie; mais il n'en existe pas à travers la chaîne septentrionale qui se nomme Utch-Kardach et qu'on est obligé de tourner par Mechkin en suivant la route d'Ardebil, si l'on veut mener du canon.

Le Général Krabe a arrêté les progrès de l'insurrection dans le Daguestan et les Khanats limitrophes et je ne doute pas de l'évacuation prochaine de notre territoire par les Persans qui sont une détestable troupe. Le lendemain de mon arrivée à Lori le frère du Sardar d'Erivan est venu piller les environs avec 2000 hommes de cavalerie, partagés en deux troupes. J'ai pris le commandement de deux compagnies de carabiniers pour m'opposer à une de ces colonnes, et quoique je les aie poursuivis pendant toute une journée jusqu'au pied du Karagatch en les forçant d'abandonner une partie de leur butin, je n'ai pu arriver à faire une décharge de mousqueterie avec le gros de ma troupe. Une quinzaine de tirailleurs seulement ont eu occasion de faire feu.

Les neiges vont mettre fin aux opérations en bouchant tous les passages des montagnes depuis l'Arpatchay jusqu'à la plaine de Mogan. Mais cette plaine, qui est impraticable en été à cause des serpens, offre en hiver d'excellens paturages où se réunissent tous les Chahsevids de l'Adzerbaïdjan et sans lesquels ils verraient périr leurs troupeaux qui forment toute leur richesse. En refoulant ces peuplades dans l'intérieur de la Perse pendant l'hiver prochain, ils pilleront leurs compatriotes et donneront beaucoup d'embarras au Gouvernement. J'en ai fait la proposition au Général Yermoloff et je crois qu'il est intentionné d'exécuter cette opération qui pourrait se combiner avec la reprise du Talyche.

Après l'évacuation de notre territoire qui s'opérera par l'arrière saison, si ce n'est par la force des armes, car la cavalerie persane ne supporte pas le froid, tous les tatars de nos provinces rentreront dans une complète soumission et pourront nous fournir pour l'année prochaine une cavalerie supérieure à celle de nos ennemis pour la bonté des chevaux et l'agilité des hommes.

Pardonnez moi, mon Général, si je me sers de la main de Mr. Kisseleff pour Vous écrire, mais la fièvre a rendu la mienne tremblante. Ma santé a été abimée par le séjour d'Erivan. Je commence néanmoins à reprendre des forces et après quelques jours que j'emploierai à avaler du quinquina, je m'acheminerais vers Pétersbourg.

J'expédie l'enseigne des feldjäger Adamoff et si j'osais adresser une prière à Votre Excellence, je solliciterais pour cet officier de l'avancement ou une décoration, dont je le crois digne tant par son zèle pour le service que par tous les maux qu'il a endurés conjointement avec la Mission pendant mon séjour en Perse, séjour qui l'a peut-être privé de quelque récompense à l'époque du couronnement de Sa Majesté l'Empereur.

C'est avec une haute considération que j'ai l'honneur d'être,
mon Général,

de Votre Excellence

le très humble et très obéissant
serviteur

Le P-ce Menchikoff.

Tiflis,
le 12 Septembre 1826.

В. у. а., Отд. II, секр. дѣло 5850 (а), лл. 153—154.

Показаніе Огурлу хана Елизаветпольскаго, взятаго въ плѣнъ 15-го сего сентября (1826 г.).

Огурлу-ханъ, попавъ къ намъ въ плѣнъ недалеко отъ р. Тергера, рассказаль, что наслѣдникъ персидскаго престола Аббасъ-мирза выступилъ изъ Персіи съ армією, состоящею изъ 12.500 пѣхоты, 7.000 конныхъ и 24 орудій. Аббасъ-мирза

остановился въ лагерѣ передъ крѣпостію Шушою въ Карабагской провинціи, гдѣ онъ остался около 1½ мѣсяца, надѣясь, что жители измѣнятъ русскимъ и сдадутъ крѣпость. Аббасъ-мирза, получившій въ подкрѣпленіе Аллаяръ-хана, зятя шаха, съ 10.000 пѣхоты, 4.000 конницы и 10-ю орудіями, которому препоручилъ блокаду крѣпости, самъ же, хотя онъ видѣлъ себя обманутымъ, но всячески старался взять Шушу, какъ въ то время получилъ извѣстіе, что князь Мадатовъ разбилъ его войско на рѣкѣ Шамхоръ подъ начальствомъ Амиръ-хана. Послѣ разбитія Амиръ-хана, персіяне отступили до рѣки Куракъ-чай, куда и Аббасъ-мирза, простоявшій нѣсколько дней лагеремъ въ ущельи Аскерана, самъ прибылъ въ 12-й день сентября съ своимъ войскомъ и съ 12.000 шахскихъ сарвазовъ, которые присоединились къ нему 30 августа. Для прикрытія своего лагеря на Тертерѣ, Аббасъ-мирза оставилъ 4.000 человекъ пѣхоты.

13-го сентября, съ разсвѣтомъ, выступилъ Аббасъ-мирза изъ Куракъ-чай съ войскомъ, состоящимъ изъ 16.500 регулярной пѣхоты, 24 орудій и 7.000 персидской конницы. Къ нему же присоединилась конница карабагская до 300, шекинская 200, елизаветпольская 200 и 1.000 человекъ чарцовъ. Въ 8 верстахъ не доходя нашего лагеря при Елизаветполѣ, построилъ Аббасъ-мирза свои войска въ боевой порядокъ слѣдующимъ образомъ:

На правомъ флангѣ поставлены въ одну линію 3.500 пѣхоты съ 4-мя легкими орудіями и часть кавалеріи подъ начальствомъ Изманла мирзы, тамъ же былъ и Огурлу-ханъ съ кавалеріей.

Въ центрѣ поставлены были 15 батарейныхъ и 3 легкыхъ орудій, за батарею стояли тавризскіе батальоны и на правомъ

флангѣ центра 1 батальонъ изъ русскихъ бѣглецовъ *), которымъ особливо командовалъ Казумъ-ханъ; въ центрѣ всего было 9 батальоновъ, построены въ трехъ линіяхъ, и въ третьей линіи стояли 3 батальона отборныхъ войскъ. Центромъ командовалъ лично Аббасъ-мирза.

На лѣвомъ флангѣ стояли 3.500 пѣхоты съ 2-мя легкими орудіями и съ кавалеріею подъ начальствомъ Аллаяръ-хана.

Сыновья Аббаса-мирзы, находившіеся на флангахъ, увидѣвши, что ихъ арміи центръ пробить, своимъ малодушіемъ смутили даже Аббаса-мирзу, который, когда его правый флангъ былъ опрокинутъ и лѣвый началъ отступать, велѣлъ артиллеріи подаваться назадъ и самъ съ частію кавалеріи обратился въ бѣгство.

Аббасъ-мирза хотѣлъ напасть на нашъ лагерь при Елизаветполѣ, полагая, что у насъ только 4.000 пѣхоты и 1.000 человекъ конницы. Персіяне бѣжали въ совершенномъ безпорядкѣ и были преслѣдованы нашимъ войскомъ до ихъ лагеря на Куракъ-чай, гдѣ Аббасъ-мирза, самъ увидя, что наши стрѣляютъ изъ орудій по лагерю, велѣлъ взорвать ящики съ порохомъ и потомъ бѣжалъ съ кавалеріею. Послѣ чего персіяне бѣжали всю ночь и слѣдующій день безъ отдыха; пѣхота, бросивъ ружья, собралась изъ всякаго батальона по 300 до 400 человекъ на рѣкѣ Хочинѣ, и кавалеріи не болѣе 1.000

*) Это выраженіе въ показаніи Угурлу-хана объясняется нѣкоторыми (см. Дубровина «Послѣдніе дни пребыванія Ермолова на Кавказѣ», IV) въ томъ смыслѣ, что означенный батальонъ состоялъ изъ бѣглыхъ русскихъ солдатъ. Такой батальонъ (русскій) дѣйствительно былъ въ персидскихъ войскахъ, но отказался поднять оружіе на своихъ и остался въ Урміи (см. письмо Меньшикова къ Дибичу въ прил. № 4). Гр. Симоничъ говоритъ, что въ войскахъ Аббаса-мирзы находились два батальона изъ *христіанъ*, и ничто не мѣшало бы ему объяснить, что эти христіане—бѣглые русскіе солдаты, если бы дѣйствительно такъ было.

человѣкъ. Про артиллерію Огурлу-Ханъ не знаетъ, кромѣ того, что онъ былъ посланъ Аббасомъ-мирзою прибрать два орудія, на дорогѣ оставленныя. На Хочинѣ персіяне ночевали 14-го числа, пекли себѣ хлѣбъ и пошли далѣе. Аббасъ-мирза имѣлъ при себѣ вьюки съ 100.000 червонныхъ, которые были разграблены его собственною кавалеріею.

Наконецъ объявилъ Огурлу-ханъ, что Аббасъ-мирза былъ намѣренъ остановиться на той сторонѣ рѣки Аракса только на время и потомъ отправиться въ городъ Агаръ въ Карадагской провинціи, гдѣ теперь и шахъ самъ. Одинъ сынъ шаха, прибавилъ Огурлу-ханъ, отправленъ въ Ширванъ и въ Кубу для возмущенія народа.

Огурлу-ханъ просить, чтобъ его семейство перевели въ Россію. Онъ бѣжалъ при генералѣ Циціановѣ и потомъ просилъ, чтобы ему отдали не Елисаветпольскій округъ, но собственное его имѣніе, которое тамъ осталось, въ чемъ генераль Циціановъ ему отказалъ, какъ и генераль Тормасовъ.

Свѣдѣнія общія.

1. До вторженія персіявъ въ предѣлы наши, персіяне получили (много) пригласительныхъ и просительныхъ писемъ изъ Дагестана и Чарской (Джарскіе лезгины) области, изъ прочихъ же провинцій, присоединенныхъ къ Грузіи сего не было.

2. Когда Аббасъ-мирза прибылъ съ войскомъ въ Карабагъ, хотя являлись изъ каждой провинціи люди незнатные, но безъ всякихъ писемъ; когда же изъ крѣпостей Елисаветпольской, Нухи, Ленкорана и города Старой Шамахи выведены были войска русскія, тогда изъ всѣхъ провинцій вмѣстѣ явились депутаты и предлагали ему всѣ услуги.

Отчего война возгорѣлась?

1-е. Ость-Индская компанія, платившая персидскому двору въ годъ 800.000 рублей серебромъ, чрезъ посла своего въ нынѣшнемъ году требовала отъ персіянъ непремѣнную войну съ Россією, въ противномъ случаѣ отказывалась продолжать плату и просила возвратъ уплаченной суммы.

2-е. Отреченіе Великаго Князя Константина отъ престола Россійскаго полагали они междоусобіемъ общимъ и надѣялись по той причинѣ выиграть время.

3-е. Эриванскій сардаръ, желая войну для собственной своей пользы, чтобы во время войны оставаться ему правителемъ края, доносилъ персидскому правительству, что русскія войска разбросаны по разнымъ мѣстамъ и обыватели Грузіи недовольны правительствомъ россійскимъ

NB. Это показаніе плѣннаго Угурлу-хана удостовѣрено собственноручною подписью генераль-адъютанта Паскевича, который, вѣроятно, лично допрашивалъ хана.

Mon Général,

Par le retour de Votre bon aide-de-camp Oppermann, qui est ici dans l'impatience de Vous rejoindre, je m'empresse, mon Général, de Vous remercier pour la gracieuse lettre qu'il m'a apportée de Votre part. Je Vous plains beaucoup, mon bon Général, pour toutes les contrariétés que Vous éprouvez, je m'imagine ce que Vous devez souffrir d'après Votre zèle et je conçois même les difficultés que Vous rencontrerez pour l'approvisionnement nécessaire pour Vous mettre en campagne et la continuer avec la rapidité

que Vous désireriez, surtout par la nature de l'ennemi que Vous battez toujours, mais qui peut Vous nuire dans Vos communications par la quantité de cavalerie légère qu'il peut mettre en campagne. Du reste je suis persuadé qu'à la première bataille qu'il acceptera, il se persuadera que la paix lui convient mieux que la guerre, et Vous la demandera. Je suis enchanté que le bon G-l Krassofky soit avec Vous; voilà un militaire sur lequel Vous pouvez compter. Je Vous prie, mon Général, de me rappeler à son bon souvenir.

J'ai vu et j'ai chez moi une copie du joli rescript dont Sa Majesté a bien voulu accompagner l'épée, qui Vous fait tant d'honneur, mon Général. Voilà les diplômes qui font honneur et qui sont de véritables monuments de gloire pour Votre famille. Agréez, mon Général, que je Vous en fasse mes bien sincères compliments.

M-r le chevalier Votre frère, qui me fait l'honneur de venir quelquefois me voir, me dit qu'il a vu au Cabinet l'épée qu'on Vous a destinée, il la dit être très jolie, mais quand elle serait toute simple, et sans brillants, elle brille du plus bel éclat par l'inscription qu'elle porte, ce qui fait un honneur immortel à Votre Excellence. Rappelez Vous, je Vous en prie, mon Général, que très souvent dans nos petites conversations je Vous rappelais qu'il ne Vous fallait que des occasions; à la toute première que Vous avez eue, Vous Vous êtes couvert de gloire et Vous faites trop d'honneur à la victoire pour qu'elle puisse jamais Vous abandonner. Dieu Vous garde seulement des intrigues, c'est le venin le plus subtil, la peste la plus dangereuse pour une armée--la bonne intelligence, l'union dans les camps préparent les victoires; aussi je suis sûr que Vous ferez tout Votre possible pour les fixer dans les corps que Vous commandez. Pardonnez moi, mon Général, si j'ose Vous parler ainsi, c'est que je voudrais Vous savoir heureux sous tous les rapports. Nous n'avons ici aucune nouvelle digne de Votre attention. A en juger par les journaux qui se contredisent les uns les autres, il paraît probable que les Puissances sont

d'accord pour faire cesser les hostilités contre les Grecs et que la Porte consentira à un arrangement. En attendant, le Sultan paraît mettre de l'ordre à ses affaires. Réussira-t-il? en verra-t-il la fin? Dieu seul le sait. Ce n'est pas du côté du Croissant que l'Europe a à craindre. Selon mon faible esprit, je vois l'Angleterre au moment de la mettre sens dessus dessous. Elle a besoin de la guerre, ou du moins elle espère y trouver un remède pour tous les désordres que la famine occasionne dans le pays. Je crains que l'affaire du Portugal ne soit un enjeu pour l'allumer, Dieu veuille que je me trompe.

Je n'ai pu faire Votre commission, mon Général, à l'égard de Jomini, puisqu'il est parti depuis longtemps pour passer l'hiver à Paris et revenir au printemps s'établir avec sa famille à St. Pétersbourg.

Savez-Vous, Excellence, que, depuis que Vous m'avez vu à Moscou, je n'ai pas pu me retablir et ce n'est que depuis 2 jours que je commence à prendre l'air. Ce climat me tue et les 60 années approchent, ce qui est une très mauvaise pelisse pour s'en garantir. Tâchez, mon Général, de Vous conserver. Finissez le plus tôt possible avec Vos Persans, car on aura peut-être besoin de Vous ailleurs dans un an ou deux. Dieu veuille que je me trompe. Ne m'oubliez pas, je Vous prie, dans Votre bon souvenir et aimez toujours Votre très respectueux et dévoué serviteur.

C-TE MICHAUD.

St. Pétersbourg
le 21 Janvier 1827.

Je Vous recommande Votre bon aide-de-camp Oppermann. Il mérite toute Votre affection par l'attachement et le dévouement qu'il a pour Vous. Il est dans les épines de rester ici, il craint que son mauvais sort ne lui fasse manquer quelque affaire, aussi voudrait-il partir aujourd'hui plutôt que demain. C'est un officier plein de zèle et d'amour pour son métier et il est tout heureux de se trouver sous Vos ordres.

Иванъ Федоровичъ! Съ особеннымъ удовольствіемъ усмотрѣлъ я изъ донесеній вашихъ, что вы при первой встрѣчѣ съ непріятельскою арміею, предводительствуемою самимъ наследникомъ Персидскаго престола, нанесли оной значительное поражение и наказали тѣмъ за вѣроломное вторженіе въ предѣлы любезнаго нашего Отечества. № 7.

Отнеся сіе къ благоразумнымъ распоряженіямъ вашимъ и къ тому испытанному духу храбрости, который всегда служилъ подчиненнымъ вашимъ первымъ примѣромъ, мнѣ пріятно, во изъявленіе отличнаго моего къ вамъ расположенія и въ память одержанной надъ Персіянами побѣды, препроводить къ вамъ украшенную алмазами шпагу съ надписью: за поражение Персіянъ при Елисаветполѣ, увѣренъ будучи, что она въ рукахъ вашихъ укажетъ храбрымъ войскамъ нашимъ путь къ новымъ побѣдамъ. Пребываю впрочемъ къ вамъ благосклоннымъ.

Въ Москвѣ
Сентября 29-го дня
1826 года.

Николай.

Иванъ Федоровичъ! Я съ удовольствіемъ читалъ донесеніе ваше отъ 21-го сентября о совершенномъ очищеніи отъ персіянъ Карабагской провинціи и о прогнаніи оныхъ за Араксъ. № 8.

Мнѣ пріятно изъявить вамъ за сіе успѣшное дѣйствіе войскъ вамъ вѣренныхъ особенное мое благоволеніе. Ознаменовавъ столь блестящими успѣхами первую вашу встрѣчу съ непріателемъ, я увѣренъ что съ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій, безъ сомнѣнія возобновятся подъ начальствомъ вашимъ и успѣхи Россійскаго оружія.

Пребываю вамъ всегда доброжелательный

Въ С.-Петербургѣ
Октября 25 дня
1826 года.

Николай.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ГЛАВЪ III.

№ 1.

Собственный журналъ Паскевича

СЪ СЕНТЯБРЯ ПО НОЯБРЬ 1826 ГОДА.

№ 1.

Мѣсяцъ сентябрь, 1826 годъ. 5-е число. Лагерь въ селеніи Мушанлы. Приѣхавъ весьма поздно, я ничего не могъ замѣтить. До отъѣзда изъ Тифлиса приѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ о Шамхорскомъ дѣлѣ. Я спрашивалъ, потомъ на мѣстѣ и у свидѣтелей; нашлось что у непріятеля было 4 т. конницы и 2 бат. пѣхоты, 4 орудія. Они шли и были встрѣчены ядрами весьма далеко, но близко не подошли и отъ ядеръ побѣжали. Генералъ Мадатовъ былъ расположенъ такъ: вся артиллерія впереди, пѣхота батальонъ за батальономъ.

6-е число. Лагерь въ селеніи Салаглы. Мое удивленіе было велико, когда изъ всѣхъ ротъ командъ и орудій отъ разныхъ ротъ, все это вмѣстѣ составляло весьма дурное сборище. Майоръ 42 чужаго полка командуетъ 6-ью ротами у карабинеровъ. У нихъ нѣтъ ни лазаретовъ, ни аптеки, и 6-дневный провіантъ на волахъ у всѣхъ. Я спросилъ отчего это, мнѣ отвѣчали — приказъ. Спрашиваю правда ли, и говорятъ приказу не было,

но только позволеніе, люди въ форсированномъ маршѣ ѣдятъ весьма дурно. Вариво ибо крупа не отпускается; скотина не запасена для продовольствія, берутъ у *маркитантовъ* по цѣнѣ весьма дорогой.

Тутъ пришли ко мнѣ казахскіе татары. Тутъ я увидѣлъ уже неудобство воловъ для 6-ти дневнаго провіанта, ибо оные вышедши въ три съ половиною утра насилу могли дотянуться около 7 часовъ вечера на мѣсто, что будетъ впередъ не знаю.

Полученъ рапортъ отъ генераль-маіора князя Мадатова къ Ермолову, что есть извѣстія хотя невѣрныя, что Абась-Мирза идетъ впередъ, что заставило меня сдѣлать 12 верстъ маршу впередъ.

Приказъ войску.

«Завтрашній день войска выступаютъ на Дзегамъ — войска, которыя были на Акстафѣ и Гассанъ-Су подъ командою подполковника Грекова, равно какъ и Нижегородскій драгунскій полкъ должны выступить завтра въ 6 часовъ утра; воловья повозки при семь отрядѣ находящіяся должны выступить въ 3 часа утра подъ прикрытіемъ ста человекъ. Отрядъ который идетъ изъ Кодъ долженъ выступить поутру въ половинѣ садьмаго часу, отправивъ транспортъ съ артиллерійскими снарядами и прочія воловья повозки въ 3 часа пополуночи.

Казаковъ, которые находились въ отрядѣ на Акстафѣ препроводить въ главную квартиру, гдѣ будутъ они находиться до приказанія».

8-го числа. *Лагерь въ Дзегамъ.* Я нашель Нижегородскій полкъ весьма дурно кормленъ и зарядовъ (мало?), когда у него до 900 лошадей есть ли надобно справится.

Получивъ рапортъ отъ князя Мадатова, что непріятель прошелъ до Тертера, я рѣшился сдѣлать форсированный маршъ, чтобы быть пораньше 10-го числа въ Елисаветполѣ. Я пришелъ въ 7 верстахъ отъ Елисаветполя и сдѣлалъ ночлегъ, сдѣлавъ въ тотъ день 46 верстъ по самой дурной дорогѣ. Обозы, особенно волы, не могутъ слѣдовать, люди тоже.

Персіяне нисколько не держались при Шамхорѣ, нѣсколько выстрѣловъ и все кончилось.

10-е число. Лагерь у Елисаветполя. Я приѣхалъ въ Елисаветполь, — князь Мадатовъ встрѣтилъ со всѣми чиновниками, онъ меня увѣряетъ о вліяніи, которое онъ имѣетъ надъ жителями, говоря о томъ, что причина возмущенія дурное обхожденіе здѣшнихъ чиновниковъ. Посмотримъ.

Непріятель перешелъ Тертеръ и видно укрѣпляется. По приѣздѣ моемъ князь Мадатовъ хотѣлъ ѣхать назадъ въ Тифлисъ, потому что получилъ, какъ ему казалось, грубую бумагу отъ генерала Ермолова насчетъ продовольствія; я его уговорилъ этого не дѣлать, съ одной стороны неосторожность, съ другой — высокомеріе.

11-е число. Тамъ же. Видѣлъ крѣпость; недоволенъ былъ, что нѣсколько человекъ въ крѣпости гарнизону. Непріятель показался въ 10 часовъ въ 2 тысячи, пришелъ до нашихъ аванпостовъ, простоялъ и въ три часа отошелъ. Онъ, какъ думаю, подвинулся 35 верстъ впередъ и находится въ 20 верстахъ. Казаковъ весьма мало, много въ раскомандировкахъ. Я приказалъ собрать, нашлось 650 на лицо, въ двухъ полкахъ. Въ строю съ полками и въ разныхъ адъютантахъ было 150, многіе на фуражировкѣ, а больше въ

Я построилъ войска въ 14 маленькихъ батальоновъ т. е. изъ двухъ ротъ сдѣлалъ батальонъ. Добыть здѣсь было весьма трудно провіанту вѣту, хотя общаются. Я былъ

въ крѣпости; можно защищаться: видѣлъ порохъ, свинець и мѣдь отбитыя отъ непріятеля, недоволенъ полковыми командирами, за то, что 6-ти дневный провіантъ на воловьихъ повозкахъ, и что лазаретокъ для поднятія больныхъ нѣту въ 4-мъ Егерскомъ и Херсонскомъ. Я побранилъ, на другой день явились повозки. *Не знаю какъ я пойду съ этими первобытными.*

Извѣстіе, что царевичъ Александръ съ лезгинами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прорывается въ наши селенія и уже сожгли оба лагеря Драгунскаго полка, лѣтній и зимній. Опасно, чтобы они форсированнымъ маршемъ не напали на нашъ лѣвый флангъ, чѣмъ они большаго вреда не могутъ сдѣлать, но хотя большаго вреда и не могутъ сдѣлать, но нечаянно въ вагенбургѣ могутъ отбить скоть.

12-го числа. Тамъ же. Я сдѣлалъ ученье, показывалъ ордръ de Bataille; видѣлъ нѣкоторые полки, не умѣютъ повернуться ни направо, ни налево. *Не знаю, что я съ ними въ день сраженія сдѣлаю.* Непріятель показался въ 11 часовъ болѣе 5-ти кавалеріи. Я удержалъ 4 батальона на позиціи, и самъ тамъ остался, до 4 часовъ; я видѣлъ на лицахъ неудовольствіе; они не привыкли *слѣно* повиноваться: начальники весьма *избаловали*.

Извѣстіе, что лезгины собрались по вліянію Александра царевича, но потомъ разошлись; ночью на 13-е число въ 1-мъ часу получилъ извѣстіе, что Сердаръ Эриванскій идетъ на Шамхоръ, - татаринъ, который перетаскивалъ пушки черезъ горы, это рассказывалъ.

Въ 4-мъ часу его переводчикъ ушелъ, что весь Абасъ-Мирза передъ нами, что онъ перешелъ канаву. Я было приказалъ въ 7 часовъ готовымъ быть, но, получивъ сіе извѣстіе, я велѣлъ тотчасъ же готовиться.

1) Людямъ *сѣсть на коней* и быть готовымъ въ 7 часовъ утра.

2) Вагенбургъ устроить въ каре противъ армянскаго селенія.

Я поставилъ войска на позицію около 8 часовъ утра.

13 числа. Лагерь за Куракчаемъ. Непріятель атаковалъ. Я уѣхалъ, чтобы заставить резервъ *итить*. Насилу могъ подвигнуть. Сохрани Богъ быть въ первый разъ съ войсками въ дѣлѣ, и фланги оба обойдены; я только и смотрѣлъ, чтобы *terreur panique* не сдѣлался. Я поставилъ 6 орудій, 3-й полубатальонъ Херсонскаго полка и такъ взялъ ихъ атаку во флангъ. Увидѣвши же, что пѣхота ихъ пустила батальонный огонь противу второй линіи, я подвелъ 3 дивиз. драгунъ и атаковалъ ихъ во флангъ, чѣмъ взялъ ихъ атаку во флангъ; войска храбры, но не стойки; вторая линія, не выдержавъ 20 ядеръ, смѣшалась съ первою.

Ширванскій ударъ въ штыки прорвалъ ихъ линію. Генералъ Вельяминовъ приказалъ. Мадатовъ мнѣ совралъ, что это онъ. Но тутъ ихъ распоряженія кончились, ибо войска явившіеся за регулярнымъ разбрелись, а генералы не умѣли собирать ихъ, т. е. распустили войска разыскать людей; я смотрѣлъ на всѣхъ пунктахъ что дѣлается, и видя, что еще дерутся остановилъ бы центръ. Я пріѣхалъ на центръ и не могъ 600 человекъ собрать пѣхоты. Хотя фланги еще были совершенно обойдены, Мадатовъ пріѣхалъ поздравить съ побѣдой.

17 числа. Лагерь на р. Тертеръ. Между прочими причинами войны поставляютъ слѣдующее: что англійскій министръ Остъ-Индской компаніи предложилъ имъ, что если они не воспользуются теперь случаемъ раздоровъ Россіи, то не только они прекратятъ вспоможеніе даваемое англичанами 200 тумановъ въ годъ, но что персіяне должны будутъ возвратить всѣ деньги ими полученныя въ продолженіи 10 лѣтъ, и даже войною

съ англичанами, на границахъ Индіи, ибо этимъ они докажутъ свою приверженность къ Россіи, и англичане боятся, чтобы они, соединясь съ русскими, не вошли въ ихъ Индейскія провинціи.

Получено извѣстіе о бѣгствѣ непріятеля, онъ отходилъ слѣдующимъ образомъ: онъ 14-го числа былъ на Тергерѣ, 15-го на Гиндархѣ, 16-го на (*неразборчиво*) а 17-го перешелъ Араксъ.

18-е число. На канавъ Гиндархъ. Тутъ я въ первый разъ узналъ плутовство Мадатова: поутру скота не было; люди идутъ по 30 и 35 верстъ въ день, а мясной порціи нѣтъ. Я сталъ подозрѣвать и непремѣнно требовалъ, чтобы онъ доставилъ, показывая на горы, вправо отъ которыхъ мы были въ 20 верстахъ, говорилъ, что нельзя чтобы не было скота. Мадатовъ увѣрялъ, что нѣту. Вельяминовъ взмолчалъ, а окружающіе потакали по Мадатову.

Онъ уѣхалъ въ Шушу, оставя мнѣ двухъ казаковъ. *Я ихъ послалъ покупать скотину*, однако у которыхъ я спросилъ, что нѣту развѣ тутъ скота, отвѣтили, что можно достать. Я ихъ послалъ: одного вправо въ горы, другаго впередъ, дабы купить на Араксѣ скота въ селеніяхъ, занимаемыхъ непріятелями. Тутъ въ первый разъ мнѣ Каргановъ открылъ глаза, что это все интриги, что онъ уже говорилъ, что интриги будутъ, Вельяминову въ Елизаветполѣ.

(постороннею рукою)

19-е число. На походы до Кранашена. Горные татары могутъ выставить до 1000 четв. муки единовременно, да и то не иначе какъ полагая въ 3 руб. сер. каждую четверть; сего еще недовольно: плативши такія деньги по доброй волѣ не продадутъ, а нужно приказать собрать сіе количество хлѣба старшинѣ и хотя они увѣрены будутъ, что за доставляемое ими въ войско продовольствіе заплатятъ и какъ выше сказано

дорогую цѣну, но они по неусердію будутъ дѣлать между собою раскладку, имѣя въ виду одну задержку, между тѣмъ стараются увѣрять, при всякомъ случаѣ, о ихъ къ намъ преданности. Вообще люди сіи пріѣзжаютъ съ предложеніемъ услугъ своихъ, но обѣщаній никогда не выполняютъ.

(рукою Паскевича).

Все сіе извѣстіе было отъ Мадатова, который не хотѣвши давать продовольствіе, выдумывать сталъ басни, которыхъ никто не оспариваль.

25-го числа. Войска перешли отъ Кондаланъ къ рѣчкѣ Черекенъ, мѣсто сего перемѣщенія въ четырехъ верстахъ, для сего полки выступили послѣ полудня.

26-е число. Въ лагерѣ при рѣчкѣ Черекенъ. Отсюда посланъ рапортъ къ генералу Ермолову, на другой день назначена поѣздка въ Шушу.

Вода на Кондаланѣ такъ дурна, что производитъ поносы; она давно извѣстна по дурному свойству, но мнѣ уже сказали на 4 день нашего тамъ пребыванія. Вода на Кондаланѣ не дурна, все было выдумано для выгодъ и интересовъ Мадатова, на той же рѣчкѣ стояла мѣсяць рота 4-я Егерскаго полка въ Ухугланѣ и всего въ мѣсяць было 5 больныхъ; но вотъ причины:

- 1) Жары и холодъ безъ палатокъ.
- 2) Пшеница дурно вареная.

28-го числа. Въ Шушѣ. Крѣпость Шуша расположена на одномъ второстепенномъ уступѣ Карабахской горы, имѣетъ семь верстъ окружности. 5¹/₂ (верстная) неприступная скала отдѣляетъ ее отъ другихъ горъ. Прочее же мѣсто по высотамъ ограждено каменною стѣною въ 2¹/₂ аршина вышины, съ башнями дѣлающими фланговую защиту.

Реуттъ имѣлъ 4 орудія полевыхъ, 1 мало-крѣпостное и 2 весьма старыхъ 36 фунтовыхъ, которыхъ онъ поставилъ на весьма дурномъ лафетѣ и которыми пугаль персіянь за 3 версты.

Гарнизону было: 6 ротъ 42 Егерскаго полка, что составитъ около 1300 человекъ на лицо и 1500 армянъ, большая часть изъ селеній князя Мадатова,—солгалъ, и послѣ узналъ, что тутъ было 22 деревень, а всѣхъ принадлежащихъ (Мадатову) 5.

(постороннею рукою).

Октябрь, 3-го числа. Недостатокъ въ продовольствіи, медленная онаго подвозка и затрудненія или задержка на мельницахъ, кои отъ лагеря находятся не въ близкомъ разстояніи, т. е. въ 12 верстахъ, все сіе причиняетъ Генералу большія безпокойства; генераль Мадатовъ также съ своей стороны ихъ увеличиваетъ неисполненіемъ своихъ увѣреній.

4-го числа. Поутру часовъ въ 9-ть Его Высокопревосходительство, съ генераль-маіоромъ Вельяминовымъ, объѣзжалъ весь лагерь, послѣ сего выѣхалъ на дорогу до Каргабазаруеда, изъ возвышенности видно все мѣстоположеніе къ Араксу, осматривалъ оную и возвратился обратно не раньше трехъ часовъ пополудни.

5-го числа. На мѣстѣ въ лагерѣ при рѣчкѣ Черакенѣ. Сего числа получено свѣдѣніе, что непріятель подвигается къ Араксу, и хочетъ оный перейти.

6-го числа. Вслѣдствіе полученнаго извѣстія 5-го числа поутру въ 8 часовъ батальонъ 41 Егерскаго полка, Драгунскій полкъ, шесть орудій артиллеріи и сотня казаковъ подъ предводительствомъ Генерала выступили изъ лагеря для рекогносцировки—прошли до селенія Горадизъ, что на рѣчкѣ Козлучай, а отъ Аракса въ 10 верстахъ—тутъ сдѣланъ приваль, войска

расположились на высотах; по правую сторону видна гора, означающая мѣсто Худоперинскаго моста. По лѣвую Асландузь, а прямо въ 12 верстахъ Мараліанъ. Прибыли въ лагерь не ранѣе 5 часовъ вечера.

7-го числа, начинается подвозъ въ лагерь разныхъ продуктовъ, какъ-то: соли и пшена, которые покупаются отъ жителей посылаемыми парочно Генераломъ людьми. Наряженные команды для молотбы внутри лагеря ежедневно работаютъ, Генераль часто самъ ходитъ къ нимъ и смотритъ за успѣхомъ.

8-го числа. Въ томъ же лагерѣ.

9-го числа. Больные часъ отъ часу прибываютъ, и нынѣ въ отрядѣ, какъ то означено въ рапортахъ къ генералу Ермолову, до 600 человекъ. Недостатокъ въ провіантѣ и малые подвозы онаго заставляють генерала отказаться совершенно отъ обѣщаній князя Мадатова и послать деньги отъ себя для закупки продовольствія. Генераль-маіоръ князь Мадатовъ вмѣстѣ съ генераль-маіоромъ Вельяминовымъ отправились въ Шушу, — при семъ отправленъ и *Учурлуханъ*.

10-го числа. По случаю воскресенія назначена служба у ставки Генерала, къ сему по приказу приходили желающіе, — оная началась въ 9 часовъ утра; послѣ одной Генераль осматривалъ сообщеніе всѣхъ дорогъ, какія идутъ къ лагерному мѣсту.

11-го числа. Поутру отправленъ рапортъ къ Государю Императору съ 10 числомъ. Наряжены офицеры для устройства мостовъ на рѣчкахъ, встрѣчающихся до дорогъ къ Араксу.

12-го числа. Выданы Карганову деньги по приказанію Генерала; купленные болѣе 200 штукъ рогатаго скота и до 200 четвертей разнаго хлѣба доставляются въ лагерь. Все сіе закуплено въ разстояніи 14 верстъ отъ лагеря, а отъ мельницъ въ 7-и, 6-и и менѣе — явное доказательство, что затрудненіе, которое несказанно беспокоило Генерала, было показы-

ваемо безъ причины и увѣренія, что будто продовольствія достать пельзя какъ за 100 верстъ, также неправильны.

13-го числа. Поутру эскадронъ драгунскаго полка выступилъ для рекогноцировки,—оный слѣдовалъ до самаго Аракса, при семъ былъ для съемки Блюмъ и отъ артиллеріи Санковскій. Оные по окончаніи плановъ возвратились въ 7-мъ часу вечера. Поздній вечеръ и темнота беспокоили Генерала, но всѣ прибыли благополучно. Его Высокопревосходительство былъ очень доволенъ планами. Изъ сей партіи никто не видалъ непріятельскаго лагеря, но полагаютъ, что оный отъ Аракса не въ дальнемъ разстояніи, ибо въ шагахъ 200-хъ видѣли родъ пикета, откуда при ихъ приближеніи 5 человекъ конныхъ бросились бѣжать. Люди сіи побѣгомъ себя открыли, ибо мѣсто, гдѣ они находились, было заросшее бурьяномъ, изъ коего, чтобы лучше скрыться, они навязали достаточное количество сноповъ, кои ихъ совершенно скрывали.

Послано въ Шушу письмо къ Алексѣю Александровичу Вельяминову.

14-го числа. Отправленъ рапортъ къ Государю Императору, тутъ же и къ Генералу Ермолову. Снова выданы деньги для закупки въ отрядъ продовольствія.

(рукою Паскевича).

17-го числа. На походѣ пріѣхалъ поручикъ князь Вачнадзевъ, котораго я посылалъ въ Сардобъ, для узнанія о находящемся тамъ провіантѣ и скорѣйшей доставкѣ онаго. Онъ не доѣхалъ до того мѣста и прожилъ 7 дней въ деревнѣ Ахтжабетъ, потому что братъ Нухинскаго хана находится возлѣ Сардоба и казенный хлѣбъ, находящійся близъ Сардоба, находится въ большой опасности быть сожженнымъ; онъ говорить, что всѣ силы, которыя имѣеть ширванскій ханъ, соеди-

нясь съ ленкоранскимъ ханомъ, съ кавалеріей Аббасъ-Мирзы и съ 1500 сарвазовъ, не имѣють болѣе 5 т. человѣкъ.

Рапортъ отъ полковника Мищенко заключаетъ въ себѣ, что онъ въ Аксу или Новой Шамахѣ, а вмѣстѣ съ симъ увѣдомляетъ, что «ширванскій ханъ весьма усилился и что идетъ противъ него въ селеніе Джавать». Я ему отвѣчалъ, что будучи въ такомъ разстояніи ничего не предписываю и чтобы онъ дѣйствовалъ по обстоятельствамъ, къ тому прибавилъ: что такъ какъ я не надѣюсь на вѣрность коммуникаціи, то предлагаю ему дѣйствовать такъ, какъ нужно при неравенствѣ силъ.

У ширванскаго хана считается 3 т. ширванцевъ, 2 т. изъ Ленкорана, до 4 т. кавалеріи, присланной отъ Аббаса-Мирзы, 1½ т. сарвазовъ, бывшихъ въ Ширвани, и говорятъ одни, что изъ Ленкорана пришло два батальона сарвазовъ, а другіе, будто Аббасъ-Мирза къ нему прислалъ часть своей пѣхоты до 8 т. человѣкъ.

Все сіе заставляетъ меня сдѣлать движеніе къ Араксу, дабы заставить думать непріятеля, что хочу оный перейти, что я и исполнилъ сего числа съ половиною силъ, оставя вторую бригаду съ хлѣбопеками и людьми на мельницахъ, дабы успѣшнѣе заготовить 10-дневный провіантъ.

Я бы перешелъ Араксъ и атаковалъ непріятеля, но не имѣю болѣе, какъ на 5 дней продовольствія. Покупка же, сдѣланная капитаномъ Лазаревымъ, завтра будетъ сдаваться на мельницы, но надобно трое сутокъ чтобы это перемололи, а въ это время съѣдятъ и то, что есть на лицо.

Больные весьма умножаются и по вчерашнему рапорту кромѣ 200, отправленныхъ въ Шушу, 800 въ отрядѣ. Сего же дня отправлено въ Шушу 200 больныхъ такихъ, которые не скоро могутъ выздороветь.

18-го числа. Извѣстіе, что двѣ деревни, которыхъ капи-

танъ Лазаревъ уговорилъ дать провіантъ, пріѣхалъ сказать, что сего не могутъ сдѣлать, ибо персіяне вчерашняго числа разграбили Джебраилцевъ и находились отъ нихъ въ 5 верстахъ, что они не смѣютъ выйти изъ своихъ ущельевъ.

Сегодня половина отряда и кавалерія сдѣлали походъ до Баблей деревни, въ 5 верстахъ отъ Аракса. Я посылаю пробовать броды на Араксѣ,—одинъ былъ довольно хорошъ влѣво отъ оной деревни; другой—у самага Асландуза весьма дурень,—выше брюха лошади. Непритель нигдѣ не показывался, извѣстіе пришло, что 400 четвертей привезено въ Ахогланскій магазейнъ. Распоряженіе сдѣлано ихъ принять.

(постороннею рукою).

19-го числа. На обратномъ возвращеніи въ лагерь полученъ рапортъ полковника Мищенко слѣдующаго содержанія:

«Отъ 13-го числа сего мѣсяца за № 307 имѣлъ честь доносить Вашему Высокопревосходительству о выступленіи моемъ въ тотъ день изъ Ахсу къ Джеватской переправѣ; я перешелъ слишкомъ 75 верстъ и 14-го числа въ вечеру нашель Мустафу-хана съ полчищемъ его и сарвазами на правомъ берегу рѣки Куры, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она соединяется съ Араксомъ. Быстрый натискъ отряда моего и 4 орудія, открывшія дѣйствіе, не позволили непрителю истребить до совершенства плавный мостъ черезъ Куру имъ устроенный на канатахъ, кои однакожъ успѣлъ съ той стороны обрѣзать; онъ прикрылъ занимаемый имъ берегъ сарвазами и поставилъ въ дѣйствіе противъ меня 4 орудія, упорно защищая переправу. Въ короткое время 2 орудія у него были подбиты и онъ, поражаемый цѣльными выстрѣлами стрѣлковъ и батарей,—отступилъ и бѣжалъ въ разстройство. Ночное время и невозможность переправиться мнѣ на ту сторону спасли его отъ со-

вершеннаго истребленія. Онъ оставилъ на мѣстѣ 6 вѣчныхъ ящиковъ съ ружейными патронами, 30 таковыхъ же съ артиллерійскими для разныхъ калибровъ орудій и зарядами; въ 18 мѣшкахъ гранаты разныхъ калибровъ, шанцоваго инструмента: лопатокъ новыхъ 93, старыхъ 14, кирокъ 21, топоровъ 4 и колесъ артиллерійскихъ два. Уронъ непріятеля долженъ быть не маловаженъ; за подлинное извѣстно, что Саранъ-ханъ раненъ пулею въ лицо. Съ нашей стороны: тяжело раненъ и въ ночь прошедшую померъ командующій ширванскою конницею Каспійскаго морскаго баталіона—храбрый капитанъ Перкинъ,—онъ принялъ команду надъ стрѣлками Апшеронскаго пѣхотнаго полка и занялъ пунктъ противъ моста, и отличною храбростію своею заслуживаетъ особенное вниманіе. Сверхъ того ранено рядовыхъ: картечью 3-й легкой артиллерійской роты 1, и пулею Апшеронскаго полка 1, и одинъ рядовой получилъ контузію. Убито картечью артиллерійскихъ лошадей 3, и тяжело ранено 3, всего 6 лошадей, и два ружья картечью совершенно разбиты».

«Мостъ черезъ Куру съ великимъ трудомъ въ возможную способность я исправилъ; онъ годенъ лишь къ переправѣ пѣхоты и конницы, но къ переправѣ артиллеріи по узкости своей не способенъ. Я переправилъ часть пѣхоты и остальную конницу на Муганскую степь для развѣзда и открытія слѣдовъ непріятеля».

«Сей день явился ко мнѣ Ширванской провинціи Муганскаго магала наибъ Мустафа-бекъ, онъ былъ захваченъ Мустафю ханомъ въ плѣнъ въ г. Старой Шемахъ и былъ влачимъ за толпами разбойниковъ. При наступленіи прошедшаго вечера онъ спасся бѣгствомъ и объясняетъ, что Мустафа-ханъ бѣжалъ вверхъ по Араку, желая соединиться съ Шюкюр-агою, начальникомъ Шекульванцевъ, который находится про-

тивъ Асландуза, и что сарвазы, будучи недовольны продовольствіемъ имъ даваемымъ, отправились, какъ казалось ему, къ рѣкѣ Бухгару, что по дорогѣ къ Ардавилю».

«Мустафа-ханъ грозилъ по соединеніи съ Шюкюръ-агою возвратиться въ Ширванъ».

«Сейчасъ явился ко мнѣ Донскаго Сысоева полка казакъ Яковъ Юхинъ, онъ былъ въ плѣну у Мустафы-хана и бѣжалъ отъ него прошлую ночь; показываетъ, что весь вообще непріятель и сарвазы пошли вверхъ по Араку, что сихъ послѣднихъ было съ 4-мя пушками до 1.500 человѣкъ».

«По рѣкѣ Курѣ лежащіе: весь Рудбарскій магалъ, ниже селенія Джавата, и часть Карасубазарскаго магала, селенія Ахтаги и Тилянъ-Коюнъ опустѣли и жители въ разсѣяніи, гдѣ—еще неизвѣстно. Я послалъ нарочитую конницу для объявленія имъ всеобщаго прощенія и требовалъ возвращенія ихъ въ свои дома. Вчерашній день донесъ мнѣ лично Ширванской провинціи Сардаринскаго магала, смежнаго съ Шекинскою провинціею, наибъ Гаджи Ахметъ Султанъ, что дѣти Селимъ-хана—Ахаджи-ханъ и Гусейнъ-Кулиханъ все еще гнѣзятся въ Шекинской провинціи, что первый изъ нихъ находится въ Агдажскомъ магалѣ, но постояннаго мѣста пребыванія не имѣетъ и что къ нему прибылъ Александръ царевичъ; а послѣдній находится при селеніи Джафаръ-Абатъ близъ крѣпости Нухи, что при нихъ не болѣе 400 человѣкъ конницы и что вся Шекинская провинція въ волненіи противу сихъ грабителей и что наши войска выступили изъ топъ Карагача и слѣдуютъ на Нуху. Дабы не дать дѣтямъ Селимъ-хана и Александру царевичу пробраться черезъ Ширванскую провинцію за Куру, поставлены земскіе караулы: отъ горъ Хозуртскаго магала до рѣки Куры, въ сей же день посланы 150 человѣкъ Кубинской конницы и часть Ширванской съ тѣмъ,

дабы они заняли отъ селенія Альвента до Джебата всѣ мѣста, переправѣ способствующія. Также писано Зардобскому Рашимъ-беку и Альвентскому Новрузъ Али-беку о содержаніи по Курѣ карауловъ отъ селенія Тюрпикенти до Тилянъ-Коюна».

«Мустафа-ханъ, не будучи извѣстнымъ о движеніи моего отряда, переправилъ на сію сторону Куры, вчерашній день, до 100 человекъ лучшихъ ширванцевъ, бековъ и нукеровъ для грабежа, кои въ степяхъ и по камышамъ скрылись. Посланной, какъ объяснено выше, конницѣ приказано: розыскивать ихъ и истреблять. Донеся о всемъ вышеописанномъ, полковникъ Мищенко просить повелѣнія Его Высокопревосходительства насчетъ дальнѣйшихъ движеній отряда ему ввѣреннаго».

«*PS.* Сію минуту получилъ я увѣдомленіе отъ Новрузъ-Али-бека извѣстіе, что Гаджи-ханъ силою требовалъ семейство Зардобскаго Рашимъ-бека и грозилъ, въ случаѣ неисполненія, нанести ему совершенное истребленіе; почему онъ якобы отправилъ дѣтей и все семейство свое къ нему. Рапортъ сей я посылаю черезъ людей почетнаго наиба Муганскаго—Мустафы-бека».

Рапортъ сей присланъ изъ лагеря при Джеватѣ отъ 15-го октября № 311.

Того же 19-го числа въ вечеру—показаніе татарина Нуръ-Махмета, возвратившагося изъ лагеря Аббасъ-Мирзы.

1-е) Какъ распоряженіе Аббасъ-Мирзы, всѣхъ переходящихъ на ту сторону Аракса приказано представлять прямо къ нему въ лагерь, то онъ, Нуръ-Махметъ, найдя себѣ товарищей изъ кочевья Агалугбина *Юсуна* (сей Юсупъ можетъ быть вѣрнымъ и надежнымъ проводникомъ) и *Лале*, у котораго угнато карабахскими скоть, онъ ходилъ въ лагерь, гдѣ

оставался подъ предлогомъ просьбы къ шахъ-Задѣ *) насчетъ угнатога скота четверо сутокъ.

2-е) Аббасъ-Мирза расположенъ выше Махризлы у входа одного скалистаго и крѣпкаго ущелія. У него пѣхоты числомъ 2.000 человекъ шахскихъ джамбазовъ въ красной одеждѣ, въ числѣ коней и тѣ сарвазы, кои стояли въ Горюсахъ, конницы также 2.000 человекъ. Артиллерія его находится въ городѣ Агарѣ, какъ слышалъ онъ, въ лагерѣ войска же изъ Карабаха возвратившіяся распущены имъ до весны, потому что Шахъ, разсердясь при свиданіи своемъ на Аббасъ-Мирзу и ударивъ его своеручно, запретилъ ему наступательную войну до весны, а теперъ велѣлъ дѣлать репресали и учредить на границахъ оберегательные кордоны.

3-е) 17-го числа сего мѣсяца послалъ онъ тысячу конницы и 500 сарвазовъ, кои угнали отъ Джабраильскаго народа стада рогатаго скота. Самъ Аббасъ-Мирза, когда услышалъ объ успѣхѣ ихъ, перешелъ Араксъ на встрѣчу имъ и казнилъ двухъ за то, что они брали въ плѣнъ; все забранное возвращено хозяинамъ, а скотъ угнали въ лагерь. Лазутчикъ видѣлъ, что ежедневно войска Аббасъ-Мирзы фуражируютъ по сую сторону Аракса, берутъ хлѣбъ, чалтыкъ, просо въ снопахъ и изъ ямъ, кои отрываютъ они въ селахъ и кочевьяхъ по рѣкѣ Араксъ состоящихъ, какъ то у Джабраильцевъ и Хакари-Баргучагъ и въ лагерѣ зарываютъ въ ямы и имѣютъ амбары или запасы хлѣба съ собою въ мѣшкахъ.

4-е) Изъ Шекинской провинціи прибыли къ нему депутаты—знатные люди, коихъ имена не упомянуть.

Отъ Хаджи-хана просили войска—въ войскѣ отказалъ, что до весны не можетъ дать.—Посланы къ нему деньги, о количествѣ не извѣстенъ.

*) «Шахъ-Задѣ»—титულъ наследника персидскаго престола.

Депутаты сіи донесли ему, что Шахъ Али-Мирза третій день какъ переправился черезъ Куру и пошелъ въ Агарь.

Шахъ находится въ Узранѣ.

5-е) Мустафа-ханъ тоже присылалъ депутатовъ и просилъ секурса, однако и ему въ томъ отказано. Кочевья, изъ Карабаха увлеченныя, находятся между Шакарры и Каражикалы, отъ Аракса ближе, чѣмъ отъ нашего лагеря Араксъ, какъ равно и многія карабахскія селенія въ близкомъ разстояніи отъ Аракса.

20-го числа. Дабы отвратить ихъ набѣги на жителей по рѣкѣ Козлучаю и окрестностей, посланъ отрядъ изъ батальона Грузинскаго полка, трехъ орудій и сотни казаковъ подъ командою маіора Полякова. Вслѣдъ за симъ высланъ былъ въ подкрѣпленіе прежнихъ батальонъ Херсонскаго полка и 2 орудія—оныя дошли за часъ до разсвѣта къ селенію Городнѣ и оттуда возвратились въ лагерь, никого не выдавши.

21-го числа. Былъ посланъ отрядъ подъ командою подполковника Пацовскаго, оный расположенъ былъ для ночлега въ тѣхъ же мѣстахъ, какъ и прежній, и также благополучно возвратился, не выдавъ непріятели.

Сего числа въ вечеру, около 5 часовъ пополудни, прибыли въ лагерь всѣ гг. адъютанты Его Высокопревосходительства и тутъ же дежурный Штабъ-офицеръ.

22-го числа. Отправленъ отрядъ подъ командою генераль-маіора Шабельскаго около 6 часовъ вечера.

№ 2.

10-го сентября я пришелъ съ частію отряда въ Елизаветполь, гдѣ соединился съ отрядомъ генераль-маіора кн. Мадатова, который увѣряетъ меня о вліяніи его надъ жителями

сихъ провинцій. Онъ говорилъ мнѣ, что причиною возмущенія сихъ провинцій есть дурное управленіе русскихъ чиновниковъ и многое не въ пользу генерала Ермолова. Посмотримъ. — Онъ также говоритъ, что хочетъ ѣхать въ Тифлисъ, ибо не хочетъ быть провіантмейстеромъ, послѣ я его уговорилъ этого не дѣлать. Какое высокомѣріе. Послѣ я узналъ, что все это играно было.

11-го сентября осматривалъ Елизаветпольскую крѣпость, оная очень удобна могла бы быть къ защищенію, но совершенно брошена; говорятъ, оттого что воды нѣтъ, вмѣсто того есть колодезь въ крѣпости, который совершенно брошенъ; Персіане хотѣли его очищать; говорятъ, что вода въ немъ хотя не весьма хорошая, но въ нуждѣ можетъ служить.

10-го сентября, соединивши весь отрядъ, я увидѣлъ безпорядки въ войскѣ, люди весьма дурно одѣты, не выучены.

Маіоръ 42-го Егерскаго полка командуетъ 6-ю ротами карабинернаго, между тѣмъ, какъ полковой командиръ вмѣстѣ съ батальоннымъ находятся при 4-хъ ротахъ въ другомъ мѣстѣ. Артиллерія составлена изъ разныхъ 4-хъ ротъ, все это не выучено, кромѣ батарейной роты Сабурова, которая лучше другихъ. Сія артиллерія находится подъ командою капитана. Обозы очень дурно запряжены, лазаретокъ нѣтъ, 6-ти дневный провіантъ въ нѣкоторыхъ батальонахъ на волахъ. Я у нихъ спрашивалъ, кто имъ сіе позволялъ, они отвѣчали, что приказу не было, но словесное позволеніе. Люди ѣдятъ весьма дурно, ибо за симъ не смотрятъ, а порціи нѣтъ. Такого рода смѣшеніе войскъ въ такомъ неустройствѣ меня очень удивило, но не мудрено, ибо я узналъ, что войска здѣсь не знаютъ дивизіонныхъ и бригадныхъ командировъ. Инспекторскіе смотры у нихъ хотя и бывають, но не настоящими командирами, и въ то время когда люди бывають въ большомъ числѣ въ разкомандировкѣ на сѣновосахъ и прочее.

11-го сентября. Сего числа неприятель, оставивъ Тертеръ, перешелъ на Куракчай. Худое положеніе войскъ меня весьма беспокоить; я видѣлъ оное на выбранной мною позиціи въ двухъ верстахъ отъ лагеря и поставилъ такимъ образомъ, какъ они послѣ дрались въ Елизаветпольскомъ дѣлѣ. Нельзя себѣ представить до какой степени они не выучены, ибо многіе изъ нихъ не умѣли построиться изъ колонны въ каре и изъ каре въ колонну, все что я отъ нихъ только требовалъ.

12-го сентября. Я опять водилъ войска на позицію и сегодня уже всѣмъ отрядомъ дѣлали движеніе вправо, влѣво, впередъ и обратно; чѣмъ я занимался нѣсколько часовъ и наконецъ они поняли что я хотѣлъ; я примѣчаю, что начальники находятъ сіе ненужнымъ, но я принудилъ ихъ сіе исполнять. Слѣпое повиновеніе имъ не нравится, они къ этому не привыкли.

13-го сентября. День сраженія: оно происходило точно такъ, какъ я въ рапортѣ моемъ объяснилъ, прибавляя, что когда неприятель атаковалъ, я бросился въ резервъ дабы заставить его идти, и насилу могъ его подвинуть. Сохрани Богъ быть съ такими войсками въ первый разъ въ дѣлѣ. Оба фланга мои обойдены; я на лѣвомъ флангѣ поставилъ 6 орудій и полубатальонъ Херсонскаго полка и тѣмъ взялъ ихъ атакою во флангъ. Увидѣвъ, что пѣхота ихъ пустила батальонный огонь, я велѣлъ 3-му дивизиону драгунъ атаковать ихъ во флангъ. Войска храбры, но не стойки, 2-я линія не выдержала 20 ядеръ и смѣшалась съ первою, ибо она была подъ крутизною. Ширванскій батальонъ, ударивъ въ штыки, прорвалъ ихъ линію, другіе поддержали. Генераль-маіоръ Вельяминовъ это приказалъ. Князь Мадатовъ все на себя взялъ чего не сдѣлалъ, а я, не зная его, ему повѣрилъ. Всѣ сіи обстоятельства я гораздо позже узналъ и отъ того въ релациі его хвалилъ. Но

туть ихъ всѣ распоряженія кончились, ибо войска, гнавшіеся за непріателемъ, такъ разбились, что если бы непріатель имѣлъ резервъ, то мы могли быть разбиты, ибо нашъ центръ, гнавшіеся, совершенно былъ разсѣянъ, когда наши фланги, еще обойденныя дрались съ непріателемъ.

15-го сентября. Я получилъ предписаніе отъ генерала Ермолова весьма краткое, въ которомъ онъ отъ 9-го числа пишетъ, что если я буду имѣть сраженіе съ непріателемъ, то оно кончится однимъ ударомъ и непріатель будетъ разсѣянъ. И такъ, тотъ, который хотѣлъ вести оборонительную войну и безъ повелѣнія Государя Императора не пошелъ бы впередъ, теперь даетъ приказаніе столь смѣлое; я увѣренъ, что онъ противное думаетъ и, можетъ статься, другимъ иначе говорить.

17-го сентября. Я рапортовалъ генералу Ермолову, что непріатель совершенно разсѣянъ и что я пойду за Араксъ, а оттуда Агаръ и Тавризь близки. Тутъ приведенъ былъ ко мнѣ взятый въ плѣнъ Уземъ-ханъ, названный персіянами Елизаветпольскимъ ханомъ; все что въ послѣдствіи я отъ него узналъ я имѣлъ счастье представить Государю Императору, кромѣ секретныхъ пунктовъ, которые при семъ рапортѣ представляются.

18-го сентября. Войска двигаются впередъ по 30 и 35 верстѣ, а мясной порціи нѣтъ. Ки. Мадатовъ, которому я это говорилъ, отвѣчалъ мнѣ, что нельзя сего достать, я ему сказалъ, что это меня удивляетъ, ибо въ 15 верстахъ горы и тамъ есть селенія.

19-го сентября. Наскучившись его отказами, я послалъ отъ себя въ разныя стороны 2-хъ армейскихъ чиновниковъ, они общаются, что найдутъ порцію для людей.

21-го сентября. *Лагерь на Кондоланъ.* Прибывши на сіе мѣсто, я занялся продовольствіемъ, ибо только на три дня

остается. Нашли у жителей нѣсколько ямъ, а мельницы всѣ испорчены, порціи же мясной не имѣется.

22-го сентября. Нашли нѣсколько стоговъ ржи, люди перемолотили оную и тѣмъ нѣсколько дней питаются. Посланы команды на мельницы, дабы ихъ поправить, онѣ разбросаны на 25 верстѣ и всего оныхъ только 12, каждая мелеть отъ 4-хъ до 8-ми четвертей. Кн. Мадатовъ общается, что продовольствіе появится. Посланный мною одинъ изъ армянъ купилъ 100 штукъ скота, чѣмъ пища людей поправилась. Больные начинаютъ прибавляться.

25-го сентября. *Лагерь при рѣчкѣ Черакенъ.* Вода на Кондоланѣ была дурная, что заставило меня перемѣнить лагерь. Мельницы устроились и подвезено нѣсколько зерна.

27-го сентября. Я поѣхалъ въ крѣпость Шушу: дорога въ продолженіи 45 верстѣ весьма дурная и гористая. Большое было счастье, что Аббасъ-мирза вышелъ мнѣ на встрѣчу, ибо если бы онъ оставался въ сихъ мѣстахъ, то невозможно было съ нимъ драться по большому количеству его пѣхоты. Артиллерія же моя не могла бы съ такою удачею дѣйствовать.

28-го сентября. *Крѣпость Шуша.* Крѣпость Шуша расположена на одной изъ второстепенныхъ Карабахскихъ горъ, имѣетъ въ окружности около 7 верстѣ, изъ которыхъ $5\frac{1}{2}$ неприступныхъ скалъ; прочія же мѣста, по высотамъ ограждены каменною стѣною въ $2\frac{1}{2}$ аршина вышины съ башнями, составляющими фланговую защиту. Полковникъ Реуттъ имѣлъ 4 орудія полевыхъ, 1 малое—крѣпостное и два 38-ми фунтовыхъ, весьма старыхъ, которыя онъ поставилъ на весьма дурныхъ лафетахъ, и которыми пугалъ персіянъ за три версты. Гарнизонъ былъ: 6 ротъ 42-го Егерскаго полка, что составить на лицо около 1.300 человекъ и 1.500 армянъ изъ 22-хъ селеній, собравшихся для защиты крѣпости. Два случая

спасли Реутта; во-первыхъ: 8-дневное перемиріе, а во-вторыхъ переводчикъ Аббаса-мирзы Сергій Александровъ, астраханскій уроженецъ, тотъ самый, который наканунѣ сраженія пришелъ къ намъ съ извѣстіемъ, что Аббасъ-мирза намѣревается атаковать. Онъ въ продолженіи сей осады былъ весьма часто посылаемъ Аббасъ-мирзою къ полковнику Реутту и весьма искусно находилъ время сказать ему, чтобы онъ не отчаивался, что русскіе не только не оставили Тифлисъ, но даже подвигаются впередъ, и часто выдумывалъ сраженія въ пользу напу. Когда же сдѣлалось перемиріе, Аббасъ-мирза позволилъ Реутту на мельницахъ молоть по 10-ти четвертей, при чемъ Александровъ былъ сдѣланъ приставомъ, но онъ допускалъ вмѣсто 10-ти до 50-ти четвертей, чѣмъ впоследствии гарнизонъ поддержанъ былъ. Осматривая крѣпость я весьма удивился, что генералъ Ермоловъ не считалъ оную за важную и оставилъ ее въ дурномъ состояніи, такъ что Реуттъ принужденъ былъ въ продолженіи осады закладывать камнями мѣста совсѣмъ развалившіяся болѣе чѣмъ на 50 сажень. Я спрашивалъ причину, отчего она была въ такомъ дурномъ положеніи, мнѣ отвѣчали, что намѣреніе было строить крѣпость близъ Аракса, ибо Шуша находится въ горахъ. И такъ Елизаветполь брошенъ оттого, что находится въ долинѣ, а Шуша потому, что въ горахъ.

30-го сентября. Лагерь при Черакентъ. Пріѣхавши изъ Шуши, я нашелъ, что подвозу никакого нѣтъ, и что продовольствія доставало только на 2 дни; я испугался, ибо уѣзжая изъ лагеря полагалъ, что въ продолженіи 10 дней моего пребывания въ сихъ мѣстахъ будутъ взяты мѣры для обезпечиванія продовольствія, но тутъ я узналъ, что есть недоброхотство или неумѣніе управлять; въ соли также начинался чувствоваться недостатокъ; я посылаю во всѣ стороны и нашли нѣсколько

ямъ съ хлѣбомъ, но пока оно было смолото нѣсколько дней хлѣбъ ѣли зерномъ.

3-ю октября. Я писалъ къ Генералу Ермолову, что я не предвижу средствъ ни къ какому движенію и прошу прислать его мнѣ на 300 арбахъ, т. е. двойныхъ большихъ подводахъ, 1800 четвертей, чѣмъ могу отогнать непріятеля, который, какъ говорятъ, усилился.

5-ю октября. Къ стыду русскихъ я сегодня узналъ отъ армянина переводчика поручика Карганова, который со страхомъ объявилъ мнѣ, что я окруженъ шпионами и интригантами, что князь Мадатовъ въ то же самое время, когда мнѣ дѣлаетъ увѣреніе въ дружествѣ и въ рвеніи къ общей пользѣ, что онъ въ то же время бранить меня, окруженный всѣми старшими чиновниками въ лагерѣ, что вообще говорить грузинамъ, армянамъ и татарамъ, что онъ тутъ командуетъ ими, а что генераль Паскевичъ начальникъ однихъ войскъ, что мнѣ не должно ожидать большихъ пособій въ продовольствіи, что двумъ армянамъ, которые были мною посланы для покупки скота, онъ дѣлалъ выговоры, для чего меня послушали; я оставшагося одного изъ нихъ въ лагерѣ спрашивалъ и онъ съ большимъ страхомъ подтвердилъ это, ибо князь Мадатовъ извѣстенъ, какъ человекъ, котораго мщеніе не имѣетъ преграды. Я сейчасъ принялъ мѣры, дабы его остановить, я не имѣю никого, я одинъ, совершенно одинъ; и притомъ нельзя совершенно повѣрить двумъ армянамъ, которые можетъ быть имѣютъ свои виды. Въ это время Угурлуханъ, который еще содержался въ лагерѣ, помощію того же переводчика Карганова представилъ мнѣ секретные пункты, которые я теперь посылаю.

7-ю октября. Къ удивленію моему я увѣрился въ словахъ Карганова, ибо онъ самъ, который былъ раненъ въ дѣлѣ и лошадь подъ нимъ убита, также и всѣ армяне, которые были

дѣнія, и мои бумаги также вѣроятно не доходятъ. Шахъ-Зада настоятельно требуетъ сдачи крѣпости, ссылаясь на вашъ дубликатъ ко мнѣ о выступленіи изъ Карабага, предлагалъ мнѣ идти съ полкомъ и тяжестями куда я хочу, только безъ пушекъ. Я дѣлаю проволочку въ надеждѣ получить отъ вашего высокопревосходительства какое-нибудь увѣдомленіе, какъ мнѣ поступить, и прошу о семъ какъ наипоспѣшнѣйше. Провіанту у меня не такъ-то много; какъ-нибудь можно продовольствоваться дней двадцать съ небольшимъ. Ежели буду знать, что до того времени получу какую-нибудь помощь, то одна надежда уже можетъ насъ одушевлять; но вотъ бѣда, что мы совершенно не знаемъ ни о чемъ, кромѣ того, что Шахъ-Зада извѣщаетъ, что кромѣ насъ до Тифлиса нигдѣ нѣтъ русскихъ ни души, и что въ Тифлисѣ также скоро не будетъ. Вчера отправилъ я къ в. в. письмо, коимъ увѣдомлялъ, что Сурхай-ханъ послалъ съ 50 т. червонцевъ въ Дагестанъ возмутить горцевъ; Муштафа-ханъ пошелъ въ Ширванъ съ 5 т. конницы, занялъ уже Сальяны, гдѣ имѣлось 10 т. четвертей хлѣба; Селимъ-ханъ пошелъ въ Нуху съ 3 т., Окури-ханъ въ Елисаветполь съ 6 т., Эриванскій сердаръ и Грузинскій царевичъ съ 15 т. идутъ въ Тифлисъ. Въ Кубу посланъ султанъ Ахметъ-ханъ, а въ Баку Гуссейинъ-ханъ для возмущенія жителей сего города. Самъ шахъ съ 40 т. стоитъ около Ардебиля, а здѣсь съ Шахъ-Задою около Шуши регулярнаго и иррегулярнаго войска 15 т. и 14 пушекъ, а около Аскерана съ братомъ его Али-Нагимирзою 5 т. конницы. Въ ихъ войскѣ сильныя болѣзни. Народъ противъ насъ весьма ожесточенъ своими муллами; домогаются, требуютъ штурма. Все готово, и лѣстницы подѣланы; стѣны моей крѣпости весьма меня въ семъ случаѣ беспокоятъ. Впрочемъ на сіе есть воля Божія. Умилостивитесь, в. в., надъ нами, и ежели есть возможность, то помогите намъ, избавьте

Вельяминовъ совѣтывалъ мнѣ отдать кн. Мадатову для пересылки черезъ татарина.

15-го октября. Посланный къ аванпостамъ персидскимъ, татаринъ проѣхалъ въ сторонѣ моего лагеря мимо моихъ въ Шушу, гдѣ кн. Мадатовъ тогда находился, о чемъ постороннимъ образомъ узнавъ вытребовалъ его къ себѣ. Онъ сначала отвѣчалъ мнѣ, что онъ не имѣетъ никакого порученія отъ Аббасъ-Мирзы, у котораго въ лагерѣ нѣсколько дней былъ, и хотя я стращаль, что если онъ не скажетъ правду, а я послѣ узнаю, то сковавъ его пошлю въ Тифлисъ, но онъ остался въ запираательствѣ, да на другой день видно побоясь моихъ угрозъ пришелъ ко мнѣ и объявилъ, что Аббасъ-Мирза поручилъ ему словесно сказать, что онъ хотѣлъ бы размѣнъ плѣнныхъ сдѣлать и это писалъ къ г. Ермолову, говоря что онъ вѣроятно это знаетъ, ибо кн. Мадатовъ держалъ его болѣе 4 сутокъ въ Шушѣ, жалуясь также на таковыя его поступки и на дурное его управленіе.

21-го октября. Наконецъ весь мой штабъ пріѣхалъ, они увѣдомили меня, что хотя другіе чиновники и были посылаемы въ отрядъ г. Ермолова, расположенный на Гассансу, они-же остановлены были въ Тифлисѣ подѣ предлогомъ невѣрности дороги. Генералъ Ермоловъ также отвѣчалъ въ письмѣ, что посылаетъ мнѣ мой штабъ, но что прежде не могъ сего сдѣлать, потому что сообщенія были весьма затруднительны, хотя я въ продолженіи всего времени получалъ письма и пакеты.

26-го октября. Въ походѣ моемъ черезъ Араксъ и обратно ничего замѣчательнаго не случилось, выключая, что я замѣтилъ, что войска наши не привыкли драться въ горахъ.

«Ваше высокопревосходительство. Сегодня уже двѣнадцатый день какъ я атакованъ, отъ васъ не имѣю никакого свѣ-

мною употреблены, не представлены кн. Мадатовымъ къ награжденію, изъ котораго я одного особенно зналъ оказавшимъ услугу, когда непріятель былъ еще на Тертерѣ, то онъ два раза туда ходилъ и приносилъ о непріятелѣ извѣстіе. Князь Мадатовъ въ то время былъ уже въ Шушѣ, равно и генераль Вельяминовъ отправился туда для снятія плана сей крѣпости.

12-ю октября. Болѣе какъ 12 дней, какъ велѣлъ выдать деньги г. Мадатову для покупки 200 скотинъ, онъ меня увѣрялъ, что ихъ нельзя достать ближе, какъ за 60 верстъ и которые мнѣ не доставлены до сихъ поръ. Между тѣмъ, какъ нечаяннымъ образомъ я послалъ Ширванскаго пѣхотнаго полка съ майоромъ Юдинымъ... Ермолову угодно, чтобы я ни одного изъ чиновниковъ, ко мнѣ назначенныхъ, не имѣлъ при себѣ, и писалъ объ этомъ весьма убѣдительно генералу Ермолову представляя, что никто не можетъ удержать чиновниковъ ко мнѣ назначенныхъ и просилъ ихъ ко мнѣ отправить, ибо безъ нихъ не могу обойтись. Хотя продовольствіе нѣсколько и поправилось, но все я не имѣлъ онаго въ мукѣ и на 4 дня. Я уговорилъ переводчика Карганова ѣхать въ дальнія деревни, дабы согласить армянскихъ жителей продать продовольствіе.

14-го октября. Каргановъ возвратился съ весьма хорошимъ извѣстіемъ, что онъ уговорилъ жителей раздѣлиться съ нуждающимися Русскими войсками и что закупилъ около 600 четвертей, а также и нужное количество соли, они съ удивленіемъ отвѣчали, что они не знали, что русскіе нуждаются, иначе они бы послѣднее отдали. Я получилъ также рапортъ отъ моихъ адъютантовъ и квартирмейстерскихъ офицеровъ, что они остановлены въ Тифлисѣ Г.-Л. Вельяминовымъ. 6-го октября прислано письмо отъ князя Менщикова къ английскому повѣренному, чтобы я переслалъ его къ персіанамъ. Генераль

насъ своею помощью и будьте нашимъ избавителемъ; а ежели сего невозможно, то пришлите намъ наипоспѣшнѣйше разрѣшеніе и совѣтъ свой, что намъ дѣлать. Пока можно, я буду держаться въ надеждѣ на вашу помощь; но если неостанетъ хлѣба, или армяне измѣнять, то тогда бѣда будетъ, и я невольно принужденъ буду рѣшиться на все. Я ожидаю отъ в. в. скорого и рѣшительнаго увѣдомленія, когда я могу надѣяться получить помощь, или что мнѣ дѣлать. Если в. в. поспѣшите, то отдохнутъ сердца наши, ибо теперь одно незнаніе и неизвѣстность ни о чемъ весьма насъ убиваютъ. Я полагаю, что если только покажется войско наше около Елизаветполя, то уже здѣсь наша участь будетъ облегчена; бѣдные армяне также оживутъ, теперь они по неволѣ съ татарами заодно. Еще боюсь того, чтобы на случай чего-либо и шахъ не согласился бы на ту капитуляцію, которая теперь предложена. Не предпримете ли, в. в., особливыхъ мѣръ съ вашей стороны, чтобъ не погибли здѣсь добрые люди и многіе невинные, молящіеся о здоровьи вашемъ; ибо послѣ могутъ потребовать отъ меня непріятеля чего хотятъ, если обстоятельства мои будутъ хуже теперешнихъ. Я при теперешнемъ числѣ войскъ утѣшаю себя тѣмъ, что удерживаю непріятеля уже такъ долго; иначе же могъ бы онъ пойти впередъ и вредить намъ болѣе.

«Предписаніе ваше о выступленіи изъ Карабага слишкомъ поздно до меня дошло: я его получилъ, будучи уже атакованъ и потерявши три роты. Если бы не боялся я за провинцію Карабагъ, то Шахъ-Зада вовсе для меня не былъ бы страшенъ; а теперь защитите насъ, в. в., и будьте нашимъ избавителемъ. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать отвѣта. В. в. превосходительства покорнѣйшій слуга Реутъ. 5 августа 1826 г. Шуша».

Письмо это сопровождается прибавленіемъ такого содержанія:

«1) Карабагъ есть ключъ всѣхъ провинцій; я полагаю, что его надобно удержать: тогда никто не посмѣетъ ничего сдѣлать, и теперь я вижу, что дѣлаю персіянамъ препятствіе, буду держаться пока могу.

«2) Еслибъ у меня былъ еще хоть одинъ баталіонъ, то Шахъ-Зада скоро бы отсюда убрался; если войско наше сюда придетъ, то хлѣба будетъ имѣть много, и весь народъ къ намъ обратится; ибо теперь передъ нами (?) не весьма довольны, и многіе молятъ Бога о скоромъ прибытіи войскъ нашихъ.

«3) Лошади и скотъ у меня подошли, и теперь мало остается; казаки будутъ пѣшіе».

Все это переведено на русскій языкъ Муравьевымъ, въ его запискахъ. Муравьевъ не нашелъ здѣсь ровно ничего къ обвиненію Реута, но Ермолову оно казалось чѣмъ-то въ родѣ измѣны. «И въ самомъ дѣлѣ, замѣчаетъ Муравьевъ, столь упорная защита Шуши совершенно опровергала мнѣніе его или намѣреніе отвести всѣ войска внутрь Грузіи, въ томъ предположеніи, что невозможно было удержаться на границахъ» *).

Военно-учен. архивъ, Отд. II, дѣло № 4442, лл. 68—70. № 3.

1-ое Приложеніе ко всеподданнѣйшему рапорту Паскевича отъ
8 февраля 1827 года.

Вопросы, предложенные Дибичемъ.	Объясненіе Ермолова.	Объясненіе Паскевича.
О 42-мъ Егерскомъ полку, полковникъ Реуттъ, и	42-й Егерскій полкъ расположенъ былъ на границѣ въ	1) 42-й Егерскій полкъ, долженствующій быть непре-

*) «Русск. Арх.» 1889 г., № 8, стр. 539—541.

отъ чего Шуша не снабжена припасами.

Карабагъ, три роты влѣво въ горахъ для прикрытія въ горахъ кочевыхъ народовъ; ему предписано было отходить по узнашіи силъ, которыя противъ его идутъ. Полковникъ Реуттъ вмѣсто того, чтобы собрать весь полкъ вмѣстѣ, не далъ приказанія, отъ чего три роты были окружены не только

взбунтовавшимися Карабагскими татарами по подстреканію ихъ хана прѣхавшаго изъ Персіи, съ нимъ пришло нѣсколько персидской конницы, баталіонный же командиръ, которому было приказано присоединиться къ полку, обманутый ложными извѣстіями о малочисленности непріателя пошелъ впередъ

мѣнно расположеннымъ въ самой крѣпости Шушѣ, находился Карабагской провинціи въ Чинахчи. Причиною сему имѣніе генералъ - лейтенанта князя Мадатова, ибо стоявшіе тамъ солдаты строили ему домъ, и по сему въ семь мѣстѣ поставлены.

2) Полковнику Реутту не дано было настоящихъ приказаній отходить; но сказано было такимъ образомъ, что во всякомъ случаѣ отвѣтственность должна была пасть на Реутта.

3) Баталіонному командиру присоединиться къ полку не отдано было сначала рѣшительнаго приказанія, но когда подполковникъ На-

атаковать и опроки- зимокъ получилъ нуль ихъ, чѣмъ по- приказаніе отсту- терялъ два дни; по- пать, то ему бро- томъ непріятель по- сить орудія не ска- лучилъ подкрѣпле- зано было, хотя и ніе, они ударились знали, что по той съ неимовѣрною хра- дорогѣ нельзя про- бростію, отбили пер- везти артиллеріи. выя атаки, но нако- Штабъ-офицеръ сей, не смѣя оставить тѣ лучили еще нѣсколь- орудія, былъ чрезъ ко въ подкрѣпленіе, то въ горахъ отрѣ- были окружены и залъ.

сдались будучи сутки безъ воды, отъ того что баталіонный ко- мандиръ не рѣшился бросить два орудія. Есть слухи, что быв- шая съ нимъ татар- ская конница во вре- мя дѣйствія ему из- мѣнила и обратилась на насъ. Подполков- никъ Назимокъ ко- мандовалъ сими ро- тами.

Отъ чего крѣ- пость Шуша не была снабжена провіантомъ.

Крѣпость Шуша никогда не входила въ операціонный планъ, она всегда

1) Крѣпость Шу- ша всегда состав- ляла важный пунктъ для военныхъ опе-

была оставлена, ее не считали постомъ, въ которомъ держаться должно. 42-й Егерскій полкъ поставленъ былъ болѣе для содержанія въ повиновеніи тотъ край и для своего продовольствія. Еслибы и входило въ расчетъ сію крѣпость держать, то и тогда бы трудно ее снабжать запаснымъ провіантомъ, ибо въ семь крау зерно болѣе года не держится.

Полковникъ Руттъ по общему ображенію генерала Ермолова долженъ отступить, но никакъ не входитъ въ сію крѣпость, онъ потерялъ нѣсколько дней узнавая о числѣ непріятели. Сіе обстоятельство заставляетъ Генерала Ермолова, вопреки его

рацій, и естли взять съ самыхъ временъ отдаленныхъ, то она служила оплотомъ Карабага и нѣсколь-ко разъ Персидскіе шахи сею крѣпостью остановлены были во время бра-ней ихъ съ ханомъ; она также соединя-ла бы много удобствъ, естли бы только сдѣланы были три дороги: къ Елисаветполю, къ Араксу и къ Герюсамъ, и когда бы возста-новили развалив-шіяся стѣны, то крѣ-пость сія была бы одна изъ непреодо-лимыхъ пунктовъ. 10 лѣтъ мира достаточ-но для сего было— но генераль Ермо-ловъ теперь только посылалъ начальни-ка Корпуснаго Шта-ба для снятія плана сей крѣпости.

2) Хлѣбъ въ зер-

желанія, дѣлать въ нынѣшнее время экспедицію, дабы дать помощь оной крѣпости.

нѣ весьма бы легко можно было сохранить: ибо въ ямахъ лежитъ оный два года, а въ магазейнахъ 10 лѣтъ.

3) Полковникъ Реуттъ вступленіемъ въ Шушинскую крѣпость хорошо сдѣлалъ, но если бы рѣшился отступить, какъ ему отъ генерала Ермолова наконецъ предписано было, то пострадалъ бы совершенно. Генераль Ермоловъ не зналъ числа войскъ непріятельскихъ, хотя и было наше посольство въ Персіи,—извѣстно также, что тамъ легко имѣть можно шпионовъ, но генераль Ермоловъ, имѣя ихъ на каждомъ шагу въ городѣ Тифлисѣ, не заблагоразсудилъ имѣть въ Тавризѣ и Тегеранѣ. Какое

дурное послѣдствіе было бы, еслибъ не-пріятель занялъ Шушу.

4) Настоящей причины отъ чего Полковникъ Реуттъ не нашель магазейновъ, Генераль Ермоловъ не хотѣль объяснить Государю Императору по слѣдующимъ обстоятельствомъ. Генераль - лейтенантъ Князь Мадатовъ, взявшійся продовольствовать полкъ въ 1825 году, доставляя провіантъ въ полковую штабъ-квартиру Чинахчи, и получившій впередъ деньги, не выставилъ оный и въ 1826 г., отъ чего полковникъ Реуттъ принужденъ былъ для продовольствія полка перевезти Шушинскій магазейнъ въ Чинахчи.

St.-Pétersbourg, le 22 Octobre (3 Novembre) 1826. N° 4.

Mon Général,

Je profite du départ d'un courrier pour Vous offrir mes hommages et Vous adresser mes félicitations sur les progrès de nos armes, que Votre Excellence a poussés jusque sur les bords de l'Aracs. Vous faites ici, général, des envieux et des admirateurs. Les premiers se taisent, en ravalant nos ennemis Persans au dernier rang de toutes les nations guerrières; les autres Vous souhaitent de les rencontrer encore plus d'une fois pour l'honneur et la gloire de nos armes.

Le général Yermoloff reçoit aujourd'hui communication des intentions de Sa Majesté concernant le gros des opérations futures. Elles consistent à peu près dans ce qui suit.

Point d'offensive hasardée jusqu'à l'arrivée des renforts qui marchent, et jusqu'à ce que les moyens de les pousser soient convenablement préparés. En attendant, profitez néanmoins des incidents favorables, que l'occasion vu les fautes de l'ennemi, ou les vénéralités persannes pourraient faire naître. Disposé entre Ирма et l'Aracs, selon les convenances locales et militaires, V. E. occuperait et couvrirait le Карабаръ, en détachant une troupe plus ou moins forte vers le Schirvan dans la vue de couper, s'il se peut, le corps Persan et le fils du Schah qui ont investi Kouba et le g-rl Krabbe. Aussitôt les renforts arrivés, nos provinces insurgées réduites à l'obéissance, et les moyens de subjection préparés, V. E. passerait l'Aracs et se dirigerait vers Aghar et Tavis, en observant Ardébil par des détachements. L'idée de cette opération serait d'attirer sur Vous toute l'attention des Persans en menaçant le coeur de leurs états, d'agir pour cet effet avec la vigueur nécessaire, mais cependant avec assez de circonspection pour n'être point accablé par eux, tandis que notre corps principal, renforcé par l'arrivée de 20-e division et celle des lanciers, agirait sur Erivan. Celui-ci, secondé par la division de V. E., ne tarderait point à vous pré-

ter la main, puisque, sans s'arrêter au siège d'Erivan, l'Empereur désire que ce corps se porte rapidement sur Nahitschévan et Maranda. Voilà tout le plan tracé à gros traits.

Votre Excellence voudra bien avec son ancienne bonté me pardonner une écriture plutôt barbouillée qu'écrite. J'ai des occupations assez nombreuses quelques fois pour me servir d'excuse.

Le général Constantin Benckendorff, mon ancien ami et frère d'armes, suivra sous peu cette lettre. Il se flatte d'être employé sous vos ordres, et cette idée le rend aussi heureux que je m'estimerai de l'être à sa place. L'on n'a pas voulu entendre parler de m'accorder la permission de faire cette guerre.

Vous savez sans doute que les Turcs ont tout accordé à Akkermann, et que les ratifications doivent être échangées dans le courant d'une 15-e. En attendant le C-te Wittgenstein fait manoeuvrer son armée.

Votre Excellence trouvera sous ce pli quelques feuilles du journal de St.-Pétersbourg. Je pense qu'aux bords de l'Aracs Vous n'êtes pas riche en lecture ni en nouvelles du monde civilisé.

Je souhaiterais avoir votre permission pour écrire à Madame de Paschévitch, afin de lui donner quelques fois de Vos nouvelles lorsque nous en avons d'assez récentes pour l'intéresser.

Agrérez, mon général, l'assurance de mon respectueux dévouement.

C-te P. Suchtelen.

Moscou, le 7 Septembre 1826.

Mon Général,

- N° 5. Je profite du départ de M. le Baron d'Asch pour me rappeler à la bienveillante bonté de Votre Excellence et lui exprimer mon regret de n'être arrivé à Moscou qu'après son départ. J'eusse désiré, mon général, Vous dire de vive voix combien je désire Vous être utile, si je le puis sous quelque rapport que cela soit, par les

fonctions de ma place, ou en mon particulier individuel. Veuillez croire, mon général, que peu de personnes vous sont aussi dévouées que moi.

En attendant que les travaux encore paralysés de notre état major me permettent de Vous envoyer mieux, voici à tout hasard, général, un croquis d'Anapa, accompagné d'un petit mémoire du P-ce Menschikoff. Vous ou un de vos détachemens pourrait être dans le cas de s'en servir si la guerre avec les Turcs venait à éclater. Pour le moment cette question est encore en suspens. Elle ne peut être décidée qu'environ le 26 de ce mois, époque à laquelle un courrier, parti pour Constantinople, peut être de retour. Si durant l'intervalle qui doit s'écouler jusqu'alors, il arrivait que les Paschas du Danube fissent une irruption dans les principautés, il paraît décidé, que le C-te Witgenstein se porterait en avant tout de suite, afin de préserver ces provinces de pillage. Le g-rl Kisseleff est encore ici. L'on y travaille assiduellement à préparer tout ce qui serait nécessaire à l'ouverture de la campagne, mais comme l'on veut éviter toutes dépenses qui seraient inutiles ou superflues, si les affaires s'arrangeaient à Ackermann, cela se borne à compiler des mémoires et à des correspondances qui tout au plus tendront à activer l'impulsion nécessaire au moment d'agir. Ici, comme chez vous à ce qu'il paraît, la saison est trop écoulée pour rien entreprendre de décisif cette année. Si Vous le permettez, général, je tacherai de temps à autre de Vous écrire pour Vous tenir au courant des affaires d'Europe, en profitant pour cela de l'envoi des courriers extraordinaires, seule voie dont je prie aussi Votre Excellence de se servir lorsqu'elle aurait le loisir, et voudrait me faire de son côté l'honneur de m'adresser quelques lignes.

Le camp près de Moscou sera levé le 5. La garde seule reste ici indéfiniment, peut-être jusqu'à ce que la grande question politique soit décidée. Les fêtes du Couronnement se prolongeront jusqu'au 17. On parle de course que S. M. ferait après à Troizky

et à Briansk. Vous savez, sans doute, que le 1-er corps est passé sous les ordres du B-on Rosen, hormis la 1-re division de Husards dont le commandement est dévolu à M-r le Gr. D. Czesarewitsch, sans pour cela qu'elle cesse de faire nominativement partie du 1-r corps. L'artillerie à cheval de cette division viendra, pour s'en rapprocher, prendre des contenance à Kovuo et Жижморы.

Permettez, mon général, que je termine en Vous recommandant M-r Walchofsky, comme l'un des meilleurs officiers du Corps de l'état-major. Je crois qu'il mérite Votre confiance. Il a eu le malheur d'être nommé dans la fatale affaire de la conjuration; quoiqu'il n'y soit pas engagé lui-même cela lui a fait du tort. Je le félicite de ce que le bonheur de servir auprès de Vous lui facilitera les moyens d'achever de se disculper entièrement. Il n'y a point de grief contre lui que je sache.

Agréer, mon général, mon hommage le plus respectueux.

C-te Paul Suchtelen.

PS. Cette lettre a reposé plusieurs jours sur ma table en attendant l'expédition du porteur que M-r le Major-Général voulait charger de dépêches. D'après sa décision d'hier S. E. les confiera au C-te de Lamsdorff, Votre aide de camp. M-rs d'Asch et Walchofsky pourront mettre V. E. au fait des nouvelles de cette ville, et de ce qui y a été fait aux manœuvres et revues. Il ne me reste qu'à lui annoncer qu'incessamment un détachement de 15 ou 20 topographes et de quelques bons officiers sera envoyé en Géorgie. L'on est très impatient ici d'avoir de Vos nouvelles.

Moscou, le 10 Septembre 1826.

№ 6. Voici, mon général, les trois premières feuilles d'une carte que nous lithographions en toute hâte au dépôt. Il ne m'en a été encore envoyé que 2 exemplaires. L'autre est chez S. M. l'Empereur.

Sous peu j'espère que nous pourrons vous en envoyer davantage et à plus grand nombre. Ici tout est bien. Plaisirs et besogne. Le dernier est sans doute aussi votre partage, mais il y a de la gloire et cela vaut bien un bal du très extraordinaire Ambassadeur d'Angleterre chez lequel on va ce soir.

Le courrier attend. Je n'ose le retenir. Agréez, mon général, l'hommage de mon respectueux dévouement.

C-te P. Suchtelen.

PS. Votre aide de camp Lamsdorff ne partira qu'après qu'on aura eu de vos nouvelles à ce que je crois.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ГЛАВЪ ІV.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО,

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ.

- № 1. а) Имѣю счастье поздравить Ваше Императорское Высочество съ днемъ ангела Вашего; сей день я служилъ молебень въ кругу войскъ близъ Аракса въ виду непріятеля, и невольно вспомнилъ то время, когда я имѣлъ счастье быть при Вашемъ Императорскомъ Высочествѣ. Обѣщаніе Ваше пріѣхать къ сей войнѣ было бы для меня большимъ благополучіемъ. Я ожидалъ Вашего Императорскаго Высочества, но война здѣшняя, исключая елизаветпольскаго дѣла, проходитъ здѣсь въ набѣгахъ и въ безпрестанныхъ безпокойствіяхъ о продовольствіи. Вы не можете представить сколько мнѣ труда стоило прокормить отрядъ; но надобно прибавить, что никакихъ мѣръ не взято правительствомъ, чтобы помочь сему отряду, и я принужденъ былъ средствами, которыя вблизи моего лагеря были, довольствоваться. Эта критическая минута была, ибо если бы я переѣхалъ лагерь, т. е. отступилъ, то непріятель вошелъ бы опять и хотя важнаго ничего бы не сдѣлалъ, но большое вліяніе на жителей здѣшней провинціи сдѣлалъ бы.

Но теперь все кончилось и непріятель распустилъ свои войска.

При отъздѣ моемъ изъ Москвы Вашему Императорскому Высочеству угодно было сказать, чтобы я сдѣлалъ описаніе войны съ персіянами. Я симъ предметомъ занимаюсь, но какъ приказаніе такого рода требуетъ большихъ справокъ, что весьма трудно на бивуакахъ, то я по пріѣздѣ въ Тифлисъ буду имѣть счастье представить. Не смѣю поднести сабли взятой въ Елизаветполѣ.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и съ таковою преданностію имѣю честь быть,

Вашего Императорскаго Высочества,

Всемиловѣйшаго Государя,
покорнѣйшій слуга

Иванъ Паскевичъ.

1826 года
ноября 8-го дня.
Лагерь при рѣчкѣ Чирской.

ВАШЕ Императорское Высочество,

Всемиловѣйшій Государь.

Вашему Императорскому Высочеству угодно было сказать б) генераль-адъютанту Бенкендорфу, чтобы я писалъ къ Вамъ. Я имѣлъ счастье писать Вамъ изъ лагеря и поздравить Вашего Императорскаго Высочества съ днемъ ангела Вашего. Теперь пріѣхавъ въ Тифлисъ, я займусь по приказанію Вашему описаніемъ войны противу персіянъ, какъ Ваше Высочество изволили приказывать. Я смотрѣлъ смотромъ здѣшнюю артиллерію, она не въ хорошемъ положеніи. Лучшая здѣшняя рота не можетъ равняться съ худшею въ 1-й арміи. 2 роты піонеръ, въ

Тифлисъ находящіяся, могутъ равняться съ хорошими войсками: на нихъ и остановится весь корпусъ Кавказскій, ибо вся другая пѣхота въ самомъ дурномъ положеніи.

Я надѣялся, что Ваше Императорское Высочество сдѣлаете намъ честь и прїѣдете сюда. Дай Богъ, чтобы на будущій годъ мы имѣли бы счастье это.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА,
 ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ,
 ПОКОРНѢЙШІЙ СЛУГА
 Иванъ Паскевичъ.

1826 года
 декабря 10-го дня.
 Городъ Тифлисъ.

№ 2. Военно-ученый архивъ, Отд. II, № 4442, шк. 13, п. 1
 лл. 5—6.

Mon Général!

J'ai laissé passer bien du tems sans avoir eu l'honneur d'écrire à Votre Excellence, uniquement faute d'occasion de courrier, *n'ayant pas voulu confier mes lettres à la poste*. Je me flatte que Votre Excellence m'en ferez grâce par cette raison. Lors du départ du général Paskievitch pour le Karabagh, j'avais fait quelques démarches pour l'y accompagner, mais le général Yermoloff m'en a retenu, en m'expédiant quelques jours après avec le g-al Davidoff au détachement qui se trouvait à la frontière de la province d'Eri-van. J'y ai été assez heureux pour me trouver en affaire: mais après avoir fait une incursion dans leur pays et dévasté quelques villages, nous nous sommes malheureusement vu obligés à retourner à notre camp, manque d'approvisionnement qui en général est l'unique cause de notre inactivité actuelle par le plus beau tems du monde. Je ne puis Vous exprimer, mon Général, le sentiment pénible qu'on éprouve à rester ainsi oisif et voir la perte d'un tems

aussi beau que précieux pour avoir pu mettre fin à cette campagne, d'autant plus qu'à l'approche du printemps, les chaleurs excessives de la Perse seront indubitablement plus nuisibles à nos troupes que les boulets d'un ennemi aussi astucieux que lâche. Les maladies inévitables qui règnent au printemps aux environs de Tauris et d'Erivan causeront chez nous une mortalité sans exemple. Nous avons tous les avantages de notre côté à entreprendre nos opérations offensives cet automne, la cavalerie ennemie, qui sans contredit est leur meilleure arme, ne pouvant agir dans la saison avancée, car elle exige des soins que la nôtre ne connaît point. Je Vous avoue, mon Général, que ne puis concevoir, comment on a fait pour n'avoir pas pris des mesures à prévenir ce manque d'approvisionnement en établissant des magasins. Le tort qui en résulte actuellement pour nous, n'est que trop palpable. La division de lanciers est passée par Tiflis dans le plus bel état, de même que la 20-me division d'infanterie que je n'ai point vu, mais qui d'après les paroles du général Krassovsky est dans l'état le plus désirable. Certainement, mon Général, c'est un bien beau corps d'armée pour aller contre un ennemi tel que le nôtre. Les troupes d'ici, quoique bien inférieures quant à la mise et la tenue, ne manquent pas d'être animées du meilleur esprit et d'un courage indubitable. Le général Paskievitch depuis son arrivée ici tâche autant que possible d'y mettre ordre, mais il y a de la besogne à y parvenir. Le général Yermoloff après avoir été remettre l'ordre à l'administration des provinces insurgées par l'ennemi vient d'être de retour. J'ai en même temps l'honneur d'annoncer à Votre Excellence que d'après l'ordre du général, je pars dans deux jours pour me rendre à Bakou, la communication étant rétablie. Je ne puis m'empêcher de témoigner à Votre Excellence mes inquiétudes concernant ce voyage. Ayant déjà eu le malheur de manquer la brillante affaire du général Paskievitch près d'Elisavetpol, je crains fort en cas que cette enquête me demanderait un plus long séjour à Bakou de tarder au commencement de nos opérations.

C'est en prenant la liberté de présenter à Votre Excellence mes très humbles félicitations pour la nouvelle année que je me recommande au souvenir gracieux de Vous, mon Général, et ose Vous assurer du plus profond respect et de la haute considération avec lesquels j'ai l'honneur d'être

de Votre Excellence
le très humble et très-obéissant serviteur

B. A. FRÉDERICKSZ.

Tiflis.

Le 5 Janvier 1827.

На оборотѣ письма слѣдующій собственноручный отпущкъ барона Дибича.

Отвѣтъ.

Милостивый Государь мой, Баронъ Александръ Андреевичъ!

Письмо ваше, отъ 5 сего января, я получилъ и весьма онымъ доволенъ. Надѣюсь, что вы останетесь въ Грузіи на предстоящую кампанію и не оставите отъ времени до времени доставлять миѣ свѣденія обо всемъ, что по собственному благоразсужденію вашему признаете нужнымъ: въ чемъ я совершенно полагаюсь на усердіе и ревность вашу къ пользамъ службы. Пребываю въ прочемъ съ искреннимъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію

М. Г. мой.

С.-Петербургъ.
20 января 1827 г.

№ 3. Военно-ученый архивъ, Отд. II, № 4442, шк. 13, п. 1, лл. 1—4.

Votre Excellence!

Si je n'ai pas profité jusqu'à présent de la permission que vous m'avez fait l'honneur de me donner de vous écrire, c'est qu'à peine

arrivé à Tiflis je suis tombé malade si grièvement, que j'ai été obligé de garder le lit près d'un mois et à peine convalescent, le général Ermoloff se mettant en campagne à la tête d'un détachement, j'ai cru de mon devoir quoique souffrant de demander à l'accompagner. Les occasions sûres pendant le tems ayant été très rares pour moi, je n'ai pas pu hasarder de lettres.

En quittant Tiflis nous avons parcouru, comme vous le savez déjà, mon Général, la province de Kasagh et celle de Chekine. Je n'entreprendrai pas Votre Excellence de la remise en place du Sultan d'Elisonie, ni de la fuite du Khan de Chekine à notre approche. L'arrivée seul du détachement a remis en ordre tout le pays et à peine se serait-on aperçu que la province avait été en révolte. Du reste le peuple en général n'a participé que passivement à la rebellion, malgré les perfides suggestions des Persans, malgré même l'influence de leurs moullahs, qui se sont servis de toutes les voies religieuses pour l'ameuter et pour soutenir un chef de leur croyance. Les beks avaient d'autres intérêts. Privés, par le gouvernement protecteur de notre souverain, de tous leurs droits féodaux et de la puissance de piller et de ruiner le peuple à leur profit, ils ont cru le moment favorable pour rentrer dans ces droits. Aussi n'ont-ils pas perdu leur tems pour en jouir complètement pendant le séjour du Khan à Noukha. Celui-ci, de son côté, s'est fait abhorrer par les vexations et les gaspillages les plus horribles.

L'observation que j'ai été à même de faire, mon Général, au sujet de l'administration du pays est que le pouvoir du Commandant, gouverneur d'une province Tatare, est un peu trop illimité. Comme c'est une terre de déloyauté, d'inimitiés et de vengeances, souvent étant même honnête homme, il peut être facilement induit en erreur et amené à protéger ses haines, d'autant plus qu'il n'a pour aides que quelques beks, dont deux président avec lui et les autres sont les percepteurs des impôts et les chefs de petits districts appelés magali (мага́л). Les traducteurs sont aussi un

grand inconvénient pour la contrée, parce qu'on est obligé de se mettre entre les mains des personnes du pays même, n'ayant pas encore d'assez bonnes écoles pour en fournir. Ce qui fait jusqu'à présent marcher cette administration c'est la confiance que l'on porte à la parole et à la justice du général Ermoloff et la crainte que l'on en a; malgré cela on pourrait le taxer (?) quelquefois de faiblesse plutôt que de trop grande sévérité. Je crois que dans cette occasion il fallait plus d'exemples de punitions qu'il n'en a donnés.

Je ne vous parlerai pas, mon Général, de la Géorgie qui a une administration régulière, à peu près celle de nos provinces Russes; le gouverneur, le général Hoven, est ici généralement estimé, ainsi que le Lieutenant-Général Weliaminoff, qui a une grande partie des affaires civiles entre ses mains.

Quant à ce qui concerne les troupes, leur tenue ainsi que leur habillement m'ont paru dans un état pitoyable; mais en même tems j'y ai remarqué un esprit parfait, une subordination exemplaire dans les officiers et en général une bonnevolonté et un zèle à toute épreuve,—jamais le moindre murmure et jamais le moindre désordre pendant *près de trois mois de marche*. Pour le printems on promet qu'elles seront entièrement habillées à neuf et j'ai déjà vu pour échantillon à notre retour à Царские Колодцы une compagnie du régiment de Chirvan qui ne laisse rien à désirer sous ce rapport. Le régiment de la garde s'est distingué pendant tout le tems par une tenue parfaite, par l'excellent esprit qui y règne et par la conduite distinguée de ses officiers. On doit tout ceà (ça) en grande partie à la manière ferme et délicate en même tems, dont est tenu le régiment par son commandant.

Arrivé à Tourgantchaïe, poste dans la province de Chekine, vers les frontières de Chirvan, le général Ermoloff, par lequel j'avais été assez mal reçu du commencement, mais qui avait changé graduellement à mon égard, me proposa une commission assez délicate, qui prouvait cependant sa confiance et dont la réussite pouvait être d'un très grand bien pour le service; aussi n'ai je pas

osé la repousser. C'était de me transporter auprès du général Paskévitch et de tâcher de remettre entre eux la bonne harmonie, qui paraissait entièrement perdue. Je partis avec le régiment de Cosaques du colonel Chamcheff et deux pièces de l'artillerie volante de la ligne, qui devaient renforcer le détachement du général Paskévitch. Je passai la Koura à Pirasane et me rendis par le Karabakh au camp de *Tchireken*, où je trouvais le général *Paskevitch*. J'y fis un séjour de trois semaines, pendant lesquelles tous mes efforts n'étaient dirigés que pour remettre la bonne amitié entre les deux généraux,—mais la confiance était déjà perdue, et tous mes soins ont été à peu près infructueux.

Je retournai auprès du général Ermoloff et je l'accompagnai chez les Tchari. Votre Excellence connaît déjà la manière dont ils se sont soumis, sans qu'on ait eu besoin de tirer un coup de fusil. Là nous avons vu une grande partie de la 20-me division; la troupe est belle et très bien habillée; mais s'il faut juger sur les on dit, je ne crois pas que la discipline et l'esprit soient tels qu'on devrait les désirer. Les deux régiments de hulans de Belgorod et Serpoukhoff, que j'ai rencontrés, sont magnifiques par leur tenue et par l'état de leurs chevaux.

Je n'ose rien vous dire, mon Général, sur les opérations militaires presque en stagnation pour le moment et au grand regret de tout le monde. Les mesures que l'on prend pour les approvisionnements paraissent très actives. Nous espérons qu'au printemps on commencera la campagne d'une manière assurée et que l'automne nos drapeaux flottants sur les murs d'Erivan et de Tauris amèneront une paix glorieuse et digne du grand souverain qui la dictera.

Voici, Votre Excellence, le résumé de mon séjour dans la Géorgie. J'ai pris la liberté de vous en entretenir si longuement, croyant de mon devoir d'instruire mon chef de tout ce qui me concerne. Si vous daignez, mon Général, me permettre de réitérer ces lettres, je le regarderai comme un honneur et une bonté de votre

part. Permettez que je finisse en priant Votre Excellence d'agréer tous les voeux que je fais pour elle à l'occasion de la nouvelle année.

Je n'ose pas vous prier, mon Général, de me mettre humblement aux pieds de Sa Majesté. Ce serait une trop grande grâce pour que je puisse l'espérer.

Veillez, mon Général, me continuer vos bontés et recevoir en même tems l'hommage de la haute considération avec laquelle j'ai l'honneur d'être de

Votre Excellence

le très humble et très obéissant serviteur

P-CE N-AS DOЛГОВОУКІ.

Tiflis

Le 4 Janvier 1827.

На оборотѣ письма слѣдующій собственноручный отпускъ барона Дибича:

22-го генваря 1827 года.

Отвѣтъ.

Милостивый Государь мой, князь Николай Андреевич!

Письмо вашего сіятельства отъ 4-го сего генваря я получилъ и доводилъ до Высочайшаго свѣдѣнія. Содержаніемъ онаго Государь Императоръ изволилъ быть весьма доволенъ, особенно же тѣмъ, что вы сами чувствуете, сколь въ настоящее время нужно для пользы службы согласіе начальниковъ войскъ,—и точное исполненіе распоряженій главнаго начальника. Его Величество въ полной надеждѣ на усердіе и ревность вашу, увѣренъ, что ваше сіятельство, оставаясь на предстоящую кампанію въ Грузіи, не престанете и впредь вести себя такимъ же образомъ и стремиться къ той же благонамѣ-

ренной и для службы полезной цѣли. Для меня же пріятно будетъ, сколь можно чаще, получать отъ васъ свѣдѣнія и докладывать объ нихъ Государю Императору.

Съ соверш. почт. и пред. имѣю честь быть

в. с.

В. у. а. П., № 2438 (А), лл. 20—24, 27—28 и 34. № 4.

Журналъ генераль-адъютанта Паскевича

съ 27-го по 30-го января, 3-го и 13-го февраля 1827 года.

Генваря 28-ю. Генераль-лейтенантъ князь Мадатовъ въ продолженіи всего похода не доносилъ мнѣ, за что получилъ два выговора отъ меня и одинъ отъ генерала Ермолова по моему настоянію: по возвращеніи онъ представилъ мнѣ секретное повелѣніе генерала Ермолова, въ коемъ сказано, что по несообразности конницы нашей съ непріятельскою гораздо удобнѣе предохраниться отъ разореній, сдѣлавъ нападеніе на непріятельскія кочевья за Араксомъ, что произведетъ между ими ужасъ и подвергши ихъ потерямъ, заставить ихъ удалиться; соображеніе мѣръ къ исполненію сего предоставлено князю Мадатову. Нынѣ онъ доноситъ слѣдующее:

Выступя изъ Ак-Углана 26-го, онъ переправился чрезъ Араксъ 28-го прошедшаго декабря мѣсяца. Милиція Ширванская и Карабахская, подкрѣпляемая быстрымъ движеніемъ отряда по Дерявуртскому ущелью, настигли и разграбили шахсеванскія и другія бывшія на рѣкѣ Замбурѣ кочевья, 500 же семействъ добровольно явились къ князю Мадатову, который и приказалъ имъ перейти на нашу сторону Аракса.

2-го сего генваря настигнуты и разграблены сими милиціями и двумя подкрѣплявшими ихъ казачьими полками другія

шаксеванскія кочевья, тянувшіяся изъ Муганской степи къ Мишкину, у всѣхъ же шаксеванскихъ кочевьевъ отбито 2 т. верблюдовъ, 10 т. рогатаго скота, 60 т. овецъ и все ихъ имущество.

Весь отрядъ прибылъ къ крѣпости Лори 2-го числа. Тутъ явились къ князю Мадатову Ата-ханъ Шаксеванскій, управляющій Мишкинскою провинціею и братъ его Шукюръ-ханъ, уже разъ отъ насъ бѣжавшій, испрашивая покровительства. Князь Мадатовъ, котораго порученіе ограничивалось нападеніемъ на непріятельскія кочевья для отогнанія ихъ отъ границы, представилъ имъ выгоды принадлежать Россіи, и они, будучи посреди русскаго лагеря, начали, по словамъ его, просить его убѣдительно о позволеніи принести присягу на вѣрнопопданство Россійскому Императору; князь Мадатовъ согласился на сіе, хотя и зналъ, что это не что иное какъ персидская хитрость спасти въ Мишкинской провинціи все имущество кочующихъ шаксеванцевъ, всегда оставляющихъ оное когда спускаются на кочевье; несмотря на столь сомнительную вѣрность, князь Мадатовъ позволилъ еще неразграбленнымъ шаксеванскимъ кочевьямъ, находившимся въ сторонѣ Талышей, кочевать въ Муганской степи, хотя вся цѣль его предпріятія была отдалить отъ границъ нашихъ кочевья непріятельскія.

Послѣ сего князь Мадатовъ описываетъ сильное впечатлѣніе, произведенное его успѣхами въ Персіи; Аббасъ-мирза вывозитъ свое имущество изъ Тавриза, главный начальникъ Карадаха Сейфюлюкъ-мирза удаляется въ Тавризъ, оставленные имъ 1.500 сарвазовъ разбѣжались, нѣсколько депутатовъ цагалинскихъ куртинцовъ, кочующихъ у Ардевила, являются къ князю Мадатову; весь Адзербиджанъ клонится къ явному возмущенію,—и князь Мадатовъ увѣряетъ, что онъ употребилъ всѣ усилія и средства дабы чрезъ возникающее возмущеніе и

отложеніе провинцій непріятель почувствовалъ возмездіе за вѣроломное нарушеніе дружественныхъ связей съ Россією. 4-го числа прибыли въ Лори депутаты изъ Ардевила отъ сына Насиръ-хана Мамедъ-бека, управляющаго Шагагинскимъ народомъ, съ просьбою на бумагѣ о покровительствѣ и съ извѣстіемъ, что собранные тамъ Аббасъ-мирзою сарвазы распущены по домамъ. Князь Мадатовъ приказалъ депутатамъ успокоить народъ сей и внушить имъ, что наше правительство, по свойственной ему кротости, не подвергнетъ ни ихъ, ни имущества истребленію. Послѣ сего оставя въ Лори значительный отрядъ для заготовленія провіанта и фуража на возвратный путь, самъ князь Мадатовъ подвинулся съ остальными войсками къ Агару, дабы карабахскимъ и ширванскимъ кочевьямъ, а также взятымъ отъ нихъ въ аманаты семействамъ, розданнымъ по магаламъ Карадахской провинціи, дать время собраться для отправленія въ наши провинціи. Тутъ новое торжество—отовсюду стекаются старшины съ покорностію. Изъ самаго Тавриза выбѣгаетъ къ князю Мадатову бывшаго Талышинскаго хана сынъ Абдуль-Гуссейнъ-ханъ, извѣщающій, что въ Тавризѣ никто по вызову Аббасъ-мирзы не является на службу. Въ Агарѣ по приказанію Аббасъ-мирзы сожжены всѣ магазины съ провіантомъ и фуражемъ, базаръ, домъ Сейфюлюкъ-мирзы, нѣсколько сотъ пудовъ хлопчатой бумаги и другихъ вещей на большую сумму, а богатѣйшіе жители частію отправлены къ Тавризу, частію въ дальніе магалы. Въ Тавризѣ явно читаютъ возмутительныя сочиненія противъ Каджаровъ; Аббасъ-мирза боится, чтобы адзербиджанцы его не поймали, онъ и другіе Каджарскіе ханы вывозятъ изъ адзербиджанскихъ городовъ своихъ женъ и сокровища. Вся Персія въ ужасѣ—всѣ начальники стараются спасти себя и избѣгнуть народнаго негодованія, часъ отъ часу болѣе увеличивающагося и грозящаго

вѣрнѣйшимъ народнымъ возмущеніемъ и междоусобіемъ. 7-го января князь Мадатовъ идетъ впередъ съ кавалеріею, и остановясь на рѣкѣ Агарчаѣ, въ 17-ти верстахъ отъ Агара, отрядилъ 200 человекъ армянъ и татаръ, дабы (неизвѣстно за что и къ чему) зажечь остальную часть города Агара, но присланные изъ онаго депутаты получаютъ пощаду. Здѣсь 8-го числа являются къ князю Мадатову карабахскіе жители съ рѣчки Болгары, слѣдовавшіе въ наши предѣлы и разграбленные сыномъ талышинскаго хана Зана хана, причемъ по показанію ихъ помогали и шаксеванцы. Несмотря на то, что самыя вершины рѣчки Болгары отстоятъ болѣе чѣмъ на сто верстъ отъ мѣста лагеря русскаго 8-го числа на рѣчкѣ Агарчаѣ и что въ семь происшествій никакимъ образомъ не могли участвовать жители деревень между Лори и Агарчаемъ находящихся, чего въ рапортѣ ничего не видно,—князь Мадатовъ по словамъ нѣсколькихъ ничтожныхъ татаръ, изъ коихъ даже никто не названъ, предоставляетъ войскамъ нашимъ и милиціи карабагской и ширванской, начиная отъ Агарчая до большой Ардевильской дороги, всѣ селенія въ военную добычу и истребляетъ всѣ большія заготовленія жителей въ мукѣ, фуражѣ и прочихъ продуктахъ! Послѣ сего князь Мадатовъ по дорогѣ чрезъ Муганскую степь приблизидся къ Араксу у Едибулука, откуда направилъ полковника Мищенко къ Джевату, а самъ переправился 17-го чрезъ Араксъ и возвратился въ Акъ-Огланъ 20-го числа сего мѣсяца.

Такимъ образомъ вдругъ полагается предѣлъ трепету Персіи, селенія, которыхъ покорностію князь Мадатовъ столько былъ доволенъ, истребляются по ничтожному предмету, несмотря на то, что начальники ихъ принесли присягу на вѣрноподданство Россійскому Императору; отрядъ русскій отступаетъ, разграбивъ нѣсколько тысячъ семействъ, обнадеженныхъ въ покровительствѣ

нашемъ, а не наказавъ тѣхъ, отъ которыхъ дѣйствительно произошло нападеніе!

Князь Мадатовъ исчисляеть слѣдующія послѣдствія сей экспедиція: значительность потери персіянь въ Агарѣ, неповиновеніе Адзербиджана Аббасъ-мирзѣ, бѣгство сарвазовъ и возвращеніе обратно аманатовъ и болѣе тысячи кочевыхъ семействъ. Съ другой стороны слѣдующія возраженія представляются: генераль-лейтенантъ російскій, начальникъ трехъ пограничныхъ областей, съ сильнымъ отрядомъ входитъ въ непріятельскую землю, наказываетъ за грабительства нѣсколько кочевьевъ, прочія смиряются; онъ склоняетъ ихъ принести присягу на вѣрнопопданство Россіи, обнадеживаетъ въ безопасности и покровительствѣ; и чрезъ нѣсколько дней не только оставляетъ области, на которыхъ скорая покорность ему должна навлечь негодованіе персидскаго народа, но и часть оныхъ истребляетъ по ничтожному предлогу. Какую впередъ къ намъ довѣренность будутъ имѣть въ персидскихъ областяхъ? Первый шагъ нашъ ознаменовался обманомъ и грабежемъ. Какое впередъ будутъ имѣть мнѣніе жители о нашихъ главнѣйшихъ начальникахъ, когда первый, котораго они видѣли, заставивъ ихъ обнаружить нерасположеніе къ своему правительству, поспѣшно ихъ оставилъ, а кого могъ, того и разграбилъ? Не лучше ли было бы, если бы не подвергая осмѣянію Августѣйшаго имени Императора присягою, которую онъ самъ считалъ за пустую хитрость, и не предпринимая самовольно отторгать непріятельскія провинціи, князь Мадатовъ ограничился исполненіемъ возложеннаго на него порученія: такимъ образомъ два первыя разграбленія кочевьевъ были нужны, служа наказаніемъ за ихъ грабительства. Найдя покорность въ Мишкинской провинціи, слѣдовало въ наказаніе же за грабительство потребовать дань хлѣбомъ и скотомъ, порукою въ уплатѣ служили

начальники, уже бывшіе въ русскомъ отрядѣ: это гораздо полезнѣе было бы, нежели коварными ухищреніями посрамить имя русское и лишить наше правительство довѣренности въ землѣ, гдѣ намъ столь необходимо было бы привлечь жителей на свою сторону; нынѣ же имъ данъ разительный урокъ—что значать обѣщанія военачальниковъ русскихъ. Накопецъ, гдѣ дѣвалась огромная прибрѣтенная добыча? Князь Мадатовъ доносить, что онъ отдалъ часть скота войскамъ на порцію, остальное же предоставилъ карабахскимъ и ширванскимъ жителямъ, прибрѣтшимъ оное. Но какимъ образомъ можно было позволить милиціи разобрать верблюдовъ, столь необходимыхъ для транспортовъ въ будущую кампанію? Касательно сего я не имѣю еще ничего вѣрнаго, но это можетъ объясниться носящимися здѣсь слухами, а именно, что добыча несравненно незначительнѣе, нежели означено въ рапортѣ, что верблюдовъ взято только до 100, и что при отступленіи князь Мадатовъ даже и въ людяхъ имѣлъ потерю; говорятъ, что будто у него ранено много татаръ и армянъ и въ плѣнъ взято до 20-ти человѣкъ.

29-го января. Что я предугадалъ, то исполняется—экспедиція князя Мадатова разбудила персіянъ: они принуждены были соединиться, чтобы отразить наше впаденіе къ нимъ; но теперь, видя что Русскія войска пошли назадъ и удалились отъ Аракса, они употребляютъ собранныя и остающіяся въ праздности свои войска, дабы отплатить намъ за грабежъ грабежемъ, и вчера пришло генералу Ермолову партикулярное чрезъ армянъ извѣстіе, что будто около 5000 конницы послано ими на Шамшадильскую и Казахскую дистанціи. Мнѣ сіе извѣстіе сообщилъ генераль-лейтенантъ Иловайскій, получившій на сей счетъ секретное предписаніе отъ генерала Ермолова.

3-го февраля. Въ журналѣ моемъ 28-го прошедшаго генваря помѣщено извѣстіе объ экспедиціи генералъ-лейтенанта князя Мадатова, извлеченное изъ рапорта его ко мнѣ. Въ дополненіе къ оному собраны мною слѣдующія свѣдѣнія.

Большая часть непріятельскихъ кочевьевъ находилась въ Муганской степи и по рѣчкѣ Булгару, князь Мадатовъ только малую часть оныхъ встрѣтилъ на пути своемъ къ Мишкинской провинціи, потомъ же, подошедши вправо къ Агару, далъ прочимъ время удалиться по прямой дорогѣ къ Ардевилю. Если же бы онъ, занимаясь только возложеннымъ на него порученіемъ, обратился влѣво на кочевья, то, по мнѣнію многихъ бывшихъ съ нимъ, онъ успѣлъ бы захватить значительное число верблюдовъ и множество скота, котораго полагають стало бы на долгое время на порціи всѣмъ войскамъ, здѣсь находящимся. Сколько дѣйствительно отнято скота у разграбленныхъ кочевьевъ неизвѣстно, ибо сіе производилось безъ всякаго порядка; при отрядѣ князя Мадатова находилось до 4 т. татаръ и армянъ, въ числѣ послѣднихъ до 700 человекъ пѣшихъ, вооруженныхъ однѣми палками, большею частию изъ крестьянъ князя Мадатова. Увидя кочевья, татары и армяне бросились грабить ихъ, и потомъ съ добычею пошли сами по себѣ къ Араксу, отбитаго ими скота въ отрядѣ не видѣли, выключая до 50-ти верблюдовъ, но полагають, что барановъ и рогатаго скота взято дѣйствительно много, верблюдовъ же всего только около 50. Казаками пріобрѣтено около 40 верблюдовъ, да пригнано уже близъ крѣпости Лори до 1000 барановъ, которые и употреблены на порцію отряду, а до того отрядъ довольствовался порціею изъ скота, взятаго въ Акъ-Угланѣ изъ числа отбитаго при моей экспедиціи за Араксъ.

Въ Мишкинской провинціи жители встрѣтили Русскихъ съ полною покорностію и доставляли по требованію, а иногда и

сами вывозили войскамъ фуражъ и провіантъ; но нѣкоторыя деревни жителями вовсе были оставлены. Когда уже Атаханъ и Шукюръ-ханъ присягнули на вѣрноподданство Россіи, князь Мадатовъ, намѣреваясь идти на Агарь, послалъ впередъ оставшихся при отрядѣ до 1000 конныхъ татаръ и армянъ и до 700 пѣшихъ, которые разграбили встрѣчавшіяся имъ деревни жителей Мишкинской провинціи, вовсе не кочующихъ, коихъ начальники намъ присягнули и которые доставляли намъ продовольствіе.

При возвращеніи князя Мадатова всѣ деревни были разграбляемы какъ армянами и татарами, такъ и казаками, въ отрядѣ не было извѣстно никакого къ тому предлога: во все время нахождения отряда за Араксомъ не сдѣлано по оному ни одного выстрѣла, и нигдѣ никакого сопротивленія не было, выключая что при возвращеніи съ добычею небольшой татарской партіи нѣсколько талышинцевъ напали на оную близъ Аракса и отбили до 59-ти лошадей, при чемъ убитъ одинъ татаринъ.

Князь Мадатовъ, идя на Агарь, оставилъ пѣхоту и артиллерию въ 40 верстахъ отъ крѣпости Лори. При возвращеніи всѣ деревни, окружавшія пѣхотный лагерь, найдены уже разграбленными. Прежде нежели князь Мадатовъ на обратномъ пути приблизился къ Лори, оставленный при ономъ вагенбургъ отступилъ въ слѣдствіе полученнаго имъ приказанія. Что оставалось дѣлать Ата-хану и Шукюръ-хану? Они видѣли, что русскіе идутъ обратно: могли ли они, брося владѣнія свои, идти въ наши границы съ генераломъ, который, несмотря на присягу и услуги ихъ и торжественное обѣщаніе покровительства, предалъ всѣ встрѣчаемыя деревни безъ всякой причины полному своевольству войскъ? Имъ оставалось какимъ нибудь рѣшительнымъ поступкомъ примириться съ пер-

сидскимъ правительствомъ и 9-го генваря они скрылись съ своими семействами: Шукюръ-ханъ изъ лагеря князя Мадатова, коему онъ служилъ проводникомъ, къ Агару, а Ата-ханъ изъ Лори, отъ которой уже отступилъ вагенбургъ.

Касательно депутатовъ, по рапорту князя Мадатова, явившихся къ нему изъ Ардевиля и Агара, въ отрядѣ ничего не было извѣстно: ибо князь Мадатовъ самъ принималъ и разговаривалъ съ явившимися къ нему жителями.

Такимъ образомъ сбылось все, что я предвидѣлъ касательно сей экспедиціи, и о чемъ всеподданнѣйше доносилъ въ рапортѣ отъ 20-го прошедшаго декабря:

1) Непрiятель, возбужденный нашимъ нападеніемъ, заблаговременно соберетъ войска свои.

2) Непрiятель рѣшится самъ разорять свои области, ибо первый опытъ его надъ Агаромъ удержалъ насъ занять оный.

3) Предпріятіе сіе, ограничившееся одними грабежами, подвергло войска наши большому изнуренію: казачіи лошади бывшихъ за Араксомъ полковъ такъ изнурены, что не имѣя нынѣ ячменя не могутъ поправиться къ будущей кампаніи. Лошади артиллерійскія также въ весьма худомъ положеніи и особенно изнурились лошади вновь прибывшей Донской конной роты, такъ что отъ оной посланъ ремонтеръ для закупки 36-ти лошадей, уже недостающихъ къ комплекту.

При всѣхъ таковыхъ неудобствахъ сія экспедиція могла бы еще быть нѣсколько полезна, если бы отбитый скотъ обращенъ былъ на порцію войскамъ; ибо отпуская такъ, какъ я дѣлалъ въ Карабахѣ, по фунту въ день на человѣка, можно бы уменьшить фунтомъ же суточную дачу провіанта, такимъ образомъ на продовольствіе войскъ потребовалось бы только двѣ трети всего нужнаго имъ количества провіанта; но по распоряженію князя Мадатова отрядъ ничего не привелъ съ собою

въ Акъ - Угланъ и началъ продовольствоваться тамъ мясною порціею изъ скота мною еще оставленнаго; отбитый нынѣ за Араксомъ скоть, есть ли оный былъ въ таковомъ количествѣ какъ представленъ, весь отданъ на расхищеніе татарамъ и армянамъ, слѣдственно казна ничего не приобрѣла; изъ неимовѣрнаго количества, которое въ рапортѣ генераль-лейтенанта князя Мадатова объясняется, то-есть: верблюдовъ 2 т., рогатаго скота 10 т. и овецъ 60 т., ничего въ казну не поступило.

Не говорю уже, что сія экспедиція не только лишитъ насъ всякой довѣренности въ Персіи, но и озлобитъ противу насъ жителей, для которыхъ вторженіе наше будетъ угрожать совершеннымъ истребленіемъ собственности, чего нынѣ ни совершенная покорность, ни самая присяга на вѣрноподданство отвратить не могли.

13-го февраля. Приѣхавшій изъ Персіи квартирмейстерской части капитанъ Носковъ, возившій шаху подарки, рассказываетъ: когда генераль-лейтенантъ князь Мадатовъ подходилъ къ городу Агары, то въ Тавризѣ, въ то время (гдѣ и онъ находился), большое было смятеніе, — Аббасъ-Мирза собранной имъ до 5 т. пѣхотѣ велѣлъ идти къ Агару, но они его не послушались, отвѣтствуя, что здѣсь останутся, а впередъ не пойдутъ, между войсками былъ разговоръ, что они не дравшись сдадутся, и сіе мнѣніе ихъ народъ поддерживалъ, да и магазиновъ никакихъ не было.

Аббасъ - Мирза отправилъ все свое семейство, и самъ оставался въ загородномъ домѣ—словомъ, весь городъ былъ въ большомъ смятеніи, и не мудрено, что есть ли бы отрядъ нашъ подошелъ, то и сдались бы.

И такъ предположеніе мое, чтобы идти къ Тавризу съ бывшимъ моимъ отрядомъ, имѣло бы совершенный успѣхъ.

Транспорты, для которыхъ требовано было мною 300 подводъ, и въ коихъ мнѣ совершенно отказано, какъ я нынѣ узналъ, легко и весьма въ короткое время можно было достать въ Грузіи до тысячи; доказательствомъ сему есть то, что по первому нынѣ требованію генерала Ермолова, здѣшнее дворянство для будущей кампаніи выставляетъ три тысячи аровъ. Я не думаю, чтобы генераль Ермоловъ въ продолженіи 10-тилѣтняго его въ Грузіи пребыванія, не зналъ сихъ средствъ земли.

Въ Тифлисъ пріѣхалъ мирза Махметъ Али-ханъ, объ которомъ я только знаю по запискѣ комендантской, но зачѣмъ онъ прибылъ и съ какими препорученіями отъ персидскаго двора, генераль Ермоловъ меня не извѣщаетъ.

Военно-учен. арх., отд. II, шк. 13, п. 1, № 4442, лл. 9—11. № 5.

29-ю декабря (1826 г.). Генераль Ермоловъ пріѣхалъ въ Тифлисъ 27-го числа, 28-го объявлено было, что онъ никого не принимаетъ: меня не удостоилъ пригласить къ себѣ, хотя вечеромъ были у него многіе. 29-го числа большой пріемъ. Я пробылъ у генерала Ермолова около 2-хъ часовъ, къ счастью разговоръ нашъ происходилъ въ присутствіи генераль-адъютанта Бенкендорфа.

Я говорилъ свои мысли открыто и извлекъ у генерала Ермолова слѣдующія признанія.

- 1) Что транспортовъ нѣтъ.
- 2) Что вся Грузія не въ состояніи дать продовольствія для числа войскъ, нынѣ здѣсь собраннаго.
- 3) Что чрезъ Каспійское и Черное моря нельзя прежде апрѣля въ порты подвезти.
- 4) Что надобно идти въ Эривань, сжаты тамъ хлѣбъ и по-

томъ далѣе впередъ: это будетъ въ августѣ мѣсяцѣ—не лучше ли было пойти туда нынѣшнею осенью, дабы собраннымъ хлѣбомъ воспользоваться; чѣмъ мы бы годъ цѣлый впереди были.

5) Что осадная артиллерія не прежде іюня мѣсяца можетъ туда поспѣть.

6) Что подъ Эриванью климатъ намъ будетъ губителенъ.

Въ семъ разговорѣ я долженъ былъ ему напомнить, что я командую войсками—но ничего не знаю, хотя по повелѣнію Государя Императора для меня здѣсь ничего не должно быть секретно.

30-го декабря. Генераль Ермоловъ, разговаривая со мною, сказалъ, что онъ имѣетъ право давать прямо частнымъ начальникамъ предписанія, не сообщая мнѣ о томъ: я ему отвѣчалъ, что такимъ образомъ я, живя отъ него въ 10-ти шагахъ, узнаю чрезъ два мѣсяца о дѣлаемыхъ имъ распоряженіяхъ; тутъ намъ помѣшали, ибо хотя мы разговаривали очень тихо, но при многихъ людяхъ; завтра объ этомъ я распространюсь. Онъ меня упрекнулъ, что я весьма съ нимъ холоденъ, я отвѣчалъ, что онъ холоденъ, а не я, ибо въ первый день онъ мнѣ прислалъ сказать, что онъ не принимаетъ, а вотъ четвертый день какъ мнѣ не отдалъ визиту.

31-го декабря. Я былъ у генерала Ермолова и повторилъ ему, что «я ничего не знаю о происходящемъ здѣсь—и извѣстія или весьма поздно до меня доходятъ, или я вовсе оныхъ не получаю: доказательство тому, я сегодня получилъ отъ князя Мадатова отъ 25-го числа рапортъ, что онъ 26-го выступилъ за Араксъ; вѣрно, князь Мадатовъ отъ Вашего Высокопревосходительства получалъ дней десять прежде, ибо надобно по крайней мѣрѣ столько, чтобы собрать отряды изъ Сардоба и Агжабета въ Ахъ-Угланъ, откуда онъ пошелъ. Я слышалъ, что онъ получилъ приказаніе назадъ тому почти мѣсяцъ: въ какое

положеніе меня ставите и что я долженъ рапортовать Государю Императору». Онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ не можетъ также ко мнѣ писать о своихъ распоряженіяхъ, ибо это похоже будетъ на рапортъ отъ него!!! Наконецъ мы положили, что его дежурный штабъ-офицеръ будетъ давать знать о всѣхъ приказаніяхъ моему дежурному штабъ-офицеру, но не думаю, чтобы чрезъ это я многое узналъ: ибо генераль Ермоловъ самъ пишетъ и бумаги заносятся въ секретный собственный его журналъ, и часто объ его приказаніяхъ никто не знаетъ, ни дежурный штабъ-офицеръ, ни оберъ-квартирмейстеръ: ибо онъ часто пишетъ прямо отъ себя не только полковникамъ, но даже батальоннымъ командирамъ. Итакъ Государя Императора намѣреніе, чтобы я зналъ все безъ исключенія—не исполняется. Насчетъ кампаніи генераль Ермоловъ сказалъ, что онъ еще не готовъ, а что когда напишетъ, то дастъ мнѣ прочитать свое представленіе Государю Императору. Видно, что онъ не хочетъ обнаружить своихъ предположеній насчетъ будущей войны. Я началъ говорить мое мнѣніе: онъ почти на все соглашался, не оспаривая, такъ что я вышелъ отъ него ни мало не узнавши его на сей счетъ мыслей.

Mon Général!

Monsieur le Major-Général m'ayant autorisé de communiquer à № 6.
 Votre Excellence l'extrait ci-joint des ordres donnés récemment au général Yermoloff, je m'empresse de m'en acquitter. J'y joins une note en français qui a également été aujourd'hui transmise à ce général, ayant parue contenir quelques notions, non pas nouvelles, mais qui peuvent venir à l'appui des notions que l'on possède sans doute sur la Perse et sur la manière d'y conduire la guerre.

Je saisis avec un vif empressement cette occasion pour Vous réitérer, mon général, l'expression du respectueux dévouement avec lequel je suis,

Mon Général,
de Votre Excellence

le très humble et très obéissant serviteur

C-TE P. SUCHTELEN.

St. Pétersbourg
le 18 Décembre 1826.

St. Pétersbourg, le 30 Décembre 1826.

Mon Général!

N° 7. La lettre que Votre Excellence a eu la bonté de m'envoyer par Monsieur Oppermann m'a fait un plaisir inexprimable. Vous m'adressez une question, mon Général, à laquelle il m'est aisé de répondre. L'obéissance est une chose de commande, le premier devoir du service. L'attachement, le dévouement, l'estime qu'un subordonné conserve pour un ancien chef, tiennent à l'hommage personnelle qu'on lui rend. Ici l'autorité cesse. C'est le coeur et la conviction qui répondent au coeur, aux qualités de l'homme. Le général Ropp, en sortant d'un bain, et tout nud, calma une révolte, en imposa à des séditeux. Voilà le vrai *Général!* Estimé avant tout, respecté fut-il en bonnet de nuit, aimé s'il se peut, car cela ne gêne rien, et n'est point difficile lorsqu'on est brave, loyal, et comme le disait le vieux Montluc, «revêtu de la chemise blanche de l'honneur».

J'ai vraiment été peiné de voir que Votre Excellence songe à quitter le théâtre de sa nouvelle gloire. Je conçois combien certaines choses, que je devine passablement quoique de loin, peuvent Vous avoir contrarié. Bon époux, bon père, honoré dans la Société, apprécié surtout par un souverain, qu'indépendamment de sa puissance l'on peut déjà l'appeler Grand,—je conçois, dis-je,

combien de motifs se réunissent pour Vous faire désirer de repasser le Kasbeck et le Tereck. Mais d'un autre côté, je ne puis m'empêcher aussi de voir, qu'il croit encore des lauriers sur les rives de l'Araxe et dans les plaines de Tauris, dont le printemps doit nécessairement offrir une récolte nouvelle; que 60 m. bayonnettes et sabres russes peuvent en moissonner beaucoup s'ils sont bien dirigés; que notre frontière est vicieuse, et que la patrie a encore une injure à venger. Le courage moral dont vous avez fait preuve est le plus sûr garant de votre utilité en avenir. Permettez moi, Général, d'avoir à cet égard une opinion diametralement opposée à la vôtre, et d'attribuer celle-ci à un juste mouvement d'humeur, dont Vous triompherez, comme Vous avez fait raison d'Abbas-Mirza.

S'il fallait d'autres raisons à l'appui de ce que j'ose Vous dire avec franchise, j'ajouterais, que Vous êtes l'homme de la confiance du Monarque qui Vous choisit dans un moment de crise, lorsque, environné du personnel le plus distingué de ses armées, il n'avait que l'embarras du choix, que l'opinion publique applaudit à celui dont il a eu l'heureuse inspiration et que Vous eûtes le bonheur de justifier d'une manière si brillante; enfin, que parmi tous les milliers d'hommes qui suivent la carrière des armes, Vous êtes un élu placé dans une position d'autant plus honorable qu'elle est difficile. Que ne donnerais-je, pour pouvoir, avec mon ancien frère d'armes et ami Benckendorf, partager Vos travaux, Vos dangers, Vos fatigues, Vos privations, et prendre ma petite part de la gloire que je prévois pour Vos troupes et pour Vous.

Il n'y a que moi qui parle, et qui parle de conviction dans tout ce que je Vous écris, mon général. Fort indisposé depuis 8 jours je n'ai point vu mon digne chef. Dans une couple de jours je pourrai probablement sortir, et lui demander ses ordres particuliers pour Votre Excellence. Je ne pense pas que le courrier parte avant ce temps.

Je présume qu'à Tiflis on n'est pas très au courant des événe-

ments de l'Europe, et cela m'encourage à Vous envoyer encore, mon Général, quelques feuilles de la gazette de St. Pétersbourg qui est un assez bon résumé des autres. La bagarre du Portugal, que je considère comme une bourasque momentanée, sera probablement bientôt terminée. La seule apparence d'une campagne dans ce beau pays a enthousiasmé le militaire Anglais. Wellington a, dit-on, présidé aux divers embarquements. Le C-te de Balmaine, aide de camp de l'Empereur, nous est depuis peu arrivé de Londres. Quant à la Turquie, il paraît que le Sultan y poursuit avec constance l'oeuvre de la régénération de son Empire. Toutefois, les biens ravis aux janissaires, les confiscations et les revenus ordinaires de l'état ne sauraient suffir longtemps aux besoins d'un Gouvernement, qui a une guerre intestine à soutenir, des rebellions à comprimer, une armée régulière à former. Le Sultan sera probablement forcé de recourir aux fonds des mosquées et aux trésors des Ulémas. Ce sera une crise nouvelle. Ce prince a 50 ans. L'on ne devient plus un Pierre le Grand à cet âge. Notre mission est attendue à Constantinople et l'on s'attend que les plus grands égards lui seront témoignés, car le Sultan est encore d'avis de ménager la Russie.

En attendant, la rade d'Odessa s'est couverte de vaisseaux à l'époque dernière de la navigation de l'année. Les demandes de blés pour l'étranger ont été considérables et dans un court espace les prix ont haussé de 7 à 11 roubles.

Здѣсь гг. откупщики играютъ теперь важную роль. Поставки перекупаютъ, по старому обыкновению пируютъ и мечтаютъ золотыя горы. Про первый корпусъ позвольте повѣстать, что знаю. Его Высочество Цесаревичъ гусарскою дивизіею весьма доволенъ. Полки оной размѣнялись между собою лошадьми по шерстямъ. Сумской получилъ всѣ гнѣдыя, Ольвiопольскій сѣрыя, Лубенской вороныя и темныхъ шерстей, Клястицкій весь на рыжихъ, о чемъ кн. Гагаринъ весьма горюетъ. Его здоровье все не поправляется. Супруга П. Кар-

пова родила ему сына. Николай Александровичъ въ Варшавѣ. Пѣхотныя дивизіи по примѣру прежнихъ годовъ будутъ производить работы въ Динабургѣ и по Виндавскому каналу. Ген. Розена сюда ожидаютъ. Ему и женѣ его весьма полюбилась жизнь въ Митавѣ. Les regrets que cause la mort de la jolie Madame de Firks sont partagés par toute la Société de cette ville. Interrompu à plusieurs reprises pendant que j'écrivais, je le suis encore en ce moment par mon aide de camp, qui me demande si j'ai quelque chose à ajouter aux journaux qu'il est chargé de mettre sous enveloppe. Mes 4 pages d'écriture étant remplies et sachant que les envois de courrier sont sujets à des ajournemens, je me décide, mon Général, à Vous envoyer dès aujourd'hui ce griffonnage que je Vous prie de prendre en indulgence. Dans ce moment aussi je reçois communications du cahier français de Votre écriture (du moins je crois la reconnaître). Je me bornerais seulement à ce sujet à Vous dire, que depuis un mois je fais travailler à une carte des pays au midi de la Caspienne. Agréez, mon Général, l'hommage de mon respectueux dévouement.

C-TE P. SUCHTELEN.

Mon cher Général!

J'ai eu le plaisir de recevoir Vos dernières lettres. Tout de suite après la reception de la première, je me suis dépêché de la soumettre aux yeux de Sa Majesté l'Empereur. Vous devez être trop persuadé, cher camarade, des sentimens, que Notre Auguste Maître Vous porte, pour ne pas être certain de la part sincère que Sa Majesté prend à l'état de Votre santé et combien Elle aurait voulu Vous accorder sans délai le rappel demandé, si Elle ne devait pas compter beaucoup sur l'influence que Votre présence à Tiflis peut avoir sur les résolutions, dont dépend plus ou moins l'issue d'une

№ 8.

guerre, dont Vous avez cueilli les premiers lauriers avec tant de succès. Bientôt après la réception de Votre première lettre est arrivé Votre aide de camp. Les dépêches, dont il a été porteur, ont dû exciter des justes appréhensions pour la campagne prochaine et surtout pour sa rapidité. Sa Majesté a vu surtout avec beaucoup de mécontentement l'état de délabrement, dans lequel se trouvent nos braves troupes et qui ne peut être qu'une suite d'une tolérance impardonnable des malversations des chefs partiels; mais les mêmes raisons, qui ont décidé Votre envoi à Moscou, cher Général, et dont Votre esprit et Votre coeur a si bien senti les conséquences, demandent encore à présent d'attendre une réponse cathégorique du Général Yermoloff sur le plan d'opération, que Sa Majesté a ordonné de lui envoyer et dont Vous avez reçu une copie. S'il se dépêche à l'exécuter, Sa Majesté est persuadé que les sentimens élevés et loyaux du vainqueur d'Elisabethpol l'y feront concourir de coeur et d'ame. Elle ne Vous refuserait pourtant pas Votre rappel, si Vous croyez, qu'il Vous est absolument impossible de servir avec le général Yermoloff. Si au contraire on s'y refuse par paroles ou par faits, alors Sa Majesté ne peut pas tolérer un tel exemple de mauvaise volonté ou d'incapacité, et la nomination d'un général en chef (главнокомандующий) en deviendrait la suite immédiate. Dans ce cas, dont Sa Majesté aime encore à douter, ce nouveau chef, qui ne pourraient être qu'un de nos généraux les plus anciens et de plus estimés, aurait encore plus besoin de Vos conseils et de Votre appui. Sa Majesté croyait, en Vous nommant chef d'état major de l'armée de Perse, Vous donner le pouvoir de conseiller et de préparer les moyens, qui nous assurent une campagne aussi heureuse, que la victoire du 13 Septembre nous avait donné droit de l'attendre. Elle a daigné me charger de Vous communiquer Ses pensées à ce sujet important, persuadée de Votre zèle et de toute l'abnégation personnelle, où l'intérêt de la patrie parle. Nous attendons sous peu la réponse du général Yermoloff sur les dépêches du 30 Novembre. Si elle ne remplit pas la juste

attente de Sa Majesté, elle sera décisive pour son rappel. Tout de suite après leur réception je Vous renverrai Votre aide de camp.

6 января 1827.

Н. В. Черновая этого письма писана карандашомъ и собственною рукою Дибича.

Надпись карандашомъ:

«Послано 11 декабря 1826 г.».

Копія рапорта къ Государю Императору. Г. Тифлисъ. Декабря 10-го дня 1826 года. № 9.

Я имѣлъ счастье получить Всемилостивѣйшій рескриптъ Вашего Императорскаго Величества; не знаю словъ какъ изобразить милости, изліянныя Вами, Государь, на меня, жизнь моя для сего мала.

Въ то же время я получилъ по повелѣнію Вашего Императорскаго Величества отъ Начальника главнаго штаба генераль-адъютанта Дибича предположеніе о кампаніи; оно совершенно сообразно съ мѣстными обстоятельствами и точно таково, какъ я въ моихъ предположеніяхъ думалъ представить Вашему Императорскому Величеству. Но теперь не знаю, когда оный планъ можетъ быть приведенъ въ исполненіе; генераль Ермоловъ пишетъ ко мнѣ, что по пріѣздѣ въ Тифлисъ онъ займется со мною объ ономъ. Но время уходитъ, а съ нимъ весьма опасное для здоровья нашихъ войскъ лѣто приближается.

Планъ елизаветпольскаго сраженія имѣю счастье Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше представить.

Въ прошнурованной тетради № 444.

№ 10.

Копія.

Въ прошнурованной тетради № 448.

Его Императорскому Величеству

генераль-адъютанта Паскевича

РАПОРТЪ.

Получивъ отъ генераль-квартирмейстера главнаго штаба Вашего Императорскаго Величества предначертанія для будущей кампаніи, я сегодня же былъ у генерала Ермолова, чтобы узнать мысли его на сей счетъ. Онъ мнѣ сказалъ, что посылаетъ планъ свой чрезъ нынѣ отправляемаго фельдъегеря, который послѣ мнѣ и покажетъ, а теперь желаетъ, чтобы я съ своей стороны сдѣлалъ предположеніе и съ сямъ же фельдъегеремъ поднесъ на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества, дабы, по словамъ его, Ваше Императорское Величество могла сообразить, который изъ нихъ болѣе удобоисполнителенъ.

Изъ сего я вижу только нежеланіе его объявить мнѣ свое мнѣніе; изъ разговоръ же его я замѣтилъ слѣдующее:

1) Прежде половины апрѣля не можетъ быть движенія впередъ, ибо въ это только время настаетъ подножный кормъ, безъ онаго же нельзя идти, потому что ячменя, замѣняющаго здѣсь овесъ, совсѣмъ достать невозможно въ нашихъ провинціяхъ. По общему же здѣсь мнѣнію, и въ концѣ марта можно надѣяться на хорошій подножный кормъ.

2) На лѣвомъ флангѣ онъ не знаетъ какимъ образомъ достать транспорты.

3) Онъ намѣренъ собрать грузинское дворянство для приглашенія его дать провіантъ.

4) Хочетъ теперь только сдѣлать распоряженіе для подвоза продовольствія изъ Астрахани и съ Чернаго моря.

5) Онъ рѣшительно утверждаетъ, что продовольствія въ мусульманскихъ провинціяхъ: Шекѣ, Ширвани и Карабахѣ, не можетъ быть, т. е. эти провинціи не могутъ содержать войско безъ подвоза изъ Астрахани и по сему до того лѣвый флангъ не можетъ двигаться.

6) Генераль Ермоловъ полагаетъ, что вообще недостатка въ провіантѣ не будетъ, но ячменя и транспортовъ не видитъ возможности достать.

Я долженъ былъ его уговаривать принять дѣятельнѣйшія мѣры къ обезпеченію продовольствія и къ устройству подвозовъ: онъ все время утверждалъ, что это дорого стоитъ; когда же я ему сказалъ, что Ваше Императорское Величество, въ предписаніи о планѣ кампаніи, разрѣшили требовать деньги, онъ мнѣ возразилъ, что онъ къ этому не привыкъ, а сохраняетъ во всемъ бережливость. На сіе я ему напомнилъ, что такимъ образомъ можетъ случиться, что мы еще кампанію потеряемъ.

По желанію генерала Ермолова и сколько я могъ узнать мѣстныхъ обстоятельства, осмѣливаюсь всеподданнѣйше поднести на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества мнѣніе мое насчетъ плана будущей кампаніи, равно и журналъ свѣдѣній и рапортамъ, полученнымъ мною съ 28-го числа прошедшаго декабря мѣсяца.

Генваря 5-го дня
1827 года.
Городъ Тифлисъ.

№ 11.

Надпись карандашемъ:
«Послано 6-го генваря 1827 года. Тифлисъ».

Государю Императору

РАПОРТЪ.

О экспедиціи генераль-лейтенанта князя Мадатова донесенія я не получилъ; если и есть, то отъ меня по обыкновенію скрыто:—всѣ сія недоразумѣнія заставили меня уже два раза прежде напомнить генералу Ермолову, что для меня не должно быть секрета; и всякій разъ онъ или уклонялъ, или согласился, но мнѣ много чего по прежнему не было извѣстно. Наконецъ, нѣсколько дней назадъ тому, я рассказывая ему о неприличіи поведенія генераль-лейтенанта князя Мадатова, который мнѣ не рапортуетъ, и между тѣмъ коснулся, что я о намѣреніяхъ его, генерала Ермолова, также весьма мало что знаю. На слова мои, что есть приказаніе Вашего Императорскаго Величества, чтобы для меня не было никакихъ секретовъ,—онъ хотѣлъ отклонить разговоръ; но когда я настоятельно требовалъ, то къ удивленію моему онъ отвѣчалъ, что онъ Государя Императора волю исполняетъ, но что не можетъ остаться въ этомъ положеніи и лучше, чтобы Государь Императоръ взялъ его отсюда, нежели будетъ въ совершенной зависимости мнѣ обо всемъ сказывать. Говорить: «я знаю, что я долженъ исполнять, но въ совершенной зависимости я не могу быть. Вы получаете все, что касается до войскъ, но о провіантской и другихъ частяхъ это поставило бы меня въ совершенную зависимость; я знаю, что вы пишете, то вы и это должны написать, что Государь Императоръ лучше сдѣлаетъ, если возьметъ меня отсюда».

Итакъ, приказаніе Вашего Императорскаго Величества, чтобы отъ меня не было секретовъ, генераломъ Ермоловымъ

не только не исполняется, что я нѣсколько разъ имѣлъ счастье доносить, но онъ совершенно отказывается послѣ пяти мѣсяцевъ оное исполнять.

Если сдѣлать разборъ зависимости, которая такъ устрашаетъ генерала Ермолова,—оная вся состоитъ въ томъ, чтобы мнѣ позволили прочесть всѣ бумаги, какъ отъ него, такъ и къ нему писанныя, т. е. гораздо меньше зависимости, нежели начальника штаба, который не только про всѣ бумаги знаетъ, но и именемъ корпуснаго командира приказываетъ. Но генераль Ермоловъ не зависимости отъ меня боится, но того, чтобы я не все зналъ о его намѣреніяхъ, распоряженіяхъ и приказаніяхъ.

Будучи въ семь затруднительномъ положеніи, осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить Вашего Императорскаго Величества разрѣшенія, какъ мнѣ поступить въ таковыхъ случаяхъ?

Военно-учен. арх., отд. II, шк. 13, п. 1, № 5850, лл. 8—14. № 12.

Секретно.

С п и с о к ъ.

Начальнику главнаго штаба Его Императорскаго Величества господину генераль-адъютанту барону Дибичу.

По содержанію секретнаго отношенія вашего высокопревосходительства отъ 30-го ноября 1826 года за № 93-мъ, имѣю честь почтеннѣйше сообщить объясненія мои по предметамъ заключающимся въ ономъ.

Предпріятіе на Муганскую степь не истощитъ способовъ Карабага, ибо число войскъ, кои должны довольствоваться оными, нисколько не увеличивается.

Движеніе на Талышинское ханство, въ теперешнее время

одно со стороны Куры возможное, не представляет больших удобностей и потому я воздержался от онаго.

Отъ предпріятія на Муганскую степь, если оно имѣть будетъ желаемый успѣхъ, можно надѣяться, что Ширвань и Карабагъ будутъ почти предохранены отъ набѣговъ. Болѣе же никакихъ послѣдствій ожидать нельзя. Къ движенію на Тавризь нужно пріуготовленіе значительныхъ способовъ. Ниже сего представлю я почему движеніе на Тавризь со стороны Карабага признается неудобнымъ.

Въ Шушѣ и въ Лори запасы всякаго рода свезены будутъ. Тифлисъ есть главное мѣсто складки и заготовленій всѣхъ запасовъ, откуда развозятся они въ разныя мѣста.

Въ Елизаветполѣ имѣть запасовъ невозможно по причинѣ чрезвычайной смертности, коей подвергаются тамъ войска отъ убійственнаго климата въ лѣтнее время, что съ давняго времени принудило меня оставить городъ, и небольшая часть войскъ, которая содержалась для удержанія порядка въ округѣ, расположена была въ другомъ мѣстѣ болѣе здоровомъ.

Перевозка осадныхъ снарядовъ изъ Баки сопряжена съ большими затрудненіями. Въ провинціи недовольно аробъ и тѣ нанимаемы будутъ для перевозки провіанта къ войскамъ дѣйствующимъ на лѣвомъ флангѣ. Окрестныя провинціи также не имѣютъ повозокъ и потому должно будетъ строить казенныя, чего нельзя скоро сдѣлать и употребить надобно будетъ погонщиковъ. Не найдется ли удобнѣйшимъ сплавить снаряды въ Фанагорію, а оттуда перевезти въ Тифлисъ чрезъ Кавказскую линію, какъ то дѣлалось съ прочими тягостями.

Въ Тифлисѣ выстроены госпиталь на 600 человѣкъ, въ которомъ по нуждѣ помѣщается до 800 человѣкъ и есть еще другія казенныя строенія, которыя занять можно.

Въ Лори устроить госпиталь не такъ удобно, ибо тамъ

нѣтъ почти строеній. Въ Шушѣ есть строенія, и по мѣрѣ возможности на сей предметъ обращены будутъ. Въ обоихъ сихъ мѣстахъ госпитали необходимы и будутъ по возможности сдѣланы.

Когда войска войдутъ въ персидскія границы, нужно будетъ учреждать по пути другіе госпитали и первый изъ нихъ предполагается учредить въ Эчмядзинскомъ монастырѣ. Для госпиталей въ Лори, Шушѣ и устрояемыхъ впереди необходимо, чтобы комиссаріатъ доставилъ достаточно бѣлья и прочихъ потребностей. Нужно прибавленіе въ лѣкарствахъ и госпитали должны быть снабжены лѣкарями и прислугой. Подвижныя инвалидныя роты, при корпусѣ состоящая, имѣютъ уже достаточно занятій, и потому, если признается полезнымъ присмотрѣ ихъ въ заграничныхъ госпиталяхъ, то нужно будетъ прислать двѣ или три таковыхъ роты.

Въ подвижномъ магазинѣ, независимо отъ состоящаго въ полковыхъ фурахъ провіанта, полезно было бы имѣть онаго на мѣсяць или по крайней мѣрѣ на 20 дней.

Крѣпость Баку есть единственное удобное мѣсто для складки всего привозимаго Каспійскимъ моремъ. На островѣ Саррѣ потому невыгодно, что оттуда надобно перевозить также въ Баку, ибо устья рѣки Куры перѣдко застилаетъ пескомъ, и суда морскія до Сальяна ходить не могутъ. Далѣе изъ Сальянъ нельзя производить перевозки иначе какъ наймомъ аробѣ въ Бакѣ или учредивъ казенный транспортъ, и потому перевозка запасовъ изъ Сальянъ не представляетъ никакихъ выгодъ противъ перевозки изъ Баки.

Денежные способы, имѣющіеся въ вѣдѣніи моемъ, недостаточны, и я непремѣнно полагаю за нужное имѣть 400 т. червонцевъ и 500 т. руб. серебромъ.

Способы, которые имѣются въ виду для приведенія войскъ

въ состояніе предпринять наступательныя дѣйствія, зависятъ отъ средствъ представляемыхъ Грузіею. Продовольствіе доставляется здѣсь дворянствомъ, которое обще съ предводителями дѣлаетъ раскладку и развозитъ оное по магазейнамъ. Нынѣ дворянство предложило большее количество, нежели прежде, и по цѣнамъ весьма умѣреннымъ, но какъ сего весьма недостаточно, то употребится стараніе сдѣлать покупку онаго и сверхъ того нуженъ будетъ подвозъ изъ внутренности Россіи. Артиллерійскіе парки приготавливаютъ какъ для нихъ, равно для подвижныхъ провіантскихъ транспортовъ и для движенія прочихъ тягостей покупаются и дѣлаются на запасъ арбы. Покупка воловъ производится съ приближеніемъ весны, ибо въ теперешнее время кормить ихъ совершенно нечѣмъ.

Для войскъ, дѣйствующихъ на лѣвомъ флангѣ, теперь уже приступлено къ составленію запасовъ.

Эриванскую границу прежде половины апрѣля перейти невозможно, и въ это время не всегда бываетъ опять подножный кормъ.

Дѣйствовать по двумъ путямъ чрезвычайно выгодно, если бы для того достаточно было войскъ, но какъ пути сіи между собою почти никакого сообщенія не имѣютъ, то въ такомъ случаѣ каждый отрядъ долженъ быть столько силенъ, чтобы могъ противиться почти всѣмъ силамъ непріятели. Здѣсь краткость и удобство сообщеній совершенно въ пользу непріятели. Изъ Тавриза можетъ онъ съ равною удобностію идти какъ къ Эривани, такъ и къ Асландузу, сосредоточивая силы свои тамъ, гдѣ потребуютъ того обстоятельства. Можетъ также отдѣлать часть оныхъ по мѣрѣ надобности, всегда сохраняя возможность соединить ихъ. Напротивъ того, наши два отряда, раздѣлены будучи горами, никакого прямого сообщенія имѣть не будутъ и одну удобную для движенія тягостей дорогу, про-

легающую долиною Куры и соединяющуюся съ дорогою идущею отъ Эривани чрезъ Лори въ Тифлисъ. Есть дорога отъ Асландуза, восходящая нѣкоторое разстояніе по Араксу и потомъ на городъ Нахчеванъ, но до того какъ сей городъ не будетъ въ рукахъ нашихъ нельзя будетъ имѣть сообщенія, ни отрядъ лѣваго фланга въ случаѣ неудачи воспользоваться оною не можетъ.

Я прилагаю у сего вѣдомость, въ которой означается, какое число войскъ будетъ находиться подъ ружьемъ въ каждомъ изъ отрядовъ, если составить оныя согласно съ доставленнымъ ко мнѣ росписаніемъ. Сіе почель я нужнымъ для того, чтобы изъяснить, что въ составъ отряда лѣваго фланга, которому не предназначено главнаго дѣйствія, поступаетъ въ сравненіи съ отрядомъ праваго фланга пѣхоты несоразмѣрно много и такихъ войскъ, кои имѣютъ болѣе опыта и болѣе навыка къ трудамъ. Въ войнѣ же противъ персіанъ пѣхота есть главнѣйшее оружіе.

Дабы дѣйствовать по первому предположенію поставляется непремѣнными условіями: изобиліе въ Ширвани и совершенное успокоеніе и очищеніе собственныхъ областей нашихъ. Возможность собрать двухмѣсячное продовольствіе для отряда, который долженъ дѣйствовать чрезъ Карадагъ; вѣрный способъ доставлять сія запасы этапнымъ устройствомъ до самаго Тавриза въ слѣдъ за войсками.

Въ Ширвани непріятель причинилъ разореніе, возмущенные жители не успѣли снять всего хлѣба и засѣять на весну полей, слѣдовательно обыкновеннаго урожая ожидать невозможно, и какъ хлѣбъ снимается въ концѣ іюня, послѣ начатія военныхъ дѣйствій, то въ теперешнее время составить запасовъ не изъ чего. Хлѣба, доставленнаго изъ Астрахани, на сіе недостаточно и средствъ подвоза нѣтъ. Доставленіе этапнымъ

устройствомъ до самаго Тавриза почти невозможно, или по крайней мѣрѣ чрезвычайно затруднительно. Для сего отъ Асландуза до Тавриза должно устроить нѣсколько постовъ большею частію въ такихъ мѣстахъ, гдѣ въ лѣтнее время нѣтъ травы, слѣдовательно нѣтъ средствъ довольствоваться воловъ при транспортахъ. Сами жители по причинѣ зноя удаляются въ горы, и посты устроены будутъ въ мѣстахъ, гдѣ свирѣпствуютъ климатическія болѣзни и смертность, на постахъ должно оставлять значительное число войскъ, дабы могли они давать сильное прикрытіе транспортамъ, или оныя подвергнутся опасности отъ кочующихъ вблизи отъ дороги шагсеванцевъ и другихъ народовъ, богатыхъ конницею. Дѣйствіе самаго отряда на Тавризу сопряжено съ немаловажными затрудненіями, ибо нѣтъ подножнаго корма, какъ сказано выше, ни провіанта для людей, ибо извѣстно, что Карадагъ не производитъ столько хлѣба, чтобы довольствоваться собственными жителями. Занятіемъ Тавриза не прерѣкается сообщеніе Эриванской провинціи съ Азербиджаномъ, который почитается изобильнѣйшею областію въ Персіи въ жизненныхъ припасахъ и граничитъ съ Эриваномъ.

И такъ главный отрядъ, овладѣвъ Тавризомъ, долженъ будетъ идти къ Эривани для пособія другому отряду, который занять будетъ означенною крѣпостію и быть можетъ не будетъ имѣть достаточно силъ овладѣть ею. Нельзя также предположить, что занятіе Тавриза понудитъ персіянъ къ миру, но скорѣе думать можно, что они до тѣхъ поръ не заключатъ мира, доколѣ мы не упрочимъ завоеваній нашихъ покореніемъ крѣпостей.

Здѣсь присоединяю я вѣдомость войскъ, входящихъ въ составъ каждаго изъ отрядовъ по второму предположенію.

Изяснивъ затрудненія, кои встрѣчаются въ строгомъ испол-

ненія двухъ означенныхъ предназначеній, долгомъ поставляю объяснить также способъ, коимъ надѣюсь выполнить Высочайшую волю Государя Императора.

Главный отрядъ долженъ дѣйствовать на Эривань, какъ сказано въ первомъ предположеніи, но онъ долженъ быть гораздо сильнѣе, дабы подвигаясь впередъ могъ оставить достаточные посты для охраненія сообщеній и снабженія транспортовъ довольно сильными конвоями. Отряду сему предложить другое важное подраздѣленіе. Пришедъ къ Эривани довольно раннею весною, когда средства къ осадѣ не могутъ быть подвезены, должно оставить часть войскъ для наблюденія за Эриванью и крѣпостью Сардарь-Абатомъ; съ другою же частью предполагаю подвинуться до рѣки Арпачая и дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами. Другой отрядъ нужно имѣть въ Карабагѣ, дабы остановить персіанъ, если бы покусились они снова войти съ той стороны въ предѣлы наши. Для сего достаточнымъ нахожу составить отрядъ сей изъ восьми баталіоновъ пѣхоты, двадцати четырехъ орудій артиллеріи и трехъ казачьихъ полковъ, съ открытіемъ весны отрядъ сей можетъ расположенъ быть на самомъ Араксѣ между Асландузомъ и Худаперинскимъ мостомъ. Смотря по обстоятельствамъ, можетъ онъ сдѣлать два или три марша за Араксъ, если представится возможность нанести какой нибудь вредъ непріятелю. Впрочемъ, сего достаточно будетъ, чтобы на сію сторону обратить вниманіе персіанъ и заставить ихъ отвлечь сюда довольно значительную часть силъ. Въ теченіи іюня, или около половины іюля образъ дѣйствія персіанъ долженъ обнаружиться.

Если Аббасъ-мирза съ главными силами покусится войти въ Карадагъ, чего предполагать не возможно, ибо скорѣе думать можно, что обратится онъ къ защитѣ Эривани, то и въ

такомъ случаѣ отрядъ лѣваго фланга, мало слабѣйшій того, противъ котораго непріятель потерялъ сраженіе подъ Елисаветполемъ, можетъ остановить его успѣхи. Предположивъ даже, что отрядъ встрѣтитъ силы несоразмѣрныя, тогда долженъ онъ отходить къ Елисаветполю, куда въ подкрѣпленіе ему изъ отряда праваго фланга, который тогда будетъ уже на Арпачаѣ, можно будетъ прислать въ подкрѣпленіе часть пѣхоты и конницы отъ озера Гогча чрезъ урочище, называемое Чардахлы, находящееся въ Шамшадильской дистанціи, близко отъ Елисаветполя. По дорогѣ сей однѣ только тяжести проходить не могутъ.

Если прежде іюня или іюля мѣсяцевъ персіяне не покусятся выступить въ Карабагъ, и нималого привготовленія къ тому не будетъ видно, отрядъ лѣваго фланга можетъ идти къ Нахчевану и овладѣть симъ городомъ, что можетъ быть весьма опаснымъ для сообщеній персидской арміи, которая будетъ дѣйствовать въ Эриванской области противъ главнаго отряда нашего.

Предположивъ, что Аббасъ-мирза сосредоточитъ главныя свои силы въ Эриванской области, тогда отрядъ лѣваго фланга принесетъ величайшую пользу тѣмъ, что непріятель долженъ будетъ для наблюденія за нимъ отдѣлить весьма большія силы, дабы не допустить его дѣйствовать въ тылу своей арміи. Персіяне будутъ имѣть выгоду внутренняго положенія между двухъ наружныхъ линій, но чтобы и симъ воспользоваться надобенъ не малой степень искусства. Впрочемъ, еслибъ отрядъ лѣваго фланга, паче чаянія, потерпѣлъ какую нибудь неудачу, то свободно можетъ тою же дорогою отступить въ Карабагъ и непріятель никакъ ему въ томъ препятствовать не можетъ.

Пребываніе въ Карабагѣ отряда лѣваго фланга много закрываетъ мусульманскія провинціи наши и особенно доста-

вляеть спокойствіе Карабагу, гдѣ можно будетъ собрать довольно хорошую конницу. Кочевья, находящіяся въ лѣтнее время въ горахъ, будутъ весьма полезными войскамъ, когда они направятся къ Нахчевану и въ особенности находящіяся тамъ армянскія селенія. Отрядъ будетъ имѣть подножный кормъ изобильный.

Согласно съ Высочайшею волею Государя Императора взятіе Эривани и Тавриза составляютъ двѣ главныя цѣли сего общаго предначертанія. Изъ прилагаемой вѣдомости видѣнь составъ каждого изъ двухъ отрядовъ и всѣхъ прочихъ войскъ, остающихся въ границахъ нашихъ.

Неудобство сводныхъ командъ слишкомъ извѣстно, чтобы не избѣгать онаго при малѣйшей къ тому возможности. Со всѣмъ тѣмъ здѣсь невозможно не допустить нѣкотораго раздѣленія дивизій и бригадъ. Въ прибывшей сюда 20-й пѣхотной дивизіи весьма мало находится людей видѣвшихъ непріятели. Сего одного достаточно уже, чтобы сдѣлать тотъ слабымъ отрядъ, коего главныя силы составляла бы сія дивизія. Напротивъ того, большая часть войскъ Кавказскаго корпуса во все время находилась попеременно въ походахъ и дѣлахъ, отчего какъ офицеры, такъ и солдаты пріобрѣли нѣкоторую опытность.

На семъ соображеніи основаны составы обоихъ отрядовъ, предназначенныхъ къ дѣйствию на Эривань и со стороны Карабага.

Предполагаемыхъ силъ для удержанія Дагестана въ порядкѣ совершенно недостаточно. Дербентъ не подверженъ нападению, но гарнизонный баталіонъ сего имени не можетъ охранять благонадежно кромѣ одной цитадели. На тишину же между жителями и покорность имѣеть дѣйствіе баталіонъ Куринскаго пѣхотнаго полка, близъ города расположенный, который между тѣмъ не допускаетъ табассаранцевъ и жителей

верхняго Кайтана выходить изъ горъ въ силахъ. Въ крѣпости Бурной необходимо имѣть одинъ баталіонъ. Куба также не можетъ быть оставлена безъ войскъ и принимая въ соображеніе значительный недостатокъ въ комплектѣ войскъ, менѣе баталіона оставить тамъ невозможно, ибо на немъ возлежать будетъ препровожденіе транспортовъ.

Крѣпость Баку не имѣетъ на Дагестанъ ни малѣйшаго вліянія; чрезвычайно малый гарнизонъ ея необходимо усилить хотя двумя ротами при двухъ орудіяхъ, иначе можетъ явиться опять какой нибудь ханъ, обложить крѣпость, и препятствовать пользоваться средствами земли для подвозовъ. Затѣмъ изъ всей бригады генераль-маіора фонъ-Краббе останется только два баталіона и двѣ роты, съ коими предполагается расположить его у Старой Шамахи. Оттуда будетъ онъ дѣйствовать по обстоятельствамъ, препятствуя вторженію непріятели въ Ширванъ, или подкрѣпляя Баку и Дагестанскія области, если въ томъ окажется надобность. Дабы усилить отрядъ, я хотѣлъ, не заимствуясь отъ него, усилить Бакинской гарнизонъ Каспійскимъ морскимъ баталіономъ, но долженъ по необходимости обратить его въ крѣпость Шушу. Легко случиться можетъ, что для охраненія Зардоба, лежащаго на Курѣ, гдѣ будетъ складъ запасовъ для войскъ, дѣйствующихъ въ Карабагѣ,—надобно будетъ отъ отряда генераль-маіора фонъ-Краббе еще отдѣлить двѣ роты съ двумя орудіями.

Въ назначеніе начальникомъ отряда лѣваго фланга буду ожидать Высочайшей воли Его Императорскаго Величества.

Войска остающіяся въ предѣлахъ нашихъ подчинятся генераль-лейтенанту Вельяминову 1-му на точномъ основаніи предписанія, равно какъ и внутреннее управленіе. Но для него нужно учредить дежурнаго штабъ-офицера, умножить число адъютантовъ и составить канцелярію, ибо собственно

по предметамъ снабженія дѣйствующихъ за границею войскъ будетъ онъ имѣть много переписки.

Корпусный штабъ, который при мнѣ состоять долженъ, составленъ будетъ по предписанію.

О количествѣ провіанта и овса, который долженъ быть доставленъ изъ внутренности Россіи морями Чернымъ и Каспійскимъ, не умедлю доставить свѣдѣніе.

Въ Астрахани, не ожидая сплава по Волгѣ, дабы не потерять времени, можно заимствоваться провіантомъ изъ городскихъ запасныхъ магазиновъ, что и прежде мною дѣлано было.

Подлинный подписалъ: Генералъ отъ Инфантеріи
Ермоловъ.

№ 1.
5-го января 1827 года.
Въ Тифлисѣ.

Мнѣніе Паскевича о планѣ будущей кампаніи.

Изъ двухъ плановъ, начальникомъ главнаго штаба препровожденныхъ генералу Ермолову, второй, въ которомъ главныя силы на лѣвомъ флангѣ идутъ прямо въ Тавризь, есть самый рѣшительный и можетъ имѣть важнѣйшія послѣдствія для нашего оружія, но продовольствіе, по словамъ генерала Ермолова, весьма затруднительно. Въ такомъ случаѣ, до открытія морской коммуникаціи съ Астраханью, полагаю, что нельзя предпринять движенія, но тогда съ большими подвозами хлѣба и овса этотъ планъ можетъ быть исполненъ, если будутъ взяты скорыя и безостановочныя мѣры, дабы въ началѣ апрѣля (на поляхъ приписано карандашемъ: «въ Астрахани рѣдко Волга вскрывается ранѣе 15-го апрѣля») продовольствіе доставлено было въ кр. Баку; въ транспортахъ же не должно быть остатковъ, ибо:

1) Въ Кубинской и Бакинской провинціяхъ хотя и не много находится повозокъ, но до 500 можно найти, изъ которыхъ каждая въ одну лошадь подымаетъ отъ 5 до 6 четвертей—особливое устройство сихъ повозокъ на высокихъ колесахъ дѣлаетъ ихъ весьма выгодными для транспортированія.

2) Къ тому времени весьма легко *дѣтъ тысяч* верблюдовъ выгнать изъ нашихъ Ногайскихъ и Астраханскихъ степей.

3) Весьма легко закупить или вытребовать въ подать изъ Шекинской, Ширванской и Карабагской провинцій тысячъ пять вьючныхъ быковъ, чрезъ что подыметъ:

1) на повозкахъ до	3.000	четвертей.
2) » верблюдахъ до	6.000	»
3) » быкахъ до	5.000	»

Всего . . 14.000 четвертей.

Полагая на двадцатитысячную колонну пять тысячъ четвертей провіанта въ мѣсяць, остается еще девять тысячъ для подвоза съ избыткомъ овса или ячменя для кавалеріи, и можно употребить повозки для поднятія больныхъ; и такъ, сорокадневное продовольствіе, считая десятидневный полковой провіантъ, сямъ обезпечится.

Подвозы же изъ Баки въ складочный магазинъ въ Акъ-Угланъ или Шушѣ производить можно мѣстными средствами провинцій.

Для поднятія артиллерійскихъ снарядовъ и подвижнаго госпиталя генераль Ермоловъ находитъ средства въ Грузіи.

Изъ разныхъ развѣдываній и распросовъ насчетъ дорогъ и коммуникацій, которыя я сдѣлалъ будучи въ Карабахѣ, вывожу слѣдующее заключеніе:

Отряду собираться между Курою и Акъ-Угланомъ (Агъ-Огланомъ). Непрiятель, вѣроятно, будетъ въ сборѣ около мая

мѣсяца и всѣ дороги и проходы по горамъ будетъ весьма сильно занимать между Агаромъ, Мишкиномъ и Араксомъ, то дабы обойти его и избѣжать потери людей и скорымъ фланговымъ движеніемъ приблизиться къ Тавризу, прежде нежели непріятель угадаетъ настоящее наше намѣреніе,—можно будетъ кавалерію показать на разныхъ пунктахъ Аракса, между тѣмъ какъ колонна, не доходя Худоперійскаго (Худо-аферинскаго) моста возьметъ вправо на Гирюсы и оттуда чрезъ Парнаутъ на Нахичевань или впередъ оной на Джульфу, откуда до Тавриза останется 111¹/₂ верстъ или четыре перехода. Все сіе движеніе отъ поворота къ Гирюсамъ составитъ 12 переходовъ.

Между Худоперійскимъ мостомъ и Гирюсами не бесполезно было бы, для прикрытія сообщенія съ Карабахомъ, оставить до 1.000 человекъ пѣхоты въ достаточномъ полевомъ укрѣпленіи, могущемъ служить для складки запаснаго провіанта.

Выгоды предполагаемаго движенія суть слѣдующія:

1) Переходъ горъ будетъ сдѣланъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ непріятель совершенно не ожидаетъ насъ.

2) Непріятель обойденъ будетъ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ бы онъ могъ задержать насъ.

3) Колонна выйдетъ въ Нахичевани на операціонную линію праваго фланга, который и прикроетъ тылъ ея.

4) Эриванская и Нахичеванская области будутъ совершенно и неожиданно отрѣзаны такъ, что непріятель не успѣетъ выгнать жителей или опустошить оныя.

5) Можетъ даже случиться, что быстро исполнивъ сіе движеніе, удастся сдѣлать блокаду Тавриза прежде, нежели непріятельскія войска, выставленныя впереди Агара и Мишкина по разнымъ ущельямъ и дорогамъ, поспѣютъ къ оному на помощь.

6) Агарская и Мишкинская дороги истощены въ прошедшее лѣто переходами персидскихъ войскъ и, вѣроятно, что по онымъ и весною будутъ собраны ихъ силы; чрезъ Нахичевань же мы будемъ слѣдовать по провинціямъ весьма плодороднымъ и еще не потерпѣвшимъ отъ войны.

Въ семъ предположеніи необходимо имѣть главныя силы, сходно съ вторымъ планомъ, на лѣвомъ флангѣ: ибо войска нужны не только для блокады города, но и для разбитія могущихъ придти на помощь персіанъ, равно и для отрядовъ, посылаемыхъ для сбора продовольствія.

Въ то же время правый флангъ, сообразно съ вторымъ же планомъ, переходитъ границу, блокируетъ Эривань и старается войти въ коммуникацію съ лѣвымъ.

5-го января 1827.

Тифлисъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ГЛАВЪ V.

Военно-учен. архивъ, отд. II, шк. 13, п. 1, № 4442, л. 18. № 1.

2-я записка Дибича.

Отправлена изъ Ставрополя по экстра-почтѣ 14-го февраля 1827 г.

Въ проѣздъ мой отъ С.-Петербурга до Ставрополя стараясь узнавать чрезъ проѣзжающихъ обо всемъ происходящемъ въ Грузіи, я не могъ получить сихъ свѣдѣній ни сколько обстоятельнѣе, какъ только отъ двухъ чиновниковъ. Первый встрѣтившійся мнѣ въ Новочеркасскѣ провіантскій комиссіонеръ Аверковичъ, выѣхавшій изъ Тифлиса 27-го января для покупки провіантскихъ мѣшковъ, а другой — предсѣдатель ставропольскаго областного правленія дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ Розенъ, имѣющій тестя своего въ Тифлисѣ почтмейстеромъ и получающій отъ него довольно частыя извѣстія. Свѣдѣнія, обоими сими чиновниками мнѣ объявленныя, къ сожалѣнію подтверждаютъ только тѣ же несогласія существующія между генералами Ермоловымъ и Паскевичемъ, о коихъ уже извѣстно Вашему Императорскому Величеству изъ доне-

сеній сего послѣдняго генерала; также подтверждаютъ дурное распоряженіе по продовольствію и совершенный недостатокъ онаго, который по словамъ Аверковича дошелъ до такой степени, что лошади въ Донскомъ казачьемъ полку Андрева начали падать, въ Крымскомъ пѣхотномъ полку будто распущены въ поле и въ конно-артиллерійской ротѣ № 13-й также совершенно изнурены, что генераль Ермоловъ повидимому не скрываетъ даже между подчиненными неудовольствія своего, происходящаго наиболѣе отъ присылки генерала Паскевича, въ коемъ онъ видитъ себѣ соперника; тѣмъ болѣе, что самъ не назначенъ главнокомандующимъ.

№ 2.

Копія.

Военно-учен. архивъ, дѣло № 4442, лл. 46—49.

*Приложеніе ко всеподданнѣйшему письму отъ 23-го февраля
1827 г.*

Проѣзжая отъ Ставрополя до Георгіевска, нашель я казачьи посты полка полковника Луковнина вездѣ въ порядкѣ. Въ Георгіевскѣ нашель большія упущенія по гарнизонной службѣ, за что сдѣлалъ коменданту полковнику Глухову строгій выговоръ, и повѣрю при возвращеніи объ исправленіи. Госпиталь въ изрядномъ положеніи и во всѣхъ отношеніяхъ гораздо лучше Ставропольскаго. Городъ сей находится совершенно въ беззащитномъ положеніи и, по важности большихъ въ немъ артиллерійскихъ запасовъ, нужно немедленно приступить къ укрѣпленію его по новому положенію. Магазины для артиллерійскихъ запасовъ и строенія мѣстнаго арсенала въ исправности; но они безъ половъ, кои впрочемъ стоили бы

большихъ издержекъ. Въ арсеналѣ занимаются прилежно работою картечь и патроновъ. Въ сортированіи вещей не соблюденъ систематическій порядокъ; но нѣтъ видныхъ упущеній. При самомъ составѣ запасовъ желательно бы было также болѣе систематическаго расчисленія; но сіе требуетъ общихъ мѣръ по всѣмъ нашимъ запасамъ.

По дорогѣ къ Екатеринограду, видѣлъ я части Волжскаго и сборнаго Астраханскаго казачьихъ полковъ весьма въ хорошемъ порядкѣ, первый отличается добротою горскихъ лошадей и добрымъ видомъ и духомъ всѣхъ чиновъ. Караулъ Кабардинскаго полка въ Екатериноградѣ изрядный, но выправки по одиночкѣ мало, коей и требовать мудрено; ибо люди безпрестанно или въ караулѣ, или въ конвоѣ; во всѣхъ чинахъ сего полка примѣтны здоровый видъ и духъ отличнаго усердія; обмундированіе изрядное, но аммуниція притнута весьма посредственно. Нынѣшній потковой командиръ подполковникъ Швецовъ, кажется, штабъ-офицеръ весьма ловкій и усердный, доброе его обхожденіе съ горцами имѣло уже въ короткое время самое лучшее послѣдствіе; племена Куломцевъ, Безинцовъ, Чегемцовъ и Дугорцевъ, живущія на самыхъ вершинахъ рѣчекъ Чегема и Чечка (впадающихъ въ Малку выше Екатеринограда), бывшія до сего въ независимости, покорились и присягнули на вѣрность подданства Вашего Императорскаго Величества. Выписанные изъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка нижніе чины отправлены изъ Кабардинскаго полка въ Грузію; осталось только два унтеръ-офицера, кои ведутъ себя отлично хорошо. Нижніе чины бывшіе Черниговскаго полка ведутъ себя смиренно и за ними имѣется надлежащее наблюденіе.

Вдоль военной дороги отъ Екатеринограда до Владикавказа и отъ онаго до Коби находятся въ разстояніи отъ 10-ти до 15-ти верстъ военные посты съ небольшими укрѣпленіями;

жилья нѣсколькихъ женатыхъ нижнихъ чиновъ составляютъ имъ не большіе форштаты. Посты сіи занимаются, отъ Екатеринограда до Владикавказа, Кабардинскимъ пѣхотнымъ и отъ Владикавказа до Коби—Владикавказскимъ гарнизоннымъ полкомъ; но смѣны ротъ дѣлаютъ такое поселеніе нижнихъ чиновъ менѣе для нихъ выгоднымъ. Прекрасныя поля и пастбищныя мѣста отъ Екатеринограда до Владикавказа подавали бы съ переселеніемъ на оныя достаточнаго числа коренныхъ жителей изъ многолюдныхъ губерній основаніе къ наиблаготвѣрнѣшему военному поселенію; военные поселяне-хозяева и кантонисты и нижніе чины резервнаго баталіона могли бы съ большею удобностію вести и конвоировать всѣ казенные транспорты даже тогда, когда дѣйствующіе баталіоны находились бы въ другихъ мѣстахъ для военныхъ дѣйствій. Подобное же устройство вдоль Ардона, Кубани, Сунджи и Оксая, могло бы со временемъ совершенно покорить горскіе народы, дать сей прекрасной странѣ тишину и устройство и съ тѣмъ вмѣстѣ служить къ открытію новыхъ и лучшихъ сообщеній съ Грузіею, къ чему въ особенности долина Ардона, по всѣмъ свѣдѣніямъ, подаетъ надежду.

Крѣпость Владикавказъ находится въ исправномъ положеніи, равно какъ всѣ строенія и госпиталь. Гг. офицеры представляются весьма удовлетворительно и нижніе чины имѣютъ изрядную выправку и обмундированіе въ сравненіи вообще съ здѣшними войсками. Отъ Коби до Ананура находятся казачьи посты. Въ Ананурѣ стоитъ постъ, а въ Душетѣ двѣ роты 2-го баталіона Тифлискаго пѣхотнаго полка. Въ оныхъ видны изрядная выправка и обмундированіе; но они находятся въ егерской аммуниціи, потому что баталіонъ сей составленъ изъ ротъ 43-го Егерскаго полка, и хотя тому уже 7 лѣтъ, но имѣетъ егерскіе мундиры даже новые, подъ предлогомъ черной амму-

ниці. Я соберу по сему здѣсь всѣ пужныя свѣдѣнія, дабы исправить подобныя несообразности.

Подписаль: генераль-адъютантъ Дибичъ.

Тифлисъ.
Февраля 23-го дня
1827 г.

Архивъ кн. Воронцова, кн. 35, М. 1889. № 3, а.

Изъ писемъ А. Х. Бенкендорфа къ М. С. Воронцову.

I (111-е письмо).

Moscou, ce 19 septembre (1826).

...Tout le monde s'est ranimé: la gayté reprend ses droits et se venge de ces années perdues pour son culte. La jeunesse se remet à la danse et s'occupe déjà beaucoup moins de l'organisation de l'état, de la politique des deux mondes et des rêves de la mysticité. La fête du prince Юсуповъ a été charmante et a eclipsé celles des ambassadeurs de France et d'Angleterre; celle de la c-sse Orlow a écrasé toutes les fêtes par sa magnificence et son bon goût; c'est la plus belle qu'on aye jamais donnée; les proportions dépassaient même celles d'un particulier; le local et les ornements appartenaient au luxe d'un souverain.

Vous, de votre côté, vous êtes évertué à Odessa: nous avons lu avec intérêt la description des réjouissances (по поводу коронаціи в-ра Николая Павловича) qui ont éclairé les bords de la mer Noire. Constantinople y a répondu par l'incendie de 20 mille maisons, et Paskévitsch sur l'Araks y applaudit par des victoires. Conçoit-on que le grand Yermolow avec 82 *) mille combattants

*) Здѣсь, по всей вѣроятности, въ изданіи г-на Бартенева опечатка: слѣдуетъ читать не 82, а 32.

(d'après ses propres rapports) aye demandé du secours et engagé par des *Прѣказъ* et des proclamations ses soldats et les peuples sous ses ordres à ne pas s'effrayer et à se *défendre* bravement? Par ordre exprès de l'Empereur on a marché en avant, et Madatow seul a suffi pour dissiper ce fantôme qui effrayait Yermolow et dont il alarmait la Russie. *Gangea* (Елѣсаветполь) qui avait été pris est tombé de nouveau en notre pouvoir. Voilà donc ces grandes réputations fondées sur l'arrogance et l'intrigue: elles tombent à la plus légère résistance. Cette guerre, fomentée par une administration arbitraire et impolitique, appelée par l'ambition, a surpris son auteur, qui n'avait su ni en préparer les moyens, ni en prévoir les conséquences. Les forteresses étaient sans défense, sans approvisionnement; les troupes éparpillées sans direction de réunion, sans soutien. La bêtise de l'ennemi et sa lâcheté répareront tout cela, mais les malheureux habitants massacrés, ruinés, les colons allemands pillés et réduits en l'esclavage ne peuvent plus être rappelés à la vie et à l'opulence, et la sécurité est détruite pour bien des années....

№ 3, 6.

II (112-е письмо).

St.-Petersbourg, ce 17 janvier (1827).

....Les nouvelles de Géorgie sont telles que je les ai prévues. M-r Yermolow ne fait rien; à le croire, les Persans sont innatatables; il a demandé des troupes; on les lui a envoyés; il se trouve qu'il n'a pas de quoi les nourrir; il prétend qu'il fait trop froid maintenant pour ouvrir la campagne; il demande des canons de siège; on les lui envoie; il dit déjà qu'il seront inutiles; il craint les Géorgiens, les Arméniens, il craint tout, après avoir tout exaspéré; en attendant l'indiscipline fait des progrès dans son armée. Le pauvre Paskévitch ne peut y remédier à côté d'un chef qui n'a acheté les crieurs en sa faveur que par le relâchement

de toutes les exigences militaires. Voilà ce grand patriote, qui trouvait Barclay, Wittgenstein et tout ce qui n'avait pas un nom moscovite indigne de l'honneur du nom russe; le voilà à sa juste valeur! Il a été près de Dg(e)are avec 8 m. hommes d'élite, y est resté trois semaines à couper les arbres des jardins pour se faire jour et en est revenu, après avoir signé une capitulation avec ces mêmes hommes qu'il voulait jadis tous pendre ou subjug(u)er. Pas un plan de fait, pas un arrangement de pris; les vaisseaux persans se promènent dans la mer Caspienne; nos forteresses ne sont pas approvisionnées et nos soldats mal vêtus. Rtitschew (Ртищевъ) même avait mieux fait, mais Yermolow a beaucoup crié, et on l'a cru....

Военно-учен. архивъ, дѣло № 4442, лл. 27—33.

№ 4.

*Приложеніе къ письму Дибича на Высочайшее имя отъ
21-го февраля 1827 г.*

Послѣ довольно труднаго переѣзда чрезъ Кавказскія горы я пріѣхалъ сюда, въ Тифлисъ, вчерашняго числа въ два часа пополудни. Генералъ Ермоловъ въ отвѣтъ на письмо мое изъ Владикавказа прислалъ мнѣ прилагаемое при семъ письмо въ Анапуръ; вскорѣ послѣ онаго пріѣхалъ и адъютантъ его штабсъ-ротмистръ Талызинъ, тотъ самый, который былъ въ Москвѣ, съ экипажемъ своего генерала. Я пріѣхалъ прямо къ нему на квартиру, находящуюся ближе моей у вѣзда, и былъ встрѣченъ имъ дружески съ увѣреніемъ въ совершенной своей откровенности и съ требованіемъ таковой же отъ меня. Онъ при томъ изъяснялся, что онъ не знаетъ, почему полагаютъ меня съ нимъ непріятелями, ибо мы нигдѣ не встрѣчались въ короткихъ сношеніяхъ и не могли имѣть къ тому причинъ; но что онъ увѣренъ въ моей справедливости и желалъ бы имѣть

меня своимъ судьей даже и тогда, когда бы я не былъ и начальникомъ главнаго штаба. Я съ своей стороны увѣрилъ его, что и я столько же не постигаю, почему могли бы считать насъ непріятелями, и что руководствуясь всегда по службѣ одною лишь справедливостію и откровенностію, я съ сими же правилами буду дѣйствовать въ дѣлѣ, порученномъ мнѣ Высочайшею волею. Послѣ сихъ первыхъ объясненій я объявилъ ему въ нѣсколькихъ словахъ главныя причины, по коимъ Ваше Величество должны по прежнимъ дѣйствіямъ сумнѣваться, чтобы успѣхи могли быть столь быстры и рѣшительны, какъ сего требуетъ воля Ваша и важность общихъ дѣлъ. На сіе генералъ Ермоловъ отвѣчалъ, что онъ признаетъ себя нынѣ виновнымъ, что послѣ Елисаветпольскаго сраженія не рѣшился идти къ Таврису, но не видя въ персидскихъ войскахъ весьма значительной потери ни въ людяхъ, ни въ артиллеріи, онъ не могъ полагать, чтобы ихъ разстройство было столь велико и ожидалъ, что шахъ подкрѣпитъ на Араксѣ Аббасъ-Мирзу и посему не считалъ выгоднымъ переправиться чрезъ Араксъ до прибытія новыхъ подкрѣпленій, не усмиривъ прежде Ширвана, Шеки и Чарцовъ. Насчетъ же приуготовленія продовольствія, нашель онъ большія затрудненія въ совершенномъ разстройствѣ Карабаха и Ширвана, и что посему и по недостатку подножнаго корма для кавалеріи въ зимнее время не могъ рѣшиться на зимнюю кампанію, когда уже удостоившись въ совершенномъ разстройствѣ Персіи; но признается, что онъ ошибся въ первоначальныхъ сужденіяхъ своихъ о состояніи персидской арміи; что онъ къ первымъ числамъ апрѣля надѣется имѣть на два мѣсяца провіанта и достаточные способы къ подвозу (о чемъ покажетъ мнѣ подробныя вѣдомости, какъ и вообще о всѣхъ своихъ приуготовленіяхъ и распоряженіяхъ); что къ тому же времени подвиг-

нетъ передовія войска къ границамъ, поддерживая ихъ главными силами, и что онъ ручается головою, что сходно повелѣніямъ Вашего Величества займетъ все пространство ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго до Аракса прежде знойнаго времени, регулярную же кавалерію, по невозможности имѣть въ здѣшнемъ краѣ овса и даже ячменя, полагаетъ держать болѣе въ резервѣ и придвинуть оную только въ маѣ мѣсяцѣ, когда уже наступитъ хорошее травяное продовольствіе. Я ему представилъ, что по позднему сбору войскъ, непріятель не только соберетъ больше силъ, но, что всего важнѣе, разорить всѣ способы находящіеся до сихъ поръ въ селеніяхъ армянскихъ и прочихъ Эриванскаго ханства; что посему я полагалъ бы занять сардарство Эриванское хотя частію войскъ съ первымъ открытіемъ травы, которая, вѣроятно, покажется даже въ первыхъ числахъ марта (ибо здѣсь до сихъ поръ ни малѣйшей нѣтъ еще зелени при весьма жаркихъ дняхъ); и что я не предложилъ бы таковой мѣры частнаго дѣйствія противъ другаго непріятеля, но что опыты всѣхъ кампаній противъ персіянъ, и въ особенности послѣдней, должны насъ вести къ заключенію, что опасаться намъ должно не отъ ихъ оружія, но отъ голода. Генераль Ермоловъ на сіе согласился, но просилъ меня обо всемъ рѣшительно условиться, когда мнѣ покажетъ всѣ средства, кои онъ имѣетъ и полагаетъ имѣть.

Говоря насчетъ сношеній съ генераломъ Паскевичемъ, генераль Ермоловъ старался отклонить сей предметъ, но наконецъ говорилъ, что ген. Паскевичъ кажется ему характера недовольно твердаго и подъ вліяніемъ другихъ, ибо не всегда равно съ нимъ обходится; что онъ, какъ полагаетъ генераль Ермоловъ, надѣялся послѣ него командовать; но онъ, генераль Ермоловъ, привыкнувъ исполнять Высочайшую волю, не могъ рѣшиться при пріѣздѣ генерала Паскевича сказаться больнымъ,

какъ бы можетъ быть сдѣлали на его мѣстѣ другіе; что послѣ генераль Паскевичъ сталъ требовать отъ него всѣ бумаги и приказы, которые онъ отдаетъ, и отвергнувъ предложеніе его, чтобы сообщать оныя отъ дежурства Ермолова дежурному штабъ-офицеру Паскевича, и что онъ, Ермоловъ, не почелъ себя въ обязанности давать ему отчетъ въ бумагахъ по управительной части. Я ему на сіе сказалъ, что Ваше Величество, зная генерала Паскевича еще болѣе нежели мнѣ онъ извѣстенъ, изволили препоручить мнѣ ручаться за него, что при деликатномъ обхожденіи онъ будетъ вѣрнѣйшимъ помощникомъ. Генераль Ермоловъ отвѣчалъ, что радъ моему пріѣзду, надѣясь, что я разграничу отношенія, долженствующія быть между ними съ учрежденіемъ новыхъ штабовъ, и увѣренъ, что устрою такъ, что будетъ безобидно для званія его.

Послѣ сего предварительнаго объясненія съ генераломъ Ермоловымъ, отправился я въ свою квартиру, гдѣ нашелъ караулъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка въ отличномъ порядкѣ; тутъ же были Иванъ Федоровичъ Паскевичъ и весь генералитетъ съ штабъ и оберъ-офицерами здѣшняго гарнизона. Послѣ первыхъ привѣтствій съ собранными офицерами, въ коихъ я нашелъ, сколько по виду судить можно, лица довольныя и совершенное приличіе, отпустивъ ихъ и потомъ прочихъ собравшихся, остался наединѣ съ генераломъ Паскевичемъ. Объявивъ ему препорученное мнѣ Вашимъ Величествомъ, что онъ принялъ съ извѣстными Вамъ чувствами, онъ повторилъ мнѣ при вопросѣ о полученіи послѣдняго его письма, о невозможности ему служить съ генераломъ Ермоловымъ, что повторяя при дружескихъ моихъ вопросахъ о дѣйствительности всѣхъ причинъ, сначала ими огорчился, но потомъ съ благодарностію уважилъ мои резоны, оставаясь однакожъ непоколебимымъ и увѣряя меня, что я точно чрезъ недѣлю раздѣлю

непремѣнно его мнѣніе насчетъ фальшивости генерала Ермолова и неспособности, которую онъ показывалъ и показываетъ какъ при военныхъ дѣйствіяхъ, такъ и при управленіи войсками и въ краѣ здѣшнемъ.

Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ 2 говорилъ мнѣ въ томъ же смыслѣ, однакожь полагаетъ, что генераль Ермоловъ теперь можетъ дѣйствовать по предписанному плану, но что общее мнѣніе противъ его никакъ не позволяетъ оставить его начальникомъ здѣшняго края.

Флигель-адъютантъ полковникъ князь Долгорукій, не оправдывая бездѣйствія генерала Ермолова послѣ Елисаветпольскаго дѣла, увѣряетъ, что убѣжденъ, что примиреніе между генералами Ермоловымъ и Паскевичемъ невозможно; но что въ семь не причиною вражда перваго противъ послѣдняго, но болѣе чрезвычайная чувствительность генерала Паскевича и хитрое дѣйствіе одного поручика изъ армянъ, служащаго у генерала Паскевича переводчикомъ, по личной враждѣ сего армянина къ генераль-лейтенанту князю Мадатову. Я спрашивалъ у князя Долгорукова (который отдаетъ полную справедливость достоинствамъ генерала Паскевича и, какъ мнѣ казалось, судить о вещахъ безпристрастно) о злоупотребленіяхъ здѣшняго края. Онъ полагаетъ ихъ существующими, но увеличенными; также спрашивалъ насчетъ неосторожныхъ разговоровъ генерала Ермолова, о коихъ бывали слухи. О семъ послѣднемъ онъ рѣшительно увѣряетъ, что не только таковыхъ никогда не слышалъ, но, напротивъ, замѣтилъ, что генераль Ермоловъ старается рассказывать доходящіе здѣсь частью изъ С.-Петербурга выгодные слухи и анекдоты.

Флигель-адъютантъ полковникъ баронъ Фредериксъ находится еще въ Бакѣ, но я надѣюсь, что онъ въ скоромъ вре-

мени воротится по окончаніи слѣдствія, въ которомъ ояъ полковника барона Розена нашель совершенно невиновнымъ.

Я нынѣ еще не могу насчетъ здѣшнихъ дѣлъ никакого сдѣлать заключенія; но соберу со всевозможною поспѣшностію и точностію всѣ свѣдѣнія къ симъ предметамъ касающіяся отъ лицъ нѣсколько довѣріе заслуживающихъ по военной и гражданской части; съ тѣмъ вмѣстѣ всякій день буду работать съ генераломъ Ермоловымъ, дабы удостовѣриться какъ въ способахъ заготовленій всякаго рода, такъ и въ собственныхъ его видахъ и распоряженіяхъ, и надѣюсь черезъ недѣлю, а можетъ быть и скорѣе, нѣсколько рѣшительнѣе донести Вашему Императорскому Величеству; когда же получу точное убѣжденіе съ какой бы то стороны ни было, не умедлю дѣйствовать по точной силѣ данной мнѣ инструкции, съ тѣмъ прибавленіемъ, въ случаѣ удаленія генерала Ермолова, которое Ваше Величество изволили мнѣ предоставить по письму генерала графа Толстаго, полученному мною сего числа отъ 8-го февраля.

Генераль-адъютантъ Дибичъ.

Въ Тифлисѣ.

Февраля 21-го дня 1827 г.

Журналь генераль-адъютанта Паскевича.

- № 5. *21-ю февраля 1827 г.* Командиръ Тифлискаго пѣхотнаго полка полковникъ князь Севарсемидзевъ доносить, что 20-го февраля прибыли изъ Персіи въ укрѣпленіе Джелаль-Оглу плѣнные нижніе чины полковъ: 42-го Егерскаго унтеръ-офицеровъ 14, рядовыхъ 121, и Тифлискаго пѣхотнаго рядовыхъ 3, казаковъ войска Донскаго полковъ: Молчанова 41, Леонова 1, генераль-лейтенанта Иловайскаго 1, Андреева 2, Сысоева 2, Бакинскоя таможни служителей 2, дворовый человекъ 1, за-

хваченные въ Сальянахъ вольные люди: отставной солдатъ 1, мужиковъ разныхъ губерній 2. Всего 191 человекъ. По объявленію людей сихъ изъ Тегерана назначено было къ отправленію 244 человекъ, но изъ нихъ нѣсколько было взято персидскими чиновниками въ услуженіе, многіе померли на пути отъ изнуренія, двое солдатъ изъ татаръ остались по своему желанію въ Тавризѣ, десять солдатъ и три мужика оставлены по болѣзни въ Еривани и одинъ казакъ померъ въ Бомбакахъ. Князь Севарсемидзевъ присовокупляетъ, что прибывшіе плѣнные, не имѣя одежды для прикрытія себя отъ стужи и истощенные голодомъ и дурнымъ обхожденіемъ персіянъ, столь слабы, что не могутъ продолжать слѣдованіе въ Тифлисъ, не получивъ сперва облегченія временнымъ отдохновеніемъ.

Присланный же съ ними чиновникъ Аджи-Мамадъ-бекъ, имѣющій письмо отъ ериванскаго сардаря къ генералу Ермолову, отправленъ въ городъ Тифлисъ.

Военно-учен. арх., отд. II, шк. 13, п. 1, № 4442, лл. 25 и 26. № 6.

Всемиловѣйшій Государь.

Ваше Императорское Величество изъ приложенной при семъ записки изволите усмотрѣть дознанное мною въ первый день моего пребыванія въ Тифлисъ, Чувствуя всю важность возложеннаго на меня препорученія я не ускорю рѣшительный шагъ безъ точнаго убѣжденія, не останавливая ходъ мѣръ могущихъ служить приготовленіемъ къ будущимъ дѣйствіямъ.

Я надѣюсь, что возможно будетъ занять еще въ мартѣ мѣсяцѣ окрестности Эривани достаточнымъ авангардомъ и тѣмъ спасти тамошнихъ армянъ и способы къ продовольствію; что въ первыхъ числахъ апрѣля могутъ начаться дѣйствія со стороны Карабаха и движеніе главныхъ силъ на поддержаніе

авангарда и за совершенное занятіе ханствъ Эриванскаго и Нахичеванскаго, а есть ли въ оныхъ найдется нѣсколько способовъ, то полагаю возможнымъ еще до знойнаго времени овладѣть Марантомъ, гдѣ, равно какъ въ Хоѣ, находится много армянъ,—а можетъ быть и Таврисомъ. Если показываемая генераломъ Ермоловымъ довѣренность имѣетъ малѣйшее основаніе, то можетъ быть будетъ полезно для службы, чтобы я остался до начатія кампаніи, въ такомъ случаѣ, на который не смѣю еще надѣяться, полезно будетъ, чтобы первый блистательный успѣхъ далъ бы ему съ званіемъ главнокомандующаго (не прибавляя *великія* преимущества положенія большой дѣйствующей арміи до точнаго исполненія всего предписаннаго) нѣкоторое поощреніе. Если же онъ нынѣ старается только обманывать, то сіе вѣрно откроется весьма скоро передъ откровенностію моихъ поступковъ.

Армянскій архіепископъ Парзесъ принялъ Высочайшій рескриптъ съ глубочайшею благодарностію, рескриптъ будетъ читанъ въ церквахъ и публикованъ на армянскомъ языкѣ, онъ ручается за вѣрность и усердіе армянскаго народа и надѣется при благовременномъ вторженіи въ Эриванское ханство найти у тамошнихъ армянъ еще довольно запасовъ, въ чемъ и я увѣренъ.

Посланцу персидскому, пріѣхавшему сюда съ письмомъ министра ихъ иностранныхъ дѣлъ къ графу Нессельроду и увѣряющаго насъ, что уполномоченъ на заключеніе перемирья, полагалъ я не довкимъ отказать въ свиданіи, которое онъ просилъ; онъ началъ говорить о истинномъ желаніи Шаха заключить миръ—я ему отвѣчалъ въ увѣренности моей, что Ваше Величество всегда готовы согласиться на условія отвѣчающія наглому нарушенію мира обезпеченіемъ нашихъ границъ отъ

подобныхъ дѣйствій съ должнымъ вознагражденіемъ за понесенные убытки.

Когда онъ старался оправдать ихъ дѣйствія поступками нашихъ пограничныхъ начальниковъ по словамъ письма Аббасъ-мирзы при началіи войны, то я увѣрялъ его, что конечно Ваше Величество не изволите даже принимать предположеніе о мирѣ когда не признается совершенную вину Персіи въ наглое нарушеніи онаго, что, въ протчемъ, письменныя сношенія по сему предмету не должны остановить ходъ военныхъ дѣйствій и что перемирие заключать я не въ правѣ, развѣ дадутъ въ залогъ искренняго желанія къ миру и въ основаніи онаго крѣпости и пространство земли, которое почту нужнымъ потребовать. Онъ сказалъ, что на сіе не имѣтъ уполномочіе, а я ему повторилъ, что послѣ того не о чемъ говорить. Симъ кончилъ и свиданіе наше, которое въ протчемъ можетъ быть будетъ имѣтъ еще послѣдствія суда по безпрестаннымъ увѣреніямъ его въ миролюбивыхъ видахъ Шаха и о согласіи посланца, что уполномоченные могли бы трактовать и о лучшемъ устройствѣ границъ и о могущихъ быть претензій за убытки.

Замѣчанія мои отъ Ставрополя я сегодня не успѣю привести въ порядокъ для представленія ихъ Вашему Императорскому Величеству, но могу сказать, что вообще состояніе Кабардинскаго пѣхотнаго полка Владикавказскаго гарнизона и въ особенности линейныхъ казачьихъ полковъ весьма удовлетворительно, а духъ войскъ и усердіе ихъ отвѣчаютъ совершенно желанію Вашего Величества. Съ экстра-почтою, которая отправится въ четвергъ 24-го февраля, буду имѣтъ счастье представить продолженіе моихъ дѣйствій, ибо она здѣсь въ совершенной независимости, а конвертъ вложу на имя князя Александра Николаевича Голицына. Простите, Государь, ошибку,

вкравшуюся въ послѣдней запискѣ моей изъ Ставрополя, гдѣ я командующаго 22-ю артиллерійскою бригадою назвалъ Ладжинскимъ, когда фамилія его Раджицкій.

Тифлисъ.
21-го февраля 1827 г.

№ 7, а. Военно-ученый арх., отд. II, шк. 13, п. 1, д. № 2448.

Его Императорскому Величеству
Генераль-адъютанта Паскевича

РАПОРТЪ.

Всеподданнѣйше поднося Вашему Императорскому Величеству журналъ мой съ 24-го по 27-е сего февраля мѣсяца, имѣю счастье донести, что извѣстіе полковника князя Севарсемидзева весьма важныя послѣдствія можетъ произвести, ибо если турки примутъ участіе въ войнѣ съ нами противъ персіанъ, то всѣ соображенія военныя могутъ перемѣниться: впрочемъ, я думаю, что это одно изъ извѣстій, часто разглашаемыхъ, но которыя не сбываются.

Генераль-адъютантъ Паскевичъ.

26-го февраля 1827 года.
Городъ Тифлисъ.

№ 7, б. Къ рапорту Паскевича отъ 26-го февраля 1827 г.

Полковникъ князь Севарсемидзевъ отъ 24-го февраля доноситъ:

Карской Османъ-паша и Зарипатской Али-бекъ, прислали къ нему своихъ чиновниковъ съ извѣстіемъ, что турецкій султанъ послалъ къ Фет-Али-шаху требовать возвращенія орудій, отбитыхъ у Чапанъ-Оглы и плѣнныхъ, взятыхъ во время прошедшаго вторженія Аббасъ-мирзы, сдѣланнаго безъ объявленія

войны. Если до сего времени султанъ не входилъ съ требованіемъ, то было причиною война съ греками, а буде нынѣ не получить полнаго удовлетворенія, то вынужденъ будетъ возвратить оружіемъ. Изъ числа приближенныхъ къ пашѣ, которые всегда князя Севарсемидзева извѣщаютъ, препоручили ему сказать, что турецкое правительство, зная что наши войска при открытіи весны должны идти въ Персію, повелѣло и сераскиру Арзерумскому дѣйствовать отъ Муша противъ персіянъ, собравъ всѣ войска изъ Арзерума, Вана, Муша, Баязета, Карса и Ахалцыха, и присоединивъ къ онимъ тѣ, которыя пришлются изъ Турціи, равномерно обѣщаютъ князю Севарсемидзеву сообщить объ отвѣтѣ шаха Персидскаго.

Военно-ученый архивъ, шк. 13, п. 1, № 4442, л. 75. № 8.

Письмо Дибича къ графу Толстому.

Monsieur le Comte.

Ayant mis tout ce qui touche la grande affaire d'ici dans ma lettre à Sa Majesté l'Empereur, je n'ai rien à y ajouter, Monsieur le Comte, que le bien sincère désir que Sa Majesté soit contente de la manière dont j'ai cherché à remplir jusqu'à présent la commission dont Elle a bien daigné me charger. Si le peu de connaissance que j'ai de ce pays ci et des hommes qui l'habitent me donne une juste méfiance dans la justesse de mes conclusions, ainsi que l'opinion générale sur le caractère du g-l Ermoloff, mais je suis au moins persuadé qu'ayant été guidé par la conviction qu'il ne faut jamais changer si on n'est pas certain du mieux, j'ai pesé toutes les circonstances d'après mon meilleur entendement et avec tout le zèle que le devoir m'impose. Avec cette assurance qui me soutient dans ma situation bien désagréable entre les hommes qui se haïssent les uns les autres et se défient de la sincérité de tout ce que ne porte pas leurs couleurs j'attends les décisions de

notre Auguste Maître cherchant autant que possible à accélérer la marche des affaires et de les arranger de manière à remplir, autant que les mesures prises le permettent, les vues de Sa Majesté l'Empereur pour la campagne future.

Il y a ici un bruit comme si les Turcs avaient demandé aux Persans de leur rendre quelques places promises à la dernière paix et qu'ils les menaçaient d'une invasion du côté de Sultaniè, mais on ne peut y ajouter foi vu le manque total des troupes dans les Pachaliks Turcs, l'archevêque arménien m'a dit qu'il croyait que cela venait d'une irruption de quelques tribus Kourdes turcs sur le territoire persan, dont le bruit lui était parvenu aussi.

Le g-l Yermoloff se trouve en bonne intelligence avec les Pachas de Cars et d'Erzeroum et le premier lui a fait des promesses pour des vivres. La cavalerie persanne fait quelquefois des brigandages sur les frontières du Carabagh. Il y avait même la nouvelle comme s'ils avaient rassemblé des forces plus considérables vers la frontière, mais des nouvelles plus vraisemblables assurent le contraire. En attendant le colonel Reut est sur ses gardes et a pour premier renfort 2 bataillons et 4 régimens de cosaques outre son régiment, il est échelonné par la 20-me division, mais au reste toute irruption un peu considérable parait hors de probabilité.

Ayez la grâce de donner ces nouvelles à Sa Majesté, car je n'ai pas voulu les mettre dans mon épître déjà si long.

M-r votre fils est arrivé ici bien portant.... nous cherchons à lui donner de l'occupation. Soyez bien persuadé des sentimens bien sincères d'estime et de dévouement avec lesquels j'ai l'honneur d'être,

Monsieur le Comte,

Votre très humble et très obéissant serviteur

J. ДИЕВИЧЪ.

Tiflis le 28 février (1827).

À 6 heures du soir.

Военно-ученый арх., отд. II, шк. 13, п. 1-я, № 4442, № 9.
лл. 94—95.

Черновая писана Дибичемъ карандашемъ.

Графу Чернышеву 6-го марта 1827 г.

Je Vous remercie beaucoup pour votre lettre, cher Czernicheff, qui m'est une nouvelle preuve de Votre amitié. Vous savez combien j'en suis persuadé et Vous connaissez la sincérité des sentimens, que je Vous porte. Vous auriez tort, cher ami, de pouvoir croire que des sentimens d'honneur et de générosité. que je m'honore d'avoir hérité, puissent jamais me porter à sacrifier à leur apparence le moindre de mes devoirs; mais Vous me direz, que ces sentimens peuvent me porter à l'indulgence, ou à voir les choses sous un point de vue trop blanc, l'un et l'autre est peut être toujours un peu mon défaut, mais il est dans la conviction et non dans une intention de vouloir défendre l'un plus que l'autre; j'ai donc jugé d'après cette conviction Yermoloff, en cherchant à garder la même impartialité, avec laquelle je Vous aurais jugé Vous, moi-même et de même des personnes, que je ne connais pas, en pesant tout autant que mes moyens le permettent et si le résultat Vous paraissait répondre un peu à vos craintes, prenez Vous en à mon savoir faire et à mes moyens et non à ma volonté. J'ai la persuasion entière, que Yermoloff n'est ni traître, ni désobéissant, mais je ne change pas non plus l'opinion, que Vous m'avez toujours connu sur ses moyens. Voilà, cher ami, ma conviction, contre laquelle je n'ai jamais agi autrement et je l'ai soumis avec fidélité et confiance à la sagacité de Notre Auguste Maître.

Je n'écris pas aujourd'hui au Comte Tolstoy, n'ayant rien de bien intéressant à lui communiquer. Adieu, cher ami, veuillez bien présenter mes hommages à Madame et ayez l'amitié d'envoyer la lettre ci-jointe à ma femme.

№ 10. До сего времени я не успѣлъ еще, по занятіямъ другими предметами, донести Вашему Императорскому Величеству о состояніи войскъ и прочихъ заведеній, кои видѣлъ я въ Тифлисѣ. Здѣсь нашель я такое распоряженіе, что разводъ дѣлается черезъ день, и я всякій разъ на ономъ бываю. Такимъ образомъ видѣлъ я до сего времени, кромѣ своднаго гвардейскаго полка (о коемъ докладъ мой представляю Вашему Величеству особо), слѣдующія войска: баталіонъ Херсонскаго гренадерскаго полка, баталіонъ 7-го Карабинернаго, двѣ роты 41-го, двѣ роты 44-го Егерскихъ и находящуюся здѣсь роту 8-го Піонернаго баталіона.

Вообще нашель я въ сихъ войскахъ: видъ людей хорошъ, въ особенности 7-го Карабинернаго и 44-го Егерскаго полковъ, въ послѣднемъ люди очень молоды; въ Херсонскомъ полку люди довольно старыя и менѣе здоровы; но унтеръ-офицеры сего полка имѣютъ преимущество предъ прочими. Гг. штабъ и оберъ-офицеры вообще своимъ приличнымъ наружнымъ видомъ и тѣмъ, что у развода замѣтить можно, превзошли мое ожиданіе; знаніе же по фронтовой части не могъ до сего времени замѣтить, ибо еще не дѣлалъ никакого ученья. Разводы дѣлаются, со времени прибытія генерала Паскевича, предписаннымъ порядкомъ; проходятъ скорымъ шагомъ и рядами. Одиночной выправки въ нижнихъ чинахъ весьма мало; лучше въ Піонерахъ, потомъ въ 7-мъ Карабинерномъ, Херсонскомъ гренадерскомъ, 41-мъ и 44-мъ Егерскихъ полкахъ. Одежда новая чистая, но шита безъ всякаго щегольства, аммуниція прочная, но дурно пригната, равно какъ и кивера; Егерскіе же полки не имѣли съ собою киверовъ, ибо по причинѣ зноя въ лѣтнее время и опасенія простуды при сильныхъ вѣтрахъ и безпрестанной перемѣнѣ въ климатѣ зимою, также и по невозможности возить кивера на подводахъ, суще-

ствуесть здѣсь съ давнихъ временъ положеніе, чтобы при дальнихъ переходахъ оставлять кивера въ штабъ-квартирахъ. О семъ, равно какъ вообще о необходимыхъ по здѣшнему климату соображеніяхъ въ одеждѣ лѣтняго и зимняго времени, я не умедлю представить Вашему Императорскому Величеству по изготовленіи образцовъ лейбъ-гвардіи въ сводномъ полку, ибо, удостовѣрясь въ необходимости имѣть въ здѣшнихъ войскахъ другія правила на сей счетъ, полагаю, что таковыя должны быть опредѣлены закономъ, а не произволомъ здѣшняго начальства.

Осмотрѣвъ здѣшній госпиталь, нашель я строеніе обширное, хотя еще не совершенно оконченное; во внутреннемъ же порядкѣ требуются большія исправленія какъ по медицинской, такъ и по комиссаріатской части, въ чемъ принимаются нужныя мѣры; большое число больныхъ, доходящее до 850 чело-вѣкъ, когда госпиталь положенъ только на 600, служить нѣкоторымъ, но недостаточнымъ извиненіемъ тому, что вообще не наблюдается тотъ порядокъ, каковой мы привыкли видѣть въ россійскихъ госпиталяхъ, особенно же въ чистотѣ бѣлья и вещей и въ содержаніи палатъ.

Въ городской тюрьмѣ, гдѣ содержатся и военные арестанты, нашель я также недостаточную чистоту; но долженъ хвалить здоровый воздухъ и свободное размѣщеніе арестантовъ.

Здѣшній городъ представляетъ странную смѣсь весьма красивыхъ европейскихъ строеній и основаній великолѣпныхъ зданій съ самыми развалинами бѣднѣйшихъ хижинъ; нѣкоторыя площади правильны и улицы широки, но окружаются такими тѣсными переулками, гдѣ почти проѣхать нельзя и гдѣ нечистота превышаетъ даже мѣстечки Бѣлоруссіи. Всѣ новыя хорошія зданія построены во время управленія генерала Ермолова военнорабочими. Сія работы и построенія полковыхъ

штабовъ можно полагать изъ главнѣйшихъ причинъ совершеннаго упущенія фронтальной части; они имѣли, какъ я уже прежде доносилъ Вашему Императорскому Величеству, также вліяніе на безпорядки въ одеждѣ и аммуниціи дѣйствующихъ войскъ прошедшей кампаніи, ибо команды наряжались безъ должнаго порядка сообразно составу войскъ, и посылались въ старой аммуниціи и въ ветхихъ мундирахъ, которые, равно какъ и бѣлье, на работахъ во время жаровъ износили и, не возвращаясь въ свои штабъ-квартиры, выступили прямо въ походъ въ жалкомъ положеніи. Если по благополучномъ окончаніи войны будутъ продолжаться подобныя работы, какъ сіе кажется необходимо, то нужно бы завести тотъ самый порядокъ, который существуетъ въ полкахъ инженернаго вѣдомства.

Генераль-адъютантъ Дибичъ.

8-го марта 1827 г.
Въ Тифлисъ.

№ 11. Видѣвъ нѣсколько разъ Сводный лейбъ-гвардіи полкъ какъ во время разводовъ и карауловъ, такъ и въ казармахъ, наблюдая за гг. офицерами и за осанкою нижнихъ чиновъ при встрѣчахъ и по одиночкѣ, и соображая все сіе съ тѣми свѣдѣніями, кои доставлены начальствомъ и о коихъ старался узнать отъ постороннихъ людей, я удостовѣрился, что при отличномъ командованіи полковника Шипова, вездѣ и во всѣхъ отношеніяхъ существуетъ въ полной мѣрѣ желаемый порядокъ. Видѣ людей свѣжій и здоровый; выправка сохранена совершенно гвардейская; одежда и аммуниція въ совершенной исправности. Гг. офицеры показываютъ вездѣ усердіе и приличное ихъ званію поведеніе, и я увѣренъ, что полкъ сей, если ему персіане доставятъ случай быть въ дѣйствительномъ сраженіи, оправ-

даетъ ожиданіе Вашего Императорскаго Величества заглажде-
ніемъ своего заблужденія.

Сего числа я сдѣлалъ въ первый разъ ученіе разводному
лейбъ-гвардіи Московскому баталіону, рассчитанному по 6-ти взво-
довъ; ружьемъ дѣлали и маршировали весьма хорошо; баталіо-
номъ ходили хорошо и шагъ во всѣхъ построеніяхъ былъ весьма
ровный и хорошій; но въ равненіи при деплоядахъ отстаютъ
противъ петербургской гвардіи; также и гг. офицеры недовольно
имѣютъ расторопности и сноровки. Полкъ расположенъ въ
весьма красивыхъ казармахъ, построенныхъ на лѣвомъ берегу
Куры; каждая большая зала содержитъ въ нижнемъ этажѣ и
верхнемъ коридоръ, безъ раздѣленій потолокомъ, по ротѣ. Люди
ѣдятъ хорошо, теперь постное, въ скоромное же время каж-
дый день мясо. Они имѣютъ видъ совершенно довольный и
ожидаютъ, кажется, съ нетерпѣніемъ открытія кампаніи.

Генераль-адъютантъ Дибичъ.

9 марта 1827 г.
Тифлисъ.

Всемилоствѣйшій Государь.

При семъ имѣю счастье представить Вашему Императорскому № 12.
Величеству отношеніе генерала Ермолова въ дополненіе преж-
няго отзыва его. Оно не можетъ перемѣнить ни въ чемъ мнѣ-
ніе, которое имѣлъ я честь представить Вашему Величеству въ
письмѣ моемъ, вчерашняго числа писанномъ и при семъ же
представляемомъ. Дѣла только могутъ доказать искренность
словъ. По сей неувѣренности въ рѣшимости принимаемыхъ
генераломъ Ермоловымъ мѣръ я испрашиваю Высочайшее
позволеніе остаться здѣсь, какъ сего и генераль Ермоловъ
желаетъ, до прибытія главныхъ силъ къ Эривани, ибо образъ

движенія ихъ отъ онаго къ Нахичевани, способы кои будутъ собраны и время начатія сего движенія могутъ уже рѣшительно дать заключеніе о успѣхахъ военной кампаніи и равномерно можно уже тогда кончить предварительныя распоряженія о приготовленіяхъ для осенней кампаніи, которая въ краю окруженномъ горами, гдѣ до половины апрѣля нѣтъ малѣйшей травы, а съ половины Іюня начинаются жары, должна быть всегда гораздо рѣшительнѣе нежели весенняя.

Занятіе или незанятіе Тавриза лѣтомъ важно только въ такомъ случаѣ, когда за онымъ воспослѣдуетъ миръ, въ противномъ случаѣ вліяніе онаго на способы осенней кампаніи почти будетъ равное. Но оно дастъ вѣрный размѣръ сколько можно считать на дѣятельность и предприимчивость генерала Ермолова; и есть-ли по оному воспослѣдуетъ перемѣна въ начальникахъ, то новый начальникъ можетъ имѣть лѣтніе мѣсяца для достаточнаго соображенія рѣшительнаго дѣйствія осенью.

Приложенную при другомъ письмѣ моемъ записку мою о военныхъ дѣйствіяхъ показывалъ я генералу Паскевичу и просилъ его замѣчанія. Онъ мнѣ сказалъ, что онъ на мое предположеніе совершенно согласенъ, но увѣренъ, что показаніе большаго зноя въ лѣтнее время слишкомъ умѣрено, и что таковой будетъ имѣть гибельныя послѣдствія для войскъ, есть-ли въ лѣтніе мѣсяца не займутъ высокія мѣста, что въ прочемъ также сходно съ предположеніями.

Съ вѣрноподданнѣйшею преданностію имѣю счастье пребывать

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій Иванъ Дибичъ.

Тифлисъ.

Марта 11-го дня 1827 года.

Командира Кавказскаго отдѣльнаго корпуса. Въ Тифлисѣ. № 13.
10-го марта 1827 года. № 13.

Начальнику главнаго штаба Его Императорскаго Величества
господину генераль-адъютанту и кавалеру барону Дибичу.

Объяснившись съ вашимъ высокопревосходительствомъ о
сообщенныхъ мною предположеніяхъ насчетъ дѣйствій противъ
персіанъ, я, согласно съ прежнимъ по сему предмету рассу-
женіемъ, отнюдь не отвергаю возможности идти на Тавризъ
прежде знойнаго времени, но почиталъ полезнымъ, занявъ не-
медленно Нахчеванъ, остановиться въ Эриванской области, дабы
медленно движущіеся позади транспорты могли достаточно
подвезти провіанта и для подвижнаго магазейна за войсками
слѣдующаго и для составленія запаса, ибо случиться можетъ,
что непріятель избѣгая сраженія заставитъ дѣлать движенія,
чтобы къ тому его принудить. Но какъ ваше высокопревосхо-
дительство къ прежнимъ подтвержденіямъ о возможномъ уско-
реніи окончанія войны изволили присоединить и то, что не-
обходимо кончить оную буде возможно зимою 1827 года или
всеконечно не позже весны 1828 года, я не могу не видѣть
сколько потребны всѣ необыкновенныя усилія и надѣюсь, что
къ половинѣ іюня съ мѣсячною и болѣе пропорціею войска
будутъ за Араксомъ.

По занятіи Тавриза ваше высокопревосходительство почи-
таете пужнымъ не оставлять оный и сіе легко исполнить.

Не перемѣняя операціонной линіи и не оставляя Адерби-
жана изволите полагать продолжать дѣйствія отъ Тавриза. На
сіе объясню, что, по причинѣ совершеннаго недостатка под-
ножнаго корма и воды на пути отъ рѣки Кизиль-Озена до
Зенгана, представляются величайшія затрудненія; но всѣ упо-
треблены будутъ усилія дабы преодолѣть оныя.

Въ заключеніе остается мнѣ увѣрять ваше высокопревосходительство, что я весьма разумѣю выгоды скорого окончанія войны и что на то всѣ обращены будутъ средства, которыя знаю что представится мнѣ могутъ.

Генераль отъ инфантеріи Ермоловъ.

№ 14.

С.-Петербургъ, 27-го февраля 1827 г.

Письмо ваше, любезный Иванъ Ивановичъ, получилъ я третьяго дня вечеромъ, и весьма благодаренъ за поспѣшность, съ которою ѣдете и за сообщенныя извѣстія. Дай Богъ, чтобъ я скоро получилъ увѣдомленіе о счастливомъ прибытіи въ Тифлисъ и что все не такъ плохо, какъ къ несчастію кажется по свѣдѣніямъ, которыя оттуда доходятъ; *я уже не знаю—чему вѣрить*; я жду, чтобъ окончательно судить, вашего донесенія. Здѣсь все слава Богу въ порядкѣ; я весьма доволенъ графомъ Толстымъ и г. Чернышевымъ; мы ладимъ очень хорошо, и сколько я замѣтить могу и они между собой очень дружны. Графъ помолодѣлъ и увѣряетъ, что я его этимъ спасъ отъ тяжелой болѣзни. Вотъ письмо къ вамъ отъ графа Аракчеева; оно васъ изумитъ не менѣе какъ всѣхъ насъ; я получилъ цѣлыхъ *два*, одно въ другомъ, въ которомъ онъ меня увѣряетъ, что это кто нибудь изъ *злоумышленниковъ* изобрѣлъ дѣло на него, что я *не погрѣшу*, если ему вѣрить буду! Je vous abandonne les réflexions.

Рапорты Паскевича насчетъ состоянія кавалеріи и артиллеріи меня крайне беспокоятъ; и я любопытенъ слышать твое мнѣніе.

Смотря на карту мнѣ пришло въ голову, что если, по причинѣ продовольствія, трудно будетъ держаться постоянного плана кампаніи на Тавризь, не хорошо ли бъ было, сдѣлать

изъ Баку или Дербента десантъ на *Инзили*, съ тѣмъ, чтобъ прочной ногой имъ завладѣть, какъ пунктомъ весьма важнымъ для насъ навсегда. Сіе исполнить можетъ быть не иначе возможнымъ, какъ употребля всю флотилію и суда, кои привезутъ провіантъ. *C'est une idée que je vous soumets, décidez comme vous la trouverez possible.*

Дай Богъ вамъ полного успѣха, и да благословитъ наши добрыя намѣренія. Прощайте, любезный Иванъ Ивановичъ. Вѣрьте искреннему уваженію и дружбѣ моей.

Вашъ искренно доброжелательный

Николай.

Паскевичу и Адлербергу мой поклонъ.

На конвертъ собственноручная надпись Императора:

Его Высокопревосходительству

Барону Ивану Ивановичу

Дибичу.

Въ собственныя руки.

Всемиловѣйшій Государь!

Вчерашняго числа имѣлъ я счастье получить Высочайшій № 15. рескриптъ отъ 27-го февраля. Примите, Всемиловѣйшій Государь, искреннѣйшую благодарность мою за содержаніе онаго и за милостивое вниманіе къ представленію о генералѣ Эмануелѣ, я увѣренъ, что Монаршее благоволеніе усугубитъ еще усердіе его.

Сердечно желаю, чтобы Ваше Императорское Величество изъ моихъ донесеній отсюда изволили усмотрѣть точное положеніе здѣшнихъ дѣлъ, я до сего времени не нахожу ничего такового, что бы могло перемѣнить мнѣніе мое, которое старался основывать на безпристрастномъ обсужденіи всѣхъ обстоя-

тельство. Какое бы ни было рѣшеніе Вашего Императорскаго Величества, то ласкаю себя надеждою, что прибытіе мое сюда могло быть полезно для хода будущей кампаніи и что по крайней мѣрѣ имѣло ту существенную пользу, что оныя осужденія того или другаго начальника, которыя начали было себѣ позволять, сдѣлались гораздо скромнѣе, и я почту долгомъ употребить все стараніе предупредить впредь подобное. Хотя я надѣюсь, что движеніе къ Тавризу исполнится еще лѣтомъ, но весьма и съ моей стороны согласенъ, что предполагаемое Вашимъ Величествомъ занятіе, укрѣпленіе и удержаніе Инзилиса *) можетъ имѣть важнѣйшую пользу. Ваше Величество изволили видѣть изъ предположеній генерала Ермолова подобное его предположеніе и я оное, равно какъ движеніе со стороны Ардебилля, дабы приблизиться къ Каспійскому морю, нахожу весьма заслуживающимъ вниманія, не могу только согласиться на большіе интервалы въ дѣйствіяхъ. Если персіане послѣ взятія Тавриза не заключать миръ, то занятіе и укрѣпленіе Инзилиса **) можетъ дѣлаться тѣмъ еще выгоднѣе, когда вмѣстѣ съ онымъ и вѣроятіемъ можно считать на покореніе какъ временнаго Зиленскаго ханства, но даже и безъ сей надежды можно будетъ употребить на сіе съ пользою часть бригады генераль-маіора Краббе, когда успѣхи главныхъ нашихъ силъ совершенно обезпечать Ширванъ и Дагестанъ.

Отвѣтъ графа Аракчеева удивилъ меня, ибо я полагалъ, что онъ принесетъ по крайней мѣрѣ чистосердечное признаніе Вашему Величеству, если самолюбіе ему не позволитъ быть откровеннымъ со мною.

Генераль Паскевичъ и флигель-адъютантъ Адлербергъ при-

*) Энзели.

**) Тоже. Такъ и теперь называютъ городъ Энзели кавказскіе простолюдины, пришедше изъ Россіи

носятъ Вашему Величеству глубочайшую благодарность за милостивое вспоминаніе.

Въ послѣднемъ нашелъ я истиннаго помощника, совершенно мнѣ по сердцу, и радуюсь, что сей случай насъ короче познакомитъ.

Съ вѣрноподданнѣйшею преданностію имѣю счастье пребывать

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданнѣйшій Иванъ Дибичъ.

16-го марта 1827 г.
Тифлисъ.

Копія съ отзыва командира Кавказскаго отдѣльнаго корпуса № 16. Начальнику главнаго штаба Его Императорскаго Величества господину генераль-адъютанту и кавалеру барону Дибичу, отъ 9 марта 1827 года за № 12.

Вашему высокопревосходительству угодно было предложить мнѣ, чтобы я объяснилъ мнѣніе мое насчетъ дѣйствій войскъ нашихъ за Араксомъ и, если бы взятіемъ Тавриза не былъ положенъ конецъ войнѣ, о дальнѣйшихъ за тѣмъ предпріятіяхъ.

Изъ собранныхъ свѣдѣній ваше высокопревосходительство удостовѣриться изволили, что позднее появленіе подножнаго корма, особенно въ возвышенныхъ мѣстахъ смежныхъ съ Персіею, не допустить перейти границу главными силами прежде какъ въ концѣ апрѣля мѣсяца.

Не смотря на сіе, до наступленія жаровъ удобно весьма занять Нахчевань. Тамъ присоединившаяся часть войскъ изъ Карабага (если непріятель со стороны сей не употребитъ большихъ усилій) поставитъ передовыя войска наши отъ главнаго отряда въ твердое положеніе до того времени какъ прочія силы присоединятся могутъ. Нѣтъ сомнѣнія, что сардаръ Эриванскій, которому конечно даны будутъ подкрѣпленія,

снабдивъ гарнизонами крѣпости Эривань и Сардарь-Абатъ, будетъ еще имѣть достаточныя силы, чтобы беспокоить отрядъ нашъ, подъ Эриваномъ расположенный, паче же многочисленными толпами своей конницы быть весьма опаснымъ для транспортовъ нашихъ, въ большомъ количествѣ провождаемыхъ, отъ чего необходимо движеніе ихъ подвергнется медленности и войска едва ли будутъ имѣть всѣ нужные запасы, дабы тотчасъ или, лучше сказать, почти не останавливаясь могли предпринять наступленіе за Араксъ къ Тавризу.

Для удержанія сардаря надобно будетъ необходимо оставить часть войскъ кромѣ тѣхъ, кои будутъ или наблюдать Эривань или осаждать оный. Не трудно будетъ прогнать сардаря за Араксъ, но столько же легко будетъ онъ опять возвращаться. Твердое положеніе за Араксомъ дастъ ему убѣжище отъ небольшихъ силъ его преслѣдующихъ; изъ Хои и другихъ мѣстъ Адербижана будетъ онъ имѣть безпрепятственное продовольствіе. Большой части его конницы нельзя будетъ помѣшать дѣйствовать у насъ въ тылу.

Приобрѣтеніе Эриванской области разрѣшило бы всѣ затрудненія и войскъ оставляемыхъ при оной достаточно было бы владѣть провинціею и обезпечить сообщеніе. Но по трудностямъ и неудобствамъ въ доставленіи необходимыхъ для осады припасовъ, свозимыхъ изъ отдаленныхъ мѣстъ, осада не можетъ быть начата въ скоромъ времени.

Итакъ предлежитъ вопросъ: идти ли за Араксъ до занятія осады и непременно въ знойное время, ибо до того конечно не успѣютъ прибыть къ войскамъ достаточные запасы продовольствія, котораго не будетъ за Араксомъ до новаго урожая. Или идти въ половинѣ сентября, когда всѣ нужные запасы будутъ приготовлены и прекратившійся зной дастъ удобность дѣйствовать быстро и рѣшительно. Эривань въ то

время, можетъ быть, достанется во власть нашу или по крайнѣй мѣрѣ осада не допуститъ продлить сопротивленіе онаго.

Въ семъ послѣднемъ предположеніи соблюдена будетъ вся строгая осторожность и потому успѣхъ менѣе подверженъ будетъ сомнѣнію. Продолженіе же движенія не останавливаясь въ Эриванской области можетъ быть приличнымъ въ томъ только случаѣ, если бы въ Азербиджанѣ обнаружались неповиновеніе Аббасъ-мирзѣ, возмущеніе въ нѣкоторыхъ провинціяхъ и готовность способствовать намъ средствами продовольствія.

Вѣроятно, что въ Эриванской области не рѣшится непріятель дать сраженія всѣми силами, ибо въ случаѣ потери онаго, въ тылу Араксъ можетъ быть причиною большихъ бѣдствій и тогда Азербиджанъ, гдѣ много недовольныхъ, не будетъ спокойнымъ свидѣтелемъ происшествій и неминуемо послѣдуетъ возмущеніе во многихъ мѣстахъ.

Итакъ правдоподобнѣе, что непріятель всѣми силами противостанетъ между Тавризомъ и Араксомъ, гдѣ надобно будетъ атаковать его.

Овладѣніе Тавризомъ необходимо и сколько можно скоро, и хотя можно думать, что непріятель предложитъ о мирѣ, можетъ однакоже быть, что онъ того и не сдѣлаетъ. Тогда надобно будетъ ожидать мира или отъ внутреннихъ возмущеній или внести войну далѣе во внутренность Персія.

Въ такомъ случаѣ, по мнѣнію моему, дабы произвести внутреннія безпокойствія, надлежитъ остановиться въ Азербиджанѣ. Уничтоживъ въ Тавризѣ всѣ европейскія заведенія и укрѣпленіе, оставитъ городъ, который въ общемъ мнѣніи теряетъ всю свою важность, а войска расположитъ въ Марандѣ, Хоѣ и окрестностяхъ. Марага, отстоя отъ Тавриза на сто верстъ въ сторону, къ занятію не удобна. Въ семъ распо-

ложеніи надлежитъ провести зиму и сдѣлать всѣ приуготовленія къ новой кампаніи.

Кампанію, думаю я, надлежитъ начать слѣдующимъ образомъ:

Оставить совершенно Азербиджанъ, ограничиться занятіемъ Эриванской области по Араксъ силами, впрочемъ, достаточными, учредивъ нѣсколько укрѣпленныхъ постовъ, дабы между ними могли съ удобностію двигаться войска, ибо непріятель безъ сомнѣнія будетъ дѣлать вторженія, дабы наносить разореніе жителямъ. Въ укрѣпленныхъ мѣстахъ при войскахъ нашихъ употребить армянъ, которыхъ всѣхъ вообще вооружить. Укрѣпленія утверждать жителей въ понятіи прочнаго занятія нами Эриванской области, особенно если уже крѣпость будетъ во власти нашей. По устройеніи сего перенести дѣйствія на нижній Араксъ въ Карабагскую провинцію. Операціонная линія наша должна имѣть направленіе чрезъ Мешкинскую округъ, городъ Ардебиль, не большую область Халхаль, Зенганъ и далѣе. Сямъ путемъ обойдены будутъ безводныя мѣста между Зенганомъ и рѣкою Кизиль-Озень, никакого подножнаго корма не производяція и потому мало весьма населенныя. Отъ Аракса до Ардебиля устроить укрѣпленные посты и между сямъ городомъ и мѣстечкомъ Ларъ имѣть легкій отрядъ войскъ для прикрытія операціонной линіи.

Талышинское ханство тотчасъ придетъ въ покорность, въ близкомъ разстояніи лежащая Гилянская область выйдетъ изъ послушанія персіянамъ, и сямъ воспользовавшись надобно будетъ овладѣть Инзильскимъ портомъ, лучшимъ на Каспійскомъ морѣ, гдѣ при самомъ входѣ въ оный устроить крѣпостцу, которая въ руки наши отдастъ всѣ выгоды торговли съ изобилующею богатствами Гилянью; учрежденіе сіе, въ послѣдствіи, понудитъ шаха на большія пожертвованія.

Для сей экспедиціи достаточно двухъ тысячъ человѣкъ пѣхоты и тридцати орудій крѣпостной артиллеріи для немедленнаго заложения крѣпостцы. Войска могутъ быть отправлены изъ Баки; построение транспортныхъ судовъ должно быть сдѣлано, равно какъ и всѣ прочія приготовления, заблаговременно.

При всѣхъ выгодахъ дѣйствій со стороны Мазандерана, я почитаю ихъ подверженными большимъ неудобствамъ и чрезвычайнымъ издержкамъ, ибо предпринять оныя не иначе можно какъ съ силами значительными, для переезда коихъ на берегъ, равно лошадей для артиллеріи и необходимой части конницы, для всѣхъ нужныхъ припасовъ надобно большое количество транспортовъ, которыхъ приготовить въ скорости нѣтъ возможности. Если же перевозить войска по частямъ, то сіе продолжится долгое весьма время, не можно допустить вѣрнаго во ономъ расчета, выгода внезапности потеряна будетъ и Тегеранъ достанется также опустошеннымъ какъ при дѣйствіяхъ съ сухаго пути.

При движеніи чрезъ Ардебиль и Халхаль надобно распределить дѣйствія слѣдующимъ образомъ: выступить изъ Карабага раннею весною, въ сіе время шагсеванды и другіе кочующіе народы не имѣютъ другаго убѣжища кромѣ Муганской степи и потому придутъ тотчасъ въ покорность. Знойное время лѣта надобно остановиться въ Султаніи и окрестностяхъ, гдѣ воздухъ чрезвычайно здоровый, пастбища изобильныя. По окончаніи зноя, надобно сколько возможно быстро занять Тегеранъ. Но тамъ нельзя выжидать предложенія о мирѣ, ибо возвратный путь будетъ неудобенъ по той причинѣ, что возвышенныя мѣста около Султаніи на большое пространство покрываются глубокимъ снѣгомъ и бываютъ жестокия мятели. И такъ, если не будетъ предложенъ миръ, надобно разорить Теге-

ранъ и до зимы возвратиться въ Зенганъ, гдѣ войска могутъ имѣть отдыхъ.

Снабженіе провіантомъ и другими потребностями войскъ не иначе устроено можетъ быть какъ изъ Баки. Осенью и въ продолженіе зимы должно оно свозимо быть чрезъ Муганскую степь въ округъ Ужарлы, принадлежащій Талышинскому ханству, гдѣ надлежитъ сдѣлать укрѣпленіе и, кромѣ гарнизона въ ономъ, расположить часть войскъ для конвоеванія подвозовъ. Дорога отъ рѣки Куры до округа Ужарлы и далѣе отъ онаго до Ардебиля, съ небольшими исправленіями весьма удобна. Отъ Зенгана до Ардебиля въ протекшемъ году шахъ прошелъ съ войскомъ и пушками. Къ берегамъ Талышинскаго ханства подвозить продовольствія невозможно, ибо чрезъ горы, отдѣляющія ханство отъ Ардебиля, есть двѣ извѣстныя дороги чрезъ Зувантъ и Наминъ, но обѣ неудобныя для повозокъ. Почти нельзя сумнѣваться, что Гилянская область доставитъ значительное количество провіанта, паче же когда въ оной обнаружатся безпокойства, что непремѣнно должно случиться.

Рѣшительно заключить возможно, что шахъ персидской не допуститъ войскъ нашихъ до Тегерана, дабы не произвести всеобщаго возмущенія противъ себя и всего племени Каджаровъ, и поспѣшитъ предложить выгодный миръ. Конечно, не затруднится шахъ уступить Эриванскую область, но развѣ одна собственно лицу его грозящая опасность понудитъ его уплатить издержки войны и нанесенныя намъ въ доходахъ потери.

Съ нашей стороны не должно быть дѣлаемо никакихъ предложеній о мирѣ или перемиріи, ибо окружающіе шаха обольстятъ его мыслию, что должны быть обстоятельства насъ къ тому понуждающія и таковымъ образомъ можетъ сіе истолковано быть легковѣрному народу, который легко обманывать возможно.

Молчаніе наше заставитъ шаха сдѣлать предложеніе, но предварительно надобно знать на сей предметъ точную волю Его Императорскаго Величества.

Изложивъ мнѣніе мое на нѣкоторыхъ свѣдѣніяхъ о землѣ и народахъ основанное, долженъ я заключить тѣмъ, что дѣйствія отъ границъ нашихъ весьма отдаленныя, въ странѣ представляющей чрезвычайно мало средствъ, должны быть обеспечены собственными способами и что сложность таковой операціи требуетъ, паче при некомплектѣ корпуса, усиленія онаго пѣхотною дивизіею и нѣсколькими полками казаковъ.

Генераль отъ инфантеріи Ермоловъ.

Приложеніе ко всеподданнѣйшему письму отъ 10-го марта 1827 г. № 17.

1) Всѣ собранныя мною свѣдѣнія насчетъ здѣшняго края и того, который долженствуетъ быть театромъ войны, не подають надежды, чтобы въ оныхъ можно было найти подножный кормъ ранѣе половины апрѣля, почему и не полагаю возможнымъ открыть кампанію прежде какъ въ концѣ того мѣсяца. Дабы обезпечить безостановочное слѣдованіе провіантскихъ и прочихъ транспортовъ и тѣмъ предупредить остановку въ началѣ дѣйствій, будутъ взяты здѣсь по возможности всѣ мѣры для благонадежнаго устройства фуражнаго продовольствія на пути, до сборныхъ пунктовъ войскъ.

2) Не смотря на сіе медлительное преслѣваніе подножного корма, принуждающее къ позднему открытію весенней кампаніи, я совершенно увѣренъ, что можно будетъ достигнуть цѣль оной, т. е. занять все пространство до Аракса. Взятіе же Тавриза (въ томъ предположеніи, что можно будетъ перейти черезъ Араксъ въ концѣ мая мѣсяца) будетъ завистъ наиболѣе отъ способовъ продовольствія и отъ дѣйствій не-

пріятельской кавалеріи, которая, появленіями въ тылу арміи, можетъ останавливать слѣдованіе припасовъ къ оной подвозимыхъ и тѣмъ самымъ замедлить и движеніе войскъ.

3) Насчетъ жаровъ въ Персіи, имѣлъ я разговоръ съ здѣшнимъ епископомъ армянскимъ, жившимъ долгое время въ Эривани и Тавризѣ; по словамъ его, зной въ тѣхъ странахъ бываетъ хотя сильный, однако стѣпимый и не таковъ, чтобы можно было опасаться причиненія вредныхъ заразительныхъ болѣзней. Основываясь на семъ, я мыслю, что переходъ чрезъ Араксъ въ концѣ мая и быстрое потомъ движеніе на Тавризъ возможны, ежели удастся имѣть достаточные способы къ переправѣ и подвезти достаточный подвижной магазейнъ. Наступленіе къ Тавризу и овладѣніе симъ городомъ, по мнѣнію моему, не представляютъ важныхъ затрудненій.

4) Послѣ овладѣнія Тавризомъ, я полагаю, что надобно будетъ прекратить дальнѣйшее дѣйствіе до осени, и тогда же предложить персіянамъ миръ, на предначертанномъ основаніи, и даже перемиріе до 15-го сентября. Сямъ временемъ можно бы было воспользоваться для устройства большихъ магазейновъ въ Нахичеванѣ, Агарѣ, Марандѣ и Тавризѣ; расположить войска на лѣтнія квартиры для отдохновенія и управленія во всѣхъ отношеніяхъ; а въ случаѣ, что не принято будетъ перемиріе, легкіе отряды, вторгаясь между тѣмъ въ ханства Хой и Ардебиль, покорили бы сіи области и утвердили бы совершенно нашъ тылъ и фланги. Исполненіемъ сего предположенія приготовился бы и основался совершенный успѣхъ послѣдующихъ дѣйствій, еслибъ персіяне и не захотѣли согласиться на миръ, чего, однако, ожидать нельзя.

5) Если, напротивъ того, послѣ занятія до Аракса, недостатковъ въ способахъ для переправы и въ продовольствіи или чрезвычайный зной принудятъ остановиться на жаркое

время, тогда надобно будетъ воспользоваться онымъ временемъ, чтобы устроить всѣ способы къ переправѣ и большіе двухмѣсячныя магазейны въ Нахичеванѣ и Ахугланѣ, долженствующіе обезпечить движеніе на Тавризь. Тѣмъ временемъ бригада, расположенная въ Дагестанѣ, смѣненная войсками изъ Кавказской области, примкнетъ къ отряду лѣваго фланга; къ главнымъ же силамъ въ то же время присоединится, по всей вѣроятности, большая часть отряда производившаго осаду Эривана; ибо можно полагать, что крѣпость сія не устоитъ послѣ двухнедѣльнаго открытія траншей, а по взятіи ея нужно будетъ только оставить въ ней небольшой гарнизонъ.

6) Если нужно будетъ отложить движеніе къ Тавризу до осени, то полагаю неприличнымъ вступать въ какіе либо переговоры о перемиріи, развѣ персіяне очистятъ Эриванъ и Сардарабать (коихъ гарнизонамъ можно бы дать свободный проходъ), равномерно ханства: Талышинское, Агарское и Ардебильское.

7) Движеніе нужно начать къ 15-му сентября, въ двухъ колоннахъ, имѣя для всѣхъ войскъ двухмѣсячную пропорцію провіанта въ Ахугланѣ и въ Нахичеванѣ. Главныя силы идутъ изъ Нахичевана, прибывшіе изъ Дагестана, изъ Ахуглана чрезъ Агаръ, на Тавризь, гдѣ будутъ въ послѣднихъ дняхъ того же мѣсяца. Какъ отрядъ лѣваго фланга слабѣйшій, то марши должны быть рассчитаны такъ, чтобы онъ прибылъ къ Тавризу въ одинъ день съ главными силами, но дѣлая послѣдніе два марша форсированные.

8) По овладѣніи Тавризомъ, предложить миръ на Высочайше утвержденныхъ условіяхъ, и заключить даже перемиріе на одинъ мѣсяцъ, но съ тѣмъ, чтобы очищены были ханства: Хои, Ардебиль и Талышъ; въ случаѣ же, если персіяне на сіе не согласятся, овладѣть оными легкими отрядами, и во

всякомъ случаѣ приготовить въ Тавризѣ подвижной магазейнъ на мѣсяцъ продовольствія и таковое же количество въ Агарѣ и Марандѣ съ способами доставки.

9) Весьма вѣроятно, что въ продолженіе сего времени, т. е. при занятіи Тавриза лѣтомъ, къ 15-му сентября, а осенью къ 1-му ноября, или примутъ предложеніе о мирѣ, или откроется всеобщій бунтъ въ Персіи. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, по мнѣнію моему, правила законности намъ не позволяютъ участвовать въ ономъ; но принимая присягу на зависимость отъ хановъ занятыхъ нами провинцій, какъ-то: Хои, Агара, Ардебилля, нужно занять, посылкою небольшихъ отрядовъ, весь Азербеджіанъ, Урмію, Гилянъ, и, буде возможно, Мазандеранъ, стараясь также склонить хановъ на покореніе себя Россіи, съ тѣмъ, чтобы ханы сіи, за признаніе ихъ независимости и покровительство, подвергались заплатить дань, которая бы могла съ излишествомъ замѣнить всѣ издержки и убытки войны, и не въ слишкомъ продолжительномъ времени.

10) Ели бы, напротивъ того, противъ всякаго правдоподобія, всѣ провинціи остались спокойны и вѣрны шаху, тогда нужно рѣшиться на предпринятіе дальнѣйшаго похода.

11) Устроя оборону Грузіи и Арменіи изъ резервныхъ батальоновъ, изъ ополченій грузинскаго и армянскаго и изъ казаковъ, оставивъ въ Тавризѣ, Марагѣ и Агарѣ 20-ю дивизію съ одною бригадою уланъ въ резервѣ, которые бы заняли также озеро Урмію и переправу на Кизиль-Озанѣ, дѣйствующіе батальоны 21-й дивизіи, гренадерская бригада, 1-я бригада уланской дивизіи, Нижегородскій драгунскій полкъ, сводный гвардейскій полкъ и 6 казачьихъ полковъ, что всего составитъ:

Въ 18-ти батальонахъ.

• 18-ти эскадронахъ.

Въ 6-ти полкахъ казаковъ.

» 12-ти конныхъ	}	ротяхъ
» 24-хъ легкихъ		
» 12-ти батарейныхъ		

примерно около 12 т. человекъ рядовыхъ, кромѣ казаковъ, идутъ прямо на Тегеранъ, куда при быстромъ наступленіи и, вѣроятно, по большому сопротивленіи, могутъ прибыть въ одинъ мѣсяць.

12) Съ тѣмъ вмѣстѣ собрать въ Дербентъ или въ Баку 4 батальона 22-й пѣхотной дивизіи съ 8-ю орудіями и однимъ казачьимъ полкомъ. Тамъ же заготовить транспортныя суда съ двухмѣсячнымъ провіантомъ на 20 т. человекъ и съ артиллерійскими запасами на комплектъ всѣхъ орудій главнаго отряда. Сія войска сдѣлаютъ десантъ около Хоремабада, три недѣли спустя послѣ выступленія войскъ изъ Тавриза, и устройтъ тамъ небольшую крѣпость, въ которой оставятъ 1 батальонъ и 4 орудія, съ остальными наступаютъ съ осторожностью къ Тегерану, когда получаютъ извѣстіе, что наши силы приближаются къ оному.

13) Овладѣніе Султанією и Тегераномъ (гдѣ хранятся всѣ сокровища шаха) и вѣрное сообщеніе съ Каспійскимъ моремъ обѣщаютъ намъ миръ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ; или же, въ случаѣ непредвидимомъ, когда бы столь рѣшительные успѣхи не довели персіянъ до заключенія мира или до всеобщаго бунта противъ шаха, при которомъ оставалось бы признать независимость покоряющихся намъ, съ должнымъ вознагражденіемъ потребовало бы усиленіе войскъ рекрутскимъ наборомъ, которымъ бы въ веснѣ 1828 года вся Персія непремѣнно покорена была російскому оружію, чего, однакоже, по мнѣнію моему, ни ожидать, ни желать не должно.

Генераль-адъютантъ Дявичъ.

Милостивый государь,
графъ Петръ Александровичъ!

№ 18. Я имѣлъ счастье доносить Государю Императору о необходимости по здѣшнему климату сдѣлать нѣкоторую перемѣну въ лѣтней и зимней одеждѣ нижнихъ чиновъ, и что я неумедлю особенно о томъ представить по учиненіи надлежащаго соображенія и по изготовленіи образцовъ лейбъ-гвардіи въ Сводномъ полку.

Соображая здѣшній климатъ и всѣ удобства и неудобства въ одеждѣ нижнихъ чиновъ, я удостовѣрился, что кивера для войскъ въ Грузіи находящихся можно бы вовсе отмѣнить; кои во время чрезвычайныхъ жаровъ и зимою, когда бываютъ сильныя вьюги, оставляются здѣсь безъ употребленія и солдаты носятъ одни фуражки; почему я полагалъ бы установить для нихъ шапки такія, кои, не отнимая приличнаго солдату вида и защищая отъ зноя и холода, въ то же время замѣняли бы киверъ и фуражку.

Основываясь на такомъ соображеніи я приказалъ сдѣлать въ Сводномъ гвардейскомъ полку двѣ образцовыя шапки, и полковникъ Шиповъ таковыя нынѣ ко мнѣ доставилъ вмѣстѣ съ запискою, въ какую цѣну обойдутся сіи шапки.

Отправляя оныя съ симъ же фельдъегеремъ, прошу покорнѣйше вашего сіятельства доложить Государю Императору, не благоугодно ли будетъ повелѣть, вмѣсто киверовъ ввести для войскъ въ Грузіи находящихся шапки по одному какому либо изъ представляемыхъ двухъ образцовъ, или по другому симъ подобному, построеніе коихъ, по мнѣнію моему, еще дешевле можетъ обойтись, когда матеріалы для нихъ приказано будетъ заготовлять комиссаріату и отпущать полкамъ вмѣстѣ съ

прочими вещами. Срокъ же симъ шапкамъ полагають опредѣ-
лять два года.

При томъ весьма бы полезно было имѣть нижнимъ чинамъ такъ называемые башлыки, кои вообще здѣсь употребительны и служатъ большимъ средствомъ къ сохраненію здоровья, защищая затылокъ отъ зноя и вѣтру. Таковыхъ башлыковъ посылаю съ симъ же фельдъегеремъ два образца, изъ коихъ одинъ малый, защищающій только затылокъ и шею, и обходящійся въ 60 к., а другой большой, коимъ защищается не только затылокъ и шея, но и плеча и стоящій 1 р. 44 к., но я считаю достаточнымъ ввести для войскъ малый башлыкъ, ибо не полагаю нужнымъ закрывать онымъ плеча.

Сверхъ того, полагаю также полезнымъ дать здѣсь нижнимъ чинамъ камзолы изъ бѣлаго сукна, каковыя употребляются войсками въ Царствѣ Польскомъ, и носить таковыя на подобіе польскихъ войскъ лѣтомъ вмѣсто мундировъ; ибо бѣлый цвѣтъ по свойству своему преимущественно защищаетъ отъ зноя, на каковой конецъ полагаются и чехлы на шапки изъ бѣлаго полотна. Издержки же для сихъ камзоловъ потребныя можно бы замѣнить тѣмъ, чтобы прибавить одинъ годъ сроку мундирамъ, опредѣливъ сіи вмѣсто двухъ, на три года.

О сихъ двухъ предметахъ, то-есть о башлыкахъ и камзолахъ, прошу покорнѣйше вашего сіятельства доложить равномерно Его Императорскому Величеству на Высочайшее благосозволеніе.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

вашего сіятельства

покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Дибичъ.

№ 46.

11-го марта 1827 года

Тифлисъ.

Его Сіят—ву Графу П. А. Толстому.

№ 19. Послѣ послѣдняго донесенія моего Вашему Императорскому Величеству здѣсь важнаго ничего не происходило. Продолжавшееся холодное время и бывшіе даже легкіе морозы покрыли вновь горы Безобдала и Башабарана снѣгомъ и о подножномъ кормѣ никакого нѣтъ еще признака. Въ Ширванѣ таковой уже достаточно показывается, и въ послѣднихъ донесеніяхъ изъ Карабага упоминается такъ же, что и тамъ начинается являться трава.

По сему уже и дано повелѣніе войскамъ, составляющимъ отрядъ генераль-лейтенанта князя Мадатова, собраться къ 5-му числу апрѣля къ Ахуглану; самъ князь Мадатовъ отправился вчерашняго числа въ Карабагъ.

Равномѣрно надѣмся, что возможно будетъ собрать главный авангардъ подъ командою генераль-адъютанта Бенкендорфа къ началу апрѣля къ Джелаль-Оглу (Лоры), дабы быстрымъ по возможности, нечаяннымъ наступленіемъ спасти армянскія селенія около Эривана и Эчміадзина отъ разоренія; вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ онъ стараться достать провіантъ отъ карскаго паши. Вообще надѣюсь, что въ провіантѣ недостатка не будетъ, но въ фуражѣ одна надежда на подножный кормъ.

Въ слѣдствіе сего считаю, что собравъ теперь главныя силы прежде половины апрѣля мѣсяца къ Шулаверамъ, гдѣ я полагаю сдѣлать имъ смотръ, можно будетъ прибыть къ Эривану въ концѣ апрѣля мѣсяца и къ Нахичевану въ половинѣ мая. Еслии тогда князь Мадатовъ при соединеніи съ авангардомъ обезпечить доставку провіанта изъ Ахуглана и Гаруса въ такомъ количествѣ, чтобы вмѣстѣ съ привезеннымъ отъ Эривана и найденнымъ въ землѣ имѣть мѣсячное продовольствіе, то по мнѣнію моему ничто не помѣшаетъ наступать къ Тавризу, ибо транспортъ изъ-подъ Эривана будетъ продолжаться, равномѣрно какъ и доставка запасовъ въ Нахичеванъ, и сверхъ того можно

будеть надѣяться на такую же доставку изъ Ахуглана, куда привезется хлѣбъ изъ Баку.

Изъ полученныхъ отъ генераль-маіора Краббе донесеній видно, что открывається надежда доставить часть хлѣба и фуража вверхъ по Курѣ отъ Сальяна до Сардобъ, что самое можетъ имѣть выгодное вліяніе на успѣшное продовольствіе войскъ.

Большіе снѣга въ Кавказскихъ горахъ замедлили также прибытіе генераль-интенданта Жуковского, но я теперь ожидаю его ежечасно и надѣюсь, что присутствіе его также принесетъ ощутительную пользу.

Генераль Ермоловъ не далъ мнѣ еще до сего времени никакого объясненія на записки мои по гражданской части, но понинѣ не могу перемѣнить прежняго мнѣнія, что упущенія есть довольно значительныя, но что доносы о злодѣйствахъ и преступленіяхъ, основанные только на слухахъ, ничѣмъ не доказанныя, и весьма часто даже по совершенному недостатку, при чемъ къ злодѣйскому поступку невѣроятныя, никакой вѣры не заслуживаютъ.

Начальникъ корпуснаго штаба генераль-маіоръ Вельяминовъ вступилъ въ исправленіе должности. Онъ человекъ съ познаніями и здравыми военными мыслями, но кажется, по весьма холодному характеру и систематическому образу сужденій, болѣе склоненъ къ вѣрнымъ, нежели къ блистательнымъ дѣйствіямъ. Сіе качество было бы полезнѣйшимъ при главномъ начальникѣ весьма предприимчивомъ, въ нынѣшнемъ же положеніи дѣль оно можетъ быть менѣе выгодно. Введенный на него поступокъ, причинившій будто смерть казачьяго офицера, здѣсь никѣмъ не подтверждается; я о семъ снесусь съ атаманомъ Донскимъ, ибо полагаю, что въ случаѣ выдумки можно подвергнуть выдумщиковъ строжайшему взысканію особливо

въ краю, гдѣ по несчастію нахожу величайшую склонность къ выдумкамъ, укоризнамъ и клеветамъ, самымъ злодѣйскимъ.

Флигель-адъютантъ баронъ Фредриксъ возвратился изъ Баку и представилъ слѣдственное дѣло; по разсмотрѣніи онаго, я буду имѣть счастье представить объ ономъ Вашему Императорскому Величеству.

Насчетъ здѣшнихъ дѣлъ все имъ мнѣ сказанное подтверждаетъ совершенно прежнее мое мнѣніе.

Генераль-адъютантъ Дибичъ.

16 марта 1827 года
Тифлисъ.

Всемиловѣйшій Государь!

№ 20. Холодная погода и выпавшій во всѣхъ возвышенныхъ мѣстахъ въ большомъ количествѣ снѣгъ отняли по несчастію вновь надежду на скорое появленіе подножнаго корма.

Не менѣе того будемъ стараться не отлагать наступленіе авангарда генераль-адъютанта Бенкендорфа долѣ первыхъ чиселъ апрѣля и по возможности начать главное движеніе войскъ по прежнему предположенію.

Извѣстія изъ Персіи весьма различны, но самое время года не позволяетъ еще неприятелю дѣлать какіе либо значительные сборы войскъ.

Сборъ отряда генераль-лейтенанта князя Мадатова обезпечить лѣвый флангъ со стороны Карабага и полноводіе въ Курѣ и Араксѣ, по всей вѣроятности, помѣшаетъ всякому не много значительному движенію неприятеля ближе къ устьямъ сихъ рѣкъ, гдѣ впрочемъ генераль-маіоръ Краббе прикрываетъ Дагестанъ цѣлою бригадою. Не менѣе того я въ полной мѣрѣ чувствую необходимость дѣйствовать отсюда съ первою воз-

возможностью; но безъ подножнаго корма ни въ какое время года нельзя считать на необходимый подвозъ подвижныхъ магазиновъ, что самое, по моему мнѣнію, всегда чрезвычайно затруднить здѣсь военныя дѣйствія, начиная отъ половины декабря до конца апрѣля; ибо горныя хребты, пресѣкающіе дороги по разнымъ направленіямъ, покрыты снѣгомъ тогда, какъ въ долинѣ трава осенняя и весенняя въ изобиліи. Я сіе считаю даже затрудненіемъ гораздо болѣе дѣйствительнымъ, нежели лѣтнія жары, которыя можно хотя нѣсколько избѣжать малыми и ночными переходами, а недостатокъ въ кормѣ зимою, особливо для подвозовъ, ничѣмъ замѣнить невозможно.

Извѣстіе о прокламаціяхъ Аббаса-мирзы къ народамъ Дагестана и береговъ Сунджи не будетъ имѣть никакого дѣйствія, когда мы двинемся къ Араксу; впрочемъ содержаніе оныхъ подлежить еще большому сомнѣнію.

Съ нѣкотораго времени начинаютъ армяне изъ Эривана подсылать своихъ съ изъявленіемъ желанія, чтобы мы не наступали на Эриванъ, но преимущественно заняли бы Нахичеванъ, подъ опасеніемъ, что, въ противномъ случаѣ, персіяне будутъ ихъ угонять. Генераль Ермоловъ и армянскій епископъ полагаютъ, что подобныя извѣстія даются принужденно по внушенію эриванскаго сардаря, который вмѣстѣ съ тѣмъ старается симъ способомъ узнать навѣрно о намѣреніяхъ нашихъ; по сему и даются армянамъ обѣщанія, изъ коихъ не можно узнать о точныхъ предположеніяхъ нашихъ.

Всѣ извѣстія о войскахъ, въ Эриванѣ и Сардарабадѣ находящихся, не показываютъ большихъ мѣръ къ сопротивленію, ибо оныхъ полагаютъ въ первомъ мѣстѣ до 3.000 человекъ самаго дурнаго состава, а въ другомъ только 500 кромѣ армянъ; но увѣряютъ, что собрано чрезвычайно много припасовъ. Движеніе генераль-адъютанта Бенкендорфа дастъ намъ

о семь вѣрнѣйшее понятіе, ибо я здѣсь по несчастію привыкъ видѣть, что со всѣхъ сторонъ стараются представлять вещи, какъ всякому лучше разсудится.

Я узналъ, что здѣсь на нѣкоторыхъ офицерскихъ обѣдахъ были званы Оржицкій, Пуцинъ и Коновницынъ. Первый уже отправленъ въ полкъ, и мною дано насчетъ его полковнику Раевскому должное наставленіе. Послѣдніе два находятся, по просьбѣ подполковника Еврейнова, въ 8-мъ Піонерномъ батальонѣ, гдѣ служба ихъ точно можетъ быть полезна; однако я господину подполковнику Еврейнову со всею строгостію замѣтилъ, что сія польза ни мало не должна выводить ихъ изъ состоянія, въ которомъ они единственно милостію Вашего Величества поставлены для того, чтобы кровью могли заслужить Монаршее снисхожденіе. Я равномѣрно не счелъ приличнымъ назначить поручика Депрерадовича адъютантомъ къ генераль-адъютанту Бенкендорфу, ибо полагаю, что таковое назначеніе могло бы вести къ подобнымъ же представленіямъ.

О участвовавшихъ въ означенныхъ обѣдахъ, кои впрочемъ, по собраннымъ до сего времени свѣдѣніямъ, не имѣли ни малѣйшей неопозволительной цѣли, я узнаю подробнѣе и донесу Вашему Императорскому Величеству.

Въ разговорѣ съ генераломъ Ермоловымъ о семь предметѣ, и по совершенному согласію на принятія мѣры, коснулась рѣчь до разныхъ толковъ о подобныхъ предметахъ. Онъ, какъ я увѣренъ, съ полною откровенностію жаловался на несчастіе свое, что нѣкоторыя ошибки молодыхъ его лѣтъ, никогда противъ правительства, но противъ начальниковъ кои ему казались несправедливыми, а болѣе всего, какъ онъ полагаетъ, врожденное ему снисходительное обращеніе, особливо съ молодыми людьми, въ коихъ онъ замѣчаетъ особенныя дарованія, вели къ оскорбительному заключенію, что онъ можетъ быть

причастенъ подобнымъ мыслямъ; что ему кажется, что званіе и лѣта его должны бы защитить его отъ подозрѣній такого рода, и что насчетъ своего обхожденія съ подчиненными, если оно и даетъ поводъ къ нѣкоторымъ упрекамъ справедливымъ въ строгомъ смыслѣ службы, онъ считаетъ себя оправданіемъ то, что ни одинъ изъ его окружающихъ въ столь отдаленномъ краю и даже ни одинъ изъ его корпуса не былъ замѣшанъ въ гнусныхъ замыслахъ, ибо Якубовичъ, бывъ уговоренъ Волконскимъ, въ то же время удалился изъ корпуса, а Кухельбеккера онъ же самъ, по весьма короткомъ здѣсь пребываніи, выслалъ, отрекомендовавъ его князю Волконскому, какъ вольнодумца и весьма порочнаго молодаго человѣка. Я не осмѣливаюсь затруднить Ваше Императорское Величество содержаніемъ всего нашего разговора, но долженъ сознаться, что въ ономъ (какъ и прежде, и во все время моего здѣсь пребыванія) я могъ удостовѣриться болѣе, что обвиненіе генерала Ермолова, въ семь отношеніи, есть совершенно неосновательное и имѣло причиною наиболѣе время служенія его въ гвардіи и начальникомъ главнаго штаба въ продолженіи прошедшей войны; но Вашему Величеству извѣстно, что тогда много было подобно виновныхъ.

По болѣзненному состоянію генераль-маіора Вельяминава, которое ему не позволяетъ съ полною дѣятельностью заниматься должностію своею, я совѣтовалъ генералу Ермолову назначить ему въ помощники полковника Муравьева, командира 7-го карабинернаго полка, служившаго прежде въ свитѣ по квартирмейстерской части и отличившагося усердною службою, скромностію и познаніями. Если выборъ сей, какъ до сего времени мнѣ кажется, оправдается, то я представлю о семъ на Высочайшее утвержденіе, ибо здоровье генераль-маіора Вельяминава слабо, но лишиться его вовсе—было бы жаль, такъ какъ онъ человѣкъ съ отличными познаніями и

имѣть весьма хорошую репутацію насчетъ хладнокровія и распорядительности въ сраженіи.

При семъ имѣю счастье приложить для свѣдѣнія Вашего Величества извѣстія о Персіи, доставленныя квартирмейстерской части штабсъ-капитаномъ Скалономъ, который былъ посланъ въ Джелель-Оглу для осмотра дорогъ.

Съ вѣрнопоподанническою преданностью имѣю счастье пребыть,

Всемилоствѣйшій Государь,

Вашего Императорскаго Величества

вѣрнопоподанный Иванъ Дибичъ.

19-го марта 1827.

Тифлисъ.

№ 21,а.

Военно-ученый арх., отд. II, № 4442, л. 155.

Копія съ предписанія, даннаго отъ господина генерала отъ инфантеріи Ермолова къ господину генераль-адъютанту Бенкендорфу отъ 27-го марта 1827 г. № 87.

Поручая вашему превосходительству начальство надъ особымъ отрядомъ, состоящимъ изъ 6-ти баталіоновъ пѣхоты, 12-ти легкихъ орудій и 2-хъ полковъ казачьихъ, предлагаю вступить въ командованіе онымъ и дѣйствовать въ силу особеннаго секретнаго моего повелѣнія, которое вслѣдъ за симъ получите.

Въ составъ сего отряда входятъ слѣдующія войска:

Два баталіона Грузинскаго гренадерскаго полка, коими командуетъ флигель-адъютантъ полковникъ баронъ Фридериксъ.

Два баталіона Ширванскаго пѣхотнаго полка подъ командою полковника Ковалева.

Одинъ баталіонъ 7-го Карабинернаго полка подъ командою маіора Хомутскаго.

Симъ полкамъ предписано прибыть 30-го марта къ деревнѣ Шулаверамъ, гдѣ расположиться по распоряженію вашего превосходительства лагеремъ и, имѣя 31-го растахъ, продолжаютъ 1-го апрѣля движеніе къ Джелаль-Оглу. Въ семь послѣднемъ мѣстѣ соединяются они 3-го апрѣля съ однимъ баталіономъ Тифлисскаго пѣхотнаго полка подъ командою командира опаго полковника князя Севарсемидзева, съ легкою ротою № 3-й Кавказской гренадерской артиллерійской бригады, подъ командою подполковника Аристова, и съ казачьими полками полковника Карпова 2-го и подполковника Андреева 1-го.

Во время растаха 4-го апрѣля войска должны пополнить изъ Лорійскаго магазейна десятидневный провіантъ непременно; а 5-го апрѣля продолжаютъ движеніе, по распоряженію вашего превосходительства, сходно съ секретнымъ моимъ наставленіемъ.

Для исправленія должности начальника штаба при ввѣренномъ вамъ отрядѣ назначается Свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части полковникъ Гурко. О прочихъ офицерахъ квартирмейстерской части и другихъ, въ штабъ отряда вашего поступающихъ, сдѣлайте нужное сношеніе съ начальникомъ корпуснаго штаба.

Съ подлиннымъ вѣрно: полковникъ Муравьевъ.

Военно-ученый арх., отд. II, № 4442, лл. 156—159.

№ 21,6.

Копія съ *секретнаго* предписанія, даннаго г. генераломъ отъ инфантеріи Ермоловымъ г. генераль-адъютанту Бенкендорфу отъ 27-го марта 1827 г. № 88.

Продолжавшаяся до сего времени сухая погода и совершенный недостатокъ подножнаго корма принуждаютъ еще на

нѣкоторое время отложить движеніе главныхъ силъ нашихъ къ сторонѣ Эривана. Сіе промедленіе могло бы служить непріятелю какъ къ усиленію гарнизоновъ и оборонительныхъ средствъ въ крѣпостяхъ Эривана и Сардар-абада, такъ и къ уничтоженію остатковъ запасовъ въ окружностяхъ сихъ крѣпостей и даже къ самому угону жителей, дабы тѣмъ затруднять дѣйствія наши.

Дабы сколько возможно воспрепятствовать сему, равно для предварительнаго приуготовленія главнаго для насъ этапнаго пункта въ армянскомъ монастырѣ Эчьмядзинѣ, предположено отпрavitить туда предварительно сильный отрядъ, составленный наиболѣе изъ пѣхоты, по причинѣ затрудненій, кои могутъ встрѣтяться при переходѣ черезъ горы Безобдалъ и Башабаранъ и по совершенному недостатку въ травѣ.

Сей отрядъ ввѣряется начальству вашего превосходительства. Составъ онаго, время и мѣста сбора извѣстны вамъ изъ предписанія моего за № 87.

По извѣстнымъ усердію и благоразумію вашего превосходительства, я навѣрно ожидаю преодоленія затрудненій и достиженія вышеупомянутой главной цѣли всѣми тѣми мѣрами, которыми обстоятельства, самая природа, положеніе и дѣйствіе непріятеля могутъ сдѣлать нужными. Для руководства же вашего предлагаю слѣдующее:

1) Грузинскому гренадерскому и Ширванскому пѣхотному полкамъ въ Шулаверахъ пополнить издержанный ими въ пути провіантъ и потомъ по сборѣ въ Джелаль-Оглу, пополнивъ на растахѣ 10-ти дневный запасъ провіанта и взявъ сухаго фуража, сколько имѣющіеся у васъ способы позволять, перейдя Безобдалъ и по направленію прямой дороги отъ Амамлы чрезъ Башабаранъ къ Эривану наступать быстро къ Эчьмядзину и овладѣть онымъ.

2) По занятіи Эчъмядзина, мѣстныхъ обстоятельствъ, коихъ здѣсь предвидѣть нельзя, должны рѣшить направленіе ваше на Эривань, или на Сардарабадъ, оставляя въ Эчъмядинѣ достаточный гарнизонъ, примѣрно 1 баталіонъ пѣхоты и 4 орудія.

3) Если по свѣдѣніямъ, которыя получите въ Эчъмядинѣ, должно опасаться угону жителей изъ окрестностей Эривана, а предвидится возможность помѣшать сему, или если ожидается подкрѣпленіе гарнизона эриванскаго войсками или припасами, и можно надѣяться встрѣтить таковыя, то въ томъ и другомъ случаѣ наступать къ Эривану для исполненія того или другаго предмета.

4) Послѣ сего употребивъ необходимое время на успокоеніе по возможности жителей и стараясь собрать сколько можно болѣе провіанта, фуража и способовъ къ перевозкѣ въ Эчъмядинъ, придти быстро и сколь возможно нечаянно къ Сардарабаду и сдѣлать сильную рекогносцировку сей крѣпости, но отнюдь не сдѣлать настоящаго на оную нападенія, если по обстоятельствамъ нельзя быть совершенно увѣрену въ вѣрности успѣха.

5) Когда не предвидится вѣрнаго успѣха противъ Сардарабада даже нѣскольконедельнымъ обхожденіемъ и дѣйствіемъ артиллеріи, то, не приступая къ таковому тотчасъ послѣ рекогносцировки, воротиться въ окрестности Эривана и движеніемъ отряда, наиболѣе между рѣками: Абараномъ, Гарничаемъ и Араксомъ, не удаляясь болѣе 2-хъ маршей отъ Эчъмядзина, исполнить главную цѣль отряда: спасеніе жителей и селеній окрестностей Эривана и сборъ всевозможнаго количества провіанта, фуража и способовъ перевозки въ Эчъмядинъ.

6) Если бы удалось взять Сардарабадъ, то по занятіи онаго достаточнымъ гарнизономъ, на что потребуется менѣе баталіона, поступать по сказанному въ 5 пунктѣ.

7) Если съ первоначальнымъ прибытіемъ къ Эчмядзину не предвидится особенныхъ выгодъ отъ наступленія къ сторонѣ Эривана, то начать дѣйствіе со стороны Сардарабада и исполнить сходно съ сказаннымъ въ пунктахъ 4, 5 и 6.

8) Командиру гарнизона эчмядзинскаго прикажете по возможности усилить оборонительныя средства сего монастыря и сдѣлать всевозможныя приуготовленія для предварительнаго устройства въ ономъ госпиталѣ на 500 человекъ и для склада запасовъ артиллерійскихъ и провіантскихъ. Сбираемый вами хлѣбъ постарайтесь перемолоть въ муку; почему и стараться возстановить всѣ мельницы, буде онѣ разорены непріателемъ. Фуража собрать по возможности болѣе, равно какъ арбы или другіе способы къ перевозкѣ.

Всѣ подобныя сборы сдѣлать реквизиціею, платя жителямъ за доставляемые ими по 3 руб. серебромъ за четверть пшеницы, по 2 руб. 40 коп. за четверть ячменя и по 15 коп. за пудъ сѣна или самана, за арбу по 7, за вола по 10 руб., а погонщикамъ назначить кромѣ продовольствія по 3 руб. сер. въ мѣсяць.

9) По всѣмъ имѣющимся свѣдѣніямъ сардаръ эриванскій не намѣревается оставаться въ оной крѣпости и вѣроятно будетъ стараться беспокоить ввѣренный вамъ отрядъ. Я увѣренъ, что вы разобьете его, буде бы осмѣлился вступить въ общее сраженіе. Противъ частныхъ же нападеній требуется осторожность всѣхъ начальниковъ и быстротою движенія можно иногда наказывать непріятеля.

10) Удаленіе значительныхъ силъ персіанъ не позволяетъ думать, чтобы Аббасъ-мирза могъ подкрѣпить сардаря эриванскаго прежде прибытія главныхъ силъ нашихъ. Но если бы сіе сдѣлано было частью, то я увѣренъ, что ввѣренный вамъ

отрядъ довольно силенъ, дабы въ окружности Эчьмядзина вступить въ рѣшительное сраженіе.

11) Выше объяснены причины, по коимъ нельзя было придать къ ввѣренному вамъ отряду кавалеріи. Но если вы найдете, сверхъ чаянія, достаточные способы къ продовольствію оной, то ожидаю о томъ вашего донесенія, дабы ускорить приближеніе таковой.

12) По имѣющимъ свѣдѣніямъ, Карапахи, составленные изъ выбѣжавшихъ изъ Грузіи, готовы просить прощенія. Если сіе окажется справедливымъ, то уполномочиваю васъ входить о томъ въ сношеніе и удостовѣрить ихъ Всемиловѣйшимъ Государя Императора прощеніемъ всего прежде бывшаго, обѣщать имъ неприкосновенность ихъ собственности, сохраненіе прежнихъ ихъ правъ и принять ихъ по прежнему въ вѣрно-подданство Россіи. Карапахи имѣя многихъ значительныхъ старшинъ повинуются Наги-хану, который можетъ обратить ихъ въ пользу нашу. Переговоры съ нимъ надобно вести такъ осторожно, чтобы сардаръ того не замѣтилъ, и предварительно развѣдать, какіе отъ народа сего у сардаря есть аманаты; ибо по сему можно будетъ знать, до какой степени должно будетъ вѣрить обѣщаніямъ Наги-хана или оныя будутъ обманчивы.

13) Извѣстныя правила и усердіе вашего превосходительства увѣряютъ меня, что строжайшая дисциплина въ войскахъ сохранить жителей въ полномъ спокойствіи и оградить ихъ отъ всякой малѣйшей обиды, и что примѣрное наказаніе достигнетъ всякаго, какого бы званія ни былъ, который бы осмѣлился преступить приказанія, вами на сей счетъ отдаваемыхъ.

14) Прежнее сношеніе съ пашею карскимъ, о коемъ извѣстенъ подробнѣе полковникъ князь Севарсемидзевъ, даетъ надежду, что изъ онаго пашалыка по прибытіи главныхъ силъ къ Эривану, а можетъ быть и до онаго, можно достать по-

купкою провіантъ и фуражъ. Я поручаю вашему превосходительству входить о семъ съ нимъ въ предварительное сношеніе. Равномѣрно постарайтесь удостовѣриться о возможности достать изъ Карса же лѣсъ для построенія мостовъ на Араксъ, и возможно ли будетъ сплавить таковой внизъ до окружности Нахичевана.

15) Сколько бы ни желательно было подкрѣпить отрядъ вашего превосходительства подвозомъ провіанта, но чрезвычайно позднее по здѣшнему климату открытіе весны и невозможность движенія воловыхъ транспортовъ не подаетъ мнѣ къ сему основательной надежды, и я нахожусь въ необходимости предоставить вашему превосходительству, послѣ полученія въ Джелаль-Оглу 10-ти дневнаго провіанта, распорядиться въ дальнѣйшемъ продовольствіи войскъ ввѣреннаго вамъ отряда по обстоятельствамъ и усмотрѣнію вашему мѣстными способами, сколько таковыхъ найти можно, замѣною частію хлѣба мясомъ и крайнею бережливостію; легко быть можетъ, что ни въ Эчмядзинѣ, ни въ ближайшихъ селеніяхъ нельзя будетъ достать на порцію скота и потому надо будетъ взять онаго изъ Джелаль-Оглу. Полковнику князю Севарсемидзеву предписывается купить онаго у жителей по Лорійской степи.

16) О движеніяхъ вашихъ, о положеніи отряда, непріятеля и земли и о всѣхъ свѣдѣніяхъ, вами получаемыхъ, доносите прямо ко мнѣ какъ можно чаще: до Джелаль-Оглу съ нарочными, а оттуда по летучей почтѣ; въ важныхъ же случаяхъ съ нарочными прямо ко мнѣ. Равномѣрно имѣете доносить обо всемъ ономъ и генераль-адъютанту Паскевичу.

17) Для соображенія вашего и единственнаго вашего свѣдѣнія предваряю васъ при томъ, что главныя силы соберутся между 15-мъ и 20-мъ апрѣля въ окружности Шулаверъ, и что взявъ съ оными прямое направленіе къ Эривану, я на-

дѣюсь прибыть туда въ послѣднихъ числахъ апрѣля. До того времени остается въ Джелаль-Оглу баталіонъ Тифлискаго пѣхотнаго полка.

Съ подлиннымъ вѣрно: полковникъ Муравьевъ.

Милостивый Государь

Графъ Петръ Александровичъ!

Съ посланнымъ вчерашняго числа фельдъ-егеремъ отправилъ я къ Государю Императору подробное донесеніе о томъ, что здѣсь происходило и мною сдѣлано послѣ рапорта моего отъ 5-го числа сего мѣсяца. Со вчерашняго же дня по нынѣшній ничего заслуживающаго вниманія не случилось, почему и не почитаю нужнымъ утруждать Его Императорское Величество особымъ о семъ донесеніемъ. Погода нѣсколько перемѣнилась, свѣжій вѣтеръ и небольшіе весьма непродолжительные холодные дожди замѣнили теплое и сухое время предъ симъ продолжавшееся; трава начинаетъ показываться, однако не подаетъ надежды къ появленію подножнаго корма прежде означеннаго мною въ предыдущемъ донесеніи срока, т. е. не ранѣе половины апрѣля; со всѣмъ тѣмъ, можно полагать навѣрное, что къ тому времени оный уже будетъ въ такомъ количествѣ, что дозволить приступить къ предположеннымъ начальнымъ дѣйствіямъ. Изъ Персіи никакія свѣдѣнія здѣсь не получены; извѣстія же о хищническихъ набѣгахъ непріятели незначительными партіями на нижнемъ Араксѣ продолжаютъ. Для прекращенія сихъ покушеній его, соберется къ 15-му числу апрѣля отрядъ въ Карабагъ, куда, для командованія онымъ, отправится на сихъ дняхъ генераль-лейтенантъ князь Мадатовъ. По гражданской части тоже ничего, особеннаго уваженія достойнаго, до меня вновь не доходило.

№ 22.

Проя покораѣше ваше сіятельство довести о всемъ выше-
сказанномъ до Высочайшаго Его Императорскаго Величества
свѣдѣнія, съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною предан-
ностью имѣю честь быть,

Милостивый Государь,

Вашего Сіятельства

покорнѣйшимъ слугою

Иванъ Дибичъ.

Тифлисъ.

Марта 12-го дня 1827 г.

№ 23. Военно-ученный арх., отд. I, шк. 49, п. 4-я, № 974,
лл. 3—6.

Peterhof, le 8 Mars.

1827.

C'est le 4 de ce mois que j'ai reçu votre première lettre de Tiflis, mon cher ami, et vous vous figurez aisément avec quelle impatience et quel plaisir je l'ai lue. Je suis charmé, je vous avoue, de vous savoir sur les lieux et à même de juger par vos yeux dans ce dédale d'intrigues; j'espère que vous ne vous laisserez pas fasciner les yeux par cet homme pour qui mentir est une vertu quand cela peut lui être utile et qui se joue des ordres qu'on lui donne. Enfin que Dieu vous assiste et vous inspire pour être juste. J'attends avec impatience de vos nouvelles que vous me promettez.

Tout est bien ici, et je suis content de la marche des affaires. Tolstoy s'en tire à merveille et... marche bien quoique des sorties à sa façon percent (?) souvent.

Le ministre de la guerre n'a pas répondu d'une manière satisfaisante aux demandes du comité, et il paraît que l'affaire va mal; Tolstoy tient ferme et parle catégoriquement, il faut attendre le dénouement.

Le 10. St.-Pétersbourg.

Je n'ai pas de vos nouvelles encore, quoique le rapport de Paskévitsch du 23 me soit parvenu; peut être en aurai-je demain la Une lettre de C. Benkendorf parle de l'effroi qu'a produit votre arrivée, et de la joie de beaucoup d'honnêtes gens de vous y voir; il paraît très convaincu des mauvaises intentions passées et présentes de Yermoloff; il serait bien essentiel à ce que vous tâchiez surtout de démêler quels sont les... en mal dans ce dédale d'intrigues, et de les faire... dans tous les cas, pour que l'on sache que cette sorte de gens ne peut être soufferte dès qu'elle est démasquée.

Le 12.

Le soir même que je vous écrivais j'ai reçu, mon cher ami, votre lettre du 23 et votre journal; et hier soir est arrivé votre courrier porteur de votre intéressante lettre du 28. Que voulez vous que je vous dise après pareille lecture? Si vous, qui êtes sur les lieux, n'avez pas cru... vous décider encore, comment pourrais-je *moi* le faire à cette distance et d'après tout ce que vous me dites. Je vois clairement que les choses ne peuvent pas aller de cette sorte; vous et Paskévitsch partis, cet homme abandonné à lui-même nous mettra dans la même position à l'égard de la connaissance des affaires et de la certitude de le voir marcher dans notre sens, comme cela fut avant le départ de Paskévitsch, à Moscou,—responsabilité que je ne puis prendre sur moi. Aussi après avoir tout pesé soigneusement, et *tout en attendant votre second courrier*; s'il ne m'apporte pas d'autres données que celles que vous m'avez déjà fait entrevoir, je ne vois pas de possibilité autre que de vous faire user du plein pouvoir donné pour renvoyer Yermoloff. C'est Paskévitsch que je destine pour le remplacer, car je ne vois pas dans vos rapports qu'il aye manqué aux devoirs de la plus stricte discipline. Or déshonorer cet homme par un rappel en pareil cas est contre ma conscience. Vous ferez remplacer alors Madatoff par qui vous jugerez convenable, car on ne peut l'y laisser; peut-être

Пловыскый serait-il bon pour cela. Pour administrer le pays c'est *Sipiaguin* que j'enverrais par le retour du courrier décisif que j'attends de vous. Enfin, je vous répète, si votre dernier courrier ne porte aucune nouvelle de plus de celle de celui-ci, *sans plus tarder* exécutez ce que je vous ai prescrit et informez m'en de suite. Mettez d'abord Paskévitsch sur le pied convenable et faites lui voir toute l'importance du poste auquel je l'appelle en pareil cas et sentir tout le prix de ma confiance; homme d'honneur et mon ancien chef il saura, je réponds de lui, remplir mes vœux. Il est essentiel d'avoir un bon chef d'état-major près de lui; est-ce Гурко? est-ce Rennenkampf? Cela m'est indifférent, faites seulement en sorte que l'individu sera tel à tenir l'ordre pour les détails, car pour le reste il saura tout faire. Красовский peut-être serait mieux que tout; enfin carte blanche pour votre choix pourvu qu'il fut bon.

Voilà, cher ami, mon dernier mot; et je vous répète encore qu'il est pour le cas *que votre courrier que j'attends ne m'apporte pas d'autres nouvelles que les dernières....* *)

Le bruit de guerre avec les Turcs, s'il est vrai, est fort important, mais je le suppose faux.

Que Dieu vous guide dans vos démarches et recevez tous mes remerciements pour votre zèle et vos soins dans une démarche aussi difficile. Que Dieu vous assiste, et fasse marcher tout pour le mieux.

Tout à vous pour la vie

NICOLAS.

На конвертъ написано рукою Ею Величества:

Его высокопревосходительству

Барону Ивану Ивановичу

Дибичу.

*) Во всемъ этомъ письмѣ, какъ и въ другихъ письмахъ императора Николая Павловича, многоточіе означаетъ неразобранныя мѣста.

Sire.

Ayant reçu la lettre de Votre Majesté Impériale du 12 de ce mois hier matin, je n'ai pu m'arrêter sur la résolution à prendre, n'ayant dans aucun de mes rapports antérieurs à celui du 28 Janvier donné des avis différens et gardant toujours la même opinion que j'ai cru devoir y exposer à la décision de Votre Majesté Impériale, et sentant entièrement les raisons qui l'ont dictée et dont Votre Majesté a voulu bien me faire part j'ai cru remplir consciencieusement Vos volontés, Sire, en donnant les ordres, présentés dans mon rapport, aux généraux Yermoloff et Paskewicz, qui devront à présent être suivis des oukazes et du prikas de Votre Majesté Impériale.

Avant de les envoyer j'ai communiqué de suite l'ordre de Votre Majesté verbalement au g-l Paskewicz qui a reçu sa nomination avec pleine reconnaissance et mettra certainement tout son zèle à s'en rendre digne; sans se cacher nullement les difficultés de sa situation, il paraît être persuadé de ne pas devoir les craindre; avec le fond de droiture que je lui connais, je serais entièrement rassuré, si je ne craignais toujours un peu l'influence des intrigues asiatiques. Je lui en ai parlé en ami et en serviteur fidèle de Votre Majesté Impériale et il m'a répondu de même et je ne laisserai certainement pas passer la moindre occasion sans la lui faire remarquer avec sincérité et délicatesse. Le g-l Yermoloff auquel j'ai parlé après a reçu cet ordre avec la plus parfaite soumission et une résignation qui a surpassé mon attente en me répétant qu'il prouverait comme il l'avait dit avant que dans tout état il serait un sujet soumis et fidèle. Il m'a parlé après sur beaucoup de détails regardans le pays et le service et je dois dire que dans tout cela je n'ai pu remarquer la moindre astuce. Ce n'est qu'en prenant congé de moi qu'il m'a adressé la demande sur quoi je croyais surtout fondée la mauvaise opinion de Votre Majesté Impériale sur

son compte. Je lui ai répondu que je ne me croyais pas en droit de faire là-dessus aucune réponse, que Votre Majesté disposait sur le choix de ses généraux d'après le degré de confiance qu'Elle portait à leur capacité de bien remplir ses ordres, mais s'il voulait savoir mes suppositions à moi, que je devais croire que c'était surtout le peu d'assurance dans une marche décisive des opérations qui avait dû baser une telle résolution.

Dans la lettre ci-jointe écrite de la main d'Adlerberg, dont je ne saurais assez me louer sous tous les rapports, Votre Majesté verra une première idée d'un déplacement de quelques généraux qui nous paraît utile, quand Paskewicz sera entré davantage dans ses nouvelles fonctions il se trouvera peut-être encore quelques augmentations.

Puisse le ciel me donner des forces pour terminer d'une manière utile au service de Votre Majesté Impériale la commission dont Elle a daigné me charger. Veuillez Sire regarder avec indulgence les fautes que j'ai pu avoir commis. N'ayant jamais été dans une position aussi... tulleuse j'ai pu me tromper quelques fois, mais je ne crois pas qu'en général mes conclusions sur les personnes que j'ai eu à observer soient fausses.

Le renvoi du général Yermoloff m'impose le devoir de présenter à Votre Majesté Impériale que dans ce pays aussi enclin aux délations même fausses on ne porte aucun doute en désintéressement complet de ce général. Il est pauvre en même tems, car la fortune de son père doit être extrêmement délabrée. Il me paraît juste de récompenser la qualité bonne même en reprimant les torts. En osant fixer l'attention de Votre Majesté sur cet objet je dois ajouter qu'on dit que le g-rl Yermoloff a refusé une ferme accordée par Sa Majesté feu l'Empereur, persuadé au reste qu'un pareil refus réitéré ne pourrait retomber que sur celui qui osera le faire. Je dois ajouter que le g-rl Yermoloff a des enfans malheureusement illégitimes auxquels ils paraît porter un attachement tendre.

Daignez, Sire, recevoir les sentimens de la plus profonde estime et du dévouement fidèle avec lesquels j'ai le bonheur d'être,

Sire,
de Votre Majesté Impériale
le très humble et très obéissant serviteur

J. ДИВИЧИ.

Tiflis, le 29 Mars
1827
à 11 heures du soir.

Главный штабъ Его Императорскаго Величества. По канцелярии нач. главн. штаба въ г. Тифлисъ, 29-го марта 1827 г. № 24, б.
№ 106.

Командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, господину генераль-адъютанту и кавалеру Паскевичу.

Государь Императоръ, соизволя на увольненіе генерала отъ инфантеріи Ермолова въ Россію, высочайше повелѣваетъ вашему высокопревосходительству вступить по сему случаю въ главное начальство надъ войсками отдѣльнаго Кавказскаго корпуса и въ главное управленіе здѣшнимъ краемъ, на существующемъ нынѣ основаніи. Объявляя вашему высокопревосходительству сіе высочайшее повелѣніе, предлагаю: на основаніи оваго нынѣ же принять главное начальство какъ надъ войсками отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, такъ и надъ управленіемъ здѣшнимъ краемъ, и донести о томъ Его Императорскому Величеству.

Съ сямъ вмѣстѣ я сообщилъ изъясненное высочайшее повелѣніе и генералу Ермолову, для должнаго съ его стороны объ исполненіи по оному распоряженія.

Начальникъ главнаго штаба Дивичъ.

Подлинникъ въ семейномъ арх. кн. Паскевича.

№ 24, в.

Господину генераль-адъютанту Паскевичу.

Уволивъ генерала отъ инфантеріи Ермолова отъ настоящаго его званія, Я назначаю на мѣсто его васъ командиромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса и главноуправляющимъ гражданскою частію и пограничными дѣлами въ Грузіи и въ губерніяхъ Астраханской и Кавказской, на томъ правѣ и съ тѣми преимуществами, какія имѣлъ вашъ предмѣстникъ.

Повелѣвая вамъ въ слѣдствіе сего вступить немедленно въ отправленіе всѣхъ должностей, симъ назначеніемъ Моимъ на васъ возлагаемыхъ, Я удостовѣренъ, что и на поприщѣ сего новаго званія вы оправдаете въ полной мѣрѣ Мою къ вамъ довѣренность.

Николай.

28 марта 1827.

С.-Петербургъ.

Подлинникъ въ семейномъ арх. кн. Паскевича.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ГЛАВЪ VI.

Военно-ученый арх., отд. I, шк. 49, п. 4, № 974, лл. № 1.
7—10.

St. Pétersbourg, le 27 Mars 1827.

Votre courrier m'est arrivé hier, mon cher ami; j'ai lu et relu vos intéressantes lettres; et après en avoir bien saisi le sens, je m'applaudis de vous avoir prescrit d'avance ce que j'eusse dû vous faire connaître en résultat final de ce que portait ce courrier-ci. Je me suis de nouveau convaincu de l'impossibilité complète de laisser les choses sur l'ancien pied, c. à d. de vous voir ainsi que Paskévitsch dehors de là-bas, et par conséquent moi, réduit aux incertitudes, inquiétudes etc. comme avant votre envoi tous deux. Je m'applaudis d'avoir désigné Paskévitsch pour remplaçant, car je vois par votre lettre, qu'au cas que ce fut lui que je nommasses (sic), vous ne supposiez pas nécessaire de prolonger votre séjour. Vous aurez vu par ma dernière lettre que je vous autorisais de rester aussi longtemps que vous le jugeriez nécessaire, pour mettre Paskévitsch sur le pied convenable, et régler tout le nouvel ordre des choses; je vous le répète donc de nouveau en vous prévenant que

j'ai expédié hier l'ordre à Sipiaguine de se rendre sur le champ à Tiflis, pour remplir les fonctions de gouverneur militaire de Géorgie en l'absence de Paskévitsch, que par mon ordre de jour de demain j'appelle à remplacer Yermoloff dans toutes ces attributions. Que Dieu bénisse ce pas important, et vous donne à vous toute la force d'esprit et de dignité dans ce moment important. Que Dieu vous assiste, cher ami, ainsi que tous nos braves gens de là-bas. Dès la réception de cet ordre, faites m'en donner nouvelle ainsi que de son exécution; vous me donnerez tous les détails possibles sur la manière dont tout se passera—point de bruit, de scandale, je défends toute injure de la manière la plus positive et vous en rends *tous* responsables; mais point de forces, de lamentations déplacées, que tout se passe en ordre, avec dignité et dans la stricte règle du service.

Je vous autorise à faire partir Madatoff, Wéliaminoff, enfin tous ceux que vous croirez nuisibles. Portez toute votre attention à ce que Sipiaguin dès son arrivée se mette bien avec Paskévitsch et sur le pied le plus confiant possible; je compte sur votre zèle, cher ami, et sur votre savoir faire, pour arranger cette partie importante du service dès le commencement de façon à ne devoir rien appréhender pour l'avenir. Dites bien à Sipiaguin que j'espère que les intrigues n'auront plus... du commandant de là-bas, et que c'est sur lui que je compte pour prévenir les suites d'une aussi facheuse tendance.

J'ai lu avec attention le projet de campagne. Je ne suppose possible le passage de l'Arax dans l'intention de marcher sur Tawris cet été, qu'au cas où l'on fut certain de ne point rencontrer d'armée ennemie, ou bien après l'avoir défait dès le début de la campagne; avec cela il faudrait être sûr des moyens de subsistance. Aussi cette partie là de la campagne, j'en abandonne la *décision* à vous et Paskévitsch.

Quant à la campagne d'automne, si les Persans font les revêches, il faut en tout cas qu'elle commence par la prise de Taw-

ris. De là l'on peut suivre le plan proposé. Je tiens beaucoup à l'expédition sur Zinsili; mais je doute de la possibilité du transport du nombre de troupes proposé; peut-être suffirait-il de s'emparer de ce point pour le garder comme un gage presque certain pour obtenir les conditions désirables pour la paix. En tout cas je défends *au delà l'Arax* toute acceptation de soumission à la Russie; nous pouvons reconnaître l'indépendance des Chanats, mais pas leur réunion à notre Empire; il nous suffit d'Eriwan et comp. Soyons en contents et n'allons pas au delà dans nos calculs.

S'il est indispensable de remplacer les tchakos je vous autorise à le faire par le bonnet de mouton persan, en y adoptant notre marque distinctive au plaque; cela sera mieux que les bonnets proposés qui sont par trop laids. Je vous envoie en tout cas une casquette de la marine, qui par son extrême légèreté me paraît pouvoir peut-être convenir, surtout.... veste de toile blanche pour....

Je consens à l'introduction des cappes proposées en drap blanc, ainsi que pour les vestes du drap blanc.

Tout va fort bien ici; je suis fort content. Tolstoy marche bien, et nous sommes fort contents de Чернышевъ. L'affaire du Commissariat va au plus mal, et bientôt il faudra rompre en visière avec le Ministre et Пурга, — ce qui me tracasse beaucoup; je ne le sais au reste que d'une manière privée par Tolstoy. Mille choses à tous les autres; en particulier à votre secrétaire privé. J'attendrai impatientement de vos nouvelles. Adieu, cher ami, que Dieu vous guide; et vous.... bientôt.

Tout à vous et pour la vie

NICOLAS.

Ma femme vous dit mille choses.

Je vous préviens que c'est Wolf qui remplace Sipiaguin. Je passe la revue du 2-me corps à Wiazma, et je compte y être vers le 15 de Mai.

№ 2, а. Военно-учен. арх., отд. II, № 4442, лл. 164—170.

Прилож. 1-е ко всеподданнѣйшему донесенію Дибича отъ 8-го апрѣля
1827 г.

Я уже имѣлъ счастье донести Вашему Императорскому Величеству, что осмотрѣлъ 5-го сего мѣсяца войска авангарда, командуемаго генераль-адъютантомъ Бенкендорфомъ, а имянно:

2 баталіона Грузинскаго гренадерскаго полка;

1 баталіонъ 7-го карабинернаго полка;

2 баталіона Ширванскаго пѣхотнаго полка;

3 сотни казаковъ полковника Карпова полка;

3 сотни казаковъ полковника Андреева полка;

(по двѣ сотни каждого изъ сихъ полковъ находились въ командировкѣ).

Войска сіи были собраны при крѣпостцѣ Джелаль-Оглу, пѣхота стояла въ 1-й линіи во взводныхъ баталіонныхъ колоннахъ съ-права, имѣя по 30 рядовъ во взводѣ *). Казаки фронтонъ во 2-й линіи. По отдаваніи чести, пѣхота сдѣлала по-баталіонно перемежную дирекціи на-лѣво и прошла скорымъ шагомъ на взводную дистанцію.

Первое движеніе было сдѣлано безъ чистоты, но также безъ безпорядка, лучше въ карабинерномъ баталіонѣ и потомъ въ Ширванскомъ пѣхотномъ полку.

Въ церемоніальномъ маршѣ Грузинскій гренадерскій полкъ прошелъ весьма слабо; люди хотя не сбивались съ ноги, но

*) Примѣчаніе: во 2-мъ баталіонѣ Грузинскаго гренадерскаго полка не была въ строю 6-я фузелерная рота, которая только 5-го числа утромъ доходила съ полковымъ обозомъ до лагернаго мѣста; равномерно со всѣхъ полковъ были оставлены люди для подачи помощи обозу въ слѣдованіи, и потому число рядовъ было уменьшено.

равнялись весьма не чисто; на одиночную выpravку вовсе не обращено вниманія и въ особенности на держаніе ружья.

Баталіонъ карабинерный прошелъ очень изрядно; люди имѣли гораздо болѣе одиночной выpravки, равнялись довольно хорошо, шагъ вѣренъ и правиленъ, но въ плечахъ и особливо въ держаніи ружья еще много остается поправить; вообще же сей смотръ мнѣ доказаль, что полкъ сей сохраняетъ 1-й № между всѣми прочими полками здѣшняго корпуса.

Ширванскій пѣхотный полкъ прошелъ вообще лучше Грузинскаго гренадерскаго и 1-й гренадерскій взводъ, а 5-й взводъ 2-го баталіона можно сказать даже очень хорошо, шагъ довольно уравниень, но равненіемъ плечами и держаніемъ ружей и головъ нужно еще много заняться.

Послѣ церемоніальнаго марша вся пѣхота сомкнулась въ одну колонну, причемъ фланги и взводы выравниались довольно вѣрно. Казачьи полки прошли по 5 шагомъ, дабы я могъ видѣть лошадей. Въ полку полковника Карпова онѣ немного лучше, а въ полку полковника Андреева, по безпрестанному нахожденію на постахъ, скудному корму, довольно въ черномъ тѣлѣ; вообще въ обоихъ полкахъ весьма мало лошадей хорошихъ статей. Отпустя же войска, я оставилъ 5-ю роту Грузинскаго гренадерскаго, 1-ю мушкатерскую Ширванскаго пѣхотнаго полка и 2-й взводъ баталіона 7-го карабинернаго полка для подробнаго смотра.

Во всѣхъ сихъ войскахъ мундирныя вещи, со включеніемъ шинелей, большею частію хороши, малое число только срока 1826 г.; шиты изъ весьма дурнаго сукна, отпущеннаго изъ Ставропольской комиссіи. Всѣ сдѣланы по новымъ образцамъ и опрятно, но безъ той аккуратности и ловкости, кои мы привыкли видѣть въ гвардіи; ременная аммуниція въ 7-мъ карабинерномъ и въ Ширванскомъ пѣхотномъ полку хороша, а

въ Грузинскомъ гренадерскомъ много ранцевыхъ ремней, въ особенности во 2-й шеренгѣ, совсѣмъ не прочны, но кампанію выдержать могутъ. Рубашекъ у всѣхъ по двѣ и у многихъ по три,—но въ Грузинскомъ полку находились таковыя не на людяхъ, а на артельныхъ повозкахъ, что я, замѣтивъ, приказалъ отмѣнить.

Ружья вообще исправны, но въ Ширванскомъ полку хотя по новому образцу, но старой тульской отдѣлки 1815 года, а посему желательнo бы было перемѣнить таковыя новыми. Я о семъ предметѣ сдѣлаю общее соображеніе съ генераломъ Паскевичемъ и тогда представлю Вашему Императорскому Величеству.

Претензій нижніе чины нигдѣ ни на кого и ни за что не объявили, а увѣряютъ единогласно, что все имъ слѣдующее отъ казны получили сполна. Нѣкоторые нижніе чины бывшаго Ширванскаго полка (что нынѣ Казанскій), служащіе въ нынѣшнемъ Ширванскомъ же, объявили претензію въ артельныхъ деньгахъ еще на бывшаго шефа генераль-маіора Балле; я приказалъ собрать всѣ нужныя по сему предмету подробныя свѣдѣнія для дальнѣйшаго распоряженія.

Въ заключеніе считаю долгомъ предать Высочайшему благоизволенію Вашего Величества отличное усердіе, ревность и неутомимость, съ коими всѣ чины вышеозначенныхъ войскъ перенесли непомерныя труды при переходѣ чрезъ Аквибіюкъ, гдѣ не только подвергались сами всѣмъ затрудненіямъ, происходящимъ отъ распутившейся глинистой дороги чрезъ столь высокій хребетъ горъ, но должны были везти на себѣ еще обозъ. Человѣкъ по 50—60 при каждой повозкѣ таскали ихъ на канатахъ съ горы на гору почти на двадцать верстъ, и потомъ на столько же крутую гору, составляющую берегъ рѣчки Каменной у самаго Джелаль-Оглу. На семъ подъемѣ

нашелъ я еще обозъ Грузинскаго гренадерскаго и часть обоза Ширванскаго полка и не могу довольно хвалить бодрость и радостную готовность, съ коими нижніе чины послѣ столь затруднительнаго похода таскали повозки. Ни одного лица не видно было хотя нахмурившася, но всѣ показывали веселый видъ, и когда я ихъ спросилъ: «не устали ли?»—то всѣ отвѣчали: «никакъ нѣтъ, рады стараться!» и на лицахъ ихъ замѣтно было, что отвѣтъ былъ чистосердеченъ. Гг. офицеры столь же усердно распорядились нижними чинами, между коими поступившіе изъ полковъ лейбъ-гвардіи Московскаго и гренадерскаго оказывали совершенно перазличный отъ товарищей своихъ духъ бодрости и усердія.

№ 2448.

Къ рапорту Паскевича отъ 13-го апрѣля 1827 г.

№ 2, б.

Выписка изъ журнала командира отдѣльнаго кавказскаго корпуса, генераль-адъютанта Паскевича, съ 9-го по 13-е число апрѣля мѣсяца 1827 года.

9-го апрѣля. Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ 2-й отъ 7-го апрѣля доноситъ, что перешедши Безобдалъ онъ не встрѣтилъ нигдѣ слѣдовъ непріятеля, но дабы стянуть войска и обозы, которые не могли въ одинъ день переправиться черезъ гору сію, остается онъ сего числа на мѣстѣ, надѣясь вознаградить потеряемое дневною время, сдѣлавъ на другой день переходъ версть въ 30. Для наблюденія за дорогою въ Амамлы выставлены имъ въ 4-хъ верстахъ отъ лагеря подъ командою полковника князя Севарсемидзева: 2-я гренадерская рота Тифлискаго пѣхотнаго полка, сотня казаковъ Карпова полка и два

орудія. При семъ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ присовокупляетъ, что уже второй день идетъ дождь и снѣгъ.

12-го апрѣля. Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ 9-й отъ 9-го сего апрѣля изъ долины ведущей къ Абарань-подю доносить: 7-го числа снѣгъ и дождь такъ испортили дорогу чрезъ гору Безобдалъ, что артиллерія и послѣдніе обозы прибыли на мѣсто ночлега только въ три часа пополудни, почему онъ 8-го числа не успѣлъ сдѣлать по предположенію своему большаго перехода, а остановился у селенія Амамловъ. Полковникъ князь Севарсемидзевъ съ баталіономъ Тифлисскаго пѣхотнаго полка, съ двумя орудіями и Донскимъ казачьимъ Барпова полкомъ составлялъ авангардъ и ночевалъ 8 верстъ впереди Амамловъ; 9-го числа отрядъ выступилъ въ 8 часовъ утра и перешелъ около урочища Памба отлогій хребетъ горъ, отдѣляющій Бамбакскую провинцію отъ Абарана, но снѣгъ былъ столько великъ, что нужно было расчищать дорогу, отъ чего отрядъ и въ сей день сдѣлалъ только около 20 верстъ. Сего числа замѣчены первые пикеты непріятельскіе, которые съ вершинъ горъ наблюдали за отрядомъ, но при приближеніи казаковъ удалились 10-го числа. Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ намѣренъ ночевать у Судагена, а 11-го къ вечеру надѣялся быть у Ечмеадзина, гдѣ полагалъ дать войскамъ отдыхъ; ибо снѣгъ и дождь такъ изнурили ихъ, что больныхъ и слабыхъ простиралось до 150 человекъ, но несмотря на сіе генераль-адъютантъ Бенкендорфъ не можетъ нахвалиться ревностію войскъ, которыя, по мѣрѣ увеличенія трудовъ, показываютъ большую готовность ихъ переносить. О движеніяхъ непріятели никакихъ свѣдѣній не было.

№ 2448.

Къ рапорту Паскевича отъ 16-го апрѣля 1827 г.

№ 3.

Выписка изъ журнала командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, генераль-адъютанта Паскевича, съ 14-го по 15-е число апрѣля мѣсяца 1827 года.

14-го апрѣля. Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ 2-й изъ урочища Судагента отъ 11-го апрѣля доносятъ: 10-го числа отрядъ его ночевалъ у укрѣпленія въ прошедшій годъ нами начатаго на Миракѣ, 11-го числа въ 10-мъ часу утра прибылъ къ урочищу Судагенту. Трудная дорога, грязь, безпрестанные дожди и снѣга, при дурномъ кормѣ, который тамъ гораздо хуже нежели въ долини Бамбакской, изнурили подъемныхъ лошадей до такой степени, что пало уже до сорока штукъ, почему нѣсколько повозокъ истреблено. Удостоверясь, что обозъ никакимъ образомъ не можетъ слѣдовать за войсками безъ хорошаго отдыха, генераль-адъютантъ Бенкендорфъ рѣшился оставить оный на урочищѣ Судагентѣ на 36-ть часовъ подъ прикрытiемъ 1.500 пѣхоты, 300 казаковъ и 4-хъ орудiй, а съ прочими свѣжими войсками идти впередъ къ Ечмеадзину. Вагенбургъ оставленъ подъ начальствомъ Грузинскаго гренадерскаго полка маіора Минченки, которому и предписано прибыть 14-го числа къ Ечмеадзину.

По рапорту генераль-адъютанта Бенкендорфа, артиллерiя и казачьи лошади отряда его въ довольно хорошемъ состоянiи.

О непріятелѣ никакихъ свѣдѣнiй не получено; оный показывается въ малыхъ толпахъ, наблюдая собственно за движенiемъ нашимъ. Въ деревняхъ жителей нѣтъ и запасы всякаго рода истреблены.

Присемъ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ присовокупляетъ, что онъ будучи неизвѣстенъ о запасахъ, которые найдетъ въ землѣ,

и имѣя провіанта только на шесть дней, увеличилъ мясную порцію, тѣмъ болѣе что и водка не успѣла присоединиться къ отряду, почему и просить о скорѣйшемъ доставленіи провіанта.

Такъ какъ казенные транспорты по сіе время еще совершенно неготовы и продолжавшаяся дождливая погода, несмотря на всѣ усилія объ исправленіи дороги чрезъ горы, сдѣлала оную весьма затруднительною, такъ что выюнній воловой транспортъ, отправившійся изъ Шулаверъ, о коемъ упомянуто въ журналѣ моемъ отъ 13-го апрѣля, три дня употребилъ на переходъ до Акзебеюкского поста и прибылъ туда только 13-го числа; то въ слѣдствіе сего рапорта генераль-адъютанта Бенкендорфа, по утверженію господина начальника главнаго штаба, сдѣланы слѣдующія распоряженія:

1) Означенному выюнному транспорту приказано продолжать безостановочно слѣдованіе къ отряду генераль-адъютанта Бенкендорфа.

2) 1-му и 4-му Черноморскимъ полкамъ съ рѣчки Акстафы 19-го числа прибыть въ Шулаверы, гдѣ на 800 лошадей навьючивъ по одной четверти сухарей на каждую, слѣдовать въ Джелаль-Оглу, откуда 22-го числа выступить далѣе къ Ечмеадзину, подъ прикрытіемъ одного баталіона 39-го егерскаго полка и двухъ легкихъ орудій 20-й артиллерійской бригады. Весь сей отрядъ подчиненъ командиру 39-го егерскаго полка полковнику Раенко, которому велѣно другой баталіонъ сего полка со всѣми тягостями оставить въ Джелаль-Оглу.

3) Генераль-маіору Берхману, командиру 3 бригады 20-й пѣхотной дивизіи, предоставлено съ 40-мъ егерскимъ и Севастопольскимъ пѣхотнымъ полками, для облегченія перехода чрезъ гору Акзибеукъ, выступить изъ Шулаверъ нѣсколько дней послѣ Черноморскихъ полковъ.

Между тѣмъ, чрезъ нарочно тайно отправленнаго армянина, предписано генераль-адъютанту Бенкендорфу:

1) Если онъ найдетъ средства на двѣ недѣли обезпечить продовольствіе отряда въ Ечмеадзинѣ, то руководствоваться инструкціею полученною отъ генерала Ермолова.

2) Въ противномъ случаѣ отступить обратно къ горамъ для скорѣйшаго соединенія съ транспортами.

3) Если хотя для двухъ баталіоновъ на двѣ недѣли будетъ продовольствія, то оставитъ оныя въ Ечмеадзинѣ, а съ прочими войсками отступить какъ сказано.

Времени общаго движенія нельзя рѣшительно опредѣлить, по причинамъ вышеозначеннымъ, то-есть по неготовности транспортовъ и по дурному состоянію дорогъ; но надѣюсь, что къ 1-му мая можно будетъ войска соединить въ Шулаверахъ; и во всякомъ случаѣ я полагаю, что къ Нахичевани главныя силы будутъ какъ предположено въ общемъ планѣ кампаніи, то-есть къ концу мая.

Такъ какъ теперь общее движеніе замедляется, то и командуящему отрядомъ въ Карабахѣ генераль-маіору Панкратьеву предписано въ случаѣ, если, сходно съ инструкціею генераломъ Ермоловымъ генераль-лейтенанту князу Мадатову данною, авангардъ сего отряда по донесенію князя Мадатова 10-го апрѣля изъ Акъ-Углана выступившаго, перешель уже Араксъ, то возвратитъ оный обратно, равномерно и предназначеннымъ по сей же инструкціи движеніемъ чрезъ Гирюсы къ Нахичевану пріостановиться, впредь до повелѣнія, и расположить весь отрядъ въ 25 верстахъ отъ Аракса, дабы дальнею перевозкою изъ Акъ-Углана не изнурить подъемныхъ лошадей, находящихся на одномъ подножномъ кормѣ. Сіе нужно было тѣмъ болѣе, что по нынѣ представленнымъ свѣдѣніямъ, кромѣ полковыхъ обозовъ другихъ транспортовъ при отрядѣ семь не

находится, продовольствія въ Акъ-Угланѣ есть только 1.500 четвертей въ муку и зерно и объ успѣхѣ дальнѣйшихъ подвозокъ свѣдѣній не имѣется. Сего количества, полагая до 10.000 человекъ нынѣ въ Карабахѣ находящихся, достаточно только на 18-ть дней.

Сего числа господинъ начальникъ главнаго штаба осматривалъ бывшіе здѣсь на слѣдованіи въ Шулаверы 20-й пѣхотной дивизіи полки: Севастопольскій и 39-й и 40-й егерскіе, и нашелъ ихъ въ хорошемъ состояніи, равно и артиллерійскую сей дивизіи легкую № 3-й роту.

В. у. а., II, № 2438 (А), лл. 66—71.

№ 4. Представленъ Государю Императору 13-го апрѣля.

Выписка изъ журнала командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса генералъ-адъютанта Паскевича, отъ 12 апрѣля мѣсяца 1827 года.

Генералъ-лейтенантъ князь Мадатовъ предполагалъ 10-го числа сего мѣсяца съ собравшимися войсками перейти на Куру-чай и оттуда слѣдовать къ Араксу для дѣйствія сообразно съ инструкціею отъ генерала Ермолова имъ полученною, оставивъ въ Акъ-Огланѣ для охраненія магазейна Козловскаго пѣхотнаго полка маіора Ванина съ ротою Нашебургскаго пѣхотнаго полка, ротою 42-го Егерскаго и однимъ орудіемъ. При выступающемъ отрядѣ татарской конницы будетъ состоять только до 200 человекъ, болѣе собрать невозможно, потому что до разлитія Аракса необходимы пограничные караулы, на которыхъ выходитъ жителей Карабага по пяти сотъ человекъ на двѣ смѣны.

По соображенію съ господиномъ начальникомъ главнаго

штаба смѣнивъ генераль-лейтенанта князя Мадатова отъ начальствованія въ Карабагѣ, я поручилъ управленіе Ширванскою, Шекинскою и Карабагскою провинціями полковнику князю Абхазову на томъ же самомъ основаніи, на какомъ ввѣрены были оныя князю Мадатову, предписавъ ему неупустительно войти въ разсмотрѣніе жалобъ, которыя тамошніе жители мнѣ подали. По части продовольствія войскъ я предписалъ князю Абхазову: 1) Тотчасъ привести въ извѣстность сколько запасовъ находится въ провинціяхъ и въ Агъ-Огланѣ, стараясь если можно увеличивать оныя покупкою даже до пяти рублей серебромъ за четверть, до тѣхъ поръ пока не прійдутъ первые транспорты изъ Астрахани, всѣ же запасы перепекать и обращать въ сухари, къ чему весьма полезно было бы приучить жителей. 2) Сформировать транспорты наймомъ вьючныхъ быковъ и покупкою до 400 верблюдовъ изъ числа отбитыхъ при экспедиціи князя Мадатова, ибо о сихъ предметахъ я не имѣю отъ князя Мадатова никакихъ еще свѣдѣній. 3) Назначивъ въ Зардобѣ главный запасный магазинъ, устроить тамъ надежную переправу чрезъ Куру и для дальнѣйшаго сообщенія стараться сдѣлать дорогу отъ Шуши до Герюсы удобно для тягостей, хотя и на вьюкахъ, и исправить дорогу отъ Герюсы къ Нахичевану, какъ къ пункту самому важному нашей коммуникаціи, на которой будутъ слѣдовать наши транспорты при движеніи моемъ за Араксъ. Нынѣ же находящіяся въ Пиразахъ запасы отправить прямо въ Карабахъ. 4) Какъ опытъ, сдѣланный пирванскимъ комендантомъ майоромъ фонъ-Ашебергомъ о сплавѣ муки по Курѣ до Зардоба оказался весьма удачнымъ, то и предписано весь провіантъ изъ Баки, Кубы и частію Ширвани сплавлять до Зардоба, ибо сіе единственный способъ облегчить подвозы, для

безопасности транспортовъ выставить обывательскіе караулы, сохраняя и военные посты въ Сальянахъ и Зардобѣ.

В. у. а., II, № 2438 (А), лл. 92—99.

№ 5. Выписка изъ журнала командира Кавказскаго отдѣльнаго корпуса генералъ-адъютанта Паскевича, отъ 7-го мая 1827 года.

Военно-окружной начальникъ въ Карабахѣ полковникъ князь Абхазовъ отъ 30-го апрѣля доносить, что онъ не нашель при Карабахскомъ отрядѣ никакихъ средствъ для подвоза транспортовъ кромѣ 204 верблюдовъ, на коихъ можетъ поднять 279 четвертей; аробъ въ провинціяхъ ему ввѣренныхъ найти нельзя, ибо оныхъ тамъ весьма мало есть у жителей и онѣ только служатъ для перевозки съ нивъ жатвы, а нѣсколько дальней дороги никакъ не выдержать; быковъ вьючныхъ нанять также нельзя, по непривычкѣ жителей никакъ къ тому не соглашающихся; по наряду съ поперстною платою можно только имѣть быковъ для перевоза съ одного магазейна въ другой, а не для постоянного употребленія при войскѣ; одно средство остается купить вьючныхъ воловъ, на что Абхазовъ и рѣшился, не надѣясь однакоже достать оныхъ болѣе 4.000. Но сія мѣра не можетъ скоро исполнена быть, ибо на это 1¹/₂ мѣсяца нужно, а время князь Мадатовъ упустилъ; впрочемъ, и сего количества недостаточно для перевозки мѣсячнаго продовольствія на главный отрядъ, во время нахождения онаго въ Нахичевани и притомъ по дальности разстоянія можно будетъ производить перевозку симъ транспортомъ только въ магазейны въ Агъ-Огланъ и Гирюсахъ составляемые, а для пополненія сихъ самыхъ магазейновъ нужно имѣть особыя средства подвоза: вслѣдствіе чего для усиленія транспортовъ

на лѣвомъ флангѣ, единственно могущихъ обезпечить все наше движеніе, я отправилъ туда:

1) 216 наемныхъ аробь.

2) По прибытіи же ожидаемыхъ на линіи купленныхъ воловъ назначено отправить 500 аробь.

3) Изъ Сигнахскаго уѣзда наемныхъ 314 аробь везуть провіантъ въ Гирюсы, но далѣе идти не подрядились.

Итакъ перевозка въ Гирюсы дѣлается:

изъ Шуши	3.000	четвертей.
» Елисаветполя	3.000	»
» Сигнаха	2.000	»

Всего . . . 8.000 четвертей.

Но сіе не прежде можетъ быть, какъ отъ 1-го до 15-го іюля, если не будетъ никакихъ препятствій, каковыя теперь на каждомъ шагу встрѣчаю; но несмотря на затрудненія, я беру всѣ мѣры, чтобы предметъ кампаніи былъ исполненъ.

Военно-ученый арх., отд. II, № 4442, лл. 186—187.

№ 6.

Это письмо къ Дибичу начальника авангарда ген.-адъют. Бенкендорфа приложено ко всеподданнѣйшему донесенію Дибича отъ 18-го апрѣля 1827 г.

Mon Général,

Depuis ce matin Edzmiadzin appartient à l'Empereur; ce convent barricadé et fortifié par l'ennemi, pendant plusieurs mois, est tombé entre nos mains sans coup férir; la garnison (de 3 à 400 hommes) l'avait évacué la veille de notre approche, et quelques heures avant notre entrée les derniers vivres en ont été transportés à Erivan; la cavalerie de Hassan-han s'est bornée à observer notre

mouvement de la rive opposée de Aabaran que nous longions pendant toute notre marche depuis hier matin; dans ce moment nous voyons ses feux dans toutes les directions à une distance de 5 à 6 verstes autour de nous, la plus grande partie de ces troupes toutes de cavallerie est occupée à chasser les habitans de ces environs au delà de l'Arax, tout est vide d'êtres vivans et de subsistance quelconques dans tous les villages autour de ce Couvent, qui lui-même n'offre aucune ressource pour entretenir des troupes; 22 moines y ont été abandonnés à leur malheureux sort, le reste a été transporté en ôtage à Erivan. Les batteries même, surtout la superbe église, qui compte 15 siècles, ont été laissées assés (sic) intactes; je me suis occupé sur le champ du soin d'y établir un hopital pour mille malades, le local y est merveilleusement approprié et le d-r Bock secondé par les soins de l'Archevêque Narces espère l'organiser en peu de tems.

Je donne encore la journée de demain aux troupes et surtout aux pauvres chevaux pour qu'ils se remettent de leurs fatigues, et compte après-demain matin, après avoir recueilli (mon.... обозъ laissé en arrière) des données exactes sur Erivan et Sardarabad, me diriger, selon les circonstances, sur l'une de ces deux forteresses, la première compte 2000 hommes de garnison tous Persans et seconde 1000 à 1500. Au dire des moines grande terreur doit y régner, notre marche par le Bezobdal dans cette saison et avec cette rapidité les a tout à-fait pris au dépourvu; trois jours plus tôt et la terrible mesure du renvoi de tous les habitans au delà de l'Arax n'eut pû s'effectuer; malheureusement nous avons eu, jusqu'au dernier moment, tous les obstacles imaginables, car outre une averse continuelle pendant toute la journée de hier, la route était tellement encombrée de pierres jusqu'ici, que les colonnes s'arrêtaient à chaque instant, à cause des difficultés qu'éprouvaient nos canons.

Je Vous écris dans la nuit, mon Général, et comme c'est le seul moment où je crois pouvoir expédier le porteur sans qu'il coure risque d'être aperçu, j'oserais prier Votre Excellence, le

tems me manquant, de vouloir bien faire donner de mes nouvelles à mon frère.

Le nombre des malades n'augmente pas, j'ai perdu 5 chevaux de trait dans la journée de hier.

Je suis avec le plus profond respect,
Mon Général,
 de Votre Excellence
 le très humble et très obéissant serviteur

BENKENDORF.

Edzmiadzín, ce 13 Avril
 1827
 à minuit.

PS. Dans ce moment quelques cavaliers Curds échangent des coups de fusil avec mes piquets d'infanterie qui entourent l'enceinte du Couvent, dans la plaine où se trouve la majeure partie de mon monde. Comme je regrette les hulans dans ce moment, l'infanterie ennemie n'ose pas se montrer, au moins pourrais-je avoir à faire à sa cavalerie. La route que je viens de prendre étant par trop affreuse et devant même l'être dans la meilleure saison, il me semble que l'on pourrait songer à celle de Goumry pour le grand corps d'armée, elle est un peu plus longue, mais sûrement meilleure.

В.-учен. арх., № 2448.

Къ рапорту Паскевича отъ 18-го апрѣля 1827 г.

№ 7.

Выписка изъ журнала командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, генераль-адъютанта Паскевича, отъ 17-го апрѣля 1827 года.

Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ 2-й отъ 13-го числа сего мѣсяца изъ монастыря Эчмиадзина доноситъ:

Ненастная погода и чрезвычайно грязная и каменистая дорога не позволили отряду 12-го числа пройти далѣе селенія

Аштаракъ, что въ 35-ти верстахъ отъ Судагента и въ 17-ти верстахъ отъ Эчмиадзина. Измаиль-ага, одинъ изъ старшинъ куртинскихъ, наблюдалъ за движеніемъ нашимъ, слѣдуя на противномъ берегу Абарани.

13-го числа, въ 1-мъ часу пополудни, отрядъ, окруженный толпами непріятельской конницы подъ начальствомъ Гассанъ-хана, приблизился съ надлежащею осторожностію къ монастырю Эчмиадзину, въ коемъ всѣ ворота были закладены, но никого кромѣ 22-хъ монаховъ не нашель; бывшіе же тамъ сарвазы, въ числѣ отъ 300 до 400 человѣкъ, наканунѣ оттуда удалились, забравши 5 старшихъ монаховъ и всѣ съѣстные припасы, выключая вина. Строенія монастырскія и церкви не разрушены. Жители окрестныхъ деревень за два дня до прибытія отряда перегнаны за Араксъ.

По собраннѣмъ уже свѣдѣніямъ въ Эривани находится около 2.000 сарвазовъ, а въ Сардаръ-Абадѣ отъ 1.000 до 1.500; но неожиданный ранній переходъ чрезъ горы войскъ нашихъ распространилъ тамъ большой ужасъ. Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, пославъ къ обѣимъ симъ крѣпостямъ лазутчиковъ, занялся устройствомъ госпиталя, который въ монастырѣ весьма выгодно расположить; давъ же войскамъ необходимый отдыхъ, и дождавшись прибытія тяжестей, онъ предполагаетъ двинуться въ ту или другую сторону, смотря по полученнымъ извѣстіямъ.

Число больныхъ въ отрядѣ генераль-адъютанта Бенкендорфа не умножается. Въ рапортѣ и письмѣ его къ господину начальнику главнаго штаба Его Императорскаго Величества хотя и сказано, что въ Эчмиадзинѣ съѣстныхъ припасовъ не найдено, но не видно, чтобы онъ опасался насчетъ продовольствія, изъ чего и заключаю, что вѣроятно предвидятся имъ какія-либо средства въ землѣ; впрочемъ я надѣюсь, что первый

транспортъ прибудеть къ Эчмιάдзину около 23-го числа сего апрѣля.

Дорога почти отъ самаго Судагента до Эчмιάдзина камениста и трудна для артиллеріи и обозовъ, особенно неудобны переѣзды чрезъ поперечные овраги. Корма подножнаго нѣтъ, лошади питаются хлѣбомъ съ пашней. Дрова достаются въ деревняхъ.

В.-уч. арх., II, № 2438 (А), лл. 75—79.

Журналъ командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, генераль-адъютанта Паскевича, съ 19-го по 21-е число апрѣля мѣсяца 1827 года. № 8.

Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ 2-й изъ монастыря Эчмιάдзина отъ 15-го апрѣля доноситъ:

По полученіи свѣдѣнія отъ монаховъ, что въ деревняхъ Нижнемъ и Верхнемъ Ай-гланлу находится провіантъ зарытый въ землю, отряжены были для отысканія онаго двѣ роты Ширванскаго пѣхотнаго полка, которыя, подойдя къ Нижнему Ай-гланлу, встрѣчены были сильнымъ ружейнымъ огнемъ отъ скрывшагося за стѣнами садовъ непріятеля; нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ и рѣшительное наступленіе маіора Юдина обратило его въ бѣгство и деревня немедленно была занята съ посланными въ подкрѣпленіе сему отряду двумя ротами Ширванскаго же полка, полубаталіономъ карабинеровъ съ однимъ орудіемъ и сотней казаковъ; куртинская конница, въ числѣ 500 человекъ, вступила въ перестрѣлку, но карабинерными стрѣлками была вездѣ опрокинута и слѣшившіяся въ деревнѣ Верхнемъ Ай-гланлу куртинцы поспѣшно оставили оную. Непріятель потерялъ убитыми и ранеными около 15-ти человекъ; съ нашей стороны смертельно раненъ одинъ казакъ

и двѣ лошади. Въ обѣихъ взятыхъ деревняхъ ничего не найдено кромѣ сѣна, оставленнаго непріателемъ.

Маіоры полковъ: Ширванскаго пѣхотнаго—Юдинъ и 7-го карабинернаго—Хамуцкій, оказали въ семъ дѣлѣ примѣрную рѣшительность, ибо до самаго взятія Верхняго Ай-главлу мѣстоположеніе скрывало силы непріателя; артиллеріи прапорщикъ Отрада дѣйствовалъ съ отличнымъ хладнокровіемъ и расторопностію; но къ сожалѣнію дѣло сіе доказало, что донскіе казаки не могутъ противостоятъ пылкости куртинскихъ наѣздниковъ.

Тяжести отряда, оставленныя въ Судагентѣ, 15-го числа благополучно прибыли въ Эчміадзинъ, но по трудности дороги пало еще 26 подъемныхъ лошадей.

Непріатель нѣсколько разъ покушался сдѣлать нападеніе на обозъ, но благоразумныя распоряженія маіоровъ: Минченки и Бельфорта не допустили его причинить намъ вреда.

Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ отъ 16-го апрѣля изъ монастыря же Эчміадзина доноситъ слѣдующее:

Нуждаясь въ провіантъ, онъ рѣшился идти на Сардаръ-Абадъ, что, по разспросамъ, въ 20-ти верстахъ отъ Эчміадзина влѣво отъ дороги къ Талыну. Если не будетъ никакой возможности овладѣть Сардаръ-Абадомъ, то онъ направится чрезъ Талынь къ Арпачаю, дабы снабдивъ себя съѣстными припасами изъ Карскаго пашалыка возвратиться къ Эчміадзину и продолжать дѣйствовать наступательно. Въ Эчміадзинѣ оставленъ подполковникъ Волженскій со вторымъ баталіономъ Ширванскаго пѣхотнаго полка, 273 человекъ слабыхъ раненыхъ командъ, 2 орудія и 100 казаковъ съ тяжестями обоза и съ продовольствіемъ на 12 сутокъ большею частію пшеницею въ зернѣ, съ отрядомъ продовольствія взято на 4 сутокъ, также частію въ зернѣ, но можно думать, что онаго и на шесть дней доста-

точно будетъ. Подполковнику Волженскому предписано стараться о накопленіи съѣстныхъ припасовъ, ежели бы жители, ободренные присутствіемъ нашимъ въ области Эриванской, начали возвращаться въ жилища свои. Для устройства госпиталя оставленъ главный отрядный штабъ-лекаръ коллежскій ассесоръ Мировъ; въ монастырѣ, въ 35-ти чистыхъ комнатахъ, можетъ помѣститься 860 больныхъ.

Армянскій архіепископъ Нарцесъ, отправившійся съ отрядомъ, по прибытіи въ Эчміадзинъ издалъ прокламацію соотечественникамъ своимъ, обитателямъ Эриванской и Нахичеванской провинцій.

До полученія сего рапорта, я тремя въ разное время отправленными приказаніями давалъ знать генераль-адъютанту Бенкендорфу о двухъ транспортахъ, къ нему слѣдующихъ, предписывая въ случаѣ недостатка продовольствія для сближенія съ подвозами отступить къ нашей границѣ: нынѣ, по удаленію отъ мѣста происшествій не будучи въ состояніи рѣшительно опредѣлить дѣйствія генераль-адъютанта Бенкендорфа, я ограничился извѣстить его по полученіи сего рапорта чрезъ нарочныхъ, по разнымъ дорогамъ отправленныхъ, о прежнихъ моихъ предположеніяхъ и пособіяхъ, которыя отъ меня онъ получить можетъ, а именно, что кромѣ двухъ уже выступившихъ транспортовъ, я употреблю всѣ средства, чтобы и третій транспортъ могъ прибыть въ Эчміадзинъ къ 10-му мая.

Въ содѣйствіи сихъ обстоятельствъ, по утвержденію господина начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества, я сдѣлалъ слѣдующій планъ:

Эчміадзинскій гарнизонъ поддерживать, ибо, не зная гдѣ находится генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, было бы опасно оставить сіе мѣсто, какъ большое пособіе въ случаѣ обратнаго движенія его. Подполковнику Волженскому приказано дер-

жаться въ монастырѣ, ибо если бы первый транспортъ и не дошелъ туда, то у него достаточно продовольствія почти по 1-е мая, а ко 2-му числу онаго мѣсяца долженъ туда подойти и второй транспортъ, которому предписано непременно къ сему сроку прибыть къ Эчмиадзину, и который не можетъ подвергнуться опасности, состоя изъ всего 39-го егерскаго полка, 1.000 казаковъ и двухъ орудій, ибо къ прежде назначенному конвою прибавлены остальные роты всего егерскаго полка. Весь отрядъ сей, подъ командою генераль-маіора Шабельскаго, выступить изъ Джелаль-Оглу 24-го числа сего мѣсяца, и потому можетъ поспѣть безъ затрудненія ко 2-му мая въ Эчмиадзинъ.

№ 9, а. Военно-учен. архивъ, отд. II, № 4442, лл. 188—189.

Донесеніе Дибяча.

Отправлено 21-го числа *) съ княземъ Меликовымъ.

Имѣю счастье донести Вашему Императорскому Величеству, что состояніе дѣлъ, которое, казалось, угрожало весьма невыгодными послѣдствіями, взяло счастливый оборотъ.

Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, выступивъ 16-го числа пополудни въ 1-мъ часу изъ Эчмиадзина къ Сардаръ-Абаду, встрѣтилъ въ 10-ти верстахъ отъ сей крѣпости куртинцевъ въ числѣ 1.000 всадниковъ.

Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ съ передовымъ отрядомъ своимъ, состоящимъ изъ 500 казаковъ полковъ Карпова и Андреева, двухъ ротъ Тифлискаго полка и одного орудія,

*) Апрель 1827 г.

тотчасъ атаковалъ непріятеля, и казаки, горя желаніемъ смыть пятно, повесенное въ послѣднемъ дѣлѣ при деревнѣ Ай-гланлу, съ невѣроятнымъ мужествомъ бросились на нихъ, въ одно мгновеніе опрокинули и погнали 7 верстъ. Одинъ изъ предводителей непріятеля, Измаиль-ханъ, одинъ изъ довѣренныхъ военачальниковъ эриванскаго сардаря, взятъ въ плѣнъ, а племянникъ главнаго начальника куртинцевъ Гуссейна-ага убитъ; по словамъ Измаиль-хана, потеря непріятеля простирается до 80-ти человѣкъ убитыхъ, коихъ тѣла въ первый разъ онъ не успѣлъ увлечь за собою по обыкновенію; съ нашей стороны убито 5 казаковъ, ранено 17 и 36 лошадей убито и ранено.

Послѣ сихъ поражений, генераль-адъютантъ Бенкендорфъ остановилъ отрядъ свой въ 3-хъ верстахъ отъ Сардаръ-Абада, а съ 5-ю ротами и 4 орудіями приблизился къ крѣпости на ружейный выстрѣлъ и произвелъ по ней огонь изъ орудій гранатами, отъ чего повреждены довольное число домовъ.

16-го числа, видя невозможность штурмовать Сардаръ-Абадъ, генераль-адъютантъ Бенкендорфъ возвратился въ Эчміадзинъ, отрядивъ къ Арпаचाю, для покупки съѣстныхъ припасовъ въ Карсскомъ пашалыкѣ, полковника князя Севарсемидзева съ однимъ баталіономъ Ширванскаго полка, 2 мя ротами Тифлискаго, 3-мя орудіями и казачьимъ полкомъ подполковника Андреева.

Сте вѣдливое кавалерійское дѣло, въ которомъ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ оказалъ новый опытъ блистательной своей храбрости, будетъ имѣть счастливѣйшее вліяніе, ибо доказалъ духъ казакамъ нашимъ, что они могутъ побѣждать куртинцевъ, донинѣ ими непобѣжденныхъ, а непріятелю, что намъ ничто противустоять не можетъ.

Самое же важнѣйшее слѣдствіе сихъ побѣдъ есть возвращеніе генераль-адъютанта Бенкендорфа въ Эчміадзинъ.

№ 9, 6. В. у. а., II, № 2438 (А) лл. 82—84.

Журналъ командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса генераль-адъютанта Паскевича, отъ 24-го апрѣля 1827 года.

Въ дополненіе рапорта о разбитіи куртинцовъ, генераль-адъютантъ Бенкендорфъ отъ 20-го числа сего мѣсяца изъ монастыря Ечмеадзина доносить:

16-го числа непріятель, обманутый движеніемъ къ Эривани трехъ ротъ Ширванскаго пѣхотнаго полка, бросился туда съ сардарь-абадской дороги и окружилъ сіи роты. Командовавшій оными майоръ графъ Бельфортъ, построившись въ каре, въ теченіи двухъ часовъ отражалъ всѣ покушенія непріятеля и стрѣлки ранили много куртинцовъ.

Въ 12-ти верстахъ отъ Ечмеадзина къ Сардарь-Абаду находится урочище Карасу-Баши, покрытое крупнымъ и частымъ камнемъ; тутъ ждали русскихъ Гассаѣъ и Измаилъ ханы, увѣренныя, что на грунтѣ гибельномъ для кавалеріи легкія и пылкія лошади ихъ возьмутъ верхъ надъ казачьими, изнуренными труднымъ походомъ и тяжело навьюченными. Казаки подъ начальствомъ полковника Карпова 2-го бросились съ невѣроятнымъ мужествомъ на центръ куртинцовъ, опрокинули и гнали ихъ до каменной высоты около двухъ верстъ; между тѣмъ подполковникъ Андреевъ съ полкомъ своимъ и стрѣлками опрокидывалъ правый флангъ; Измаилъ ханъ, видя бѣгущій центръ свой, быстро бросился къ оному, собралъ разсѣянные толпы и возстановилъ бой, но скоро тяжело былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ. Казаки, вновь ободренные своими офицерами, особливо полковникомъ Карповымъ и флигель-адъютантомъ графомъ Толстымъ, довершили поражение непріятеля, который скрылся въ Сардарь-Абадѣ.

Пораженіе куртинцовъ имѣло хорошее вліяніе на мона-

ховъ Ечмеадзинскаго монастыря, которые, видя безсиліе персіянь, не страшатся ихъ мщенія и начинаютъ сообщать извѣстія о движеніяхъ непріятели. Архіепископъ же Нарцесъ, нелицемѣрно преданный Россіи, поощряетъ ихъ своимъ примѣромъ и старается побудить къ покорности Наги-хана, наиболѣе уважаемаго изъ старшинъ карапапахскихъ, живущихъ по южному берегу озера Гокчи.

Сардаръ возвратилъ генераль-адъютанту Бенкендорфу 17-го числа двухъ рядовыхъ изъ числа плѣнныхъ нашихъ, содержавшихся въ Эривани, но болѣе съ нимъ никакихъ сношеній не было; предмѣстья Эривани совершенно истреблены и жители переселены внутрь крѣпости, что произвело ужаснѣйшую тѣсноту и при наступленіи знойнаго времени будетъ причиною заразительныхъ болѣзней.

Конница куртинская уже не показывается; сраженіе при Карасу-Баши уничтожило самонадѣянность сихъ отличныхъ всадниковъ, тѣмъ болѣе, что потеря храбраго Измаиль-хана оставила ихъ подъ непосредственнымъ начальствомъ брата сардаря Гассанъ-хана, глубокою старостію лишеннаго бодрости нужной военачальнику.

19-го числа для отысканія продовольствія генераль-адъютантъ Бенкендорфъ отрядилъ флигель-адъютанта полковника барона Фридерикса съ 500 человекъ Грузинскаго гренадерскаго полка, съ однимъ орудіемъ и сотнею казаковъ и Ширванскаго полка подполковника Волженскаго съ тремя ротами его батальона и также однимъ орудіемъ и сотнею казаковъ. Послѣдній поднялся вверхъ по рѣкѣ Абарани и привезъ 13-ть четвертей чалтыка (неочищенное сарачинское пшено); полковникъ же баронъ Фридериксъ въ деревняхъ, лежащихъ къ Араксу, нашелъ 25 четвертей чалтыка. Оба они привели нѣсколько жителей, которыхъ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ

отпустилъ съ тѣмъ, чтобы они объявили другимъ, что мы всѣхъ приглашаемъ возвратиться въ свои жилища и будемъ съ ними поступать милостиво.

20-го числа утромъ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ отрядилъ майора Хомутскаго съ батальономъ 7-го Карабинернаго полка, однимъ орудіемъ и сотнею казаковъ въ деревню Аистаракъ въ 18-ти верстахъ отъ Ечмеадзина для отысканія провіанта.

По возвращеніи полковника князя Севарсемидзева генераль-адъютантъ Бенкендорфъ предполагаетъ двинуться къ сторонѣ Нахичевана, разославъ партіи по разнымъ направленіямъ для возвращенія поселянъ въ ихъ жилища и полученія по возможности съѣстныхъ припасовъ.

Одобряя вообще распоряженія генераль-адъютанта Бенкендорфа, по утвержденію господина начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества, я предписалъ немедленно остановить движеніе къ Нахичевани: теперь назначеніе отряда генераль-адъютанта Бенкендорфа преимущественно должно состоять въ обеспеченіи подвозовъ нашихъ въ Ечмеадзинъ, ибо одни запасы отсюда доставляемые могутъ дать намъ средства къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ.

St.-Petersbourg, le 16 Mai 1827.

L'avant veille de mon départ pour l'Italie.

Mon Général,

№ 10. Vous volez à la gloire, mon Général, et moi, malheureux, je dois aller aux eaux pour reprendre un peu de santé. Partout où je me trouverai, je vous accompagnerai de mes vœux et je me réjouirai de vos exploits lorsque je vous trouverai en parcourant les journaux, qui nous annonceront vos victoires. Ah, mon Général,

jamais je n'ai plus regretté la santé comme dans ce moment. On m'assure que vous avez choisi le g-rl Krassovsky pour votre général de jour; j'en félicite de bien bon coeur Votre Excellence, et je suis doublement fâché de ne pas servir sous vos ordres, j'y aurais trouvé un ami que j'estime et que j'aime beaucoup; donnez lui de la besogne, et surtout contre l'ennemi, il fera toujours merveilles. Dieu veuille bénir toutes vos opérations et vous accompagner dans tous les périls où vous vous trouverez. Puisse la victoire ne jamais vous abandonner; si elle s'attache aux braves, elle doit vous être constante et inséparable.

M-r le colonel Mayran, mon ami et compatriote, qui a l'honneur d'être connu de Votre Excellence, me prie de vous présenter ses hommages et de vous recommander son gendre, M-r Castella, qui va à Tiflis rejoindre madame son épouse; m-me Castella est une dame du plus grand mérite. Le baron Mayran n'ayant que cette unique fille et l'aimant beaucoup, la recommande, elle et son mari, à la bienveillance de Votre Excellence. En les obligeant et en accordant votre protection à m-r Castella, vous m'obligerez particulièrement, mon Général, puisque je prends beaucoup d'intérêt aux parents de mon compatriote, le baron Mayran et moi, nous vous en serons très redevables.

L'autre jour nous avons beaucoup parlé de vous chez le bon g-rl d'Opperman, qui se trouve tout heureux de l'affection, que vous avez envers son fils et de ce que vous secondez son zèle en l'employant et le tenant en activité. Le père et le fils vous sont très attachés et je jouis lorsque j'entends le g-rl faire vos éloges et rendre justice à vos mérites. Vous avez en lui, mon Général, un véritable et bon ami; il doit vous être d'autant plus cher, qu'il jouit de la plus grande estime et d'une affection toute particulière de S. M. notre bon Auguste Maître, qui est d'une activité j'ose dire trop active; nous craignons tous qu'il n'en souffre dans sa santé. Soignez aussi la vôtre, mon Général, et finissez le plus tôt possible avec les Perses, car il se pourrait bien qu'on eut besoin

de vous ailleurs. Rappelez vous quelque fois d'un de vos admirateurs et croyez qu'on ne peut faire des vœux plus ardents pour votre gloire et pour la santé de Votre Excellence comme ceux,

Mon Général,

de votre très humble et très obéissant serviteur

C-TE MICHAUD.

№ 11.

Permettez, mon Général, qu'à toutes les communications officielles que je vous adresse aujourd'hui j'ajoute quelques lignes pour vous exprimer combien je suis charmé de me trouver en rapports avec vous. Le bien du service va établir de fréquentes relations entre nous, mais il exige surtout que ces relations soient fondées sur la confiance et un désir mutuel de s'entre-aider dans la tâche que l'Empereur nous impose. De mon côté je saisirai toujours avec autant de plaisir que d'empressement chaque occasion de prouver à Votre Excellence la sincérité des sentiments qui m'animent à cet égard, et je suis depuis trop longtemps habitué à l'estimer pour ne pas compter sur une entière réciprocité de sa part.

Comme premier témoignage de cette disposition, j'oserai, mon Général, réclamer un accueil bienveillant en faveur de M-r Obrescoff, qui aura l'honneur de vous remettre cette lettre et que je vous recommande très particulièrement. Il ne négligera aucun moyen de se rendre digne de Votre confiance. il n'apportera dans l'exercice de ses fonctions d'autre désir que celui de remplir vos intentions; je puis vous répondre de la loyauté de son caractère et Votre Excellence ne tardera pas à apprécier les talents qui le distinguent.

Nous venons d'apprendre que les opérations ont recommencé. Vous voudrez bien agréer les vœux que je fais pour qu'elles soient couronnées des succès les plus prompts et les plus décisifs, et telles que les présagent le brillant début qui a signalé l'année passée votre arrivée en Géorgie.

NESSELRODE.

St. Pétersbourg,
le 23 Avril 1827.

В. у. а., II, № 2438 (А).

Выписка из журнала командира отдельного Кавказского № 12. корпуса, генераль-адъютанта Паскевича, отъ 13-го іюня 1827 года.

Монастырь Ечміадзинъ.

Инженеръ генераль-маіоръ Трузсонъ донесъ мнѣ, что онъ намѣренъ устроить батареи на правомъ берегу Занги, съ тѣмъ, чтобы съ оныхъ разбить башню, которою оканчивается у рѣки сѣверная сторона крѣпости. Я самъ поѣхалъ дабы удостовѣриться въ возможности сего и нашелъ, что успѣхъ мало надеженъ: нужно будетъ стрѣлять на разстояніи около 120 сажень съ возвышеніемъ орудій до 5-ти градусовъ, ибо лѣвый берегъ рѣки, на которомъ стоитъ крѣпость, гораздо выше противолежащаго; притомъ если бы разбили сію башню, то она сдѣлала бы брешь со стороны Занги, гдѣ скала возвышена болѣе, нежели на 15 сажень, и нужно бы еще разбивать внутреннюю другую башню и стѣну, такъ, что нельзя бы опредѣлить когда бы все сіе окончилось, и сколько бы стоило зарядовъ, коихъ у меня до 3.000 и которые нужны будутъ для рѣшительныхъ дѣйствій на лѣвомъ флангѣ. Посему я приказалъ остановить всѣ дальнѣйшія работы, оставаясь при предположеніи моемъ, изъясненномъ въ журналѣ отъ 10-го числа: а именно идти съ главными силами въ Нахичевань, Эривань же будетъ блокируема особымъ отрядомъ, который при наступленіи сильныхъ жаровъ отступить въ горы и будетъ только наблюдать за Эриванью и Сардарь-Абадомъ, до прибытія осадной артиллеріи, съ которою предприметъ настоящую осаду, когда жары уменьшатся.

День ото дня я увѣряюсь, что невозможно будетъ блокировать крѣпость, ибо въ продолженіи пяти дней, какъ я здѣсь,

400 человекъ больныхъ привезено въ Ечмеадзинъ; зная изъ опыта молдавскихъ кампаній, какъ болѣзнями полки уменьшаются, я боюсь, чтобы до того войска не дошли, что нечѣмъ будетъ и осады дѣлать; ибо въ лѣтнее время въ Молдавіи случалось, что изъ числа людей, по спискамъ означенныхъ, три части были въ лазаретахъ, а четвертая только во фронтѣ.

Инструкція мною данная генераль-лейтенанту Красовскому есть слѣдующая:

По общему предположенію военныхъ дѣйствій и по другимъ соображеніямъ, главныя силы наши не могутъ быть задержаны подъ Эриванью, но оставляется подъ оною отрядъ, вамъ ввѣренный. Назначеніе его троякое: а) по возможности продолжать блокаду; б) удерживать непріятельскія войска отъ покушеній какъ противъ нашихъ границъ, такъ и противъ перешедшихъ къ намъ татаръ; с) наконецъ, по минованіи жаровъ и прибытіи осадной артиллеріи приступить къ осадѣ крѣпости Эриванской. Дальнѣйшія дѣйствія ваши не могутъ быть еще опредѣлены. Сообразно съ симъ поставляется вамъ на видъ слѣдующее:

1) Блокаду имѣете продолжать до тѣхъ поръ, пока жары не увеличатся; предметъ оной прекратить всякое сообщеніе непріятеля съ крѣпостію, не допускать могущія прійти подкрѣпленія и подвозы и пальбою беспокоить жителей.

2) Блокаду будете содержать тѣмъ же порядкомъ какъ теперь она содержится, развѣ вы найдете нужнымъ сдѣлать перемѣну, то сіе зависитъ совершенно отъ васъ.

3) Вразсужденіи сардаря и коменданта Суанъ-Кули-хана нужно быть осторожнѣе и не увлекаться разными ихъ обѣщаніями, особенно послѣдняго, которыя они даютъ единственно, чтобы надеждою сдачи отклонить рѣшительныя мѣры со стороны начальника блокады. Лучше всего какъ можно менѣе

имѣть съ ними переговоры, а устрашать дѣятельностію и бдительностію.

4) Такъ какъ военныя дѣла совершенно будутъ занимать васъ, то я счелъ полезнымъ поручить управленіе жителей эриванскихъ, возвращающихся въ окрестности монастыря Ечмеадзина и другія ближнія мѣста, армянскому архіепископу Нарцесу подъ совершеннымъ вліяніемъ вашимъ, полагаясь на опытность, благоразуміе и преданность его къ правительству: ему вмѣняется въ обязанность обратить особенное вниманіе на поливаніе полей и собраніе наибольшаго количества хлѣба, въ чемъ не оставьте содѣйствовать ему по возможности.

5) Касательно татаръ, перешедшихъ къ намъ, нужно особенно ласково обходиться съ начальниками ихъ, оказывать имъ всевозможное покровительство, но строго смотрѣть, чтобы они не предавались разбоямъ и не нападали на транспорты наши.

Весьма полезно было бы и другихъ побуждать перейти къ намъ, особенно тѣхъ, которые остались въ Алагезскихъ горахъ

6) Монастырь Ечмеадзинскій займите баталіономъ и 4 орудіями съ командою казачьею, перемѣняя оныя по вашему усмотрѣнію. Осмотрите монастырь и окрестности онаго; весьма полезно было бы, если возможно, два орудія поставить на стѣны по угламъ, а два у воротъ для вылазокъ, также сломать ограды и даже зданія на ружейный выстрѣлъ отъ монастыря, но сіе исполните не иначе, какъ по согласію съ архіепископомъ Нарцесомъ.

7) Другой баталіонъ Севастопольскаго полка назначается для конвоирования транспортовъ съ двумя орудіями 21-й артиллерійской бригады легкой № 2-го роты, имѣющими прибыть сюда съ провіантомъ.

8) Когда жары побудятъ васъ снять блокаду, то удерживая,

какъ выше означено, Ечмеадзинъ, отступите обратно по дорогѣ къ Судегяну, такъ, чтобы имѣть подножный кормъ, и по мѣрѣ истребленія его подвигайтесь ближе къ Башъ-Абарани. Въ семь послѣднемъ не оставьте въ случаѣ оплошности гарнизонъ эриванскаго и сардаръ-абадскаго воспользоваться тѣмъ и нанести имъ возможный вредъ. Если бы непріятель собралъ какія либо силы, то нужно быстро приближаться къ нимъ и разбить ихъ. Вообще не упустите непріятелю затруднить средства къ сбору продовольствія и безпокойте его какъ можно болѣе, дабы чрезъ то отвлечь его отъ вторженія въ наши границы или нападенія на перешедшихъ къ намъ татаръ. Если бы непріятель сдѣлалъ вторженіе въ наши границы, то движеніемъ на тылъ его старайтесь утратить его и по возможности даже пресѣчь ему отступление. Вы должны предузнавать намѣренія непріятеля чрезъ исправныхъ и вѣрныхъ лазутчиковъ, на заплату коимъ и другіе экстренные расходы отпускается вамъ 1.000 червонныхъ, а для подарковъ экстра-ординарныхъ вещи, въ приложенной вамъ вѣдомости значащіяся. Для удобнѣйшаго исполненія быстрыхъ движеній имѣйте весь вашъ вагенбургъ всегда готовымъ къ отраженію непріятеля, и весьма полезно было бы для прикрытія онаго имѣть на мѣстѣ лагеря небольшихъ два редута, соединивъ ихъ траншеею, такъ чтобы вы всегда безопасно могли оставлять вагенбургъ и налегкѣ двигаться.

На случай опасности въ Ечмеадзинѣ, учредите ночные и дневные сигналы.

9) Въ Ечмеадзинѣ оставляется вамъ полный госпиталь на 150 человекъ, и ожидаютъ еще въ скорости изъ Джелаль-Оглу на 500 человекъ вещи. Когда представится возможность, отправляйте изъ Ечмеадзина какъ можно болѣе больныхъ въ Джелаль-Оглу, само по себѣ разумѣется, что по снятіи бло-

кады не должно больныхъ посылать уже въ Ечмеадзинъ, а содержать при отрядѣ до отправленія въ Джелаль-Оглу. Для чего и должно устроить при лагерѣ вашемъ лѣтній временный госпиталь.

10) Средства вашего продовольствія суть слѣдующія:

Въ Ечмеадзинѣ вы имѣете полную дачу провіанта по 1-е іюля, и порціоннаго скота по три полуфунта мяса на недѣлю для человѣка по 15-е іюля же.

31-го маія выступилъ изъ Шулаверъ въ Джелаль-Оглу транспортъ изъ 435 аробъ, на коёмъ муки 1.167 четвертей, сухарей 486 четвертей, крупъ 306 четвертей и ячменя 8-ми четвериковой мѣры 592 четверти. Изъ Джелаль-Оглу сей транспортъ имѣеть слѣдовать къ вамъ подъ прикрытіемъ баталіона Севастопольскаго пѣхотнаго полка. Вы распорядитесь своевременно о направленіи сего транспорта по усмотрѣнію вашему къ Ечмеадзину, къ Эривани или на пунктъ на линіи вашего отступленія, не упуская изъ вида имѣть всегда въ Ечмеадзинѣ мѣсячное продовольствіе для гарнизона и госпиталя.

14-го числа сего мѣсяца должны были быть въ Шулаверахъ исправлены 300 казенныхъ аробъ и потомъ наложены провіантомъ для отправленія къ вамъ, объ оныхъ равно и о дальнѣйшемъ продовольствіи вашемъ снесите съ г. тифлисскимъ военнымъ губернаторомъ, а въ случаѣ отсутствія его съ г. генераль-маіоромъ Ховеномъ. Также пріймите мѣры о снабженіи себя порціоннымъ скотомъ. Для чего воспользуйтесь всѣми средствами продовольствія, какія только представитъ вамъ земля, покупая хлѣбъ отъ жителей чрезъ посредство Нардеса, или реквизиціоннымъ образомъ, или собраніемъ съ полей; для перваго случая оставлено изъ суммъ интендантскаго вѣдомства съ комисіонеромъ 9-го класса Вишняковымъ 1.000 червонцевъ и серебромъ 3.000 рублей, для храненія и

расходования коихъ ваше превосходительство возьмите надлежащія мѣры.

11) Для разныхъ надобностей отряда вашего оставляется 74 казенныхъ арбы въ распоряженіи вашего превосходительства.

12) Сообщение ваше съ Грузіею и съ главнымъ отрядомъ содержите чрезъ нарочно отправляемыхъ татаръ и армянъ; команды же въ случаѣ какихъ либо конвоировокъ посылайте въ Грузію всегда въ значительномъ числѣ, дабы онѣ были обезопасены отъ нападенія хищниковъ, въ Нахичевань же не отправляйте командъ безъ особаго о томъ приказанія.

12) Въ случаѣ какихъ либо безпокойствъ отъ турецкихъ подданныхъ, особенно отъ извѣстнаго Шерифъ-Аги Магазбертскаго, не оставьте принять всѣ возможныя мѣры для наказанія ихъ въ границахъ нашихъ, но въ турецкихъ же земляхъ не преслѣдуйте, только требуйте отъ пашей удовлетворенія, а меня не оставьте увѣдомить; то же дѣлайте если бы персіяне прошли чрезъ турецкія земли, впрочемъ, въ случаѣ преслѣдованія ихъ нѣтъ надобности останавливаться на самой пограничной чертѣ; внутрь же ихъ владѣній ни въ какомъ случаѣ вдаваться не должно.

13) Время вторичнаго наступленія на Эривань и осады оной опредѣлится уменьшеніемъ жаровъ и прибытіемъ осадной артиллеріи, для которой лошади должны быть приведены 26-го іюня въ Тифлисъ; оная будетъ слѣдовать къ вамъ подъ прикрытіемъ трехъ піонерныхъ ротъ; для безопаснаго оной слѣдованія примите нужныя мѣры обще съ г. тифлискимъ военнымъ губернаторомъ.

14) Для усиленія отряда вашего во время осады и конвоирования осадной артиллеріи, назначаются два баталіона Кабардинскаго пѣхотнаго полка, оные придутъ въ Тифлисъ 17-го іюля, о присоединеніи ихъ къ отряду снесите съ

г. тифлискимъ военнымъ губернаторомъ, котораго не оставьте уведомлять о всемъ у васъ происходящемъ и о свѣдѣніяхъ, получаемыхъ о непріятелѣ.

15) Генераль-маіоръ Грузсонъ остается при отрядѣ вамъ ввѣренномъ для производства во время осады инженерныхъ работъ, въ случаѣ же болѣзни вашей при семъ препровождается предписаніе на имя его, которое вы ему вручите вмѣстѣ съ симъ наставленіемъ для командованія отрядомъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ ГЛАВЪ VII.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

№ 1. Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ припадаю къ стопамъ Вашимъ съ моею благодарностію, Всемилоствѣйшій Государь, за лестное вознагражденіе, пожалованіемъ меня орденомъ св. Владиміра 1-й степени.

Истина водить моимъ перомъ всегда, когда я имѣю счастье доносить Вашему Императорскому Величеству и теперь она послужитъ мнѣ руководствомъ.

Прибывши сюда я убѣдился, что генераль-лейтенантъ Кравовскій не могъ бы одинъ овладѣть крѣпостію Эриванскою, какъ по уменьшенію дѣломъ 17-го августа сямъ его отряда, такъ и по нѣкоторой неувѣренности, замѣтной въ его распоряженіяхъ, и даже по упавшему нѣсколько духу войска; почему я и принужденъ самъ здѣсь оставаться, чтобы обезпечить сію страну покореніемъ обѣихъ крѣпостей: Эривани и Сардаръ-Абада. Притомъ я нашель его почти безъ продовольствія; онъ имѣлъ провіанта только на два дня и по прибытіи моемъ сюда получилъ онаго только на 18-ть дней; нынѣ отправлено изъ

Джелалъ-Оглу сюда 1.000 четвертей, но оныя составляютъ только на недѣлю продовольствія для войскъ здѣсь собранныхъ, что наиболѣе побудило меня сдѣлать экспедицію къ Колпи для получения оттуда около 400 четвертей провіанта, съ коими продовольствіе мое обезпечено по 8-е октября, т. е. на 25 дней. Нынѣ хотя генераль-адъютантъ Сипягинъ обѣщаетъ доставить сюда 6.000 четвертей, но оныя еще въ Тифлисѣ и самъ генераль Сипягинъ доносятъ, что транспорты по 8-ми дней останавливаются на Аказибеукѣ и почти столько же на Безобдалѣ, такъ что на благовременное прибытіе сихъ запасовъ трудно полагаться. Притомъ изъ рапорта генераль-адъютанта Сипягина весьма ясно видно, что онъ съ трудностію находитъ средства къ перевозкѣ провіанта.

Итакъ, съ имѣющимися у меня способами продовольствія весьма трудно приступить къ осадѣ Эривани, которая, какъ по значительности укрѣпленій своихъ, такъ и по многочисленности гарнизона, можетъ быть упорна и продолжительна, и тогда по недостатку продовольствія я могъ бы быть принужденнымъ или поспѣшить осадой, и тѣмъ сдѣлать сомнительнымъ успѣхъ, или даже отойти отъ крѣпости для приближенія къ запасамъ—можетъ быть въ минуту самую для насъ благоприятную.

Нынѣ освѣдомившись, что въ крѣпости Сардаръ-Абадѣ находится большое количество провіанта, и зная что она не можетъ выдержать продолжительной осады, я рѣшился овладѣть оною прежде Эривани; покореніемъ ея будучи обезпеченъ въ своемъ продовольствіи ея запасами болѣе чѣмъ на полтора мѣсяца, я рѣшительно приступлю къ осадѣ Эривани, не опасаясь, что недостатокъ провіанта сдѣлаетъ бесполезными мои усилія.

Сія непріятныя обстоятельства заставляютъ меня остаться

здѣсь самому. Ибо какимъ несчастіямъ должны мы подвергнуться, если прежде зимы Сардаръ-Абадъ и Эриванъ не будутъ взяты! Безъ продовольствія нельзя быть. Осадную артиллерію не возможно обратно тащить зимою черезъ горы. Оставить ее опасно безъ сильнаго охраненія, а и малое число войскъ съ трудностію можно прокормить. Наконецъ правый флангъ совершенно безъ защиты въ случаѣ войны съ турками; но когда, Богъ дастъ, мы овладѣемъ сими двумя крѣпостями, то въ состояніи будемъ держаться на правомъ флангѣ противъ турокъ; а лѣвымъ дѣйствовать противъ Тавриза. Нижній Араксъ есть единственная операціонная наша линія противу персіанъ, ибо можемъ наступательно дѣйствовать имѣя магазины свои позади себя, а не съ флангу, какъ здѣсь, или съ собою, какъ на походѣ отсюда до Тавриза, что затрудняетъ всѣ движенія.

Очистивъ здѣшнюю сторону отъ непріятельскихъ войскъ, я свободнѣе буду преслѣдовать исполненіе начальной и главной цѣли кампаніи, и тогда только могу повергнуть къ Всемилостивѣйшему воззрѣнію Вашего Императорскаго Величества средства, которыя для того будутъ мною приняты.

Генераль-адъютантъ Паскевичъ.

14 сентября 1827 г.
Лагерь близъ крѣпости
Сардаръ-Абадъ.

№ 2. Иванъ Федоровичъ! Открытіе въ настоящемъ году кампаніи противу персіанъ подъ главнымъ предводительствомъ вашимъ, не смотря на многія мѣстныя трудности и препятствія, кои вамъ преодолѣть надлежало, ознаменовано занятіемъ города Нахичевана, разбитіемъ Аббаса-мирзы въ сраженіи при Джеванъ-Булакѣ, и завоеваніемъ крѣпости Аббасъ-Абада. Успѣхи

сія, покрывшіе оружіе наше новою славою, служатъ явнымъ доказательствомъ искусныхъ распоряженій вашихъ и того мужества войскъ вамъ ввѣренныхъ, которымъ они одушевляются вашимъ примѣромъ. Въ воздаяніе столь отличныхъ услугъ вашихъ, Намъ и отечеству оказанныхъ, Мы признали справедливымъ пожаловать васъ кавалеромъ ордена Святаго Равноапостольнаго Князя Владимира первой степени, знаки коего при семъ препровождая, пребываемъ къ вамъ Императорскою нашею милостію всегда благосклонны.

Николай.

Въ С.-Петербургѣ,
Августа 11-го дня
1827 года.

м. п. Канцлеръ орденовъ Россійскихъ
К. Алексѣй Куракинъ.

Сентября 21-го
Кр. Сардаръ-Абадъ.

Имѣю счастье донести Вашему Императорскому Величеству, № 3.
что сходно съ предположеніями моими, изъясненными въ послѣднемъ всеподданнѣйшемъ донесеніи моемъ, въ ночи отъ 14-го на 15-е сентября приступлено къ осадѣ крѣпости Сардаръ-Абада заложениемъ демонтиръ-батарей на маломъ курганѣ въ 200 саженьяхъ съ западной стороны крѣпости, для уничтоженія обороны фронта, гдѣ предполагалось открыть траншею, пользуясь для приближенія къ оному саду сардарскимъ.

Гассанъ-ханъ ночью прокрался въ крѣпость, принялъ начальство, ободрилъ гарнизонъ своимъ присутствіемъ и воспоминаніемъ объ Эривани, которую онъ отстоялъ противъ русскихъ

въ 1808 году. Эта рѣшительность продолжалась не болѣе 3-хъ дней.

Отъ 17-го на 18-е число въ ночи траншея открыта и въ ту же ночь заложена въ 200 саженьяхъ большая батарея, состоящая изъ трехъ осадныхъ орудій, одного осаднаго и восьми полупудовыхъ единороговъ; фланги оной защищали 8-мь орудій легкихъ. Первый огонь съ сей батареи открытъ 18-го числа и съ такимъ успѣхомъ, что большая 4-хъ угольная башня послѣ 500 выстрѣловъ приведена въ совершенное разрушеніе.

Потеря съ нашей стороны была малозначущая: убито 8 и ранено 15.

Въ ночи отъ 16-го на 17-е число открытъ полупараллель въ лѣво отъ означенной большой батареи и устроена новая изъ 6-ти орудій на капителѣ угловой башни юго-западной стороны не далѣе во 100 саженьяхъ отъ крѣпостныхъ стѣнъ.

Въ продолженіи всего дня 19-го продолжался непрерывный огонь по бреши и обвалена почти вся куртина средней части южнаго фаса крѣпости. Такимъ образомъ брешь уже около вечера имѣла шириною около 10-ти сажень.

Вмѣстѣ съ тѣмъ 4 полупудовыя мортиры наносили вредъ и ужасъ по внутренности крѣпости. Около вечера Гассанъ-ханъ сардаръ выслалъ ко мнѣ парламентаря, прося о перемиріи на три дня, въ чемъ ему было отказано, и огонь съ батарей въ то же время былъ усиленъ. Получивъ столь рѣшительный отвѣтъ, Гассанъ-ханъ, пользуясь темнотою ночи и всеобщимъ смятеніемъ, взявъ съ собою двухъ человѣкъ, бѣжалъ и поручилъ спасеніе чести и жизни прыткости своей лошади. Весь гарнизонъ, состоящій изъ двухъ баталіоновъ сарбазовъ и конницы всего около 1.500 человѣкъ, также былъ имъ снаряженъ къ побѣгу, и вышелъ изъ крѣпости съ сѣверной стороны, которую совершенно обложить не было возможно

по причинѣ большаго удаленія воды. Сарбазы рассыпались по степи, бѣжа къ Эривани, къ Алагезу и къ Турецкой границѣ. Но иныхъ застигла еще въ воротахъ пѣхота наша, между тѣмъ какъ прочія наши войска безпрепятственно проникали въ самый проломъ; кавалерія наша уже была направлена для пресѣченія главнѣйшихъ дорогъ. Казачьи полки, Чугуевскій уланскій и Нижегородскій драгунскій подѣ начальствомъ генераловъ Бенкендорфа, Розена и Шабельскаго, стоптали и перекололи спасающихся, изъ коихъ убито до 500, взято въ плѣнъ до 200—число плѣнныхъ ежеминутно увеличивается.

Храбрости войскъ Вашего Императорскаго Величества досталось въ добычу орудій мѣдныхъ 13, магазинъ, въ которомъ 14.000 четвертей пшеницы, значительное количество пороху и другихъ снарядовъ; огромный запасъ хлопчатой бумаги и проч.

Крѣпость Сардаръ-Абадъ построена въ азіатскомъ вкусѣ превосходно, она имѣетъ съ 3-хъ сторонъ двойную для обороны стѣну, съ южной же стороны, нами атакованной, лишь одиночную. Обширность ея продолговатымъ кареемъ значительна.

Временный гарнизонъ для охраненія Сардаръ-Абада состоятъ будетъ изъ одного баталіона Крымскаго пѣхотнаго полка, дружины армянской и нѣкотораго числа казаковъ; временнымъ же комендантомъ назначенъ гвардіи полковникъ Хомутовъ.

Осадную артиллерію я сего же числа отправлю обратно въ Эчміадзинъ. Въ скорѣйшемъ времени надѣюсь обложить Эривань, и устроить осаду сего города. О дальнѣйшихъ же предположеніяхъ моихъ я не премину вскорѣ за симъ донести Вашему Императорскому Величеству.

Повергая къ стопамъ Вашего Величества ключи Сардаръ-Абада, я остаюсь въ надеждѣ, что кромѣ способовъ продо-

вольствія нами приобрѣтенныхъ, безъ которыхъ мы не могли бы удержаться въ здѣшнемъ краю, и ужась; распространенный смертоноснымъ дѣйствіемъ нашихъ тяжелыхъ орудій, поразили чрезвычайно умы непріятеля. Объ отличившихся и заслуживающихъ милостивыхъ награжденій за храбрость и не малые труды, со времени выступленія моего изъ Нахичевани до покоренія Сардаръ-Абада, я буду имѣть счастье представить на Всемилоствивѣйшее воззрѣніе Вашего Императорскаго Величества.

Ключи крѣпости и рапортъ сей съ глазомѣрнымъ планомъ оной—отправляю съ адъютантомъ моимъ гвардіи поручикомъ графомъ Ламздорфомъ; отличное поведеніе и храбрость, оказанная имъ въ разныхъ случаяхъ во время осады, внушаютъ мнѣ смѣлость повергнуть его Всемилоствивѣйшему вниманію Вашего Императорскаго Величества.

Октября 3-го 1827.
Эривань.

№ 4. Знамя Вашего Императорскаго Величества развѣвается на стѣнахъ Эриванскихъ. Ключи сей столько прославленной крѣпости, весь гарнизонъ ея, взятый въ плѣнъ, вмѣстѣ со всѣми главными начальниками, самого Гассанъ-хана, который на этотъ разъ не могъ ни бѣжать, ни пробиться, завоеванные трофеи: 4 знамя, 37 пушекъ, 2 гаубицы, 9 мортиръ, до 50 фальконетовъ, наконецъ, подданство и благодарность жителей, освобожденныхъ нами отъ ихъ мнимыхъ защитниковъ и свирѣпыхъ утѣснителей,— все сіе спѣшу повергнуть къ Всемилоствивѣйшему воззрѣнію Вашему, Государь. Войско Вашего Императорскаго Величества вновь увѣнчалось блескомъ побѣды.

Быстрое покореніе Сардаръ-Абада навело ужась на непріятеля и симъ должно было пользоваться.

23-го сентября, какъ уже имѣлъ счастье доносить, дѣйствующій корпусъ подъ моею командою прибылъ на Зангу.

24-го. Во время обозрѣнія непріятель открылъ по насъ огонь, безъ малѣйшаго вреда для осаждающихъ. Въ ночь на 25-е брошено въ городъ нѣсколько бомбъ изъ-за пригорка Муханеть-тепе, съ восточной стороны, прежде еще начатія осадныхъ работъ.

Положено было атаку повести на юго-восточный уголъ крѣпости.

Гассанъ-ханъ, который съ отчаянія сюда бросился, не смѣя показаться къ шаху послѣ неудачной обороны Сардаръ-Абада, конечно не придавъ храбрости эриванскому гарнизону, и я, чтобы еще сильнѣе подѣйствовать на осажденныхъ, послалъ къ нимъ прокламаціи, чрезъ людей, имѣвшихъ способы туда проникнуть.

26-го. На Георгіевскомъ холмѣ, въ 300 саженьяхъ противъ восточной стѣны, сдѣлана батарея на 6 батарейныхъ орудій, справа оттуда за уцѣлѣвшимъ строеніемъ поставлены 4 мортиры. Покатость города отъ запада къ востоку представляла необыкновенную удобность для метанія бомбъ и гранатъ, и дѣйствіе ихъ каждый разъ было на виду.

Въ ночь на 27-е сдѣлана первая параллель и продольная батарея съ праваго фланга на 12, съ лѣваго на 6 орудій. Лунный свѣтъ, открытіе непріателемъ работающихъ, живая ружейная пальба, — ничто не остановило ни инженеровъ, ни піонеровъ, ни гвардейскій баталіонъ, бывшій въ прикрытіи, ни работающихъ Ширванскаго, Кабардинскаго, 39-го егерскаго и Севастопольскаго полковъ. Работы шли успѣшно, отъ насъ не отвѣчали ни однимъ выстрѣломъ, и въ теченіи всей осады это хладнокровіе въ русскомъ войскѣ оставалось неизмѣннымъ.

27-го. Съ обѣихъ нашихъ батарей открытъ огонь, въ слѣ-

дующую ночь учреждена главная брешь-батарея для осадных орудій, въ 150-ти саженьяхъ отъ разрушаемой стѣны, на лѣвомъ флангѣ траншеи—батарея на двѣ мортиры.

28-го. Начала громить стѣны главная брешь батареи, также опустошеніе было уже чрезвычайное, дома одинъ за другимъ разрушались, пыль отъ развалинъ и дымъ отъ взрыва бомбъ густыми облаками носились надо всею эриванскою окрестностію.

Въ ночь на 30-е работы въ траншеяхъ продолжены съ каждой стороны на 55 сажень летучею сапою.

Непріятель открылъ сильный ружейный огонь, наши батареи не умолкали, равно и когорновы мортиры, также на Иракліеву гору за рѣкою къ западу поставлены 7-го Карabinернаго полка баталіонъ, двѣ роты Херсонскаго полка и 6 легкихъ орудій, которыя съ сей стороны много тревожили осажденныхъ.

30-го непріятель вновь открылъ пушечный огонь изъ возобновленныхъ ночью амбразуръ, но вскорѣ затихъ дѣйствіемъ батарей нашихъ. Траншеи подвигались медленно сапою на 12 сажень. Работающіе во весь день были подъ ружейнымъ сильнымъ огнемъ. Около половины дня на сѣверо-восточной башнѣ появились непріятельскія мортиры, изъ которыхъ пускили 5-пудовыя бомбы по главной батарее нашей; но наши мортиры заставили замолчать ихъ.

Въ обѣдъ прибылъ ко мнѣ человекъ съ письмомъ отъ Гассанъ-хана. Здѣсь, какъ и прежде въ Сардаръ-Абадѣ, онъ нашелъ меня на главной батарее и могъ на дѣлѣ, болѣе нежели на словахъ, оцѣнить безстрашіе войскъ нашихъ. Содержаніе письма было самое увертливое, согласіе на сдачу, но съ гѣмъ, чтобы прежде имѣть на то мнѣніе Аббасъ-мирзы. «Безъ «посылокъ къ Аббасъ-мирзѣ и къ кому бы ни было», отвѣчалъ я письменно Гассанъ-хану, «сдаться безусловно тотчасъ,

«или узнаете силы русскаго оружiя». Съ этимъ отвѣтомъ отпущенъ былъ посланный; тогда же нашелся человекъ, который взялся, за богатую ему обѣщанную награду, доставить жителямъ отъ меня новую прокламацію и исполнилъ сіе съ успѣхомъ. Я велѣлъ усилить огонь со всѣхъ батарей, притомъ если бы упорство непрiателя продолжилось, то до приступа по усердному производству осады не долго оставалось. Проломъ разбиваемыхъ куртинъ и фланкирующихъ ихъ башенъ наружной и внутренней былъ уже весьма значителенъ. Ночью еще ближе подошли летучею сапою, и наши туры были поставлены на краю рва. Во всю эту ночь огонь съ обѣихъ сторонъ былъ сильнѣйшій, непрiатель обсыпалъ работниковъ картечью, пулями, имъ пущено множество ядеръ; но наконецъ превозмогла канонада наша со всѣхъ батарей и ружейный огонь второй параллели.

1-го октября, послѣ обоюдной стрѣльбы въ 8 часовъ утра на юго-восточной башнѣ и восточной стѣнѣ показались нѣкоторые жители, махали бѣлыми платками, а потомъ начали перебѣгать къ траншеямъ, спускаясь по обрушеннымъ частямъ вала. Съ южной стороны непрiатель не переставалъ однако стрѣлять по нашимъ рабочимъ. Жители, сошедшіе по приглашенію нѣкоторыхъ нашихъ офицеровъ, которые по первому знаку сдачи подскочили къ самому краю рва, объявили, что всѣ они и нѣкоторая часть сарбазовъ рѣшились намъ передаться, но что прочіе баталіоны хотѣли защищаться до самой крайности.

Дежурный въ траншеѣ генералъ Лаптевъ послалъ въ сихъ обстоятельствахъ начальника траншеи полковника Гурко и командующаго своднымъ Гвардейскимъ полкомъ полковника Шипова съ ближайшими шестью ротами Гвардейскаго полка, которые немедленно бросились чрезъ брешь и заняли юго-

восточную башню первой и второй стѣны и примыкающія къ ней куртины, рабочіе отъ Севастопольскаго, 39-го Егерскаго полковъ и піонерныя роты съ двумя легкими орудіями бы-стрымъ движеніемъ пошли къ Сѣвернымъ воротамъ, дабы не дать непріятелю уйти черезъ оныя. Туда же прибылъ генераль-лейтенантъ Красовскій съ частію его отряда. Ворота были еще завалены, Бѣловъ, аудиторъ, который по знанію языка думалъ вступить въ переговоры съ защищавшимися, палъ мертвый отъ фальконетнаго выстрѣла, послѣднею жертвою этого дня. Ворота сломаны, наши ворвались туда и колебавшіеся два баталіона сарбазовъ бросили оружіе и сдались военно-плѣнными. Орудіями на стѣнахъ поспѣшно завладѣли наши, проникнувшіе въ брешу. О Гассанъ-ханѣ извѣстно было, что онъ, видя рѣшительную волю старшинъ города сдаться, и ропотъ въ гарнизонѣ, съ нѣсколькими приверженцами пытался еще ночью спастись, но улицы изъ форштата были замкнуты нашею пѣхотою и кавалеріею, а по ту сторону Занги кавалерійскій отрядъ подъ командою генераль-маіора Шабельскаго каждую ночь былъ посылаемъ, чтобъ перехватывать бѣгущихъ и препятствовать переправѣ черезъ рѣку. Видя себя отовсюду окруженнымъ, онъ еще думалъ укрыться днемъ при общемъ смятеніи. Генераль-лейтенантъ графъ Сухтеленъ, взявъ двѣ роты своднаго Гвардейскаго полка, пошелъ въ мѣсто его убѣжища, въ мечети близъ сардарьскаго дворца обезоружилъ его и приставилъ къ нему карауль. Субланъ-Кули-ханъ, комендантъ крѣпости, открытъ былъ порутчикомъ Чевкинымъ въ подземельи. гдѣ онъ переодѣтый запасся пищею на нѣсколько дней съ намѣреніемъ какъ нибудь избѣгнуть отъ рукъ побѣдителей; другіе ханы и начальники: Касумъ-ханъ, командиръ баталіона Хасъ (гвардейскаго), лучшаго войска Аббасъ-мирзы, Джафаръ-Кули ханъ Марандскій, Али-Мердонъ ханъ Тавризскій, Асланъ-ханъ

Араклинскій и Фетали-ханъ, начальникъ литейной, всѣ были захвачены въ плѣнъ. Беспорядокъ, неизбежный при такихъ происшествіяхъ, не долго продолжался, чрезъ два часа возобновлена тишина. Войска Вашего Императорскаго Величества не запятали себя никакимъ насильственнымъ поступкомъ, ни убійствомъ бесполезнымъ, и покорители Эривани, бодро идущіе на всякую опасность, когда сія миновалась, явили въ себѣ образецъ самой строгой подчиненности; кроткіе и человѣколюбивые покровители тѣхъ, которые прибѣгли подъ ихъ защиту.

Потеря наша, по стеченію многихъ счастливыхъ случайностей, самая ничтожная. Знаменитая Эриванъ, которой приобрѣтеніе, какъ полагали, должно было стоить потоковъ крови, пала предъ побѣдоноснымъ русскимъ оружіемъ безъ великихъ жертвованій съ нашей стороны. Теперь лезгины, дагестанцы и всѣ мятежники въ Кавказскихъ горахъ приведены будутъ въ трепеть покореніемъ города, вѣчнаго ихъ убѣжища, гдѣ они находили помощь деньгами, оружіемъ и всѣмъ коварствомъ персидской политики. Слава его въ Турціи и Персіи неизмѣрна, но еще неизмѣрнѣе покажется овладѣніе имъ по шестидневной осадѣ. 3.000 человѣкъ военно-плѣннаго гарнизона уже мною отправятся въ Грузію. Подробной смѣты богатымъ хлѣбнымъ запасамъ и военнымъ снарядамъ и прочей добычи я еще не имѣю.

Всеподданнѣйше поздравляя Ваше Императорское Величество съ симъ новымъ торжествомъ, которое даетъ самый блестящій оборотъ персидской войнѣ, повергаю моихъ храбрыхъ сотрудиновъ въ Всемиловѣннѣйшее воззрѣніе Ваше, особенно инженеръ-маіора Трузсона и безсмѣнно по траншеямъ дежурнаго полеовника Гурко, начальника артиллеріи генераль-маіора Унтилье и подъ нимъ командовавшаго брешь-батареєю полковника Гилленшмидта, подполковника Бухарина, штабсъ-капи-

тана Кузнецова, командовавшаго кессель-батареей гвардіи штабсъ-капитана Философова, демонтиръ-батареєю на Георгіевскомъ курганѣ капитана Соболева и такую же на лѣвомъ флангѣ капитана Цебрикова. Днемъ и ночью работами завѣдывали гг. полковники Евреяновъ, Литовъ и подполковникъ Пѣвцовъ. Съ симъ посылается мною порутчикъ Бухмейеръ, офицеръ того рода войскъ, который наиболѣе понесъ трудовъ и способствовалъ съ успѣхомъ при обѣихъ осадахъ. Всѣмъ прочимъ по степени ихъ отличія буду имѣть счастье представить въ слѣдъ за симъ подробнѣйшій списокъ, они стоятъ награды и милостей Великаго Государя, побѣды здѣсь покупаются цѣлыми мѣсяцами безплоднаго ожиданія, скучнаго бездѣйствія, желанія настичь непріятели и невозможности найти его иначе, какъ огражденнаго крѣпкими стѣнами. Мужество, презрѣніе опасности свойственно всякому русскому, но труды походные, уныніе, которое наводятъ здѣшнія степи, отсутствіе всякаго разнообразія и удовольствія, изнуреніе отъ климата едва могутъ быть достойно признаны тѣми, которые сами не испытали ихъ.

Копія.

№ 5. Иванъ Ѳеодоровичъ! Отличное мужество, твердость и искусство, съ коими вы, начальствуя ввѣреннѣмъ вамъ отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, вели столь успѣшно нынѣшнюю противъ персіянъ кампанію, ознаменованную уже преодоленіемъ необычайныхъ трудностей, многократными побѣдами и блистательными подвигами вашими, а нынѣ увѣнчанную покореніемъ Сардаръ-Абада и важнымъ для Имперіи завоеваніемъ знаменитой въ Азіи крѣпости Эривани, обратили на васъ особенную Монаршую Нашу признательность.

Въ знакъ оной и въ вознагражденіе за столь значительныя услуги Мнѣ и отечеству оказанныя, жалую васъ кавалеромъ ордена святаго побѣдоноснаго Георгія второй степени большаго креста. Препровождая къ вамъ при семъ знаки сего ордена для ношенія по установленію, пребываю вамъ благосклоннымъ.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

Николай.

Въ Ревелѣ.
Октября 29-го дня
1827 года.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

А.

- Абарань, урочище, стр. 233, 261, 296, 302.
- Аббасъ-Абадъ, крѣп., стр. 238, 264, 275—279, 281, 282, 284, 285, 287, 289, 291—294, 296—299, 309.
- Аббасъ I, шахъ изъ династїи Зундовъ, стр. 3.
- Аббасъ-мирза, Шахъ-Заде, наследн. перс. престола, стр. 2, 6, 7, 9, 10, 13—19, 20—31, 34—39, 49, 52, 53, 55, 58, 63—65, 67—70, 72—74, 76—79, 81, 84, 85, 86, 88, 93—95, 97, 100, 103, 107, 108, 109, 111—113, 115, 116, 118, 119—121, 125—128, 131, 132, 137, 139, 143, 145, 149, 162, 163, 184, 208, 220, 223, 249—250, 262, 267, 275—277, 281—285, 289—292, 294, 296—299, 301, 304, 305—310, 312—314, 319, 320, 324, 325, 327, 329.
- Абдулъ-Гассанъ, см. Мирза-Абдулъ-Гассанъ-ханъ.
- Абхазовъ кн., полковн., стр. 234, 247, 262.
- Авенаріусъ, полк., стр. 71.
- Аверковичъ, пров. комиссаръ, стр. 171, 172.
- Ага-Магометь, основат. царств. династїи Каджаровъ, стр. 4, 5.
- Агаръ, главн. гор. Карадагскаго ханства, стр. 93—96, 100, 108, 121, 122, 142, 143, 159, 165, 201, 209.
- Агъ-огланъ, Акъ-Угланъ, Ахъ-огланъ, Ахугланъ,—скій провіантск. магазинъ, урочище, стр. 114, 132, 166, 213, 233, 234, 235, 236, 237.
- Азербайджанъ, - бейджанъ, - бажанъ, Азербайджанъ. область въ Персіи, стр. 7, 160, 221, 277, 281.
- Аджи-Мамедъ-бекъ, перс. чиновникъ, стр. 183.
- Адлербергъ, Влад. Фед., флигель-адъютантъ, стр. 195.
- Азіатская Турція, стр. 3, 184, 185, 245.
- Аистарахъ, дер., стр. 240 (прил.).
- Ай-гланлу,—ы, верхн. и нижн., селенія, стр. 240, 244.
- Айрюмскій, см. Имамалъ ханъ Айрюмскій.
- Агвебіукъ, гора, стр. 230, 232, 254.
- Аккерманъ, гор., стр. 125.
- Акстафа, р., стр. 58, 63—65, 232.
- Акты кавказской археограф. комм., ссылки и цитаты въ разныхъ мѣстахъ.
- Акушанцы, см. Даргинцы.
- Акъ-Су (или Новая Шемаха), стр. 91.
- Алагевскія горы, Алагёвъ, стр. 266, 267, 274, 275 и 255 (прил.).

- Алаванъ, р., стр. 89.
 Алаперса, дер., стр. 307.
 Алаяръ-ханъ, первый министр шаха Фетъ-Али, стр. 35, 36.
 Алаяръ-ханъ, сардаръ, стр. 284, 285.
 Александровъ *Сергій*, астраханск. армянинъ, стр. 67, 112.
 Александръ I Павловичъ, императоръ, стр. 3, 24, 32, 33, 43.
 Александръ II, императоръ, стр. 233.
 Александръ, царевичъ грузинскій, стр. 42, 43, 93, 300.
 Али-бекъ, ваятатскій паша, стр. 185.
 Али-Магометъ, шахъ изъ династїи Каджаровъ, стр. 5—6.
 Али-мирза, или Шахъ-Али-ханъ, сынъ Аббаса-мирзы, стр. 88, 89, 121.
 Али-Наги-мирза, предвод. отряда перс. войскъ, стр. 285, 314.
 Ашамлы, сел., стр. 231, 246, 255.
 Аш. Joudain, историкъ, стр. 4.
 Амурскій край, стр. 27.
 Азакуръ, станція, стр. 175.
 Азапа, гор., стр. 124.
 Англія, стр. 10, 14, 20, 290.
 Андреевъ, казач. полк. командиръ, стр. 171, 230, 243, 245, 268.
 Ашшеронскій пѣх. полкъ, стр. 91.
 Аракъ, р., стр. 13, 37, 40, 59, 60, 69, 75, 81, 85, 90, 91, 93—95, 98, 100, 107, 114 — 116, 118—122, 126—131, 145, 162, 165, 168, 201, 202, 221, 231, 233, 235—238, 240, 259—262, 266, 272—276, 278, 282, 285, 289, 290, 292—294, 297, 301, 305, 306, 308, 313—316, 325.
 Аракчеевъ графъ, стр. 23, 33, 180.
 Ардабадъ, стр. 262.
 Ардебиль, гор.,—ская дорога, стр. 121, 125, 126.
 Ардошъ, р., стр. 174.
 Армения, стр. 214.
 Арпачай, р., стр. 162, 245, 275.
 Асландувъ,—ская переправа, стр. 2, 92, 107, 109, 119, 127, 128, 160, 162, 201, 238, 262.
 Асланъ-ханъ Кавказумухскій и Куряисскій, ген. майоръ, стр. 51.
 Астрабадъ, гор., стр. 13.
 Астраханскій сборный казачій полкъ, стр. 172.
 Астраханъ, гор., стр. 117, 161, 164, 200, 209, 212, 234, 252.
 Ахаджи-ханъ, сынъ Седима-хана (шекискаго), прил. стр. 86.
 Ашъ бар., квартирмейст. офицеръ, стр. 123, 124.
 Аштаракъ, сел., стр. 232 (прил.).

Б.

- Багдадъ, гор., стр. 35.
 Багратионъ, кн., герой Бородина, стр. 55, 56, 149, 247.
 Багратионъ кн., ген.-майоръ, стр. 299, 300.
 Бакинская область, стр. 164, 167, 253.
 Баку, гор., стр. 163, 164, 181, 200, 235, 252.
 Балыкъ-чайскій постъ, стр. 49.
 Барсуковъ, Н., биографъ М. П. Погодина, стр. 318.
 Башабаралъ—ь,—скія горы, Башъ-Абаранъ, стр. 202, 230, 267, 270 и прил. стр. 246.
 Башабаранское ущелье, стр. 266.
 Башекчетъ, стр. 230.
 Баязетскій пашалыкъ, стр. 320, 324.
 Баязетъ, стр. 185, 324.
 Беглировъ (Юсуфъ), армянинъ изъ Карабага, стр. 67.
 Безобдакъ,—скій горный хребетъ, стр. 87, 223, 230—231, 255.
 Беклемишевъ, *Петръ Никифоръ*, штабмейстеръ, стр. 149, 236.

- Беклемишевъ, Н. П., стр. 236.
 Бельфортъ, графъ, маіоръ, стр. 234, 238 (прилож.).
 Бенкендорфъ 1-й, А. Х., ген.-адъют., шефъ жандармовъ, стр. 179, 180.
 Бенкендорфъ 2-й, К. Х., генер.-адъют., стр. 178—181, 213, 214, 223, 224, 229, 230, 231, 233, 239, 240—247, 253, 255, 257—262, 264, 265, 275, 278, 282, 283, 295, 298, 312, 317.
 Березина энциклопед. словарь, стр. 233.
 Берхманъ, ген.-маіоръ, стр. 303, 304.
 Борисоглѣбскій уланскій полкъ, стр. 268, 298.
 Бородинъ, попечит. с.-петерб. учеб. округа, стр. 318.
 Борчалинская дистанція, стр. 252, 253.
 Буссей, р., стр. 34.
 Бухара, стр. 8.
- Видичай, р., стр. 273, 274, 308, 309.
 Викинскій, адъютантъ Паскевича, стр. 123.
 Вильно, стр. 83.
 Витгенштейнъ графъ, фельдмаршалъ, стр. 124, 125, 151, 152, 187, 188, 194.
 Вишняковъ, интенд. комисіонеръ 9-го класса, стр. 247 (прил.).
 Владикавказъ, крѣп., стр. 173, 174, 175, 253.
 Военно-Грузинская дорога, стр. 175.
 Военно-ученый архивъ, извлеченія изъ дѣлъ въ разныхъ мѣстахъ текста и въ приложенияхъ къ сему тому.
 Волженскій, подполковн., стр. 242, 256.
 Волжскій казачій полкъ, стр. 172.
 Волконскій кн., стр. 216.
 Воронцовъ графъ, *Михаилъ Семен.*, стр. 179, 180.
 Вязьма, гор., стр. 246.

В

- Вадбольскій кн., ген.-маіоръ, стр. 155, 254, 268, 325.
 Вальховскій, капит., квартирмейст. офицеръ, стр. 123, 124, 211.
 Вальшинскій, маіоръ, стр. 258.
 Валада, дер., стр. 300.
 Ванякъ, маіоръ, стр. 226 (прил.).
 Ванъ, стр. 185.
 Вахтагъ, бѣглый имеретинскій царевичъ, стр. 42, 43.
 Вельяминовъ 1-й, ген.-лейт., стр. 47, 79, 89, 164.
 Вельяминовъ 2-й, генералъ маіоръ, послѣдствіи ген.-лейт., начальникъ корпуснаго штаба, стр. 60, 72, 73, 80, 97, 105, 123, 193, 210, 215, 217, 228, 248.
 Вердя, стр. 259.

Г

- Гаджи - Ахметъ - султанъ, наибъ, прил. стр. 86.
 Гаива-Чемень, р., стр. 37.
 Гаджа, см. Елизаветполь.
 Гаджинское ханство, стр. 6, 10, 12.
 Гассанъ-Су, см. Хассанъ-Су.
 Гассанъ-ханъ, братъ сардаря Эриванскаго, стр. 84, 87, 244, 258—262, 264, 266, 267, 274, 275, 284, 285, 297, 316, 317, 322, 324, 326, 327, 329.
 Гашаванко, мѣстечко, стр. 245.
 Георгіевскъ, крѣп., стр. 172.
 Гергеры, стр. 297, 305.
 Герюсы, иначе Гирюсы, Горусъ,-ы, Горюсъ,-ы, горное сел., стр. 109,

- 165, 166, 235, 238, 239, 246, 252, 253, 255, 266, 277, 295, 299.
- Гилленшмидтъ, артилл. полковникъ, стр. 302, 303.
- Гилянская область въ Персін, стр. 208, 221.
- Глауковъ, полковн., комендантъ Георгіевска, стр. 172.
- Говіушъ, полковн. путей сообщенія, стр. 211.
- Гоклиса, стр. 307.
- Гокча, Гок-чай, Гѣкча, озеро, стр. 49, 85, 260, 274.
- Гори, стр. 200.
- Горначай, р., стр. 267.
- Грековъ, подполк. Ширванск. пѣх. полка, стр. 63, 71, 72, 76.
- Грибоѣдовъ, надв. сов., дипломат. чиновникъ, стр. 68, 249, 250, 298.
- Грузинскій гренадерскій полкъ, стр. 51, 58, 71, 89, 108, 132, 135, 231, 256, 257, 265, 269, 306.
- Грузія, стр. 21, 26, 42, 43, 47, 48, 75, 78, 87, 88, 96, 99, 115, 140, 144, 165, 173, 199, 209, 212, 216, 229, 253, 266, 272, 310.
- Гудауры, стр. 253.
- Гудовичъ графъ, *Ив. Вас.*, генераль-фельдмаршалъ, стр. 244, 263, 264, 322.
- Гумри, -ы, постъ, стр. 37, 320.
- Гурко, полковн., начальн. отряднаго штаба, стр. 257, 328.
- Гуссейтъ-Кули-ханъ, сынъ Селим-хана (шекисскаго), прих. стр. 83.
- Гуссейтъ, мирза, стр. 126.
- Гуссейтъ, племянникъ куртинскаго аги, стр. 243.
- Гюлистанскій мирный договоръ 1813 года, стр. 2, 3, 6, 8—10, 11, 13, 14, 22, 26, 249.
- Гюлистанъ, урочище, стр. 9, 36.
- Д.**
- Давалу, дер., стр. 273.
- Давыдовъ, Д. В., ген.-майоръ, стр. 87, 88, 116, 138.
- Дагестанъ, обл., стр. 33, 51, 117, 209, 220.
- Дадіаны Мингрельскіе, стр. 42, 43.
- Даргинцы, иначе Акушницы, стр. 51, 75.
- Дербентъ, гор., стр. 51, 207.
- Деравуртъ, р., стр. 127.
- Джавать, -ская переправа, стр. 90, 91, 92, 117—118.
- Джангили, урочище, стр. 296, 302, 304, 307.
- Джангильскій лагерь, стр. 307, 309.
- Джарскіе леггины, татары, Джарцы (или Чарцы), Джарскія владѣнія, стр. 51, 88, 142.
- Джафаръ-ханъ, шахъ изъ династїи Зундовъ, стр. 4.
- Джеванъ-Булахъ, ручей, стр. 284.
- Джеванъ-Булахская* битва, паняка, свое дѣло, стр. 283, 286, 288, 291.
- Джеванъ-Булахское урочище, стр. 296.
- Джелаль-оглу, -ы, крѣпостца и пров. магазинъ, стр. 87, 183, 201, 213, 223, 230, 232, 240, 254, 255, 266, 271, 300, 309, 310, 318, 320.
- Джонъ Малькольмъ (John Malcolm), историкъ, стр. 4, 5, 7.
- Джюльфа, стр. 165, 297.
- Двогамъ, урочище, стр. 63, 64, 85.
- Дибичъ бар., *Ив. Иванов.*, начальникъ главнаго штаба, ген.-адъют., стр. 1, 32, 41, 44, 46, 57, 75—81, 85, 94, 96, 117, 120, 121, 130, 134, 139, 140, 146, 148—152, 156, 157, 159, 163, 168, 170—200, 202—208, 209, 212—218, 220—222, 224—231, 240, 243, 245—248, 250, 251.

Долгово-Сабуровъ, артилл. полковн.,
стр. 135.

Долгоруковъ кн., *Никол. Андреев*,
полковн., флигель-адъютантъ, стр.
139, 141, 181.

Донъ, р., стр. 94.

Дубровниъ, Н., ген.-лейтен., исто-
рикъ, стр. 51, 53, 65, 70.

Е.

Евреиновъ, подполковн., пионеръ,
стр. 215.

Европа, стр. 16.

Едйбузакскій бродъ, стр. 249.

Екатерина II, стр. 13.

Екатеринодаръ, гор., стр. 172, 174.

Елизаветполь (Ганджа), стр. 49,
51 — 53, 58 — 61, 64, 70, 75,
78, 80, 85, 88, 113, 135, 137,
145, 162, 163, 181, 189, 191,
202.

Елизаветпольское сраженіе, стр. 69,
81, 83, 88, 90, 93, 94, 96, 98,
99, 105 — 107, 141, 176, 181,
182, 220.

Ермоловъ, *Алексѣй Петров*, гене-
ралъ отъ инфантеріи, командиръ
отдѣльнаго кавкасскаго корпуса,
стр. 1, 2, 3, 9, 12 — 27, 29,
30, 32—34, 36—48, 51—63,
66, 67, 69, 76, 77, 79, 81,
86—89, 92—96, 103—105, 107,
108, 111, 113—123, 127, 129,
130, 132—134, 137, 139—142,
144—148, 150, 151, 153—162,
164 — 167, 171 — 181, 183,
185—188, 190—197, 199, 200,
202, 208, 209, 212, 214, 216,
217, 221, 223—226, 228, 231,
234, 236, 291, 295.

Ессакъ-ханъ, командиръ вахичев.
баталіона, сынъ Келбалы хана,
стр. 286.

З.

Закавказье, стр. 22, 26, 27, 39,
49, 50, 83, 84, 95, 101, 116,
122, 138, 139, 146, 152, 175,
204, 212, 331.

Закаталы, горское укрѣпленіе, стр.
152.

Занга, р., стр. 256, 257, 261,
307, 321, 322, 325, 329.

Зардобъ, см. Сардобъ.

Зинзили (Zinzili), см. Эвзели.

Зубовъ графъ, стр. 13.

И.

Ибрагимъ-ханъ, сардаръ, стр. 284.

Измаиль, отравленный ханъ Ше-
кинскій, стр. 29.

Измаиль-ханъ Айрюкскій, стр. 243,
312, 329.

Иловыйскаго казачій полкъ, стр.
269, 306.

Иловыйскій, генер.-лейтен., атаманъ
казачьихъ войскъ на Кавказѣ,
стр. 155, 269, 282.

Ильинскій, майоръ, комендантъ Лен-
корана и правитель Талышша-
скаго ханства, стр. 28, 50.

Имеретія, стр. 43.

Ивзели, Ивзелискій портъ, см.
Эвзели.

Индія, стр. 8.

Ираклиева гора, стр. 257, 258, 326.

Иранъ, стр. 5, 6, 290.

К.

Кабардинскій пѣхотн. полкъ, стр.
173, 272, 307, 323.

Кавкасская ливія, стр. 163.

Кавкасскія горы, стр. 44.

- Кавказъ, Кавказскій край, стр. 1, 2, 9, 12, 18, 23, 25, 27—29, 31, 33, 38, 42, 43, 45, 47, 48, 51, 56, 57, 77, 81, 105, 113, 117, 134, 141, 155, 164, 167, 177, 181, 187, 188, 194, 195, 202, 204, 205, 209, 213, 214, 222, 225, 228, 248.
- Каджары, племя и царствующая династія въ Персіи, стр. 1, 3, 4—7, 10, 64, 87, 298.
- Кавказское ханство, —ая дистанція, Кавказъ, стр. 50, 52, 85, 86, 252, 253
- Кавбекъ, гора, стр. 149.
- Казиль-Венкъ, монастырь, стр. 278.
- Кайгачъ (Кягачъ), бродъ, стр. 297, 319.
- Калавтаръ Барсигъ, стр. 218—220.
- Кандалянъ, р., стр. 96.
- Кара-Баба, Карабаба, стр. 277, 294, 299; 309.
- Карабабскій лагерь, отрядъ, стр. 296—300, 306, 312.
- Карабабскія горы, стр. 294, 299.
- Карабагскій отрядъ, стр. 161, 162, 167.
- Карабагскія горы, стр. 72, 110.
- Карабагъ, —ское ханство, —ская область, Карабахъ, стр. 9, 10, 12, 28—30, 36, 37, 40, 41, 49, 52, 58, 59, 67, 69, 75, 79, 96, 100, 101, 103, 104, 113, 115, 116, 118, 120, 128, 133, 140, 142, 146, 155, 159, 160, 162, 163, 165, 166, 190, 195, 200, 205, 206, 219, 220, 234, 237, 239, 247, 253, 262, 275, 294.
- Кара-багъ, дер., стр. 264.
- Карагачъ, гора, стр. 85.
- Карадагъ, —ское ханство, —ская область, стр. 93, 94, 108, 221.
- Караисартъ, стр. 267.
- Караиадинъ, стр. 284.
- Карасу-Баши, урочище, стр. 238, 239 (прил.).
- Каргановъ, поруч., переводчикъ, стр. 97, 99—103, 181, 321.
- Каракалы замокъ, стр. 308.
- Карповъ, казач. полк. командиръ, стр. 243, 269, 306.
- Карсъ, тур. крѣп., стр. 185, 195, 201, 324.
- Карссскій пашалыкъ, стр. 245.
- Карталинская дистанція, стр. 252.
- Каспійское море, стр. 208.
- Каспійскій морской баталіонъ, стр. 91.
- Катвартъ графъ, англійскій посолъ въ Петербургѣ, стр. 11, 12.
- Кахетія, стр. 142, 252, 253.
- Келбала-хавъ (нахичеванскій), ослѣпленный за преданность Россіи, стр. 286.
- Келболай-султанъ, старшина Шадинскаго племени, стр. 258.
- Келлеархъ, дер., стр. 312, 313.
- Кербелай, свящ. гор. магометанъ-шинтовъ, стр. 35.
- Керманъ, гор. и обл., стр. 4, 6.
- Кягачъ, см. Кайгачъ.
- Кирилль, тайн. сов., стр. 195.
- Кирсановъ, майоръ, стр. 126.
- Киселевъ, генер., нач. штаба фельдм. Витгенштейна, стр. 125.
- Кифала, неизв. личность, стр. 21.
- Клюкка, майоръ, стр. 111, 112.
- Коды, урочище, стр. 63.
- Коваловскій пѣх. полкъ, стр. 226 (прил.), 278.
- Ковалучай или Куалучай, р., стр. 118, 125, 237, 238.
- Колпи, иначе Кулпи, деревня, соляныя копи, прилож. стр. 251 и текста стр. 311—313.
- Комаровскій графъ, генер., стр. 215.
- Колованцынъ, декабристъ, стр. 210.
- Константинополь, стр. 124.
- Константинъ Павловичъ, великій князь, цесаревичъ, стр. 32, 36.
- Корольковъ, генер.-майоръ, стр. 155.
- Костинъ, казач. полк. командиръ, стр. 155.

- Котляревскій, генералъ, побѣдитель въ 1812 г. при Асландузѣ и Ленкоранѣ, стр. 2, 6, 8, 9, 23, 76.
- Коцебу, полковн., стр. 211.
- Коцебу, поручикъ, стр. 261.
- Краббе, генер.-маіоръ, командиръ 1-й бриг. 21-й пѣх. дивизіи, стр. 51, 90—92, 117, 121.
- Красовскій, генер.-лейтен., стр. 248, 267, 270—272—275, 296, 301—304—307, 309, 310, 315, 320, 324, 329.
- Крымскій пѣх. полкъ, стр. 135, 171, 254, 267.
- Куба, гор., стр. 51, 235.
- Кубань, р., стр. 174.
- Кубинское ханство, —ская область, стр. 50, 88, 90, 184, 253.
- Кулли, см. Коппи.
- Кульмское сраженіе, стр. 228.
- Кура, р., стр. 69, 91, 92, 118, 132, 138, 140, 160, 166, 209, 234, 235, 252.
- Куракчай или Куру-чай, р., —скій лагерь, стр. 75, 76, 81 и прил. стр. 226.
- Куринскій пѣх. полкъ, стр. 51.
- Куртинцы, —тинская конница, стр. 233, 243.
- Куру-чай, см. Куракчай.
- Кюхельбекеръ, декабристъ, стр. 216.
- Ленкоранъ, гор., стр. 2, 34, 50.
- Ленкоранское укрѣпленіе, стр. 90.
- Леоновъ, казач. полк. командиръ, стр. 269.
- Ливденфельдъ, подполк., стр. 296.
- Литовъ, инженеръ-полковн., стр. 32, 211, 280.
- Лори, сел., разоренная крѣпость въ Грузіи, стр. 85, 87, 160, 163.
- Лорійская степь, стр. 84.
- Лорійскій магазинъ, стр. 223, 230.
- Лори, персидск. крѣп., стр. 142.
- Луковничъ, казач. полк. командиръ, стр. 172.
- Лутфъ-Али-ханъ, шахъ изъ династіи Зувидовъ, стр. 4.

М.

- А.**
- Ладисскій, полковн., стр. 30.
- Ланн, сел., стр. 132.
- Ламсдорфъ графъ, адъютантъ Паскевича, стр. 123, 124.
- Лантевъ, ген.-маіоръ, стр. 303, 304, 328.
- Лейбъ-Гвардія сводный полкъ, стр. 86, 88, 267, 268.
- Леманъ, полковн., стр. 320.
- Лемкины, подпор., стр. 330.
- Магметъ - Гуссейнъ - мирза, военачальн., стр. 297.
- Магометь-ханъ, братъ Аги-Магомета, стр. 4.
- Мадатовъ ян, ген.-маіоръ, вполн. генер.-лейт., стр. 28 — 31, 40, 51—53, 58—66, 72—74, 79, 80, 84, 97—107, 112, 123, 133, 141—143, 145, 146, 154, 159, 163, 164, 167, 168, 190, 213, 214, 224, 228, 233, 236, 228.
- Мазавдеранъ, обл., стр. 3, 221.
- Мазаровичъ, ст. сов., дипломат. агентъ, повѣренный въ дѣлахъ, стр. 24, 38.
- Макдональдъ, англійск. уполномоч. въ Персію, стр. 290.
- Макъ или Маку-магалъ, урочище, стр. 281, 306.
- Малый-Караванъ, сел., стр. 37.
- Малькольмъ, см. Джонъ Малькольмъ.
- Мамедъ (Мегметъ) Али-мирза (или ханъ), перс. принцъ, стр. 7, 16—19, 21, 22, 24.
- Мамедъ-Вали-мирза, перс. принцъ, стр. 7, 22.

- Мамедъ-мирза, старшій сынъ Аббаса-мирзы, стр. 52.
- Мамедъ (Махметъ)-Эмиръ-ханъ, ваять шаха и начальникъ его гвардіи, стр. 279, 286.
- Мараджа, перс. гор. и ханство, стр. 122.
- Мараджскій ханъ, стр. 329.
- Мареліанъ или Марвліанъ, — ская переправа, бродъ, стр. 107, 109, 118, 125—126, 128, 238.
- Меликъ-Калумъ-мирза, предводит. отряда перс. войскъ, стр. 285.
- Меньшиковъ кн., свиты Е. В. ген.-маіоръ, стр. 5, 34—37, 47, 48, 78, 79, 85.
- Мехти-Кули-ханъ, бывш. владѣтель Карабага, стр. 29, 262.
- Михаилъ Павловичъ, вел. князь, стр. 135.
- Мищенко, маіоръ, стр. 234 (прил.).
- Мирза-Абдулъ-Гассанъ-ханъ, уполномоч. посолъ и министръ иностранныхъ дѣлъ шаха, стр. 11, 12, 26.
- Мирза-Сале или Салегъ, перс. чиновникъ, стр. 292, 297, 298.
- Миракъ, урочище, стр. 32, 37, 39, 87.
- Мировъ, колл. асс., гл. отрядный (въ отрядѣ Бенкендорфа) штабъ-лекаръ, стр. 235 (прил.).
- Миръ-Семдъ-Магометъ, шейхъ, стр. 35.
- Машкинъ, перс. гор., стр. 165.
- Мишо, генер., стр. 83, 247, 248.
- Мищенко, полковн., командиръ Апшеронскаго пѣх. полка, стр. 51, 90, 92, 118, 119, 129.
- Мюнсаровъ, библиогр. Кавказа, стр. 222.
- Мокъевъ, приставъ, стр. 28
- Москва, стр. 1, 2, 33, 46, 47, 49, 54, 77, 81, 146, 173, 177.
- Муганлы, - о, сел., стр. 58, 62.
- Муганская степь, Муганъ, стр. 92, 133, 142, 145, 159, 292.
- Муравьевъ-Апостолъ, командиръ возмущившагося Черниговскаго полка, стр. 173.
- Муравьевъ (Карскій), *Никол. Никол.*, полковн., командиръ 7-го караб. полка, помощн. начальникъ корп. штаба, авторъ изданныхъ въ «Р. Архивѣ» записокъ, стр. 28, 29, 31, 43, 47, 48, 71, 87, 100, 108, 112, 136, 148, 182, 192, 209, 210, 212, 217, 218, 228, 229, 248, 295, 306.
- Мустафа-ханъ, бывш. владѣтель Ширванскій, стр. 28, 50, 51, 89—92, 114, 117, 118, 120.
- Муханать-топа, курганъ, стр. 321, 323.
- Мушъ, перс. гор., стр. 184, 185.

Н.

- Наги-ханъ, старшина карапахскій стр. 260, 275.
- Назика, подполковн. 42 егерскаго полка, стр. 40, 109.
- Нарвезъ или Нарсезъ и Нарцезъ, армянскій архіепископъ, стр. 219, 220, 233 и прил. стр. 235, 239, 245, стр. 273, 312.
- Нахичевань, — ъ, гор., — ская обл., стр. 13, 122, 165, 166, 200—202, 204, 205, 207, 208, 214, 219, 221, 234, 235, 238, 239, 246, 247, 252, 256, 259, 266, 267, 272, 273, 276, 281, 293, 294, 296, 297, 319.
- Нашебургскій пѣх. полкъ, стр. 226 (прил.).
- Навъръ (или Назаръ)-Али-Ханъ Мараджы, баталіонный командиръ сарбазовъ, стр. 53.

Неболсизъ, генер., предводитель
русскаго отряда въ сраженіи при
дер. Кара-Багъ (1808 г.), стр.
264.
Нессельроде графъ, министръ ино-
странныхъ дѣлъ, стр. 2, 11, 12,
15—21, 23—25, 38, 43, 78, 79,
183, 248—250, 267, 291.
Нижегородскій драгунскій полкъ, стр.
58, 63, 65, 71, 74, 135, 250,
269, 278, 283, 298, 306.
Николай I Павловичъ, императоръ,
стр. 2, 32—34, 38, 40, 54, 83,
169, 173.
Новая Шемаха, см. Акъ-Су.
Новочеркасскъ, гор., стр. 171.
Нуралы, бекъ, стр. 126.
Нуха, гор., стр. 28, 89, 137.

О.

Обресковъ, д. с. с., нач. канцеля-
ріи Паскевича по сношеніямъ
вышнимъ, стр. 248—249.
Огурлу-ханъ, см. Угурлу-ханъ.
Оксаи, р., стр. 174.
Опперманъ графъ, гвардіи (Измай-
ловскаго полка) поручикъ, адъютантъ
Паскевича, стр. 46, 123,
124, 168.
Орденъ св. равноапостольнаго князя
Владимира 1-й степени, стр. 309.
Орденъ св. Георгія Побѣдоносца 2-й
степени большаго креста, стр.
330.
Оржицкій, декабристъ, стр. 215.
Османъ, карскій паша, стр. 185.
Остенъ-Сакенъ, баронъ, генер.-май-
оръ, стр. 293, 294, 297.
Отрада, артилл. прапорщ., стр.
234 (прил.).

П.

Памба, урочище, стр. 246.
Панкратьевъ, ген.-майоръ, командиръ
2-й бр., 20-й пѣх. див., стр.
234 237—239, 247, 277.
Парнаутъ, стр. 165.
Паскевичъ, *Иванъ Федоровичъ*. При-
ѣздъ въ Тифлясъ, стр. 54. Наз-
наченіе командиромъ отряда дѣй-
ствующихъ противъ персіянъ
войскъ, стр. 58. Выѣздъ изъ Тиф-
лиса, стр. 61. Сборъ отряда и
форсированный маршъ къ Ели-
заветполю, стр. 62—64. Выѣздъ
въ Елизаветполь, стр. 65. Приго-
товленія къ бою, стр. 66 — 68.
Сраженіе подъ Елизаветполемъ,
стр. 69—73. Преслѣдованіе раз-
битаго на голову неприятеля, стр.
74. Лагерь на Буракчаѣ, стр. 76.
Монаршее благоволеніе и украш.
алмазами шпага съ надписью: «за
пораженіе персіянъ при Елиза-
ветполѣ», стр. 83. Стоянка лаге-
ремъ у р. Черекени, стр. 98—
124. Движеніе за Араксъ, стр.
125—129. Возвращеніе въ лагерь
у р. Черекени, стр. 130. Лагерь
у Сардоба на берегу Куры, стр.
132. Расформированіе отряда и
распущеніе войскъ на зимнія квар-
тиры, стр. 133. Инспекторскіе
смотри, стр. 134—136. Возвра-
щеніе въ Тифлясъ. Планъ буду-
щей кампаніи, стр. 164—166.
Занятія по обмундированію и
строевому обученію войскъ. За-
писка о необходимости выяснитъ
степень готовности комиссаріат-
ской, артиллерійской, инженерной
и медицинскій частей предзна-
ченныхъ къ выступленію отря-
довъ, стр. 210—212. Назначеніе
командиромъ отдѣльнаго кавказ-
скаго корпуса и начальникомъ

- краи, стр. 224—226. Заботы и распоряженія по снабженію дѣйствующихъ отрядовъ продовольствіемъ, стр. 251—253. Прибытіе къ главнымъ силамъ арміи, стр. 254. Выступленіе съ авангардомъ къ Эчмиадзину, стр. 255. Рекогносцировка Эриванской крѣпости, стр. 262—263. Намѣреніе снять осаду Эривани, стр. 266. Сборы въ походъ къ Нахичевани, стр. 267—269. Инструкція блокирующему Эриванъ генер.-лейтенанту Красовскому, стр. 270—273. Движеніе съ главными силами къ Нахичевани, стр. 273—276. Рекогносцировка и осада Аббасъ-Абада, стр. 278—281. Переправа черезъ Араксъ, стр. 282. Джаванъ-Булахская битва и пораженіе арміи Аббасмиры, стр. 283—284. Возвращеніе въ лагерь подъ Аббасъ-Абадомъ, стр. 285. Бомбардировка и занятіе Аббасъ-Абада, стр. 286—287. Учрежденіе въ Нахичеванской области новаго управленія, стр. 293. Карабабскій лагерь, стр. 296—299. Движеніе къ Джангильскому лагерю и въ Эчмиадзинъ на выручку Красовскаго, стр. 305—309. Пожарованіе ордена св. равноапостольнаго кн. Владиміра 1-й степени, стр. 309 и прил. стр. 250. Движеніе къ Сардаръ-Абаду, осада и занятіе Сардаръ-Абадской крѣпости, стр. 312—318. Выступленіе къ Эривани, стр. 319. Рекогносцировка, осада и бомбардированіе Эривани, стр. 321—327. Взятіе Эривани, стр. 328—331. Пожарованіе ордена св. Георгія Побѣдосца 2-й степ. большаго креста, стр. 330 текста и 263 прилож.
- Паскевичъ, Ф. И., стр. 236.
Персидскій заливъ, стр. 3.
Персія, стр. 2, 5—15, 18—21, 23—34, 38, 41, 42, 50, 78, 81, 82, 87, 88, 95, 97, 113, 120, 122, 126, 128, 131, 137, 141, 159, 160, 183—185, 188, 205, 219, 221, 233, 249, 263, 290, 292, 299.
Петербургскій пѣх. полкъ, стр. 278.
Петербургъ, стр. 2, 3, 9—11, 18, 21, 23, 26, 57, 81, 120, 129, 150, 157, 167, 170, 190, 203, 206, 222, 236, 295.
Пираванъ или Пиразы-скій пров. магазинъ, стр. 140, 234, 235 и прил. стр. 227.
Погодинъ, біографъ Ермолова, стр. 32.
Погодинъ, М. П., стр. 318.
Покрова Пресвятыя Богородицы день, стр. 330.
Полѣновъ, майоръ, стр. 126.
Поповъ, полковн., стр. 72.
Прозоровскій кн., генералъ-фельд-маршалъ, стр. 55, 56, 149, 236, 247.
Пуцинъ, М. И., декабристъ (его записки), стр. 215, 230.

Р.

- Раевскій, полковн., стр. 139, 320.
Редутъ-Кале, стр. 167.
Реутъ, полковн., командиръ 41-го егерскаго полка, стр. 30, 40—42, 105, 109—113, 115, 133, 155.
Риза-Кули-ханъ, братъ Иманла-хана Аѣрюмскаго, стр. 312.
Риза-ханъ (таврискій), стр. 279.
Ровень баронъ, д. с. с., стр. 171, 172.
Ровень баронъ, генералъ, стр. 317.

- Россія, стр. 2, 5—7, 9—13, 15, 18—21, 23, 26, 28, 29, 31, 35, 36, 42, 43, 45, 52, 57, 67, 88, 89, 96, 121, 122, 124, 134, 141, 143, 145, 148, 149, 156, 173, 190, 204, 222, 224, 227, 228, 250, 253, 286, 290, 297, 300.
 Ртищевъ, генералъ, стр. 9, 13, 29.
 Рудневичъ, генералъ, стр. 1.
 «Русская Старина», историч. журналъ, ссылки въ разныхъ мѣстахъ.
 «Русскій Архивъ», историч. журналъ, ссылки въ разныхъ мѣстахъ.
- С.**
- Садагъ-Хачъ, урочище, стр. 37.
 Сала-оглы, сол., стр. 62.
 Сале, Салегъ, см. мѣрва Сале.
 Сакенъ, см. Остенъ-Сакенъ.
 Сальянскія ватаги, стр. 67.
 Самаркандъ, стр. 8.
 Самхетія, —ская дистанція, стр. 252, 253, 300, 301, 320.
 Сандаравъ или Сандарахъ, дер., стр. 274, 308.
 Сара, остр. на Касп. морѣ, стр. 50.
 Саратовская губ., стр. 117.
 Сарбанлатка, дер., стр. 261.
 Сардаръ-Абадъ, крѣп., стр. 86, 122, 162, 163, 224, 233, 240, 241, 243, 244, 256, 260—262, 264, 266, 270, 290, 296, 301, 308, 310—314, 316, 318, 320—322, 330.
 Сардобъ или Зардобъ, сел., стр. 132, 134, 138, 209, 235, 252, 253 и прил. стр. 227, 228.
 Севарсемиде или Севарсемиде-въ, князь, полковн., командиръ 3-го Караб. полка, стр. 30, 37, 183, 185, 201, 231, 241, 244, 245, 265.
 Севастопольскій пѣх. полкъ, стр. 232, 254, 267, 271, 328.
 Селимъ-ханъ (шекинскій), прил., стр. 86.
 Семѣевъ архивъ кн. Паскевича, ввлеченія на разныхъ страницахъ текста и въ приложеніяхъ къ сему тому.
 Сергѣевъ, казач. полк. командиръ, стр. 155, 268.
 Серпуховскій уланскій полкъ, стр. 268.
 Сигнаксскій уѣздъ, стр. 235.
 Симоничъ гр., подполков., командиръ Грузинскаго грен. полка, впоследствии посланникъ въ Персію, авторъ записокъ о персидской кампаніи, стр. 28, 43, 50, 53, 65, 68, 71, 73, 76.
 Сипягинъ, *Никол. Мартын.*, ген.-адъютантъ, стр. 228, 229, 272, 300, 310, 320.
 Ставрополь, главы гор. тогдашней Кавказской губерніи, стр. 170, 172.
 Старая Шемаха, гор., стр. 90, 91.
 Суавъ (Субланъ)-Кули-ханъ, комендантъ Эривани, стр. 264, 265, 273 и 260 (прилож.), стр. 314, 329.
 Судагентъ, иначе Суда-Кендъ, урочище, стр. 87, 231, 241, 255, 266, 270, 275, 296.
 Сулегинъ, стр. 246 (прил.).
 Султаніе, лѣтняя резид. шаха, стр. 34—36, 38.
 Сунджа, р., стр. 174.
 Сурхай, бывший ханъ Казанкумскій, стр. 51.
 Сухтелевъ графъ, ген. лейтен., генералъ-квартирмейстеръ, стр. 57, 58, 120—125, 147, 148, 156, 157, 166, 295, 312, 313, 316, 317, 329.

Т.

- Тавриятъ, перс. гор., стр. 14, 18, 34—36, 87, 93, 95, 119, 121, 122, 137, 139, 143, 144, 158—161, 164, 165, 168, 176, 178, 181, 200—202, 205—209, 214, 219, 220, 221, 234, 239, 247, 262, 272, 276, 305, 311.
- Тавриискій ханъ, стр. 329.
- Таганрогъ, гор., стр. 32.
- Талыши, стр. 320.
- Талышинское ханство, стр. 10, 12, 28, 34, 42, 50, 90, 93, 95, 159, 202, 208.
- Талышъ, —ъ, стр. 234 (прил.).
- Тарутино, лагерь, стр. 80.
- Тегеранъ, столица Персiи, стр. 8, 14—18, 24, 34, 35, 81.
- Тегеранскій трактатъ (Персiи съ Англіей) 14-го марта 1810 г., стр. 8.
- Терекъ, р., стр. 149.
- Тертерь, р., стр. 65, 76, 79, 102.
- Тифлисъ, гл. гор. Грузiи, стр. 17, 23, 24, 30, 36, 44, 49, 54, 55, 59, 61, 64, 66, 69, 76, 78, 79, 81, 86, 87, 89, 94, 99, 104, 106—107, 111, 112, 123, 133—135, 142, 145—147, 150, 155, 157, 160, 166, 170—172, 175—177, 182, 183, 185, 186, 189, 192, 195, 196, 198—200, 203, 204, 206, 212, 217, 224, 225, 228, 229, 230, 233, 235, 239, 246, 250, 253, 265, 272, 296, 310.
- Тифлисскiй гренадерскiй полкъ, стр. 231, 232, 243, 244, 258, 269.
- «Тифлисскія Вѣдомости», стр. 251.
- Толышинъ, штабсъ-ротм., адъютантъ Ермолова, стр. 173, 175.
- Толстой графъ, *Петръ Александръ*, дежурный генералъ, стр. 181, 185, 195, 213, 224.
- Толстой графъ, ротмистръ, флигель-адъютантъ, стр. 243.
- Толыши, урочище, стр. 267.
- Тормасовъ, генералъ, стр. 193.
- Тоуза, —скiй вѣсть, стр. 62, 78.
- Трусонъ, инженеръ ген.-майоръ, стр. 265, 273, 316, 325.
- Тургончай, постъ, стр. 140.
- Турція, стр. 124, 236, 247, 310, 320.

У.

- Угурлу-ханъ, стр. 36, прилож. № 5 къ гл. II, стр. 43, 78.
- Улаханлу, сел., стр. 261.
- Унталье, генералъ, начальникъ артиллерiи отд. кавказск. корпуса, стр. 210, 265.
- Урдабадъ, перс. гор., стр. 299.
- Усунъ-бекъ, управляющiй Кулпинскими солян. копями, стр. 312.
- Ушаганъ, —ы, стр. 302, 304, 307.
- Ушаганская позиція, стр. 303.

Ф.

- Фанагорiя, стр. 163.
- Фатъ или Фетъ-Али-ханъ, персидскiй шахъ изъ династiи Каджаровъ, стр. 4—7, 13, 15—18, 21, 31, 289.
- Фетъ-Али-ханъ, влукъ сардаря Эриванскаго, стр. 315.
- Фредериксъ или Фридериксъ баронъ, полковн., флигель-адъютантъ, стр. 138, 181.

Х.

- Хаджи-Ибрагимъ, первый министр шаха Али-Магомета, стр. 5.
- Халифаха, дер., стр. 320.
- Хамуцкiй (Хомутскiй?), майоръ 7-го

- караб. полка, стр. 234, 240
 (прил.).
 Хассанъ-Су, р, стр. 51, 63, 69,
 86, 94, 96.
 Хачинъ, мѣстечко, стр. 74, 81.
 Херсонскій пѣх. полкъ, стр. 51, 58,
 72—74, 119, 268, 297.
 Ховевъ, ген.-маіоръ, стр. 247
 (прил.).
 Хой, крѣп. въ Азербайджанѣ, ла-
 геръ, стр. 221, 238, 276, 281,
 282, 289—291, 294, 297, 301,
 319, 320, 324, 325.
 Хомутовъ, л.-гв. Преображ. полка
 полковникъ, временный коман-
 дантъ Сарларъ-Абада, стр. 255
 (прил.) и 319 (текста).
 Хомутскій, см. Хамуцкій.
 Хорасанъ, перс. область, стр. 5, 8.
 Хотевъ, ген.-маіоръ, стр. 221,
 238.
 Худо-аферианскій мостъ, —ская пере-
 права, стр. 115, 125, 165, 236—
 238, 262.
 Худоперяскъ, —скій, см. Худо-афе-
 рянскій.
 Хукъ (Хокъ), сел., стр. 275, 294.
 Хумлеръ, урочище, стр. 284, 308,
 319.
- Ц.**
- Цалка, крѣп., стр. 230, 320.
 Царскіе Колодцы, урочище, стр. 89,
 92.
 «Цеваръ» — наслѣдственное прозвище
 генерала Ермолова, стр. 57, 156.
 Цицпановъ кн., стр. 263.
- Ч.**
- Чавчавадзе кн., ген.-маіоръ, стр.
 155.
 Чаддыръ, гора, стр. 68.
 Чардахлы, урочище, стр. 162.
 Чарцы, см. Джарскіе легионы.
 Чевкинъ, поручикъ, стр. 329.
 Чеванъ оглы, стр. 184.
 Черекель, р., стр. 90, 98, 100,
 106—108, 114, 131, 140.
 Черниговскій полкъ, стр. 173.
 Черноморскіе конные полки, стр.
 216, 232.
 Чернышовъ, военный министръ, стр.
 195, 196.
 Чечня, стр. 33.
 Чинахчи, сел., стр. 30, 40, 109,
 113.
 Чоръ. перс. гор., стр. 275, 277,
 281, 289, 294, 297, 301, 306,
 314.
 «Чтенія въ Императ. Обществѣ
 истор. и древн.», ссылки въ раз-
 ныхъ мѣстахъ.
 Чугуевскій уланскій полкъ, стр.
 255 (прил.), стр. 306.
- Ш.**
- Шабельскій, полковн., высш. ген.-
 маіоръ, стр. 71, 126, 127, 155
 и стр. 236 (прилож.), стр. 317.
 Шадинское племя, стр. 258.
 Шакарлы, дер., стр. 126.
 Шамхоръ, р. и сел., стр. 51, 66,
 78, 108.
 Шамхорское дѣло, стр. 52, 59, 61,
 69, 104.
 Шамшадильская дистанція, стр. 85,
 253.
 Шамшевъ, казач. полк. командиръ,
 стр. 140, 155, 267, 289, 306.
 Шарурскій округъ, стр. 306, 307.
 Шаруръ, стр. 319.
 Шахъ-Алей, сынъ послѣдняго вла-
 дѣтеля Кубы, стр. 51.
 Шахъ-Назаровы, стр. 29.
 «Шварцовская исторія», стр. 173.
 Шевцовъ, подполк. Кабардинскаго
 полка, стр. 173.

- Шекинское ханство,—ая обл., стр. 10, 28, 50, 88, 90, 92, 140, 165, 234, 247, 252.
- Шекульванцы, стр. 92.
- Шемаха, см. Новая или Старая Шемаха.
- Шериф-ага Магабертский, турецкий разбойник, стр. 243 (прил.).
- Шиповъ, полковн., командиръ д.-гв. своднаго полка, стр. 267, 268, 328.
- Ширванскій ханъ, см. Мустафаханъ.
- Ширванскій пѣх. полкъ, стр. 62, 71, 75—76, 86, 89, 109, 126, 230, 240—243, 256, 258, 269, 306.
- Ширванское ханство, Ширванъ, стр. 10, 28, 29, 42, 50, 88, 90, 92, 95, 115, 117, 120, 122, 130, 132, 133, 137, 140, 159, 160, 165, 234, 235, 247, 252, 253.
- Шивтияковъ, майоръ, стр. 280.
- Шукур-ханъ Шахсаванскій, стр. 220.
- Шулаверы, урочище, стр. 200, 214, 223, 232, 250, 252—254, 271, 272.
- Шуша, крѣп., стр. 31, 39, 41, 42, 49, 52, 54, 58, 59, 64, 96, 97, 103—106, 109—116, 120, 130, 132, 133, 163, 200—202, 235.
- Шокюръ-ага, начальникъ шекульванцевъ, стр. 92.
- Эрзерумъ, тур. гор. и крѣп., стр. 85, 185, 195.
- Эриванская область,—ское ханство, стр. 17, 87, 121, 122, 159, 160, 163, 185, 202, 205, 208, 214, 218, 221, 223, 229, 231, 247, 248, 256, 263, 275, 276, 290, 293, 297, 310, 312, 322, 324.
- Эриванскій отрядъ, стр. 161, 162, 266, 267, 269, 272.
- Эриванскій сардаръ, стр. 37, 69, 84, 85, 86, 108, 265, 296.
- Эриванъ, перс. крѣп., стр. 13, 36, 49, 51, 82, 86—88, 116, 121, 122, 137—139, 158, 160, 162, 163, 166, 201, 202, 204, 209, 214, 219—221, 223, 224, 233, 238—240, 243, 244, 247, 251, 256—259, 262—266, 270, 272, 273, 296, 301, 306, 308, 310, 311, 314, 316—319, 321—324, 326—328, 330, 331.
- Эристовъ кн., ген.-лейтенантъ, стр. 142, 157, 269, 283, 299, 306, 319, 325.
- Эхсанъ-ханъ нахичеванскій, стр. 299.
- Эчмиадзинъ, армянскій монастырь, стр. 87, 163, 201, 205, 214, 223, 231—233, 239—246, 252, 253, 255, 256, 260, 262, 266, 270, 271, 296, 301—307, 309, 311, 313, 319.
- Эчмиадзинскій отрядъ, гарнизонъ, стр. 307, 309.

Э.

- Эмануэль, генер.-лейтенантъ, военн. губерн. въ Ставрополѣ, стр. 272.
- Эмиль-ханъ нахичеванскій, стр. 279.
- Эвезли, перс. портов. гор. у Каспійскаго моря, стр. 13, 207, 208, 221.
- Эисгольмъ, полковн., стр. 211.

Ю.

- Юдинъ, майоръ Ширв. пѣх. полка, стр. 102, 126, 241, 258.

Я.

- Якубовичъ, декабристъ, стр. 216.
- Ярославъ, гор., стр. 229.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Страница.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть.</i>
90	3 снизу	Кубанскаго отряда	Кубинскаго отряда
133	выноска **)	древностей московскихъ	древностей россійскихъ.
213	3 снизу	Джеванъ-оглу	Джелаль-оглу
216	9 снизу	дасть поводъ	даетъ поводъ
272	3 снизу	конвоирокъ	конвоировокъ
54 (Прилож.)	17 сверху	Boyard	Вуyard
130 (Прилож.)	12 снизу	Ropp	Rapp
281	3 снизу	изъ Меку-Магала	изъ Маку-Магала
296	6 сверху	Джакшли	Джангили
323	11 снизу	Муханать-тапы.	Муханать-топы.

ВЪ ПРОДАЖЪ ИМЪЕТСЯ:

ТОМЪ I

1782—1826 гг. Съ портретомъ и 23 планами и картами.

1888 г. Цѣна 6 руб.

ЦѢНА

СЪ 8 КАРТАМИ И ПЛАНАМИ

5 РУБ.

ТИПОГРАФІЯ ЛИТОГРАФІЯ

ПОСТАВЩИКА ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

С.Петербургъ.

Р. ГОЛИНЕ.

Троицкая, 18.